ИСТОРІЯ

КАЗАНСКОЙ ДУХОВНОЙ АКАДЕМІИ

ЗА ПЕРВЫЙ (ДОРЕФОРМЕННЫЙ) ПЕРІОДЪ ЕЯ СУЩЕСТВОВАНІЯ (1842—1870 ГОДЫ.)

П. Знаменскаго.

КАЗАНЬ.
Типографія Императорскаго Университета.
1891 г.

ИСТОРІЯ

КАЗАНСКОЙ ДУХОВНОЙ АКАДЕМІИ

ЗА ПЕРВЫЙ (ДОРЕФОРМЕННЫЙ) ПЕРІОДЪ ЕЯ СУЩЕСТВОВАНІЯ (1842—1870 ГОДЫ.)

П. Знаменскаго.

КАЗАНЬ.
Типографія Императорскаго Университета.
1891 г.

Печатать дозволяется. Ректоръ Академіи протоіерей **А. Владимірскій.**

ИСТОРІЯ

КАЗАНСКОЙ ДУХОВНОЙ АКАДЕМІИ

ЗА ПЕРВЫЙ (ДОРЕФОРМЕННЫЙ) ПЕРІОДЪ ЕЯ СУЩЕСТВОВАНІЯ (1842—1870 годы).

Выпускъ I.

ОГЛАВЛЕНІЕ I ВЫПУСКА.

	Стран.
Предисловіе	V— X.
Открытіе казанской академіи	1— 23.

I.

Состояніе административной части въ академіи до 1870 г.

Административныя при ней учрежденія . . 25.

1) Внутреннее правленіе академіи.

Ректорство Іоанна Оболенскаго. Личность ректора Іоанна. Инспекторъ Серафимъ Аретинскій. Экономъ Аркадій Кречетовъ. Члены правленія по учебной части. Секретарь Д. Ѳ. Гусевъ. Помощникъ его Е. В. Зубковъ. Веденіе правленскихъ дѣлъ . 26— 47.

Ректорство Григорія Митькевича. Личность ректора Григорія. Секретари правленія. Дѣятельность Григорія по экономической части. Экономъ Аркадій. Помощникъ его діаконъ Пучковскій, въ монашествѣ Савватій. Дѣятельность ректора по учебной и нравственной части при преосвященномъ Владимірѣ и преосвященномъ Григоріи Постниковѣ. Инспекторъ Серафимъ и помощникъ его А. И. Беневоленскій. Инспекторъ Фотій и помощникъ его іеромонахъ Серафимъ Протопоповъ. Инспекторъ Макарій Малиновскій. Помощникъ его И. П. Гвоздевъ. Выходъ ректора Григорія изъ академіи и его дальнѣйшая судьба . 47— 87.

Стран.

Ректорство Парѳенія Попова. Его личность. Дѣятельность по правленію. По экономической части. Экономы. Дѣятельность ректора по учебной части. По части нравственной. Продолженіе инспекторства Макарія. Помощникъ инспектора іеромонахъ Веніаминъ Благонравовъ. Инспекторъ Паисій Пылаевъ. Выходъ Парѳенія изъ академіи . . . 87—104.

Ректорство Агаѳангела Соловьева. Его личность. Правленскія дѣла. Секретари. Часть экономическая. Экономъ Филаретъ. Состояніе учебной части. Разширеніе академическаго курса. Увеличеніе учебныхъ пособій. Академическій журналъ. Отношенія ректора къ студентамъ. Инспекторъ Серафимъ Протопоповъ. Инспекторъ Ѳеодоръ Бухаревъ. Помощники инспектора Веніаминъ и Діодоръ Ильдомскій. Ослабленіе дисциплины. Выходъ изъ академіи ректора и его судьба . . . . . 104—136.

Ректорство Іоанна Соколова. Его личность и первыя дѣйствія. Манера администраціи. Секретари. Состояніе экономической части. Дѣло объ увольненіи эконома Филарета. Его преемникъ баккалавръ Я. В. Рудольфовъ. Дѣятельность Іоанна по учебной части. Реформаторство въ ней. Разладъ съ наставниками. Ихъ коллективная жалоба на ректора оберъ-прокурору. Отношенія къ студентамъ . . . . . 136—176.

Продолженіе того же ректорства. Отношенія ректора къ инспекціи. Инспекторъ Ѳеодоръ. Помощникъ инспектора іеромонахъ Григорій. Судьба Ѳеодора Бухарева и состояніе инспекціи послѣ него. Инспекторъ архимандритъ Филаретъ Филаретовъ и его столкновеніе съ ректоромъ Іоанномъ. Инспекторъ Веніаминъ Платоновъ. Разстройство дисциплины между студентами . . . . . 176—193.

Дѣло о панихидѣ по Безднинскимъ крестьянамъ и его слѣдствія для начальства академіи и самой академіи. Послѣдніе годы ректорства Іоанна, его отбытіе изъ академіи и послѣдующая судьба. Смѣна инспектора Веніамина . . . . . 193—215.

Стран.

Ректорство Иннокентія Новогородова. Инспекторъ Веніаминъ Быковскій. Личность и характеръ административной дѣятельности Иннокентія. Дѣятельность по экономической части. Дѣло объ арендѣ возобновленныхъ зданій казанской семинаріи. Экономъ Рудольфовъ и дѣло по казеннымъ на него начетамъ при экономѣ іеромонахѣ Григоріи. Экономъ священникъ Полетаевъ. Отношеніе ректора Иннокентія къ учебной части въ академіи. Часть нравственная. Отношенія ректора къ студентамъ. Инспекторъ архимандритъ Владиміръ Никольскій. Смерть архимандрита Иннокентія и окончаніе тяжелаго времени для академіи. Ревизія академіи 1868 г. и начало ея обновленія. . . . . 215—251.

Ректорство Никанора Бровковича. Его личность и отношенія къ академіи. Отношенія къ студентамъ. Выходъ изъ академіи инспектора Владиміра. Инспекторъ проф. Гвоздевъ. Правленскія дѣла. Экономъ священникъ Соколовъ. Дѣло по дровяному подряду. Улучшеніе внѣшности академіи. Высочайшія посѣщенія академіи . . . . . 251—273.

II) Академическая конференція.

Значеніе старыхъ академическихъ конференцій и его подрывъ реформой графа Протасова. Члены казанской академической конференціи въ разное время. Дѣлопроизводство. Секретари . . . . . 273—284.

Дѣятельность конференціи: 1) по временнымъ порученіямъ и вопросамъ, въ томъ числѣ по вопросу о преобразованіи академій, 2) по постояннымъ дѣламъ: цензурный комитетъ при академіи, производства въ ученыя степени. Академическіе акты 8 ноября. Праздникъ 25-лѣтія академіи . . . . 285—320.

III) Внѣшнее или окружное правленіе.

Значеніе внѣшнихъ академическихъ правленій. Личный составъ окружнаго правленія казанской академіи. Его округъ. Дѣла по неуваженію въ немъ власти правленія. Административная дѣя-

Стран.

тельность правленія: по учебной части въ округѣ, по наблюденію за службой лицъ, служившихъ въ округѣ, по экономической части учебныхъ заведеній. Распоряженія по округу послѣ пріемныхъ экзаменовъ новыхъ студентовъ. Ревизіи по округу . . 320—342.

Ревизіи чрезвычайныя и слѣдственныя дѣла по округу. Дѣла по распрямъ между семинарскими начальствами и мѣстными архіереями. Дѣла о неуваженіи учителей къ начальству. Дѣла политическаго характера. Сокращеніе вѣдомства окружнаго правленія. Канцеляризмъ въ дѣлопроизводствѣ правленскихъ дѣлъ. Канцелярія. . . . . 342—374.

Ревизіи академіи . . . . . 374—380.

Въ пятьдесятъ лѣтъ своего существованія (1842—1892 г.) казанская духовная академія пережила уже два академическихъ устава и переживаетъ третій. Отъ того ея исторія ясно дѣлится на три періода: 1) при дѣйствіи стараго академическаго устава 1814 г. до преобразованія ея въ 1870 г., 2) послѣ преобразованія при дѣйствіи устава 1869 г. до 1884 г., и 3) текущій періодъ при дѣйствіи настоящаго устава. Издаваемая теперь исторія обнимаетъ собою одинъ первый изъ перечисленныхъ періодовъ ея исторической жизни съ 1842 по 1870 годъ.

Время это на столько уже далеко отъ насъ, что мы имѣемъ, кажется, полную возможность взглянуть на него съ настоящей исторической точки зрѣнія. Всѣ специфическія принадлежности и черты тогдашней академической жизни, строй администраціи, строй курса, матеріальная обстановка жизни, дисциплинарный строй студенческаго общежитія, — все это измѣнилось теперь до неузнаваемости и въ прежнемъ своемъ видѣ еще съ 1870 года почти разомъ сдано въ архивъ исторіи. Измѣнились и люди; многіе воспитанники и дѣятели дореформенной академіи благополучно здравствуютъ и доселѣ, но болѣе, чѣмъ въ 20 лѣтъ, на столько успѣли постарѣть и умудриться житейскими опытами, что вѣроятно всѣ уже смотрятъ на свои дѣла и на самыя свои личности того времени объективными глазами, какъ на нѣчто для нихъ теперь постороннее, что́ уже для нихъ прошло и надъ чѣмъ они давно уже духовно возвысились. Субъективность историка этой старой академической жизни, которую онъ когда-то и самъ переживалъ, можетъ выразиться не столько въ его отношеніи къ ея общему строю и теченію, сколько развѣ въ нѣкоторыхъ излишествахъ разсказа, свойственныхъ всѣмъ авторамъ мемуаровъ, въ излишнемъ увлеченіи знакомыми и еще слишкомъ живыми въ душѣ его образами, до которыхъ другимъ, можетъ

быть, нѣтъ никакого дѣла, и въ невольномъ выраженіи до сихъ поръ все еще не пережитыхъ личныхъ симпатій и антипатій. Но такая субъективность еще не большая бѣда. Соединеніе исторіи съ мемуарами можетъ имѣть и свою прелесть, и свое даже научно-историческое достоинство, которое будущій, болѣе поздній по времени и болѣе научный по своему образованію историкъ академіи можетъ найти для себя даже особенно цѣннымъ.

Авторъ предлагаемаго труда, порученнаго ему къ пятидесятилѣтнему юбилею академіи, первоначально думалъ выполнить его съ помощью извѣстныхъ шаблоновъ, какіе обыкновенно употребляются для подобнаго рода юбилейныхъ исторій, но, занявшись изученіемъ своихъ матеріаловъ, нашелъ въ нихъ столько интереснаго и важнаго, достойнаго болѣе серьезной исторической работы, а вмѣстѣ съ тѣмъ и самую работу въ такомъ историческомъ родѣ призналъ на столько уже возможною въ настоящее время, что очень скоро совершенно отказался отъ своего первоначальнаго намѣренія.

Жизнь нашихъ дореформенныхъ академій до сихъ поръ еще очень мало извѣстна и еще менѣе исторически осмыслена, не смотря на то, что предъ нами имѣются на лицо представители болѣе половины учившихся въ нихъ курсовъ. Не имѣя въ своей жизни никакихъ поводовъ серьезно поразмыслить о сущности своей просвѣтительной организаціи, академіи эти жили, можно сказать, безсознательно, жизнью непосредственной. Начальство въ первый разъ заставило ихъ подумать о самихъ себѣ только въ концѣ 1860-хъ годовъ передъ самой ихъ реформой, предложивъ имъ высказаться, какихъ бы перемѣнъ въ своей организаціи онѣ сами себѣ пожелали, и изъ представленныхъ тогда ими проектовъ преобразованій до очевидности ясно обнаружилось, что онѣ еще никогда объ этомъ серьезно не думали, хотя и много жаловались на свои тяготы, и не составили себѣ по этой части никакихъ твердыхъ и ясныхъ взглядовъ и убѣжденій,—до такой степени проекты эти были мелки и непосредственны. Такой же непосредственной и неосмысленной старая академическая жизнь осталась конечно и въ сохранившейся объ ней памяти современниковъ, а затѣмъ перешла отъ нихъ и въ представленія новыхъ людей, не заставшихъ ея лично. На этомъ основаніи авторъ осмѣливается думать, что предпринятая имъ попытка исторически осмыслить дореформенную жизнь казанской академіи

будетъ не совсѣмъ излишня даже и въ томъ слабомъ видѣ, въ какомъ ему съумѣлось осуществить эту попытку, и во всякомъ случаѣ будетъ болѣе полезна (хоть бы даже и не положительно, а отрицательно), чѣмъ шаблонная юбилейная исторія, говорящая только о томъ, кто изъ членовъ академіи съ какого и до какого числа, мѣсяца и года „состоялъ“ при ней на службѣ.

Понятно, что для выполненія своей задачи автору нужнобыло заносить въ свою исторію не одни только юбилейные факты, но касаться и темныхъ сторонъ академической жизни. Касательно этихъ темныхъ сторонъ считаемъ нужнымъ высказать нѣсколько особыхъ объяснительныхъ словъ, имѣющихъ отношеніе именно къ казанской академіи. Ея раннее дѣтство и молодость, составляющія предметъ настоящаго нашего труда, прошли въ особенно печальной обстановкѣ, какой не знали другія академіи. Она вошла въ семью высшихъ духовно-учебныхъ заведеній какой-то нежеланной въ то время гостьей. Старшія сестры ея—другія академіи встрѣтили ее съ замѣтнымъ пренебреженіемъ. Противъ ея открытія было нѣсколько высшихъ нашихъ іерарховъ, въ томъ числѣ митрополитъ Филаретъ московскій, что̀ не могло не отозваться на ея судьбѣ нѣкоторой ея заброшенностью. Служба въ ней для болѣе видныхъ людей изъ монашествующихъ да отчасти и свѣтскихъ ученыхъ считалась унизительной, чѣмъ-то въ родѣ ссылки. Самое время появленія ея на свѣтъ было далеко не лучшимъ временемъ для духовно-учебныхъ заведеній; это было время начала ихъ упадка послѣ Протасовскихъ нововведеній, страшно исковеркавшихъ всѣ старые уставы духовныхъ школъ и введшихъ въ духовно-учебное вѣдомство новую административную организацію, основанную на чуждыхъ ему канцелярскихъ началахъ. Другія академіи знали лучшія времена; она же такого времени почти вовсе не знала. Вся исторія ея до самаго преобразованія въ 1870 г. была поэтому исторіей постепеннаго упадка стараго академическаго строя и быта. Въ послѣднюю половину этого періода къ печальнымъ явленіямъ такого упадка присоединилось еще все болѣе и болѣе возраставшее оскудѣніе и матеріальныхъ ея средствъ, закончившееся предъ временемъ преобразованія почти полнымъ хозяйственнымъ банкротствомъ, отъ котораго она только и спаслась, благодаря скорому назначенію новыхъ академическихъ окладовъ 1870 года.

Но при всѣхъ неблагопріятныхъ для нея условіяхъ она все-таки успѣла ярко засвѣтить у себя дорогую искру Божію, свѣточъ духовной науки, и свѣточа этого не могла загасить никакая окружавшая его тьма. Она выставила изъ своей среды цѣлый рядъ свѣтлыхъ именъ своихъ труженниковъ и питомцевъ и произвела такое почтенное количество плодовъ своей просвѣтительной дѣятельности, какое даетъ ей полное право на почетное мѣсто ничуть не ниже прочихъ владыкъ іудиныхъ. Эти свѣтлыя явленія ея жизни, оттѣняясь темными, становятся тѣмъ ярче, что они были самостоятельнымъ произведеніемъ ея собственной внутренней жизни, тогда какъ большая часть явленій темныхъ составляла лишь ея внѣшнюю, преимущественно административную и хозяйственную, обстановку и происходила отъ причинъ, отъ нея независящихъ.

Главнымъ матеріаломъ для автора служили дѣла академическаго архива. Мемуарами, которые всегда такъ поэтически оживляютъ оффиціальныя архивныя извѣстія, исторія казанской академіи не богата. Въ печати сюда относятся: нѣсколько некрологовъ; Воспоминанія Н. И. Ильминскаго о бывшемъ баккалаврѣ академіи А. А. Бобровниковѣ (Учен. Записки казанск. университета 1865 г.) съ живымъ очеркомъ академической жизни въ первые годы существованія академіи; Воспоминанія о казанской академіи 1852—1856 годовъ протоіерея А. А. Виноградова (въ Иркутскихъ епарх. Вѣдомостяхъ 1890 г. №№ 1 — 13 и отдѣльной брошюрой); статья проф. Н. Я. Аристова о ректорѣ Іоаннѣ Соколовѣ (въ Историч. Вѣстн. 1880 г. декабрь), и его же книжка: А. П. Щаповъ (Спб. 1883 г., печатавшаяся прежде статьями въ Историческомъ же Вѣстникѣ за 1882 г.), въ которыхъ помѣщено нѣсколько, впрочемъ крайне тенденціозныхъ и аляповатыхъ разсказовъ и характеристикъ изъ академической жизни конца 1850-хъ годовъ,—и только. Въ рукописяхъ авторъ имѣлъ у себя подъ руками: 1) письма одного студента VII курса къ своимъ домашнимъ за 1854 —1858 годы; эта огромная, еженедѣльная переписка, обнимающая всѣ мелочи академической жизни изо дня въ день черезъ всѣ 4 года академическаго курса, представляетъ драгоцѣннѣйшій и рѣдкій матеріалъ для исторіи академіи. Имени этого бывшаго студента авторъ не имѣетъ права объявлять, но считаетъ долгомъ искренно и болѣе всѣхъ другихъ обязательныхъ людей благодарить его за то трогательное

довѣріе, которымъ почтенъ отъ него чрезъ сообщеніе этой интимной семейной переписки. Въ текстѣ свѣдѣнія изъ этой переписки приводятся безъ цитатъ на ряду съ собственными сообщеніями автора. 2) Пять писемъ на родину студента XI курса, тоже не пожелавшаго открыть своего имени; 3) Воспоминанія о казанской академіи 1862 г., небольшаго объема и общаго содержанія, писанныя въ 1889 г. бывшимъ студентомъ академіи XI курса А. И. Бекрѣевымъ, перешедшимъ изъ академіи въ казанскій университетъ; 4) Записки о казанской академіи студ. XIII курса (1866 — 1870 г.) А. Л. Крылова, писанныя имъ по воспоминаніямъ въ 1881 г., довольно подробныя, хотя и не имѣющія свѣжести современнаго дневника; 5) Воспоминанія о миссіонерскомъ противомусульманскомъ отдѣленіи при академіи студента того же курса Н. П. Остроумова, писанныя уже въ 1891 г., которыми, поэтому, автору исторіи, уже закончившему свой трудъ, мало пришлось попользоваться.

За симъ слѣдуютъ уже одни собственныя воспоминанія автора, начинающіяся съ 1856 года, и устные разсказы студентовъ разныхъ курсовъ, съ которыми удалось ему видѣться въ Казани, въ Петербургѣ и во время путешествій по Волгѣ и Камѣ. Живымъ и неистощимымъ источникомъ устныхъ воспоминаній о жизни старой академіи и преимущественно по исторіи ея миссіонерскихъ отдѣленій послужили для него особенно сообщенія высокопочтеннаго ея дѣятеля Н. И. Ильминскаго, котораго, по живости и точности воспоминаній, можно назвать воплощенной лѣтописью академіи до 1870 г. Кромѣ перечисленныхъ письменныхъ сообщеній, авторъ получалъ еще кое-какія свѣдѣнія о судьбѣ бывшихъ воспитанниковъ академіи отъ нѣкоторыхъ частныхъ лицъ, въ томъ числѣ даже лицъ совершенно постороннихъ академіи. Почти всѣ этого рода свѣдѣнія, а также свѣдѣнія библіографическія онъ долженъ былъ собирать безъ всякой помощи оффиціальныхъ учрежденій, не откликнувшихся на его воззванія, исключительно самъ, своими одиночными силами и средствами. Естественно поэтому, что за вѣрность и особенно полноту нѣкоторыхъ такихъ свѣдѣній онъ не можетъ взять на себя полнаго ручательства.

Послѣдующіе періоды академической жизни послѣ 1870 г., по мнѣнію автора, пока еще не могутъ быть предметомъ изученія и изложенія вполнѣ историческаго; это время большею

частію еще доселѣ дѣйствующихъ учрежденій, живыхъ людей и текущихъ явленій, которое можетъ служить предметомъ только оффиціальнаго отчета.

Открытіе Казанской Академіи.

Вслѣдствіе важнаго просвѣтительнаго значенія Казани для восточной части Россіи, начало котораго восходитъ до XVI в., до времени великихъ казанскихъ чудотворцевъ, правительство еще за долго до открытія казанской академіи предназначило сдѣлать этотъ городъ средоточіемъ образованія духовнаго юношества для всего восточнаго края имперіи. Казанская семинарія, одна изъ самыхъ древнихъ въ Россіи, благодаря заботамъ объ ней ревностныхъ къ просвѣщенію казанскихъ святителей Луки Конашевича, Веніамина Григоровича и Амвросія Подобѣдова, во второй половинѣ XVIII в. достигла такого высокаго совершенства, что приравнивалась даже къ академіямъ — кіевской и московской и еще ранѣе всякихъ правительственныхъ распоряженій сдѣлалась мѣстомъ высшаго богословскаго образованія и разсадникомъ учителей для другихъ ближайшихъ семинарій.

Въ 1793—1795 гг. Св. Синодъ, озабоченный лучшимъ устройствомъ духовно-учебныхъ заведеній, предположилъ раздѣлить всѣ семинаріи на учебные округи, сосредоточивъ эти округи около окружныхъ академій. Въ это-то время впервые и предположено было возвести казанскую семинарію на степень академіи для восточнаго духовно-учебнаго округа; предположеніе это осуществилось въ 1798 г., въ царствованіе императора Павла I. Высочайшимъ указомъ отъ 18 декабря 1797 г. повелѣно было, сверхъ бывшихъ доселѣ двухъ академій въ Москвѣ и Кіевѣ, учредить еще двѣ новыя въ Петербургѣ, при Александро-Невскомъ монастырѣ, и въ Казани, вмѣсто находящейся тамъ семинаріи. Другимъ Высочайшимъ указомъ отъ 11 янв. 1798 г. повелѣно было во всѣ указанныя четыре академіи присылать изъ семинарій ихъ округовъ болѣе успѣшныхъ учениковъ для усовершенствованія въ познаніи высшихъ наукъ и образованія къ учитель-

скимъ должностямъ [1]). Св. Синодъ съ своей стороны озаботился составленіемъ правилъ о составѣ академическихъ курсовъ, порядкѣ ученія въ академіяхъ, ихъ управленіи и ихъ отношеніяхъ къ окружнымъ семинаріямъ, назначивъ для округа казанской академіи 6 семинарій,—астраханскую, тобольскую, нижегородскую, вятскую, тамбовскую и иркутскую ([2]). Вслѣдствіе этихъ распоряженій казанская семинарія въ 1798 году преобразована въ академію и удерживала такой видъ до 1818 г., когда снова была обращена въ семинарію.

Съ теченіемъ времени при Императорѣ Александрѣ I оказалось, что реформа духовно-учебныхъ заведеній, произведенная наскоро въ предшествовавшее царствованіе, была далеко неудовлетворительна. Знаменитый комитетъ, составленный въ 1808 г. для новой реформы духовнаго образованія, нашелъ, что духовныя училища устраивались доселѣ на очень шаткихъ началахъ, безъ общихъ правилъ, не имѣли ни общей системы образованія, ни общаго устава, ни общаго управленія, ни тѣсной связи съ окружными академіями. Академіи мало разнились отъ семинарій; вся разница между ними состояла только въ немного расширенномъ курсѣ наукъ въ высшихъ классахъ; какъ и семинаріи, съ высшими классами онѣ имѣли при себѣ и всѣ низшіе классы и были такимъ образомъ соединеніемъ и низшаго, и средняго, и высшаго образованія, вліянія же на семинаріи не имѣли никакого; даже опредѣленіе изъ ихъ воспитанниковъ учителей для семинарій было дѣломъ случайнымъ, всецѣло зависѣло отъ мѣстныхъ епархіальныхъ начальствъ, а эти начальства большею частію предпочитали имѣть въ своихъ семинаріяхъ учителей изъ своихъ же людей, воспитанниковъ самыхъ этихъ семинарій ([3]). Комитетъ 1808 г. въ первый разъ произвелъ правильное и до конца выдержанное распредѣленіе духовныхъ школъ по степенямъ образованія,—на низшія, среднія и высшія, и впервые создалъ настоящее академическое обученіе, освободивъ академіи отъ чуждыхъ имъ низшихъ и среднихъ курсовъ ученія и организовавъ ихъ въ видѣ спеціальныхъ высшихъ учебныхъ

---

[1]) Полн. Собр. закон. XXV, №№ 18273 и 18726.

[2]) Тамъ же, № 18726.

[3]) Для исторіи старой казанской академіи есть особый спеціальный трудъ А. А. Благовѣщенскаго, напечатанный при Прав. Собесѣдникѣ 1875 и 1876 гг. и отдѣльно (Казань. 1875).

заведеній для высшаго образованія духовныхъ юношей, уже кончившихъ семинарскій курсъ. Въ тоже время было произведено болѣе точное опредѣленіе отношеній окружныхъ академій къ ихъ округамъ; въ округахъ этихъ онѣ сдѣланы были средоточіями всего духовнаго просвѣщенія и окружнаго управленія духовно-учебными заведеніями.

По Высочайше утвержденному проекту комитета 1808 г., академій по прежнему положено устроить четыре; но при осуществленіи этого проекта, вмѣсто четырехъ, на самомъ дѣлѣ явилось только три академіи. Вслѣдствіе недостатка способныхъ людей и во избѣжаніе огромныхъ матеріальныхъ расходовъ, преобразованіе духовныхъ училищъ положено было производить постепенно, по округамъ, начиная съ петербургскаго. Въ 1814 г., по окончаніи перваго курса преобразованной петербургской академіи, преобразована была академія московская; потомъ въ 1817 г., съ окончаніемъ третьяго курса петербургской академіи,—академія кіевская съ округомъ. Но, когда въ 1818 г. очередь преобразованія дошла до округа казанской академіи, послѣдняя не была преобразована по новому уставу, а обращена была сама въ преобразованную семинарію, въ каковомъ видѣ и открыта 12 сентября того же года. Округъ ея вмѣстѣ съ нею самою былъ ввѣренъ внѣшнему или окружному правленію московской академіи, при которомъ для этого образовано особое отдѣленіе подъ названіемъ академическаго правленія по казанскому округу [1]).

Съ теченіемъ времени опытъ доказалъ, что сосредоточеніе управленія этимъ округомъ въ московскомъ академическомъ правленіи сопряжено было съ важными неудобствами. Заключая въ себѣ тогдашнія губерніи казанскую, нижегородскую, симбирскую, пензенскую, тамбовскую, саратовскую, астраханскую, оренбургскую, вятскую, пермскую, тобольскую, томскую, енисейскую, иркутскую и область якутскую, округъ этотъ простирался на громадное пространство почти въ 200000 кв. миль и насчитывалъ внутри себя 12 семинарій (казанскую, нижегородскую, симбирскую, пензенскую, там-

[1]) Извлеченіе изъ отчета оберъ-прокурора Св. Синода 1842 г. стр. 69. Послѣдующее изложеніе исторіи открытія казанской академіи составлено по документамъ, находящимся въ дѣлѣ внутренняго правленія академіи за 1842 г. № 5 на 80 листахъ и въ дѣлѣ внѣшняго правленія того же года № 5 же.

бовскую, саратовскую, астраханскую, оренбургскую въ Уфѣ, вятскую, пермскую, тобольскую и иркутскую), 38 уѣздныхъ и 42 приходскихъ училищъ [1]), изъ которыхъ училище камчатское, составлявшее крайній пунктъ округа, отстояло отъ Москвы почти на 12000 верстъ. Понятно, какъ трудно было управлять такимъ округомъ московскому академическому правленію, которое не могло ни благовременно посылать въ нихъ своихъ ревизоровъ для непосредственнаго удостовѣренія въ ходѣ ихъ дѣлъ, ни во время узнавать объ ихъ состояніи даже чрезъ донесенія ихъ собственныхъ начальствъ. По счету историка московской академіи [2]), отъ 1818 по 1842 г. всѣхъ ревизій по казанскому округу, кромѣ ревизій, производившихся мѣстными начальствами, чрезъ ревизоровъ изъ московской академіи произведено было 23, изъ которыхъ 5 ревизій падаетъ на болѣе доступную для Москвы семинарію нижегородскую и 4 на казанскую, по 3 на тамбовскую и пензенскую, по 2 на болѣе отдаленныя—вятскую и пермскую, по одной на симбирскую, саратовскую, астраханскую и оренбургскую; въ Сибирь академическіе ревизоры не заглядывали ни разу. Вслѣдствіе медленной доставки въ Москву свѣдѣній изъ отдаленныхъ мѣстностей о вакантныхъ учительскихъ мѣстахъ, пока въ академіи замѣщали эти вакансіи и покуда вновь назначенные наставники достигали до мѣста своего назначенія, въ семинаріяхъ не рѣдко прерывался правильный ходъ ученія. Потомъ, только лишь пріѣхавъ на мѣсто, а то даже и раньше отъѣзда туда, новый преподаватель изъ воспитанниковъ московской академіи и урожденцевъ большею частію внутреннихъ губерній Россіи, не рѣдко обращался къ начальству съ прошеніемъ о перемѣщеніи на другое мѣсто ближе къ своей родинѣ.

Мѣстныя нужды казанскаго округа дѣлали открытіе въ немъ особаго центра духовнаго просвѣщенія еще болѣе необходимымъ. На обширномъ пространствѣ его, кромѣ православнаго русскаго населенія, живутъ многочисленные инород-

---

[1]) Болѣе всѣхъ округовъ, кромѣ кіевскаго. Въ петербургскомъ округѣ было 8 семинарій, 34 уѣздныхъ и 37 приходскихъ училищъ; въ московскомъ—9 семинарій, 40 уѣздныхъ и столько же приходскихъ училищъ; въ кіевскомъ—14 семинарій съ 54 уѣздными и 64 приходскими училищами.

[2]) Исторія моск. академіи до ея преобразованія С. Смирнова, стр. 74—75. М. 1879.

цы финнскаго, татарскаго и монгольскаго племенъ, или весьма слабо озаренные свѣтомъ истинной вѣры, или вовсе неозаренные имъ, исповѣдующіе исламъ и даже язычество. Всѣ эти инородцы доселѣ нуждаются въ христіанскомъ просвѣщеніи, и для сообщенія имъ этого просвѣщенія нужны люди, знающіе ихъ языки, нравы и вѣрованія. Московская академія, находясь въ центрѣ Россіи и занятая удовлетвореніемъ духовныхъ потребностей центральнаго русскаго народонаселенія, оказывалась несостоятельной для того, чтобы стоять во главѣ духовнаго просвѣщенія чуждаго ей казанскаго округа съ его спеціальными духовными нуждами. Не смотря на присоединеніе къ ней этого округа, въ 1818 г. ей не было вмѣнено въ обязанность включить въ составъ своего курса преподаваніе даже татарскаго языка, который изучался въ старой казанской академіи. А между тѣмъ какъ разъ въ этотъ періодъ подчиненія казанскаго округа московской академіи между инородцами востока открылось особенно оживленное религіозное движеніе; въ казанской и окрестныхъ губерніяхъ усилилась пропаганда ислама и начался цѣлый рядъ массовыхъ отпаденій крещеныхъ татаръ отъ православія въ мухаммеданство, а между сибирскими инородцами монгольскаго племени сталъ усиливаться ламизмъ, сильно парализовавшій дѣятельность православныхъ миссіонеровъ. Вслѣдствіе всѣхъ означенныхъ обстоятельствъ потребность открытія въ казанскомъ округѣ особой самостоятельной академіи и именно съ особымъ характеромъ, соотвѣтствующимъ мѣстнымъ духовнымъ нуждамъ восточнаго края, дѣлалась все настоятельнѣе и въ началѣ 1840-хъ гг. вполнѣ уяснилась въ сознаніи и правительства, и высшей церковной власти.

Отъ 30 апр. 1842 г. оберъ-прокуроръ Св. Синода графъ Н. А. Протасовъ конфиденціальнымъ и секретнымъ письмомъ извѣстилъ архіепископа казанскаго Владиміра, что „для удобнѣйшаго управленія казанскимъ духовно-учебнымъ округомъ признано необходимымъ привести въ исполненіе прежнее предположеніе объ учрежденіи въ Казани особой духовной академіи, дабы сблизить и облегчить сношенія отдаленныхъ семинарій и при томъ имѣть болѣе средствъ къ лучшему за ними надзору“, и вмѣстѣ съ тѣмъ просилъ преосвященнаго позаботиться предварительно о помѣщеніи предназначеннаго къ открытію заведенія, пріискавъ для него въ Казани какой нибудь домъ, въ которомъ можно было бы помѣстить до 60 вос-

питанниковъ, классы для ученія, правленіе и квартиры на первый разъ ректору, инспектору, эконому, секретарю и по крайней мѣрѣ двумъ наставникамъ. Въ тоже время съ такимъ же конфиденціальнымъ письмомъ онъ отнесся къ казанскому губернатору, генералъ-адъютанту С. П. Шипову, прося его о зависящемъ съ его стороны содѣйствіи преосвященному Владиміру. Дѣятельный архипастырь весьма энергично взялся за выполненіе возложеннаго на него порученія и немедленно сталъ наводить справки о болѣе пригодныхъ для помѣщенія академіи домахъ въ городѣ и объ условіяхъ, на которыхъ они могли бы быть наняты или и вовсе проданы духовно-учебному вѣдомству.

Дѣло было трудное, потому что болѣе или менѣе пригодныхъ по своей обширности домовъ въ Казани тогда было очень мало; стояли они на главныхъ улицахъ города и большею частію имѣли весьма небольшія около себя дворовыя мѣста, на которыхъ негдѣ было расположить не только какого нибудь сада, но и необходимыхъ для заведенія дворовыхъ службъ; кромѣ того, дома эти принадлежали дворянамъ, не желавшимъ ни продавать ихъ, ни отдавать въ наемъ, да и жившимъ въ это время съ наступленіемъ весны уже не въ городѣ, а въ отъѣздѣ по своимъ деревенскимъ усадьбамъ, даже въ другихъ губерніяхъ. Пришлось заводить съ ними длинную и сложную переписку. Дѣла академическаго архива объ открытіи академіи свидѣтельствуютъ, что маститый владыка самъ лично велъ всю эту переписку, лично же самъ свидѣтельствовалъ и указываемые ему дома съ откомандированнымъ отъ губернатора архитекторомъ и обо всемъ усмотрѣнномъ подробно доносилъ оберъ-прокурору. Изъ всѣхъ осмотрѣнныхъ домовъ болѣе подходящимъ къ цѣли показался ему домъ помѣщика Г. И. Осокина въ Суконной слободѣ, но владѣлецъ отказался и отъ продажи его, и отъ отдачи въ наемъ. Другой достаточно помѣстительный домъ нашелся противъ Петропавловскаго собора, на углу Петропавловской улицы и Петропавловскаго переулка; домовладѣлецъ, гвардіи штабъ-ротмистръ Теренинъ соглашался, правда на дорогихъ условіяхъ, и на продажу, и на наемъ его; но преосвященный былъ недоволенъ тѣснотою двороваго мѣста, имѣвшагося при домѣ, и предлагалъ помѣстить здѣсь академію развѣ только на время, до постройки для нея собственныхъ зданій. Для постройки же этихъ собственныхъ зданій онъ намѣчалъ пустопорожнее мѣсто на Ар-

скомъ полѣ, при выѣздѣ изъ города по Сибирскому тракту, противъ незадолго до того открытаго Родіоновскаго института благородныхъ дѣвицъ, гдѣ находятся теперь водопроводныя сооруженія; но болѣе всего склонялся къ помѣщенію академіи въ свіяжскомъ Богородицкомъ монастырѣ, гдѣ могли найтись для нея, хотя и не въ полномъ количествѣ, уже готовыя каменныя зданія.

Между тѣмъ графъ Протасовъ своими письмами настойчиво торопилъ преосвященнаго, потому что вопросъ объ открытіи академіи былъ уже рѣшенъ въ Петербургѣ. 25 мая 1842 г. Св. Синодъ постановилъ: 1) „Съ началомъ наступающаго $18^{42}/_{43}$ учебнаго года открыть академію въ Казани, гдѣ и прежде академія существовала, помѣстивъ ее на первый разъ въ наемномъ домѣ, съ назначеніемъ ежегоднаго отпуска потребной на сіе суммы изъ духовно-учебныхъ капиталовъ. 2) Число воспитанниковъ въ казанской академіи ограничить на первый разъ 60-ю въ обоихъ отдѣленіяхъ, полагая 30 въ высшемъ и 30 въ низшемъ отдѣленіи. 3) Профессоровъ назначить шесть, какъ и въ прочихъ академіяхъ, и восемь баккалавровъ; но, какъ съ учрежденіемъ казанской академіи признается нужнымъ открыть на первый разъ одно низшее ея отдѣленіе, то открыть въ ней нынѣ четыре каѳедры профессорскія по классамъ наукъ богословскихъ, философіи, словесности и наукъ физико-математическихъ, и четыре каѳедры баккалаврскія по классамъ философіи, наукъ физико-математическихъ, гражданской (всеобщей и русской) исторіи и языка греческаго. 4) Сумму, слѣдующую на содержаніе академіи и на жалованье начальникамъ и наставникамъ, по составленному штату, производить съ перваго іюля настоящаго года. 5) На первоначальное обзаведеніе учрежденной академіи всѣми принадлежностями ассигновать въ свое время изъ духовно-учебныхъ капиталовъ особую сумму, по усмотрѣнію Св. Синода. 6) Въ завѣдываніе казанской академіи отнесть тѣже самыя семинаріи и училища, которыя состоятъ нынѣ въ казанскомъ учебномъ округѣ; затѣмъ существующее при московской академіи правленіе по казанскому округу закрыть, прекративъ вмѣстѣ съ тѣмъ производство ассигнуемой на него суммы, а всѣ дѣла онаго, равно и архивъ, передать въ вѣденіе новой академіи. 7) Порядокъ ученія въ казанской академіи ввесть, сообразно уставу, тотъ самый, какой существуетъ въ прочихъ академіяхъ. Для сего поручить правленію московской д. академіи сообщить казанскому академическому

правленію конспекты по всѣмъ предметамъ академическаго ученія, для надлежащаго руководства въ преподаваніи оныхъ, равно и всѣ постановленія, которыя состоялись послѣ изданія уставовъ для духовно-учебныхъ заведеній. 8) Какъ сверхъ предметовъ, назначенныхъ уставомъ для духовныхъ академій, въ казанской академіи представляется нужнымъ учредить со временемъ особыя каѳедры для преподаванія языковъ, употребляемыхъ языческими народами въ сибирскихъ и другихъ епархіяхъ казанскаго округа: то разсмотрѣніе сего обстоятельства поручить правленію вновь учреждаемой академіи, съ тѣмъ, чтобы оно представило подробное соображеніе о томъ, какіе именно языки и въ какомъ объемѣ нужно будетъ преподавать въ академіи, сообразно съ мѣстными потребностями семинарій подвѣдомственнаго ему округа. 9) Казанской академіи предоставить на первый разъ заимствоваться книгами изъ библіотеки мѣстной семинаріи; но съ тѣмъ вмѣстѣ поручить правленію оной войти въ соображеніе о томъ, не могутъ ли нѣкоторыя изъ книгъ, принадлежащихъ семинаріи, быть обращены въ постоянную собственность академіи, и какія за тѣмъ нужно будетъ пріобрѣсть вновь. Между тѣмъ сдѣлать распоряженіе о составленіи подробнаго каталога книгъ, необходимыхъ для образованія библіотеки при казанской академіи, и потребную на сей предметъ сумму отпустить въ свое время изъ духовно-учебныхъ капиталовъ, по назначенію Святѣйшаго Синода. 10) Наконецъ, дабы вновь учрежденная академія, при самомъ открытіи своемъ, поставлена была въ надлежащую степень устройства и со стороны внѣшняго порядка, приличнаго высшему духовно-учебному заведенію, то внести въ штатъ ея особую должность смотрителя для надзора за чистотою помѣщеній, за поведеніемъ воспитанниковъ и за исправностію служителей, подобно тому, какъ Высочайше разрѣшено въ 1841 г. учредить подобную должность при с.-петербургской академіи. Въ должность сію опредѣлять изъ отставныхъ военныхъ или гражданскихъ чиновниковъ и отнести оную по гражданской службѣ къ VIII классу, по пенсіонному уставу къ VI разряду и по росписанію мундировъ къ VIII разряду".

Вмѣстѣ съ тѣмъ составленъ былъ и штатъ новой академіи съ назначеніемъ ежегоднаго отпуска на ея содержаніе по 21,956 р. сер. изъ духовно-учебныхъ капиталовъ. 6 іюня

того же года всѣ эти постановленія Св. Синода и штатъ академіи удостоились Высочайшаго утвержденія.

Вслѣдъ за тѣмъ Св. Синодъ, сдѣлавъ извѣстною эту Высочайшую волю по всему духовному вѣдомству и сообщивъ объ ней Правительствующему Сенату для приведенія ея въ надлежащее исполненіе, 1 іюля постановилъ: а) ректоромъ казанской академіи опредѣлить ректора харьковской семинаріи архимандрита Іоанна съ присвоеніемъ ему лично степени настоятеля первокласснаго монастыря; б) инспекторомъ и профессоромъ богословскихъ наукъ опредѣлить баккалавра кіевской академіи соборнаго іеромонаха Серафима съ возведеніемъ его въ санъ архимандрита и съ присвоеніемъ ему лично степени настоятеля третьекласснаго монастыря, препоручивъ ему въ первые два года въ низшемъ отдѣленіи академіи преподавать св. Писаніе и патристику, чрезъ 2 же года, по переводѣ студентовъ въ высшее отдѣленіе, собственно богословіе; в) назначеніе способнаго и благонадежнаго лица къ исправленію должности экономa предоставить ближайшему усмотрѣнію ректора академіи по взаимному его сношенію съ епархіальнымъ преосвященнымъ.

Въ теченіе того же іюля мѣсяца графъ Протасовъ съ своей стороны сдѣлалъ слѣдующія распоряженія: а) назначилъ нѣсколько лицъ на профессорскія должности въ новую академію,—по классу философіи—баккалавра московской д. академіи Ив. Смирнова-Платонова, по классу словесности той же академіи баккалавра Ѳеод. Флоринскаго, вскорѣ впрочемъ замѣщеннаго, по его увольненіи согласно прошенію въ московское епархіальное вѣдомство, другимъ лицемъ, преподавателемъ московской семинаріи М. Холмогоровымъ, по классу физико-математическихъ наукъ—баккалавра петербургской академіи Дм. Гусева, съ возложеніемъ на него должности и секретаря академическаго правленія; б) поручилъ московскому академическому правленію избрать изъ окончившихъ тогда курсъ студентовъ московской академіи четырехъ достойныхъ кандидатовъ для занятія въ казанской академіи баккалаврскихъ должностей по классамъ философіи, физико-математическихъ наукъ, всеобщей и русской исторіи и греческаго языка; в) тому же правленію вмѣнилъ въ обязанность заняться изготовленіемъ къ передачѣ въ казанское академическое правленіе всѣхъ дѣлъ по казанскому учебному округу, конспектовъ по всѣмъ наукамъ академическаго курса и всѣхъ состоявшихся послѣ изданія уставовъ духовно-учебныхъ заведеній дополнительныхъ постановленій; г) вы-

требовавъ въ Петербургъ вновь опредѣленныхъ ректора и инспектора казанской академіи, преподалъ имъ наставленія касательно управленія академіею и ея округомъ въ видахъ правительства; наконецъ д) отнесся къ епархіальнымъ преосвященнымъ казанскаго округа объ избраніи лучшихъ студентовъ изъ ихъ семинарій и о присылкѣ ихъ къ 1 сентября въ Казань въ составъ перваго курса казанской академіи.

Послѣ такихъ рѣшительныхъ распоряженій объ открытіи академіи дѣло объ ея помѣщеніи пошло еще быстрѣе. Въ отношеніи къ преосвященному Владиміру отъ 17 іюля оберъ-прокуроръ Св. Синода извѣщалъ его, что, по подробномъ разсмотрѣніи доставленныхъ преосвященнымъ плановъ нѣсколькихъ домовъ въ Казани для найма или покупки подъ академію, оказался болѣе соотвѣтствующимъ цѣли домъ Теренина, и поручалъ ему сдѣлать распоряженіе объ освидѣтельствованіи состоянія этого дома чрезъ архитектора и о составленіи подробной его описи и оцѣнки. Къ 12 августа акты эти, составленные архитекторомъ Петонди, при участіи въ освидѣтельствованіи дома членовъ коммиссіи съ духовной стороны, ректора семинаріи архим. Платона и каѳедральнаго протоіерея Флегонта Талантова, были составлены и отосланы въ Петербургъ. Но Св. Синодъ, не дожидаясь этихъ актовъ, на основаніи прежнихъ свѣдѣній, полученныхъ отъ преосвященнаго, опредѣленіемъ отъ 1—3 августа, объявленнымъ въ отношеніи оберъ-прокурора отъ 18 числа, указалъ: 1) Нанять нынѣ же домъ Теренина для помѣщенія академіи съ платою, какую просилъ владѣлецъ, въ 1714 р. сер. или 6000 руб. ассиг. въ годъ на три года; 2) отдѣлку не оконченныхъ въ домѣ Теренина комнатъ (верхняго этажа, не имѣвшаго еще половъ и окончинъ) произвести на счетъ духовно-учебныхъ капиталовъ, для чего и ассигновать 426 руб. сер. (1500 руб. ассиг.); 3) что касается до пріобрѣтенія дома Теренина или до избранія мѣста для постройки новыхъ зданій, то разсужденіе по сему предмету имѣть впредь. Суммы, означенныя здѣсь, были переведены въ семинарское правленіе, съ тѣмъ, чтобы оно передало ихъ потомъ академіи, когда откроется академическое правленіе. Еще раньше сдѣлано распоряженіе о переводѣ въ тоже правленіе семинаріи для временнаго храненія штатной суммы на полугодичное (отъ 1 іюля по 1 января) содержаніе академіи въ количествѣ 10978 руб. сер. и 2000 р. сер. (7000 ассигн.) сверхъ штатной суммы на первоначальную

заготовку вещей нужныхъ для жительства и классныхъ занятій имѣющихъ прибыть 30 студентовъ перваго академическаго курса, съ порученіемъ заняться и самой заготовкой такихъ вещей. Преосвященный Владиміръ съ своей стороны сдѣлалъ распоряженіе, до окончательной отдѣлки дома Теренина, о временномъ помѣщеніи студентовъ академіи, ихъ классовъ и инспектора въ нѣкоторыхъ комнатахъ семинарскаго корпуса.

Осталось только заключить съ домовладѣльцемъ Теренинымъ формальный контрактъ, объ условіяхъ котораго, за нѣкоторыми несогласіями сторонъ относительно сроковъ въ платежѣ денегъ и т. п. и за отлучкой самого Теренина въ его симбирское имѣніе, все еще велась переписка между преосвященнымъ Владиміромъ, самимъ Теренинымъ и духовно-учебнымъ управленіемъ. Въ 20-хъ числахъ августа проектъ контракта, составленный семинарскимъ правленіемъ, которое завѣдывало всѣмъ ходомъ дѣла о наймѣ дома, былъ уже заготовленъ, а отъ 25 числа Теренинъ прислалъ наконецъ преосвященному письмо о своемъ согласіи на предложенныя условія и своемъ немедленномъ пріѣздѣ въ Казань для окончанія дѣла. Но было уже поздно....

Утромъ 24 августа страшный пожаръ истребилъ самую лучшую, центральную часть города; въ числѣ множества зданій сгорѣлъ и домъ Теренина, и прекрасное зданіе духовной семинаріи на Воскресенской улицѣ. Семинарія едва спасла только свой архивъ, денежныя суммы, библіотеку и церковныя принадлежности. Въ числѣ сгорѣвшихъ въ ней вещей погибли отъ огня и многія вещи, заготовленныя ею къ пріему студентовъ академіи. Всѣ труды, понесенные преосвященнымъ Владиміромъ къ открытію академіи, пропали даромъ. Донося о страшномъ бѣдствіи оберъ-прокурору Св. Синода, преосвященный Владиміръ писалъ, что онъ потерялъ теперь всякую надежду на отысканіе „помѣщенія для академіи. Всѣ уцѣлѣвшіе отъ сей гибели домы и домики наполнены народомъ, оставшимся безъ всякаго пріюта на обгорѣлыхъ улицахъ. Теперь можно, кажется, рѣшительно сказать Вашему Сіятельству, что для академіи непремѣнно нужно воздвигать новое зданіе на томъ прекрасномъ мѣстѣ, коему планъ я уже имѣлъ честь представить къ Вамъ, а открытіе академіи отложить года на 4 не менѣе, ибо новое зданіе поспѣть и высохнуть въ 3 года не можетъ; въ случаѣ назначенія сей операціи по академіи, необходимо нужно будетъ отъ духовно-учебнаго управленія назначить и сюда

прислать особенный комитетъ и архитектора, ибо изъ здѣшнихъ священнослужителей и архитекторовъ и др. чиновниковъ составить комитета не возможно; всѣ благонадежные заняты теперь до крайности то стройкою каѳедральнаго собора, то консисторскими дѣлами, то семинаріею, то преподаваніемъ учебныхъ предметовъ, то священнослуженіемъ, то постройкою зданій и пр. пр.. Особенный архитекторъ необходимо бы, Ваше Сіятельство, намъ нуженъ былъ теперь и по семинаріи, ибо отъ здѣшнихъ архитекторовъ, кои вѣроятно года три будутъ заняты до чрезмѣрности, мы не добьемся пособія и ни толку и въ пять лѣтъ, да и то, можетъ быть, съ непомѣрными издержками". Въ томъ же письмѣ владыка спрашивалъ гр. Протасова о томъ, что̀ дѣлать съ ассигнованными для академіи деньгами, и предложилъ съ своей стороны употребить ихъ на отстройку и на разныя нужды погорѣвшей семинаріи.

Положеніе епархіальнаго начальства было такъ затруднительно, что ему дѣйствительно было уже не до академіи. Самымъ ближайшимъ вопросомъ для него было теперь, какъ бы устроиться такъ, чтобы послѣ истребленія семинарскихъ зданій не прекращалось по крайней мѣрѣ семинарское ученіе. Учениковъ, отпущенныхъ на вакатъ, пришлось извѣстить, чтобы они не пріѣзжали въ Казань къ своему сроку, такъ какъ по сгорѣніи семинаріи имъ негдѣ будетъ ни жить, ни учиться (1).

Между тѣмъ изъ Петербурга отъ 25 августа на имя преосвященнаго Владиміра пришло отношеніе оберъ-прокурора Св. Синода, въ которомъ были изложены указанныя распоряженія Св. Синода отъ 25 мая и 1 іюля объ открытіи академіи, вмѣстѣ съ состоявшимися на основаніи ихъ въ теченіе іюля распоряженіями самого оберъ-прокурора о назначеніи академическихъ профессоровъ и баккалавровъ и съ порученіемъ, по прибытіи въ Казань вновь назначенныхъ ректора, инспектора и секретаря академіи, уже отправляющихся изъ Петербурга, озаботиться скорѣйшимъ избраніемъ достойнаго лица на должность эконома академіи и затѣмъ, не медля, открыть академическое правленіе. Получивъ это отношеніе въ началѣ сентября, въ самый разгаръ своихъ затрудненій послѣ пожара, прео-

(1) Этотъ длинный вакатъ протянулся до 25 октября. Объ обстоятельствахъ семинарскаго пожара см. въ Исторіи казанской семинаріи А. А. Благовѣщенскаго, стр. 187 и далѣе. Казань. 1881 г.

священный отъ 16 сентября отвѣчалъ на него съ замѣтнымъ волненіемъ, что до разрѣшенія недоумѣній, изложенныхъ въ донесеніяхъ Св. Синоду и его сіятельству о пожарѣ 24 августа, никакихъ распоряженій по оному отношенію дѣлать не можетъ. Ректоръ архим. Іоаннъ, инспекторъ архим. Серафимъ и профессоръ, на котораго возложена должность секретаря, и воспитанники изъ разныхъ семинарій уже прибыли и всѣ остаются безъ всякаго дѣла, помѣщены же по разнымъ мѣстамъ съ крайнею тѣснотою; для опредѣленія въ экономы кандидатъ есть, но опредѣлять его некуда и не къ чему; отыскать прислугу для академіи поручено семинарскому правленію еще 20 августа, но она еще не отыскана, да едвали и отыскать ее будетъ можно, потому что въ городѣ, по множеству работъ, стоятъ высокія цѣны на рабочихъ и никто въ академію нейдетъ; архивъ по округу, академическіе уставы и прочія предписанія и бумаги, нужныя для открытія академическаго правленія, московскою академіею доселѣ еще не присланы, а посему, а равно по неимѣнію квартиры, и правленіе казанской академіи открыто быть не можетъ.

Но въ царствованіе Николая Павловича и при оберъ-прокурорѣ Протасовѣ, при исполненіи распоряженій высшаго начальства, говорить о невозможностяхъ и трудностяхъ дѣла не полагалось. Едва только это письмо преосвященнаго было отправлено въ Петербургъ, какъ на другой день полученъ былъ въ Казани указъ Св. Синода отъ 6 сентября въ отвѣтъ на доношеніе преосвященнаго о пожарѣ 24 августа. „Поелику, изъяснялось въ этомъ указѣ, на учрежденіе духовной академіи въ г. Казани послѣдовала особенная Высочайшая воля, которая и должна быть непремѣнно приведена въ дѣйствіе, то для безотложнаго исполненія оной остается лишь примѣнить къ настоящему случаю уже сдѣланныя, вслѣдствіе сей Высочайшей воли, распоряженія Св. Синода, почему и поручить Вашему преосвященству слѣдующія мѣры: а) казанскую духовную академію, со всѣми принадлежащими къ ней лицами,.... помѣстить до времени въ Зилантовомъ мужскомъ монастырѣ, а если сіе окажется неудобнымъ, то въ Свіяжскомъ таковомъ же монастырѣ или другой обители, съ употребленіемъ на содержаніе ея ассигнованной уже суммы; б) сумму 1500 р. ассиг., назначенную для отдѣлки не оконченныхъ комнатъ въ домѣ Теренина, употребить на устройство для академіи комнатъ въ зданіяхъ того монастыря, въ

коемъ она временно помѣстится; в) семинарію помѣстить въ настоящее время въ зданіяхъ уѣзднаго и приходскаго училищъ, а учениковъ обоихъ сихъ училищъ разослать по другимъ низшимъ духовнымъ училищамъ казанской епархіи, сообразно съ мѣстнымъ удобствомъ, для продолженія тамъ ученія; г) перемѣщаемымъ такимъ образомъ бурсакамъ казанскихъ училищъ производить на квартиру и платье каждому по 100 р. ассигн. изъ тѣхъ же самыхъ суммъ, изъ которыхъ они доселѣ получали содержаніе". — Для выполненія Высочайшей воли Св. Синодъ такимъ образомъ не остановился даже и предъ такой крайней мѣрой, какъ закрытіе казанскихъ училищъ и раскассированіе ихъ учениковъ по другимъ училищамъ. Съ своей стороны оберъ-прокуроръ въ отношеніяхъ своихъ отъ 15 сентября (въ отвѣтъ на донесеніе о пожарѣ) и отъ 29 сентября (въ отвѣтъ на письмо преосвященнаго отъ 16 сент.) предлагалъ принять всѣ мѣры къ открытію академіи, согласно указу Св. Синода, не стѣсняясь излишними расходами по возвышенію цѣнъ, напр. на прислугу, „тѣмъ болѣе что таковымъ временнымъ возвышеніемъ цѣнъ экономія академіи не можетъ быть стѣснена по назначеніи ей штатной суммы съ 1 минувшаго іюля", и просилъ увѣдомлять о всѣхъ могущихъ открыться новыхъ затрудненіяхъ съ присовокупленіемъ мнѣнія и касательно мѣръ къ устраненію этихъ затрудненій.

По полученіи указа Св. Синода, принявъ во вниманіе, что въ Казань прибыли уже не только воспитанники, назначавшіеся въ составъ I курса академіи, но также ректоръ ея, инспекторъ, секретарь и одинъ профессоръ, и что изъ нѣкоторыхъ семинарій уже стали поступать бумаги на имя академическаго правленія, преосвященный Владиміръ отъ 19 сент. сдалъ ректору академіи Іоанну предложеніе: а) неукоснительно открыть академическое правленіе пока временно въ покояхъ архіерейскаго дома, гдѣ временно помѣщены были и ректоръ съ инспекторомъ; б) вновь прибывшихъ воспитанниковъ академіи, еще по распоряженію преосвященнаго отъ 2 сент., помѣщенныхъ вмѣстѣ съ надзиравшимъ за ними профессоромъ Гусевымъ въ Спасскомъ монастырѣ (въ такъ называемомъ пѣвческомъ корпусѣ) (1), оставить въ томъ же монастырѣ; въ томъ же монастырѣ, когда изъ него выведены

(1) Распоряженіе это см. въ дѣлахъ правленія 1842 г. № 23.

будутъ помѣщенные въ немъ на время послѣ пожара семинарскіе наставники и начальники, помѣстить академическое правленіе, ректора, инспектора, секретаря, нѣсколько наставниковъ, классы, прислугу и проч.; в) экономскую должность до времени возложить на экономa семинаріи іеромонаха Аркадія; г) по своемъ открытіи правленію немедленно приступить къ возможному по обстоятельствамъ исполненію распоряженій высшаго начальства относительно учрежденія казанской академіи, войти въ разсужденіе объ открытіи академіи и по учебной части, а до этого назначить студентамъ какія либо приличныя занятія.

Въ исполненіе этого предложенія, 21 сентября въ день св. Димитрія ростовскаго, совершено было открытіе академическаго правленія. Послѣ литургіи и благодарственнаго молебствія въ домовой архіерейской церкви ректоръ, инспекторъ и назначенный секретаремъ профессоръ Гусевъ собрались въ одной изъ залъ архіерейскаго дома, убранной прилично столами, покрытыми сукномъ, и взятымъ на время изъ консисторіи зерцаломъ, въ присутствіи знатнѣйшаго мѣстнаго духовенства, начальниковъ и наставниковъ семинаріи и всѣхъ студентовъ академіи, приняли чрезъ каѳедральнаго протоіерея Ф. Талантова присягу на вѣрность службы; секретарь Гусевъ прочиталъ отношеніе синодальнаго оберъ-прокурора къ преосвященному Владиміру объ открытіи академіи въ Казани и указъ Св. Синода отъ 6 сентября; провозглашена была эктенія о многолѣтіи Государю Императору и Августѣйшему дому, Св. Синоду, архіепископу Владиміру, учащимъ и учащимся академіи; за тѣмъ члены правленія, получивъ архипастырское благословеніе, составили первое свое засѣданіе и приступили къ своимъ занятіямъ.

Въ качествѣ правленія внутренняго академическое правленіе въ этомъ засѣданіи: а) ввело въ исправленіе экономской должности по академіи іеромонаха Аркадія и б) поручило ему прежде всего пріискать квартиры для жительства академическихъ наставниковъ, не получившихъ помѣщенія въ Спасскомъ монастырѣ; в) потребовало отъ семинарскаго правленія, чтобы оно немедленно освободило Спасскій монастырь отъ своихъ чиновниковъ; г) наличнымъ профессорамъ академіи поручило занимать пока студентовъ частію повтореніемъ преподаннаго имъ въ семинаріяхъ, частію письменными работами на заданныя темы, что дѣлалось ими и прежде, и вмѣстѣ съ тѣмъ

производить имъ испытаніе для поступленія въ академію; д) положило просить духовно-учебное управленіе при Св. Синодѣ сдѣлать распоряженіе о присылкѣ разныхъ каталоговъ книгъ для выбора и пріобрѣтенія въ академическую библіотеку и о доставкѣ свѣдѣній изъ академическихъ и семинарскихъ правленій о томъ, нѣтъ ли въ ихъ библіотекахъ лишнихъ книгъ, кромѣ учебныхъ, для передачи въ казанскую академическую библіотеку; е) во исполненіе постановленія Св. Синода отъ 25 августа извѣстило о своемъ открытіи московское академическое правленіе, чтобы послѣднее, по порученію оберъ-прокурора, передало ему упомянутые въ этомъ порученіи документы и программы, а въ окружное правленіе архивъ казанскаго духовно-учебнаго округа; въ семинарскія же правленія округа опредѣлило разослать требованія о присылкѣ свѣдѣній для рѣшенія вопроса: какіе изъ языковъ, употребляемыхъ инородцами казанскаго округа, надобно ввести въ кругъ предметовъ академическаго ученія; отъ ближайшаго казанскаго семинарскаго правленія потребовало, кромѣ того, открыть для наставниковъ академіи семинарскую библіотеку и свѣдѣній о томъ, какія книги семинарской библіотеки оно могло бы передать въ собственность академіи.

Въ качествѣ правленія окружнаго академическое правленіе въ тотъ же день постановило: а) неотложно извѣстить всѣ семинарскія правленія своего округа о своемъ открытіи, б) потребовать указанныхъ свѣдѣній о языкахъ инородцевъ, какіе должны войти въ курсъ академическаго преподаванія, наконецъ в) приступить къ рѣшенію дѣлъ по бумагамъ изъ семинарскихъ правленій, успѣвшимъ скопиться въ огромномъ числѣ, такъ какъ московское академическое правленіе прекратило свою дѣятельность по казанскому округу еще съ 15 іюля и пересылало всѣ дѣла этого рода въ Казань, гдѣ онѣ и хранились въ правленіи семинаріи [1]).

23 сентября, извѣщая синодальнаго оберъ-прокурора объ открытіи правленія и о возможномъ исполненіи указа Св. Синода отъ 6 сентября, преосвященный писалъ, что а) въ другихъ монастыряхъ, кромѣ Спасскаго, дать помѣщеніе казанской академіи нѣтъ возможности, — въ Ивановскомъ по причинѣ крайней его тѣсноты, въ Кизическомъ, Зилантовомъ,

---

[1]) Два журнала засѣданій 21 сент. утромъ и въ 6 часовъ вечера.

Макарьевскомъ и Раиѳскомъ, кромѣ тѣсноты, еще по отдаленности ихъ отъ города и по крайнему неудобству имѣть ихъ сообщеніе съ Казанью въ осеннее, особенно же въ весеннее время при разлитіи воды, и наконецъ въ Свіяжскомъ потому, что его зданія требуютъ многихъ, немалоцѣнныхъ поправокъ, передѣлокъ и пристроекъ, которыя потребуютъ не мало времени; б) помѣщеніе же академіи въ Спасскомъ монастырѣ не совсѣмъ удобно, такъ что онъ не смѣетъ ручаться за безопасность здѣсь здоровья и самой жизни студентовъ по причинѣ крайней тѣсноты ихъ спаленъ и классовъ, по неимѣнію въ монастырѣ мѣста для прогулки, по отсутствію всякой возможности найти помѣщеніе для больницы и вмѣстѣ по невозможности пользоваться больницей семинарской, потому что въ училищныхъ зданіяхъ, куда перемѣщается семинарія, имѣются всего двѣ небольшія комнаты, въ которыхъ только по крайности можно помѣстить семинарскую больницу; в) пребываніе академіи въ Спасскомъ монастырѣ можетъ быть допущено не болѣе, какъ на два года, пока студентовъ будетъ только 30 человѣкъ, а послѣ этого времени другихъ 30 студентовъ слѣдующаго курса помѣстить будетъ уже негдѣ, если къ тому времени не откроется возможности пріобрѣсти или нанять въ городѣ какой нибудь подходящій домъ; г) другихъ способовъ, могущихъ относиться къ лучшему устройству здѣшнихъ духовныхъ училищъ, пока никакихъ не представляется.

Въ дополнительномъ къ этому извѣщенію письмѣ, посланномъ къ оберъ-прокурору Св. Синода отъ 2 октября, преосвященный Владиміръ опять писалъ о невозможности удовлетворительно помѣстить академію. По перемѣщеніи въ Спасскій монастырь изъ архіерейскаго дома ректора, инспектора и правленія академіи, для наставниковъ не оказалось въ немъ уже ни одного угла, а въ городѣ цѣны на квартиры стояли очень дорогія; раньше другихъ пріѣхавшій въ Казань профессоръ Смирновъ-Платоновъ нашелъ себѣ квартиру въ двѣ маленькихъ комнаты, и то на краю города, за 350 р. ассигн. въ годъ, а кромѣ него еще ожидалось 5 наставниковъ; студенты отъ тѣсноты своихъ помѣщеній, въ которыхъ не доставало мѣста даже для занятныхъ столовъ, начали уже хворать. „По всѣмъ симъ и другимъ, которыхъ, можетъ быть, я теперь и представить не могу, затрудненіямъ, писалъ преосвященный, осмѣливаясь настаивать на своей прежней мысли, я позволяю себѣ повторить сообщенное Вашему Сіятельству въ помянутомъ

отъ 25 августа отношеніи мое мнѣніе и покорнѣйше просить Васъ, милостивый государь, въ случаѣ возможности объ исходатайствованіи у Всемилостивѣйшаго Государя Императора Высочайшаго позволенія отложить года на 4 открытіе сей академіи здѣсь... Уже открытое здѣсь академическое правленіе нельзя ли будетъ оставить въ качествѣ правленія только внѣшняго или въ качествѣ строительнаго комитета на случай сооруженія новыхъ помѣщеній для академіи, а настоящихъ воспитанниковъ ея отослать, куда заблагоразсудится?"

Въ отвѣтъ на первое отношеніе оберъ-прокуроръ отъ 6 октября писалъ преосвященному, что для расширенія помѣщеній академіи въ монастырѣ можно вывести изъ казенныхъ помѣщеній наставниковъ академіи или даже начальниковъ, предоставя имъ помѣститься или въ другихъ зданіяхъ духовнаго вѣдомства, или на частныхъ квартирахъ съ выдачей имъ для этого квартирныхъ денегъ; считая этотъ предметъ законченнымъ, онъ торопилъ принятіемъ нужныхъ мѣръ къ скорѣйшему открытію въ академіи ея учебной части. Въ отвѣтъ на второе отношеніе отъ 19 октября пришла еще болѣе рѣшительная бумага, въ которой оберъ-прокуроръ писалъ: „за послѣдовавшею Высочайшею волею объ учрежденіи сей академіи... я не осмѣливаюсь уже входить ни въ какія сужденія по сему предмету. За симъ остается только изыскать всѣ возможные способы и принять дѣятельнѣйшія мѣры къ окончательному устраненію возникающихъ сомнѣній и препятствій". Для немедленной медицинской помощи студентамъ рекомендовалось тотчасъ опредѣлить положеннаго по штату врача. Для воспособленія наставникамъ въ наймѣ квартиръ Св. Синодомъ разрѣшено, въ видѣ временной, чрезвычайной мѣры, выдавать имъ изъ духовно-учебныхъ капиталовъ квартирныя деньги по 200 р. сер. въ годъ каждому, кромѣ ректора и инспектора, которые должны были во всякомъ случаѣ имѣть казенныя помѣщенія. Въ случаѣ тѣсноты въ монастырѣ и послѣ этого, рекомендовалось устроить временное жительство и классы студентовъ въ другомъ зданіи духовнаго вѣдомства или въ крайнемъ случаѣ нанять для этого одинъ или два изъ уцѣлѣвшихъ домовъ въ Казани. Въ заключеніе всего оберъ-прокуроръ извѣщалъ преосвященнаго, что „если бы обстоятельства потребовали на устройство академіи въ настоящее время издержекъ гораздо болѣе обыкновенныхъ, то главное духовное начальство озаботится безъ малѣйшаго отлагательства доставленіемъ къ

тому денежныхъ способовъ для вѣрноподданническаго исполненія монаршей воли".

Послѣ долгаго обсужденія средствъ къ болѣе просторному помѣщенію академіи, ни преосвященный Владиміръ, ни академическое правленіе не могли изобрѣсти ничего новаго. Въ одномъ изъ писемъ своихъ къ графу Протасову отъ 17 ноября преосвященный писалъ, что онъ вмѣстѣ съ академическимъ правленіемъ не нашли ни одного частнаго дома, въ которомъ бы можно было помѣстить какую либо часть академіи, хотя бы съ ущербомъ для школьнаго надзора и школьнаго хозяйства, и по духовному вѣдомству нѣтъ никакихъ для этого свободныхъ и удобныхъ зданій, какъ о томъ онъ извѣщалъ его сіятельство и раньше. Оставалось разсчитывать на помѣщеніе части учащихся или учащихъ въ одномъ изъ двухъ архіерейскихъ домовъ; но городской зимній домъ занятъ самимъ преосвященнымъ и состоящими при немъ необходимыми лицами и пѣвчими, а выселиться ему, преосвященному, совсѣмъ въ загородный домъ невозможно по отдаленности послѣдняго, за неудобствомъ сообщенія оттуда съ городомъ для архіерейскаго въ каѳедральномъ соборѣ служенія, для просителей и дѣлъ епархіи и по его неприспособленности къ зимнему въ немъ жительству; для академіи же этотъ лѣтній домъ совершенно неудобенъ и малъ. Изъ всѣхъ свѣдѣній „изволите, думаю, усмотрѣть, писалъ преосвященный, и окончательно увѣриться, что мои прежнія по сему предмету извѣщенія были справедливы, что намъ монастырскихъ или другихъ казенныхъ помѣщеній духовнаго вѣдомства и денегъ не жаль, что понимая въ полной мѣрѣ всю крайность настоящихъ обстоятельствъ и всю благотворность для св. церкви открытія здѣсь духовной академіи, мы ревностно и съ радостію, не безпокоя начальства, воспользовались бы таковыми помѣщеніями, еслибы только онѣ существовали и были для насъ подручны, и что наконецъ главнѣйшее попеченіе училищнаго начальства касательно помѣщенія сей академіи должно, мнѣ кажется, состоять теперь не въ пріисканіи для нея квартиры, ибо это невозможно, а въ томъ, чтобы поспѣшить разрѣшеніемъ на постройку новыхъ для нея зданій на Арскомъ полѣ".

Но послѣ разрѣшенія наставникамъ академіи квартирнаго пособія, благодаря энергіи преосвященнаго, разныя препятствія въ дѣлѣ окончательнаго открытія академіи и по учебной части стали къ концу октября мало по малу устраняться.

Изъ того же письма къ оберъ-прокурору и изъ дѣлъ правленія видно, что къ 23 октября безпріютныхъ семинарскихъ наставниковъ, нѣкоторыхъ съ семьями, успѣли, къ великому ихъ огорченію, вывести изъ Спасскаго монастыря; студентовъ еще до начала сентября размѣстили въ такъ называемомъ пѣвческомъ корпусѣ монастыря, гдѣ теперь миссіонерскій пріютъ; врачъ семинарскій штабъ-лекарь Франкъ, по причинѣ возникшаго у начальства академіи сомнѣнія о вредномъ вліяніи этихъ помѣщеній для здоровья молодыхъ людей, 27 октября далъ свидѣтельство, что онъ нашелъ эти помѣщенія, хотя и тѣсными, но сухими и теплыми, и что находящіеся подъ нѣкоторыми изъ нихъ погреба не будутъ имѣть на нихъ вліянія сырости по причинѣ хорошаго устройства комнатныхъ половъ; ректоръ и инспекторъ помѣстились въ покояхъ настоятельскихъ, такъ какъ настоятеля въ Спасскомъ монастырѣ тогда не было (бывшій до этого настоятель архимандритъ Стефанъ уѣхалъ въ Воронежъ, на должность ректора тамошней семинаріи); правленіе устроено въ братскомъ корпусѣ; тамъ же были помѣщены и столовая съ классами; секретаря Гусева призрѣлъ у себя въ архіерейскомъ домѣ преосвящ. Владиміръ; эконома же Аркадія поселили съ монастырской братіей; набрали нужное число служителей, завели классную мебель и проч.. 27 октября кончились пріемныя испытанія студентовъ, а къ началу ноября стали съѣзжаться къ мѣсту своего служенія нѣкоторые изъ назначенныхъ въ академію наставниковъ, баккалавры Е. Зубковъ и Н. Минервинъ, такъ что вмѣстѣ съ профессорами, раньше прибывшими въ Казань (архим. Серафимомъ, Д. Гусевымъ и Смирновымъ), преподавательская корпорація состояла уже изъ 5 человѣкъ, кромѣ ректора Іоанна, не имѣвшаго каѳедры; остальные наставники ожидались въ скоромъ времени. Принявъ все это во вниманіе и вполнѣ убѣдившись въ твердой рѣшимости высшаго начальства открыть академію непремѣнно въ текущемъ же году и по учебной части, преосвященный Владиміръ поручилъ правленію академіи сдѣлать всѣ нужныя распоряженія къ возможно-поспѣшному осуществленію воли начальства. Днемъ открытія лекцій назначено было 8 ноября, ознаменованное сугубымъ торжествомъ,—церковнымъ въ честь безплотныхъ силъ небесныхъ и гражданскимъ—тезоименитства великихъ князей Ми-

хаила Павловича и Михаила Николаевича и праздникомъ всѣхъ кавалерскихъ россійскихъ орденовъ.

По утру 8 ноября въ теплой церкви Спасскаго монастыря, въ присутствіи всей наличной академической корпораціи, отслуженъ былъ молебенъ съ водоосвященіемъ. Потомъ прибылъ владыка и совершилъ божественную литургію и благодарственный молебенъ вмѣстѣ съ царскимъ. Послѣ литургіи и молебна преосвященный съ крестомъ, въ сопровожденіи почетнѣйшихъ особъ изъ духовенства и гражданскихъ чиновниковъ, приглашенныхъ на торжество, перешелъ въ залъ настоятельскихъ покоевъ.

Здѣсь прежде всего секретаремъ правленія Гусевымъ прочитанъ былъ составленный имъ отчетъ объ открытіи Казанской Духовной Академіи, въ которомъ указаны были вкратцѣ всѣ обстоятельства, которыми сопровождалось это открытіе, и изложены относящіеся къ нему документы (1). „Начало Казанской Академіи, заключилъ этотъ отчетъ секретарь, есть начало крестоносное. Не смотря на такое начало, съ истинной, религіозной точки зрѣнія, въ духѣ вѣры, мы осмѣливаемся думать, что оно есть наилучшее изъ всѣхъ началъ; потому что одинъ только тернистый путь есть путь вѣрный къ славѣ; потому что все, прямо полезное и благотворное по своимъ послѣдствіямъ, всегда встрѣчало, встрѣчаетъ и будетъ встрѣчать препятствія и остановки“. За отчетомъ секретаря послѣдовала благочестивая и одушевленная рѣчь профессора св. Писанія архим. Серафима, въ которой, разсказавъ, какъ, по царственному слову Помазанника Божія—„да будетъ“, явилось новое свѣтило духовной мудрости въ странѣ, по мѣстамъ еще объятой тьмою заблужденія и нечестія, ораторъ указывалъ вѣрнѣйшій путь, по которому это новое свѣтило должно, яко исполинъ, теши путь свой; путь этотъ указанъ словомъ Божіимъ, необходимымъ для всѣхъ наукъ и богословія, и философіи, и исторіи, и словесности, и поэзіи, безъ котораго всѣ эти науки бываютъ такъ же жалки, какъ жалокъ слабый, всегда и во всемъ погрѣшительный разумъ человѣческій, вѣч-

(1) Отчетъ этотъ дословно вошелъ въ составъ записки проф. Гвоздева по поводу 25-лѣтія казанской академіи, напечатанной въ Прав. Собесѣдникѣ 1868 г. III ч., 200 и 277.

но увлекающійся разными блуждающими огоньками по распутіямъ всяческой лжи (1).

По окончаніи рѣчи протодіакономъ провозглашено многолѣтіе Государю Императору съ Августѣйшей фамиліей и Св. Синоду. Вся академическая братія приложилась ко кресту и была окроплена преосвященнымъ святою водою. Владыка, обратившись къ воспитанникамъ, преподалъ имъ наставленіе, въ которомъ увѣщавалъ ихъ оправдывать заботливыя о нихъ попеченія начальства примѣрно—добрымъ поведеніемъ и ревностнымъ прилежаніемъ къ пріобрѣтенію основательныхъ познаній, обѣщая съ своей стороны отечески пещись объ улучшеніи ихъ внѣшняго быта. Принявъ отъ преосвященнаго крестъ, инспекторъ академіи въ сопровожденіи протодіакона, несшаго св. воду, прошелъ всѣ академическія помѣщенія, окропляя ихъ св. водою и осѣняя крестомъ. Послѣ того начальники и наставники академіи и семинаріи вмѣстѣ съ почетнѣйшими лицами изъ духовенства приглашены были преосвященнымъ къ обѣденному столу въ архіерейскомъ домѣ.

На слѣдующій день 9 ноября, по совершеніи молебна предъ началомъ ученія, начальники, наставники и студенты академіи, приложившись въ каѳедральномъ соборѣ къ мощамъ первосвятителя и первопросвѣтителя Казани св. Гурія, приняли у владыки благословеніе на открытіе классовъ и начался первый академическій курсъ (2).

---

(1) Рѣчь эта напечатана въ книгѣ: Слова и рѣчи архим. Серафима, стр. 99. Казань. 1848 г.

(2) Труды преосвященнаго Владиміра, понесенные при открытіи академіи, не остались безъ вниманія со стороны Высочайшей власти, пожелавшей основать это высшее духовное учебное заведеніе восточнаго края Имперіи. Въ Пасху 1843 г. онъ былъ награжденъ орденомъ св. Владиміра 1 степени при рескриптѣ Государя отъ 9 апрѣля, въ которомъ было изображено: «Многолѣтнее и полезное служеніе Ваше Церкви ознаменовалось и въ истекшемъ году ревностнымъ исполненіемъ Нашей воли относительно открытія въ Казани новаго вертограда высшихъ духовныхъ знаній, не смотря на постигшій оную пожаръ, коего гибельныя слѣдствія для тамошняго духовенства отвращены благовременными распоряженіями Вашими къ обезпеченію нуждъ его. Въ изъявленіе монаршаго вниманія Нашего къ таковымъ заслугамъ, сопричисля Васъ къ ордену св. равноапостольнаго кн. Владиміра 1 степени, повелѣваю Вамъ знаки онаго, при семъ препровождаемые, возложить на себя и носить по установленію»....

Въ Спасскомъ монастырѣ академія провела цѣлыхъ два года, т. е. пока въ ней учился одинъ только первый курсъ студентовъ; съ поступленіемъ втораго курса, когда число студентовъ увеличилось вдвое, она перешла въ болѣе просторное наемное помѣщеніе въ домѣ Мельниковыхъ на Проломной улицѣ, въ которомъ провела 4 года; наконецъ уже въ въ 1848 г. водворилась въ своихъ собственныхъ зданіяхъ, выстроенныхъ для нея за городомъ на Арскомъ полѣ, гдѣ продолжаетъ помѣщаться и доселѣ.

Исторію ея за первый періодъ отъ 1842 до 1870 года, когда она находилась подъ дѣйствіемъ стараго устава 1814 г., во избѣжаніе путаницы разнородныхъ фактовъ, всего удобнѣе изложить по разнымъ отдѣльнымъ частямъ ея, по которымъ она регламентировалась и въ самомъ уставѣ. Части эти: 1) административная, 2) учебная, касающаяся строя академическаго курса и преподаванія, 3) экономическая и 4) нравственная. Изображая состояніе послѣдней части, по уставу касающейся собственно поведенія студентовъ академіи, мы сочли нужнымъ расширить содержаніе нашего изложенія, посвятивъ его изображенію вообще всего быта студентовъ и ихъ учебной жизни, въ которыхъ находили свое отраженіе и повѣрку и административная дѣятельность начальства академіи, и преподавательская дѣятельность наставнической корпораціи.

I.

СОСТОЯНІЕ АДМИНИСТРАТИВНОЙ ЧАСТИ ВЪ АКАДЕМІИ ДО 1870 ГОДА.

Административная часть академической жизни, по проекту устава духовныхъ академій, сообразно тремъ главнымъ задачамъ учрежденія духовныхъ академій,—а) образовывать духовное юношество къ высшимъ должностямъ, б) распространять и поощрять ученость въ духовенствѣ ввѣреннаго каждой академіи округа и в) управлять духовными училищами своихъ округовъ, распредѣлялась между тремя главными административными учрежденіями при академіяхъ: а) правленіемъ академіи внутреннимъ, б) академическою конференціею и в) правленіемъ академіи внѣшнимъ или окружнымъ.

I. ВНУТРЕННЕЕ ПРАВЛЕНІЕ АКАДЕМІИ.

Внутреннее правленіе завѣдывало всею внутреннею жизнью академіи и представляло собою ближайшее начальство академіи, само состоя подъ непосредственнымъ начальственнымъ вѣденіемъ мѣстнаго преосвященнаго. Его составляли: ректоръ, инспекторъ и экономъ академіи, а если послѣдній не имѣлъ академическаго образованія и не могъ потому принимать участія въ дѣлахъ по учебной части академіи, то для дѣлъ по одной этой части еще особый четвертый членъ изъ наличныхъ профессоровъ академіи Для дѣлопроизводства состоялъ при академіи секретарь, съ полными правами члена академіи, и нѣсколько письмоводителей.

Не смотря на коллегіальное устройство правленія, оно во всѣхъ своихъ дѣйствіяхъ вполнѣ зависѣло отъ ректора, значеніе котораго въ академической администраціи, отчасти и по уставу, а главнымъ образомъ практическимъ путемъ, издавна получило почти единовластную постановку. Онъ былъ властнымъ распорядителемъ всѣхъ академическихъ дѣлъ и рѣшителемъ судьбы какъ всѣхъ служившихъ, такъ и всѣхъ учившихся въ академіи. Единственное ограниченіе его власти было лишь сверху, отъ высшаго начальства и, конечно, прежде всего со стороны мѣстнаго преосвященнаго, съ которымъ онъ поэтому долженъ былъ во всемъ совѣщаться и стараться приходить въ соглашеніе. Можно поэтому представить, какъ важно было для высшаго начальства, назначавшаго всѣхъ ректоровъ, сдѣлать сколько нибудь удачный выборъ кандидата для замѣщенія такого важнаго поста въ только лишь открывшемся высшемъ учебномъ заведеніи. Къ сожалѣнію, вѣроятно по скорости открытія академіи, высшее начальство не успѣло позаботиться о такомъ выборѣ.

Первымъ ректоромъ новой академіи, какъ мы видѣли, былъ назначенъ архимандритъ *Іоаннъ Оболенскій*. Онъ былъ Орловскій урожденецъ и воспитанникъ кіевской академіи 1827 г., кончившій курсъ со степенью только старшаго кандидата. Первоначально онъ былъ преподавателемъ словесности въ Перми; здѣсь же въ апрѣлѣ 1829 г. постригся и въ монашество, послѣ чего къ осени сдѣланъ былъ инспекторомъ семинаріи. Въ слѣдующемъ году мы видимъ его смотрителемъ пермскихъ духовныхъ училищъ, а за тѣмъ въ томъ же году ректоромъ харьковской семинаріи. Въ февралѣ 1833 г., по представленію мѣстнаго архіерея, онъ былъ возведенъ въ санъ архимандрита, а въ декабрѣ коммиссіею духовныхъ училищъ удостоенъ степени магистра, прослуживши такимъ образомъ 5 лѣтъ на духовно-училищной службѣ со степенью кандидата и три года ректоромъ въ санѣ простаго іеромонаха. Учености онъ былъ недальней, должностью преподавателя тяготился еще во время своего семинарскаго ректорства въ Харьковѣ, вслѣдствіе чего не однократно просилъ, чтобы коммиссія духовныхъ училищъ освободила его отъ преподаванія богословія и оставила за нимъ одну только ректорскую должность. Въ 1836 г. коммиссія наконецъ исполнила это его желаніе. Въ 1840 г онъ былъ въ Петербургѣ на чредѣ служенія и получилъ орденъ св. Анны 2 степени. Репутація его

въ Харьковѣ была очень не высокая. Извѣстный архипастырь-витія, преосвященный Иннокентій Борисовъ, сдѣлавшійся въ 1841 г. харьковскимъ епископомъ, былъ не доволенъ его ректорствомъ, не смотря на свое землячество съ нимъ по Орлу и знакомство по кіевской академіи. По случаю назначенія его въ ректоры казанской академіи, преосвященный Иннокентій отъ 18 іюня 1842 г. писалъ засѣдавшему тогда въ Синодѣ рязанскому архіепископу Гавріилу: „Вы берете у насъ ректора въ Казань и даете намъ инспектора с.-петербургской академіи (Филоѳея, впослѣдствіи митрополита кіевскаго). Мѣна для насъ прекрасная, но подумали-ли хорошо объ участи новой академіи?... О. архимандритъ Іоаннъ человѣкъ прекрасный, но управитель не таковъ. Впрочемъ новое поприще можетъ пробудить новую дѣятельность. Дай Богъ! Судьба академіи много значитъ“ (1).

Архимандритъ Іоаннъ былъ всетаки опредѣленъ въ ректоры; но новое поприще не пробудило его къ новой дѣятельности. Это былъ человѣкъ еще довольно молодой, но болѣзненный, а болѣе всего мнительный. Дѣлами академіи онъ почти вовсе не занимался; всѣ правленскія резолюціи и распоряженія въ архивѣ того времени написаны руками секретарей, которые все дѣлали сами, показывая бумаги ректору и инспектору только для подписи. Входящіе пакеты и бумаги съ почты получались тоже прямо секретарями и ими же помѣчались. Правленіе собиралось на засѣданія только въ какихъ нибудь особенныхъ случаяхъ, когда уже вовсе нельзя было ему не собраться. Въ учебную часть ректоръ тоже не вмѣшивался. Студенты видѣли его едва-ли не за однимъ только богослуженіемъ. Не являлся онъ иногда и на экзамены, сказавшись больнымъ и предоставивъ вести ихъ инспектору, какъ это случилось предъ Рождествомъ 1842 г. (2), когда онъ отказался отъ послѣднихъ двухъ экзаменовъ, не участвовалъ и при составленіи студенческаго списка послѣ испытанія, и къ вакату 1843 г. (3), когда онъ отпросился для

---

(1) Письма Иннокентія въ Чт. Общ. ист. и древн. 1869 г. т. I, стр. 104—105

(2) Дѣло внутр. правл. 1843 г. № 12.

(3) Тамъ же № 67. Онъ выѣхалъ изъ Казани 18 іюня, побывавъ только на одномъ экзаменѣ.

излеченія на Сергіевскія воды. Студенты сохранили объ немъ впрочемъ хорошую память, какъ о добромъ, благодушномъ и пріятномъ начальникѣ, который мало ихъ безпокоилъ своимъ начальствованіемъ и предоставлялъ имъ полную свободу жить, какъ хотѣлось.

Экономическія дѣла въ правленіи велись самымъ упрощеннымъ способомъ, по однимъ запискамъ эконома и журнальнымъ опредѣленіямъ, безъ всякихъ актовъ свидѣтельствованія, подъ часъ даже безъ представленія счетовъ и росписокъ. Къ счастію, академія имѣла тогда прекраснаго эконома, іеромонаха Аркадія; кромѣ того на экономическую часть много обращалъ вниманія самъ преосвященный Владиміръ, архипастырь опытный, хозяйственный и даже нѣсколько скупой на казенные расходы. На первыхъ порахъ ему стоило не малаго труда включить академическую экономію даже въ обыкновенные предѣлы уставнаго бюджета. Денегъ въ академической кассѣ было много, потому что годовой окладъ на содержаніе заведенія выдавался сполна, а академическая корпорація состояла пока только изъ половины студентовъ и преподавателей противъ штата, изъ одного только перваго курса. Кромѣ того, въ распоряженіе правленія отпущена была довольно значительная, какъ мы видѣли, сумма на первоначальное устройство помѣщенія и обзаведеніе академіи. И правленіе начало роскошествовать, не обращая вниманія на уставныя правила расходовъ. Въ дѣлахъ его, особенно за 1843 г., мы видимъ значительное число резолюцій преосвященнаго, останавливавшихъ излишніе расходы вопреки „правилу училищному“. Такъ въ мартѣ этого года, „не видя правила училищнаго“, онъ остановилъ уплату денегъ за устройство для начальствующихъ лицъ академіи двухъ мантій и митръ (1). Потомъ ректоръ и инспекторъ стали устраивать себѣ приличный выѣздъ, еще въ 1842 г. купили 5 лошадей, а въ маѣ 1843 г. стали было приторговывать еще шестую. Преосвященный остановилъ и эту затѣю (2). Лѣтомъ началось дѣло о лишнихъ служителяхъ при академіи, назначенныхъ для услуженія при ректорѣ и инспекторѣ, и при томъ съ возвышеннымъ противъ другихъ служителей жалованьемъ. На журналѣ правленія 5 іюля преосвященный написалъ: „Реко-

(1) Дѣло внутр. правл. 1843 г. № 56.
(2) Дѣло 1842 г. № 34.

мендую служителей имѣть въ такомъ количествѣ, какое необходимо нужно по уставу академическому, и при тѣхъ лицахъ и должностяхъ, при которыхъ положено ихъ имѣть по уставу, съ безпристрастною выдачею имъ жалованья по трудамъ“ (1). Точно также преосвященный Владиміръ вступался въ расходы правленія по содержанію студентовъ, которыхъ благосклонное академическое начальство на первый разъ баловало и неположеннымъ по уставу чаемъ, и далеко превышавшимъ штатныя средства академіи столомъ. Въ 1843 г. на журналахъ правленія постоянно встрѣчаемъ резолюціи владыки, требовавшія отъ правленія строгаго соблюденія существующихъ правилъ по расходамъ этого рода и опредѣленія постоянной нормы, сколько какихъ припасовъ и вещей нужно расходовать на студентовъ въ извѣстный срокъ. На возраженія правленія, что при этихъ расходахъ оно съ своей стороны не предвидитъ никакой передержки штатной суммы, а напротивъ надѣется имѣть къ концу года даже остатки, онъ писалъ въ своей резолюціи (19 октября): „Я думаю, что достаточество положенной на содержаніе студентовъ пищею суммы не даетъ намъ права умножать и улучшать пищу вдвое или болѣе противъ того, какъ назначено уставомъ“. Въ тоже время онъ постоянно требовалъ точности въ веденіи приходо-расходныхъ книгъ, повѣрки дѣйствій экономa, свидѣтельства припасовъ и предметовъ экономіи, соблюденія правилъ касательно справочныхъ цѣнъ и т. п. (2).

Но, при всей своей внимательности къ дѣйствіямъ юнаго, еще не совсѣмъ дѣловитаго правленія, онъ все-таки никакъ не могъ услѣдить за всѣми его промахами и упущеніями. Исправленіе ихъ стоило потомъ не мало безпокойства послѣдующимъ дѣятелямъ академической администраціи. Въ мартѣ 1848 г., когда первоначальное устройство академіи уже кончилось и она готовилась перейти въ собственныя зданія, хозяйственное управленіе Св. Синода потребовало отъ правленія общаго отчета въ расходѣ всѣхъ суммъ, отпущенныхъ на ея открытіе и обзаведеніе. По случаю этого требованія, въ расходованій этихъ суммъ за время ректорства архим. Іоанна открылась замѣчательная простота. Не

---

(1) Дѣло внутр. правл. 1843 г. № 24.

(2) См. журн. правл. 30 дек. 1842 г., 23 янв., 12 іюля, 17 сент., 5 и 19 окт. 1843 г. и дѣло 1843 г. № 47.

смотря на то, что почти всѣ расходы производились тогда безъ подрядовъ, экономическимъ образомъ, требовавшимъ особенной внимательности къ оправдательнымъ документамъ, они дѣлались по однимъ лишь запискамъ эконома и по журнальнымъ опредѣленіямъ правленія: разрѣшить такой-то расходъ, затѣмъ вынуть изъ казнохранилища требуемую сумму и выдать, безъ актовъ свидѣтельствованія, безъ справочныхъ цѣнъ и даже не рѣдко безъ росписокъ. Изъ 2,428 руб. всего расхода, подлежавшаго теперь отчетности, на 1725 р. правленіе не могло представить никакихъ другихъ документовъ, кромѣ этихъ своихъ журналовъ, которые и были отосланы въ хозяйственное управленіе въ подлинникѣ. Справочныя цѣны за 1842—1844 гг. получены были изъ думы для отсылки уже послѣ, по особому требованію изъ хозяйственнаго управленія. Непріятная переписка объ этихъ опущеніяхъ тянулась почти 8 лѣтъ. Требовались еще описи академическаго имущества для повѣрки расходовъ отчетныхъ годовъ съ наличностію. Къ счастію, наличность оказалась согласною съ расходомъ. Въ декабрѣ уже 1855 г. Св Синодъ наконецъ порѣшилъ признать весь показанный правленіемъ расходъ дѣйствительнымъ, и все дѣло кончилось лишь строгимъ распоряженіемъ, чтобы на будущее время правленіе неопустительно руководствовалось въ своихъ хозяйственныхъ дѣйствіяхъ предписанными правилами (1). Замѣтимъ кстати, что самыя описи академическаго имущества того времени получили свое документальное значеніе, благодаря лишь преосвященному Владиміру, который послѣ перваго же полугодія предложилъ правленію непремѣнно повѣрять академическое имущество по уставу (§ 239) два раза въ годъ самому правленію съ надлежащимъ актомъ; первоначально правленіе распорядилось было сдѣлать эту повѣрку одному баккалавру Минервину (2).

А между тѣмъ, кромѣ текущихъ дѣлъ, правленію при ректорѣ Іоаннѣ предстояло еще особое, очень сложное и хлопотливое дѣло о постройкѣ для академіи собственныхъ зданій; весной 1843 г. уже открытъ былъ строительный комитетъ, въ которомъ ректоръ сдѣланъ былъ предсѣдателемъ. Интересно, какъ бы при немъ пошла эта важная постройка; къ счастію, она при немъ не успѣла даже и начаться, и дѣло это попало въ болѣе дѣятельныя и опытныя руки.

---

1) Дѣло внутр. правл. 1843 г. № 82.

2) Журн. 29 дек. 1842 г. Дѣло того же года № 52.

7 мая 1844 г. архим. Іоаннъ, по разстроенному здоровью и согласно собственному прошенію, былъ уволенъ отъ духовно-училищной службы съ предоставленіемъ въ его завѣдываніе рязанскаго Троицкаго монастыря. Въ началѣ 1849 г. объ немъ опять вспоминали въ Синодѣ, и преосвященный Иннокентій, засѣдавшій тогда въ Синодѣ, писалъ Гавріилу рязанскому: „При разсужденіи о замѣщеніи открывшейся вакансіи настоятеля въ нѣжинскомъ Благовѣщенскомъ монастырѣ было воспомянуто о Вашемъ о. архимандритѣ Іоаннѣ, бывшемъ ректорѣ казанской академіи. Если настоящее мѣсто пребыванія ему не нравится, .. то это перемѣщеніе очень легко можетъ послѣдовать. Но въ такомъ случаѣ благоволите сказать и Ваше мнѣніе о его совершенной благонадежности для сего новаго мѣста, ибо туда нуженъ именно такой настоятель“ (1). Но потому ли, что онъ самъ не пожелалъ перемѣщенія, или потому что преосв. Гавріилъ не поручился за его совершенную благонадежность, только онъ остался по прежнему въ своемъ рязанскомъ монастырѣ, гдѣ вскорѣ, 17 августа 1851 года и скончался.

Весной 1854 г. академія вспомнила своего перваго ректора по случаю присылки изъ Рязани его портрета, пожертвованнаго академіи, какъ значится въ надписи на его задней сторонѣ, „въ даръ рязанскою госпожею, дочерью коллежск. совѣтн. Дарьею Никол. Макаровою“. Портретъ этотъ, говорятъ, однако мало сходный съ оригиналомъ, былъ повѣшенъ въ присутственной камерѣ академическаго правленія вмѣстѣ съ портретомъ втораго ректора, преосв. калужскаго Григорія, пожертвованнымъ отъ него самого около того же времени (2). Въ настоящее время они украшаютъ стѣны актовой залы академіи.

При бездѣятельности главнаго начальника заведенія, вся тяжесть администраціи должна была лечь, конечно, на его сотрудниковъ по правленію и прежде всѣхъ на инспектора. Первый инспекторъ академіи былъ архим. *Серафимъ Аретинскій*, изъ воспитанниковъ кіевской же академіи, на которую, какъ видится, много разсчитывали тогда, что она окажетъ доброе вліяніе на новорожденную академію въ Казани. Онъ былъ сынъ небогатаго и многосемейнаго діакона Крестовоздвижен-

(1) Письма Иннокентія въ Чтен. О. И. и Др. 1869 г.

(2) Д. внутр. правл. 1854 г. № 25.

ской церкви въ г. Орлѣ, родился въ 1812 г. Мірское его имя было Александръ Николаевичъ Аретинскій. Образованіе свое онъ получилъ въ орловской семинаріи; въ кіевской академіи учился (1833—1837 г.г.) въ ректорство Иннокентія Борисова, которому потомъ даже нѣсколько старался подражать въ витійствѣ. Въ монашество постригся еще въ академіи, въ маѣ 1837 г.; кончилъ курсъ первымъ магистромъ и былъ оставленъ при академіи баккалавромъ богословскихъ наукъ; 15 іюня 1842 г. преосв. кіевскимъ Филаретомъ былъ возведенъ въ санъ архимандрита, а 1 іюля назначенъ прямо на должность инспектора академіи въ Казань, ни разу до этого не побывавши у дѣлъ правленія, за исключеніемъ одного вакатнаго мѣсяца въ 1838 г. (отъ 3 іюля по 6 авг.), когда оставался въ кіевской академіи за инспектора.

Въ Казань онъ пріѣхалъ въ половинѣ сентября, когда въ академію съѣхались уже всѣ студенты, назначенные въ составъ I курса, а изъ наставниковъ было на лицо только двое—проф. Д. Ѳ. Гусевъ, секретарь правленія, явившійся раньше всѣхъ (27 авг.), и профессоръ философіи И. А. Смирновъ-Платоновъ, и съ разу былъ заваленъ здѣсь разнообразными работами. Вслѣдствіе извѣстной затяжки дѣла по открытію академіи съѣхавшіеся студенты долго жили безъ всякихъ опредѣленныхъ занятій. Ректоръ почти не вступался въ ихъ жизнь. Втроемъ съ двумя профессорами инспекторъ принялся занимать ихъ разными сочиненіями и приготовленіемъ къ пріемнымъ экзаменамъ. Экзамены эти для наполненія времени они нарочно растянули на весь октябрь и часть ноября; въ нихъ принималъ участіе и самъ ректоръ. За тѣмъ слѣдовали: пріемъ студентовъ, открытіе самой академіи, къ которому Серафимъ приготовилъ свою витіеватую рѣчь, 9 ноября начало лекцій, читать которыя до 20-хъ чиселъ ноября пришлось за всѣхъ неявившихся до этого времени преподавателей тѣмъ же троимъ наличнымъ преподавателямъ. Сверхъ своего предмета— св. Писанія, Серафимъ преподавалъ въ это время еще словесность. Подобнаго рода работы продолжались для него и послѣ. Особенно много приходилось ему работать надъ массой студенческихъ сочиненій и проповѣдей, которыя онъ долженъ былъ разсматривать чаще другихъ преподавателей. Не довольствуясь этими занятіями съ студентами, въ началѣ своей службы онъ еще завелъ у себя, въ назначенные дни, вечернія собранія для студентовъ, на которыхъ, угостивъ

ихъ чаемъ, велъ съ ними богословскія и литературныя бесѣды; вечера эти впрочемъ скоро начали пустѣть и сами собой упразднились.

На другой годъ его службы, 22 сентября, ректоръ, ходатайствуя предъ преосвященнымъ Владиміромъ о награжденіи его половиннымъ профессорскимъ окладомъ (357 р. 50 к.), писалъ въ своемъ представленіи: „Долгомъ считаю засвидѣтельствовать предъ Вашимъ Высокопреосвященствомъ объ отлично усердной и полезной для академіи службѣ за прошедшій учебный годъ инспектора академіи профессора архим. Серафима. Еще до открытія классовъ въ академіи и до пріѣзда наставниковъ, въ теченіи сентября, октября и частію въ ноябрѣ прошедшаго 1842 г. онъ вполнѣ былъ за всѣхъ наставниковъ для прибывшихъ въ академію студентовъ, занимая ихъ то повтореніемъ преподаннаго въ семинаріяхъ и пополненіемъ онаго своими обильными и полезными примѣчаніями, то письменными упражненіями и критическимъ разборомъ оныхъ. По открытіи же академіи, кромѣ примѣрной для другихъ исправности по собственнымъ своимъ, профессорской и инспекторской, должностямъ, на немъ одномъ въ теченіи года лежало и теперь лежитъ чтеніе и исправленіе проповѣдей студенческихъ, произносимыхъ въ церкви по воскреснымъ и праздничнымъ днямъ. Онъ почти одинъ занималъ классы прочихъ наставниковъ академіи въ случаѣ ихъ болѣзни, и всегда съ отмѣнною пользою для студентовъ; онъ же, съ моего согласія, въ воскресные и праздничные дни предъ обѣднею занималъ и занимаетъ студентовъ истолкованіемъ дневныхъ евангелій или какихъ нибудь другихъ избранныхъ мѣстъ св. Писанія, польза и трудъ каковаго занятія равняются почти обыкновенному его классу“. Къ этому присовокуплено было и то, что лѣтомъ 1843 г. инспекторъ, за отсутствіемъ ректора для леченія на Сергіевскія воды и на ревизію оренбургскихъ училищъ, почти три мѣсяца исправлялъ ректорскую должность. По этому представленію преосвященный исходатайствовалъ награжденіе его кабинетнымъ крестомъ, котораго онъ и былъ Высочайше удостоенъ отъ 8 апрѣля 1844 г. (1).

По всему этому видно, что инспекторъ Серафимъ былъ человѣкъ весьма усердный и трудолюбивый. Но его симпатіи лежали къ труду собственно учебному; къ административной

(1) Д. внутр. правл. 1843 г. № 8.

же дѣятельности онъ не успѣлъ пріобрѣсти ни подготовки, ни склонности. Въ такъ называемыхъ „дѣлахъ“ онъ оставался настоящимъ младенцемъ во все время пребыванія своего въ академіи и долго послѣ этого, уже на самостоятельныхъ административныхъ постахъ. Даже въ сферѣ своей спеціальной, инспекторской должности онъ былъ не столько начальникомъ, сколько добрымъ и ласковымъ другомъ молодыхъ людей, ввѣренныхъ его руководительству. Замѣчательно, что эта симпатичная черта его личности отличала его потомъ и на высшихъ постахъ его іерархическаго служенія до конца жизни. Его некрологъ и надгробныя рѣчи при его погребеніи послѣ воронежскаго святительства, изданныя въ брошюрѣ, перепечатанной изъ Воронежскихъ Епархіальныхъ Вѣдомостей 1886 г.(1), всѣ представляютъ его преимущественно ревностнымъ учителемъ паствы, милосердымъ отцемъ духовенства, мужемъ мира и любви, кроткимъ, глубоко вѣровавшимъ въ добрыя качества человѣческой души, какъ бы она иногда ни сильно предавалась порчѣ, и по преимуществу „благостнымъ“ святителемъ.

Къ студентамъ онъ относился ласково и довѣрчиво, не стѣсняя ихъ своимъ инспекторскимъ надзоромъ, какъ людей уже зрѣлыхъ и образованныхъ, на которыхъ можно положиться, и только стараясь возбудить въ нихъ своими наставленіями христіанскія чувства и сознаніе собственнаго достоинства, подобающаго воспитанникамъ высшаго духовнаго заведенія; въ разговорѣ съ ними часто называлъ ихъ не по фамиліямъ, а по имени и отечеству, и при этотъ принималъ такой дружескій тонъ, что многіе изъ нихъ, привыкнувъ прежде къ грубому обращенію семинарскихъ начальствъ, не могли даже и оцѣнить такого обращенія, подозрѣвали въ его ласковости и довѣрчивости какое-то іезуитство. Отъ этого у тогдашнихъ студентовъ объ немъ сохранились самыя разнорѣчивыя воспоминанія. Онъ очень рѣдко посѣщалъ ихъ помѣщенія, въ столовую во время трапезованія не являлся, кажется, вовсе; дисциплины не заводилъ никакой; даже комнатные старшіе въ первый разъ, по крайней мѣрѣ оффиціально, назначены были правленіемъ только 9 марта 1843 г. и тогда же дана имъ какая-то инструкція, не сохранившаяся въ дѣ-

(1) Кончина и погребеніе высокопреосв. Серафима архіепископа воронежскаго. Воронежъ. 1886 г.

лахъ правленія (1). Студенты смѣло заявляли ему и самому ректору разныя прихотливыя требованія, напримѣръ относительно стола, и эти требованія были удовлетворяемы, иногда къ великому затрудненію эконома, такъ какъ далеко расходились съ уставнымъ бюджетомъ студенческаго стола. Благодушное начальство пускалось даже въ явное баловство молодыхъ людей. Въ ежемѣсячныхъ донесеніяхъ правленію о поведеніи студентовъ никто изъ послѣдующихъ инспекторовъ не записывалъ въ число особенно отличившихся столько именъ, какъ архим. Серафимъ; въ графу же опорочившихъ себя дурными поступками онъ не записалъ ни одного студента за все время своего инспекторствованія, за исключеніемъ только одного случая подъ самый конецъ своей службы при академіи, и то уже въ ректорство строгаго Григорія Митькевича (въ августѣ 1846 г.) и по его настоянію: замѣченъ былъ одинъ студентъ, попавшійся въ пьяномъ видѣ самому ректору. Добрый инспекторъ вмѣстѣ съ профессоромъ Гусевымъ своимъ ходатайствомъ предъ ректоромъ все-таки постарались спасти этого студента по крайней мѣрѣ отъ исключенія изъ академіи.

Аттестаціи, которыя онъ писалъ студентамъ въ своихъ мѣсячныхъ донесеніяхъ правленію, показываютъ, что и въ студентахъ онъ болѣе всего цѣнилъ, помимо внѣшней исправности, ту же доброту сердца, искренность, довѣрчивость и подобныя качества, которыя ближе подходили къ его собственному характеру. Напримѣръ о Н. Ильминскомъ въ своихъ первыхъ донесеніяхъ онъ писалъ: „весьма скроменъ и благонравенъ, въ характерѣ замѣтны черты дѣтской невинности“; подъ конецъ курса: „отличается неограниченною любовію къ наукамъ, простосердечіемъ, откровенностію и невинностію души“; А. Владимірскій „весьма скроменъ, тихъ и склоненъ къ уединенію, точенъ въ исполненіи обязанностей“, въ другомъ донесеніи онъ же отмѣченъ за „искренность и прямоту“; А. Бобровниковъ „откровененъ и простосердеченъ“; самый скромный и невинный изъ студентовъ I курса И. Гвоздевъ стоялъ въ его кондуитномъ спискѣ первымъ. Едва ли не самое большое отступленіе отъ своихъ обычныхъ характеристикъ студентовъ допустилъ онъ въ рекомендаціи своего брата, Д. Аретинскаго, котораго студенты терпѣть не могли за грубость и схоларское фанфаронство и который не имѣлъ въ

(1) Д. внутр. правл. 1843 г. № 30.

своемъ характерѣ никакихъ мягкихъ чертъ,— онъ рекомендовался, какъ человѣкъ, „характера мужественнаго и основательнаго и поведенія весьма честнаго“, и только однажды за „искреннюю заботливость о душевномъ благѣ ближнихъ“ (передъ этой рекомендаціей 1846 г. ректоръ Григорій поставилъ знакъ вопроса). Когда въ академію поступилъ II курсъ, инспекторъ и въ немъ особенно замѣчалъ людей съ характерами мягкими, скромными, простосердечными, откровенными и ласковыми въ обращеніи съ другими; такъ рекомендуемъ былъ въ его донесеніяхъ И. Порфирьевъ и др., даже изъ студентовъ, не высоко стоявшихъ по успѣхамъ; В. Образцовъ отличенъ нѣсколько разъ за „невинную простоту и любовь къ начальству“, В. Ласточкинъ за „дѣтскую простоту, невольно располагающую къ нему всякаго“, А. Конвоксовъ за свою добродушную веселость, за „благодушіе, откровенность, любовь къ начальству и усердіе къ молитвѣ“. Другія черты, которыя съ особенной любовію замѣчалъ инспекторъ въ молодыхъ людяхъ, относились къ ихъ религіозности, любви къ молитвѣ и занятію священными предметами, приверженности къ церкви; узнаетъ напр., что студентъ (Погодинъ) ходитъ въ праздники по разнымъ церквамъ, и отличитъ его усердіемъ къ церкви; или замѣтитъ, что молодой человѣкъ (И. Феликсовъ) часто читаетъ Библію, и запишетъ, что онъ отличается любовію къ слову Божію; регента академическихъ пѣвчихъ Е. Соколова онъ отличалъ „усердіемъ къ церкви по обязанности регента“. О студ. Грековѣ въ одномъ донесеніи замѣчено, что „во дни великаго поста отличался воздержностію не только отъ излишняго, но и необходимаго, приверженъ къ церкви, любитъ читать въ церкви и пѣть“; этотъ студентъ вообще очень часто былъ отличаемъ за усердіе къ молитвѣ. Такъ же часто за эти же качества рекомендовался еще только одинъ студентъ II курса В. Образцовъ, который тоже „въ первую недѣлю четыредесятницы тщательно избѣгалъ соблазновъ духа и плоти, не рѣдко отказывалъ себѣ въ пищѣ и питіи, упражнялся въ чтеніи Слова Божія и богомысліи“; инспекторъ замѣчалъ въ немъ „молитвенное настроеніе духа“ и въ обыкновенное время.

Въ теченіе каждаго года инспекторъ успѣвалъ отличить какими нибудь изъ указанныхъ качествъ большую часть студентовъ, особенно старшаго курса, такъ что ни разу не отличенныхъ оставалось всего человѣка 4 — 2 въ курсѣ. Въ число этихъ послѣднихъ попадали главнымъ образомъ люди

нѣсколько насмѣшливые, разные комики обоихъ курсовъ, въ которыхъ инспекторъ не предполагалъ дѣтской чистоты и нѣжности сердца, мало занимавшіеся богословскими предметами, въ чемъ онъ видѣлъ недостатокъ религіозности, и вообще люди съ замашками свѣтскости, даже изъ весьма хорошихъ студентовъ по успѣхамъ. Не мудрено, что при всей своей добротѣ къ студентамъ, онъ былъ иногда не совсѣмъ справедливъ, пренебрегая и ставя въ своихъ кондуитныхъ спискахъ на самыя послѣднія мѣста студентовъ, по общему признанію и наставниковъ и товарищей, лучшихъ не только по успѣхамъ, но и по благородству своихъ характеровъ; въ числѣ такихъ напримѣръ у него долго стояли изъ старшихъ студентовъ Н. И. Ильминскій, Ал. А. Бобровниковъ, изъ младшихъ С. И. Гремяченскій,— будущіе преподаватели академіи и ея первыя свѣтила.

Третьимъ членомъ правленія по экономической части былъ экономъ. Первымъ экономомъ академіи былъ іеромонахъ *Аркадій Кречетовъ*. Онъ былъ мѣстный уроженецъ, сынъ священника казанской епархіи (родился въ 1809 г.), образованіе получилъ въ казанской семинаріи, въ которой въ 1830 г. кончилъ полный курсъ въ первомъ разрядѣ. По окончаніи курса былъ 4 года учителемъ высшаго отдѣленія казанскаго приходскаго училища и преподавателемъ черемисскаго языка въ духовномъ уѣздномъ училищѣ. Языкъ этотъ онъ зналъ хорошо и въ 1833 г. держалъ корректуру черемисскаго катихизиса, который печатался тогда при университетской типографіи, за что получилъ благодарность преосв. Филарета Амфитеатрова. Въ 1834 г. онъ былъ уволенъ отъ учительской должности по прошенію и поступилъ въ Раиѳскую пустынь, гдѣ чрезъ годъ былъ постриженъ въ монахи. Какъ человѣкъ образованный и дѣловой, онъ не долго оставался въ монастырѣ; съ января 1837 г. мы видимъ его уже въ должности эконома семинаріи, на которой онъ сдѣлался извѣстенъ своей рѣдкой хозяйственной распорядительностью и безусловной честностью. Съ этого времени его экономская служба, сначала въ семинаріи, а потомъ въ академіи не прерывалась до самой его смерти. При открытіи академіи первыя хозяйственныя дѣйствія къ обзаведенію новаго духовно-учебнаго заведенія были предоставлены семинарскому правленію. Опытность и расторопность отца Аркадія какъ въ этомъ дѣлѣ, такъ и при спасеніи семинарскаго иму-

щества во время пожара 1842 г. обратили на него особенное вниманіе и преосвящ. Владиміра, и новаго академическаго начальства. За отличное усердіе, съ какимъ онъ дѣйствовалъ вмѣстѣ съ инспекторомъ семинаріи Адіасевичемъ и библіотекаремъ Владимировымъ при спасеніи казеннаго имущества, архива и библіотеки, забывая собственныя потери, преосвященный Владиміръ разрѣшилъ выдать ему въ награду 250 р. сер. (въ ноябрѣ 1842 г). Лучшаго экономa для академіи трудно было найти; поэтому, при открытіи академическаго правленія 21 сентября 1842 г., вмѣстѣ съ должностью экономa семинаріи, на него возложено было исправленіе и должности академическаго экономa. Черезъ мѣсяцъ онъ однако не выдержалъ этой двойной экономской службы и съ 26 октября, по прошенію, былъ опредѣленъ штатнымъ экономомъ одной академіи (1). Съ семинаріей все-таки долго пришлось ему имѣть дѣло и послѣ этого. При сдачѣ имущества своему преемнику, Павловскому, ему трудно было высчитать всѣ потери въ этомъ имуществѣ во время пожара. Описи семинарскія сгорѣли, многихъ экономическихъ журналовъ и дѣлъ тоже не досчитывались (2). Отъ этого изъ семинарскаго правленія долго присылались въ академію разные запросы бывшему семинарскому экономy, на которые ему приходилось давать длинныя объясненія, особенно въ 1844 г., при сдачѣ экономіи слѣдующему за Павловскимъ экономy, Царицынскому, при ректорѣ семинаріи Климентѣ, человѣкѣ привязчивомъ и не любившемъ академіи изъ-за своего соперничества съ ректоромъ академіи Григоріемъ Въ отвѣтахъ Аркадія на мелочные иногда запросы, объ утратѣ напр. двухъ частей исторіи Эртова или о расходѣ пожертвованнаго семинаріи (въ 1842 г.) холста, о томъ, какъ была устроена передъ семинаріей сгорѣвшая въ пожаръ торцовая мостовая и т. п., нельзя не замѣтить изумительной памяти Аркадія на цифры и подробнаго знанія самыхъ мелкихъ обстоятельствъ, касавшихся его прежнихъ экономическихъ распоряженій и дѣйствій, и того, въ какихъ документахъ уцѣлѣвшаго архива можно искать ихъ слѣдовъ (3).

---

(1) Д. внутр. правл. 1842 г. № 7.

(2) Исторія казанской семинаріи Благовѣщенскаго, стр. 187 и далѣе. К. 1881.

(3) См. наприм. дѣло. 1844 г. № 26.

Для академіи въ первое время ея существованія онъ оказалъ незабвенныя услуги. При совершенной неопытности въ экономическихъ дѣлахъ первыхъ ея начальниковъ, онъ одинъ велъ все дѣло ея первоначальнаго обзаведенія и, сколько можно видѣть даже изъ мало краснорѣчивыхъ канцелярскихъ документовъ того времени, занимался этимъ дѣломъ съ любовію и рѣдкимъ экономическимъ тактомъ. Все нужное, напр. мебель, учебныя принадлежности, хозяйственныя вещи, — все покупалось очень дешево, большею частію по, такъ называемымъ, случаямъ, которые дѣятельный экономъ ловилъ по всему городу, пользуясь то чьимъ нибудь отъѣздомъ изъ Казани, то закрытіемъ какого нибудь частнаго пансіона Топорнина и т. п.. Текущая экономія академіи велась имъ тоже очень искусно и дешево, чему много способствовало между прочимъ то, что на объявляемые правленіемъ разнаго рода торги въ первые годы существованія академіи почти никто изъ поставщиковъ почему-то не являлся, такъ что все академическое хозяйство приходилось вести экономическимъ способомъ, а при такомъ способѣ его веденія экономъ Аркадій былъ человѣкъ рѣшительно не замѣнимый. Вслѣдствіе давнишняго прохожденія экономской должности онъ имѣлъ много связей и знакомствъ въ торговомъ и промышленномъ кругахъ, зналъ, гдѣ и какъ о чемъ справиться, и на всякое хозяйственное дѣло умѣлъ скоро и задешево отыскать и нужныхъ поставщиковъ, и нужныхъ рабочихъ. Близко его знавшій первый секретарь правленія, Д. Ѳ. Гусевъ, нужно замѣтить, рѣдко отзывавшійся хорошо о лицахъ монашествующихъ, всегда отзывался объ немъ съ уваженіемъ и любовію, представляя его какимъ-то экономомъ изъ экономовъ.

Но, какъ большая часть подобныхъ практическихъ людей, постоянно занятыхъ дѣловыми хлопотами, онъ не склоненъ былъ къ канцелярской формѣ, къ бумажному оформливанію своихъ дѣлъ, и всегда нѣсколько запускалъ эту сторону своей дѣятельности. Такъ какъ члены правленія мало вникали въ экономію и ничего по этой части не разумѣли, то онъ не рѣдко дѣлалъ разныя закупки и расходы раньше не только разрѣшенія, но и собственныхъ записокъ въ правленіе. Былъ у него и еще одинъ недостатокъ, который умалялъ его неоспоримыя достоинства по службѣ, — онъ подверженъ былъ запоямъ, во время которыхъ запускалъ всѣ дѣла, предоставивъ ихъ собственному, хорошо впро-

чемъ заведенному, теченію и попеченію своихъ исполнителей. Къ счастію, на должности исполнителей ему попадались все люди болѣе или менѣе честные и приверженные къ нему лично. Особенно страшно было въ такія времена за казенныя деньги, которыя, иногда въ большихъ количествахъ, валялись зря въ его незапертой конторкѣ Ни разу однако не случалось, чтобъ онѣ у него пропадали или чтобы онъ забылъ какой нибудь изъ нихъ расходъ. Безъ этого недостатка этому человѣку на его мѣстѣ не было бы цѣны. И его дѣйствительно высоко цѣнили и въ академіи, и въ Спасскомъ монастырѣ, гдѣ академія тогда помѣщалась. Въ апрѣлѣ 1843 г., когда открылся строительный комитетъ по постройкѣ настоящаго помѣщенія академіи на Арскомъ полѣ, Аркадій былъ назначенъ отъ преосвященнаго Владиміра непремѣннымъ членомъ этого комитета вмѣстѣ съ ректоромъ (1). Въ февралѣ 1844 г., когда въ Спасскомъ монастырѣ некого было выбрать въ казначеи, на него возложена была и эта должность. Онъ ее правилъ впрочемъ не долго; въ іюлѣ того же года, когда академія нашла себѣ другое помѣщеніе въ домѣ Мельниковыхъ, онъ долженъ былъ отказаться отъ этой должности, такъ какъ исполненіе ея, при жительствѣ внѣ монастыря, стало для него неудобнымъ (2).

Кромѣ перечисленныхъ членовъ правленія, въ немъ былъ еще и четвертый членъ, проф. *Смирновъ-Платоновъ*, назначенный на эту должность съ 15 декабря 1842 г. для засѣданій по учебнымъ дѣламъ вмѣсто экономa, который, какъ человѣкъ не академическаго образованія, не могъ участвовать въ этихъ засѣданіяхъ. Но этотъ прибавочный членъ, какъ послѣ и другіе такіе же члены правленія, не имѣлъ въ немъ никакого значенія, съ 1843 г. даже не подписывался и на журналахъ.

За членами слѣдовалъ секретарь правленія. Онъ-то и былъ главнымъ дѣятелемъ, ворочавшимъ всѣми дѣлами. На эту должность при самомъ началѣ академіи, по предложенію синодальнаго оберъ-прокурора отъ 20 іюля 1842 г., Св. Синодомъ былъ опредѣленъ профессоръ *Димитрій Ѳедотовичъ Гусевъ*. Этому замѣчательному человѣку пришлось играть важную роль въ первые годы казанской академіи, быть, мож-

(1) Д. внутр. правл. 1843 г., № 63.
(2) Тамъ же 1844 г. № 10.

но сказать, почти ея основателемъ, по крайней мѣрѣ первымъ устроителемъ ея порядковъ. Онъ былъ родомъ изъ Рязанской епархіи, сынъ многосемейнаго дьякона села Парихина (род. 1820 г.), учился сначала въ касимовскомъ духовномъ училищѣ среди чрезвычайно бѣдной и грубой обстановки, которая очень живо описана въ извѣстныхъ запискахъ его земляка и старшаго товарища по ученію, профессора Д. И. Ростиславова (1), потомъ среди такой же обстановки въ рязанской семинаріи. Талантливая натура его взяла однако свое и среди такихъ неблагопріятныхъ условій развитія. Изъ своего нищаго, голоднаго и забитаго дѣтства Димитрій Ѳедотовичъ вынесъ глубокое состраданіе и любовь къ страждущему отъ старинныхъ духовныхъ педагоговъ молодому поколѣнію и вмѣстѣ непримиримую вражду къ педагогической грубости, къ школьному, да и ко всякому вообще деспотизму и къ убивающей молодые умы старинной системѣ обученія. Изъ семинаріи, по назначенію начальства, онъ посланъ былъ въ 1832 г. въ московскую академію (въ составѣ X ея курса), гдѣ и кончилъ курсъ 5 магистромъ. Въ 1836 г. (отъ 20 августа) коммиссія духовныхъ училищъ опредѣлила его баккалавромъ въ петербургскую академію по классу математическихъ наукъ. Профессорами по этому классу были при немъ сначала С. И. Райковскій, авторъ извѣстнаго руководства по геометріи, потомъ съ іюля 1838 г. Д. И. Ростиславовъ. Къ обоимъ онъ питалъ величайшее уваженіе. Два изданія Геометріи Райковскаго 1836 и 1842 г. прошли въ печати чрезъ его безмездную корректуру, чѣмъ онъ выразилъ свою признательность своему первому руководителю на поприщѣ математической науки. Но особенно сильное вліяніе на него имѣлъ Д. И. Ростиславовъ, близко знакомый ему еще съ юныхъ лѣтъ его училищной и семинарской жизни, о которомъ онъ всегда вспоминалъ съ благоговѣніемъ. Онъ заимствовалъ у этого блестящаго и популярнѣйшаго въ свое время профессора, кажется, цѣликомъ все его либеральное міросозерцаніе, усвоилъ его манеру издѣваться надъ философскими отвлеченностями, подсмѣиваться надъ монашествующими и т. п., старался подражать ему даже во внѣшнихъ пріемахъ изложенія мыслей въ письменной и устной рѣчи и сдѣлался вторымъ его экземпляромъ въ казанской академіи. Въ петербургской же академіи онъ полу-

(1) См. Р. Старин. 1881 г. ноябрь.

чилъ подготовку и къ своей правленской дѣятельности, прослуживъ тамъ четыре года въ должностяхъ помощника секретаря (съ 1838 г.) и помощника инспектора (съ 1840 г.).

Въ казанскую академію онъ переведенъ былъ въ званіи ординарнаго профессора физико-математическихъ наукъ и секретаря обоихъ правленій и конференціи. Къ мѣсту новой службы онъ пріѣхалъ еще въ концѣ августа 1842 г., раньше всѣхъ преподавателей и начальниковъ академіи, и немедленно приступилъ къ дѣламъ по открытію академіи, потомъ принималъ всѣхъ пріѣхавшихъ въ составъ I курса студентовъ и, по резолюціи преосвященнаго отъ 2 сентября, даже вмѣстѣ съ ними поселился въ Спасскомъ монастырѣ съ порученіемъ имѣть инспекторскій надъ ними надзоръ. Ректоръ и инспекторъ пріѣхали къ половинѣ сентября, когда къ открытію правленія академіи было приготовлено почти уже все. Послѣ этого преосвященный Владиміръ, сблизившійся съ Гусевымъ и оцѣнившій его дѣловитость, пригласилъ его на жительство къ себѣ въ архіерейскій домъ, отведя ему небольшую комнату въ своихъ собственныхъ помѣщеніяхъ. Здѣсь онъ и водворился съ цѣлымъ ворохомъ разныхъ правленскихъ бумагъ.

Дѣла было множество и по учебной, и особенно по экономической части. Все только еще заводилось. По одному внутреннему правленію съ 21 сентября до конца только перваго 1842 года входящихъ бумагъ было 245 №№, а въ слѣдующемъ году число ихъ возросло свыше 830; соотвѣтственно этому было и число бумагъ исходящихъ. Въ окружномъ правленіи ихъ было еще больше; московское академическое правленіе по казанскому округу закрыло свою дѣятельность еще съ 15 іюля и съ этого времени всѣ дѣла и бумаги его шли въ Казань и копились здѣсь безъ разсмотрѣнія въ ожиданіи открытія новаго академическаго правленія; потомъ съ открытіемъ послѣдняго непрерывнымъ потокомъ потекли въ него бумаги изъ окружныхъ семинарій. Всѣхъ бумагъ и дѣлъ этого рода, часто весьма сложнаго содержанія, до конца года пришло свыше 350 №№, на которыя потребовалось сдѣлать свыше 250 №№ рѣшеній и отпусковъ. Сначала канцелярія имѣла на помощь секретарю четырехъ письмоводителей, потомъ число ихъ доведено до 6, изъ студентовъ академіи, кромѣ одного, племянника ректора, пріѣхавшаго къ нему изъ Харькова, чиновника Солнышкина. Въ первое время всѣ они цѣлыми днями съ

утра до ночи работали надъ разборкой накопившихся и притекавшихъ бумагъ, помѣщаясь въ небольшой комнатѣ архіерейскаго дома вмѣстѣ съ хозяиномъ ея, секретаремъ. А впереди предстояла еще новая громадная работа по разбору присылавшагося по частямъ и, за неимѣніемъ помѣщенія, сваливавшагося въ кучу архива казанскаго отдѣленія московскаго правленія за цѣлыхъ 24 года, начиная съ 1818 г.. Правленію нужно было сильно торопиться, чтобы къ концу года не увидать себя подавленнымъ массой нерѣшеныхъ дѣлъ.

Дѣятельный секретарь наконецъ не выдержалъ чрезмѣрнаго напряженія и запросилъ себѣ помощника. „Начинаю чувствовать, писалъ онъ въ прошеніи правленію отъ 6 ноября, ослабленіе въ своихъ силахъ отъ непрерывныхъ, каждодневно съ утра до глубокой ночи продолжающихся занятій по канцеляріи“. Такъ какъ по штату на содержаніе помощника секретаря не было положено никакой суммы, то онъ изъявлялъ готовность уступить на этотъ предметъ половину даже своего собственнаго жалованья по должности секретаря, котораго всего навсего было 172 руб. въ годъ. Правленіе придумало однако другую комбинацію, назначивъ въ вознагражденіе новому секретарю жалованье въ 115 р. отъ штатной, но вакантной теперь должности помощника библіотекаря, въ которомъ, какъ оно объяснило, „вѣроятно не будетъ скорой надобности“, за ничтожными пока размѣрами самой библіотеки. Утвердивъ это распоряженіе (отъ $^{9}/_{12}$ дек.), Св. Синодъ возвысилъ окладъ новаго чиновника до 143 руб. въ годъ, положивъ выдавать его изъ жалованья помощника библіотекаря и изъ остаточныхъ суммъ академіи ([1]).

Новый секретарь былъ введенъ въ должность съ 14 ноября. Это былъ еще очень молодой человѣкъ *Егоръ Васильевичъ Зубковъ*, баккалавръ профессора Гусева, преподававшій математику. Онъ былъ родомъ пермякъ, сынъ сельскаго священника Оханскаго уѣзда, образованіе получилъ сначала въ пермской семинаріи, потомъ въ XIII курсѣ московской академіи, гдѣ кончилъ магистромъ въ 1842 году. Отъ 21 сентября Св. Синодъ назначилъ его баккалавромъ новой академіи, въ каковую должность онъ и поступилъ съ 1 ноября. Д. Ѳ. Гусевъ уступилъ ему дѣла по внутреннему правленію, оставивъ за собой болѣе многодѣльное внѣшнее правленіе и конференцію. Баккалавръ Зубковъ былъ человѣкъ тоже дѣлови-

([1]) Д. внутр. правл. 1842 г. № 8.

тый, знающій и усердный, но всетаки не могъ быть самостоятеленъ въ исполненіи своей должности, какъ по незначительности своего положенія въ академіи, такъ и по особенной трудности и отвѣтственности секретарской должности, при безучастіи въ дѣлахъ главныхъ членовъ академическаго правленія, и долженъ былъ постоянно обращаться за совѣтами къ своему опытному принципалу, все дѣлать, такъ сказать, изъ-подъ его рукъ. Вслѣдствіе такого положенія вещей значеніе профессора Гусева въ дѣлахъ внутренняго правленія не прекращалось и послѣ его отказа отъ участія въ нихъ во все время ректорства архимандрита Іоанна.

Значеніе это поддерживалось еще преосвящ. Владиміромъ, который приблизилъ его къ себѣ и проводилъ черезъ него свое вліяніе на академическое управленіе, такъ какъ хорошо понималъ, что на главныхъ начальниковъ академіи по части правильнаго веденія дѣлъ надѣяться ему нечего. Понятно, что это не могло имъ нравиться, тѣмъ болѣе что отъ преосвященнаго и даже отъ самого секретаря, желавшихъ поставить академическую администрацію на строго уставную почву, имъ приходилось не рѣдко получать разныя непріятныя указанія и поправки въ распоряженіяхъ. На первомъ же году въ октябрѣ подвернулся случай, который возбудилъ въ нихъ большую досаду на секретаря Гусева. На основаніи указовъ Св. Синода отъ 25 мая и 1 іюля о производствѣ штатныхъ окладовъ на содержаніе академіи съ 1 іюля и по дозволительной резолюціи преосвященнаго Владиміра, 16 сентября правленіе поспѣшило выдать все причитавшееся съ 1 іюля жалованье какъ ректору съ инспекторомъ, такъ и пріѣхавшимъ до этого времени двоимъ профессорамъ, Смирнову-Платонову и Гусеву; но только лишь это было сдѣлано, какъ пришло отношеніе петербургскаго академическаго правленія отъ 15 сентября о томъ, что профессоръ Гусевъ разсчитанъ жалованьемъ за свою петербургскую службу до половины августа. Вслѣдствіе этого при слѣдующей выдачѣ жалованья въ октябрѣ секретарь счелъ долгомъ возвратить переплаченную сумму своего жалованья обратно и вошелъ при этомъ въ правленіе съ докладомъ, что необходимо навести справки въ харьковской семинаріи и кіевской академіи и о ректорѣ съ инспекторомъ, до какого числа они тамъ разсчитаны; въ такомъ смыслѣ онъ написалъ и самый проектъ правленскаго журнала о выдачѣ жалованья. Но члены только изумились

такому неожиданному доклалу; ректоръ велѣлъ написать, вмѣсто этого журнала, другой съ рѣшеніемъ просто выдать причитающееся жалованье, не упоминая о прежнемъ разсчетѣ и не требуя никакихъ справокъ. Такъ оно и было выдано. Другой профессоръ, получившій лишнее жалованье,— Смирновъ-Платоновъ, долженъ былъ возвратить его въ самое непріятное для себя время, въ декабрѣ, когда онъ вздумалъ ѣхать на Рождественскія каникулы въ Москву жениться; по справкѣ онъ оказался разсчитаннымъ московскою академіею по 26 іюля и долженъ былъ поплатиться вычетомъ изъ декабрьскаго жалованья 49 р. 65 к. (¹). Заплатили ли свой переборъ жалованья ректоръ и инспекторъ, въ дѣлахъ правленія мы не нашли свѣдѣній. Но они сильно сердились на профессора Гусева за такое непрошенное вмѣшательство въ дѣла ихъ жалованья.

Невоздержный на языкъ, секретарь и самъ съ своей стороны помогалъ усилиться неудовольствіямъ, потѣшаясь, по обычаю весьма рѣзко и открыто, надъ отрекающимися отъ міра и яже въ мірѣ. Въ 1843 г. поднялось упомянутое дѣло о митрахъ и мантіяхъ, потомъ другое о покупкѣ лошадей для выѣздовъ; помѣхи въ этихъ дѣлахъ со стороны преосвященнаго приписывались внушеніямъ того же Гусева. Особенно сильное неудовольствіе ректора и инспектора онъ возбудилъ противъ себя во время ваката 1843 г., когда ректоръ уѣхалъ на ревизію оренбургской семинаріи и на Сергіевскія воды. Должность ректорская была возложена въ это время на инспектора Серафима, а инспекторская на Гусева, какъ старшаго изъ профессоровъ. Какъ только онъ засѣлъ во внутреннее правленіе, такъ при первой же выдачѣ жалованья и поднялъ упомянутое дѣло объ инспекторскомъ и ректорскомъ служителяхъ. Послѣ приведенной выше резолюціи преосвященнаго на журналѣ 5 іюля жалованье этихъ служителей было удержано выдачей. Но на этотъ разъ ректоръ съ инспекторомъ рѣшились настоять на своемъ желаніи имѣть казенныхъ служителей. Какъ только ректоръ воротился съ ревизіи, такъ 17 сентября служитель его, тоже ѣздившій съ нимъ, вмѣстѣ съ инспекторскимъ подали въ правленіе прошеніе (написанное племянникомъ ректора, письмоводителемъ Солнышки-

(¹) Д. внутр. правл. 1842 г. № 4, вплетенное въ дѣло подъ № 23 того же года, и еще д. № 27.

нымъ) о выдачѣ удержаннаго жалованья, такъ какъ де они его заслужили и ни въ чемъ такомъ не провинились, за что бы ихъ можно было лишить его. Правленіе, въ которомъ Гусевъ теперь уже не засѣдалъ, постановило: 1) просьбѣ служителей удовлетворить, 2) опредѣлить ихъ истопниками при ректорской и инспекторской квартирахъ и для исполненія разныхъ порученій ректора и инспектора, такъ какъ послѣдніе не имѣютъ за собой монастырей, изъ которыхъ могли бы брать себѣ послушниковъ, и 3) назначить имъ впредь жалованья по 3 руб. въ мѣсяцъ (болѣе, чѣмъ другимъ комнатнымъ служителямъ академіи). Преосвященный въ своей резолюціи на журналѣ выразилъ желаніе, чтобы къ этому постановленію была сдѣлана справка изъ штатнаго положенія. Чрезъ пять дней правленіе рѣшило, что, хотя въ уставѣ объ истопникахъ при ректорѣ и инспекторѣ и ничего не сказано, но такъ какъ во 1-хъ въ немъ не говорится и о многихъ другихъ необходимыхъ предметахъ экономіи, которые поэтому предоставляются усмотрѣнію ближайшаго начальства (напр. объ экипажахъ и лошадяхъ, о водовозахъ, дворникахъ, о содержаніи церкви), а между тѣмъ во 2-хъ, по изложеннымъ уже причинамъ, эти истопники необходимы, то просить у Его Преосвященства вторично разрѣшенія имѣть ихъ Преосвященный снова не согласился и рекомендовалъ просить на то разрѣшенія высшаго начальства. Дѣло это тянулось долго и кончилось уже 17 ноября 1844 г., когда пришло опредѣленіе Св. Синода, которымъ ректору и инспектору велѣно было довольствоваться служителями наемными (1).

Въ январѣ 1844 г., когда въ этомъ дѣлѣ правленіе доведено было до необходимости сдѣлать самый непріятный шагъ— послать представленіе о служителяхъ въ Петербургъ, ректоръ, должно быть, вздумалъ отмстить Гусеву. Наставники академіи, какъ извѣстно, получали тогда квартирное пособіе, выдававшееся обыкновенно по третямъ или четвертямъ года и почему-то по особымъ каждый разъ прошеніямъ въ правленіе. Гусевъ тоже подалъ прошеніе о выдачѣ ему квартирныхъ денегъ за октябрь, ноябрь и декабрь 1843 г.. Ректоръ карандашемъ написалъ на этомъ прошеніи, что, такъ какъ Гусевъ пользуется помѣщеніемъ въ архіерейскомъ домѣ, то продолжать ему выдачу квартирнаго пособія онъ, ректоръ,

(1) Д. 1844 г. № 67. Журн. 1843 г. 2 іюля, 17 и 22 сент. и 31 декабря.

сомнѣвается. Поэтому правленіе журналомъ 15 января опредѣлило отказать ему въ просьбѣ, „считая достаточнымъ для него пособіемъ уже и то, что получено имъ отъ казны за прошлое время при казенной его квартирѣ“. Преосвященный Владиміръ заступился за него и написалъ на журналѣ, что, такъ какъ Гусевъ, кромѣ квартиры, ничего не получаетъ отъ архіерейскаго дома, то не слѣдуетъ ли ему, хотя на дрова, давать какое либо количество денегъ сихъ? Правленіе 25 янв. рѣшило спросить Гусева, сколько ему надобно дровъ. Но на этомъ журналѣ преосвященный далъ уже болѣе рѣшительную резолюцію: „Поелику отъ архіерейскаго дома, кромѣ квартиры, г-ну Гусеву ничего не производится, ни дровъ, ни прислуги, ни посуды и вообще ничего необходимо нужнаго въ житейскомъ быту, и что все онъ долженъ покупать и изводить своихъ денегъ не менѣе, а можетъ быть и болѣе, нежели живущіе на квартирахъ наемныхъ, то я и полагаю справедливымъ производить и ему квартирное пособіе наравнѣ съ другими товарищами“. Правленіе должно было исполнить эту резолюцію, и наивное мщеніе ректора не удалось (1).

Всѣ эти и подобныя явленія можно считать продолженіемъ тѣхъ препятствій, какими встрѣчено было начало казанской академіи и которыя дали поводъ профессору Гусеву въ своемъ отчетѣ объ открытіи академіи въ 1842 г. назвать это начало „крестоноснымъ“. Богъ знаетъ, что̀ было бы дальше при этой слабости и разладѣ въ ея администраціи, если-бы такой порядокъ вещей продолжался дольше. Но къ счастію академіи менѣе, чѣмъ черезъ два года въ лицѣ новаго ректора она получила себѣ настоящаго хозяина и организатора своей жизни по всѣмъ частямъ. Этимъ вторымъ по порядку, но первымъ въ отношеніи къ устройству ея ректоромъ былъ архимандритъ Григорій.

Ректоръ *Григорій Митькевичъ* былъ родомъ изъ Черниговской епархіи, сынъ сельскаго священника с. Жукова или Жуковки, Черниговскаго уѣзда, родился въ 1807 г.. Мірское имя его было Николай Васильевичъ. Образованіе свое онъ получилъ первоначально въ черниговской семинаріи, потомъ

(1) Д. внутр. правл. 1842 г. № 29.

въ V курсѣ кіевской академіи, въ которой кончилъ свое ученье въ 1831 году со степенью магистра. Въ октябрѣ того же года онъ былъ назначенъ при кіевской академіи на должность баккалавра богословскихъ наукъ и постригся въ монашество. На академической службѣ ему привелось пробыть не долго; чрезъ 2 года 14 октября онъ былъ опредѣленъ инспекторомъ и профессоромъ богословскихъ наукъ въ казанскую семинарію, гдѣ прослужилъ до 1836 г.. Казань была ему такимъ образомъ знакома еще раньше академической службы; казанскіе старожилы тоже хорошо его помнили, какъ весьма дѣятельнаго и строгаго инспектора, отъ котораго нельзя было утаить ни одной семинарской шалости. Черезъ три года (24 авг.) родная кіевская академія опять перезвала его къ себѣ на должность инспектора и вторично назначила преподавателемъ богословія, сначала по прежнему въ званіи баккалавра, потомъ съ 13 февраля 1837 г. въ званіи экстраординарнаго профессора. По пріѣздѣ въ Кіевъ 11 октября 1836 г. онъ былъ посвященъ въ архимандрита. Вторичная академическая служба его продолжалась еще менѣе двухъ лѣтъ. 8 января 1838 года онъ былъ опредѣленъ ректоромъ ярославской семинаріи и настоятелемъ угличскаго Алексѣевскаго монастыря. На этой административной должности онъ пробылъ 6 лѣтъ. Въ 1844 году съ 28 февр. онъ былъ вызванъ на чреду служенія въ Петербургъ и прямо отсюда 7 мая былъ опредѣленъ въ казанскую академію на смѣну уволеннаго на покой ректора Іоанна. 20 іюня онъ прибылъ въ академію и на слѣдующій же день вступилъ въ должность.

Первоначально онъ былъ сильно озадаченъ массой предстоявшей ему здѣсь работы. Въ письмѣ къ преосвящ. Иннокентію отъ 11 іюля 1844 г. онъ писалъ: „Незаконченность организаціи внутренней и неустроенность внѣшняя казанской академіи требуетъ для приведенія всего въ желаемое совершенство силъ далеко превосходящихъ мои“ (1). Но потомъ онъ живо оправился отъ своего перваго впечатлѣнія и ревностно принялся за свои административные труды.

По своему характеру онъ не похожъ былъ ни на одного изъ тогдашнихъ монаховъ кіевской академіи, какихъ видѣла у себя казанская академія до него и при немъ, людей ученыхъ и благочестивыхъ, но нѣсколько мистическаго направ-

(1) Прав. Собесѣдн. 1889 г. кн. I, стр. 125.

ленія, самозамкнутыхъ и большею частію мало опытныхъ въ административныхъ дѣлахъ, даже не любившихъ заниматься ими. При незаурядной учености и строгой монашеской жизни, онъ былъ человѣкъ въ высшей степени дѣловой и опытный, съ сильной волей, съ серьезнымъ, крѣпкимъ и властнымъ характеромъ, невольно заставлявшимъ подчиняться ему всѣхъ, и студентовъ и преподавателей, администраторъ по призванію. Къ каждому дѣлу, какое попадало ему въ руки, онъ относился честно и со всѣмъ вниманіемъ, какъ бы это дѣло ни было мало, и не любилъ откладывать его до завтра. Онъ былъ постоянно озабоченъ и занятъ, спалъ какихъ нибудь часовъ 5 въ сутки, держался постоянно серьезно, даже сурово, былъ строго взыскателенъ и къ себѣ, и къ другимъ, къ себѣ даже больше, чѣмъ къ другимъ. Поспѣвая за всѣмъ и повсюду, онъ казался какимъ-то вездѣсущимъ и всевѣдущимъ. Ни одна часть академической жизни не ускользала отъ его многосторонняго надзора и подробнѣйшаго руководства. Служившіе и учившіеся при немъ въ академіи каждую минуту чувствовали на себѣ серьезный и наблюдательный взоръ своего строгаго начальника, не любившаго никому давать спуску, хотя въ то же время всегда благожелательнаго, готоваго поддержать достойнаго человѣка всѣми средствами своей власти, готоваго даже и снизойти къ нему, только чтобы ни онъ, ни другой кто этого не замѣтили; онъ неизмѣнно сохранялъ свою грозную начальническую наружность въ самой снисходительности. Лучшаго выбора для устройства новаго учебнаго заведенія въ Петербургѣ не могли, кажется, и выдумать.

Какъ человѣкъ дѣловитый и ревностный, онъ съ самаго же начала понравился преосв. Владиміру, который теперь могъ спокойно освободить себя отъ тяжелой необходимости руководить академической администраціей во всякихъ мелочахъ, вполнѣ положившись на дѣловитаго ректора. Это было весьма важно для престарѣлаго и уже слабѣвшаго въ силахъ святителя, особенно съ 1845 г., когда началось сложное и хлопотное строительное дѣло по возведенію академическихъ зданій на Арскомъ полѣ.

Правленская часть была коротко знакома новому ректору. Онъ лично и подробно вникалъ во всѣ дѣла, самъ подготовлялъ къ докладу всѣ бумаги, намѣчалъ собственноручно даже всѣ справки и проектировалъ рѣшенія, непремѣнно раздѣленныя на послѣдовательные, ясно выраженные пункты, обнимав-

шіе всѣ подробности самой процедуры исполненія, изъ которыхъ канцелярія потомъ безъ труда уже извлекала свои выписки для исполненія, кому слѣдовало. Нѣкоторые черновые журналы и всѣ отпуски разныхъ донесеній высшему начальству цѣликомъ писались его собственной рукой. Такихъ черновыхъ журналовъ и донесеній множество сохранилось въ архивѣ академическаго правленія какъ внутренняго, такъ и внѣшняго. Во внѣшнемъ правленіи встрѣчаются иногда весьма любопытные документы, заставляющіе невольно удивляться рѣдкому канцелярскому таланту ректора и ясности его взгляда на вещи. Какая нибудь многосложная, горячо и запутанно написанная жалоба, въ которой неопытному человѣку не найти ни начала, ни конца, подъ его карандашемъ чрезъ одну простую размѣтку разныхъ показаній жалобщика по полямъ цифрами сейчасъ же превращалась въ ясные и упорядоченно изложенные допросные пункты, по которымъ потомъ разслѣдованіе дѣла и производилось, какъ по программѣ.

Господство секретарей по правленію сразу понизилось, какъ только за дѣла взялась твердая рука ректора. Въ концѣ іюня онъ вступилъ въ управленіе, а въ концѣ августа оба секретаря подали уже прошеніе объ увольненіи отъ секретарской должности, вѣроятно, какъ нибудь обиженные суровымъ и требовательнымъ ректоромъ; по крайней мѣрѣ Гусевъ въ своемъ прошеніи довольно прозрачно жаловался на то, что на секретарской должности у него уносятся не только время и здоровье, но и спокойствіе душевное, а между тѣмъ должность эта у него не главная, а только побочная, что главная его должность профессорская, которой канцелярскія занятія по 8 часовъ въ сутки,—никакъ не менѣе,—только мѣшаютъ. Чтобы не отягчить своего преемника по секретарской должности, онъ изъявлялъ согласіе только докончить разборку присланнаго изъ Москвы архива, которая еще доселѣ не доведена была до конца за недостаткомъ времени да и самаго мѣста въ зданіяхъ Спасскаго монастыря, и оставить за собой, какъ безмездную, должность секретаря конференціи. Секретарь Зубковъ въ своемъ прошеніи указывалъ только на свое болѣзненное состояніе; онъ былъ дѣйствительно боленъ чахоткой и лишь черезъ силу исполнялъ свои служебныя обязанности. Ректоръ однако постарался остановить эту манифестацію секретарей; Гусева, которымъ онъ дорожилъ, какъ усерднымъ и опытнымъ человѣкомъ, онъ чѣмъ-то успокоилъ, и правле-

ніе въ сентябрѣ опредѣлило „объявить Гусеву, что за перемѣною всѣхъ почти обстоятельствъ, затруднявшихъ его, правленіе не находитъ достаточной причины къ его увольненію, тѣмъ паче, что о семъ слѣдовало бы безпокоить высшее начальство". О Зубковѣ тоже было опредѣлено: „Поелику здоровье г-на Зубкова нынѣ поправилось, то оставить его при должности, по согласію и самого Зубкова на сіе" (1). Оба секретаря впрочемъ и послѣ этого не перестали глядѣть вонъ изъ правленія.

Профессоръ Гусевъ съ письмоводителемъ, студентомъ Орнатскимъ, энергично принялись разбирать московскій архивъ и къ 27 сентября закончили этотъ трудъ съ честью. Гусеву была объявлена благодарность преосвященнаго, а Орнатскій былъ награжденъ 22 руб. остаточныхъ канцелярскихъ денегъ (2). Кончивъ это дѣло, въ январѣ 1845 г. Гусевъ снова подалъ прошеніе объ увольненіи отъ секретарства. 28 января правленіе рѣшило наконецъ удовлетворить этой просьбѣ, оставивъ его, по его собственному желанію, только безмезднымъ секретаремъ при конференціи академіи, опредѣлило даже ходатайствовать о выдачѣ ему въ награду за ревностную до разстройства здоровья службу 500 руб. изъ экономическихъ суммъ. Въ резолюціи своей на этомъ журналѣ отъ 2 февраля преосвященный Владиміръ высказалъ полное признаніе его заслугъ: „Съ симъ я весьма согласенъ, потому что во все продолженіе имъ Гусевымъ сей секретарской должности я имѣлъ удовольствіе видѣть отличную и весьма полезную его дѣятельность по оной, не смотря на всѣ затрудненія, какими почти непрерывно сопровождалось сіе служеніе по случаю открытія вновь здѣшней академіи". Св. Синодъ съ своей стороны разрѣшилъ выдать ему только половину профессорскаго оклада въ количествѣ 357 руб. (3). Съ этихъ поръ Гусевъ остался секретаремъ одной конференціи; но ректоръ Григорій не разъ пользовался его дѣловой опытностью, дѣлая ему разныя порученія и по другимъ частямъ академической администраціи, особенно по внѣшнему правленію. Еще раньше его привелось кончить свое секретарство баккалавру Зубкову; 13 января 1845 г. онъ скончался отъ чахотки (4).

(1) Д. внутр. правл. 1844 г. № 27.
(2) Тамъ же № 25
(3) Тамъ же 1845 г. № 7.
(4) Тамъ же № 8.

На мѣсто какъ его, такъ и Гусева отъ 5 февраля былъ опредѣленъ баккалавръ *Н. П. Соколовъ*, еще съ ноября 1843 г. занимавшій должность секретаря строительнаго комитета по постройкѣ новыхъ зданій казанской академіи. Такимъ образомъ онъ сдѣлался тройнымъ секретаремъ,—по строительному комитету и по обоимъ правленіямъ. Это былъ секретарь, можно сказать, отъ природы. Необычайно методичный, аккуратный, съ чисто канцелярскимъ складомъ ума, способный употреблять чуть не все свое время на разсмотрѣніе разныхъ справокъ, редактированіе и исправленіе всякихъ отношеній, доношеній, журналовъ и т. п. бумагъ и, по крайней мѣрѣ съ молоду, весьма усердный и исполнительный чиновникъ. Мѣсто секретаря, къ общему удовольствію и ректора Григорія, и преемника послѣдняго, ректора Парѳенія, онъ занималъ почти 11 лѣтъ. Въ октябрѣ (23 числа) ему данъ былъ помощникомъ (по внѣшнему правленію) баккалавръ *П. І. Палимпсестовъ* съ окладомъ во 143 руб., какъ и Зубковъ (изъ жалованья помощника библіотекаря 115 руб. и 28 руб. изъ экономическихъ суммъ). По выходѣ послѣдняго изъ академіи въ концѣ 1848 г., Соколовъ опять сдѣлался единственнымъ секретаремъ обоихъ правленій до 4 мая 1849 г., когда на должность секретаря внѣшняго правленія былъ опредѣленъ баккалавръ *Г. З. Елисѣевъ*. Въ дѣлахъ внѣшняго правленія ректоръ Григорій проявлялъ одинаково энергичную дѣятельность, какъ и въ дѣлахъ правленія внутренняго, внимательно наблюдая за всѣми подвѣдомственными академіи духовно-учебными заведеніями округа.

Еще больше работы потребовала отъ него часть экономическая, въ которой нужно было заводить почти вновь самые основные порядки. Только при немъ, напримѣръ, введена была въ эту часть надлежащая отчетность и правильный контроль правленія надъ дѣятельностью эконома чрезъ назначеніе при всѣхъ покупкахъ и поставкахъ законныхъ актовъ освидѣтельствованія, посредствомъ требованія при всѣхъ расходахъ оправдательныхъ документовъ, непрерывнаго и порядочнаго веденія приходо-расходныхъ книгъ и т. д.. Вскорѣ по пріѣздѣ ректора академическая экономія, при своей малоустроенности, значительно усложнилась. Въ академію поступилъ второй курсъ студентовъ и личный составъ академической корпораціи увеличился вдвое. Сама академія съ августа 1844 г. перешла въ новую обширную квартиру въ домѣ Мельниковыхъ и потребовала обзаведенія новыми необходимыми предметами. Вмѣстѣ съ

тѣмъ началось сложное и чрезвычайно хлопотливое дѣло о постройкѣ для нея новыхъ зданій, потребовавшее усиленной работы отъ всѣхъ членовъ академической администраціи. Но чѣмъ болѣе являлось дѣла, тѣмъ, кажется, неутомимѣе становился дѣятельный ректоръ и тѣмъ требовательнѣе относился къ соблюденію всѣхъ законныхъ формъ по экономической части.

О. Аркадію, не любившему канцелярскихъ формальностей и въ своей хлопотливой дѣятельности постоянно ихъ забывавшему, пришлось теперь очень туго. Въ первый годъ онъ было даже нѣсколько подтрунивалъ надъ взыскательностію ректора относительно формъ, представляя въ правленіе иногда совсѣмъ невозможные счета отъ своихъ поставщиковъ, написанные на клочкахъ грязныхъ бумажекъ ([1]).

Но съ ректоромъ Григоріемъ шутки были плохи; онъ крѣпко принялся за своего эконома, сначала дѣлалъ ему одни словесныя внушенія, чтобы онъ ничего не дѣлалъ безъ разрѣшенія правленія и былъ исправнѣе въ своей отчетности, потомъ, когда этотъ способъ оказался не дѣйствительнымъ, началъ дѣлать ему формальные выговоры чрезъ правленіе. Выговоровъ этихъ въ дѣлахъ правленія сохранилось не мало. По своей торопливой энергичности, о. Аркадій вѣчно не могъ дождаться, пока канцелярія сдѣлаетъ тамъ свое дѣло, — то безъ спросу прогонитъ служителя или найметъ новаго, что было тогда строго запрещаемо, то произведетъ расходъ изъ не освидѣтельствованныхъ продуктовъ, то, не дождавшись разрѣшенія, что нибудь купитъ нужное сейчасъ же, или произведетъ неотложную починку въ зданіяхъ, напр. въ студенческой банѣ, да еще и донесетъ объ этомъ не во время, поздно. Ректоръ все это зналъ, потому что слѣдилъ лично за всѣми мелочами. Выговоры становились все строже и строже. Въ 1845 г. правленіе совсѣмъ было засудило эконома за то, что, изъ состраданія къ троимъ студентамъ, которые почему-то скоро износили свои брюки, онъ безъ спросу распорядился сшить имъ новые брюки изъ оставшагося у него отъ прошлаго года обрѣзка сѣраго сукна въ 8 аршинъ; правленіе хватилось этого обрѣз-

---

([1]) Въ родѣ напр. одного счета коновала Турнина 22 ноябр. 1844 г. «Щотъ: въ икадимію отцу иконому во 1-хъ кровь отъкрылъ, во 2-хъ каретнымъ двумъ, въ третьихъ языкъ натиралъ, въ четвертыхъ кладь клалъ, и того 8 р. 15 к.» Д. 1844 г. № 83.

ка и, какъ ни оправдывался о. Аркадій, представляя, что бѣднымъ юношамъ штаны были нужны безъ всякаго отлагательства, сдѣлало ему строгій выговоръ и постановило даже впредь такихъ объясненій отъ эконома не принимать вовсе (1). Но чрезъ годъ онъ опять попалъ подъ такой же выговоръ изъ-за воровства, открывшагося въ студенческомъ гардеробѣ; одинъ служитель воровалъ студенческое платье, сдававшееся въ чинку безъ записей; ректоръ отъ лица правленія самъ написалъ эконому строгое внушеніе, что на немъ лежитъ обязанность не только прекращать воровство обнаружившееся, но и всемѣрно предотвращать оное чрезъ тщательнѣйшее наблюденіе за служителями и частый пересмотръ студенческаго гардероба, что старыя вещи студентовъ должны отдаваться въ чинку, не какъ попало, а внимательно, по записямъ, чтобы было извѣстно, куда онѣ дѣвались (2). Въ декабрѣ 1848 г. объ одной неисправности эконома пришлось донести даже Св. Синоду. Духовно-учебное управленіе прислало требованіе о двухъ уплатахъ за нѣкоторыя книги, по одному счету 6 руб., по другому 1 р. 60 к., которыя по справкѣ значились выданными эконому для отсылки. На запросъ правленія, о. Аркадій объяснилъ, что, по малости этихъ суммъ, онъ поручилъ доставить ихъ на почту письмоводителю, а этотъ ихъ дорогой потерялъ, а уплатить сразу всей потери по бѣдности не могъ, и что вотъ уже три мѣсяца идетъ съ него вычетъ изъ жалованья. Правленіе опредѣлило на первый разъ сдѣлать эконому только внушеніе, чтобы не допускалъ впредь подобныхъ небрежностей подъ опасеніемъ бо́льшаго взысканія, и донести объ этомъ Св. Синоду. Синодъ снизошелъ къ винѣ его и утвердилъ это рѣшеніе (3).

Ректоръ всетаки вполнѣ цѣнилъ честность, расторопность и опытность о. Аркадія, дорожилъ имъ, многое ему спускалъ и держался за него до самаго конца своего ректорства, не смотря на всѣ его слабости и даже на то, что эти слабости съ годами не только не умѣньшались, но даже быстро развивались. Въ 1847 г. ректоръ исходатайствовалъ ему даже награду,—наперсный крестъ отъ Св. Синода. Только въ

---

(1) Д. 1845 г. № 84.
(2) Д. 1846 г. № 38.
(3) Д. 1848 г. № 41.

1850 г. за годъ до своего собственнаго ухода изъ академіи, онъ рѣшился наконецъ оффиціально обнаружить главную слабость этого дорогого и незамѣнимаго для академіи человѣка, которая всего болѣе вредила его достоинствамъ. 24 октября онъ довелъ до свѣдѣнія правленія „что экономъ Аркадій съ нѣкотораго времени сталъ предаваться запою очень часто и на значительное время; такъ, между прочимъ, говорилось въ запискѣ ректора, началъ онъ запой съ 7 сентября и продолжалъ недѣли двѣ, отъ чего не былъ за литургіею 8 и 14 числа, дни великихъ праздниковъ, опустивъ и всенощную, предшествовавшую послѣднему, и въ семъ октябрѣ, начавъ новый запой съ 14 числа. продолжаетъ доселѣ, почему не былъ за богослуженіями на 15 и 22 числа,—дни воскресные Такой образъ жизни эконома, соединенный съ постояннымъ лежаніемъ въ комнатѣ, естественно не выгоденъ для экономіи заведенія и необходимо влечетъ за собою неисправности; такъ, экономъ до сихъ поръ не представилъ нужныя неотложно свѣдѣнія касательно разсчета съ академіею архимандрита Фотія, всегда почти замедляетъ представленіе мѣсячныхъ вѣдомостей о припасахъ, доселѣ не привелъ въ надлежащій порядокъ описи академическаго имущества, давно уже порученной ему для надлежащаго пополненія и проч. Къ сему нахожу нужнымъ дополнить, что *я* съ своей стороны много разъ уже дѣлалъ іеромонаху Аркадію надлежащія внушенія, замѣчанія и выговоры, но безполезно къ сожалѣнію“. Дня черезъ четыре экономъ оправился, и правленіе 24 октября положило на сей разъ ограничиться однимъ внушеніемъ ему, чтобы былъ впредь исправнѣе какъ въ поведеніи, такъ и въ исполненіи обязанностей эконома, подъ опасеніемъ удаленія отъ должности, о чемъ и объявить ему въ присутствіи правленія (1).

Еще въ 1844 г. ректоръ далъ ему очень полезнаго помощника въ должности комиссара, который много содѣйствовалъ къ устраненію разныхъ безпорядковъ по экономіи. Это былъ памятный всѣмъ студентамъ старой академіи діаконъ академической церкви *Сильвестръ Ивановичъ Пучковскій*, въ монашествѣ о. *Савватій*, проходившій разныя должности во время своего долгаго служенія въ академіи,—комиссара, подлекаря, помощника эконома и даже эконома. Онъ былъ изъ

(1) Д. 1850 г., № 103.

малороссовъ Черниговской губерніи, дьяческій сынъ, родился въ 1810 г., въ школахъ не учился, а съ 10 лѣтъ числился дьячкомъ при одной стародубской церкви; подросши, въ 1824 г. былъ опредѣленъ для обученія чтенію, пѣнію и уставу въ черниговскій Успенскій монастырь; былъ здѣсь послушникомъ у архимандрита Іеронима Визерскаго и вмѣстѣ съ послѣднимъ въ 1830 г. перешелъ въ Свіяжскій Богородицкій монастырь, гдѣ тоже зачисленъ въ послушники. Въ 1835 г. ему удалось получить дьяконское мѣсто въ городѣ Тетюшахъ, на которомъ онъ и служилъ до опредѣленія на службу при академіи. Въ декабрѣ 1844 г. ректоръ Григорій пригласилъ его, какъ человѣка вдоваго и одинокаго, въ дьяконы академической церкви; а такъ какъ особаго жалованья дьякону при академіи не полагалось, то далъ ему еще должность комиссара съ содержаніемъ во 100 руб. въ годъ, съ казеннымъ столомъ и квартирой (1). Это былъ человѣкъ совсѣмъ не пьющій, скромный, молчаливый, отъ природы очень талантливый, мастеръ на всѣ руки, большой хлопотунъ, изобрѣтатель и великій проказникъ. Въ свободное время отъ своей должности онъ постоянно надъ чѣмъ нибудь мудрилъ и старался; то варилъ старыя резиновыя калоши, чтобы сдѣлать ихъ новыми и придать имъ болѣе раціональную, по его соображенію, форму, то начиналъ для чего-то воспитывать у себя въ комнатѣ до дюжины страшно вонявшихъ морскихъ свинокъ, то, занявшись комнатнымъ цвѣтоводствомъ и добывъ банокъ съ разнообразными растеніями, принимался составлять для ихъ удобренія невообразимые составы изъ свѣжаго помета, гнилой капусты, табаку и другихъ ароматическихъ веществъ, то устраивалъ въ академическомъ саду пчеловодство и, накупивъ ульевъ съ пчелами, разставлялъ ихъ на одной изъ садовыхъ площадокъ и самъ на все лѣто поселялся тутъ же въ солдатской палаткѣ, какъ новый кущникъ; а то принимался практиковать оригинальный способъ закаливать свой организмъ, подвергая его попеременно дѣйствію теплыхъ и холодныхъ ваннъ, для чего и лѣто и зиму или зарывался по горло въ свѣжемъ навозѣ, или купался въ озерѣ Кабанѣ и рѣкѣ Казанкѣ, къ великому безпокойству казанской полиціи. Трудно перечислить всѣ выдумки и эксцентричности, какія приходили ему въ го-

(1) Д. 1845 г., № 4.

лову и важность которыхъ онъ старался доказать непремѣнно практическимъ путемъ. Студенты подсмѣивались надъ нимъ, но почти всѣ любили его, какъ человѣка добродушнаго, услужливаго и рѣдко имъ вредившаго. Зная его, какъ человѣка усерднаго и дѣятельнаго, ректоръ, кромѣ комиссарской должности, призвалъ его къ участію въ постройкѣ новыхъ академическихъ зданій на Арскомъ полѣ. Въ сентябрѣ 1847 г. онъ былъ сдѣланъ смотрителемъ строительныхъ работъ на помощь приставленному къ этому дѣлу священнику кладбищенской церкви, отцу Николаю Поликарпову, который оказалъ въ этомъ дѣлѣ неоцѣнимыя услуги академіи, но въ описываемое время отъ преклонной старости уже ослабѣлъ и просился въ отставку.

При помощи такихъ дѣятелей и подъ бдительнымъ надзоромъ опытнаго ректора экономія академіи шла образцовымъ порядкомъ и съ внимательною бережливостью, которая была совершенно въ духѣ преосв. Владиміра. Даромъ не пропадала ни одна копѣйка. Но особенное вниманіе ректора обращено было на упомянутое сейчасъ дѣло постройки академическихъ зданій. Постройка эта съ начала до конца производилась экономическимъ образомъ и стоила множества хлопотъ въ теченіи почти всего его ректорства, съ 1845 по 1850 г.. Одно письменное дѣлопроизводство по ней за эти годы представляетъ ужасающую груду бумагъ въ 6 фоліантахъ, каждый вершковъ въ 7 толщиной. Каждый день, не смотря на дальность разстоянія академической квартиры отъ Арскаго поля, ректоръ почти неопустительно ѣздилъ туда и проводилъ тамъ по нѣсколько часовъ, наблюдая за всѣми мелочами работъ. Не рѣдко случалось, что, усомнившись въ качествѣ какой нибудь подѣлки, произведенной безъ него, онъ приказывалъ ломать ее и вновь перестроить на своихъ глазахъ. Подъ такимъ внимательнымъ надзоромъ со стороны какъ его, такъ и другихъ членовъ строительнаго комитета, подобранныхъ одинъ къ одному съ рѣдкой удачей, академіи посчастливилось обзавестись образцово и съ умнымъ разсчетомъ выстроенными зданіями, которыя доселѣ могутъ возбуждать удивленіе въ знатокахъ строительнаго дѣла и служатъ лучшимъ памятникомъ ректорствованія Григорія. Разныя передѣлки и пристройки въ этихъ зданіяхъ, сдѣланныя при послѣдующихъ ректорахъ, которые вмѣстѣ съ своими архитекторами не трудились вникать въ идеи и разсчеты перваго ихъ строителя, были, можно

сказать, не столько усовершенствованіемъ ихъ, сколько прямой порчей какъ въ отношеніи прочности, такъ и въ отношеніи разныхъ практическихъ удобствъ. Это дѣло впрочемъ на столько важно, что объ немъ стоитъ поговорить съ бо́льшею обстоятельностію въ особомъ приличномъ для того мѣстѣ нашей исторіи.

Какъ ни много должно было поглощать вниманія ректора это внѣшнее, административное и экономическое устройство новаго учебнаго заведенія, многосторонній административный талантъ его этимъ не ограничился. Вмѣстѣ съ высокою честью внѣшняго устройства академіи, ему по справедливости принадлежитъ слава и первоначальнаго устроенія ея внутренней жизни по учебной и нравственной части.

Въ первый же годъ по пріѣздѣ, когда послѣ пріема II курса студентовъ академія явилась въ полномъ составѣ, онъ составилъ первое полное распредѣленіе наукъ между наставниками, а такъ же первое распредѣленіе часовъ и предметовъ для преподаванія (1). Оба эти распредѣленія, за исключеніемъ подробностей, въ существенныхъ чертахъ оставались съ тѣхъ поръ неизмѣнными почти во все время существованія академій по старому уставу. Себѣ онъ не взялъ ни одной каѳедры, ограничившись только обязанностями администратора, высшаго надзирателя и руководителя учебной части. Часто посѣщая классы и занятныя комнаты студентовъ, производя самъ всѣ экзамены, прочитывая массу письменныхъ студенческихъ работъ, онъ отлично зналъ способности и успѣхи каждаго студента. Въ случаяхъ неявки преподавателей на лекціи по болѣзни и другимъ причинамъ, онъ большею частію самъ занималъ часы ихъ лекцій, бесѣдуя съ студентами о предметахъ прежнихъ лекцій и дѣлая имъ репетиціи, что̀ давало ему возможность еще болѣе сближаться со студентами и узнавать ихъ умственныя достоинства и недостатки. У лучшихъ студентовъ онъ мѣтко угадывалъ ихъ господствующіе таланты и наклонности къ той или другой спеціальности и безошибочно выбиралъ изъ нихъ способныхъ кандидатовъ для замѣщенія академическихъ каѳедръ. Достаточно перечислить только имена этихъ избранныхъ имъ кандидатовъ, чтобы

(1) Д. внутр. правл. 1844 г. № 47 и 49.

видѣть, какимъ вѣрнымъ тактомъ отличался его выборъ; вотъ эта плеяда Григорьевскихъ баккалавровъ, сдѣлавшихся потомъ красою своей almae matris, изъ которыхъ каждый былъ обязанъ его проницательности и своей спеціальностью, и своей ученой карьерой: изъ I курса А. П. Владимірскій, Н. И. Ильминскій, А. А. Бобровниковъ и И. П. Гвоздевъ, изъ II курса И. Я. Порфирьевъ и С. П. Гремяченскій, изъ III курса іеромонахъ Веніаминъ Благонравовъ и М. М. Зефировъ.

Въ нашей исторической литературѣ однимъ изъ бывшихъ воспитанниковъ академіи (1) высказанъ въ высшей степени несправедливый отзывъ о ректорѣ Григоріи, какъ о гонителѣ литературы и свѣтскихъ наукъ, даже „крайне враждебномъ“, и поборникѣ одной богословской схоластики. Правда, онъ не имѣлъ особенно многосторонняго научнаго образованія, но былъ весьма чутокъ ко всякимъ умственнымъ интересамъ и отзывчивъ на научныя требованія самыхъ разнообразныхъ спеціальностей, хотя бы и мало ему знакомыхъ. Такъ, онъ напримѣръ усердно заботился о введеніи въ академіи серьезнаго изученія восточныхъ языковъ, пригласилъ для преподаванія ихъ на первый разъ профессоровъ казанскаго университета, потомъ приготовилъ для преподаванія этихъ языковъ своихъ собственныхъ баккалавровъ изъ студентовъ I курса Н. И. Ильминскаго и А. А. Бобровникова Бобровниковъ, какъ увидимъ въ своемъ мѣстѣ, былъ обязанъ умному ректору рѣшительно всей своей ученой карьерой. Ректоръ первый замѣтилъ его способности и спеціальность и заранѣе намѣтилъ его на каѳедру монгольскаго языка; потомъ, готовя изъ него будущаго баккалавра, давалъ ему всѣ зависящія средства къ изученію избранной имъ спеціальности, сильно поддерживалъ его своимъ вліяніемъ противъ нѣкоторыхъ профессоровъ, бывшихъ противъ назначенія его на службу въ академію, и даже противъ инспекціи, не долюбливавшей талантливаго студента за разныя его проказы, наконецъ много содѣйствовалъ выполненію и изданію его капитальнаго ученаго труда—Монголо-калмыцкой Грамматики. Съ такою же внимательностью онъ готовилъ другого своего баккалавра С. И. Гремяченскаго на каѳедру естественныхъ наукъ, къ которымъ монашествующіе начальники

(1) Н. Я Аристовъ въ книгѣ: А. П. Щаповъ, стр. 7. Спб. 1883 г.

того времени относились въ рѣдкихъ случаяхъ благосклонно и внимательно. Замѣтивъ въ молодомъ студентѣ склонность и способность къ этимъ наукамъ, ректоръ давалъ ему тоже всѣ возможныя средства къ изученію ихъ, позволялъ даже манкировать нѣсколько изученіемъ другихъ наукъ академическаго курса, отпускалъ его на ботаническія экскурсіи, потомъ удѣлялъ значительныя по тогдашнему состоянію академіи деньги изъ казенныхъ средствъ на самое обзаведеніе этой каѳедры необходимымъ ученымъ аппаратомъ и на ученыя путешествія бакалавра. Излишняго увлеченія свѣтской журналистикой и беллетристическими произведеніями онъ дѣйствительно не любилъ, считая такое увлеченіе пустой тратой времени, вредной для болѣе серьезныхъ научныхъ занятій студентовъ, но на серьезное, научное изученіе произведеній словесности имѣлъ совершенно просвѣщенный взглядъ. Студенты сами выписывали при немъ два свѣтскихъ журнала: Отечественныя Записки и Современникъ, что, при тогдашнемъ строгомъ надзорѣ за жизнью студентовъ, было положительно невозможно безъ допущенія со стороны самого ректора.

Но, при всей своей многосторонности, до 1848 г. дѣятельность ректора Григорія всетаки носила преимущественно хозяйственный характеръ, который вызывался и тогдашними потребностями только лишь устраивавшагося заведенія, и тоже преимущественно хозяйственнымъ характеромъ административныхъ требованій по отношенію къ академіи преосвященнаго Владиміра. Лѣтомъ 1848 года внѣшнее устройство академіи пришло почти къ концу; главный корпусъ ея былъ вполнѣ выстроенъ, и она перешла въ него на постоянное свое жительство. Весной тогоже года произошла смѣна главнаго начальника академіи. 12 марта преосвященный Владиміръ, согласно его прошенію, по старости и немощи, былъ Всемилостивѣйше уволенъ на покой съ пенсіей и съ предоставленіемъ въ управленіе свіяжскаго Богородицкаго монастыря. Академія съ сожалѣніемъ простилась съ этимъ добрымъ и радѣльнымъ до нея преосвященнымъ, первымъ ея устроителемъ и поддержкой въ начальное, трудное время существованія. „Въ продолженіе слишкомъ 5 лѣтъ, говорилось въ отчетѣ академіи за 1848 г., читанномъ на актѣ проф. Гусевымъ, онъ не переставалъ оказывать ей ощутительнѣйшіе знаки самой нѣжной къ ней внимательности, самой заботливой о ней попечительности и любви истинно отеческой. На что

ни взглянемъ въ нашей академіи, все пробуждаетъ въ насъ радостно-грустное воспоминаніе о высокой его личности. Пойдемъ-ли въ библіотеку, обратимся-ли къ кабинету естественной исторіи, будемъ-ли разсматривать мюнцъ-кабинетъ, вездѣ встрѣтимся съ дарами его щедролюбивой руки. Обратимъ-ли вниманіе на акты правленія академическаго, въ нихъ найдемъ мы не мало совѣтовъ и постановленій его опытной мудрости и свѣтлой проницательности, направленныхъ къ чести, благу и совершенству академіи. А его привѣтливость, высоко благородная простота, мудрая и поучительная откровенность въ обращеніи съ начальниками и наставниками академіи были до такой степени плѣнительны, что ихъ никогда нельзя забыть и никогда нельзя объ нихъ вспомнить безъ чувства живой радости и молитвенной благодарности. И на студентовъ академіи онъ также смотрѣлъ съ чувствомъ особенной нѣжности. Считая ихъ надеждою святой православной церкви, онъ, какъ отецъ, всегда совѣтовалъ непосредственному начальству беречь ихъ здоровье и воспитывать ихъ согласно съ современными потребностями и нуждами св. церкви. Говоря иногда съ ними, выражая свою радость объ ихъ успѣхахъ, онъ давалъ имъ наставленія, полныя мудрости глубокой, знанія жизни и ободренія къ новымъ трудамъ. Всѣ, имѣвшіе счастіе служить и воспитаться въ нашей академіи подъ его отеческимъ, святительскимъ покровомъ, безъ сомнѣнія, навсегда сохранятъ благодарную объ немъ память и передадутъ ее, какъ драгоцѣнное сокровище своихъ сердецъ, своему потомству. Но, если не люди, то эти камни всегда, доколѣ не разрушатся, будутъ напоминать о немъ. Первый камень этого зданія, назадъ тому съ небольшимъ три года (8 мая 1845 г.), былъ положенъ его святительскими руками. Заложенное имъ, оно и окончено подъ его блюстительствомъ. Коротко,—академія насаждена, укоренилась, окрѣпла и разцвѣла подъ его мудрымъ отеческимъ покровомъ".

7 апрѣля 1848 г. прибылъ въ Казань новый преосвященный Григорій Постниковъ, докторъ богословія. Это былъ святитель другаго направленія, чѣмъ преосвященный Владиміръ, направленія ученаго, а не хозяйственнаго. Внѣшнее устройство академіи и ея хозяйственная часть даже мало его интересовали. Онъ видимо тяготился разными текущими докладами ректора по постройкамъ. Вскорѣ по своемъ пріѣздѣ, по поводу порученной ему въ 1848 г. ревизіи академіи, онъ

довелъ ректора Григорія даже до большой непріятности изъза производившейся тогда постройки флигелей и каменной ограды академіи, донесши на него Св. Синоду, что для ускоренія этой постройки, раньше ассигновки на нее денегъ, онъ незаконно заимствовалъ въ академической кассѣ 2660 руб. денегъ (1). Къ счастію ректора, дѣло это кончилось только строгимъ замѣчаніемъ ему и строительному комитету. Все вниманіе преосвященнаго Григорія по управленію академіей обращено было исключительно на часть учебную. Онъ наблюдалъ за объемомъ и качествомъ академическаго преподаванія и за успѣхами студентовъ, любилъ въ короткіе пріѣзды свои изъ Петербурга, гдѣ почти постоянно жилъ въ званіи члена Св. Синода, присутствовать на академическихъ экзаменахъ, назначалъ изъ собственныхъ средствъ преміи за лучшія курсовыя сочиненія студентовъ на заланныя имъ самимъ темы по миссіонерскимъ предметамъ и самъ пересматривалъ эти сочиненія, заботился объ умноженіи ученыхъ пособій для академіи, объ увеличеніи ея библіотеки и состоящихъ при послѣдней кабинетовъ и каждогодно дѣлалъ на этотъ предметъ цѣнныя пожертвованія изъ своихъ собственныхъ средствъ. Его заботамъ и сильному ходатайству академія обязана была пріобрѣтеніемъ своего главнаго ученаго сокровища, библіотеки Соловецкаго монастыря Наиболѣе любимымъ предметомъ его попеченій было усиленіе при академіи миссіонерскаго образованія, которое было усвоено ей при самомъ ея учрежденіи по нуждамъ ея округа. Подъ его руководствомъ при академіи открылъ свою многоплодную дѣятельность переводческій комитетъ для перевода на татарскій языкъ священныхъ и богослужебныхъ книгъ, учрежденный еще при преосвященномъ Владимірѣ въ 1847 году, но по разнымъ обстоятельствамъ не собиравшійся для своихъ работъ до самаго конца 1848 г., когда преосвященный Григорій возбудилъ его къ самымъ усиленнымъ работамъ. По его также настояніямъ двинуто было въ полный ходъ дѣло объ образованіи при академіи особыхъ миссіонерскихъ отдѣленій противъ раскола и противъ важнѣйшихъ инородческихъ религій казанскаго округа, — ислама и буддизма. Наконецъ, по его же иниціативѣ и при его непосредственномъ участіи, было начато и въ 1855 г. благополучно кончено дѣло объ основаніи при ака-

(1) Д. внутр. правл. 1849 г. № 22.

деміи ученаго академическаго журнала—Православный Собесѣдникъ. Для академіи было большое счастіе, что въ то самое время, когда оканчивалось ея внѣшнее устройство и требовалось уже заняться усовершенствованіемъ ея внутренняго состоянія, она попала подъ руководство именно такого преосвященнаго, какимъ былъ владыка Григорій.

Ректоръ Григорій скоро вошелъ во всѣ его намѣренія и планы. Едва освободившись отъ тяжелыхъ хлопотъ по постройкѣ зданій академіи, онъ принялся за дѣла переводческаго комитета и съумѣлъ показать себя не номинальнымъ только, но на самомъ дѣлѣ полезнымъ его президентомъ, не смотря на то, что комитетъ этотъ состоялъ изъ рѣдкихъ знатоковъ татарскаго языка, въ числѣ которыхъ былъ даже такой извѣстный оріенталистъ, какъ профессоръ Казембекъ, а самъ онъ вовсе не зналъ этого языка. Онъ принялъ на себя руководство богословской стороной дѣла и съ необыкновенной проницательностью подмѣчалъ разныя неточности своихъ сочленовъ-спеціалистовъ въ переводахъ св. Писанія на совершенно невѣдомый ему языкъ. По цѣлымъ часамъ проводилъ онъ за такой провѣркой результатовъ ихъ работы, отъ нихъ же самихъ разузнавая точное значеніе татарскихъ словъ, какія они употребляли для обозначенія тѣхъ или другихъ понятій оригинала, возражалъ, требовалъ доказательствъ, предлагалъ съ своей стороны разныя перемѣны; когда же замѣчалъ, что они слишкомъ уже скоро начинали съ нимъ соглашаться, заставлялъ ихъ продолжать разсужденія для большаго уясненія предмета. „Да вы что же не спорите? обращался онъ къ нимъ. Вы спорьте“. И споръ возобновлялся.

Такое же дѣятельное участіе принялъ онъ въ дѣлѣ устройства при академіи миссіонерскихъ отдѣленій. Онъ не дождался конца этого дѣла, но первая подготовка къ организаціи отдѣленій вся прошла при немъ и черезъ его руки. Онъ самъ разсматривалъ всѣ проекты миссіонерскаго образованія, какіе до 1851 г. составлялись и въ академической конференціи, и спеціалистами-преподавателями татарскаго и монгольскаго языковъ, вырабатывалъ изъ нихъ для представленія высшему начальству общіе сводные проекты и приготовлялъ для будущихъ отдѣленій преподавателей; вообще, при выходѣ своемъ изъ академической службы оставилъ это дѣло почти совсѣмъ законченнымъ и оформленнымъ, такъ что

дальнѣйшее его развитіе и осуществленіе зависѣло уже не отъ академическаго начальства, а отъ самого Св. Синода.

Преосвященный Григорій желалъ, чтобы ректоръ самъ принялъ на себя трудъ преподаванія по какой нибудь изъ академическихъ каѳедръ, видя въ этомъ одно изъ важныхъ средствъ къ усиленію ученаго авторитета начальника заведенія и къ скрѣпленію нравственныхъ связей его съ послѣднимъ. Трудно сказать, на сколько могла быть состоятельна такая мысль на практикѣ, особенно въ отношеніи къ высшему учебному заведенію, гдѣ выдерживать свой ученый авторитетъ удается только очень немногимъ ректорамъ-преподавателямъ и гдѣ между тѣмъ, съ упадкомъ этого ученаго ихъ авторитета, легко можетъ падать и авторитетъ начальственный; но ректоръ Григорій до конца своей академической службы неизмѣнно сохранялъ за собой прежнее положеніе—исключительно администратора, не вмѣшиваясь самъ въ ряды подчиненныхъ ему преподавателей, и это, какъ нельзя болѣе, шло къ его всегда властной, всегда высоко стоявшей надъ всѣмъ окружающимъ личности. Надзоръ его за учебной частію въ академіи былъ очень строгій и внимательный, какъ въ отношеніи къ студентамъ, такъ одинаково и въ отношеніи къ наставникамъ. Его постоянно можно было встрѣтить во время лекцій въ корридорахъ около аудиторій; всѣ входящіе и выходящіе изъ аудиторій были у него на виду и на замѣчаніи. Походивъ по корридорамъ, онъ отправлялся въ студенческія комнаты, спальни и разные уголки, гдѣ студентъ могъ скрываться отъ науки, и, кого встрѣчалъ, выпроваживалъ на лекціи. Посѣщалъ онъ нерѣдко и самыя лекціи, пересчитывая на нихъ студентовъ и прислушиваясь къ профессору, а то иногда просто дремля послѣ безсонной ночи, проведенной въ охотѣ за нарушителями академическихъ порядковъ. Въ классныхъ журналахъ и въ журналахъ чередныхъ старшихъ постоянно попадаются его замѣчанія старшимъ, почему они не записали такихъ-то, не бывшихъ въ классѣ, или выговоры и назначенія наказаній за манкировку классовъ. Опущенія классовъ, нерѣдкія въ первые годы существованія академіи и со стороны студентовъ, и со стороны самихъ преподавателей, при немъ совсѣмъ прекратились. Опущеніе лекціи преподавателемъ, по болѣзни или по другой благословной причинѣ, каждый разъ нарочно обсуждалось правленіемъ академіи и становилось предметомъ особаго оффиціальнаго дѣла, представлявшагося на

усмотрѣніе преосвященнаго, при чемъ также каждый разъ опускаемый классъ, по назначенію правленія, обязательно занимался кѣмъ нибудь изъ наличныхъ преподавателей, а то нерѣдко и самимъ ректоромъ.

Съ преподавателями онъ обращался, какъ настоящее начальство, не стѣсняясь, дѣлалъ имъ строгіе выговоры и замѣчанія за неисправности, и этихъ властныхъ выговоровъ боялись самыя почтенныя лица преподавательской корпораціи. Одинъ разъ только онъ дозволилъ себѣ спуститься съ своей высоты до нѣкотораго компанства съ своими подчиненными сослуживцами; это было въ Ѳомино воскресенье 1850 г., по случаю великаго академическаго торжества, когда академія наукъ увѣнчала преміей первый ученый трудъ, вышедшій изъ среды казанской академической корпораціи,—Монголо-Калмыцкую Грамматику баккалавра Бобровникова. На радостяхъ Бобровниковъ устроилъ у себя обѣдъ, на который позвалъ и самого ректора. Вотъ художественная картинка этого обѣда изъ воспоминаній о Бобровниковѣ Н. И. Ильминскаго, рисующая и нравы тогдашней корпораціи, и ея отношенія къ своему начальнику, и отчасти личность послѣдняго. „Обѣдъ былъ совсѣмъ семейный, были все свои академическіе; ректоръ удостоилъ его своимъ присутствіемъ. Тутъ-то раскрылась симпатичная душа нашего незабвеннаго ректора, котораго мы привыкли было считать серьезнымъ, строгимъ формалистомъ, жестокимъ, даже безпощаднымъ. Онъ такъ живо принялъ къ сердцу успѣхъ Бобровникова, такъ былъ, можно сказать, наивно счастливъ счастіемъ своего воспитанника и подчиненнаго, что во все продолженіе обѣда шутилъ и смѣялся наравнѣ съ молодежью. Когда подали шампанское и Бобровниковъ провозгласилъ тостъ за здоровье ректора, какъ виновника Грамматики и награды, давшей поводъ къ обѣду, онъ его перебилъ: нѣтъ, сказалъ онъ, вся честь принадлежитъ Вамъ, я предлагаю тостъ за здоровье автора. За здоровье ректора пили уже второй бокалъ. Словомъ сказать, этотъ обѣдъ былъ самая чистая, самая семейная радостная сцена. Послѣ обѣда нашъ начальникъ ушелъ опять къ своимъ суровымъ занятіямъ и опять замкнулся въ свою дѣловую жизнь. А мы свѣтскіе остались до ночи и пировали три дня“ (1). На третій день ректоръ не далъ впрочемъ попировать. Это былъ втор-

(1) Учен. Записки казан. универс. за 1865 г., стр. 442—443.

никъ, день академической бани, раньше которой, т. е. до среды порѣшили было уже вовсе не ходить на лекціи; понедѣльникъ ректоръ еще спустилъ, а во вторникъ всѣхъ попросилъ пожаловать на лекціи.

Съ студентами онъ держался еще суровѣе и начальственнѣе. Учившіеся при немъ въ академіи, теперь всѣ уже люди пожилые и сами занимающіе большею частію важные посты, въ своихъ воспоминаніяхъ объ немъ до сихъ поръ какъ будто чувствуютъ на себѣ то импонирующее впечатлѣніе, какое онъ производилъ на нихъ когда-то во дни ихъ школьной юности. Въ первое время своего ректорства, заставъ академію совершенно неустроенною и даже не много распущенною, онъ держался особенно сурово, рвалъ и металъ на всѣ стороны, поразогналъ разныхъ enfants terribles студенческой корпораціи и съ тѣхъ поръ навсегда сдѣлалъ свое имя честнымъ и грознымъ. Послѣ первоначальнаго устройства дисциплинарныхъ порядковъ, введенія строгой инструкціи для старшихъ, заведенія студенческихъ журналовъ для ежедневнаго донесенія старшихъ о благосостояніи академіи и для отпусковъ студентовъ изъ стѣнъ академіи въ городъ и т. д., онъ сталъ дѣйствовать спокойнѣе, но съ необычайной настойчивостію и неутомимостію въ надзорѣ за поддержаніемъ дисциплины и безъ всякихъ послабленій. Вновь поступавшій въ академію студентъ, очарованный любезностями инспектора Серафима Аретинскаго, съ первой же явки своей къ ректору чувствовалъ, что это уже не ласковый о. Серафимъ, а настоящее строгое начальство, и проникался боязливымъ къ нему уваженіемъ. „Вы кто такой, встрѣчалъ его ректоръ, и зачѣмъ сюда?“ — Студентъ такой-то семинаріи, присланъ семинарскимъ начальствомъ учиться въ академію. — „А, ну, ужъ коли Вы присланы, такъ стало быть, надо Васъ учить... Ступайте къ инспектору, онъ укажетъ Вамъ мѣсто, гдѣ жить“. Въ обращеніи съ студентами, особенно въ выговорахъ имъ за разные грѣхи, онъ не особенно стѣснялся терминологіей и употреблялъ весьма рѣзкія выраженія не только словесно, но и письменно. Журналъ чередныхъ старшихъ, подававшійся для просмотра инспектору ежедневно, а ректору 2 раза въ недѣлю, при немъ весь испещренъ былъ разными его замѣтками и внушеніями. На первыхъ порахъ рѣдкую недѣлю онъ ограничивался одною обычною своею подписью: „видѣлъ“, а большею частію записывалъ и то, что дѣйстви-

тельно успѣвалъ усмотрѣть за студентами: кого замѣчалъ проманкировавшимъ лекцію, или поздно явившимся на нее, или раньше звонка вышедшимъ изъ аудиторіи, кого заставалъ въ столовой за чаемъ до обѣдни. кого въ спальной валявшимся въ неположенное время на койкѣ, кого въ больницѣ въ качествѣ мнимаго больнаго или пробравшимся сюда просто поспать послѣ обѣда, иныхъ подлавливалъ въ самовольныхъ отлучкахъ изъ академическаго корпуса, въ позднемъ и не совсѣмъ благополучномъ возвращеніи изъ гостей и въ тому подобныхъ преступленіяхъ; тутъ же на журналѣ онъ выражалъ и свои чувствованія по поводу замѣченныхъ проступковъ, стыдилъ студентовъ, бранился, когда былъ особенно въ сердцахъ, называлъ безсовѣстными, бродягами. грубыми мужиками, негодяями. непріязненнымъ народомъ, и назначалъ наказанія большею частію голоднымъ столомъ на обѣдъ, на ужинъ, на цѣлый день, на два, на три дня, изрѣдка даже стояніемъ на колѣнахъ во время утреннихъ и вечернихъ молитвъ и поклонами. Онъ зналъ характеры и поведеніе студентовъ несравненно лучше всѣхъ бывшихъ при немъ инспекторовъ. Студенческая жизнь со всѣми ея прегрѣшеніями и проказами тоже была извѣстна ему до мельчайшихъ подробностей. По разсказамъ студентовъ того времени, онъ велъ у себя для памяти особый келейный журналъ всѣхъ выдающихся событій этой жизни и часто до того озадачивалъ своимъ всевѣдѣніемъ и студентовъ, и самую инспекцію, что нѣкоторые подозрѣвали его въ любви къ наушничеству. Подозрѣніе это было совсѣмъ несправедливо. Каждый день странствуя по всѣмъ закоулкамъ академіи съ утра до вечера и даже ночью, онъ собственными глазами могъ наблюдать за теченіемъ академической жизни по всѣмъ ея частямъ и во всѣхъ подробностяхъ и видѣть все, что въ ней дѣлалось. Даже сидя у себя дома, въ кабинетѣ, онъ постоянно прислушивался, что̀ дѣлается въ корридорахъ и въ студенческихъ комнатахъ, и, заслышавъ что нибудь подозрительное, сейчасъ же набрасывалъ на себя рясу и быстро шелъ лично узнать, что̀ случилось. Иногда онъ даже обманывалъ студентовъ: распоряжался запрячь лошадей, какъ бы для поѣздки на стройку или въ консисторію, и дѣйствительно выѣзжалъ изъ корпуса, но вдругъ неожиданно возвращался назадъ и быстро обходилъ классы и студенческія помѣщенія, чтобы посмотрѣть, не воспользовались ли студенты его отсутствіемъ для произ-

веденія какого нибудь безпорядка. Студенты постоянно чувствовали на себѣ внимательный взглядъ своего строгаго начальника. Совсѣмъ неожиданно, какъ изъ-подъ земли, выросталъ онъ, гдѣ никто и не чаялъ его встрѣтить въ данное время, въ какомъ нибудь темномъ заднемъ корридорѣ, по которому немного запоздавшій или выпившій студентъ тихонько пробирался на свое мѣсто, въ укромномъ уголку, около кухни или отхожаго мѣста, куда любители строго запрещеннаго табаку удалялись отъ глазъ начальства затянуться трубочкой и проч.. Расположится студентъ съ товарищемъ въ одномъ изъ такихъ закоулковъ покурить предъ открытой вьюшкой, затянется раза три всласть, потомъ, нѣсколько одурманенный, подастъ трубку, не глядя, черезъ плечо своему компаньону: „на-ка де покури!“ и вдругъ за нимъ самъ ректоръ Григорій, а компаньона уже и слѣдъ простылъ. Одинъ студентъ II курса, А. Кедровъ, особенно часто попадавшійся ректору и въ куреніи, и въ выпивкѣ, такъ же разъ застигнутый врасплохъ съ трубкой - носогрѣйкой (папиросъ тогда еще не было) въ умывальной комнатѣ, быстро засунулъ эту трубку въ карманъ брюкъ и имѣлъ мужество выдержать, не моргнувъ глазомъ, длинное собесѣдованіе съ ректоромъ о разныхъ разностяхъ, хотя и поплатился за то широкимъ обжогомъ своей ноги. Попасться ректору студенты боялись буквально пуще огня. Онъ былъ горячъ; какъ хохолъ, быстро воспламенялся и въ такомъ состояніи напускалъ такую грозу на академическихъ грѣшниковъ, что одумавшись иногда и самъ послѣ старался смягчить произведенное имъ впечатлѣніе, доходилъ даже до извиненія предъ студентами. Однажды утромъ онъ увидалъ студента I курса, Бобровскаго, облеченнымъ въ нарядный халатъ, вспылилъ и, потребовавъ топоръ, велѣлъ тутъ же изрубить этотъ запрещенный студентамъ костюмъ; черезъ нѣсколько времени, одумавшись, онъ извинился предъ потерпѣвшимъ убытокъ. Въ другое время, въ холеру 1848 г., онъ сильно нашумѣлъ на провинившагося въ чемъ-то студента II курса, Ѳ. Пылаева; но потомъ самъ испугался своей горячности, допущенной въ такое время, когда докторъ Скандовскій только и настаивалъ, чтобы студенты жили какъ можно спокойнѣе и ни отъ чего не волновались; будучи и самъ нездоровъ холеринными припадками, ректоръ призвалъ напуганнаго по его мнѣнію Пылаева, чтобы успокоить его,

и высказалъ предъ нимъ извиненіе, сильно поразившее тогда всѣхъ студентовъ.

Страхъ предъ грознымъ начальникомъ прошелъ только тогда, когда онъ вышелъ изъ академіи: только послѣ этого дѣятельность его могла быть обсуждаема спокойнѣе и безпристрастнѣе, безъ живыхъ впечатлѣній минуты, и стало видно, какъ въ сущности онъ былъ добръ и благожелателенъ, какъ часто слабы въ сравненіи съ проступками были самыя наказанія студентовъ, какъ терпѣливо, до послѣдней возможности щадилъ онъ людей болѣе талантливыхъ, впадавшихъ даже въ крупныя вины, старался воздерживать ихъ отъ паденій и незамѣтно заботился объ нихъ, наконецъ какъ симпатичны были его постоянныя заботы о благосостояніи студенчества, объ ихъ столѣ, одеждѣ и обстановкѣ. Въ тяжкіе холерные годы 1847—1848 онъ былъ особенно внимателенъ къ ихъ обстановкѣ. Эпидемія свирѣпствовала въ самой академіи, перебирая и служителей, и студентовъ, и наставниковъ, задѣла и самого ректора, и только благодаря энергичной распорядительности академическаго начальства и самоотверженнымъ усиліямъ безкорыстнѣйшаго и добрѣйшаго доктора академіи Н. А. Скандовскаго, ограничилась всего двумя смертными случаями въ средѣ студентовъ. Но ректоръ почему-то считалъ нужнымъ постоянно прятать свои симпатичныя свойства отъ всѣхъ постороннихъ глазъ и скрывать свою любовь къ молодежи подъ наружной маской сухости и суровости.

Замѣчательно, что, вспыльчивый и грозный въ случаяхъ менѣе важныхъ уклоненій студентовъ отъ дисциплинарныхъ формъ, за что́ его считали сухимъ формалистомъ, онъ держалъ себя несравненно мягче и спокойнѣе, когда студентъ попадался ему въ какой нибудь грубой нравственной винѣ, напримѣръ въ пьянствѣ, которое онъ считалъ совершенно нетерпимымъ въ заведеніи. Подловивъ виновнаго, онъ не набрасывался на него съ обыкновенными своими распеканьями, напротивъ вступалъ съ нимъ въ спокойный и продолжительный разговоръ, выслушивалъ отъ него всякія объясненія и даже претензіи, потомъ иногда самъ же провожалъ его въ дортуаръ и укладывалъ спать. Студентъ II к. Ст. Щаповъ, братъ извѣстнаго историка А. П. Щапова, большой пьяница, потомъ исключенный изъ академіи, выпивши, даже самъ являлся къ ректору побесѣдовать и разъяснить ему, какъ онъ дурно управляетъ академіей и въ чемъ именно. Къ исключе-

нію студента ректоръ прибѣгалъ рѣдко и только въ крайнихъ случаяхъ, когда всѣ мѣры исправленія человѣка уже до конца были истощены и когда дѣло доходило до какого нибудь крупнаго скандала. Уже совсѣмъ рѣшившись исключить студента, ректоръ и послѣ этого долго не приступалъ къ выполненію этой мѣры и, при малѣйшемъ признакѣ исправленія обреченнаго на изгнаніе или только проблескѣ надежды на такое исправленіе, откладывалъ свое рѣшеніе. Но, чтобы не показаться въ этомъ случаѣ слишкомъ жалостливымъ и слабымъ, онъ старался обыкновенно сваливать свою милость виновному на чье нибудь ходатайство. Напр. въ августѣ 1846 г. въ правленіи составленъ былъ грозный журналъ о студентѣ II курса А. Конвоксовѣ, который нѣсколько разъ попадался ректору въ пьянствѣ, а въ послѣднее время сильно нашумѣлъ, къ соблазну только лишь пріѣхавшихъ новыхъ студентовъ, и нагрубилъ самому ректору; вина его и самъ онъ были разбранены тутъ на всѣ корки и сказано, что онъ, какъ „грубый мужикъ“, достоинъ увольненія съ дурнымъ поведеніемъ, но что, во вниманіе къ его обѣщанію не пить больше ничего хмѣльнаго и къ ходатайству объ немъ проф. Гусева и самого инспектора Серафима, онъ всетаки оставляется въ академіи на усмотрѣніе; исключеніе замѣнено было стояніемъ на колѣнахъ за молитвами утренними и вечерними въ продолженіе 7 дней. Студентъ этотъ попадался и послѣ, но всетаки благополучно успѣлъ дотянуть до конца курса. Исключеніе изъ академіи производилось всегда не иначе, какъ по прошенію самого студента, подъ предлогомъ болѣзни или семейныхъ обстоятельствъ. Докторъ Скандовскій въ первомъ случаѣ давалъ свидѣтельство о болѣзни, гдѣ большею частію писалъ, что у больнаго сильное головокруженіе—vertigo capitis, мѣшающее ему продолжать курсъ академическаго ученія.

Инспекторъ Серафимъ совсѣмъ стушевался при ректорѣ Григоріи; о событіяхъ въ студенческой жизни ему постоянно приходилось узнавать уже послѣ ректора и даже отъ него самого. Рѣдко посѣщая студентовъ, даже вообще мало бывая дома, въ академіи, за частыми своими выѣздами по знакомымъ, онъ не удовлетворялъ ректора; послѣдній плохо довѣрялъ даже его оффиціальнымъ рекомендаціямъ студентовъ въ обычныхъ его донесеніяхъ правленію. При окончаніи I курса инспекторскій списокъ студентовъ по поведенію не особенно принимался во вниманіе. На журналѣ чередныхъ старшихъ

послѣ удостовѣренія за подписью инспектора, что въ академіи все благополучно, ректоръ постоянно ставилъ замѣчанія о лично видѣнныхъ имъ безпорядкахъ, которые показывали, что въ академіи было вовсе не такъ благополучно, какъ тутъ было сказано. Иногда ректоръ собственноручно усиливалъ штрафы студентамъ, назначенные рукою инспектора, безцеремонно перечеркивая и передѣлывая резолюціи послѣдняго. Въ увольнительномъ журналѣ инспекторъ уволитъ студента, напр. отъ службы въ академической церкви помолиться въ Казанскій монастырь на праздникъ 22 октября, а ректоръ тутъ же напишетъ: „Не зачѣмъ, — развѣ отсюда молитва не дошла бы до Богоматери?“

Зимой 1844 г, послѣ переселенія академіи въ домъ Мельниковыхъ, ректоръ положилъ назначить въ помощь инспектору помощника изъ наличныхъ наставниковъ. Выборъ его палъ на старѣйшаго изъ ординарныхъ профессоровъ *А. И. Беневоленскаго*. Должность эта не значилась въ штатѣ академіи, но это не стѣснило правленія; положено было считать ее безмездною и вознаграждать исправляющаго ее единовременными наградами изъ экономическихъ суммъ къ концу каждаго года, въ количествѣ приблизительно равномъ суммѣ секретарскаго жалованья (172 руб.) (1). Съ тѣхъ поръ эта новая должность такъ и осталась въ академіи.

Служба архимандрита Серафима при академіи продолжалась при ректорѣ Григоріи съ небольшимъ два года, до осени 1846 г.. Въ этомъ году Св. Синодъ рѣшилъ открыть новую семинарію въ казанскомъ духовно-учебномъ округѣ, кавказскую въ городѣ Ставрополѣ, и отъ 21 августа назначилъ архим. Серафима первымъ ея ректоромъ. 5 сентября, по полученіи въ академіи указа, онъ отправился къ мѣсту своего назначенія. Объ исправленіи имъ профессорской и другихъ академическихъ должностей мы будемъ еще говорить особо въ своемъ мѣстѣ. Въ Ставрополѣ онъ служилъ два года. Неопытность его въ административныхъ дѣлахъ сказалась и здѣсь. Семинарія страдала при немъ такимъ неустройствомъ по всѣмъ своимъ частямъ, что сдѣлалась предметомъ безпокойнаго вниманія и академическаго правленія, и высшаго начальства. Въ 1848 г. внѣшнее правленіе академіи должно было донести высшему начальству, что туда нуженъ болѣе

(1) Д. внутр. правл. 1845 г. № 108: о выдачѣ жалованья въ сентябрѣ.

опытный въ дѣлахъ ректоръ (1); 20 октября 1848 г. онъ былъ переведенъ въ ректоры могилевской семинаріи, при чемъ возведенъ въ должность настоятеля могилевскаго Богоявленскаго братскаго монастыря 1 класса. Въ 1850 г. былъ пожалованъ орденомъ св. Анны 2-й степени. Изъ Могилева отъ 17 мая 1852 г. былъ перемѣщенъ ректоромъ въ херсонскую духовную семинарію съ порученіемъ ему въ управленіе одесскаго Успенскаго второкласснаго монастыря, но съ оставленіемъ за нимъ лично первоклассной настоятельской степени. Здѣсь онъ былъ пожалованъ въ 1855 г. орденомъ св. Анны 2-й степени съ короною, а въ 1856 г. орденомъ св. Владиміра 3-й степени. 2 декабря 1858 г. перемѣщенъ на новую ректуру въ тамбовскую семинарію съ назначеніемъ настоятелемъ козловскаго Троицкаго монастыря и съ тою же личною степенью настоятеля первокласснаго монастыря. Въ 1860 г. 10 января онъ произведенъ былъ наконецъ въ епископа чигиринскаго, викарія кіевской епархіи, и настоятеля кіевскаго Златоверхо-Михайловскаго монастыря. Въ 1863 г. сопричисленъ къ ордену св. Анны 1-й степени. Отъ 4 января 1865 г. былъ опредѣленъ на самостоятельную епархію воронежскую, на которой и оставался потомъ до самой кончины. Здѣсь въ 1868 г. онъ получилъ орденъ св. Владиміра 2 степени большаго креста; въ 1871 г. возведенъ въ санъ архіепископа, въ 1875 г. пожалованъ орденомъ св. Александра Невскаго. Отъ 14 мая 1874 по 25 мая 1877 г. былъ присутствующимъ въ Св. Синодѣ. Кончина его послѣдовала 22 апрѣля 1886 г.. Воронежскія Епархіальныя Вѣдомости этого года очень подробно описали обстоятельства, сопровождавшія ее, и тѣ добрыя качества, тѣ заслуги на разныхъ поприщахъ служенія, преимущественно на воронежской каѳедрѣ, какими прославилась свѣтлая и симпатичная личность почившаго іерарха, перваго инспектора казанской академіи (2). „Преосвященный, говорится въ Воронежскомъ Телеграфѣ (1886 г. № 46), любилъ вспоминать о времени, проведенномъ имъ въ казанской академіи“. Академія тоже не забывала его въ дальнѣйшемъ теченіи своей жизни, тѣмъ болѣе, что въ ней до послѣдняго

(1) Журн. 1848 г. 9 іюля.

(2) Рядъ статей, составляющихъ это описаніе, изданъ отдѣльной брошюрой: Кончина и погребеніе высокопреос. Серафима, архіепископа воронежскаго и задонскаго. Воронежъ. 1886 г.

времени служили и служатъ еще люди, которые были нѣкогда подъ инспекторскимъ вліяніемъ покойнаго, хорошо знакомые съ его личностью. Послѣ своего преобразованія, желая связать свою новую исторію съ старой, въ 1877 г. она избрала преосвящ. Серафима въ число своихъ почетныхъ членовъ.

Преемникомъ его по должности инспектора академіи тѣмъ же указомъ 21 августа 1846 г., которымъ онъ былъ опредѣленъ въ ректоры ставропольской семинаріи, назначенъ былъ профессоръ академіи іеромонахъ *Фотій*, служившій потомъ инспекторомъ безъ малаго до конца ректорства Григорія. Григорій Ѳеодоровичъ Щиревскій (таково было мірское имя Фотія), какъ и ректоръ Іоаннъ съ инспекторомъ Серафимомъ, былъ орловскій же уроженецъ, сынъ протоіерея Брянскаго уѣзда, родился въ 1811 г., образованіе получилъ въ орловской семинаріи и въ кіевской академіи въ одномъ курсѣ съ Серафимомъ. По окончаніи курса въ 1837 г. онъ былъ возведенъ въ степень магистра и оставленъ при академіи бакалавромъ по классу св. Писанія. Въ слѣдующемъ году 25 сентября былъ постриженъ въ монашество; въ 1841 г. (9 февр.) сдѣланъ соборнымъ іеромонахомъ. Между своими однокурсниками и онъ, и Серафимъ считались людьми выдающимися, послѣдній, какъ хорошій ораторъ, а Фотій, какъ очень логическая и философская голова. Казанскіе кіевляне, ректоръ и инспекторъ, еще въ 1843 г. просили его въ казанскую академію на каѳедру философіи, но онъ попалъ сюда только черезъ годъ и на другую каѳедру. Въ 1844 г., при общемъ увеличеніи числа преподавателей академіи для открытія въ ней втораго курса, іеромонахъ Фотій, по ходатайству правленія, опредѣленіемъ Св. Синода отъ 15 ноября переведенъ былъ въ казанскую академію профессоромъ по каѳедрѣ церковнаго краснорѣчія (гомилетики) и сразу занялъ въ ней видное мѣсто въ качествѣ члена конференціи, потомъ съ 1845 г. члена внѣшняго правленія и цензурнаго комитета, кромѣ того, старѣйшаго послѣ ректора и инспектора между тогдашними пятерыми монашествующими профессорами (ректоръ, инспекторъ, Антоній Радонежскій (съ 1845 г.) и Паисій Пылаевъ), которые всѣ составляли, если не по должностямъ, то по значенію своему, особую, въ нѣкоторомъ родѣ начальственную корпорацію между наставниками. Въ инспекторскую должность онъ вступилъ 5 сентября 1846 г., а черезъ 3 дня посвященъ былъ въ архимандрита съ присвоеніемъ ему

лично третьеклассной настоятельской степени, какую обыкновенно получали и другіе инспекторы академіи.

Ректоръ Григорій однако едва ли былъ доволенъ, пріобрѣтя себѣ такого помощника, какъ о. Фотій, оказавшійся ниже и своей философской репутаціи, и своего служебнаго положенія въ казанской академіи, какъ по профессурѣ, такъ и по инспекторству. Это былъ человѣкъ больной, самозамкнутый, мало образованный, но довольно надутый схоларь стараго времени, не знавшій ни жизни, ни людей, да не особенно и интересовавшійся ихъ знать. Студенты считали себя во всемъ какъ-то выше его и съ самаго же начала его службы сдѣлали его предметомъ своего буффонства, передразнивая его странныя манеры, пародируя его лекціи и подсмѣиваясь надъ его инспекторскими наставленіями. Ректору Григорію на него еще менѣе можно было полагаться, чѣмъ на его предшественника. Обо всемъ, что дѣлалось у студентовъ, о. Фотій узнавалъ уже послѣ ректора. Въ студенческомъ журналѣ, по распоряженію ректора или помощника инспектора, все уже запишутъ, что̀ съ кѣмъ случилось особеннаго, назначатъ и наказаніе какому нибудь преступнику, а инспекторъ только подпишется или сдѣлаетъ сбоку какое нибудь замѣчаніе, выражающее его душевныя чувствованія, наприм.: „Доколѣ сей человѣкъ не пріидетъ въ разумъ истины?“ Не отличался онъ даже исправностью по своей должности. Здоровье не только не дозволяло ему такого бдительнаго надзора за студентами, какимъ отличался самъ ректоръ, но заставляло часто опускать даже лекціи, такъ что другимъ преподавателямъ и самому ректору частенько приводилось занимать его профессорскіе часы. Кромѣ нездоровья, едва ли еще не въ Казани начала проявляться у него извѣстная слабость, которая потомъ погубила всю его карьеру. Въ 1845 г., извѣщая о казанскихъ кіевлянахъ преосвященнаго Иннокентія, Григорій писалъ о Фотіи: „Господь многомилостивъ къ моему убожеству, давъ мнѣ сотрудниковъ близкихъ, по всѣмъ почти отношеніямъ, въ добрыхъ кіевлянахъ. Жаль только, о. Фотій часто и очень немоществуетъ у насъ, какъ будто въ укоръ Казани... Геморрой и ревматизмъ преодолѣваютъ его великое усердіе къ труду“ (1). Въ тѣхъ же почти выраженіяхъ онъ

(1) Письма къ Иннокентію, сообщ. Н. И. Барсовымъ въ Правосл. Соб. 1889 г. янв. 129.

писалъ о Фотіи къ другому преосвященному, бывшему тоже, какъ и Иннокентій, ректоромъ кіевской академіи, епископу нижегородскому Іереміи: „Бѣдный много болитъ, кажется, не богатъ здоровьемъ“ (1).

Въ образчикъ инспекторскихъ воззрѣній, пріемовъ и такта архимандрита Фотія приведемъ здѣсь одну изъ самыхъ длинныхъ его замѣтокъ на журналѣ чередныхъ старшихъ, которая на нашъ взглядъ ясна безъ комментарія. „29 числа (іюня мѣсяца 1849 г. въ началѣ ваката) въ 11 часовъ ночи нѣкоторые студенты пѣли въ спальныхъ комнатахъ свѣтскія пѣсни, какъ это замѣчено мною (онъ жилъ подъ самыми спальнями). Дежурный старшій Хитровъ, который въ это время не спалъ и находился при хорѣ пѣвцовъ, не только не донесъ въ рапортѣ объ этомъ поступкѣ ихъ, тогда какъ мною даже сказано было записать поющихъ, но, и по вторичномъ внушеніи ему сдѣлать это, не рѣшился обнаружить пѣсенниковъ, говоря, что онъ согласенъ вину этого поступка ихъ взять на себя, а не откроетъ безчинниковъ; и сверхъ того даже защищалъ проступокъ ихъ,—что въ вакаціонное де время что и дѣлать, какъ пѣть пѣсни. Въ этомъ своемъ поступкѣ онъ выказалъ: а) неисправность по должности старшаго, потому что ни мало не останавливалъ поющихъ, какъ бы надлежало; б) превратное или неблагонамѣренное сужденіе,—въ защитѣ такого рѣзко неприличнаго и безчиннаго поступка студентовъ; в) неблагонамѣренность и недобросовѣстность дѣйствованія, скрывая дѣло уже обличенное и явное въ половину, и г) еще ослушаніе и упорство крайнее, не согласившись записать пѣвцовъ послѣ двукратнаго требованія. Такой взглядъ на свое званіе старшаго! Такое злоупотребленіе должностію и довѣріемъ начальства! — Если этотъ старшій такъ упорно и недобросовѣстно скрываетъ открытое, то можно-ли надѣяться, что когда нибудь добросовѣстно и вѣрно донесетъ о томъ, что не узнано начальствомъ? Достоинъ ли онъ и имени старшаго? Справедливость требуетъ, чтобы онъ понесъ тотъ штрафъ, который заслуживаютъ пѣвшіе свѣтскія пѣсни въ спальнѣ, какъ сокрытые, тѣмъ болѣе, что онъ вину ихъ самъ добровольно снимаетъ на себя одинъ“. Какое постигло наказаніе такого недобросовѣстнаго старшаго, въ жур-

(1) Письма къ преосв. Іереміи въ Чт. Общ. любит. дух. просв. 1887 г. февр. приложеній стр. 21.

налѣ не сказано. Ректоръ съ своей стороны не сдѣлалъ никакой замѣтки.

Ректору впрочемъ съ самаго начала инспекторства Фотія удалось восполнить недостатокъ инспекціи назначеніемъ новаго, болѣе подходившаго къ его вкусу помощника инспектора. Прежній помощникъ инспектора, профессоръ Беневоленскій былъ человѣкъ невидный въ этой должности и мало ею занимался. Въ 1846 г. ревизовавшій академію епископъ Аѳанасій винницкій остался имъ недоволенъ и замѣтилъ академическому правленію, что опредѣленіе его помощникомъ инспектора сдѣлано незаконно, вопреки § 94 устава духовныхъ академій, гдѣ сказано, что на эту должность нужно опредѣлять не изъ профессоровъ, а изъ баккалавровъ или изъ находящихся при академіи кончившихъ курсъ кандидатовъ. Для исправленія этого отступленія отъ устава, допущеннаго въ свое время будто бы по нуждѣ, по недостатку въ людяхъ, ректоръ въ своей запискѣ отъ 21 августа предложилъ замѣнить профессора Беневоленскаго баккалавромъ С. И. Протопоповымъ, который „по сдѣланному въ теченіе слишкомъ мѣсяца, за отлучкою Беневоленскаго, опыту оказался весьма способнымъ къ должности помощника инспектора“. Онъ былъ опредѣленъ на тѣхъ же условіяхъ относительно вознагражденія, какъ и его предшественникъ (1).

Семенъ Ивановичъ Протопоповъ (въ монашествѣ *Серафимъ*), въ теченіе своей 11-лѣтней службы при казанской академіи въ разныхъ должностяхъ и на разныхъ каѳедрахъ имѣвшій очень важное значеніе въ ея исторіи, былъ московскій уроженецъ, сынъ священника московской Успенской (что въ Печатникахъ) церкви, учился сначала въ московской семинаріи, потомъ въ московской же академіи; отсюда, по окончаніи курса магистромъ, отъ 12 декабря 1844 г. былъ назначенъ на должность баккалавра по каѳедрѣ словесности въ казанскую академію. Какъ москвичъ изъ достаточнаго семейства, человѣкъ образованный даже по внѣшности, онъ съ самаго же начала своей академической службы замѣтно выдавался изъ среды другихъ своихъ сослуживцевъ своею свѣтскою сдержанностью, безукоризненнымъ во всемъ приличіемъ и тонкимъ тактомъ въ обращеніи и съ товарищами, и съ студентами. А своими превосходными лекціями студентамъ, мно-

(1) Д. внутр. правл. 1846 г. № 65.

госторонними знаніями, находчивою и сильною діалектикою онъ быстро пріобрѣлъ репутацію всесторонне образованнаго и умнѣйшаго человѣка. Студенты II курса академіи относились къ нему, можно сказать, восторженно, какъ къ лучшему свѣтилу академіи, но вмѣстѣ съ тѣмъ и побаивались его проницательности. Ректоръ Григорій замѣтилъ въ немъ не заурядную способность распознавать людей и инспекторскія способности и не ошибся въ этомъ,—нашелъ въ немъ такого помощника по инспекціи, какой ему и былъ именно нуженъ. Семенъ Ивановичъ выступилъ на поприще своей новой дѣятельности довольно скромно и обратилъ свое вниманіе сначала преимущественно на неисправности студенческаго стола, дѣлая разныя замѣчанія повару, комиссару и эконому. Студенты были очень довольны, что нашелся такой радѣтель объ ихъ интересахъ, о которыхъ инспекторъ Фотій не способенъ былъ позаботиться. Весной 1847 г. въ записяхъ чередныхъ старшихъ встрѣчаемъ даже прямыя жалобы старшихъ, наприм. на то, что говядина была жестка, цыпленокъ припахивалъ, перепилась прислуга и не могла во время удовлетворить требованіямъ студентовъ за столомъ и т. п., и при этомъ старшіе также прямо ссылались на свидѣтельство г. помощника инспектора. Но потомъ новый помощникъ инспектора все болѣе и болѣе сталъ забирать студентовъ въ свои руки, что, при бездѣятельности и малоспособности самого инспектора, было и легко и даже неизбѣжно. Онъ сталъ особенно усиливаться съ февраля 1847 г., когда Фотію случилось временно завѣдывать ректурою казанской семинаріи. Скоро студенты увидали, что этотъ членъ инспекціи не чета ни о. Серафиму, ни тѣмъ болѣе о. Фотію, что, по своей бдительности и всевѣдѣнію, онъ можетъ съ успѣхомъ потягаться даже съ самимъ ректоромъ. Въ августѣ 1847 г. онъ подалъ прошеніе о постриженіи въ монашество и такимъ образомъ окончательно перешелъ въ ряды начальствовавшихъ лицъ академіи. 8 ноября ректоръ постригъ его въ академической церкви съ именемъ Серафима.

Поддержаніе дисциплины между студентами при этомъ бдительномъ и проницательномъ помощникѣ инспектора было вполнѣ обезпечено. Онъ сдѣлался душею всей академической инспекціи и дорогимъ сотрудникомъ архим. Григорія. Студенты были кругомъ блокированы ихъ двойнымъ неусыпнымъ вниманіемъ. При записи, напримѣръ, студента въ отпускную книгу для отлучки изъ академіи освѣдомлялись, что за чело-

вѣкъ, къ которому онъ просится, почему именно на столько времени, а не меньше; дозволеніе выйти изъ академіи давалось по выбору, не всѣмъ и не ко всѣмъ, притомъ не надолго, не часто и отнюдь не дважды въ одинъ день. Въ 1848 г. о. Серафимъ замѣтилъ, что нѣкоторые студенты для того, чтобы немного продлить свой отпускъ, уходили изъ академіи раньше того времени, съ котораго записанъ ихъ отпускъ, сейчасъ же послѣ сдачи отъ инспекціи увольнительной книги; это практиковалось прежде постоянно, и никто въ это дѣло не вмѣшивался, даже самъ ректоръ, наблюдая только затѣмъ, чтобы отлучающіеся не пропускали срока возвращенія. 8 сентября, во имя строгаго соблюденія порядка, о. Серафимъ запретилъ это, записавъ въ журналѣ: „Замѣтить на будущее время, что увольняемые изъ академіи въ праздничные дни должны уходить въ тотъ именно часъ, какой означенъ въ билетѣ; дежурный старшій съ своей стороны долженъ наблюдать не только за благовременностію возвращенія, но и выхода и выдавать каждому билетъ въ дозволенный срокъ". Онъ ловилъ студентовъ и возвращалъ домой даже тогда, когда они безъ записи выходили только за ограду академіи освѣжиться и сдѣлать необходимый моціонъ, не всегда возможный въ снѣжное время на дворѣ самой академіи. 9 марта 1849 г. ректоръ счелъ за нужное нѣсколько даже умѣрить такую его ревность, замѣтивъ на журналѣ, гдѣ было записано нѣсколько такихъ студентовъ: „Пока очистится мѣсто на дворѣ для прогулки, можно выходить за ограду, но не дальше дома". Ночью помощникъ инспектора, надѣвъ на ноги мягкую обувь, не слышно, какъ тѣнь, скользилъ по академіи, съ закрытымъ фонаремъ проходилъ по спальнямъ студентовъ и, замѣтивъ пустую койку, быстро открывалъ огонь и по сигнатурѣ койки узнавалъ, кому послѣдняя принадлежитъ, а на другой день начиналось разслѣдованіе, куда студентъ отлучался во время прохода по спальнѣ помощника инспектора.

Вообще въ глазахъ студентовъ, да вѣроятно и самого ректора, о. Серафимъ въ самое короткое время пріобрѣлъ несравненно больше значенія, чѣмъ инспекторъ Аттестаціи студентовъ составлялись большею частію вмѣстѣ и инспекторомъ и его помощникомъ, но о. Фотій часто предоставлялъ составленіе ихъ одному о. Серафиму. Аттестаціи эти были менѣе щедры на похвалы, чѣмъ аттестаціи прежняго инспектора, и заключали въ себѣ очень немного именъ. По содер-

жанію своему онѣ довольно однообразны, изъ хорошихъ чертъ студентовъ только и отмѣчаются благочестіе, хожденіе въ церковь даже въ будни, кротость да покорность или послушаніе начальству; отличались часто за исправность старшіе. Въ 1847 г. въ октябрѣ, когда въ академію забралась холера, оба инспектора сочли долгомъ отличить нѣсколько студентовъ, съ самоотверженіемъ ухаживавшихъ за своими больными товарищами и наставниками; отличены были Н. Цареградскій, П. Аретинскій, А. Остроумовъ (даже самъ захворавшій холерою), М. Зефировъ, П. Хитровъ, іеромонахъ Александръ Окропиридзе, А. Преловскій, И. Любимовъ, И. Хованскій и священникъ І. Инфантьевъ (напутствовавшій и утѣшавшій больныхъ). Изъ дурныхъ чертъ студенческаго поведенія въ аттестаціи указываются главнымъ образомъ возвращеніе не во время изъ отпусковъ въ городъ и въ нетрезвомъ видѣ и случаи непослушанія начальству, въ родѣ напримѣръ такого: „Ив. Альшійскій и А. Дьяконовъ въ ноябрѣ 1848 г., не смотря на сдѣланное имъ замѣчаніе начальства, носили прическу волосъ, не приличную воспитанникамъ академіи, и уже по вторичномъ приказаніи перемѣнили ее, чѣмъ и обнаружили недостатокъ послушанія начальству". Въ 1849 г. аттестаціи дѣлаются все рѣже и безцвѣтнѣе; въ 1850 г. инспекція почти никого не отличала ни въ добрую, ни въ худую сторону, а большею частію просто писала, что всѣ вели себя согласно съ правилами поведенія студентовъ. Это былъ послѣдній годъ служенія о. Серафима въ должности помощника инспектора и самого Фотія въ должности инспектора академіи. Въ концѣ 1849 г. о. Серафимъ сдѣлался экстраординарнымъ профессоромъ и членомъ конференціи, и должность помощника инспектора, по указанному § устава, стала для него уже не прилична; кромѣ того, еще съ ноября прошлаго года съ словесности онъ былъ переведенъ на новый предметъ, — на каѳедру патрологіи, и долженъ былъ сосредоточить свои силы на ученыхъ трудахъ по обработкѣ лекцій по этому новому предмету; наконецъ не мало трудовъ стоила ему и третья должность, которую онъ несъ съ сентября 1847 г., должность библіотекаря. Всѣ эти обстоятельства заставили его подать прошеніе объ увольненіи отъ обязанностей инспекціи; 15 марта 1850 г. онъ былъ уволенъ. Послѣ мы еще опять встрѣтимъ его на инспекторскомъ поприщѣ, но уже самостоятельнымъ инспекторомъ.

Въ томъ же 1850 г. опредѣленіемъ Св. Синода отъ 25 сентября переведенъ изъ академіи и архим. Фотій; онъ былъ назначенъ ректоромъ смоленской семинаріи и настоятелемъ Спасо-Авраміевскаго монастыря и 12 октября оставилъ академію. Въ дальнѣйшемъ своемъ служеніи на самостоятельныхъ начальственныхъ постахъ онъ вездѣ терпѣлъ неудачи и былъ переводимъ съ мѣста на мѣсто. Въ Смоленскѣ ему пришлось послужить подольше, до 1858 г., когда онъ былъ переведенъ ректоромъ въ Тифлисъ; изъ Тифлиса съ конца 1860 г. его перевели въ Кострому, изъ Костромы въ 1861 г. въ Полтаву, наконецъ изъ Полтавы въ томъ же году на новую тогда должность члена духовно-цензурнаго комитета въ С.-Петербургъ. Это былъ его послѣдній служебный постъ, на которомъ онъ оказался наконецъ положительно невозможнымъ человѣкомъ на службѣ; 15 декабря 1869 г. онъ былъ уволенъ и пріютился около своего бывшаго товарища по кіевской академіи и по службѣ въ казанской академіи, преосвященнаго воронежскаго Серафима, поселившись сначала въ архіерейскомъ домѣ, потомъ въ Задонскомъ монастырѣ, гдѣ въ началѣ 80-хъ гг. и скончался.

На мѣсто его въ инспекторы казанской академіи опредѣленіемъ Св. Синода отъ 5 октября 1850 г. переведенъ инспекторъ симбирской духовной семинаріи, *Макарій Малиновскій*. По происхожденію онъ былъ костромичъ, сынъ причетника Костромской епархіи, родился въ 1811 г., образованіе свое получилъ, послѣ костромской семинаріи, въ московской академіи (1836—1840 гг.). На второмъ году своего курса, 15 марта 1838 г., онъ былъ постриженъ въ монашество, что значительно помогло его карьерѣ. По окончаніи курса магистромъ, онъ въ сентябрѣ 1840 г. назначенъ былъ прямо инспекторомъ и профессоромъ богословскихъ наукъ въ тамбовскую семинарію. Здѣсь нѣсколько разъ исправлялъ должность ректора. Въ апрѣлѣ 1849 г. переведенъ на туже инспекторскую должность и каѳедру въ симбирскую семинарію, а отсюда въ 1850 г., по представленію и ходатайству преосвященнаго Григорія, въ инспекторы казанской академіи, при чемъ былъ возведенъ 15 октября въ санъ архимандрита. Онъ пріѣхалъ въ академію вскорѣ послѣ отъѣзда Фотія и 20 октября былъ введенъ и въ должность инспектора, и въ должность профессора богословскихъ наукъ. Это былъ еще очень молодой монахъ, по наружности принадлежавшій къ типу

архимандритовъ, какой представилъ Корзухинъ на своей картинѣ: „Въ монастырской гостинницѣ“; красивый собою, мягкій въ обращеніи, пріятный гость дамскаго общества казанскаго бомонда; по умственнымъ своимъ талантамъ былъ не далекъ, еще болѣе слабъ былъ по своему научному образованію и потому не пользовался уваженіемъ студентовъ. Въ дѣлѣ инспекторскомъ, на сколько можно судить по преданіямъ, онъ не особенно усердствовалъ, возлагая всю печаль инспекторскую на ретиваго ректора, и держался довольно безцвѣтно.

Онъ зналъ строгую систему управленія ректора Григорія и сначала вздумалъ было дѣятельно войти въ ея интересы, но на первыхъ же порахъ переусердствовалъ и сдѣлалъ непріятность ректору. Въ одномъ изъ первыхъ же донесеній архіерею о благосостояніи академіи, въ ноябрѣ мѣсяцѣ, онъ записалъ, что 26 ноября замѣтилъ двоихъ студентовъ въ хмѣльномъ состояніи Ректоръ не любилъ, чтобы академическій соръ выносили за порогъ, тѣмъ болѣе чтобы изъ-за какихъ нибудь вышившихъ студентовъ безпокоили преосвященнаго, когда дѣло можно легко уладить своими собственными средствами; но дѣлать было нечего,—нужно было объясняться, потому что преосвященный, вообще не любившій шутить, встревожился и сдалъ резолюцію: „О студентахъ, бывшихъ въ хмѣльномъ положеніи, сильно сожалѣю; донести мнѣ, изъ какой они семинаріи, какъ поступило съ ними правленіе, не были-ли они замѣчены въ томъ прежде и надежны-ли къ исправленію“. Отвѣчено, что оба они старшаго курса, одинъ изъ нижегородской семинаріи (Раф. Орловъ), другой изъ астраханской (Дм. Казанскій), что правленіе назначило имъ наказаніе голоднымъ столомъ на 2 и на 3 дня, что попались въ первый разъ (это было немного несправедливо, но надобно же было выручить молодыхъ людей), прежде вели себя хорошо и къ исправленію надежны, что поэтому проступокъ ихъ рѣшено даже не вписывать и въ книгу поведенія. Послѣ этого инспекторъ притихъ и мѣсяца три давалъ студентамъ отличныя рекомендаціи, рекомендовалъ въ частности и только лишь спасенныхъ отъ бѣды студентовъ; но опять не угодилъ ректору, въ планы котораго такія похвалы вовсе не входили. Въ февральской вѣдомости о поведеніи студентовъ противъ аттестаціи инспектора, что съ 26 ноября студентъ Орловъ совсѣмъ исправился, онъ написалъ: „9 числа (марта) въ 7 часу вечера при посѣщеніи мною студентовъ Р. Орловъ не

былъ въ своей комнатѣ и въ ссылкѣ своей на бытіе тогда въ комнатѣ Ясницкаго оказался лжецомъ, посему подозрѣвается въ самовольной отлучкѣ изъ академіи и за ужиномъ оказался въ состояніи сомнительномъ". Правленіе рѣшило: „Поелику онъ такимъ образомъ разрушилъ рекомендацію, то мнѣніе о его исправленіи отложить, а за лживость сдѣлать ему строгій выговоръ и внушеніе, чтобы заботился о совершенномъ исправленіи своего поведенія". Послѣ этого инспекторъ еще раза два доносилъ правленію о нѣкоторыхъ неисправностяхъ студентовъ; но вообще его рекомендаціи были похвальнаго свойства и все больше въ превосходной степени, для которой онъ выдумывалъ даже особыя оригинальныя сочетанія эпитетовъ: одинъ студентъ выходилъ у него отлично внимателенъ къ своему дѣлу и примѣрно добръ, другой отлично кротокъ и усердно ревностенъ къ богомоленію и благообщителенъ, третій стремительно усерденъ къ занятіямъ классическимъ и къ молитвѣ, четвертый благостепененъ, отъ чего и слыветъ между товарищами старцемъ (П. Карповъ), пятый воспитывалъ себя чтеніемъ по утру слова Божія, освящающимъ начало дня, и отличался благочестивымъ расположеніемъ духа, шестой отличною разсудительностію и благопослушаніемъ; особенно часто то тому, то другому изъ нихъ приписывалась вѣроятно очень уважаемая инспекторомъ черта— собранность или самособранность. Въ такомъ родѣ рекомендаціи писались до конца его инспекторства. Нѣкоторые студенты были отличаемы очень часто, но за то многіе за цѣлый годъ оставались безъ всякихъ отмѣтокъ по поведенію.

Помощникомъ инспектора, по оставленіи этой должности профессоромъ Серафимомъ Протопоповымъ, съ 18 марта 1850 г. состоялъ баккалавръ *И. П. Гвоздевъ*. Онъ былъ сынъ бѣднаго причетника Пензенской епархіи, родился въ 1821 г., воспитывался въ пензенской семинаріи, а изъ нея для продолженія образованія поступилъ въ составъ I курса казанской академіи. Въ теченіе академическаго курса онъ былъ однимъ изъ самыхъ даровитыхъ, прилежныхъ и благонравныхъ воспитанниковъ. Въ вѣдомостяхъ объ отличныхъ студентахъ, какъ по поведенію, такъ и по успѣхамъ, имя его выставлялось чаще другихъ именъ за всѣ 4 года его курса. Крайняя бѣдность и съ дѣтства угнетенное, приниженное положеніе придали его отъ природы тихому, ровному и скромному характеру черты какой-то постоянной робости и застѣн-

чивости. Всю студенческую жизнь онъ провелъ безъ всякаго знакомства внѣ академіи и безъ всякихъ развлеченій, за неустанной книжной и письменной работой, стѣсняясь даже своихъ товарищей и предъ всѣми скромно уступая. Веселая молодежь не рѣдко поднимала на зубокъ этого кругленькаго, немного сгорбленнаго, неловкаго и тюфяковатаго юношу-старца, съ гладко причесанными жиденькими свѣтлыми волосами, всегда застегнутаго и всячески упорядоченнаго, но всѣ единодушно любили его, какъ прекраснаго и надежнаго товарища. Онъ и самъ любилъ всѣхъ и на всѣ шуточки, которыя для иного, можетъ быть, были бы и обидны, отвѣчалъ одной невозмутимой улыбкой, какъ будто и самъ подшучивая надъ собой. Такимъ кроткимъ и застѣнчивымъ онъ оставался потомъ во всю свою жизнь. Аккуратность его и исполнительность въ отношеніи къ какому бы то ни было дѣлу были безпримѣрны. Въ 1846 г. онъ кончилъ курсъ 3-мъ магистромъ и могъ бы остаться при академіи, но, по недостатку здѣсь преподавательскихъ вакансій, опредѣленъ былъ на семинарскую службу. Его увезъ съ собой въ Ставрополь назначенный туда ректоромъ инспекторъ Серафимъ. Своею точностью, неутомимой исполнительностью и знаніемъ дѣла онъ сдѣлался для послѣдняго незамѣнимымъ человѣкомъ въ первоначальномъ устройствѣ юной семинаріи и по учебной, и особенно по административной части; архимандритъ Серафимъ дѣлалъ его то библіотекаремъ, то секретаремъ, то членомъ ревизіоннаго комитета, заставлялъ преподавать и словесность, на которую онъ былъ назначенъ, и логику, и св. Писаніе, и греческій языкъ, и это всего въ какіе нибудь два года его службы при семинаріи. Исторія ставропольской семинаріи должна со временемъ достойно почтить этого человѣка, какъ главнаго участника въ своемъ устроеніи. Чрезъ два съ небольшимъ года, 25 ноября 1848 г., онъ выѣхалъ изъ Ставрополя по призыву родной академіи, чтобы занять въ ней баккалаврскую должность по каѳедрѣ общей гражданской исторіи. Онъ вступилъ въ эту должность 30 марта. Вскорѣ и здѣсь онъ былъ призванъ къ дѣламъ по разнымъ, такъ называемымъ, постороннимъ должностямъ. Первою такою должностью, на которую онъ былъ опредѣленъ 30 марта 1850 г., и была должность помощника инспектора, къ которой онъ менѣе всего былъ способенъ по своему характеру. Строгія требованія Григорьевской дисциплины и

всякія грозы для устрашенія и каранія академическихъ преступниковъ были совсѣмъ не къ лицу кроткому Ивану Петровичу, который самъ стѣснялся предъ всякимъ студентомъ и готовъ былъ первый провалиться сквозь землю, когда натыкался на какой нибудь студенческій проступокъ, даже совершенно невзначай, безъ всякаго съ своей стороны предвзятаго намѣренія.

Между тѣмъ и ректоръ Григорій, — эта единственная теперь крѣпкая подпора академической дисциплины, доживалъ въ академіи уже послѣдній годъ своей службы. Его и такъ почему-то слишкомъ долго держали на подчиненныхъ степеняхъ іерархическаго служенія, не призывая на архіерейство,— цѣлыхъ двадцать лѣтъ. Его сверстники и даже люди моложе его по кіевской академіи и по службѣ были уже архіереями (Евгеній Ильинскій, Дмитрій Муретовъ, Макарій Булгаковъ— послѣдній моложе его 4 курсами или 8 годами); изъ наградъ за 20 лѣтъ онъ получилъ только орденъ Анны 2 степени (въ 1843 г.) и Владиміра 3 степени (въ 1847 г.). Въ 1851 г. 13 октября, по докладу Св. Синода, онъ былъ наконецъ Всемилостивѣйше назначенъ епископомъ калужскимъ и боровскимъ. На академическомъ актѣ 8 ноября этого года секретарь конференціи профессоръ Гусевъ заявлялъ въ своемъ отчетѣ, что о. ректоръ Григорій присутствовалъ на актѣ уже какъ гость, какъ одинъ изъ публики; „однакоже, оговаривался ораторъ, онъ не составляетъ лица посторонняго для академіи: исторія жизни нашей академіи во время его ректуры будетъ исторіей его дѣятельности. Этого мало: дѣятельность его такъ неизгладимо глубоко вошла въ жизнь нашей академіи, что отобразится и на послѣдующихъ ея судьбахъ". Это были пророческія слова, потому что академія дѣйствительно и послѣ архим. Григорія долго жила тѣми началами, которыя были положены имъ въ основу ея жизни. Онъ первый устроилъ ея внѣшнее положеніе; объ его неусыпной дѣятельности и хозяйственной распорядительности, выразимся словами того же Д. Ѳ. Гусева о преосвященномъ Владимірѣ, вопіютъ самые камни тѣхъ стѣнъ, среди которыхъ она водворилась; онъ завелъ весь хозяйственный распорядокъ ея по содержанію дома и студентовъ; своимъ собственнымъ уваженіемъ къ закону, строгой исполнительностью съ своей стороны и постояннымъ строгимъ наблюденіемъ за исполненіемъ всѣхъ правилъ какъ административной, такъ учебной и нравственной сто-

роны академической жизни онъ успѣлъ заложить твердый фундаментъ самаго безукоризненнаго въ этой жизни порядка, который могъ долго поддерживаться самъ собою, даже безъ дальнѣйшаго содѣйствія послѣдующихъ академическихъ властей, и оставилъ послѣ себя ввѣренное ему заведеніе образцово дисциплинированнымъ. А это весьма много значило на первыхъ порахъ, когда это заведеніе только лишь явилось на свѣтъ и получало свои первыя житейскія впечатлѣнія, опредѣлявшія его послѣдующій ростъ. Кромѣ этихъ плодовъ собственно административной его дѣятельности, академія получила отъ него и другое наслѣдство, спеціально относившееся къ ея умственной жизни, которымъ она жила тоже очень долго,—разумѣемъ устройство ея учебныхъ курсовъ и рядъ даровитыхъ Григорьевскихъ баккалавровъ, которые были лично имъ, а нѣкоторые имъ только однимъ и выбраны и которые своей ученой службой академіи и своими учеными трудами съ лихвой уплатили ей долгъ своего воспитанія, поставивъ ее въ ряду другихъ старѣйшихъ академій на равную ногу. Высокая въ исторіи казанской академіи личность ректора Григорія становится еще выше, если ее сравнить съ другими личностями окружавшихъ его сотрудниковъ по административной дѣятельности и большей части послѣдующихъ членовъ академической администраціи, изъ которыхъ на рѣдкой взоръ историка можетъ остановиться съ полной отрадой.

Отпраздновавъ съ академической корпораціей послѣдній академическій праздникъ, ректоръ Григорій 10 ноября 1851 г. отправился въ Петербургъ, сдавъ свою ректорскую должность временно инспектору Макарію (1). 9 декабря онъ былъ хиротонисованъ въ епископа, а 24 декабря вступилъ уже въ управленіе своей паствою и управлялъ ею 29 лѣтъ слишкомъ, до самой своей смерти, всего только раза два выѣзжая изъ предѣловъ епархіи по нѣкоторымъ особымъ порученіямъ и не желая мѣнять ее на другую, хотя объ этомъ и были ему предложенія. Это былъ рѣдкій въ исторіи нашей іерархіи примѣръ устойчивости архіерея на одномъ мѣстѣ служенія. Въ 1853 г. онъ получилъ здѣсь Высочайшее пожалованіе орденомъ св. Анны 1-й степени, потомъ въ 1857 г. тотъ же орденъ съ императорскою короною, въ 1862 г. св. Влади-

(1) Д. внутр. правл. 1850 г. № 25.

міра 2-й степени, въ 1867 г. — св. Александра Невскаго, а въ 1874—алмазные знаки того же ордена; въ 1869 г. возведенъ въ санъ архіепископа. Характеръ его служенія, на сколько можно судить по надгробнымъ рѣчамъ при его погребеніи, не измѣнился и на іерархическомъ постѣ. Онъ и здѣсь являлся прежде всего человѣкомъ дѣла, честнымъ, справедливымъ, по внѣшности суровымъ, требовательнымъ и строгимъ, но въ душѣ добрымъ и сердечнымъ администраторомъ, всѣмъ доступнымъ, необычайно трудолюбивымъ, дѣлавшимъ все своими руками и не полагавшимся на разныхъ приближенныхъ совѣтниковъ. Удивляясь строгой простотѣ его жизни, безкорыстію, богослужебнымъ трудамъ, ораторы съ особенной силой выдвигаютъ напередъ тѣ черты его характера, которыя знакомы были и казанской академіи въ его еще не старческіе годы служенія въ ней. Одинъ, выставляя его строгимъ блюстителемъ порядка, говоритъ: „Все важное и неважное въ законѣ для него было всегда равно обязательно. Это уваженіе къ закону, всецѣлое подчиненіе требованіямъ его было неизмѣннымъ правиломъ его жизни. Наше дѣло, говорилъ онъ, не обсуждать, а исполнять законъ“. Другой рисуетъ его трагическое положеніе въ послѣдніе годы служенія, когда отъ вѣяній времени кругомъ него стали ломаться всѣ основы того порядка и той законности, которымъ онъ такъ ревностно и съ такою идеальною честностію служилъ всю свою жизнь: „Вотъ отъ чего, говоритъ ораторъ, а отнюдь не отъ недостатка сердечной теплоты, не отъ черствости душевной зависѣла та серьезность въ его взорѣ и словѣ, та обычная сосредоточенность и молчаливость и этотъ удрученный, печальный, лишь изрѣдка освѣщаемый лучемъ улыбки зракъ лица, съ какимъ являлся онъ къ мало извѣстнымъ ему людямъ; въ уединеніи, самъ съ собою, онъ еще глубже погружался въ безотрадныя думы свои и становился еще болѣе сосредоточеннымъ и печальнымъ“. Онъ не вынесъ страшной всероссійской катастрофы 1-го марта 1881 г. и скончался въ Пасху 13 апрѣля, твердо стоя на своемъ служебномъ посту, всего только за три дня до кончины прекративъ свое участіе въ богослуженіи, а дѣлами службы занимаясь даже и на своемъ смертномъ одрѣ (1). Памятниками литературной его дѣятель-

(1) См. объ немъ Калужск. епарх. Вѣд. 1881 г. №№ 8—10. Некрологи: въ Прав. Обозр. 1881 г. кн. 4; Московск. Вѣд. 1881 г. № 113; Всемірн. Иллюстр.

ности, которую онъ впрочемъ не любилъ заявлять въ печати, осталось довольно значительное число проповѣдей, напечатанныхъ въ разныхъ годахъ Христіанскаго Чтенія, Воскреснаго Чтенія и въ Калужскихъ епархіальныхъ Вѣдомостяхъ.

По отъѣздѣ изъ казанской академіи сильнаго и дѣятельнаго организатора ея жизни, крѣпкой руки, которая такъ твердо поддерживала заведенные въ ней порядки, не стало, и послѣднимъ стала грозить серьезная опасность при тѣхъ слабыхъ наличныхъ силахъ къ ихъ поддержанію, какія въ послѣднее время окружали ректора Григорія и которыя теперь должны были дѣйствовать самостоятельно. Настало время пробы, которая должна была показать, на сколько крѣпокъ былъ тотъ дисциплинарный закалъ, какой данъ былъ имъ академіи, и на сколько были прочны результаты его академическаго служенія. Проба эта была выдержана съ честію, не смотря на всѣ неблагопріятныя условія, среди которыхъ она производилась, выдержана была именно лишь силою самой дисциплинированности академіи, потому что о содѣйствіи при этомъ со стороны оставленной архим. Григоріемъ инспекціи едва ли можно говорить серьезно. Междуцарствіе по отъѣздѣ ректора Григорія продолжалось довольно долго, почти 5 мѣсяцевъ. Исправляющимъ должность ректора все это время былъ архим. Макарій, а инспекторствовалъ за него проф. іеромонахъ Паисій. Наконецъ 25 марта 1852 г. пріѣхалъ новый ректоръ и 27 числа вступилъ въ свою должность. Это былъ архим. Парѳеній.

Архим. *Парѳеній Поповъ*. Мірское имя его было Петръ, онъ былъ сынъ священника Воронежской епархіи, высшее образованіе получилъ въ кіевской академіи, гдѣ въ 1835 г. кончилъ курсъ со степенью магистра. Первоначально онъ служилъ профессоромъ физики и математики въ орловской семинаріи, потомъ въ 1836 г. вышелъ изъ духовно-учебной службы и поступилъ во священники Воскресенской церкви г. Ельца; здѣсь онъ былъ присутствующимъ въ духовн. правленіи, съ 1840 г. служилъ протоіереемъ при елецкомъ соборѣ и благочиннымъ; наконецъ въ 1841 г. 16 ноября послѣ

№ 23; Востокъ № 100 того же года. См. еще Юбилей Кіевск. акад., стр. 385 (Кіевъ. 1869 г.) и Двадцатипятилѣтній юбилей управленія его епархіею—въ Калужск. епарх. Вѣд. 1876 г. №№ 23—24.

вдовства постригся въ монашество и опредѣленъ въ крестовые іеромонахи. Съ принятіемъ монашества снова началась его дух.-учебная служба. Въ январѣ 1842 г. онъ назначенъ былъ ректоромъ орловскихъ дух. училищъ и преподавателемъ латинскаго языка, въ октябрѣ того же года инспекторомъ орловской семинаріи и профессоромъ богословія, въ 1844 г.—ректоромъ той же семинаріи съ возведеніемъ въ санъ архимандрита, съ октября 1845 г. переведенъ въ харьковскую семинарію ректоромъ и настоятелемъ старо-харьковскаго монастыря; въ апрѣлѣ 1848 г.—тоже ректоромъ въ одесскую семинарію и настоятелемъ одесскаго монастыря. Предъ назначеніемъ въ ректоры казанской академіи онъ былъ на чредѣ служенія въ С.-Петербургѣ и получилъ за хорошее управленіе одесской семинаріей признательность Св. Синода. Въ казанскую академію онъ былъ назначенъ опредѣленіемъ Св. Синода отъ 24 февр. 1852 г..

Изъ этого краткаго очерка его прежней жизни видно, что онъ былъ человѣкъ уже давнишній, двумя только курсами моложе своего предшественника, и много послужившій на своемъ вѣку въ разныхъ мѣстахъ; при поступленіи въ академію онъ имѣлъ уже значительныя Высочайшія награды,— ордена св. Анны 2 степ. (съ 1846 г.) и св. Владиміра 3 степ. (съ 1849 г.). Для казанской академіи это была рѣдкость, потому что заслуженныя монашествующія лица постоянно избѣгали въ ней служить и послѣ. Пріѣзду новаго ректора предшествовала его прекрасная репутація, какъ любимца знаменитаго Иннокентія херсонскаго и какъ ученѣйшаго и гуманнѣйшаго человѣка. Репутація эта вполнѣ оправдалась. Образъ его мимоходомъ немногими, но выразительными чертами очерченъ въ изданныхъ при Странникѣ воспоминаніяхъ о преосв. Иннокентіи И. Ю. Палимпсестова, знавшаго архим. Парѳенія въ Одессѣ: „Что за младенчески-чистая и простая душа была у этого мужа, который былъ глубокаго ума и самой разносторонней образованности! Когда онъ оставилъ Одессу, то одинъ продавецъ французскихъ книгъ съ грустью сказалъ, что онъ лишается покупщика, который ежегодно бралъ у него книгъ рублей на 500. Изъ наставниковъ семинаріи иные говорили, что ректоръ семинаріи даже больше знакомъ былъ съ современнымъ состояніемъ богословскихъ и философскихъ наукъ на западѣ, чѣмъ самъ Иннокентій. Отъ наставника семинаріи до послѣдняго питомца ея ректора

Парѳенія боялись, хотя онъ, при всей своей строгости въ исполненіи обязанностей, едва-ли даже посмотрѣлъ на кого сурово; боялись оскорбить эту, можно сказать, воплощенную кротость, эту нѣжную любовь отца къ дѣтямъ“ (1). Въ тѣхъ же чертахъ рисуется его образъ и въ воспоминаніяхъ бывшихъ при немъ студентовъ и казанскихъ старожиловъ. „Это былъ человѣкъ, говорится въ мемуарахъ бывшаго студента V курса А. А. Виноградова, съ обширными свѣдѣніями какъ въ области богословскихъ, такъ и въ области свѣтскихъ наукъ, отличный администраторъ, человѣкъ неутомимо дѣятельный, живой и энергическій. Самая внѣшняя его наружность вполнѣ выражала его умъ и энергію. Это былъ человѣкъ роста повыше средняго, съ большимъ, но правильнымъ носомъ, живыми проницательными глазами, съ черной окладистой бородой, быстрой походкой, каждое движеніе котораго говорило объ его сангвиническомъ темпераментѣ. По моему личному убѣжденію, это былъ одинъ изъ лучшихъ ректоровъ казанской академіи за 50-лѣтіе ея существованія, стоявшій вполнѣ на высотѣ своего призванія. Были за это время въ казанской академіи ректоры, можетъ быть, превосходившіе его силой своего ума, глубиной своихъ богословскихъ познаній, или равные ему по своей неутомимой административной и педагогической дѣятельности, но едва-ли въ ней былъ другой ректоръ, который бы, подобно ему, стоялъ во главѣ академической корпораціи не по одной должности, но и по своему уму и своимъ познаніямъ, который бы былъ достойнымъ руководителемъ академической молодежи по своему педагогическому такту, при которомъ бы дѣла академическія шли болѣе быстро и стройно“ (2). При этомъ восторженномъ отзывѣ надо однако имѣть въ виду, что архим. Парѳеній принялъ академію на свои руки уже вполнѣ дисциплинированною при ректорѣ Григоріи и долженъ былъ только поддерживать то, что этимъ было заведено.

Сравнивать этихъ двоихъ ректоровъ между собою не легко уже вслѣдствіе самой разности ихъ личныхъ характеровъ и разности ихъ административныхъ занятій. Общительность ректора Парѳенія, деликатность, постоянная ласковость со

---

(1) Странникъ 1888 г., февр. стр. 268—269.

(2) Иркутск. епарх. Вѣдом. 1890 г. № 4.

всѣми, откровенная разговорчивость особенно поражали послѣ всегда начальственнаго и сухаго обращенія ректора Григорія. Подобно своему великому образцу Иннокентію, которому Парѳеній старался подражать по манерамъ и рѣчи, онъ очаровывалъ всѣхъ, съ кѣмъ сходился ближе. Какъ человѣкъ общественный, не смотря на краткость своего пребыванія въ Казани, онъ завелъ въ городѣ много знакомыхъ и даже поклонниковъ, которыхъ любилъ посѣщать довольно часто и которые сами по праздникамъ наполняли академическую церковь и послѣ богослуженія заходили къ ея гостепріимному настоятелю. Подобно Иннокентію, онъ любилъ говорить проповѣди и былъ замѣчательнымъ ораторомъ, что̀ привлекало еще болѣе публики къ академическому богослуженію. Церковная проповѣдь на первомъ году ректорской службы замѣняла для него отчасти профессуру, къ которой онъ стремился съ самаго начала, но которой не могъ заняться до 1853 г., потому что всѣ богословскія каѳедры въ академіи до этого времени были заняты и самую любимую имъ изъ богословскихъ наукъ,— догматику, преподавалъ инспекторъ Макарій. Иногда онъ любилъ и начальство свое показать, вдругъ вмѣшавшись въ какое нибудь дѣло съ указаніями и поправками, а иногда любилъ и пристрожить, особенно когда сталкивался въ академической жизни съ какимъ нибудь явленіемъ, которое возмущало его впечатлительную душу, горячился и поднималъ такой шумъ, что хоть самому ректору Григорію въ пору;. но этимъ все дѣло и оканчивалось. Доброе сердце отходило, настоять на своемъ, измѣнить или устранить не понравившееся явленіе не хватало терпѣнія и даже способности къ необходимой для того мелочной, школьно-формалистичной или канцелярской работѣ. Къ такого рода работѣ онъ былъ вовсе не склоненъ, тяготѣя болѣе къ благороднымъ ученымъ интересамъ, а свободное время отдыха посвящая обществу своихъ знакомыхъ. Если ректоръ Григорій съумѣлъ соединять въ своей дѣятельности выполненіе обязанностей и главнаго академическаго администратора, и почти всѣхъ, вмѣстѣ взятыхъ, второстепенныхъ властей, былъ администраторомъ преимущественно чернорабочимъ, то ректоръ Парѳеній, кажется, можетъ быть охарактеризованъ, какъ администраторъ аристократъ. Какъ первый былъ постоянно занятъ, озабоченъ, торопился вездѣ поспѣть, чтобы все передѣлать своими руками, сердился, бранился; такъ послѣдній, свободный отъ этой мел-

кой, но назойливой и раздражающей черной работы, большею частію былъ ровенъ, ясенъ, благодушенъ и только изрѣдка вспыхивалъ, выбитый изъ своего благороднаго мірка чѣмъ нибудь слишкомъ уже конкретнымъ, но старался не бороться съ непріятнымъ явленіемъ, а поскорѣе отъ него уйти. Есть основаніе думать, что онъ не особенно высоко цѣнилъ самую службу свою въ Казани. Въ одномъ письмѣ къ архим. Платону, бывшему въ Петербургѣ на чредѣ служенія, упоминая о непріятностяхъ своей собственной чреды, онъ писалъ: „У меня такъ было мало терпѣнія, что я радъ былъ и въ Казань, лишь бы поскорѣе освободиться изъ Петербурга“ (1).

Въ дѣла правленія онъ почти не входилъ; своей предшествовавшей службой, проходившей только по училищамъ и семинаріямъ, онъ не былъ къ нимъ подготовленъ и многаго, что̀ спеціально относилось собственно къ академической администраціи, особенно по управленію округомъ, даже вовсе не зналъ. Оттого въ правленіи при немъ все шло заведеннымъ порядкомъ трудами секретарей, — во внутреннемъ трудами проф. Соколова, во внѣшнемъ проф. Елисѣева. Послѣдній былъ человѣкъ ядовитый и, замѣтивши въ ректорѣ не рѣдко проявлявшееся, особенно на первыхъ порахъ, желаніе поначальствовать и вмѣстѣ неопытность въ дѣлахъ, любилъ ставить его въ затруднительное положеніе. Подписываетъ, подписываетъ ректоръ, что̀ ему дадутъ, и вдругъ на чемъ нибудь остановится, это де вовсе не такъ. — Какъ же, Ваше Высокопреподобіе, прикажете? „Нужно рѣшить вотъ такъ; передѣлайте журналъ“. — Слушаю-съ, только это будетъ противорѣчить такимъ-то §§ академ. устава. — И затѣмъ, что̀ ни придумаетъ ректоръ, все оказывается не пригоднымъ, то противорѣчащимъ §§ устава, то несогласнымъ съ какими нибудь дополнительными постановленіями духовно-учебнаго управленія. Въ концѣ концовъ ректоръ съ досадой махнетъ рукой: „Ну, тамъ устройте, какъ надо, а мнѣ теперь некогда... Вотъ уже и лошади поданы“, и уѣдетъ въ городъ. Послѣ секретарь подавалъ тотъ же самый журналъ и ректоръ спокойно подписывалъ его уже безъ всякаго замѣчанія. Другіе члены правленія, инспекторъ Макарій и профессоръ Паисій Пылаевъ, имѣли еще менѣе правленской опытности и даже способности къ дѣламъ. Правленіе никогда почти и не собиралось на свои засѣданія, и

(1) Паст. Собесѣдн. 1889 г. № 47, стр. 173.

вся процедура его дѣлопроизводства происходила на столахъ однихъ секретарей и письмоводителей.

Въ управленіи экономической частью архимандритъ Парѳеній обнаруживалъ довольно широкія требованія и замыслы: онъ требовалъ бо́льшей нарядности во внѣшней обстановкѣ академіи, собирался сдѣлать крупныя затраты на улучшенія въ академической церкви, на ремонтъ зданій и на нѣкоторыя къ нимъ пристройки; смѣта, составленная на все это въ 1852 г., простиралась болѣе, чѣмъ на 19,200 руб; хозяйственныхъ хлопотъ предстояло множество, а между тѣмъ экономъ Аркадій послѣ отъѣзда ректора Григорія сталъ все болѣе и болѣе опускаться и вслѣдствіе своей несчастной слабости, и вслѣдствіе дѣйствительно пошатнувшагося здоровья; отъ самого же ректора нельзя уже было ждать, чтобы онъ лично входилъ во всѣ мелочи и работалъ, какъ его предшественникъ, за всѣхъ, и высшихъ, и нисшихъ приставниковъ стройки. Строительныя затѣи покончились впрочемъ тѣмъ, что Св. Синодъ отказался ихъ утвердить (1). Мелкими подробностями текущихъ дѣлъ академической экономіи ректоръ тоже не любилъ заниматься, предоставляя ихъ вполнѣ распорядительности экономa, и ограничивался только общими распоряженіями, чтобы сдѣлано было то-то и то-то. Разъ впрочемъ случилось, что онъ серьезно остановился на одной мелочи въ счетѣ, поданномъ отъ экономa правленію, и потребовалъ объясненій и поправокъ, но только вовсе не съ экономической точки зрѣнія. Дѣло возникло изъ-за того обстоятельства, что въ академическую больницу поставляла піявки, требовавшіяся тогдашней медициной очень часто и въ большомъ количествѣ, и занималась самымъ припусканіемъ ихъ къ больнымъ одна почтенная татарка Нагрыфа Гафирова, нисколько не стѣснявшаяся лѣпить свой товаръ ко всѣмъ частямъ молодого студенческаго тѣла, не возбуждавшая своей персоной никакого стѣсненія и въ академическихъ юношахъ. Ректоръ никакъ не могъ примириться съ такой чертой казанскихъ нравовъ и, когда эта самая Нагрыфа Гафирова въ декабрѣ 1852 г. подала въ правленіе счетъ, распорядился превратить ее въ мущину, въ татарина Гафирова. Такъ она потомъ и значилась въ дѣлахъ правленія(2).

---

1) Дѣло внутр. правл. 1852 г. № 108.

2) Д. внутр. правл. 1853 г. № 59.

Къ концу 1853 г. о. Аркадій совсѣмъ слегъ въ постель и былъ отправленъ въ университетскую клинику. 12 января 1854 г. послѣ тяжкой болѣзни онъ померъ. Такимъ образомъ не стало и этого человѣка, участвовавшаго въ открытіи академіи, дѣятельнаго устроителя ея экономической жизни, достойнаго въ этомъ отношеніи сотрудника ректора Григорія, высоко цѣнимаго послѣднимъ и всею академическою корпораціей, не смотря на всѣ его слабости. Честный и безкорыстный служака добраго стараго времени, онъ ничего не нажилъ для себя въ продолженіе 11-лѣтняго экономства въ академіи. По посмертной описи оставшагося послѣ него имущества, въ реэстръ послѣдняго занесено было только очень небольшое количество необходимаго носильнаго платья, небогатаго по матеріалу и большею частію уже поношеннаго,—рясы, подрясники, клобуки, галстухи, нѣсколько бѣлья и карманныхъ платковъ, 2 образа, 5 небольшихъ гравюръ, гардеробъ, конторка, 3 простыхъ кресла и столъ, ширмы, 15 названій книгъ,— всего 53 №№; правленіе передало все это его двоимъ братьямъ, священникамъ казанской епархіи, Николаю и Іоанну Смирновымъ (1). На его мѣсто въ началѣ февраля подали прошенія разомъ три кандидата изъ казанскихъ академистовъ: соборный священникъ Петръ Аретинскій, братъ бывшаго инспектора Серафима, студентъ II курса академіи, и баккалавры А. А. Бобровниковъ и М. М. Зефировъ; послѣдній въ тоже время заявилъ желаніе принять санъ священства для служенія въ академической церкви. 18 февраля опредѣленъ былъ М. М. Зефировъ (2), но былъ экономомъ недолго. Это было уже въ послѣдній мѣсяцъ пребыванія ректора Парѳенія въ Казани. Новый ректоръ привезъ съ собою собственнаго экономa, которому М. М. Зефировъ долженъ былъ уступить свое мѣсто.

Къ учебной части ректоръ былъ болѣе внимателенъ; онъ прочитывалъ программы преподавателей и дѣлалъ на нихъ критическія замѣчанія, посѣщалъ лекціи, много заботился объ увеличеніи учебныхъ пособій въ академической библіотекѣ и кабинетахъ, наблюдалъ за успѣхами и умственнымъ развитіемъ студентовъ. Экзамены академическіе велись при немъ

(1) Д. внутр. правл. 1854 г. № 6.
(2) Тамъ же № 14.

очень продолжительно; онъ просиживалъ на нихъ, не сходя съ мѣста, съ 8 часовъ утра до 3 или 4-хъ по полудни и экзаменовалъ постоянно самъ, такъ что наставники были при немъ только ассистентами. Такъ же усердно онъ прочитывалъ сочиненія студентовъ, каждое сочиненіе пестря множествомъ замѣчаній, и умѣлъ хорошо опредѣлять ученыя ихъ достоинства. „Будучи самъ человѣкомъ труда и энергіи, говорится въ поцитованныхъ выше мемуарахъ, ректоръ Парѳеній требовалъ того же и отъ студентовъ; при немъ лежебокамъ не было мѣста въ академіи. Особенно трудны были для насъ при немъ экзамены. Билетовъ при немъ не было. Нужно было отвѣчать то, о чемъ спроситъ ректоръ, а что онъ спроситъ, Богъ его знаетъ; онъ иногда проѣдетъ чуть не по всей системѣ. Слѣдовательно, нужно было готовить по каждому предмету всю систему пройденнаго.... Здоровье студентовъ едва ли долго могло бы выдержать такое напряженіе умственныхъ силъ, какого требовалъ отъ нихъ ректоръ Парѳеній; усиленныя занятія, особенно дни и ночи, проведенные безъ сна предъ экзаменами, вредно начали отражаться на нашемъ здоровьѣ; я это говорю по собственному опыту; поэтому нѣкоторое послабленіе въ этомъ отношеніи при преемникѣ ректора Парѳенія было полезно для студентовъ“ ([1]).

Слишкомъ пристальной, черной работы архим. Парѳеній избѣгалъ впрочемъ и въ этой, любимой своей учебной части. Онъ обладалъ многосторонней ученостью и вѣрнымъ научнымъ тактомъ, но, по складу своего ума, направленному не столько къ спеціальной работѣ надъ подробностями науки, сколько къ философскимъ и даже только ораторскимъ обобщеніямъ, не надолго останавливался на скучной процедурѣ предварительныхъ ученыхъ работъ и спѣшилъ скорѣе къ послѣднимъ выводамъ, чтобы вынести ихъ въ живой рѣчи на вниманіе аудиторіи или публики. При замѣчаніяхъ на программы и лекціи профессоровъ онъ дѣлалъ обыкновенно только общій намекъ на то, что ему въ нихъ не по вкусу, не пускаясь въ частности и руководясь только первымъ общимъ впечатлѣніемъ, которое въ другое время могло даже и измѣниться. Однажды ректоръ потребовалъ себѣ лекціи по словесности баккалавра И. Я. Порфирьева и, пробѣжавъ ихъ, распорядился, чтобы

([1]) Иркутск. епарх. Вѣд. 1890 г. № 4, стр. 5—6.

преподаватель исправилъ въ нихъ нѣкоторыя темныя и не понравившіяся ему мѣста. Исправлять такого рода систематичную работу, въ которой все было связано одно съ другимъ, одно къ другому прилажено, работу, стоившую не одного года трудовъ, было дѣло крайне трудное, и преподаватель пожелалъ войти съ ректоромъ въ подробныя объясненія касательно воззрѣній послѣдняго по литературнымъ вопросамъ, чтобы узнать, съ чѣмъ именно онъ не согласенъ и въ какомъ родѣ нужно, по его мнѣнію, сдѣлать требуемыя исправленія. Но оказалось, что ректору некогда объ этомъ толковать пространно, такъ какъ и лошади были уже поданы; исправить лекціи все-таки было наказано, какъ тамъ будетъ лучше. Очутившись въ такомъ затруднительномъ положеніи, молодой баккалавръ обратился за совѣтомъ къ Г. З. Елисѣеву, и этотъ, какъ человѣкъ уже опытный, растолковалъ ему, что слѣдуетъ только переписать указанные имъ листы, оставя содержаніе ихъ все, какъ есть, и подать ему вновь. Такъ и было поступлено, и все кончилось благополучно.

Какъ это ни странно въ виду краснорѣчивыхъ фактовъ послѣдующей горячей ревности преосв. Парѳенія къ миссіонерству въ Сибири, но въ Казани онъ видимо не жаловалъ миссіонерскихъ академическихъ каѳедръ, объ интересахъ которыхъ такъ много заботился тогдашній архіепископъ казанскій Григорій, подготовлявшій въ его ректорство открытіе при академіи особыхъ миссіонерскихъ отдѣленій. Отъ чего бы это ни зависѣло, отъ преобладанія ли въ немъ тогда общаго школьно-богословскаго интереса, предъ которымъ частные практическіе интересы борьбы съ какимъ нибудь глупымъ язычествомъ или мухаммеданствомъ казались ему слишкомъ уже низменными, или отъ того, что вся его служба проходила до Казани въ западномъ краѣ Россіи, чуждомъ животрепещущихъ и настоятельныхъ вопросовъ восточнаго края, только онъ мало вступался въ дѣло объ открытіи миссіонерскихъ отдѣленій и въ этомъ случаѣ не оправдалъ надеждъ преосвящ. Григорія, который, по всей вѣроятности, и посодѣйствовалъ опредѣленію его въ казанскую академію въ разсчетахъ имѣть въ немъ для себя умнаго сотрудника въ своемъ задушевномъ дѣлѣ. Замѣчательно, что невниманіемъ ректора Парѳенія былъ особенно недоволенъ тогда преподаватель именно монгольскаго языка, лекторъ лама Галсанъ Гомбоевъ, оставившій при немъ и самую службу при академіи. Къ этому предмету намъ придет-

ся еще вернуться въ исторіи миссіонерскихъ отдѣленій при академіи.

Въ концѣ $18^{52}/_{53}$ учебнаго года (съ 30 іюня) ректоръ Парѳеній самъ сдѣлался преподавателемъ по главной богословской каѳедрѣ догматическаго богословія и съ увлеченіемъ, можно сказать, всецѣло предался профессорской дѣятельности. Это обстоятельство было связано съ выходомъ изъ академіи преподававшаго прежде догматику инспектора Макарія и съ назначеніемъ новаго инспектора.

Нравственная часть при Парѳеніи шла тоже по заведенному прежде порядку, который могъ поддерживаться пока и независимо отъ личнаго состава инспекціи, но всетаки, разумѣется, только пока. Нравы всякаго учебнаго заведенія мѣняются очень быстро, почти съ каждымъ новымъ курсомъ воспитанниковъ, а потому нравственная часть школы менѣе всего способна хранить традиціи извѣстнаго направленія, даннаго ей какимъ нибудь сильнымъ ея организаторомъ, и требуетъ постоянной бдительности со стороны приставленныхъ къ ней личностей и особенно при смѣнѣ курсовъ. Ректоръ былъ строгъ къ студентамъ и требовалъ точнаго соблюденія дисциплины, но самъ не любилъ вмѣшиваться въ инспекцію и принимать личное участіе въ наблюденіи за студентами, какъ архим. Григорій. Онъ и это черное дѣло предоставлялъ другимъ. Если студентъ попадался въ чемъ нибудь ему лично, его выговоры имѣли самую деликатную форму, за исключеніемъ только тѣхъ случаевъ, когда онъ сильно разгорячался. Свои выговоры студентамъ онъ дѣлалъ обыкновенно у себя въ кабинетѣ, призвавъ притомъ же виновнаго подъ какимъ нибудь благовиднымъ предлогомъ, чтобы этого не замѣтили другіе студенты, и запершись съ нимъ на-единѣ, доведя его до ошпараннаго состоянія, онъ потомъ уже и не упоминалъ объ его винѣ. Постоянное, методическое наблюденіе надъ поведеніемъ студентовъ всецѣло лежало на однихъ представителяхъ инспекціи.

До начала $18^{52}/_{53}$ учебнаго года, когда оба отдѣленія академіи, и старшее и младшее, состояли еще изъ воспитанниковъ ректора Григорія, сохраненіе порядка, заведеннаго послѣднимъ, было обезпечено и при наличной инспекціи, состоявшей изъ архим. Макарія и бакк. Гвоздева. Но съ началомъ новаго курса въ 1852 г. для поддержанія Григорьевской традиціи составъ инспекціи сталъ нуждаться уже въ

другихъ людяхъ, которые бы могли ближе соотвѣтствовать требованіямъ этой традиціи. Счастливая случайность подготовила такую перемѣну въ инспекціи какъ разъ около этого самаго времени. Раньше оставилъ свою должность сильно тяготившійся ею помощникъ инспектора Гвоздевъ. Онъ чувствовалъ себя въ этой должности тѣмъ болѣе не на мѣстѣ, что въ числѣ баккалавровъ съ 1850 г. состояло лице монашествующее, слѣдовательно, по тогдашнимъ порядкамъ службы, болѣе компетентное для инспекторской службы, чѣмъ онъ—человѣкъ свѣтскій; это былъ баккалавръ іеромонахъ Веніаминъ Благонравовъ, магистръ III курса казанской академіи. Къ этому присоединились еще нѣкоторыя обстоятельства личной жизни И. П. Гвоздева. Въ 1852 г., по ходатайству правленія, онъ получилъ 258 р. награды за исправленіе должности помощника инспектора и вздумалъ жениться на дочери своего почтеннаго сослуживца, экстра-ординарнаго профессора Саблукова. 29 сентября бракъ этотъ былъ совершонъ, и счастливый супругъ немедленно долженъ былъ оставить сначала казенную квартиру, которой для женатыхъ наставниковъ въ академіи не полагалось, потомъ 30 сентября и должность помощника инспектора (¹). На мѣсто его тогда же опредѣленъ былъ баккалавръ *Веніаминъ Благонравовъ*.

Василій Антоновичъ Благонравовъ, въ иночествѣ Веніаминъ, былъ урожденецъ Тамбовской епархіи, сынъ сельскаго священника Шацкой округи, родился въ 1825 г., учился сначала въ шацкихъ училищахъ, потомъ въ тамбовской семинаріи, наконецъ въ III курсѣ казанской академіи. Въ теченіе академическаго курса онъ отличался своею талантливостью, рѣдкою любовію къ занятіямъ науками и безукоризненнымъ исполненіемъ всѣхъ требованій тогдашней дисциплины. Инспекторъ Фотій съ своимъ помощникомъ Серафимомъ постоянно отличали его, какъ самаго благочестиваго студента. Въ началѣ послѣдняго учебнаго года своего курса (29 августа 1849 г.) онъ принялъ постриженіе и посвященъ въ іеродіакона для служенія въ академической церкви; въ 1850 г. кончилъ курсъ первымъ магистромъ и оставленъ при академіи баккалавромъ по церковной исторіи; тогда же (20 ноября) онъ былъ посвященъ въ іеромонаха. Съ этого времени на-

(¹) Д. внутр. правл. 1852 г. № 33.

чался періодъ его усиленной дѣятельности частію по каѳедрѣ, потребовавшей отъ него множество труда, частію по разнымъ возложеннымъ на него академическимъ должностямъ, между прочимъ и по инспекціи. Въ 1851 г. въ вакатъ онъ исправлялъ должность помощника инспектора, въ 1852 г.—тоже въ вакатъ—должность самого инспектора. Въ четыре года академическаго студенчества подъ ферулою архим. Григорія изъ него выработался истый Григорьевскій студентъ, замѣчательно полный представитель тѣхъ результатовъ, какіе могли проистекать изъ тогдашней инспекціонной системы при формированіи живой личности; онъ подчинялся строгимъ требованіямъ этой системы не за гнѣвъ, такъ сказать, не предъ очима точію работающе, но и за совѣсть, и сдѣлался искреннимъ ея приверженцемъ. Долго спустя, когда преданія Григорьевскаго времени стали уже ослабѣвать, а главное—давно уже перестали возбуждать къ себѣ симпатіи въ самомъ начальствѣ академіи, онъ все еще крѣпко держался основныхъ началъ Григорьевской системы и указывалъ на времена ректорства Григорія, какъ на золотой вѣкъ академическаго благоустройства и вмѣстѣ какъ на поучительный для новаго времени идеалъ. Кромѣ ректора Григорія, онъ преклонялся въ свое время и предъ наиболѣе способнымъ сотрудникомъ послѣдняго по инспекціи, іером. Серафимомъ Протопоповымъ. Въ 1852 г., когда его опредѣлили помощникомъ инспектора, онъ держался на новомъ поприщѣ еще не смѣло; такъ не далеко была позади его собственная студенческая скамья; онъ былъ еще молодъ, мало авторитетенъ, но и тогда уже былъ виднымъ помощникомъ архим. Макарія и значилъ въ инспекціи гораздо больше самого инспектора, который до конца своей службы оставался мало виднымъ человѣкомъ въ академіи.

Архим. Макарій оставилъ академію весной 1853 г. вслѣдствіе состоявшагося отъ 23 марта опредѣленія Св. Синода о назначеніи его ректоромъ тверской семинаріи. Оставивъ профессорскую каѳедру ректору Парѳенію, а инспекторскую должность іеромонаху Паисію Пылаеву, онъ 2 мая выѣхалъ изъ Казани. Въ Твери ему въ первый разъ пришлось служить на самостоятельномъ начальственномъ постѣ и на первомъ же этомъ постѣ обнаружилась его малоспособность къ административной дѣятельности; кромѣ того, онъ подвергся здѣсь извѣстной слабости русскихъ мало воспитанныхъ людей. 9 іюля

1856 г. онъ былъ уволенъ отъ ректорства „за возраженіе, какъ сказано въ его формулярѣ, противъ замѣчаній академическаго правленія на основаніи отзывовъ ревизовавшаго тверскую семинарію“, и жилъ послѣ этого въ тверскомъ Отрочѣ монастырѣ въ должности настоятеля. Черезъ годъ послѣ отставки, 24 іюня 1857 г. его опять было опредѣлили на духовно-училищную службу ректоромъ Александро-Невскихъ духовныхъ училищъ; но скоро опять отставили. Съ января 1858 г. мы видимъ его членомъ духовно-цензурнаго комитета въ Петербургѣ, гдѣ ему привелось служить вмѣстѣ съ своимъ предшественникомъ по инспекторству въ казанской академіи архим. Фотіемъ. Въ концѣ 1867 г. онъ былъ снова опредѣленъ ректоромъ духовнаго училища и настоятелемъ Спасо-Преображенскаго монастыря въ Арзамасѣ нижегородской епархіи, но вскорѣ долженъ былъ оставить и это послѣднее свое ректорство. Послѣ этого онъ жилъ въ монастырѣ на покоѣ до самой своей смерти безъ должности. Въ послѣднее время онъ пользовался въ Арзамасѣ большимъ уваженіемъ простаго народа и мѣстнаго купечества; къ нему прибѣгали, какъ къ чудотворцу и прозорливцу, въ разныхъ случаяхъ жизни, для леченія напр. запоя молитвою и св. водою, для совѣта объ успѣхѣ затѣваемаго предпріятія, даже для узнанія будущаго. Онъ скончался 23 марта 1887 г..

Преемникъ его по инспекторству въ академіи о. *Паисій Пылаевъ* былъ человѣкъ уже давнишній въ академіи и хорошо знакомый со всѣми порядками, заведенными здѣсь при ректорѣ Григоріи. По происхожденію онъ былъ тверякъ, сынъ бѣжецкаго священника (род. въ 1817 г.), по академическому же образованію кіевлянинъ. На послѣднемъ году академическаго курса (окт. 22 въ 1842 г.) онъ былъ постриженъ въ монашество; кончилъ курсъ въ 1843 г. со степенью магистра богословія и былъ опредѣленъ исправляющимъ должность инспектора и преподавателемъ по св. Писанію въ харьковскую духовную семинарію. Въ казанскую академію онъ былъ перемѣщенъ отъ 9 октября 1845 г. баккалавромъ по каѳедрѣ литургики и каноники. Послѣ онъ преподавалъ еще нравственное богословіе. Въ сентябрѣ 1847 г. его возвели въ званіе экстра-ординарнаго профессора и члена конференціи, а въ апрѣлѣ 1851 г. въ званіе профессора ординарнаго. Какъ человѣка рабочаго и добросовѣстнаго, академическое начальство облекало его разными должностями, кромѣ классной его

должности. Съ января 1848 г. онъ былъ членомъ внѣшняго правленія, съ марта 1851 г. третьимъ членомъ внутренняго правленія, затѣмъ членомъ цензурнаго комитета; въ 1852 г. исправлялъ должность инспектора (съ ноября 1851 г. по конецъ марта 1852 г.); въ 1852 г. былъ посылаемъ на ревизію кавказской семинаріи. Ко времени своего инспекторства онъ былъ человѣкъ уже заслуженный и имѣлъ санъ архимандрита, въ который былъ возведенъ еще 2 іюня 1852 г. Опредѣленіе о назначеніи его инспекторомъ послѣдовало отъ 7 апрѣля 1853 г.; въ должность же вступилъ онъ непосредственно по отъѣздѣ изъ Казани архим. Макарія въ началѣ мая.

Въ характерѣ этого инспектора съ особенною силой проявилась та черта стараго кіевскаго направленія, которая замѣчалась въ Казани и у другихъ монаховъ, воспитанниковъ кіевской академіи, кромѣ развѣ одного ректора Григорія,— это смѣсь схоластическаго и мистическаго направленій въ наукѣ и въ жизни съ замѣтнымъ преобладаніемъ направленія мистическаго. Были толки, фактически ничѣмъ не оправдывающіеся, но тѣмъ не менѣе выразительные, что онъ принадлежалъ даже къ хлыстовскому кораблю, который въ то время существовалъ въ Казани и къ которому принадлежало нѣсколько извѣстныхъ лицъ изъ казанскаго дворянства и духовенства Съ нѣкоторыми изъ духовныхъ лицъ, заподозрѣнныхъ и даже завѣдомо участвовавшихъ въ хлыстовствѣ, онъ былъ дѣйствительно близко знакомъ, что̀ вѣроятно и дало поводъ обвинять его въ хлыстовствѣ. По жизни это былъ совершенно чистый человѣкъ, правдивый, благочестивый и непрактичный до наивности; онъ весь былъ погруженъ въ свои книги и тетради, живя въ полнѣйшемъ уединеніи, не имѣя никакихъ знакомствъ въ городѣ, кромѣ знакомства съ нѣкоторыми духовными лицами и однимъ, особенно близкимъ къ нему, нѣкіимъ учителемъ духовнаго училища Лебедевымъ, послѣ инокомъ Магномъ, человѣкомъ такого же мистическаго направленія, какъ и онъ. Понятно, чего онъ могъ требовать и отъ студентовъ по инспекторской своей практикѣ. Всѣ его аттестаціи отличившихся по поведенію студентовъ выставляютъ на первый планъ благочестіе того или другаго молодого человѣка, усердіе къ молитвѣ и богослуженію, любовь къ слову Божію, благоговѣйное содержаніе себя при богослуженіи, содержаніе себя въ чувствованіяхъ страха Божія, молитвенное

настроеніе; объ одномъ студентѣ В. Ложкинѣ въ аттестаціяхъ говорилось даже, что онъ „ходитъ предъ Господомъ“. Къ этимъ главнымъ чертамъ его аттестацій только изрѣдка прилагались другія черты болѣе житейскаго характера: благодушіе, благожелательность, благородство, откровенность и ревность къ научнымъ занятіямъ. Аттестаціи помощника инспектора, когда ему приводилось писать ихъ за инспектора, носили болѣе формальный характеръ: „вели себя сообразно правиламъ, предписываемымъ академическимъ уставомъ“. Къ инспекторской должности о. Паисій былъ впрочемъ совсѣмъ не способенъ. „Это былъ оригиналъ въ своемъ родѣ, разсказывается объ немъ въ Воспоминаніяхъ о казанской академіи 1852—1856 гг.. Наружностію своею онъ совершенно пренебрегалъ, ходилъ въ помятой одеждѣ, съ непричесанными волосами. Все его инспекторство ограничивалось слѣдующимъ. Аккуратно каждый день обходилъ онъ студенческіе номера во время вечернихъ занятій, становился по срединѣ номера и спрашивалъ каждаго студента порознь, указывая рукой то на-право, то на-лѣво: Вы чѣмъ занимаетесь? Вы что дѣлаете? А Вы чѣмъ занимаетесь? А Вы что дѣлаете? Отвѣтовъ на эти вопросы не требовалось, да онъ едва ли обращалъ и вниманіе на то, что отвѣчалъ ему студентъ. Переспросивши такимъ образомъ всѣхъ студентовъ въ этомъ номерѣ, онъ отправлялся въ другой и тамъ продѣлывалъ тоже“ (1). Вся тяжесть инспекціи падала поэтому на одного помощника инспектора, іеромон. Веніамина, безъ котораго дисциплина могла бы даже совсѣмъ упасть. Самъ по себѣ о. Паисій былъ очень строгъ и требователенъ, но онъ ничего не видалъ и не слыхалъ, что около него дѣлалось.

Дисциплинированность академіи вела, кажется, только къ еще большимъ строгостямъ, чѣмъ даже при ректорѣ Григоріи. Слабость и безтактность о. Паисія приходила въ безпокойство изъ-за всякаго пустяка; изъ-за какихъ нибудь школьныхъ мелочей онъ спѣшилъ съ донесеніями прямо къ самому преосвященному, вѣроятно не умѣя съ ними справиться самъ, а, можетъ быть, считая, по своему благочестію, даже грѣхомъ „утаить“ ихъ отъ владыки, хотя легко могъ бы сообразить, что послѣднему много дѣла и безъ разбирательства школь-

(1) Иркутск. епарх. Вѣд. 1890 г. № 5, стр. 4.

ныхъ шалостей. Въ 1852 г., еще во время только исправленія должности инспектора, о. Паисій сильно встревожилъ преосвященнаго январскимъ репортомъ, записавъ въ немъ, что нѣкоторые студенты вызвали своими проступками внушеніе начальства, нѣкоторые отпущены на праздникъ въ городскіе дома, а въ больницѣ одинъ студентъ боленъ язвою. Получивъ такой небывалый прежде репортъ, преосв. Григорій обезпокоился и написалъ на немъ: „Репортъ необстоятеленъ, 1) потому что не сказано, кто изъ студентовъ велъ себя такъ, что имъ нужно было дѣлать вразумленіе, и за что именно; 2) не означено, какіе студенты отпущены въ городскіе дома, не тѣ-ли, коимъ нужно было сдѣлать вразумленіе; и 3) какая это язва у студента, не сказано,—не моровая ли? или инаго дурнаго качества? Академическое правленіе имѣетъ внушить исправляющему должность инспектора донести мнѣ обстоятельно". 30 января въ другомъ донесеніи о. Паисій разъяснилъ, какія великія преступленія учинили студенты: одинъ (А. Моревъ) въ праздникъ Рождества оказался на вечерней молитвѣ выпившимъ и запѣлъ не въ ладъ съ другими студентами, за что и получилъ словесное и письменное (на журналѣ) внушеніе, но успѣлъ уже загладить свою вину добрымъ поведеніемъ въ январѣ; другой (Р. Орловъ), отпущенный въ третій день Рождества въ городъ до 9 часовъ, вернулся въ половинѣ 10-го и явился только инспектору, а дежурному старшему не успѣлъ показаться и потому къ подачѣ журнала инспектору былъ записанъ не воротившимся, почему ему, а вмѣстѣ и другимъ студентамъ было внушено, чтобы возвращались во время и неявкой чередному такихъ безпорядковъ не производили; въ городскіе дома отпущены были трое съ билетами, вели себя честно и воротились во время; язва у студента С. Цискарова простой угорь на подбородкѣ. Но, объясняя все это, инспекторъ не утерпѣлъ, чтобы не сообщить о новомъ замѣченномъ имъ великомъ безпорядкѣ у студентовъ въ больницѣ: при осмотрѣ больницы 2 января въ 9 ч. пополудни изъ 6 больныхъ имъ найденъ на мѣстѣ только одинъ упомянутый Цискаровъ съ вередомъ на подбородкѣ, двое оказались въ студенческихъ комнатахъ, двое сошли изъ больницы внизъ къ брадобрѣю Власову, въ которомъ будто бы возымѣли нужду, а одинъ попался на лѣстницѣ возвращающимся отъ Власова, вслѣдствіе чего имъ инспекторомъ и написано въ журналѣ, чтобы студенты къ служителямъ не ходили, а больные не от-

лучались изъ больницы. Преосвященный, конечно, оставилъ все это безъ вниманія и написалъ только, чтобы студентовъ далѣе 8 часовъ вечера не отпускали въ городъ. Такія же донесенія встрѣчаемъ потомъ и въ дѣйствительное инспекторство архим. Паисія. Такъ въ январѣ 1854 г. въ одномъ донесеніи преосвященному записано, что 20 января на 3-й лекціи нѣсколько студентовъ не были въ классѣ и оставлены за то безъ обѣда, два студента опоздали на утреннюю молитву, а четверо (въ томъ числѣ отличнѣйшій по поведенію студентъ Третьяковъ, котораго инспекторъ однако не пощадилъ) проспали ее и потому послѣ общей молитвы были собраны помощникомъ инспектора помолиться особо и получили вразумленіе; 21 и 22 января не былъ въ классѣ студентъ Софотеровъ и пр.. Аккуратно отмѣчались въ донесеніяхъ и всѣ пропускавшіе лекціи преподаватели. Добросовѣстность такихъ донесеній преосвященному о преподавателяхъ доходила до того, что напр. 8 марта въ репортѣ инспектора записанъ небывшимъ въ классѣ бакк. Зефировъ, потому что, по должности экономa академіи, сопровождалъ во время своего класса только что пріѣхавшаго новаго ректора академіи архим. Агаѳангела при осмотрѣ послѣднимъ зданій казанской академіи.

Ректоръ Парѳеній прослужилъ въ академіи очень не долго, а потому образъ его въ воспоминаніяхъ старыхъ студентовъ сохранился въ довольно блѣдныхъ чертахъ. Ни личный его характеръ, ни система его управленія не успѣли высказаться вполнѣ. По всей вѣроятности, отъ него постарался поскорѣе избавиться преосв. Григорій, недовольный его не совсѣмъ усерднымъ отношеніемъ къ усиленію въ академіи преподаванія миссіонерскихъ предметовъ. Опредѣленіемъ Св. Синода отъ 23 января 1854 г. онъ былъ назначенъ епископомъ въ Томскую епархію. Онъ выѣхалъ изъ академіи 27 февраля. При прощаніи съ студентами, когда они спрашивали его, доволенъ ли онъ остался ими, онъ выразился, что не доволенъ, потому что они такъ себя прекрасно держали, что ни разу не дали ему случая проявить къ нимъ свое начальственное снисхожденіе. Такимъ образомъ дисциплинированная академія такъ и осталась дисциплинированною до конца его ректорства.

Пребываніе его въ Казани, при всей своей краткости, не осталось безслѣднымъ для него самого; это было первое мѣсто его службы, на которомъ онъ могъ ознакомиться съ

насущными церковными вопросами восточнаго инородческаго края Россіи; здѣсь вѣроятно и положены были первыя основанія его послѣдующей любви къ свящ. дѣлу христіанской миссіи среди инородцевъ, которая руководила его дѣятельностью во время его послѣдующаго служенія на святительскихъ каѳедрахъ Сибири. 14 марта онъ былъ рукоположенъ въ Петербургѣ въ епископа. Томская епархія съ своею Алтайскою миссіей послѣ академіи была второю степенью для развитія въ немъ миссіонерскихъ интересовъ. Съ нея въ сентябрѣ 1860 г. онъ былъ переведенъ на каѳедру Иркутской епархіи, гдѣ черезъ 3 года былъ возведенъ въ санъ архіепископа. Въ теченіе многихъ лѣтъ своего святительскаго служенія въ Сибири онъ неоднократно получалъ знаки Высочайшаго вниманія за свою усердную дѣятельность: въ 1856 г. орденъ св. Анны 1 степ., въ 1859 г. св. Владиміра 2 степ. большаго креста, въ 1868 г. св. Александра Невскаго. О служеніи этого святителя въ Сибири главныя свѣдѣнія можно почерпнуть изъ Иркутскихъ епарх. Вѣдомостей 1873 г., гдѣ помѣщено нѣсколько статей по случаю его кончины (1). Скончался онъ 21 января 1873 г.. Только передъ смертью онъ распорядился напечатать собраніе своихъ проповѣдей, которыми славился и въ академіи, и въ Сибири, и оставилъ на изданіе ихъ достаточную сумму денегъ съ тѣмъ, чтобы ихъ можно было не продавать, а раздавать даромъ любившимъ его слушателямъ, по церквамъ, въ учебныя заведенія и т. д..

Преемникомъ его въ академіи былъ архим. *Агаѳангелъ* (въ мірѣ Алексѣй Соловьевъ). Онъ былъ родомъ изъ Владимірской губерніи, сынъ священника, родился въ 1812 г., образованіе получилъ сначала во владимірской семинаріи, потомъ (1832—1836 гг.) въ московской академіи, въ которой кончилъ курсъ со степенью магистра. Еще на третьемъ году своего курса 2 іюня 1835 г. онъ постригся въ монашество; по окончаніи курса былъ оставленъ при московской академіи бак-

(1) Кромѣ Иркутскихъ епарх. Вѣдом. за 1873 г. и перепечатокъ изъ нихъ въ разныхъ газетахъ и журналахъ, см. еще въ Дом. Бесѣдѣ 1873 г. № 11, въ Миссіонерѣ 1374 г. № 25, Ирк. епарх. Вѣд. 1874 г. № 3 и 4; въ Пастырскомъ Собесѣдн. за 1889—1890 гг. изданы любопытныя и характерныя письма его къ Платону еписк. костромскому.

калавромъ по св. Писанію и съумѣлъ заслужить расположеніе митрополита Филарета. Въ мартѣ 1842 г. былъ назначенъ инспекторомъ академіи и профессоромъ нравственнаго богословія и каноники; а въ сентябрѣ того же года получилъ должность ректора въ харьковской семинаріи и санъ архимандрита. Въ томъ же 1842 г. на него возложено Св. Синодомъ порученіе составлять обозрѣніе и толкованіе св. Писанія, о чемъ онъ упоминаетъ въ письмѣ къ Иннокентію харьковскому 1848 г. 19 янв.. Въ Харьковѣ онъ сошелся съ преосв. Иннокентіемъ, какъ самый усердный его почитатель; послѣ Иннокентій получалъ отъ него разныя рѣдкія рукописи и книги и былъ его покровителемъ. Въ 1845 г. онъ былъ перемѣщенъ ректоромъ же въ костромскую семинарію, гдѣ и оставался до января 1853 г.. Первоначально ему тутъ не повезло: въ 1847 г. его постигла непріятность изъ-за какой-то проповѣди: его хотѣли перевести съ ректорства въ профессоры кіевской академіи. Отъ этой непріятности онъ освободился, благодаря только ходатайству предъ Св. Синодомъ преосв. Иннокентія, къ которому онъ писалъ трогательныя и изысканно-цвѣтистыя письма (1). Потомъ его дѣла поправились, и въ 1848 г. онъ получилъ уже орденъ св. Анны 2 степени, а въ 1853 г. знаки того же ордена съ императорскою короною. Въ январѣ 1853 г. его вызвали на чреду служенія въ С.-Петербургъ, а отсюда опредѣленіемъ отъ 30 янв. 1854 г. перевели въ Казань на должность ректора казанской академіи и профессора богословскихъ наукъ. Къ мѣсту новой службы онъ прибылъ 6 марта, а 7 вступилъ въ должность. Первымъ актомъ его въ академіи была ревизія ея по всѣмъ частямъ, какую обыкновенно поручали тогда всѣмъ вновь назначаемымъ начальникамъ заведеній отъ академіи до приходскаго училища; въ донесеніи его по этой ревизіи оберъ-прокурору Св. Синода было коротко и ясно сказано, что академія найдена была въ самомъ удовлетворительномъ положеніи по всѣмъ частямъ управленія (2).

Въ академіи онъ былъ встрѣченъ съ невыгоднымъ для него предубѣжденіемъ, по слухамъ объ извѣстной исторіи по безыменному доносу его въ 1841 г. на знаменитаго протоіерея Павскаго, касавшемуся перевода послѣднимъ св. Писанія на

---

(1) Изданы г. Барсовымъ въ I вып. Матеріаловъ для біографіи Иннокентія. Спб. 1884 г. стр. 89 и далѣе.

(2) Дѣло внутр. правл. 1854 г. № 17.

русскій языкъ. Разсказывалось, что и въ ректоры онъ былъ назначенъ не столько за личныя свои достоинства, сколько благодаря сильному за него ходатайству архіепископа Григорія, которому, какъ и преосв. Иннокентію, успѣлъ понравиться въ Петербургѣ, какъ необычайный любитель русскихъ древностей, врагъ русскаго раскола и собиратель раскольническихъ рукописей (1). Преосв. Григорій разсчитывалъ имѣть въ немъ хорошаго помощника при открытіи въ академіи противораскольническаго и другихъ миссіонерскихъ отдѣленій. Предубѣжденія противъ него впрочемъ скоро оказались слишкомъ преувеличенными. Не смотря на нѣкоторые недостатки его характера, жить съ нимъ было можно и при томъ довольно удобно; въ разныхъ отношеніяхъ онъ оказался даже весьма полезенъ академіи.

Наружность его была довольно представительная; это былъ невысокаго роста, черноватый и сухой на видъ монахъ съ аскетической наружностью, геморроидальнымъ цвѣтомъ лица, величавыми манерами и не допускающей возраженій рѣчью, всегда въ возвышенномъ тонѣ и, по московской монашеской привычкѣ, нѣсколько въ носъ; онъ держался всегда серьезно и нѣсколько даже натянуто, какъ человѣкъ, привыкшій начальствовать и вмѣстѣ рисоваться своимъ величіемъ. Привычка рисоваться была главнымъ источникомъ всѣхъ его странностей, которыя дѣлали его жертвою разныхъ насмѣшекъ даже въ нашей литературѣ (2). Онъ любилъ окружать себя всяческой помпой, какая была въ его средствахъ, любилъ парадныя богослуженія въ академической церкви, и пѣвчіе не могли сдѣлать ему бо́льшаго удовольствія, какъ разучивъ къ его службѣ что нибудь новенькое и торжественное; одѣвался щеголевато, постоянно носилъ въ рукѣ золотой лорнетъ, въ который и разсматривалъ студентовъ, когда съ ними разговаривалъ; когда онъ шелъ въ классъ на лекцію, впереди его шли два служителя,—одинъ несъ книги, другой отворялъ передъ нимъ обѣ половинки дверей; въ сопровожденіи служителя и еще эконома онъ обходилъ иногда и академическія помѣщенія,—столовую, классы и занятныя комнаты. Посѣщеніе студенческихъ комнатъ онъ никогда, кажется, не производилъ неожиданно, какъ ректоръ Григорій, а посылалъ пе-

(1) См. объ этомъ въ книгѣ Н. Я. Аристова: А. П. Щаповъ, стр. 16.
(2) См въ той же книгѣ Аристова, стр. 16—17.

редъ собой сначала какого нибудь вѣстника предупредить студентовъ, что де идетъ и чтобы всѣ были готовы къ его посѣщенію. Тайныхъ разузнаваній, подслушиваній, подглядываній, которыми особенно часто страдала инспекція духовныхъ заведеній его времени, онъ былъ совершенно чуждъ и пользовался за это похвалами и со стороны студентовъ, и со стороны наставниковъ. Въ связи съ нѣкоторой слабостью къ величію была у него и другая слабость считать себя знатокомъ общественныхъ приличій и казаться аристократомъ. Онъ усердно записывалъ знакомствъ среди казанскаго бомонда, аккуратно дѣлалъ визиты и вечернія посѣщенія къ болѣе виднымъ людямъ свѣтскаго круга и болѣе расположеннымъ къ духовенству, и, не смотря на то, что былъ скученъ и тяжелъ въ обществѣ, былъ принимаемъ во многихъ дворянскихъ домахъ, часто принималъ гостей и у себя. Когда онъ служилъ въ академической церкви, она вся наполнялась его знакомыми; все это общество послѣ литургіи являлось въ его гостинную вмѣстѣ съ академическими монахами и нѣкоторыми молодыми баккалаврами, которые, разумѣется, держались робко въ сторонкѣ, еще болѣе поднимая тѣмъ престижъ своего великолѣпнаго начальника.

Духовенства ректоръ Агаѳангелъ не уважалъ, а низшее духовенство даже презиралъ за его низменные пороки; „дьячки, семинаристы“—были самыми бранными словами, какія только онъ употреблялъ въ раздраженіи на провинности студентовъ. Особеннымъ расположеніемъ его пользовались студенты чистенькіе, хорошо одѣтые и, какъ слѣдуетъ, причесанные, благовоспитанные во внѣшнемъ поведеніи, преимущественно дѣти городскихъ протоіереевъ. Когда вновь пріѣзжіе студенты являлись къ нему на показъ, первымъ вопросомъ его былъ, чьи они дѣти; если студентъ отвѣчалъ, что онъ сынъ такого-то протоіерея, ректоръ принималъ его благосклонно и удостоивалъ нѣсколькихъ словъ, а когда тотъ докладывалъ, что онъ сынъ деревенскаго пономаря или причетника, ректоръ издавалъ недовольный звукъ и сейчасъ же отвертывался въ знакъ того, что аудіенція кончена, особенно если являвшійся студентъ отличался еще нѣкоторой лохматостью и неотесанностью. „Замѣтивъ студента въ шалости, разсказывается въ Воспоминаніяхъ о казанской академіи 1852—1856 гг., сопровождавшейся крикомъ и шумомъ, онъ обыкновенно спрашивалъ его: Чей вы сынъ? и если студентъ отвѣчалъ: дьячка, ректоръ гово-

рилъ ему: Ну, и видно, что сынъ дьячка, и сами ведете себя по-дьячковски. Но однажды ему попался бѣгущимъ по коридору сынъ каѳедральнаго протоіерея.—Сынъ каѳедральнаго протоіерея, съ удивленіемъ развелъ руками ректоръ послѣ допроса,—а бѣгаете, какъ дьячекъ! Удивляюсь!“ (1). Чистенькіе студенты много выигрывали у него и при окончаніи курса. Это была его странность, но она имѣла и полезную сторону. Въ ректорство Агаѳангела студенчество значительно поднялось не только по внѣшнему своему образованію, но и по внутреннему развитію благородныхъ и эстетическихъ инстинктовъ, устранявшихъ изъ его жизни разныя грязныя наклонности стараго грубаго бурсачества. Наклонности эти ректоръ преслѣдовалъ безъ всякой пощады, напр. пьяныхъ студентовъ немедленно исключалъ изъ академіи, какъ дьячковъ и пономарей. Онъ одѣлъ студентовъ въ болѣе приличные сюртуки, поощрялъ ихъ знакомства съ порядочными людьми, самъ рекомендовалъ нѣкоторыхъ изъ нихъ въ дворянскіе дома въ качествѣ домашнихъ учителей, чего прежде никогда не бывало, и нерѣдко принимался учить ихъ хорошимъ манерамъ, умѣнью говорить съ приличной дикціей и даже французскому произношенію. Наставленія его по этой части иногда были забавны; французскій языкъ онъ и самъ плохо зналъ и коверкалъ произношеніе французскихъ словъ на костромской ладъ; но важно было то направленіе, какое этими наставленіями давалось внѣшнему поведенію студентовъ. Въ студенческихъ комнатахъ началось усердное упражненіе въ танцахъ, хотя уже и помимо ректора; завелись,—это даже съ прямаго его разрѣшенія,—музыкальные инструменты.

Въ административной своей дѣятельности архим. Агаѳангелъ, какъ и его предшественникъ, занимался только высшимъ надзоромъ за общимъ теченіемъ дѣлъ, не входя въ разныя мелочи по канцеляріи и экономіи; но онъ желалъ быть настоящимъ начальникомъ во всемъ, былъ настойчивъ, даже упрямъ въ своихъ рѣшеніяхъ, любилъ давать рѣзкія и грозныя резолюціи и терпѣть не могъ противорѣчій, а также чтобы въ академіи что нибудь дѣлалось помимо него. Съ преосв. Григоріемъ онъ держался, можно сказать, подобострастно, не подпускалъ къ нему для непосредственнаго сношенія ни инспектора, ни секретаря и никого изъ наставниковъ и обна-

(1) Иркутск. епарх. Вѣд. 1890 г., № 4, стр. 6.

руживалъ при этомъ даже какую-то *необычайную ревность;* напр. онъ страшно *сердился на профессора Ильминскаго,* который, какъ главный дѣятель по миссіонерскимъ противомусульманскимъ дѣламъ, былъ весьма любимъ преосв. Григоріемъ, имѣлъ къ нему во всякое время свободный доступъ и потому успѣвалъ иногда испрашивать у него разныя распоряженія по нуждамъ своего противомусульманскаго отдѣленія непосредственно, помимо ректора. Ректоръ начальственно держался со всѣми членами академической корпораціи, не исключая и монашествующихъ, и не допускалъ съ ихъ стороны никакой фамильярности, а особенно совѣтовъ и противорѣчій. Не даромъ въ 1848 г., когда онъ, будучи еще ректоромъ костромской семинаріи, попалъ, какъ мы видѣли, въ опасность перемѣнить это положеніе на положеніе простаго профессора академіи, онъ писалъ преосв. Иннокентію, что уже „привыкъ къ начальническимъ обязанностямъ“ и что „перемѣна жизни и отношеній убьетъ его“.

Канцелярская часть правленія при немъ нашла самаго подходящаго для него исполнителя. Въ концѣ 1855 г. давній секретарь внутренняго правленія и конференціи проф. Н. П. Соколовъ подалъ объ увольненіи отъ этой должности (1). Онъ былъ въ это время уже очень авторитетнымъ старожиломъ академіи и потому слишкомъ уже важнымъ человѣкомъ для этого поста и не нравился ректору; послѣдній предоставилъ ему самый благородный выходъ изъ секретарской должности,—расхвалилъ его заслуги въ длинномъ донесеніи оберъ-прокурору Св. Синода, что де служитъ онъ, Соколовъ, секретаремъ уже 10 лѣтъ и 11 мѣсяцевъ, нѣсколько разъ исправлялъ должность секретаря, кромѣ внутренняго, и по внѣшнему правленію, въ началѣ 1855 г. составилъ обширную въ 46 листовъ опись академическаго имущества по документамъ за 13 лѣтъ и т. д., и исходатайствовалъ ему въ награду полный профессорскій окладъ. На мѣсто его въ началѣ янв. 1856 г. опредѣленъ былъ еще болѣе опытный и дѣловой, но болѣе кроткій и безотвѣтный человѣкъ, бывшій помощникъ инспектора, потомъ съ 1854 г. (послѣ Г. З. Елисѣева) секретарь внѣшняго правленія, бакалавръ *И. П. Гвоздевъ.* Секретарство по внѣшнему правленію цѣлый годъ тоже оставалось за нимъ, пока въ январѣ 1857 г. не былъ опредѣленъ на эту должность одинъ изъ

(1) Дѣло внутр. правл. 1855 г. № 43.

любимцевъ Агаѳангела, кончившій при немъ курсъ и опредѣленный имъ въ баккалавры воспитанникъ VI курса академіи *Я. В. Рудольфовъ*. По внутреннему правленію и конференціи секретарство Гвоздева продолжалось все время ректорства Агаѳангела и при слѣдующемъ ректорѣ Іоаннѣ до 1862 г..

По экономическому управленію ректоръ имѣлъ подъ рукою, такъ сказать, собственнаго своего эконома, который вполнѣ отъ него зависѣлъ; это былъ нѣкто іеромон. *Филаретъ*, (въ мірѣ Ѳеодосій Протопоповъ), бывшій служка ректора, вывезенный имъ еще изъ Харькова. Онъ былъ изъ исключенныхъ риторовъ харьковской семинаріи, сынъ причетника, съ 1842 г. служилъ послушникомъ при Старохарьковскомъ монастырѣ, потомъ переѣхалъ изъ Харькова вмѣстѣ съ Агаѳангеломъ въ Кострому, въ 1851 г. постригся въ монашество и по 1853 г. былъ іеродіакономъ Богоявленскаго монастыря гор. Костромы. Въ 1853 г., когда архим. Агаѳангелъ былъ вызванъ въ Петербургъ на чреду служенія, за нимъ перешелъ туда и Филаретъ и былъ причисленъ къ Троице-Сергіевской пустыни Петербургской епархіи; въ ноябрѣ того же года его посвятили здѣсь въ іеромонахи. Затѣмъ, тоже вслѣдъ за Агаѳангеломъ, въ іюнѣ 1854 г. онъ перешелъ и въ Казань. Когда бывшій экономъ, баккалавръ Зефировъ опредѣлился во священника къ Богоявленской церкви и оставилъ должность эконома, ректоръ Агаѳангелъ немедленно рекомендовалъ іером. Филарета на его мѣсто, какъ лучшаго кандидата, извѣстнаго ему уже болѣе 10 лѣтъ, и съ 13 іюля Филаретъ сталъ экономомъ академіи (1). Новый экономъ былъ еще молодой человѣкъ, 36 лѣтъ, свѣжій, здоровый толстякъ, кое что дѣйствительно зналъ по экономической части, но конечно лишь въ мелкихъ размѣрахъ бывшаго ректорскаго служки, далеко не похожихъ на размѣры довольно обширнаго академическаго хозяйства; отъ того многое, особенно по части письменной отчетности, должны были дѣлать за него секретарь съ экономскимъ письмоводителемъ, при томъ же былъ весьма недалекъ своимъ разумомъ, порядочно избалованъ и лѣнивъ. Студенты по временамъ были очень не довольны его хозяйственной распорядительностью, больше конечно по части стола, не любили его, но, при поддержкѣ его ректоромъ, ничего не могли противъ него подѣлать. Ректоръ много заботился о томъ,

(1) Д. внутр. правл. 1854 г. № 29.

чтобы они были всѣмъ довольны и распекалъ своего эконома; но послѣдній, отлично его зная, всегда успѣвалъ чѣмъ нибудь передъ нимъ оправдаться. Главнымъ защитникомъ интересовъ студенчества по экономической части былъ инспекторъ Серафимъ, ведшій неустанную войну съ неисправностями о. Филарета. Благодаря главнымъ образомъ ему, время Агаѳангела было лучшимъ временемъ относительно содержанія студентовъ, какъ сравнительно съ недавнимъ временемъ послѣднихъ годовъ экономства Аркадія, такъ и съ послѣдующимъ. Одежда и столъ студентовъ были значительно улучшены, да и вся академія выглядывала очень прилично и нарядно. Ректоръ самъ любилъ такую нарядность во всемъ, щеголялъ ею даже предъ посторонними, своими городскими гостями; гостей этихъ онъ нарочно водилъ иногда по библіотекамъ, аудиторіямъ и студенческимъ помѣщеніямъ, при чемъ къ студентамъ была посылаема повѣстка, чтобы они на это время одѣты были въ праздничные сюртуки; но едвали бы онъ могъ поддержать эту нарядность съ помощію одного только своего эконома, безъ постояннаго и дѣятельнаго содѣйствія со стороны инспектора. По выходѣ изъ академіи о. Серафима поддерживаемый имъ порядокъ содержанія академіи и студентовъ быстро склонился къ упадку.

Въ учебной части ректорство Агаѳангела ознаменовалось очень важными перемѣнами въ составѣ академическаго курса вслѣдствіе открытія миссіонерскихъ отдѣленій, значительнымъ усиленіемъ научныхъ средствъ академіи чрезъ снабженіе ея рукописями Соловецкой библіотеки и большимъ собраніемъ раскольническихъ рукописей и старыхъ книгъ, наконецъ открытіемъ при академіи духовнаго журнала, Православнаго Собесѣдника. Всѣ эти новости требовали особенно усиленнаго и просвѣщеннаго участія въ нихъ со стороны ректора, и надобно отдать ему честь, — онъ оказался во всемъ этомъ дѣйствительно усерднымъ и не безполезнымъ дѣятелемъ, по крайней мѣрѣ умѣлъ успѣшно распорядиться трудами всѣхъ ученыхъ силъ, какими могла тогда располагать академія. Хотя самъ онъ и не былъ настоящимъ ученымъ, но по крайней мѣрѣ пытался казаться такимъ, значитъ, всетаки чувствовалъ значеніе науки и готовъ былъ такъ или иначе поощрять ученые труды своихъ сослуживцевъ. Образованіе его было довольно одностороннее, исключительно богословское и при томъ теоретическаго характера; положительныхъ знаній

онъ не имѣлъ даже и въ богословской области. При немъ ослаблено было изученіе математики и физики, которыхъ онъ не зналъ и не цѣнилъ; естественныя науки, преподававшіяся до него въ академіи, были совершенно изгнаны изъ академическаго курса; изученіе словесности считалъ онъ дѣломъ болѣе, чѣмъ второстепеннымъ, и даже прямо высказывалъ свое неуваженіе къ свѣтской литературѣ, называя ее на своемъ изысканномъ жаргонѣ „обширнѣйшей пустотой"; новые языки зналъ плохо, хотя и училъ студентовъ французскому прононсу; онъ выписывалъ для чего-то нѣмецкую газету Allgemeine Zeitung, но пользовался изъ нея только тѣмъ, что̀ ему успѣвали переводить студенты, которыхъ онъ приглашалъ иногда вечеромъ читать ее. Зато онъ горячо принялся за устройство вновь открытыхъ въ академіи миссіонерскихъ отдѣленій и особенно болѣе понятнаго для него противораскольническаго отдѣленія, въ которомъ и самъ сдѣлался главнымъ преподавателемъ. Онъ былъ усерднѣйшимъ собирателемъ всякаго рода старыхъ рукописей и старыхъ книгъ. Не довольствуясь тѣмъ, что, по распоряженію Св. Синода отъ 21 августа 1854 г., въ академію въ разное время было переслано уже огромное количество старопечатныхъ книгъ и рукописей изъ синодальнаго склада, отобранныхъ у раскольниковъ, и нѣсколько вещественныхъ памятниковъ по расколу, иконъ, лестовокъ, кукулей и др. предметовъ, а также не смотря на передачу академіи въ постоянное пользованіе библіотеки Соловецкаго монастыря и Анзерскаго скита, ректоръ въ томъ же году представилъ чрезъ преосвященнаго въ Св. Синодъ еще длинный реестръ книгъ, требовавшихся для вновь открытыхъ отдѣленій, преимущественно противораскольническаго, съ просьбой однѣ изъ нихъ выслать для академіи безплатно изъ синодальныхъ складовъ, другія пріобрѣсти на счетъ духовно-учебныхъ капиталовъ. Отъ 21 янв. и 31 окт. 1855 г. Св. Синодъ опредѣлилъ удовлетворить этому ходатайству на сумму до 4923 руб. 50 к.(1). Много книгъ пріобрѣталось для раскольническаго отдѣленія и на текущія средства библіотеки, по представленіямъ ректора правленію. Благодаря стараніямъ Агаѳангела, библіотечный отдѣлъ противораскольническихъ книгъ въ одно его ректорство разбогатѣлъ до того, что доселѣ можетъ считаться самымъ богатымъ отдѣломъ академической библіотеки. Кромѣ того, онъ пріобрѣталъ много рѣд-

(1) Д. внутр. правл. 1854 г. № 73.

кихъ книгъ и рукописей для себя лично, такъ что у него составилась очень большая собственная библіотека по расколу, изъ которой онъ охотно выдавалъ нужныя книги для студенческихъ работъ. Кабинетъ его квартиры по всѣмъ угламъ былъ заваленъ книжными пачками, въ которыхъ постоянно рылись вмѣстѣ съ нимъ по нѣскольку студентовъ, приглашавшихся помогать разборкѣ новыхъ его пріобрѣтеній для библіотеки какъ академической, такъ и его частной. У него же въ кабинетѣ происходила разборка и вновь присланной Соловецкой библіотеки.

Съ открытіемъ журнала „Православный Собесѣдникъ“ была таже исторія. Ректоръ носился съ нимъ, какъ съ новоснесеннымъ яйцемъ, ходилъ озабоченный, самъ читалъ корректуры и заказывалъ статьи преподавателямъ. Опираясь на волю преосвященнаго Григорія, писаніе статей въ Собесѣдникѣ онъ успѣлъ сдѣлать для всѣхъ преподавателей даже какой-то обязательной повинностью; назначаемо было даже количество листовъ, какое кто долженъ былъ написать каждый мѣсяцъ. Молодыхъ баккалавровъ, на которыхъ, какъ на свѣжія и болѣе послушныя силы, ректоръ налегалъ особенно усердно, онъ нарочно заставлялъ читать лекціи по печатнымъ руководствамъ, чтобы они могли имѣть болѣе времени для работы на Собесѣдникъ. Но съ другой стороны радѣніе ректора о достоинствѣ литературныхъ произведеній академическихъ писателей, при недалекой его образованности, было и не легко для авторовъ. Еще смолоду напуганный строгостію, съ какой разбирались тогда разныя литературныя произведенія въ московской академіи, онъ и въ казанскую академію привезъ съ собой самую скрупулезную, даже до крайности утрированную цензурную взыскательность относительно сохраненія въ литературныхъ работахъ извѣстнаго этикета, которая иногда совсѣмъ уродовала послѣднія. Въ такомъ испорченномъ видѣ явились въ печати напр. сочиненія кончившихъ курсъ въ 1856 г. молодыхъ баккалавровъ Рудольфова, Лилова и отчасти Добротворскаго. Сохрани Богъ, если авторъ напишетъ напр. „апостолъ Павелъ, Василій Великій, протестантская церковь, раскольническій попъ, старообрядецъ“ и т. п.. Нужно было писать: „Св. Ап. Павелъ, Св. Василій Великій, протестантское сонмище или соборище, лже-попъ, глаголемый старообрядецъ“. Сочиненіе баккалавра Лилова о дѣятельности іезуитовъ въ Россіи названо было по поправкѣ ректора: О зловредныхъ дѣйствіяхъ и проч.. Одинъ

баккалавръ Щаповъ, со всею вольною горячностью сибиряка, отстоялъ цѣлость своего сочиненія: Русскій расколъ старообрядства, и произвелъ у ректора бурное объясненіе по этому случаю даже съ поверженіемъ своихъ тетрадей на полъ къ ногамъ ректора (1). Не щадилъ ректоръ въ подобныхъ случаяхъ и заслуженныхъ уже преподавателей. Такъ, отъ него сильно доставалось всегда своеобразно выражавшемуся проф. А. И. Беневоленскому. Баккалавръ И. Я. Порфирьевъ, одинъ изъ самыхъ усердныхъ работниковъ для Собесѣдника, при изданіи молитвъ св. Кирилла Туровскаго, подвергся внушительному репримандy со стороны ректора за то, что въ предисловіи къ своему изданію написалъ нѣсколько словъ о характерѣ произведеній этого писателя; ректоръ строго внушилъ ему, что, говоря о святомъ человѣкѣ, ни подъ какимъ видомъ нельзя приписывать ему какого либо человѣческаго характера. При всѣхъ цензурныхъ строгостяхъ подобнаго рода, онъ впрочемъ никогда не спускался до того, чтобы разузнавать о направленіи преподавательской дѣятельности профессоровъ и баккалавровъ какими нибудь тайными путями, и оставался въ этомъ отношеніи неизмѣнно величественъ, какъ и въ отношеніи къ надзору за студентами.

Привычку рисоваться онъ вносилъ и въ свою ученую дѣятельность. Окруживъ себя своими книгами и рукописями, постоянно разбираясь въ нихъ вмѣстѣ со студентами, составляя имъ описи и каталоги, онъ любилъ при этомъ поговорить, какъ такія занятія его утомляютъ и какъ разстроено учеными трудами его слабое здоровье, жаловался на геморрой и болѣзнь глазъ. Призывая къ себѣ студентовъ для чтенія и для корректурныхъ и книжныхъ работъ, онъ принималъ ихъ, напр. *лежа въ постели босикомъ, или ходя по кабинету въ туфляхъ*, томнымъ голосомъ ссылался на свой геморрой и просилъ помочь ему. На глазахъ его были постоянно большія синія очки. Осенью 1856 г. онъ жаловался на свои болѣзни особенно часто и постоянно опускалъ свои лекціи. Во время всенощной на Николинъ день въ академической церкви былъ такой случай. Ради великаго праздника устроенъ былъ особенно свѣтлый полиелей; самъ ректоръ вышелъ на литію, но отъ блеска свѣчей, не смотря на свои синія очки, вдругъ почувствовалъ сильную боль въ глазахъ и распорядился зага-

(1) Аристова: А. П. Щаповъ, стр. 31. Спб. 1883.

сить передъ собой всѣ огня; вся литія, а потомъ и величаніе прошли отъ этого въ таинственномъ полумракѣ. Въ декабрѣ онъ подалъ въ консисторію прошеніе, въ которомъ изъяснялъ, что „отъ множества ученыхъ занятій“ сдѣлался боленъ глазами, и просилъ дозволенія поселиться на зиму въ деревянномъ домикѣ, имѣющемся при Ѳеодоровскомъ монастырѣ, а до отдѣлки его пока въ загородномъ архіерейскомъ домѣ, такъ какъ онъ совершенно не можетъ выносить имѣющагося въ академіи амосовскаго отопленія; при прошеніи приложено было и медицинское свидѣтельство какого-то акушера (?) Немѣшаева, въ которомъ послѣдній пространно изложилъ, какъ при амосовскомъ отопленіи выдѣляется въ воздухъ ожелѣзненный углеродъ и какъ этотъ самый углеродъ вредно дѣйствуетъ на животный организмъ, слѣдовательно можетъ подѣйствовать такимъ же вреднымъ образомъ и на организмъ больнаго глазами о. ректора. Преосвященный Аѳанасій велѣлъ удовлетворить этой просьбѣ (¹). Ректоръ выѣхалъ изъ академіи; но жить въ загородномъ архіерейскомъ домѣ вѣроятно показалось ему слишкомъ далеко, поэтому онъ бывалъ тамъ только наѣздомъ, проводя большую часть времени въ академіи, а послѣ святокъ и совсѣмъ въ ней остался.

Болѣзненность ректора имѣла однако полезное вліяніе на жизнь студентовъ. Онъ постоянно внушалъ имъ, чтобы они берегли себя, указывая имъ на свой примѣръ, и самъ старался содѣйствовать сохраненію ихъ здоровья. Вотъ напр. одно его распоряженіе въ этомъ родѣ, записанное имъ въ журналѣ дежурныхъ старшихъ 15 марта 1855 г., между прочимъ характеризующее манеру и пространное краснорѣчіе его наставленій. „Удивляюсь, что студенты дозволяютъ себѣ прогулки и отлучки изъ корпуса, не заботясь о предохраненіи себя отъ сырости и холода, какъ будто имъ не извѣстны самыя первыя и простыя правила гигіены! Когда кто ходитъ по снѣгу (особенно по мокрому) и водѣ, не защищая себя надлежащею одеждою и обувью, или выходитъ на холодъ, напившись чаю и вспотѣвши, или занимается близъ отворенной форточки. то само собою понятно, что у него должна появиться лихорадка, боль въ горлѣ, кашель, засореніе желудка и т. п.. Это знаютъ даже 10-лѣтніе крестьянскіе мальчики, обучающіеся въ сель-

(¹) Д. внутр. правл. 1856 г. № 46.

скихъ школахъ. Посему строго предписывается всѣмъ студентамъ заботиться о сохраненіи своего здоровья и не подвергаться вліяніямъ, пораждающимъ болѣзни. Нарушители сего, наказываемые отъ Бога болѣзнями, подвергнутся сверхъ того заслуженному ими невыгодному мнѣнію начальства и даже взысканію. Въ академіи есть всѣ удобства къ сохраненію здоровья; нужно только собственное благоразуміе и внимательность. Объявить это всѣмъ студентамъ, и здоровымъ и больнымъ. Старшимъ вмѣняется въ непремѣнную обязанность наблюдать надъ правильнымъ открытіемъ форточекъ въ комнатахъ и корридорѣ". Тогда же студентамъ было запрещено выходить изъ академіи въ дурную погоду; но въ другое время, и зимой и лѣтомъ, послѣ обѣда до 4 часовъ, для нихъ заведены были почти обязательныя прогулки по академическому двору и саду. По зимамъ ректоръ Агаѳангелъ приказывалъ устраивать на академическомъ дворѣ гору для катанья. Лѣтомъ 1855 г. онъ заставлялъ нѣкоторыхъ студентовъ, изучавшихъ естественныя науки, устраивать клумбы и сажать цвѣты въ маломъ академическомъ саду (предъ корпусомъ), раздѣливъ его между ними на участки. Въ большомъ саду, который при немъ продолжалъ разсаживаться, онъ вмѣстѣ съ студентами занимался разсадкой деревъ по группамъ и, чтобы больше заинтересовать молодыхъ людей, составилъ особый фантастическій планъ этого сада, называя разные его участки географическими именами, одинъ Финляндіей, другой Сибирью, третій Кавказомъ и т. д. На юговосточной площадкѣ сада были устроены кегли; студентамъ понравилась эта игра и многіе упражнялись въ ней каждый день; въ ней подъ часъ снисходительно принималъ участіе и самъ ректоръ

Въ прежнее время многіе ретивые къ занятіямъ студенты доходили отъ усиленныхъ занятій до сильнаго разстройства здоровья. Ректоръ Агаѳангелъ возсталъ противъ такого переутомленія молодыхъ людей; при встрѣчѣ съ студентомъ онъ прежде всего обращалъ вниманіе на то, не боленъ ли тотъ, почему имѣетъ не свѣжій цвѣтъ лица и проч., и постоянно внушалъ не налегать на занятія свыше силъ. Въ устраненіе ночныхъ занятій студентовъ онъ настойчиво приказалъ, чтобы въ 10 часовъ вечера огонь обязательно былъ потушенъ во всѣхъ занятныхъ комнатахъ и чтобы студенты всѣ лежали на своихъ койкахъ. Для семестровыхъ сочиненій студентовъ назначена была нормальная мѣра, maximum 2 письменныхъ.

листа, и было строго наказано, чтобы эти сочиненія подавались непремѣнно въ срокъ, хотя бы даже не полныя, въ противномъ же случаѣ сожигались безъ рецензіи. Курсовыя сочиненія задавались задолго раньше, чѣмъ это было принято прежде; темы ихъ намѣчали даже еще въ младшемъ курсѣ, при писаніи семестровыхъ сочиненій, изъ темъ, данныхъ для послѣднихъ. Длинные Парѳеніевскіе экзамены отошли въ область преданій; при ректорѣ Агаѳангелѣ экзамены производились быстро, всего часа по два въ сутки, по разнымъ предметамъ въ нѣсколько рукъ, и всѣ продолжались около недѣли или немного больше. Чтобы не слишкомъ утомлять студентовъ приготовленіемъ къ нимъ, ректоръ благодушно попускалъ молодымъ людямъ даже обманывать его разными водившимися тогда хитростями съ устройствомъ экзаменскихъ билетовъ и съ подтасовкой ихъ при раскладываніи на экзаменаторскомъ столѣ, показывая видъ, что ничего не замѣчаетъ. Приготовленіе къ экзаменамъ отъ этого чрезвычайно упростилось и состояло болѣе въ подготовкѣ билетовъ, чѣмъ самыхъ отвѣтовъ. Оцѣнка студенческихъ успѣховъ производилась преимущественно по репетиціямъ, а болѣе всего по сочиненіямъ. На экзаменахъ ихъ не по всѣмъ предметамъ и спрашивали; каждый экзаменующійся отвѣчалъ обыкновенно только разъ въ день, хотя бы экзаменъ назначался въ этотъ день даже по 3—4-мъ предметамъ.

Отношенія ректора къ студентамъ не отличались ровностью и безпристрастіемъ. Съ одними онъ былъ слишкомъ высокоторжественъ и взыскателенъ, бранилъ ихъ дьячками и семинаристами; другимъ, особенно отличавшимся нѣкоторой выдержкой и внѣшней порядочностью, даже просто красивой наружностью, слишкомъ уже многое спускалъ; отъ этого при окончаніи курса на собраніяхъ конференціи возникали длинные споры противъ его несправедливой оцѣнки разныхъ студентовъ; но онъ всегда упрямо отстаивалъ свое мнѣніе и прибѣгалъ для поддержки его даже къ своей ректорской власти. Одинъ такой чистенькій, исправный, но мало талантливый студентъ въ 1856 г. былъ оставленъ даже баккалавромъ и при томъ даже безъ штатной вакансіи, на которую требовалось бы его опредѣлить. Къ какимъ нибудь грязнымъ и грубымъ порокамъ въ студенчествѣ онъ былъ безпощаденъ и не извинялъ ихъ, не смотря на всю талантливость попадавшихся въ нихъ студентовъ и на ходатайства профессоровъ.

Въ 1856 г. весной за неосторожную выпивку во время одной рекреаціи былъ исключенъ отличнѣйшій студентъ, знатокъ татарскаго и арабскаго языковъ П. А. Турминскій, не смотря на крѣпкое ходатайство за него Н. И. Ильминскаго, какъ за блестящую надежду противомухаммеданскаго миссіонерскаго отдѣленія. Послѣ этотъ студентъ служилъ по министерству иностранныхъ дѣлъ и между прочимъ былъ секретаремъ при плѣнномъ Шамилѣ. Въ дѣла инспекціи ректоръ впрочемъ мало вступался, вполнѣ предоставляя по этой части вѣдаться со студентами одному инспектору. Въ студенческія помѣщенія онъ являлся лично всего раза два-три въ годъ, и то предварительно извѣстивши о своемъ посѣщеніи. Дѣятельность его по этой части была, пожалуй, и не нужна, могла даже мѣшать дѣлу тогдашней инспекціи. Послѣдняя при немъ была устроена такъ, какъ ни разу еще не была устраиваема прежде, по крайней мѣрѣ по 1855 г., пока инспекторомъ былъ архим. Серафимъ Протопоповъ.

О. Паисій Пылаевъ при Агаѳангелѣ оставался въ академіи менѣе 3-хъ мѣсяцевъ; 6 марта 1854 г. пріѣхалъ ректоръ, а въ концѣ мая выѣхалъ изъ академіи о. Паисій, будучи назначенъ отъ 4 мая на должность ректора тобольской семинаріи и настоятеля тобольскаго Знаменскаго монастыря. Должность эту онъ занималъ цѣлыхъ 10 лѣтъ безъ дальнѣйшаго движенія по службѣ, пока 3 іюля 1864 г. не былъ совсѣмъ уволенъ отъ духовно-училищной службы съ переводомъ въ настоятели Любарскаго монастыря волынской епархіи; въ волынской епархіи онъ и скончался.

Мѣсто его въ академіи сейчасъ же послѣ его отъѣзда занялъ архим. *Серафимъ* (утвержденъ въ должности Св. Синодомъ 27 іюля). По оставленіи въ 1850 г. должности помощника инспектора о. Серафимъ, какъ самый дѣловитый человѣкъ изъ монашествующихъ профессоровъ, проходилъ разныя должности при академіи: былъ библіотекаремъ (съ сент. 1847 г.), членомъ цензурнаго комитета, членомъ внѣшняго правленія (съ іюня 1851 г.), потомъ внутренняго (съ конца мая 1853 г.), два раза былъ посылаемъ на ревизіи семинарій, въ послѣднее время около двухъ недѣль исправлялъ должность инспектора,—съ отъѣзда ректора Парѳенія до пріѣзда ректора Агаѳангела, когда инспекторъ Паисій исправлялъ ректорскую должность. Онъ былъ уже человѣкъ сановный, архимандритъ

(съ іюня 1852 г.), достаточно послужившій профессоръ, и успѣлъ пріобрѣсти среди академической корпораціи солидный авторитетъ. Помощникомъ его остался тотъ же іеромонахъ Веніаминъ. Время этого инспекторства было временемъ настоящаго апогея прежней строгой дисциплины въ жизни студентовъ, дальше котораго она уже не могла, кажется, идти, временемъ не только торжества и процвѣтанія прежнихъ Григоріевскихъ традицій, но и дальнѣйшаго ихъ усовершенствованія.

Внѣшніе пріемы инспекторской практики оставались тѣ же, что и прежде; но архим. Серафимъ внесъ въ нее и нѣчто новое, выступавшее изъ границъ ея обыкновеннаго дисциплинарнаго формализма. Просыпаясь ночью, студентъ видѣлъ изъ-подъ своего одѣяла, какъ инспекторъ неслышною тѣнью скользилъ мимо студенческихъ коекъ съ своимъ потайнымъ фонаремъ, но видѣлъ затѣмъ также и то, какъ выходя изъ дортуара, онъ оборачивался назадъ и благословлялъ спящихъ. Это былъ уже не формализмъ, а нѣчто болѣе теплое и симпатичное. Какъ человѣкъ многосторонняго ума и чуткій къ требованіямъ жизни, онъ не могъ не замѣтить въ старой школьной дисциплинѣ самой слабой ея черты, разрушавшей всю ея силу, подрывавшей нравственную силу и самого начальства,—того, что превращая представителей инспекціи только въ непріятныхъ ловцовъ студентовъ, а студентовъ заставляя изощрять всѣ силы только на то, чтобы спрятаться отъ этихъ ловцовъ, она въ своемъ практическомъ приложеніи производила глубокій и вредный разладъ между обѣми сторонами. Не дѣлая никакой уступки въ обычныхъ требованіяхъ этой дисциплины и пользуясь всѣми ея прежними пріемами, онъ постарался сообщить имъ въ глазахъ студентовъ по крайней мѣрѣ нѣкоторую разумность и практическое, жизненное значеніе, подложить подъ нихъ новую подкладку общечеловѣческихъ разумныхъ резоновъ. Средствомъ для этого служили ему личныя бесѣды со студентами, въ которыхъ, со всею неотразимостью своего сильнаго ума, онъ доказывалъ имъ необходимость и практическое значеніе того, чего отъ нихъ требовалъ; на такія бесѣды не былъ способенъ ни одинъ изъ прежнихъ инспекторовъ, опиравшихся только на принципъ послушанія и на свою собственную власть. Разладъ, который успѣлъ образоваться между начальствомъ и воспитанниками, онъ старался ослабить, принимая живое участіе въ студенческихъ нуждахъ и пытаясь вызвать

съ ихъ стороны сыновнее довѣріе къ своей доброжелательности. Встрѣчая новыхъ студентовъ VII курса (въ августѣ 1854 г.) и давая имъ предварительныя наставленія, на ряду съ разными дисциплинарными и формальными требованіями— не пить водки, не курить табаку и исполнять правила внѣшняго студенческаго благоповеденія, онъ, кромѣ того, просилъ ихъ обращаться къ нему съ полнымъ довѣріемъ во всѣхъ недоумѣніяхъ. Это довѣріе всегда искупало въ его глазахъ многое въ поведеніи студента. Въ своихъ аттестаціяхъ студентовъ, надобно впрочемъ сказать, очень не щедрыхъ на похвалы, онъ чаще всего отличалъ студентовъ, показывавшихъ покорность, скромность, благородное чистосердечіе, искренность и т. п. черты. Насколько можно судить по этимъ аттестаціямъ и по многимъ его замѣткамъ на журналахъ, при опредѣленіи отношеній между инспекціей и студентами ему предносился своего рода семейный идеалъ отношеній между умнымъ отцомъ-педагогомъ и дисциплинированной, преданной ему и вполнѣ довѣрчивой къ его благожелательности семьей. Съ такими довѣрчивыми студентами онъ былъ ласковъ, отчасти даже и самъ довѣрчивъ и приближалъ ихъ къ себѣ домашнимъ образомъ; но зато неумолимо преслѣдовалъ своимъ надзоромъ и нотаціями студентовъ скрытныхъ, имѣвшихъ поползновеніе принадуть инспекцію и впадавшихъ въ грубые проступки. Такіе студенты не любили его, звали „пилой“, и онъ дѣйствительно пилилъ ихъ. Но и это пиленье было особеннаго рода. Инспекторъ не раздражалъ имъ студетна, не оскорблялъ его лично и ни однимъ словомъ не давалъ ему повода пожаловаться на несправедливость и обиду; во время самыхъ длинныхъ объясненій, въ теченіе которыхъ студентъ не зналъ, куда дѣваться отъ смущенія, о. Серафимъ былъ постоянно ровенъ и деликатенъ, казнилъ провинившагося, такъ сказать, психологическою казнью, мѣткимъ анализомъ проступка и выставленіемъ настоящей сущности вины предъ здравымъ разсудкомъ и совѣстью пилимаго грѣшника; слушая неотразимую рѣчь и вынося на себѣ проницательный взглядъ инспектора, студентъ чувствовалъ, что его видятъ и пробираютъ насквозь. Силой своего рѣдкаго аналитическаго ума и проницательности инспекторъ Серафимъ имѣлъ вообще громадное вліяніе на студентовъ и сильную власть надъ ними, несравненно болѣе, чѣмъ самъ ректоръ. Онъ и самъ сознавалъ это и напримѣръ въ своихъ замѣткахъ на журналѣ, какъ имѣющій власть, пи-

салъ: „Желаю, чтобы впредь не было того-то“; или: „Такимъ-то студентамъ объявляю свое неудовольствіе“. Напиши такъ даже самъ ректоръ Агаѳангелъ, молодежь про себя навѣрное подняла бы это: „желаю, не желаю, объявляю неудовольствіе“, на зубокъ. Надъ о. Серафимомъ не смѣялись; его мнѣніемъ дорожили; а это важное и рѣдкое явленіе въ кругу веселой молодежи.

Кромѣ его сильнаго ума, такой авторитетной постановкѣ его въ глазахъ студентовъ весьма много способствовало и то, что изъ всѣхъ монашествующихъ, да и свѣтскихъ лицъ въ академіи того времени онъ, кажется, одинъ только не имѣлъ ни одной изъ тѣхъ маленькихъ странностей, которыя всегда особенно увеселительно дѣйствуютъ на молодежь. Вся его манера держаться отличалась безукоризненной благовоспитанностью и строгимъ вниманіемъ къ себѣ, не допускала и возможности со стороны студента не только какой нибудь грубой выходки или дерзкаго отвѣта, но даже легкой вольности предъ его лицемъ, и сдерживала передъ нимъ въ границахъ приличія самыхъ невоздѣланныхъ людей. Своей полной порядочностію онъ дѣйствовалъ и на упорядоченность самихъ студентовъ. Кромѣ того, онъ руководилъ ихъ въ этомъ направленіи и прямыми внушеніями. Разговаривая со студентомъ, онъ напр. вдругъ со всей своей деликатностью начиналъ снимать съ его сюртука разныя пушинки, или обращался къ нему съ вопросомъ, есть ли у него гребенка причесать волосы, и предупредительно предлагалъ свою; обходя въ столовой студенческіе столы и замѣтивъ у кого нибудь пыль или известку на спинѣ, вынималъ платокъ и начиналъ смахивать эту нечистоту. Въ собраніяхъ студентовъ, чаще всего послѣ вечерней молитвы, онъ вступалъ въ продолжительныя объясненія о томъ, какъ много вредитъ духовнымъ воспитанникамъ ихъ небрежное отношеніе къ внѣшности, и читалъ цѣлыя лекціи о житейскомъ обращеніи и правилахъ, какъ держаться въ обществѣ, дѣйствовавшія несравненно сильнѣе, чѣмъ подобныя же, но часто странныя и забавныя наставленія великолѣпнаго ректора Агаѳангела, хотя, какъ мы уже замѣтили, и ректоръ имѣлъ тоже не малую долю участія въ этой отрасли воспитанія студентовъ. Замѣчательно, что въ теченіе своего непродолжительнаго инспекторства архим. Серафимъ успѣлъ наложить на студентовъ своего времени какой-то даже общій отпечатокъ порядочности, которымъ

они замѣтно отличались отъ другихъ студентовъ, учившихся раньше и позже ихъ, даже въ тоже ректорство Агаѳангела; особенно замѣтенъ былъ этотъ отпечатокъ на студентахъ VII курса, которые учились при немъ въ младшемъ отдѣленіи, болѣе податливомъ для педагогическихъ вліяній.

Нельзя не привести здѣсь отзыва объ архим. Серафимѣ одного изъ студентовъ этого курса, Н. Я. Аристова, вообще не отличавшагося милостивыми отзывами о начальникахъ старой академіи: „Человѣкъ строгій, говоритъ онъ объ о. Серафимѣ, но дѣльный и хорошо образованный. Хотя мы и звали его пилой за придирчивость и мелочные нападки, но уважали его за то, что онъ старался приготовить всегда отличный столъ, бѣлье и платье студентамъ. Тутъ дѣйствительно онъ пилилъ экономa ежедневно и безъ всякаго милосердія, не смотря на то, что экономъ состоялъ подъ покровительствомъ ректора“. Еще далѣе: „Могу засвидѣтельствовать, что студенты обязаны ему благодарностію за его руководство практическаго общежитія: онъ нерѣдко послѣ вечерней молитвы сообщалъ студентамъ самыя дѣльныя правила житейскаго обращенія, поведенія въ чужомъ домѣ“ и пр. (1). Въ этомъ отзывѣ обращаетъ на себя невольное вниманіе наивное указаніе на главное обстоятельство, которое возбудило въ авторѣ уваженіе къ инспектору,—наблюденіе за качествомъ студенческаго содержанія. Въ общежитіяхъ учебныхъ заведеній это дѣйствительно впрочемъ составляетъ довольно серьезный стимулъ привязанности воспитанниковъ къ своимъ приставникамъ и къ самому мѣсту воспитанія. Умный инспекторъ хорошо это понималъ. Онъ дѣйствительно любилъ, что называется, прикормить студентовъ. Ради своихъ именинъ (онъ праздновалъ ихъ на другой день академическаго праздника 8 ноября въ честь безплотныхъ силъ) онъ задавалъ студентамъ на свой счетъ богатый обѣдъ, лучше казеннаго. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ прикармливаніе это носило характеръ какихъ-то отеческихъ отношеній инспектора къ студентамъ, какъ къ дѣтямъ. Въ Рождество 1854 г. онъ послалъ имъ 10 руб. на гостинцы; на нихъ, по его распоряженію, купили орѣховъ, карамелекъ, урюку и изюму, и студенты цѣлый день угощались этими лакомствами по своимъ комнатамъ. Нѣкоторые студенты, болѣе близкіе къ инспектору и къ монашествующимъ лицамъ, а

(1) Аристова: А. П. Щаповъ, стр. 17. Спб. 1883.

такъ же старшіе студенческихъ комнатъ по праздникамъ приглашались къ инспектору и его помощнику въ гости, гдѣ ихъ тоже угощали лакомствами, чаемъ съ булочками, вареньемъ или морсомъ, урюкомъ, пастилой и т. д. Подобныя же угощенія дѣлались инспекторомъ за разныя услуги, которыя оказывали ему студенты, напр. за то, что одно время составляли ему каталогъ для его довольно обширной библіотеки, заключавшей въ себѣ свыше 250 №№. Онъ былъ предупредителенъ и ласковъ съ такими гостями и производилъ на нихъ самое пріятное впечатлѣніе. Многіе студенты, ближе подходившіе къ его требованіямъ, питали къ нему не только одно уваженіе, но и любовь, и жалѣли, когда онъ былъ переведенъ изъ академіи на другой, высшій постъ служенія. Конечно, многіе были и недовольны его инспекторской системой: одни тяготились господствовавшей при немъ строгой дисциплиной, отъ требованій которой, при его проницательности, положительно не возможно было уклониться даже для небольшаго отдыха отъ постоянной бдительности за каждымъ своимъ шагомъ; другимъ не нравилось то полуребяческое положеніе, въ какое ихъ ставила инспекція своими отеческими пріемами и т. д. Но личное обаяніе сильнаго умомъ и характеромъ человѣка такъ было велико, что самое это недовольство держалось при немъ пока въ формѣ однихъ только темныхъ впечатлѣній и ощущеній и въ болѣе ясныхъ чертахъ стало формулироваться уже послѣ его удаленія изъ академіи, когда въ ней пошли другіе порядки и время его инспекторства стало отходить понемногу въ область преданій.

Изъ академіи опредѣленіемъ 22 сент. 1855 г. архим. Серафимъ былъ перемѣщенъ на должность ректора и профессора богословскихъ предметовъ въ симбирскую духов. семинарію. Въ началѣ октября онъ оставилъ академію. Проводы его были торжественно-трогательные. Студенты всѣ собрались въ церковь для слушанія его прощальной рѣчи, послѣ которой всѣ прощались съ нимъ взаимными земными поклонами; отъѣзжавшій начальникъ пригласилъ студентовъ, кто пожелаетъ, гостить къ нему на вакатъ, чѣмъ нѣкоторые послѣ и воспользовались. Всѣ провожали его на крыльцо, а нѣкоторые доходили до воротъ, чтобы принять его послѣднее благословеніе. Въ Симбирскѣ онъ пробылъ всего годъ и былъ перемѣщенъ въ ректоры тверской семинаріи. Здѣсь пробылъ онъ до 1866 г.; 6-го апрѣля этого года онъ былъ рукоположенъ въ епископа

старорусскаго, викарія новгородскаго. 4 апр. 1869 г. опредѣленъ самостоятельнымъ епископомъ въ Смоленскъ на мѣсто скончавшагося въ этомъ году извѣстнаго епископа Іоанна Смоленскаго. Отъ 2 октября 1874 и до 1877 г. занималъ постъ епископа рижскаго и митавскаго; наконецъ въ 1877 г. переведенъ на самарскую каѳедру, на которой и скончался 11 янв. 1891 г. (1).

Проводя его изъ академіи, помощникъ инспектора о. Веніаминъ обѣщался неуклонно держаться его системы инспекціи и поддерживать ее во всѣхъ подробностяхъ; тоже намѣреніе изъявлялъ и ректоръ Агаѳангелъ; но безъ твердой руки о. Серафима *это оказалось имъ не подъ силу, тѣмъ болѣе*, что съ 1855 г., *съ началомъ новаго царствованія, настали* ужъ другія времена, времена всяческихъ освобожденій и развитія болѣе свободолюбиваго духа въ обществѣ, не замедлившаго отозваться и на всѣхъ учебныхъ заведеніяхъ, проявляясь здѣсь прежде всего разными послабленіями старой школьной дисциплины. Дошелъ этотъ духъ понемногу и до казанской академіи, и не ректору Агаѳангелу можно было удержать неудержимое теченіе новой жизни, тѣмъ болѣе, что главный приставникъ инспекціи, преемникъ Серафима, былъ самъ противъ той системы, которую въ академіи порѣшили было поддерживать. Это былъ извѣстный въ свое время архим. *Ѳеодоръ Бухаревъ*, назначенный въ инспекторы указомъ Св. Синода отъ 22 сентября.

Архим. *Ѳеодоръ* (въ мірѣ Александръ Матвѣевичъ Бухаревъ) былъ по происхожденію тверякъ, сынъ діакона Тверской епархіи, родился въ 1822 г., обучался въ тверской семинаріи и въ московской академіи. Предъ окончаніемъ курса ректоръ Евсевій, какъ самаго благочестиваго студента, уговорилъ его принять монашеское постриженіе, и 8 іюня 1846 г. онъ былъ постриженъ. По окончаніи курса онъ былъ оставленъ при своей академіи баккалавромъ библейской исторіи и греческаго языка, потомъ въ 1847 г. переведенъ на св. Писаніе. На талантливаго и религіознаго молодаго инока обратилъ свое благосклонное вниманіе митр. Филаретъ и сдѣлался его руководителемъ. Эти добрыя отношенія между ними продолжались нѣсколько лѣтъ, и во все это время служебная карьера о. Ѳеодора подвигалась впередъ довольно успѣшно. Въ 1852 г. онъ былъ сдѣланъ экстраординарнымъ профессоромъ, потомъ

(1) См. некрологи въ Самарской Газетѣ 1891 г. № 10.

въ 1853 г. помощникомъ инспектора и архимандритомъ. Лекціи по св. Писанію, которыя о. Ѳеодоръ читалъ въ академіи нѣсколько курсовъ, отличались необыкновенною увлекательностью по глубинѣ и оригинальности своего содержанія Доволенъ ими былъ и митрополитъ; но потомъ о. Ѳеодоръ сталъ выбиваться изъ-подъ ферулы строго-консервативнаго святителя, пустился въ своеобразныя религіозныя толкованія тогдашнихъ политическихъ событій и состоянія міра (это было въ началѣ восточной войны) по Апокалипсису св. І. Богослова и сдѣлался для своего высокаго покровителя предметомъ безпокойства. Богословская наука и церковная проповѣдь привыкла до тѣхъ поръ вращаться только въ отвлеченныхъ сферахъ, не спускаясь съ нихъ до обсужденія съ христіанской точки зрѣнія текущей земной дѣйствительности, тѣмъ болѣе, что это было тогда и не безопасно. Духовная публицистика была положительно не возможна. Не мудрено, что первыя попытки ея со стороны даже такого невиннаго христіанскаго учителя-идеалиста, какимъ былъ о. Ѳеодоръ, показались тогда неумѣстными. Въ своихъ воспоминаніяхъ покойный Гиляровъ-Платоновъ, описывая его какимъ-то полусумасшедшимъ эксцентрикомъ и мистикомъ, разсказываетъ объ немъ, что съ Апокалипсисомъ и исторіей Лоренца въ рукахъ онъ сталъ толковать судьбы міра, библейски оцѣнивая Наполеона III, лорда Пальмерстона и лорда Непира, такъ какъ, кромѣ Лоренца, другихъ историковъ не читалъ, а новѣйшихъ языковъ не зналъ, да и въ древнихъ былъ слабъ, что митрополитъ увѣщавалъ его смирить гордость самомнѣнія, при томъ неосновательнаго, но потомъ постарался сбыть его отъ себя съ повышеніемъ въ казанскую академію, гдѣ на свободѣ онъ развернулся въ своемъ направленіи еще болѣе (1). Въ разсказѣ этомъ вѣроятно есть доля правды; самъ о. Ѳеодоръ вспоминалъ о митрополитѣ съ горечью и укоромъ за то, что по его милости попалъ въ Казань. Но отзывъ приведеннаго автора объ этомъ замѣчательномъ русскомъ богословѣ всетаки далеко не справедливъ. О. Ѳеодоръ вовсе не былъ такъ необразованъ, какъ онъ здѣсь представляется; это былъ лучшій въ свое время воспитанникъ, нѣкотораго рода феноменъ въ своей тверской семинаріи (2) и лучшій студентъ въ-

(1) «Изъ пережитаго» стр. 290—291, томъ II. Москва. 1886

(2) Объ ученьи его въ тверской семинаріи см. въ статьѣ Г. А. «Благіе дѣятели». Прав. Обозр. 1890 г. январь.

московской академіи, учившійся очень много, какъ это можно видѣть и изъ его сочиненій. О профессорской службѣ его въ московской академіи самъ митрополитъ Филаретъ выразился при переводѣ его въ Казань: „Онъ былъ полезный человѣкъ; желаю, чтобы былъ полезенъ и тамъ“ (1).

Студенты съ самаго его пріѣзда отъ души полюбили его, потому что онъ и самъ весь дышалъ любовью. Это былъ маленькаго роста, очень худой, изможденный, почти безкровный монахъ съ крупно развитымъ черепомъ, постоянно улыбающимся, милымъ лицомъ и какимъ-то мечтательнымъ взглядомъ большихъ ясныхъ глазъ; нѣчто похожее на выраженіе этого лица и взгляда можно видѣть въ лицѣ главной фигуры на извѣстной картинѣ Васнецова: Человѣкъ Божій. Онъ весь жилъ возвышенною, все обнимающею идеею Единороднаго Сына Божія, Который есть жизнь всего міра, Агнца, принявшаго въ существо Своего Я все человѣческое и все освятившаго и искупившаго кровью Своего заколенія. Каждый человѣкъ и все человѣчество, по его убѣжденію, собственность Христа, каждое дѣйствіе наше должно совершаться во Христѣ и по образу Христа, какъ бы оно ни было маловажно, совершаться, какъ дѣло Божіе, богослуженіе, участіе въ единой искупительной тайнѣ Единороднаго, заколеннаго Агнца; дѣло дурное или только совершенное не по Христѣ—это отдѣленіе отъ Него—единаго источника жизни, омертвеніе, и всѣ мы должны принимать это омертвеніе, кѣмъ бы оно ни было допущено, какъ свое собственное, потому что мы всѣ уды одного тѣла, слѣдовательно и жизнь и омертвеніе у насъ общія, страдать за него во Христѣ. сраспинаться Христу и за себя и за другихъ одинаково. Онъ говорилъ всегда съ величайшимъ одушевленіемъ, горячо, нервно, съ неровными интонаціями голоса, доходившаго то до шопота, то до выкрикиванія, и поминутно срывавшагося отъ слабости дыхательныхъ органовъ, при чемъ то останавливался отъ недостатка словъ для выраженія своей высокой и трогательной идеи, или какъ бы въ услажденіи ея созерцаніемъ, слегка похлопывая кистями рукъ одна о другую, то вдругъ начиналъ быстро-быстро выбрасывать и развивать одну мысль за другой въ порывистыхъ выраженіяхъ, хватая собесѣдника за руку выше локтя или держась за пуговицу на его груди и нервно теребя ее, какъ будто въ гнѣвѣ или

(1) С. Смирнова Ист. моск. акад. стр. 463. М. 1879.

въ сильномъ испугѣ. Сильная научная діалектика постоянно перемѣшивалась у него съ самыми простодушными завѣреніями лично убѣжденнаго человѣка: „Ужъ вы повѣрьте, батенька мой, что Онъ есть любовь! Ужъ, батенька мой, это такъ; ужъ не сомнѣвайтесь, батенька мой! Онъ потому и Троиченъ, что есть любовь“... И трудно сказать, что́ болѣе дѣйствовало на слушателя, его научная діалектика или эти искреннія, простодушныя завѣренія. Во время своихъ разговоровъ, наставленій, лекцій, онъ совершенно забывалъ и время, и свои силы, и говорилъ до изнеможенія, стараясь влить въ душу собесѣдника всю свою мысль и всю свою любовь къ Единородному. Встрѣтивъ возраженіе или просто замѣтивъ разсѣянный взглядъ студента, показывающій, что тотъ не вникъ въ его мысль, онъ призывалъ такого студента къ себѣ и цѣлые часы, ходя съ нимъ по своей комнатѣ подъ руку, теребя его изо всѣхъ силъ, все внушалъ и внушалъ ему, съ любовію и душевнымъ страданіемъ, пока не встрѣчалъ въ немъ наконецъ дѣйствительнаго или наружнаго согласія съ собой. Таковъ онъ былъ и въ аудиторіи, и у себя дома, и въ гостяхъ у разныхъ городскихъ его почитателей. Въ нѣкоторыхъ домахъ завелись даже особые „вечера съ о. Ѳеодоромъ“, на которые нарочно собирались его почитатели и особенно почитательницы, сажали его на диванъ и располагались всѣ кругомъ него, и онъ читалъ имъ Евангеліе съ толкованіемъ или просто говорилъ что нибудь назидательное, говорилъ далеко за полночь, такъ что нѣкоторые слушатели и слушательницы не выдерживали и удалялись спать, а онъ и не замѣчалъ этого и все говорилъ и говорилъ. Конечно, большинство вовсе его не понимало. Случалось, что среди самыхъ возвышенныхъ и одушевленныхъ рѣчей о таинствѣ Агнца, заколеннаго за міръ, когда ораторъ весь былъ одушевленіе и созерцаніе, вдругъ иная великосвѣтская слушательница, умѣвшая только говорить и вовсе неспособная слушать, озадачивала его какимъ нибудь вопросомъ, обрисовывающимъ всю глубину ея религіозной и душевной пустоты, въ родѣ напр.: „Почему же Маріи Магдалинѣ явились два ангела, а не одинъ?“ или: „Что значитъ число пойманныхъ въ Евангельскомъ разсказѣ рыбъ 153?“ и послѣ этого, оставшись чрезвычайно довольна своимъ вмѣшательствомъ въ умныя рѣчи, уже вовсе не заботилась о самомъ отвѣтѣ на вопросъ. Когда онъ служилъ въ церкви, богослуженіе грозило затянуться даль-

ше предѣловъ всякаго студенческаго терпѣнія. Въ это время онъ весь былъ религіозный энтузіазмъ, способенъ, кажется, при первыхъ же словахъ возглашенія имени Отца и Сына и Святаго Духа погрузиться въ свои умилительныя и молитвенныя размышленія о тайнѣ св. Троицы до тѣхъ поръ, пока его не натолкнутъ на продолженіе возгласа со стороны. Однажды онъ вздумалъ одинъ служить въ академической церкви всенощную, заперся въ ней, всталъ предъ престоломъ и простоялъ тутъ въ молитвенномъ умиленіи такъ долго, что уже никто изъ студентовъ не могъ видѣть, когда онъ удалился въ свою келью.

Такова была эта личность, которой привелось управлять цѣлой толпой молодыхъ людей, поддерживать между ними школьную дисциплину со всѣми подробностями ея правилъ, требовавшую мелкой, чисто практической работы и практической проницательности, быть преемникомъ о. Серафима— этого инспектора изъ инспекторовъ. Онъ пріѣхалъ еще за годъ до окончанія инспекторства о. Серафима 5 октября 1854 г., будучи назначенъ (отъ 31 авг.) въ казанскую академію только профессоромъ догматическаго богословія на мѣсто ректора Агаѳангела, избравшаго себѣ для преподаванія предметы противораскольническаго миссіонерскаго отдѣленія, такъ что имѣлъ достаточно времени освоиться съ мѣстомъ новаго своего служенія и заранѣе пріобрѣсти авторитетъ между студентами своей профессорской дѣятельностью. Профессорскій авторитетъ онъ дѣйствительно пріобрѣлъ, близко познакомился и съ дѣлами академіи, будучи сдѣланъ сейчасъ же по пріѣздѣ членомъ внутренняго и внѣшняго правленія и конференціи; но школьному инспекторству своего предшественника такъ и не научился.

Съ самаго своего пріѣзда онъ сталъ въ совершенно отрицательное отношеніе къ господствовавшему въ академіи строю жизни и, какъ душа вполнѣ откровенная и чистая отъ всякихъ заднихъ мыслей, началъ высказываться прямо, рѣзко и даже раздраженно; ему не нравились въ этомъ строѣ формализмъ, видимость исполненія буквы устава, фарисейство, какъ онъ называлъ это. Отрицательно онъ всталъ и къ самому инспектору Серафиму. Нельзя было, кажется, нарочно придумать контраста болѣе того, какой былъ между этими людьми, изъ которыхъ одинъ долженъ былъ сдѣлаться преемникомъ другаго. Не доволенъ былъ онъ и ректоромъ.

Съ новаго 1855 г., вскорѣ же по пріѣздѣ, тяготясь окружающей обстановкой, онъ началъ настойчиво толковать о своемъ желаніи даже вовсе оставить академическую службу. На страстную недѣлю и Пасху онъ ѣздилъ въ Раиѳскую пустынь; эта обитель такъ ему понравилась, что послѣ отставки онъ хотѣлъ избрать ее мѣстомъ постояннаго своего жительства. Въ маѣ, когда правленіе разослало по наставникамъ академіи обычный ежегодный запросъ о томъ, намѣрены ли они продолжать въ будущемъ году свою службу, онъ написалъ въ отвѣтъ: „По разстройству здоровья нахожу неудобнымъ проходить службу въ будущемъ году". 30 мая собралось по этому случаю правленіе и рѣшило оставить его при академіи, такъ какъ правленіе „находитъ его службу полезною для академіи и готово съ своей стороны содѣйствовать поправленію его здоровья, напр. исходатайствованіемъ ему временнаго отпуска, если это окажется нужнымъ, о чемъ, предварительно донесенія высшему начальству, и дать знать ему выпискою [1]". Послѣ такого почетнаго для него опредѣленія онъ остался на службѣ, но не пересталъ тяготиться ею и глядѣть вонъ изъ академіи. 9 декабря того же года онъ опять подавалъ просьбу объ увольненіи отъ должности на покой въ Раиѳскую пустынь, но его не уволили и теперь. Преосв. Григорій написалъ на его просьбѣ: „Внушить просителю, чтобы возобновилъ просьбу, ежели найдетъ нужнымъ, по окончаніи курса[2]".

Постоянно занятый своими идеями, онъ приложилъ къ строю тогдашней академической жизни свой научный и глубоко выработанный взглядъ на ветхій завѣтъ въ сравненіи съ новымъ завѣтомъ. Вся дисциплинарная система прежней инспекціи представлялась ему въ чертахъ подзаконнаго пѣстунства, уже негоднаго и даже грѣховнаго въ новой благодати, основаннаго на одномъ внѣшнемъ мертвенномъ законѣ безъ духа, на ветхозавѣтномъ страхѣ безъ любви и свободы чадъ Божіихъ, работающемъ *точію предъ очима*. Нервный и впечатлительный человѣкъ не таилъ этихъ мыслей и предъ студентами. Поэтому они сильно надѣялись на ослабленіе при его инспекторствѣ всѣхъ господствовавшихъ доселѣ строгостей и дѣйствительно не обманулись въ этой надеждѣ. По самой натурѣ своей, а тѣмъ болѣе по своимъ понятіямъ, онъ поло-

[1] Д. внутр. правл. 1855 г. № 22.
[2] Тоже дѣло 1855 г. № 22.

жительно не могъ поставить себя начальственнымъ образомъ, какъ было принято до него у всѣхъ другихъ инспекторовъ. Смотря на свое служеніе, какъ на богослуженіе, сообразуясь по своей религіозной системѣ Единородному, онъ самъ, такъ сказать, принималъ на себя зракъ студента, старался жить студенческою жизнью, какъ членъ со студентами одного тѣла, одной маленькой церкви, смотрѣлъ на все студенческое, какъ на свое и Христово, самыя вины студента считалъ своими и страдалъ за нихъ, какъ за свои, какъ за проявленіе своей собственной мертвенности вслѣдствіе удаленія отъ Единороднаго. Со всѣми студентами онъ обращался съ одинаковой лаской и любовью, съ тѣми, за кѣмъ что нибудь замѣчалъ, даже еще лучше, чѣмъ съ благонравными. При явкѣ къ нему, какъ инспектору, перваго же студента, когда послѣдній, по старому обычаю, до оклика начальника остановился за порогомъ его залы въ передней, о. Ѳеодоръ взялъ его за руку и, втянувъ въ залу, замѣтилъ съ улыбкой: „Вотъ и видно, что чадо закона“.

На первыхъ порахъ онъ даже вовсе отказывался отъ наблюденія разныхъ формальностей внѣшней дисциплины, предоставя это подзаконное дѣло своему помощнику, дѣятельному о. Веніамину, а самъ ограничившись только чисто нравственнымъ руководительствомъ студентовъ ко Христу. Наблюденіе, всѣ ли студенты бываютъ въ классѣ и исполняютъ ли другія обязанности, за отпусками ихъ въ городъ, за явками по возвращеніи, даже нѣкоторое время пріемъ ежедневныхъ донесеній чередныхъ старшихъ—все это несъ на себѣ одинъ о. Веніаминъ, по неволѣ сдѣлавшійся теперь единственнымъ представителемъ подзаконности, а потому одинъ долженъ былъ выносить на себѣ и всѣ неудовольствія студентовъ, устремившихся въ состояніе новой благодати, разумѣется, очень охотно. Съ его стороны требовалась очень большая вѣра въ прежнюю систему инспекціи, чтобы выдерживать изъ-за нея такое непріятное положеніе, не опуская рукъ. Вскорѣ по вступленіи о. Ѳеодора въ должность, въ ноябрѣ, около академическаго праздника, одинъ студентъ попался въ нетрезвости. Помощникъ инспектора, поддерживаемый самимъ ректоромъ, настаивалъ на строгихъ мѣрахъ и требовалъ исключенія виновнаго. Инспекторъ съ своей стороны заступился за послѣдняго и настаивалъ на милости. Онъ волновался, страдалъ, жаловался студентамъ, что ничего не можетъ сдѣлать для спасенія мо-

лодаго человѣка, что онъ безсиленъ предъ о. Веніаминомъ, инспекторъ только по имени, что онъ распинается, во гробѣ полагается и проч.. Виновнаго студента, по настоянію инспектора, помиловали и оставили при академіи. Но послѣ этого какъ должны были относиться студенты къ о. Веніамину? и какъ такое раздѣленіе въ средѣ инспекціи должно было отозваться на заведенныхъ доселѣ порядкахъ академической жизни?

Въ игѣ законномъ не замедлили начаться разныя послабленія. По настоянію о. Ѳеодора, самъ ректоръ напр. дозволилъ студентамъ выходить каждый день отъ 2 до 4 часовъ послѣ обѣда безъ записи на прогулку. Потомъ все чаще и чаще стали обнаруживаться манкировки старшихъ студентовъ лекціями. Помощникъ инспектора пожалуется на это—и услышитъ отъ инспектора: „А вы уже не смотрите на это такъ строго, у нихъ вѣдь такъ много дѣла“. При такихъ отношеніяхъ инспекціи къ студентамъ дисциплинарные порядки только и держались одной своей внутренней силой, тѣмъ крѣпкимъ закаломъ, какой данъ былъ студенческой жизни въ прежнее подзаконное время. На долю помощника инспектора выпадало писать и самыя аттестаціи студентовъ въ инспекторскихъ донесеніяхъ объ ихъ поведеніи; студенты только его да еще немного ректора и остерегались. При полномъ разладѣ съ инспекторомъ во взглядахъ на инспекцію, онъ очутился въ самомъ тяжеломъ положеніи и имѣлъ терпѣніе дотянуть прохожденіе своей должности только до ваката 1856 г., потомъ подалъ прошеніе объ увольненіи отъ нея и 3 іюля былъ уволенъ. Кстати не задолго до этого 9 іюня онъ получилъ званіе экстраординарнаго профессора, послѣ чего должность помощника инспектора стала уже ниже его служебнаго положенія. Осенью того же года онъ былъ возведенъ въ санъ архимандрита и въ званіе ординарнаго профессора.

Послѣ него того же 3 іюля помощникомъ инспектора сдѣланъ былъ баккалавръ іеромонахъ *Діодоръ Ильдомскій* (до постриженія Александръ Николаевичъ). Онъ былъ родомъ рязанецъ, сынъ каѳедральнаго рязанскаго протоіерея (род. въ 1830 г.), высшее образованіе получилъ въ петербургской академіи; кончилъ курсъ въ 1855 г. въ первомъ разрядѣ, постригшись въ монахи не задолго до окончанія курса (21 апр. 1855 г.), и въ томъ же году отъ 6 ноября былъ опредѣленъ въ казанскую академію баккалавромъ по классу нравственнаго

богословія и литургики. Это былъ самый красивый, свѣтскій и щеголеватый монахъ, какого только видала казанская академія во все время своего существованія. Какъ онъ попалъ въ монахи, не извѣстно, но монахъ онъ былъ не очень усердный и вѣроятно тяготился своимъ званіемъ. Со студентами сошелся довольно близко и они могли бы держаться съ нимъ вполнѣ откровенно, еслибы не стѣснялись его нѣсколько насмѣшливаго и краснословнаго направленія. Какъ человѣкъ молодой, самъ недавно бывшій студентомъ и, какъ казалось, не безъ студенческаго прошлаго, онъ былъ очень снисходителенъ къ слабостямъ молодыхъ людей, въ разныхъ интимныхъ бесѣдахъ, которыя конечно составляли секретъ полишинеля, не прочь былъ даже прямо высказаться за студентовъ и противъ стѣснительныхъ для нихъ строгостей, а оффиціально старался казаться ничего не видящимъ и не слышащимъ. Въ то время, какъ у другихъ академическихъ монаховъ при поздравленіяхъ въ праздники и въ подобныхъ случаяхъ студенты угощались невиннымъ мармеладомъ, розанцами съ вареньемъ, сиропомъ и проч., о. Діодоръ, подсмѣиваясь надъ ихъ невинностью, угощалъ ихъ настоящимъ виномъ. Когда ему случалось замѣнять инспектора въ отсутствіе послѣдняго, онъ сейчасъ же ослаблялъ дисциплину. Студенты, конечно, очень любили за это добраго помощника инспектора. Да легче при немъ было и самому о. Ѳеодору, потому что никто теперь не безпокоилъ его представленіями о недостаткахъ студенческаго поведенія. Кругомъ царствовали миръ и благоволеніе. Благодушествовалъ и ректоръ Агаѳангелъ. Студенты держались впрочемъ и въ самомъ дѣлѣ безукоризненно. Частію дисциплинарная школа прежняго времени, частію общая атмосфера какой-то порядочности въ академіи, водворившаяся при инспекторѣ Серафимѣ и ректорѣ Агаѳангелѣ, удерживали отъ сколько нибудь грубыхъ безпорядковъ даже самыя невоздѣланныя натуры. Самъ о. Діодоръ въ этомъ отношеніи съумѣлъ поставить себя съ студентами довольно удачно: они не смотрѣли на него, какъ на опаснаго поборника дисциплинарныхъ формъ, но всетаки стѣснялись допускать при немъ что либо не подходящее къ этимъ формамъ, по чувству даже простой деликатности къ его довѣрію.

О. Ѳеодора они искренно любили и съ какою-то даже нѣжностію берегли его отъ огорченій. Онъ былъ такое нервное, хрупкое существо, такъ близко все бралъ къ сердцу, такъ

страдалъ, сраспинался за нихъ Единородному, что было бы безсовѣстно въ чемъ нибудь проступиться передъ нимъ. Въ немъ видѣли противника деспотизму формы, поборника новой благодати, человѣка сердца и любви; хотя соблюдать его требованія было безмѣрно труднѣе, чѣмъ требованія одной внѣшней дисциплины, но онъ съ такой любовью высказывалъ эти требованія, что его слушались во всемъ и спускали ему многое, что не прошло бы даромъ другому инспектору. Напр. онъ дѣлалъ длинныя прибавленія къ утреннимъ и вечернимъ молитвамъ, такъ что молитвы эти затягивались очень значительно; но это дѣлалось въ такой формѣ, что рѣшительно не возможно было на него сердиться. Въ началѣ инспекторства онъ ходилъ на вечернія молитвы, а утреннія читались при помощникѣ инспектора. Разъ онъ замѣтилъ, почему же не читаются тропари безплотнымъ силамъ и Казанской Богородицѣ. Ему сказали, что ихъ читали утромъ. „Ахъ, что же это? затужилъ онъ. Вотъ о. Веніаминъ слышитъ ихъ, а я не буду имѣть этого утѣшенія; ужъ чѣмъ же я виноватъ?“ И тропари стали читаться, а иногда, по его желанію, и пѣться общимъ хоромъ студентовъ. Такъ потомъ ввелось еще пѣніе догматиковъ, Взбранной Воеводе, Достойно... А то иногда онъ вдругъ умилится стройнымъ и осмысленнымъ пѣніемъ студентовъ и заставитъ спѣть еще всѣ ирмосы канона: „Отверзу уста моя“. И студенты охотно пѣли по цѣлымъ получасамъ, потому что онъ такъ умилялся этимъ, такъ трогательно слушалъ, что для его религіознаго удовольствія можно было пѣть и дольше этого. Когда студентъ попадался ему въ уклоненіи отъ молитвы, инспекторъ не сердился на него, не началилъ его, а оплакивалъ его вину, дѣлая участникомъ ея и себя самого; это было въ его глазахъ уклоненіе отъ союза съ Единороднымъ и съ Его тѣломъ—церковію; онъ готовъ былъ часа два то съ ужасомъ, то съ истинной скорбью толковать объ этомъ, призвавъ провинившагося къ себѣ, нервно ходилъ съ нимъ по комнатѣ, теребя его за пуговицу или судорожно обнимая его голову и ни на минуту не присаживаясь на мѣсто. Бесѣды такого рода продолжались послѣ молитвы далеко за полночь, и несчастный грѣшникъ все это время мучился, не зная, какъ бы ему избавиться отъ инспектора и уйти къ себѣ въ комнату.

При о. Діодорѣ случаи эти бывали чрезвычайно рѣдко; все шло гладко и благополучно. Одни только дежурные старшіе иногда должны были слушать по вечерамъ длинныя заду-

шевныя бесѣды инспектора. Онъ постоянно былъ благодушенъ, принималъ старшихъ съ доброй улыбкой, угощалъ ихъ, какъ дѣтей, яблочками, вынимая изъ кармана. Въ святки 1856 г. онъ вздумалъ сдѣлать студентамъ праздникъ, далъ имъ 3 руб. на лакомства и утромъ обѣщалъ придти къ нимъ въ 1 № въ гости послушать ихъ пѣніе. Въ назначенное время студенты принесли въ комнату всѣ свои музыкальные инструменты, гусли и скрипки. и составили музыкальное утро, продолжавшееся съ 10 до половины 12 часа, пѣли и играли разныя духовныя піэсы и въ заключеніе „Боже, Царя храни“. Нужно было видѣть, какъ восхищался о. Ѳеодоръ, присутствуя на этомъ импровизованномъ концертѣ, и съ какой любовью относился къ своимъ молодымъ хозяевамъ. Послѣдняя половина 1856 г. и начало 1857 г. до отъѣзда ректора Агаѳангела были вообще едва-ли не самымъ счастливымъ временемъ для о. Ѳеодора во все его инспекторство при академіи. Самъ ректоръ, не смотря на ревность къ своей власти и своему вліянію въ академіи, относился къ нему довольно благодушно. Только въ послѣднее время, въ началѣ 1857 г., между ними пробѣжала тѣнь неудовольствія. Ректоръ какъ-то выпросилъ у о. Ѳеодора его записки на Апокалипсисъ (которыми недоволенъ былъ митрополитъ Филаретъ), подъ предлогомъ почитать, но вмѣсто того, какъ собиратель всякой всячины, получивъ пока только первую половину этихъ записокъ, отдалъ ее тайно отъ автора переписать. О. Ѳеодоръ узналъ объ этомъ и другой половины записокъ уже не далъ. Потомъ послѣ святокъ ректоръ былъ задѣтъ за живое тѣмъ, что оберъ-прокуроръ графъ Толстой въ своемъ отвѣтномъ письмѣ на рождественское поздравленіе академіи съ особеннымъ удовольствіемъ вспомнилъ о. Ѳеодора и свои назидательныя бесѣды съ нимъ еще въ Москвѣ. О. Ѳеодоръ съ своей стороны огорчился на ректора за то, что тотъ не пропустилъ его отчета по ревизіи симбирской семинаріи 1856 г., гдѣ проведены были его задушевныя идеи, и распорядился, чтобы этотъ отчетъ былъ передѣланъ въ болѣе оффиціальномъ тонѣ. Но эти небольшія размолвки не помѣшали ректору всетаки высоко цѣнить личныя и служебныя достоинства о. Ѳеодора. Въ январѣ 1857 г., представляя его къ ордену св. Анны 2 степ., ректоръ, перечисливъ разныя служебныя его заслуги, писалъ: „Особенно достойно вниманія высшаго начальства нравственное вліяніе его на студентовъ по инспекторской должности и глубоко основательному преподаванію бого-

словскихъ истинъ, при изъясненіи которыхъ онъ вводитъ студентовъ въ самый духъ и силу божественнаго откровенія и глубоко утверждаетъ въ студентахъ живое чувство вѣры и сердечное расположеніе къ осуществленію ученія вѣры въ жизни и поступкахъ“ (1). Орденъ этотъ онъ получилъ отъ 17 апр. 1857 года.

Съ отъѣздомъ изъ академіи ректора Агаѳангела положеніе о. Ѳеодора стало дѣлаться день ото дня хуже: стали измѣняться даже его отношенія къ студентамъ. Еще въ августѣ (26 числа) 1856 г. высокій покровитель архим. Агаѳангела преосвящ. Григорій казанскій былъ переведенъ на митрополичью каѳедру въ Петербургъ. Назначеніе это ректоръ отпраздновалъ торжественно. 2 сентября, по полученіи Высочайшаго рескрипта, вечеромъ около академіи зажгли плошки, а на утро было отслужено торжественное молебствіе въ церкви, послѣ котораго у ректора была закуска: студентамъ предложенъ праздничный столъ. Преосвященному Григорію послано было отъ лица академіи поздравленіе и адресъ. Заслуги его вспоминались въ этомъ году и на торжественномъ актѣ академіи 8 ноября; на праздничномъ молебнѣ провозглашалось ему многолѣтіе. Преосвященный Григорій не забылъ почтительнаго къ нему ректора и вскорѣ перевелъ его къ себѣ въ викаріи. По его ходатайству, Высочайшимъ указомъ отъ 4 марта 1857 г. архим. Агаѳангелъ возведенъ въ епископа ревельскаго, викарія С.-Петербургскаго митрополита, и 20 марта оставилъ академію. Дальнѣйшая судьба его извѣстна изъ многочисленныхъ его некрологовъ (2). Викаріемъ митрополита онъ былъ до конца митрополитствованія преосвященнаго Григорія. 6 февр. 1860 г. ему повелѣно быть самостоятельнымъ епископомъ вятскимъ и слободскимъ. Изъ Вятки въ 1866 г. (17 іюня) онъ былъ перемѣщенъ епископомъ въ епархію волынскую съ назначеніемъ вмѣстѣ съ тѣмъ священно-архимандритомъ почаевской Успенской лавры. Въ 1868 году былъ пожалованъ архіепископомъ.

---

(1) Д. внутр. правл. 1857 г. № 10.

(2) См. напр. Волынск. епарх. Вѣд. за 1876 г. №№ 8 и 11; Вятск. епарх. Вѣд. 1876 г. № 9; Голосъ 1876 г. № 71; Гражданинъ № 11; Донск. епарх. Вѣд. № 7; Дух. Бесѣд. №№ 11 и 23; Странникъ кн. 4; Прав. Обозр. кн. 3 и мн. др. См. объ немъ еще: Чистовича Исторія перевода Библіи на русск. языкъ въ Христ. Чт. 1872 г. № 5; Барсова: Г. И. Павскій въ Р. Старинѣ 1880 г. № 5; Сушкова о м. Филаретѣ въ Чт. Общ. ист. и древн. 1869 г. кн. IV, Смѣсь, стр. 184.—Обширная біографія его напечатана въ Вятскихъ епарх. Вѣдомостяхъ за 1891 г.

Скончался въ этомъ санѣ 8 марта 1876 года въ Житомірѣ. Онъ имѣлъ ордена Анны 1 степени (съ 1859 г.) и св. Владиміра 2 степени (1871 г.). Въ послѣднее время жизни своею ревностью о правахъ церковной іерархіи онъ всталъ въ сильный разладъ съ оберъ-прокуроромъ Св. Синода графомъ Д. А. Толстымъ, выступивъ не задолго до своей смерти съ рѣзкимъ протестомъ противъ выработаннаго по мысли графа проекта новой духовно-судебной реформы. Смерть спасла его, по всей вѣроятности, отъ многихъ грозившихъ ему за это непріятностей.

Послѣ ректора Агаѳангела въ академіи явились новые люди и новые порядки. Послѣ короткаго междуцарствія, во время котораго о. Ѳеодоръ исправлялъ должность ректора, а архим. Веніаминъ инспектора, въ началѣ апрѣля 1857 г. пріѣхалъ новый ректоръ, архим. Іоаннъ, ректорство котораго составило своего рода эпоху въ исторіи казанской академіи. Объ этомъ замѣчательномъ человѣкѣ въ нашей литературѣ писано довольно много (1), а потому мы ограничимся только тѣми свѣдѣніями изъ его жизни, которыя относятся къ пребыванію его именно въ казанской академіи, коснувшись остальной его жизни только въ краткомъ curriculum'ѣ.

Архим. *Іоаннъ Соколовъ* (въ мірѣ Владиміръ Сергѣевичъ) былъ кровный москвичъ, сынъ священника московской Вознесенской церкви въ бывшемъ Варсонофьевскомъ монастырѣ, родился 5 іюля 1818 г., образованіе получилъ въ московской же семинаріи и академіи. Академію онъ кончилъ въ 1842 г. вторымъ магистромъ и немедленно по окончаніи курса, въ августѣ того же года, постригся въ монашество. Митрополитъ Филаретъ относился очень ласково къ новому даровитому монаху, котораго самого съ тѣхъ поръ прозвали Филаретикомъ. Въ сентябрѣ іеромон. Іоаннъ былъ сдѣланъ баккалавромъ московской

(1) Кромѣ краткихъ замѣтокъ и некрологовъ въ разныхъ изданіяхъ за 1869 г., годъ его смерти, см. Смоленск. епарх. Вѣд. 1869 г., стр. 251—314; Прав. Соб. 1869 г. т. I, 377; Странникъ 1869 г. IV, 43; Христ. Чт. I, 639; 1872 г. III, 420—440; 1876, I, 541—553; Истор. Вѣст. 1880 г. дек. статья Аристова, и особенно въ Чт. общ. любит. дух. просв. 1889 г. стат. Н. Романскаго, съ февр. книжки по сентябрьскую. Объ управленіи его казанск. академіей мы имѣли, кромѣ документовъ архива, еще свѣдѣнія изъ современныхъ писемъ двоихъ студентовъ VII и XI курсовъ; знаемъ и изъ личныхъ воспоминаній.

академіи по классу нравственнаго и пастырскаго богословія. Въ сентябрѣ 1844 г. онъ былъ опредѣленъ помощникомъ библіотекаря и перемѣщенъ съ нравственнаго богословія на каѳедру св. Писанія, но въ декабрѣ того же года, по желанію графа Протасова, былъ переведенъ въ петербургскую академію на каѳедру каноники, которую и преподавалъ по 1854 г. включительно. Занятія его по этому предмету, плодомъ которыхъ былъ его курсъ церковнаго законовѣдѣнія, доставили ему въ октябрѣ 1853 г. рѣдкую тогда степень доктора богословія и репутацію перваго русскаго канониста. Кромѣ классныхъ занятій, онъ былъ облекаемъ за это время разными порученіями и должностями по академіи: съ 1845 г. былъ помощникомъ инспектора и членомъ комитета для разсмотрѣнія конспектовъ по разнымъ предметамъ семинарскаго курса, съ 1848 г. дѣйствительнымъ членомъ академической конференціи и членомъ с.-петербургскаго комитета духовной цензуры, съ 1850 г. членомъ комитета по переводу богослужебныхъ книгъ на татарскій языкъ, членомъ же комитета для разсмотрѣнія программъ философскихъ и богословскихъ наукъ для высшихъ заведеній министерства народнаго просвѣщенія, съ 1851 г. инспекторомъ академіи; не упоминаемъ о нѣкоторыхъ временныхъ порученіяхъ, которыя давались ему за этотъ періодъ времени. Служба его, по крайней мѣрѣ на первыхъ порахъ, высоко цѣнилась начальствомъ, пока онъ не лишился благоволенія послѣдняго за свой гордый характеръ: въ 1847 г. онъ былъ возведенъ въ санъ архимандрита, въ 1851 г. получилъ орденъ св. Анны 2 степ. и возведенъ въ званіе экстра-ординарнаго профессора, а въ 1852 г.—ординарнаго, въ 1853 г. получилъ орденъ св. Анны 2 степ. съ императорскою короной. Ученая академическая служба его закончилась на время опредѣленіемъ его въ январѣ 1855 г. въ ректоры петербургской семинаріи; но онъ остался при академіи членомъ конференціи и внѣшняго академическаго правленія. Въ ректорство свое при семинаріи онъ сдѣлался извѣстенъ своимъ проповѣдничествомъ, которое и послѣ составляло его главную славу. Семинарская служба тяготила его, какъ слишкомъ низменная для его ученыхъ стремленій. Въ одномъ письмѣ къ Иннокентію херсонскому отъ 7 августа 1856 г. онъ писалъ: „Что касается до насъ, о которыхъ Вы такъ снисходительно изволите судить, то скажу только о себѣ: семинарская служба слишкомъ мало даетъ удобства для ученыхъ трудовъ. Академія со-

всѣмъ другое дѣло“ (¹). Стремленіе его къ поступленію снова на академическую службу было вскорѣ удовлетворено: отъ 17 марта 1857 г. онъ былъ назначенъ ректоромъ въ казанскую академію. Вскорѣ послѣ этого въ апрѣлѣ онъ получилъ важную награду—орденъ св. Владиміра 3 степ..

Слухи объ его необыкновенномъ умѣ, суровости нрава и строгости распространились въ академіи еще задолго до его пріѣзда и заставляли академическую братію со страхомъ ожидать новаго ректора. Приставали съ разспросами объ немъ къ о. Діодору, который его хорошо зналъ по Петербургу. Діодоръ далъ довольно вѣрную его характеристику, что по наружности онъ дѣйствительно грубоватъ и нелюдимъ, но въ душѣ человѣкъ добрый, что у него очень крѣпкая голова, что очень трудно угодить ему и сочиненіями и устными отвѣтами, отъ наставниковъ держится далеко, но со студентами часто болтаетъ запросто и умѣетъ у нихъ вывѣдать, что̀ ему нужно, хотя наушниковъ не любитъ, любитъ выпускать изъ заведенія монаховъ, но и на свѣтскихъ не смотритъ непріязненно, зла не дѣлаетъ, не мститъ даже за свои личныя обиды, въ свое инспекторство въ Петербургѣ свободно отпускалъ студентовъ даже въ театръ и на ночь къ знакомымъ, богослуженіе любитъ скорое и для этого самъ размѣчаетъ богослужебныя книги карандашомъ. Характеристика эта оправдалась въ Казани до мельчайшихъ подробностей, такъ что ее можно поставить настоящимъ эпиграфомъ къ исторіи Іоаннова управленія казанской академіей. Въ обществѣ казанскихъ знакомцевъ прежнихъ академическихъ архимандритовъ тоже толковали объ немъ очень много; всѣ съ любопытствомъ ждали его пріѣзда и готовились къ знакомству съ нимъ; слава объ его умѣ проникла и въ эту сферу и породила своеобразные толки. „Онъ такой умный, говорила напр. одна приверженная къ церкви и духовнымъ лицамъ особа, такой умный, что сочинилъ новый каноникъ, imaginez—vous! за это его и докторомъ сдѣлали“.

Онъ пріѣхалъ на страстной недѣлѣ въ великій четвергъ въ то время, какъ студенты причащались св. таинъ, и явился къ нимъ прямо въ столовую во время обѣда, въ сопровожденіи о. Ѳеодора и Діодора. Наружность его всѣмъ показалась грозной и внушительной. Онъ былъ очень небольшаго роста,

(¹) Христ. Чт. 1886 г. Н. Барсова: Къ исторіи проповѣдей и сочиненій Иннокентія.

но съ помощью большихъ внутреннихъ и внѣшнихъ каблуковъ на обуви казался значительно выше, а своей манерой держаться гордо, презрительно и крайне серьезно придавалъ себѣ даже нѣкоторое величіе. Лице его было не красиво, не правильно, съ глубокими складками на щекахъ и нѣсколько искривленными губами, что еще болѣе сообщало презрительности его постоянной минѣ; но высокій, хорошо развитый лобъ, сильный, часто уничтожающій и всегда проницательный взглядъ большихъ глазъ, замѣчательно мѣнявшихъ свой цвѣтъ, казавшихся то совершенно безцвѣтными и мертвенными, то совсѣмъ темными, и умное выраженіе придавали этому лицу невольно обращающую на себя вниманіе оригинальность, даже своего рода красоту. Обычная поза его была горделивая, движенія нетерпѣливы и порывисты: голосъ не громкій, но ясный, твердый и повелительный; рѣчь докторальная, довольно медленная и внушительная, безъ запинокъ, поправокъ и присловій и на одной почти нотѣ, разнообразящаяся только силою и подчеркиваньемъ словъ. Въ разговорѣ онъ становился къ собесѣднику бокомъ, поднявъ голову и опустивъ глаза внизъ, только изрѣдка бросая на него боковые пытливые взгляды и озадачивая быстрыми, отрывистыми вопросами и замѣчаніями. Такъ онъ держался со всѣми и съ студентами, и съ преподавателями, которыхъ всѣхъ принималъ обыкновенно стоя бокомъ въ дверяхъ между своей гостинной и залой, и съ самимъ даже преосвященнымъ, когда не было особенной надобности быть съ нимъ любезнымъ. Въ тѣхъ случаяхъ, когда онъ хотѣлъ быть любезнымъ, лице его прояснялось, рѣчь дѣлалась увлекательной, блестѣла анекдотами и остротами, большею частью впрочемъ тоже въ презрительномъ родѣ; въ это время онъ до того былъ уменъ, свѣтски-приличенъ и даже красивъ собою, что имъ можно было очароваться. Таковъ онъ былъ при пріемахъ разныхъ вліятельныхъ посѣтителей академіи и съ немногими своими знакомыми, которые всѣ были въ него просто влюблены.

При первомъ своемъ поступленіи въ академію онъ видимо старался прежде всего задать страху. Въ столовой, въ студенческихъ помѣщеніяхъ, въ церкви всѣмъ остался не доволенъ; все казалось ему мизернымъ, грязнымъ, бѣднымъ. Первая встрѣча его по пріѣздѣ со студентами въ столовой была суровая и грозная.— „Вы кто такой“? спросилъ онъ одного студента, подойдя къ первому столу.—Студентъ академіи №№.—„Развѣ такіе бываютъ студенты академіи? чтобы завтра же всѣ были острижены, да

глаже". Цѣлый день послѣ этого студенты стриглись въ комнатѣ своего парикмахера Егора Власова, для котораго этотъ день былъ настоящимъ бенефисомъ, и хохотали другъ надъ другомъ; но въ пятницу явились въ церковь всѣ остриженные наголо, подъ гребенку. Іоанну понравилось такое послушаніе. Въ субботу, при явкѣ къ нему вечеромъ старшихъ, онъ держалъ предъ ними свою тронную рѣчь,—замѣтилъ въ студентахъ добрую черту—готовность къ послушанію, нашелъ ихъ только нѣсколько угрюмыми и угловатыми, вѣроятно отъ глуши этого края, но тутъ же замѣтилъ, что одной внѣшностью, исправностью и обыденною учтивостью его обмануть трудно, что онъ требуетъ отъ студента благородства души, благородства въ образѣ мыслей, чувствъ, въ поведеніи, въ отношеніяхъ къ наставникамъ, другъ къ другу, что онъ строгъ, но умѣетъ различать и прощать вины, особенно не терпитъ пьянства,—даже въ маломъ видѣ, въ большомъ онъ даже и не предполагаетъ его въ студентахъ,—и непослушанія. „Такъ какъ у васъ нѣтъ здѣсь родителей, а у начальниковъ нѣтъ дѣтей, то будемъ, сказалъ онъ въ заключеніе, жить семейно", кивнулъ бокомъ головой и ушелъ. Аудіенція кончилась даже безъ обычныхъ благословеній, и семейнаго студенты не увидали въ ней ровно ничего. Предъ ними было серьезное начальство, которое намѣрено было держать себя въ отношеніи къ нимъ честно и грозно.

Скоро обозначилось его отношеніе и къ казанскому обществу, которое такъ много имъ интересовалось. Настала Пасха, когда всѣ знакомые академическихъ начальниковъ и множество другой, такъ называемой, чистой публики наполняли академическую церковь. Нѣкоторые разсчитывали познакомиться съ умнымъ архим. Іоанномъ тутъ же при христосованіи. Но онъ не допустилъ этого; всталъ на амвонъ съ крестомъ и, поднявъ глаза вверхъ чрезъ головы, не обращалъ вниманія ни на какія любезныя улыбки, съ которыми подходили къ нему разные господа, желая съ нимъ заговорить. Являвшихся къ нему съ пасхальными визитами онъ не велѣлъ принимать. Потомъ онъ завелъ въ академической церкви небывалые прежде порядки: при цѣлованіи креста, Евангелія, при подхожденіи къ принятію св. таинъ и проч., прежде студенты постоянно должны были ждать, когда подойдетъ вся посторонняя публика; по новому распоряженію первыми всегда должны были подходить теперь они, раньше всѣхъ постороннихъ; имъ давалось предпочтеніе, даже когда ректоръ говорилъ въ церкви своизнаменитыя

проповѣди; онъ обыкновенно давалъ при этомъ студентамъ знакъ рукой, и они сейчасъ же выступали съ своихъ мѣстъ и плотной стѣной окружали амвонъ, отдѣляя его отъ публики: уже послѣ этого ораторъ начиналъ говорить. Все это очень не нравилось разнымъ людямъ, которые привыкли прежде считать себя въ академической церкви почти хозяевами. Въ 1858 году, когда онъ отстранилъ такимъ образомъ предъ студентами отъ причащенія дамъ, направившихся было къ св. чашѣ по обыкновенію первыми, онъ возбудилъ этимъ даже очень серьезный ропотъ, смутивъ души причастницъ въ такую священную минуту ихъ говѣнія. Многіе навсегда отказались послѣ этого причащаться въ академической церкви. Да и вообще академическая церковь при немъ совсѣмъ опустѣла и потеряла всѣ свои доходы. Популярность ея въ обществѣ продержалась при немъ всего года два, и то благодаря только тому, что отъ времени до времени онъ привлекалъ въ нее публику своими проповѣдями. Притомъ же онъ рѣдко служилъ самъ; церковная служба совершалась при немъ обыкновенно кѣмъ нибудь изъ академическихъ монаховъ, безъ всякой торжественности и, по желанію его, очень скоро. Отъ скораго служенія палъ и студенческій хоръ, славившійся прежде во всемъ городѣ. Разныя лица нѣсколько разъ пытались завести знакомство съ архим. Іоанномъ, хоть на сторонѣ, напр. во время пріемовъ у преосвященнаго или у игуменьи казанскаго монастыря, потому что у себя онъ не принималъ никого; но всѣ эти старанія оставались тщетными. Онъ дорожилъ своимъ временемъ и не хотѣлъ терять его на болтовню съ людьми, вовсе для него неинтересными, которыхъ даже презиралъ. Едва-ли не единственное знакомство его въ Казани было съ семействомъ вицегубернатора Андреева. Отъ этого онъ у всѣхъ прослылъ человѣкомъ грубымъ и нелюдимымъ.

Живя замкнуто и неприступно, какъ божество, въ своемъ кабинетѣ, онъ только изрѣдка обнаруживалъ свой житейскій, общественный тактъ и знаніе общественныхъ приличій и пріемовъ; это главнымъ образомъ при академическихъ торжествахъ, гдѣ ему нужно было неизбѣжно фигурировать на первомъ планѣ, при пріемахъ высокихъ посѣтителей академіи, на публичныхъ экзаменахъ и вездѣ, гдѣ нужно было показать академію, какъ товаръ, лицемъ. Въ этихъ случаяхъ, едва-ли кто нибудь могъ съ нимъ соперничать. Въ первый разъ его увидали такимъ, до неузнаваемости измѣнившимся,

представительнымъ и любезнымъ при посѣщеніи академіи въ сентябрѣ 1857 г. принцемъ П. Г. Ольденбургскимъ. Въ академіи все было заранѣе прибрано и вычищено отъ крыши до подвала, такъ какъ было извѣстно, что принцъ любилъ осматривать учебныя заведенія до самыхъ интимныхъ ихъ закоулковъ. Ректоръ повсюду самъ водилъ своего высокаго гостя, разхваливая академію и вызывая комплименты посѣтителя, потомъ съѣздилъ благодарить его за посѣщеніе на его квартиру и въ тотъ же день велѣлъ составить донесеніе оберъ-прокурору, что 12 сентября Его Высочество изволилъ посѣтить академію, осматривалъ ее по всѣмъ частямъ и нашелъ все въ хорошемъ состояніи, что̀ и изволилъ выразить тутъ же и еще вторично при свиданіи съ о. ректоромъ (1). Не много спустя послѣ этого, академію посѣтилъ оберъ-прокуроръ Св. Синода графъ А. П. Толстой и тоже былъ очарованъ ректоромъ. Товаръ тоже былъ показанъ лицомъ; ректоръ сводилъ его на лекціи уважаемаго графомъ о. Ѳеодора и на интересное чтеніе о мухаммеданствѣ Н. И. Ильминскаго; при посѣщеніи студенческихъ помѣщеній безъ остановки давалъ ему отвѣты на всѣ вопросы, рѣшительно выдавая ему старшихъ студентовъ за младшихъ, младшихъ за старшихъ, разсказалъ ему, что въ округѣ 9 семинарій (вмѣсто 13), удивлялся вмѣстѣ съ нимъ тому, какъ студентъ VII курса Масловскій поразительно похожъ на покойнаго государя Николая Павловича. Правдивый о. Ѳеодоръ постоянно порывался его поправлять, подсказывая ему правду, и все время возмущался его докладами. Оберъ-прокуроръ нашелъ академію даже слишкомъ уже хорошей и изъявилъ опасеніе, что студентамъ по окончаніи курса трудно будетъ отвыкать отъ такой прекрасной обстановки. Въ сентябрѣ 1858 г. въ академіи былъ необычайный посѣтитель,—посланникъ Сѣверо-американскихъ штатовъ. Ректоръ Іоаннъ объяснялся съ нимъ чрезъ переводчика, лектора англійскаго языка Бересфорда, приглашеннаго тогда въ академію преподавать новые языки, и предъ лицемъ студентовъ рисовалъ посѣтителю краснорѣчивую картину казанскаго округа, какъ онъ простирается отъ финскихъ хладныхъ скалъ до пламенной Колхиды и отъ стѣнъ нижегородскаго кремля до стѣнъ недвижнаго Китая; онъ замѣтно желалъ блеснуть предъ этимъ иностраннымъ человѣкомъ, самъ держался совсѣмъ поанглійски и видимо воз-

(1) Д. внутр. правл. 1857 г. № 55.

буждалъ въ холодномъ, натянутомъ янки большой интересъ къ своей личности. Въ 1860 году 6 февр. былъ въ академіи товарищъ оберъ-прокурора Св. Синода князь С. Н. Урусовъ; ректоръ водилъ его на лекціи профессоровъ Порфирьева и Соколова. Въ 1861 г. 18 августа академія осчастливлена первымъ со времени ея существованія, посѣщеніемъ Высочайшей особы изъ Императорской семьи,—Государя Наслѣдника Николая Александровича. Ректоръ сопровождалъ его на лекціи лучшихъ тогдашнихъ профессоровъ, іеромонаха Хрисанѳа и И. Я. Порфирьева, которыми Его Высочество остался очень доволенъ; академія тоже ему понравилась (¹). Во всѣхъ подобныхъ случаяхъ ректоръ Іоаннъ былъ такимъ дорогимъ представителемъ для академіи, какого она еще никогда не видала во главѣ своего управленія.

Ближайшій начальникъ академіи преосвящен. Аѳанасій сначала тоже былъ имъ очарованъ. Когда вскорѣ по пріѣздѣ архим. Іоаннъ опасно заболѣлъ, онъ написалъ по этому случаю на донесеніи инспектора отъ 15 мая 1857 г.: „Жаль, душевно жаль отца ректора. Да спасетъ его Господь Богъ для спасаемыхъ“. Но потомъ, по разнымъ обстоятельствамъ, добрыя отношенія его къ ректору стали постепенно разстраиваться. Преосвященный Аѳанасій былъ истинно праведный человѣкъ и замѣчательно начитанный ученый, но, по своему благочестію, выказывалъ мало уваженія къ наукѣ и даже ко многимъ богословскимъ научнымъ изслѣдованіямъ, особенно составленнымъ подъ руководствомъ иностранныхъ ученыхъ. На богословскихъ экзаменахъ онъ нерѣдко грубо обрывалъ студента: „Чего ты тамъ плетешь? Скажи, какъ сказано объ этомъ въ св. Писаніи; мы всѣ и повѣримъ тебѣ“, или: „Что ты привязался къ какому-то нѣмцу? И пусть его вретъ; намъ-то что до него за дѣло? Это все равно, какъ если бы въ Кайскомъ уѣздѣ медвѣдь явился, а мы бы здѣсь въ Казани колья да рогатины на него похватали“. Ректоръ Іоаннъ смотрѣлъ на него, какъ на простеца, и даже явно показывалъ къ нему свое неуваженіе, чего не могъ не замѣтить и самъ преосвященный. Послѣдній считалъ его поэтому человѣкомъ гордымъ выше мѣры, а за то, что онъ постоянно отказывался отъ участія въ архіерейскихъ служеніяхъ, человѣкомъ даже не благочестивымъ, нерѣдко раздражался противъ него,

(¹) Д. внутр. правл. 1861 г. № 33.

даже письменно: напр. на одной бумагѣ ректора въ мартѣ 1859 г. о пожертвованіяхъ, по предложенію губернатора, изъ жалованья ректора и наставниковъ академіи въ пользу только лишь открывшагося тогда высшаго женскаго училища, нынѣ Маріинской женской гимназіи, владыка, еще раньше высказавшійся противъ этихъ пожертвованій, написалъ: „Сказано, что не нужно; слушать ушами да помнить“, и даже надорвалъ самую бумагу. Кстати замѣтимъ, что эти пожертвованія все-таки посылались въ училище (1). Не смотря на такія отношенія, каждый разъ, какъ ректоръ Іоаннъ вступалъ съ преосвященнымъ въ непосредственныя сношенія, послѣдній невольно поддавался его вліянію, дѣлался веселымъ, довольнымъ и разговорчивымъ. Это особенно замѣтно было, когда преосвященный являлся на академическіе экзамены, и особенно въ качествѣ ревизора академіи. Ректоръ, самъ экзаменовавшій всегда строго, на архіерейскомъ экзаменѣ стоялъ на сторонѣ студентовъ и облегчалъ ихъ всѣми мѣрами, давая имъ полную возможность отличаться; сидя около преосвященнаго, онъ зорко слѣдилъ за тѣмъ, чтобы преосвященный не замѣтилъ разныхъ продѣлокъ студентовъ съ билетами, или того, что студентъ стѣсняется своимъ отвѣтомъ; онъ сейчасъ же заводилъ съ экзаменаторомъ какой нибудь занимательный разговоръ и отвлекалъ его вниманіе. Только послѣ длиннаго и борзаго чтенія студентомъ всего, что попадало въ голову, преосвященный, опомнившись, вдругъ обращалъ на него глаза и замѣтивъ, что тотъ читаетъ бойко и громко, отпускалъ его съ похвалой: „Ступай, ты хорошо выучилъ“, и ставилъ высшую отмѣтку. Студенты прекрасно понимали, что ректоръ ихъ „выручаетъ“, были ему за это очень благодарны и живо смекали, какъ нужно держаться на этихъ экзаменахъ. Съ преосвящ. викаріемъ Никодимомъ (2) онъ менѣе былъ сдержанъ Въ 1861 г. преосвящен. Никодимъ отзывался объ немъ, въ оффиціальномъ отчетѣ объ академіи, что онъ „человѣкъ ученый, и съ счастливыми талантами, но къ сожалѣнію держитъ себя отдаленно, надменно и повелительно“ (3).

---

(1) Д. внутр. правл. 1858 г. № 59.

(2) Никодимъ Казанцевъ, викарій съ 1854 по 1861 г., потомъ епископъ енисейскій; въ 1870 г. уволенъ на покой. † 1874 г..

(3) Собран. мнѣній и отзывовъ м. Филарета т. V, ч. I, стр. 105. М. 1887.

Черта эта была замѣчаема за нимъ и прежде и возбуждала въ отношеніи къ нему непріятныя чувства со стороны всѣхъ, кто съ нимъ имѣлъ столкновенія по вопросамъ администраціи и учености. Сильный критическій талантъ и неуваженіе къ чужимъ мыслямъ и ученымъ трудамъ, въ бытность его цензоромъ въ Петербургѣ, возбудили противъ него даже такого почтеннаго ученаго, какъ преосв. Филаретъ Гумилевскій. Въ одномъ письмѣ къ Иннокентію харьковскому преосвящ. Филаретъ писалъ по поводу цензуры V тома своей Русской Церковной Исторіи (Синод. періодъ): „Заносчивый юноша изволилъ дать такъ много предписаній, что не легко и смиряющемуся самолюбію покориться имъ. Видно, что высшее начальство сочло нужнымъ поучить меня смиренію, что прислало мнѣ приказы къ исполненію, писанные малограмотною молодостью". Такую же жалобу встрѣчаемъ у него на архим. Іоанна еще въ одномъ письмѣ къ А. В. Горскому (1). Замѣчательно, что ректоръ Іоаннъ никогда почти не принималъ у себя проѣзжавшихъ чрезъ Казань архіереевъ, отзываясь то болѣзнью, то тѣмъ, что его дома нѣтъ; исключеній было очень мало. Начальство смотрѣло на него, какъ на непокорнаго слугу, и систематически обходило его наградами и повышеніями. Замѣчательно, что только чрезъ 23 года своей монашеской службы онъ получилъ самостоятельную епархію. На казанской ректурѣ онъ не разъ получалъ сверху непріятныя внушенія, вслѣдствіе чего, особенно съ 1859 и 1860 г., постоянно выказывалъ какое-то желчное и презрительное раздраженіе противъ разныхъ представителей духовной власти, даже съ немалымъ для себя рискомъ. Такъ, онъ очень небрежно отнесся къ преосвящ. Никодиму, когда этотъ производилъ въ 1860 г. ревизію академіи, и послѣ въ своихъ объясненіяхъ на запросы Св. Синода о послѣдствіяхъ этой ревизіи постарался обратить въ ничто всѣ замѣчанія преосвященнаго ревизора, представивъ ихъ или несостоятельными, или не приложимыми къ дѣлу. Въ 1861 г., когда въ академію назначена была слѣдственная коммиссія для разслѣдованія дѣла объ участіи студентовъ въ панихидѣ по убитыхъ въ возмущеніи крестьянахъ с. Бездны Спасскаго уѣзда, онъ не пожелалъ даже принять пріѣхавшихъ слѣдователей, отвелъ

(1) Матеріалы для біографіи Иннокентія. Вып. I, стр. 144, письмо XLVIII. Твор. св. отцевъ 1885 г., IV, стр. 447.

имъ для допросовъ одну изъ аудиторій, а самъ заперся въ своемъ кабинетѣ, не позаботился распорядиться даже о томъ, чтобы имъ дали чаю и чего нибудь закусить для завтрака.

Въ дѣлахъ академическихъ онъ распоряжался всѣмъ совершенно единовластно. Чрезъ нѣсколько дней по пріѣздѣ онъ сильно нашумѣлъ, когда инспекторы распорядились служить всенощную подъ среду св. Пасхи, и грозно объявилъ, „чтобы безъ него никто не смѣлъ пальцемъ шевельнуть въ академіи“. Онъ было распорядился сначала запереть самую церковь, но всенощная уже началась (1). Правленіе при немъ вовсе не собиралось. Онъ самъ собственноручно писалъ правленскія рѣшенія—обыкновенно карандашемъ на клочкѣ сѣрой бумаги—и отдавалъ ихъ секретарю или отсылалъ съ служителемъ въ канцелярію съ надписью: изготовить немедленно журналъ „нынче-же“ или „завтра“; потомъ журналъ отсылался для подписи членамъ правленія, иногда даже не всѣмъ, а одному инспектору. Такъ же точно дѣлались дѣла по правленію внѣшнему и по конференціи, которая до 1862 г. не собиралась даже для удостоенія кончившихъ курсъ студентовъ учеными степенями. Студенты первыхъ двухъ курсовъ при ректорѣ Іоаннѣ (VII и VIII) были удостоены степеней въ величайшемъ секретѣ, въ кабинетѣ ректора въ присутствіи одного секретаря, который самъ собственноручно писалъ и бѣловые списки студентовъ, чтобы объ нихъ не узнали письмоводители; потомъ эти списки подъ величайшимъ же секретомъ разносились по нѣкоторымъ членамъ конференціи для подписей. Въ началѣ своего управленія ректоръ завелъ было еще запись словесныхъ своихъ приказаній, которую долженъ былъ вести секретарь (2), но потомъ скоро такія приказанія перестали записываться, потому что давались не чрезъ одного секретаря. На разныя формы канцелярской процедуры ректоръ не обращалъ вниманія, возлагая всю отвѣтственность за нихъ на секретарей. Отъ того секретарская должность была при немъ весь-

(1) Вѣроятно именно этотъ случай разумѣлъ преосв. Кириллъ мелитопольскій, когда отъ 19 сентября 1857 г. писалъ преосв. Макарію, что оберъ-прокуроръ А. П. Толстой поѣхалъ въ Казань «для допроса о. Іоанна, почему онъ на Пасхѣ заперъ въ академ. церкви двери во время совершенія литургіи и продержалъ тамъ инспектора съ сослуживцами 3 часа». Р. Старина 1889 г. декабрь, 797.

(2) Д. внутр. правл. 1857 г. № 3.

ма не легка. Въ своихъ запискахъ, по которымъ составлялись правленскіе журналы, ректоръ былъ довольно обстоятеленъ, писалъ свои распоряженія по строго и логически составленнымъ пунктамъ и съ сильной логической же мотивировкой; но ссылки на §§ устава и существующія постановленія высшаго начальства и другія законныя справки долженъ былъ подбирать уже секретарь; а это не всегда было легко и даже возможно, потому что распоряженія властительнаго начальника бывали нерѣдко очень своеобразны и даже произвольны. Съ начала 1856 г. до 1862 г. должность эту послушно несъ на себѣ И. П. Гвоздевъ и, по своей скромности, исполнительности и опытности въ дѣлахъ, былъ драгоцѣннымъ помощникомъ для ректора. Въ 1859 г. послѣдній, при всей скупости въ назначеніи наградъ, представилъ его къ наградѣ въ 172 руб.. Въ февралѣ 1862 г. на его мѣсто, по назначенію самого ректора, опредѣленъ былъ молодой баккалавръ *В. Я. Михайловскій*, но пробылъ секретаремъ недолго, за переходомъ своимъ на службу въ Петербургъ. Съ 3 октября 1863 г. до конца ректорства Іоанна секретаремъ былъ баккалавръ *К. В. Мысовскій*; въ это время ректоръ впрочемъ уже мало занимался дѣлами правленія, предоставляя имъ идти, какъ идется, по заведенному порядку. Съ 1861 г., потерпѣвъ нѣсколько непріятностей отъ высшаго начальства, о которыхъ мы еще будемъ имѣть случай говорить, онъ съ какой-то досадой бросилъ всѣ дѣла и заключился въ своемъ кабинетѣ. Самыми замѣчательными годами по разнымъ распоряженіямъ съ его стороны были 1858—1860 годы, когда онъ особенно энергично проявлялъ свою административную власть. Самый составъ правленія въ это время былъ усиленъ введеніемъ въ него еще въ концѣ 1857 г. новаго временнаго члена *Д. Ѳ. Гусева*, которому ректоръ поручилъ заняться лучшимъ устройствомъ экономической части и составленіемъ нормальныхъ росписаній для студенческаго стола на цѣлый годъ съ обозначеніемъ примѣрной цѣнности его на каждый день (1). Трудолюбивый и добросовѣстный профессоръ протрудился надъ этой задачей около полугода и успѣлъ составить образцовое росписаніе, которое потомъ долго служило нормою для экономическихъ смѣтъ и соображеній по части содержанія студентовъ пищею. Но, кажется, для этой только работы и по-

(1) Д. внутр. правл. 1858 г. № 114.

требовался усиленный составъ правленія. Въ текущихъ дѣлахъ члены правленія никогда не участвовали и вовсе не собирались на засѣданія. Послѣ отставки Гусева съ февраля 1859 г. преемникомъ его по внутреннему правленію сдѣлался проф. *Н. П. Соколовъ*, служившій по февраль 1862 г.. На мѣсто Соколова ректоръ назначилъ безотвѣтнаго и кроткаго проф. *Г. С. Саблукова*; но этотъ прослужилъ только до половины сентября тогоже года, послѣ чего совсѣмъ вышелъ изъ духовно-учебной службы.

Вскорѣ по пріѣздѣ архим. Іоаннъ заявилъ серьезное намѣреніе заняться улучшеніемъ экономической части и внѣшней обстановки академіи. Ему почти все въ ней не понравилось послѣ обстановки петербургскихъ учебныхъ заведеній. Академію и снаружи и внутри стали ремонтировать и красить; во внутреннихъ ея помѣщеніяхъ заводилась новая дорогая мебель; для столовой покупалась новая посуда; служителя облечены въ казенную форменную одежду; въ церкви устроены новыя хоругви, клиросы, облаченія на престолъ и жертвенникъ, болѣе богатыя ризничныя принадлежности и т. д.. Между тѣмъ отъ усиленія общей дороговизны въ академическихъ суммахъ къ его времени и особенно въ его время стали оказываться уже значительные дефициты. Кое-какія сбереженія экономіи отъ прежнихъ болѣе дешевыхъ лѣтъ годъ отъ году все уменьшались, а при немъ были израсходованы всѣ до конца. Въ своихъ властныхъ распоряженіяхъ—купить немедленно то-то, устроить такіе-то предметы и проч. онъ не любилъ входить въ мелочные разсчеты; было бы только сдѣлано, что̀ ему хотѣлось и что̀ онъ приказывалъ, а на какія средства, это было уже дѣло экономa, который обязанъ былъ самъ разсчитывать, изъ какихъ статей и какимъ образомъ покрывать ему требуемые расходы. При томъ же множество такого рода приказаній было даваемо только словесно; экономъ долженъ былъ самъ уже оформливать по нимъ расходы; но иныхъ расходовъ нельзя было и оформить; поэтому приходилось негласно относить ихъ на счетъ такихъ статей академическаго бюджета, изъ какихъ можно было удобнѣе дѣлать произвольныя урѣзки. Другой болѣе дѣльный экономъ, чѣмъ іером. Филаретъ, можетъ быть, и благополучно преодолѣлъ бы трудности и опасности такого рода хозяйственныхъ операцій, къ удовольствію и ректора, и себя самого; но экономъ Филаретъ былъ къ этому не способенъ.

Дѣла свои онъ всегда велъ очень халатно, путаясь даже въ обычномъ ходѣ экономіи. Теперь же, по причинѣ дорогихъ требованій ректора, онъ и совсѣмъ запутался. Въ іюлѣ и августѣ 1858 года отъ двоихъ купцовъ (Молоденкова и Урванцова) и отъ академическаго портнаго (Матишева) въ правленіе поданы были заявленія, что экономъ Филаретъ не платитъ имъ по счетамъ и требованіямъ. Вслѣдствіе этихъ заявленій 18 августа состоялось опредѣленіе правленія: всѣ уплаты по счетамъ производить впредь не иначе, какъ или въ присутствіи правленія, или же эконому вмѣстѣ съ секретаремъ въ канцеляріи 1-го и 15-го числа каждаго мѣсяца; въ случаѣ неявки получателя деньги отдавать въ запечатанномъ конвертѣ эконому на храненіе подъ росписку: сверхъ того эконому ежемѣсячно доносить правленію о всѣхъ произведенныхъ уплатахъ особыми записками (1). Между тѣмъ еще 29 іюля, по требованію ректора, іером. Филаретъ подалъ прошеніе объ увольненіи отъ экономской должности, ссылаясь на слабость здоровья, на самомъ дѣлѣ на рѣдкость у него цвѣтущаго. 1-го августа правленіе рѣшило уволить его, но предварительно поручить іеродіакону Савватію, въ качествѣ исправляющаго экономскую должность, счесть его по уплатѣ счетовъ и по наличности академическаго имущества и припасовъ и затѣмъ принять отъ него всѣ относящіеся къ экономской должности документы (2). Пріемъ экономіи былъ очень внимательный и строгій, такъ что Савватій и Филаретъ при этомъ даже поссорились; первый началъ придираться къ малѣйшимъ неисправностямъ послѣдняго, а этотъ въ своихъ объясненіяхъ винилъ Савватія въ недоброжелательности къ себѣ и въ корыстныхъ видахъ, въ желаніи попользоваться на его счетъ. За Филаретомъ открылись огромныя неисправности въ веденіи дѣлъ,—смѣшеніе съ казенными деньгами своихъ собственныхъ и частныхъ денегъ, покупки разныхъ предметовъ за одинъ счетъ и въ казну, и частнымъ лицамъ, отсутствіе экономическихъ донесеній правленію, росписокъ по уплатамъ и т. п.; казенныхъ вещей не хватило на 17 р. 63 к., впрочемъ мелкихъ и старыхъ, изъ-за которыхъ правленіе не стало и вязаться, припасовъ для содержанія студентовъ на 260 р. 65 к., не очищенныхъ расписками денежныхъ выдачъ на 1207 р.

(1) Д. внутр. правл. 1858 г. № 40.
(2) Тамъ же №№ 41 и 42.

46 к., всего на 1468 р. 11 к.. Заплатить эту сумму вдругъ эконому конечно не было возможности, а между тѣмъ правленіе и поставщики, не получившіе по счетамъ, ждать этой уплаты въ разсрочку не могли. Чтобы разрѣшить это затрудненіе правленія и вмѣстѣ дать іером. Филарету разсрочку въ платежахъ, которые, по его завѣренію, на дѣлѣ, при дальнѣйшихъ разъясненіяхъ, должны были оказаться значительно меньше, ректоръ въ сентябрѣ согласился на позаимствованіе потребной для того суммы до 2000 руб. у редакціи Православнаго Собесѣдника и даже самъ вошелъ съ запиской объ этомъ займѣ въ правленіе, предложивъ для всѣхъ обозначившихся и имѣющихъ потребоваться расплатъ брать деньги въ счетъ бывшаго эконома Филарета прямо изъ редакціи, съ тѣмъ, чтобы послѣ взыскать съ него эти деньги чрезъ начальство того мѣста, гдѣ онъ будетъ служить. Правленіе согласилось (1). Ректоръ былъ вынужденъ прибѣгнуть къ такого рода сдѣлкѣ, потому что не малая доля отвѣтственности за неисправность эконома падала на само правленіе. Кромѣ того, въ своихъ объясненіяхъ іером. Филаретъ не разъ очень ясно намекалъ на то, что запутался въ дѣлахъ, благодаря нѣкоторымъ властнымъ распоряженіямъ самого ректора, который де „вѣроятно не откажется подтвердить“ и т. д.; а это во всякомъ случаѣ тоже сулило впереди только разныя лишнія непріятности.

Устроивъ дѣло о займѣ и обезпечивъ такимъ образомъ интересы правленія, архим. Іоаннъ затѣмъ круто повернулъ дѣло съ самимъ Филаретомъ, войдя отъ 17 ноября въ правленіе съ запиской такого содержанія: „Бывшій экономъ академіи іером. Филаретъ, по увольненіи отъ академической службы, имѣетъ нужду въ опредѣленіи къ числу братства какого либо монастыря. Принимая во вниманіе, что онъ по должности эконома оказался весьма нерадивымъ и неисправнымъ, такъ что при сдачѣ имущества оказались и недостатки въ наличности разныхъ запасовъ по академіи, и недоимки денежныя по счетамъ, представленнымъ отъ многихъ поставщиковъ и мастеровъ, имѣвшихъ съ нимъ дѣла по академіи, что съ другой стороны, хотя заимообразнымъ взятіемъ изъ редакціоннаго комитета академіи до 2000 руб. сер. онъ покрываетъ всѣ эти недостатки и недоимки, но остается должнымъ редакціи, я

(1) Д. внутр. правл. 1858 г. № 119. Сравн. № 41.

полагаю справедливымъ просить высшее начальство, дабы благоволено было іером. Филарета, какъ для исправленія нравственности, такъ и для доставленія ему способовъ къ уплатѣ редакціи занятыхъ денегъ, перемѣстить въ Соловецкій или иркутскій Вознесенскій монастырь, съ тѣмъ, чтобы все содержаніе, какое ему будетъ слѣдовать въ монастырѣ, обращено было въ уплату состоящаго на немъ долга редакціи чрезъ непосредственное сношеніе монастырскаго начальства съ правленіемъ академіи“ (1). Св. Синодъ оказался милостивѣе въ своемъ рѣшеніи; отъ 11 февраля 1859 г., утвердивъ представленіе правленія о взыскѣ съ іером. Филарета по долгу его редакціи Собесѣдника, Св. Синодъ опредѣлилъ причислить его къ братству ставропигіальнаго Новоіерусалимскаго Воскресенскаго монастыря и самый взыскъ съ него назначилъ только въ размѣрѣ одной трети его монастырскаго жалованья (2). Но ему еще долго нельзя было выѣхать изъ академіи и послѣ такого рѣшенія, потому что въ академіи все еще продолжалось дѣло объ опредѣленіи величины его долга.

Неоплаченные счета одинъ за другимъ подавались въ правленіе въ теченіе всего 1858 и 1859 гг.; правленіе принимало ихъ и требовало отъ Филарета объясненій; этотъ объяснялся и отписывался, стараясь всѣми возможными мѣрами уменьшить свой долгъ и часто не безъ успѣха. Полный начетъ на него по счетамъ опредѣлился первоначально до 1630 руб. 86 коп.; но еще до ноября 1858 г. онъ успѣлъ понизить эту цифру до указанной выше въ 1468 р., воспользовавшись для этого тѣмъ, что въ документахъ правленія, можетъ быть, по его же собственной небрежности, еще со времени ректора Агаѳангела, считалась не оплаченною часть построенной тогда казенной мебели и мебели въ квартирѣ ректора; оцѣнивъ эту мебель подороже и показавъ ее оплаченной изъ своихъ собственныхъ денегъ, онъ настоялъ, чтобы деньги эти поставлены были въ уплату суммы его долга. Потомъ вскорѣ на разныхъ мелочахъ, купленныхъ на собственныя деньги, въ ноябрѣ успѣлъ и оставшуюся сумму начета понизить до 1103 руб. 26 коп.; въ 1859 г. она еще спустилась до 1041 р. 99 к., на чемъ и остановились. Для уменьшенія начета онъ прибѣгалъ къ всевозможнымъ средствамъ,

(1) Д. 1858 г. № 60.
(2) Д. 1858 г. № 119.

отрывалъ у себя разные старые счеты, оплаченные, но не проведенные чрезъ правленіе, отъ 1856 и даже отъ 1855 гг., и такіе же счеты издержекъ, произведенныхъ имъ вслѣдствіе той же небрежности и забывчивости безъ формальнаго разрѣшенія правленія, напр. по пошитію разнаго платья студентамъ въ замѣнъ изношеннаго (до 87 руб.), по покупкѣ дровъ (на 119 руб.), по столярнымъ подѣлкамъ и т. д.. Но правленіе такіе счеты отстрапяло, какъ не законные. Въ 1859 уже году онъ потребовалъ 80 руб. за одну казенную лошадь, показавъ ее своею и даже заявивъ при этомъ на о. Савватія претензію за утайку этой лошади при пріемѣ казеннаго имущества; правленіе доказало, что лошадь эта была казенная, что самъ экономъ на прокормленіе ея и на ковку постоянно получалъ деньги изъ казны, да кромѣ того и цѣна, показанная имъ за нее, очень высока,—свыше 75 руб. въ казнѣ не было никогда ни одной лошади, и опредѣлило отвѣтить на его заявленіе отказомъ съ замѣчаніемъ ([1]). Въ 1859 г. разными купцами и подрядчиками были поданы новые счеты и пошла новая канитель объясненій и взысковъ съ эконома. Не перечисляя всѣхъ этихъ счетовъ, можно указать на нѣкоторые болѣе любопытные, относившіеся къ неоформленнымъ расходамъ по словеснымъ приказаніямъ ректора. Такъ, въ этомъ году поднялись дѣла о такого рода расходахъ по покраскѣ зданія академіи въ 1857 г. и по нѣкоторымъ работамъ въ квартирѣ ректора, по устройству въ церкви клиросовъ, хоругвей, облаченій на престолъ и жертвенникъ, церковныхъ столиковъ и табуретовъ и по заведенію на нѣсколько сотъ рублей разныхъ ризничныхъ вещей. Эконому удалось доказать, что, хотя эти расходы и не были проведены законнымъ порядкомъ, чрезъ правленіе, но большая часть изъ нихъ признана была въ свое время самимъ правленіемъ, которое по экономскимъ запискамъ производило даже и нѣкоторыя по нимъ расплаты, а относительно счета по ремонтамъ 1857 г., за неимѣніемъ денегъ въ казнѣ, само отложило платежи до будущаго года. Ректоръ призналъ свои словесныя приказанія и распорядился уплатить по поданнымъ счетамъ, сдѣлавъ Филарету только замѣчаніе, что эти приказанія не избавляли его отъ обязанности провести дѣло формально. Небольшая остановка произошла въ уплатѣ 123 руб. за 2 ризы и 2 стихаря, о кото-

([1]) Д. 1858 г. №№ 60, 119 и 123.

рыхъ инспекторъ Филаретъ замѣтилъ, что по скудости церковной суммы этотъ расходъ, совершенно уже незаконно сдѣланный, правленію не слѣдуетъ принимать на себя. Тогда экономъ потребовалъ эти ризы и стихари себѣ, доложивъ правленію, что сдѣлалъ ихъ отъ себя, желая пожертвовать въ академическую церковь, но что теперь по нуждѣ въ деньгахъ долженъ отказаться отъ такой жертвы. Не желая путаться въ это дѣло, ректоръ уговорилъ тогдашняго ктитора церкви, купца Дубровина, взять уплату этихъ денегъ на себя. Въ 1859 г. явились еще два курьезныхъ счета—одинъ отъ рыбнаго торговца за рыбу, которая никогда не была расходована на студенческій столъ, другой отъ виноторговца за разныя вина, не употребляющіяся для церковнаго богослуженія. По объясненію эконома оказалось, что эти предметы покупались для закуски 1858 г. послѣ экзамена. Правленіе замяло дѣло, обозначивъ этотъ расходъ подъ именемъ расхода по порученію частныхъ лицъ (1). Кто уже произвелъ эту уплату, изъ дѣлъ не видно.

Пока шла эта процедура разсматриванія неоплаченныхъ счетовъ, іером. Филаретъ все жилъ въ академіи и не получалъ отпуска. Уже 15 января 1860 г. онъ выѣхалъ наконецъ въ Воскресенскій монастырь. Послѣдняя цифра его долга редакціи, который, послѣ всѣхъ начетовъ на него долженъ былъ покрываться вычетами $^1/_3$ изъ его жалованья въ монастырѣ, простиралась до 1050 руб.. Въ томъ же январѣ 1860 г. ректоръ, чувствуя вѣроятно нѣкоторую неловкость предъ сотрудниками редакціи изъ-за такого произвольнаго съ его стороны риска ея суммами, почелъ нужнымъ, „въ видахъ того, какъ писалъ онъ въ своей запискѣ правленію, что полной расплаты отъ бывшаго эконома Филарета долго ждать, да еще не извѣстно и то, не остановится ли она по какому либо случаю до своего окончанія“, представить въ редакціонный комитетъ, въ качествѣ обезпеченія этой расплаты, 1000 руб. изъ своихъ собственныхъ денегъ, подъ тѣмъ условіемъ, чтобы внесенный имъ капиталъ оставался въ билетахъ неприкосновеннымъ, а проценты его употреблялись въ награду одному изъ лучшихъ студентовъ; въ случаѣ же прекращенія вычета $^1/_3$ изъ жалованья Филарета шли одинъ годъ на уплату за него редакціи долга, а другой годъ въ пользу студен-

(1) Д. 1859 г. № 31.

та, по совершенной же уплатѣ долга употреблялись въ пользу студента за каждый уже годъ. Правленіе представило объ этомъ Св. Синоду на утвержденіе. Но Св. Синодъ отстранилъ отъ себя это дѣло, какъ частное, предоставивъ рѣшеніе по нему на волю самого ректора и редакціоннаго комитета. 31 октября 1860 г. комитетъ, то есть самъ ректоръ, постановилъ: такъ какъ это дѣло совершенно частное, а Св. Синодъ съ своей стороны не требовалъ никакого обезпеченія редакціоннаго долга, такъ какъ ректоръ сдѣлалъ свое предложеніе безъ всякаго обязательства къ тому и такъ какъ въ редакціонномъ комитетѣ особенной нужды въ этихъ деньгахъ не настоитъ, а уплата іером. Филаретомъ уже начата; то внесеніе означенной суммы ректоромъ предоставить личному его усмотрѣнію (1). Деньги внесены не были. Съ 1860 г. Воскресенскій монастырь дѣйствительно сталъ присылать 1/4 Филаретовскаго жалованья, но по самымъ ничтожнымъ количествамъ, которыя показывали, что уплатѣ редакціоннаго долга не будетъ конца; въ этомъ году прислано было 20 р. 60 к., въ слѣдующемъ около того же, въ 1862 г.—52 р. 17 к., за 1863 г.—62 р. 50 к.. Послѣ этого полученіе денегъ въ дѣлахъ правленія уже не значится; а всего долгу за уплатами оставалось еще 886 р. 21 1/4 к. (2).

По увольненіи іером. Филарета правленію пришлось искать новаго экономa, потому что исправляющій экономскую должность іеродіаконъ Савватій былъ къ ней не совсѣмъ способенъ по своему малому образованію. 13 мая 1859 г. ректоръ представилъ въ экономы агронома *Еввима Степановича Фалькова*, преподавателя сельскаго хозяйства въ казанской семинаріи. Онъ былъ изъ духовнаго званія, изъ Тобольской епархіи, по окончаніи курса въ тобольской семинаріи учился въ Горыгорецкомъ институтѣ, гдѣ и кончилъ въ 1856 г. курсъ съ званіемъ агронома. За неимѣніемъ въ академіи преподавателя математики, онъ еще въ февралѣ 1859 г. приглашенъ былъ въ академію въ преподаватели этой науки; потомъ ему же поручена и каѳедра физики. Вмѣстѣ съ представленіемъ на должность экономa ректоръ сдѣлалъ представленіе объ опредѣленіи его въ баккалавры математики. Это послѣднее представленіе было удовлетворено не вполнѣ; въ ок-

(1) Д. 1858 г. № 119.

(2) Д. внутр. правл. 1864 г. № 105.

тябрѣ отъ оберъ-прокурора Св. Синода было отвѣчено на него, что Фальковъ еще не выслужилъ въ семинаріи своего обязательнаго срока за воспитаніе въ Горыгорецкомъ институтѣ, опредѣленнаго для такихъ воспитанниковъ института указомъ 1843 г. въ размѣрѣ не менѣе 10 лѣтъ: а потому можетъ читать математику въ академіи только совмѣстно съ преподаваніемъ сельскаго хозяйства въ семинаріи. Утвержденіе его экономомъ послѣдовало 13 іюня. Онъ было довольно дѣятельно принялся за свою должность, но, при тогдашнихъ дурныхъ отношеніяхъ между ректоромъ и инспекторомъ Филаретомъ, отражавшихся особенно на вопросахъ экономическаго управленія, очень скоро къ ней охладѣлъ и сталъ смотрѣть вонъ изъ академіи. Въ концѣ 1859 г. онъ былъ приглашенъ читать сельское хозяйство въ казанскій университетъ и, воспользовавшись этимъ, въ декабрѣ поспѣшилъ отказаться отъ экономства ([1]).

На его мѣсто отъ 31 декабря того же года былъ опредѣленъ баккалавръ *Я. В. Рудольфовъ*, бывшій доселѣ секретаремъ внѣшняго правленія. Онъ былъ родомъ изъ Саратовской епархіи, родился въ 1831 г., учился въ саратовской семинаріи и въ VI курсѣ казанской академіи, кончилъ курсъ въ 1856 г. магистромъ и былъ оставленъ въ академіи баккалавромъ. Экономская должность была далеко ему не по душѣ и даже не по силамъ, особенно послѣ изряднаго разстройства академической экономіи при іером. Филаретѣ, конечно, вовсе не поправившейся послѣ короткаго экономства Фалькова. Новый экономъ былъ простодушный добрякъ, слабый характеромъ, мнительно-робкій, очень медленный въ работѣ и мало способный къ хлопотливой и чисто практической дѣятельности, какая отъ него теперь требовалась; онъ взялся за эту должность, кажется, только вслѣдствіе своей бѣдности и по необходимости помогать своимъ бѣднымъ роднымъ. Онъ постоянно опаздывалъ во всѣхъ экономическихъ дѣлахъ и никогда не успѣвалъ во время написать не только какого нибудь сложнаго экономическаго отчета, но даже небольшой записки въ правленіе. Письмоводители, состоявшіе при экономѣ, имѣли при немъ еще больше работы и значенія, чѣмъ даже при экономѣ Филаретѣ. При этомъ, чего нибудь не поспѣвши сдѣлать, онъ, по своей мнительности, начиналъ

([1]) Д. 1859 г. № 33.

хандрить и еще болѣе опускалъ руки. Съ самаго же начала имъ не довольны были и ректоръ, дѣлавшій иногда довольно язвительныя замѣчанія на счетъ его неторопливости, и студенты; одна только репутація честности и выручала его, по крайней мѣрѣ въ первые годы. При секретарствѣ добраго П. П. Гвоздева бумажныя дѣла по экономіи шли у него еще довольно сносно; но съ преемникомъ Гвоздева В. Я. Михайловскимъ онъ имѣлъ несчастіе поссориться и сталъ по этому случаю подвергаться разнымъ непріятностямъ изъ-за своихъ вольныхъ и невольныхъ промаховъ. Въ маѣ 1862 г. новый секретарь напр. формально жаловался, что экономъ не представляетъ экономическихъ отчетовъ для ревизіоннаго комитета, не смотря на двукратныя о томъ напоминанія изъ канцеляріи (1). Ссора эта доходила иногда даже до крайне мелочныхъ придирокъ; напр. въ ноябрѣ того же года секретарь написалъ рѣзкій протестъ противъ одной записки Рудольфова, въ которой этотъ просилъ себѣ новаго письмоводителя на праздную письмоводительскую вакансію и указалъ даже желательнаго для него кандидата на эту вакансію изъ студентовъ; записка была разобрана секретаремъ по ниткѣ: студентъ оказался землякомъ Рудольфова и человѣкомъ не способнымъ къ письмоводительству, да плохимъ и по ученью, а вакансія письмоводителя оказалась вовсе не по экономической, а по правленской части; задѣтъ былъ даже самый стиль записки и высказано нѣсколько колкостей на счетъ фразы „праздная вакансія“, какъ будто де вакансія можетъ быть не праздною, когда она и есть именно вакансія (2). Мнительный экономъ постоянно жаловался на какія-то интриги, которыя будто бы противъ него кто-то предпринимаетъ, забавно кому-то грозился: quos ego,.. но дѣла экономическія запускалъ все болѣе и болѣе. Его комиссаръ и фактотумъ Евѳимъ могъ бы сильно нажиться около него въ это время, если бы не былъ очень глупъ. Казенныя деньги, иногда весьма крупныя, валялись безъ призора въ его незапертой конторкѣ, такъ что нѣкоторые близкіе къ нему товарищи, случалось, нарочно уносили ихъ къ себѣ для сбереженія отъ расхищенія въ его отсутствіе. Къ несчастію, у него скоро завелись еще дурныя знакомства съ разными подрядчиками и поставщиками, сопро-

(1) Д. 1862 г. № 85.
(2) Д. 1862 г. № 63.

вождавшіяся конечно усердными угощеніями; знакомства эти, при его слабохарактерности, дурно подѣйствовали и на его безукоризненное прежде поведеніе, даже на его доброе здоровье. Онъ быстро сталъ опускаться и старѣть. Ректоръ Іоаннъ, съ 1860 г. забросившій всѣ дѣла, не обращалъ на это никакого вниманія и держалъ его на экономствѣ до конца своего управленія академіей: но за свою неряшливость Рудольфову со временемъ все-таки пришлось жестоко поплатиться при слѣдующемъ ректорѣ.

Какое-то несчастіе преслѣдовало всѣ административные порывы архим. Іоанна; по всѣмъ частямъ его управленія неизмѣнно повторялась одна и таже исторія; въ первые два года и отчасти въ третій годъ онъ проявлялъ кипучую и рѣшительную дѣятельность, писалъ предложенія въ правленіе, дѣлалъ твердыя и грозныя распоряженія, поддерживая ихъ всею силой своей воли и власти, но потомъ все бросалъ изъ рукъ и запускалъ, можно сказать, до нельзя, дѣлая это вовсе не по какой нибудь слабости своихъ силъ,—имя его продолжало оставаться постоянно честнымъ и грознымъ по всей академіи,—а какъ будто изъ какого-то презрѣнія ко всему и на зло кому-то тамъ выше. Кто-то сравнивалъ его съ Никономъ. Было дѣйствительно что-то схожее между нимъ и этимъ властительнымъ патріархомъ, какъ въ манерѣ браться за дѣла во имя однихъ собственныхъ своихъ идей и убѣжденій, безъ всякаго вниманія къ людямъ, которыхъ эти дѣла касались, такъ и въ самой судьбѣ этихъ дѣлъ. Знаменитый великій государь-патріархъ, какъ извѣстно, слишкомъ уже крѣпко натянулъ бразды своего великаго государствованія, такъ что онѣ не выдержали и лопнули, а вмѣстѣ съ тѣмъ сорвалось и самое его великое государствованіе, оставивъ послѣ себя печальное разрушеніе и расколъ. Въ великомъ государствованіи небольшаго академическаго муравейника при Іоаннѣ происходили подобныя же явленія. Въ учебной части они были еще замѣтнѣе, чѣмъ въ экономической, потому что ректоръ Іоаннъ былъ администраторъ по преимуществу ученый и на постановку учебной части обращалъ особенное вниманіе.

Въ первый годъ управленія онъ не дѣлалъ никакихъ особенно важныхъ распоряженій и только присматривался къ существовавшимъ уже учебнымъ порядкамъ, выражаясь относительно всего, что видѣлъ около себя, большею частію неодобрительно и наводя своими отзывами на всѣхъ невольное

смущеніе. Лѣтніе экзамены онъ произвелъ быстро въ 4 дня, не обращая никакого вниманія на тѣ вспомогательныя средства, какія употребляли студенты для своего облегченія, но почти всѣхъ отвѣчающихъ сбивалъ своей діалектикой и всѣмъ ставилъ очень низкія отмѣтки. Онъ и послѣ никогда не признавалъ значенія экзаменовъ, считая ихъ самымъ плохимъ средствомъ узнавать таланты студентовъ, и всегда предпочиталъ имъ устные отвѣты на возраженія и особенно письменныя сочиненія; всѣ экзамены шли у него дня въ 3—4; внимательнѣе другихъ онъ относился только къ экзаменамъ по философіи, на которыхъ ощупать студенческія головы ему казалось легче и удобнѣе. Въ началѣ новаго $18^{57}/_{58}$ учебнаго года онъ самъ составилъ новое росписаніе лекцій и семестровыхъ сочиненій, увеличивъ число послѣднихъ до 9 въ годъ, кромѣ проповѣди, и назначивъ для писанія ихъ 20-тидневные сроки, и на первыхъ порахъ строго слѣдилъ за выполненіемъ того и другого росписанія. Онъ ходилъ по аудиторіямъ и наводилъ страхъ не только на студентовъ, но и на самихъ преподавателей, которыхъ тоже любилъ ставить въ тупикъ при своихъ возраженіяхъ студентамъ. Свое неудовольствіе бывшими до него учебными порядками онъ высказывалъ рѣзко и безпощадно. Ему не нравился даже общій строй академическаго курса, отличавшійся отъ строя другихъ академій включеніемъ въ него особыхъ миссіонерскихъ отдѣленій, важности которыхъ для спеціальныхъ потребностей казанскаго учебнаго округа онъ не признавалъ и не понималъ. „Какіе-то курятники понастроили“, выражался онъ объ нихъ презрительно и находилъ, что ихъ каѳедры занимаются не стоющими никакого вниманія глупостями какой-то тамъ татарвы да бурятъ и только мѣшаютъ развитію въ академіи преподаванія болѣе солидныхъ наукъ. Въ личномъ составѣ наставниковъ академіи ему не нравилось слабое развитіе монашествующаго элемента, который онъ особенно цѣнилъ въ интересахъ науки. „Понатолкали въ академію, говорилъ онъ, женатыхъ да поповъ! Что нибудь одно,—либо баба, либо наука“. Болѣе талантливыми онъ признавалъ только немногихъ преподавателей, главнымъ образомъ изъ молодыхъ баккалавровъ, недавно кончившихъ курсъ и усердно работавшихъ для академическаго журнала.

Самыя раннія его преобразованія по учебной части коснулись академическаго журнала, за который онъ взялся еще

осенью 1857 г.. Онъ принялъ энергичныя мѣры для того, чтобы поднять Православный Собесѣдникъ и придать ему живой интересъ. Съ 1858 г. журналъ сталъ выходить ежемѣсячными книжками съ увлекательнымъ содержаніемъ. Ректоръ привлекъ къ сотрудничеству въ немъ самыя лучшія научныя силы академіи и самъ принималъ въ немъ дѣятельное участіе, напечатавъ въ 1858 г. 18 своихъ собственныхъ статей до 30 печатныхъ листовъ. Какъ эти его статьи, такъ и статьи сотрудниковъ, писавшіяся иногда тоже по мысли и на темы самого ректора, отличались рѣдкими достоинствами, особенно по тому времени. Редакторъ желалъ сдѣлать свой журналъ сильнымъ органомъ церковнаго слова по отношенію къ тогдашнимъ жгучимъ общественнымъ вопросамъ и движеніямъ, и дѣйствительно въ первый же годъ успѣлъ доставить ему замѣчательную популярность въ обществѣ и произвести имъ цѣлый переворотъ даже во всемъ строѣ тогдашней духовной журналистики вообще. Собесѣдникъ архим. Іоанна далъ инициативу всему ея послѣдующему общественному направленію, проявившемуся особенно съ 1860 г. съ появленіемъ новыхъ духовно-общественныхъ журналовъ. Первый годъ редакторства Іоанна былъ самымъ цвѣтущимъ временемъ Православнаго Собесѣдника, когда онъ имѣлъ самое большое число подписчиковъ и платилъ своимъ сотрудникамъ по 100 руб. за листъ. Но такое общественное и современное направленіе его статей на первыхъ порахъ оказалось еще не по плечу духовному вѣдомству, привыкшему къ своей вѣковой тиши и глади, обезпокоило духовное начальство своей небывалой прежде смѣлостью и возбудило противъ себя сильное неудовольствіе вліятельныхъ духовныхъ лицъ. Въ мартѣ слѣдующаго 1859 г., по указу Св. Синода, редакціи и цензурѣ Собесѣдника сдѣлано было замѣчаніе, и цензура оригинальныхъ статей журнала переведена была въ московскій цензурный комитетъ. Указъ этотъ былъ громовымъ ударомъ и для ректора, который тогда даже опасно захворалъ и былъ едва отхоженъ докторомъ Скандовскимъ, и для Собесѣдника, равнявшимся совершенному уничтоженію журнала. Онъ дѣйствовалъ не долго, всего до конца 1860 г.; но судьба Собесѣдника была уже рѣшена; число его подписчиковъ стало быстро уменьшаться, а въ 1861 г. сотрудники и редакція не получили за свою работу уже никакого гонорара, и академическіе писатели стали обращаться съ своими статьями въ другія редакціи, болѣе богатыя средствами. Послѣ этого конечно ничего не

оставалось дѣлать, какъ только кое-какъ поддерживать журналъ, уменьшивши число его экземпляровъ и наполняя его даровыми статьями, какого попало, достоинства, чтобы онъ только не прекращался вовсе (1). Это было самое жестокое фіаско, потерпѣнное ректоромъ Іоанномъ въ самомъ лучшемъ его дѣлѣ во время службы при казанской академіи. И должно быть сильна была его привязанность къ этому дѣлу, что онъ и послѣ этого фіаско всетаки не опустилъ рукъ, какъ онъ дѣлалъ послѣ непріятностей отъ начальства по разнымъ частямъ академической администраціи; онъ продолжалъ печататься въ Собесѣдникѣ почти также усердно, какъ и прежде, старался всячески удержать при немъ и другихъ академическихъ сотрудниковъ.

Въ томъ же 1858 г., который былъ апогеемъ его редакторской дѣятельности, онъ энергично принялся и за устройство учебной части. Лѣтомъ предстоялъ выпускъ изъ академіи VII курса, который ректоръ не считалъ своимъ курсомъ; на этомъ курсѣ и сорвалось его неудовольствіе прежнимъ учебнымъ направленіемъ академіи. Еще въ правилахъ для курсовыхъ экзаменовъ онъ распорядился, чтобы преподаватели въ своихъ спискахъ ставили въ I-й разрядъ не болѣе 4—5 студентовъ. При самомъ выпускѣ въ число магистровъ изъ 27 человѣкъ курса попало всего 5 человѣкъ, да одинъ съ правомъ получить магистерскую степень черезъ 2 года одобрительной службы; 6 человѣкъ выпущены просто студентами, изъ нихъ двое даже безъ правъ на кандидатство. Замѣчательно, что это распредѣленіе степеней было сдѣлано не только безъ вѣдома наставниковъ и конференціи, которая по уставу только одна и имѣла на то право, но даже въ величайшемъ отъ всѣхъ секретѣ, такъ что и самый списокъ студентовъ былъ весь написанъ на-бѣло рукой самого секретаря Гвоздева и уже послѣ предъ самымъ представленіемъ въ Синодъ данъ на подписаніе инспектору и еще двоимъ болѣе надежнымъ по части сохраненія секретовъ профессорамъ, Н. П. Соколову и Г. С. Саблукову (2). Такъ же секретно произведено было потомъ назначеніе этихъ кончившихъ курсъ студентовъ на мѣста духовно-учебной службы, при чемъ ни одинъ изъ

(1) Подробнѣе объ этомъ въ статьѣ Н. Ѳ. Красносельцева въ Прав. Соб. 1885 г.: Краткая исторія журн. Прав. Собесѣдникъ.

(2) Д. конфер. 1858 г. № 7.

нихъ не былъ оставленъ при академіи, хотя бакалаврскія вакансіи при ней тогда и были и хотя корифеемъ этого опальнаго курса былъ такой студентъ, какъ А. С. Павловъ (1). Такой произволъ въ дѣлахъ конференціи сильно возмутилъ тогда всю академическую корпорацію. Послѣ, черезъ 2 года, точно такимъ же порядкомъ и съ такимъ же секретомъ былъ выпущенъ VIII курсъ академіи. На представленіи о распредѣленіи этого курса видимъ даже всего только 3 подписи,— ректора, инспектора и секретаря (2). Но это былъ курсъ уже самого архим. Іоанна; изъ 25 человѣкъ 7 были выпущены магистрами и 7 старшими кандидатами, со степенью студента ни одного; одинъ изъ кончившихъ курсъ былъ оставленъ при академіи.

Въ вакатъ 1858 г., послѣ выпуска изъ академіи VIII курса, реформаторская дѣятельность ректора прорвалась со всею силою. Въ отсутствіе наставниковъ академіи, большею частью разъѣхавшихся изъ Казани на вакатъ, 3 іюля онъ подалъ въ правленіе обширную записку, въ которой, высказавъ свои воззрѣнія на составъ академическаго курса, произвелъ радикальную перетасовку всѣхъ предметовъ преподаванія, тоже никого предварительно не спросясь, ни съ кѣмъ не посовѣтовавшись и положившись во всемъ на силу только одного собственнаго ума. Онъ началъ съ миссіонерскихъ отдѣленій, которыя называлъ курятниками, пристроенными къ академіи; ему не нравились въ нихъ и добровольный характеръ занятій студентовъ миссіонерскими предметами по собственному ихъ выбору, и широта миссіонерскихъ курсовъ, мѣшавшихъ будтобы главному академическому курсу, подробность изученія какого нибудь глупаго, по его мнѣнію, ислама, и вообще все съ начала до конца. Записка находила, что гораздо разумнѣе и справедливѣе, отмѣнивъ раздѣленіе студентовъ по отдѣленіямъ, обратить изученіе раскола и ислама въ общіе, для всѣхъ студентовъ обязательные классы, притомъ такъ, чтобы студенты младшаго курса изучали науки противъ ислама, а старшіе противъ раскола. О предметахъ противо-буддійскаго отдѣленія авторъ записки забылъ, но они потомъ сдѣланы были тоже обязательными для младшаго курса студентовъ, который такимъ образомъ былъ обремененъ, кромѣ изученія означен-

(1) Д. внутр. правл. 1858 г. № 48.
(2) Д. внутр. правл. 1860 г. № 40.

ныхъ вѣроисповѣданій, еще изученіемъ разомъ четырехъ, совсѣмъ новыхъ для студентовъ языковъ—арабскаго, татарскаго, монгольскаго и калмыцкаго. Особое изученіе ислама записка нашла совсѣмъ излишнимъ и предлагала, уничтоживъ его особую каѳедру, присоединить его къ каѳедрѣ арабскаго и татарскаго языковъ, обязавъ наставника, чтобы онъ, не вдаваясь въ спеціальное изученіе ислама, прямо и положительно руководилъ воспитанниковъ къ самому обличенію магометанства въ его главныхъ основаніяхъ. Нѣкоторыя науки раскольническаго отдѣленія,—миссіонерскую педагогику и славянскую палеографію, предлагалось тоже отмѣнить. Изъ другихъ наукъ обличительное богословіе признано необходимымъ перевести въ высшее отдѣленіе, взамѣнъ же его въ низшее перевести церковное краснорѣчіе, присоединивъ его къ словесности, чтобы младшіе студенты занимались составленіемъ проповѣдей и изученіемъ „не одной свѣтской литературы и многихъ пустыхъ и безплодныхъ ея видовъ и произведеній, но и образцовъ духовнаго краснорѣчія, древнихъ и новыхъ, отечественныхъ и иностранныхъ“; для философіи назначить двоихъ наставниковъ, какъ прежде было въ казанской академіи и есть теперь во всѣхъ другихъ академіяхъ; открыть (закрытый при архим. Агаѳангелѣ) классъ математики и опредѣлить на него особаго наставника Въ заключеніе записки ректоръ обѣщалъ представить новое распредѣленіе предметовъ между наличными наставниками. Только лишь правленіе утвердило эти соображенія ректора, какъ 11 іюля имъ подана была новая записка, которой произведена была радикальная перетасовка самихъ преподавателей, при чемъ конечно не требовалось согласія ни отъ одного изъ нихъ. Профессоръ философіи Н. П. Соколовъ былъ переведенъ на церковную исторію, философія же раздѣлена между баккалавромъ палеографіи А. И. Лиловымъ и баккалавромъ обличительнаго богословія П. Г. Рублевскимъ; преподаваніе ислама оставлено за однимъ профессоромъ Г. С. Саблуковымъ, а профессоръ Н. И. Ильминскій переведенъ на математику; баккалавръ М. Я. Предтеченскій съ каноники и литургики перевеленъ на греческій языкъ; для преподаванія двухъ новыхъ языковъ приглашенъ лекторъ, англичанинъ Бересфордъ, и самое изученіе этихъ языковъ сдѣлано обязательнымъ для всѣхъ студентовъ. Кромѣ этого, бывшій профессоръ пастырскаго богословія и гомилетики священникъ М. М. Зефировъ еще съ

1857 г., когда ректоръ сталъ вытѣснять изъ академіи „поповъ“ и уже вытѣснилъ одного изъ нихъ, баккалавра обличительнаго и основнаго богословія священника В. А. Ложкина, былъ назначенъ къ переводу на монгольскіе предметы. Къ 3 ноября Св. Синодъ утвердилъ рѣшеніе правленія, не согласившись только на переводъ съ противомухамеданскаго отдѣленія на математику проф. Ильминскаго (1). Но было уже поздно; этотъ дорогой для академіи человѣкъ, на которомъ противомусульманское отдѣленіе, да и все миссіонерское дѣло въ казанскомъ краѣ только и держалось, ушелъ уже на свѣтскую службу. Вслѣдъ за нимъ началось бѣгство съ академической службы и другихъ преподавателей. Въ томъ же 1858 г. выбыли изъ академіи баккалавръ каноники и литургики М. Я. Предтеченскій (въ преподаватели петербургской семинаріи) и заслуженный ветеранъ академіи проф. физики Д. Ѳ. Гусевъ; въ февралѣ 1859 г. ушелъ въ надзиратели тифлисской гимназіи дорогой спеціалистъ палеографіи, превращенный въ философа, А. П. Лиловъ; въ 1860 г. перешелъ въ кіевскую академію другой невольный философъ баккалавръ П. Г. Рублевскій. Число вакантныхъ каѳедръ все возрастало и все по наиболѣе важнымъ предметамъ.

Того же 11 іюля 1858 г. ректоръ подалъ въ правленіе еще записку, въ которой, озаботившись замѣщеніемъ двухъ вакантныхъ каѳедръ, одной по литургикѣ и каноникѣ, другой по основному и обличительному богословію, писалъ: „Принимая во вниманіе особенную важность и пользу служенія въ академіи монашествующихъ лицъ и то обстоятельство, что въ настоящее время въ академіи число таковыхъ лицъ недостаточно, между прочимъ и для постояннаго совершенія богослуженія въ академической церкви, предлагаю правленію академіи ходатайствовать предъ высшимъ начальствомъ о назначеніи на имѣющіяся въ академіи вакансіи наставниковъ изъ монашествующихъ лицъ. Къ сему считаю нужнымъ присовокупить, что въ казанскомъ округѣ способныхъ къ такому назначенію лицъ въ виду не имѣется“. Ходатайство было послано; но черезъ недѣлю 19 іюля, потомъ еще 28 іюля Іоаннъ подалъ двѣ другія записки съ опредѣленнымъ указаніемъ на самыя лица, которыхъ онъ желалъ имѣть въ академіи; ука-

(1) Приведенныя записки ректора см. въ дѣлѣ внутр. правл. 1858 г. № 36.

заны были профессоры костромской семинаріи іеромонахи Хрисанѳъ и Сергій и инспекторъ харьковской семинаріи іером Павелъ. Представленія объ нихъ тоже были посланы. Но изъ указанныхъ монаховъ попалъ въ академію только іером. Хрисанѳъ; Павла оставилъ у себя преосвященный Филаретъ харьковскій, отпросивъ его у Св. Синода; а Сергій, по ходатайству Филарета митрополита московскаго, переведенъ былъ въ ректоры Виѳанской семинаріи. Каѳедру каноники пришлось замѣстить свѣтскимъ баккалавромъ А. С. Павловымъ, воспитанникомъ опальнаго VII курса академіи (1). Въ 1861 г. ректоръ ходатайствовалъ еще о переводѣ въ казанскую академію іером. Владиміра, инспектора томской семинаріи; но и этотъ монашествующій кандидатъ, мимо Казани, переведенъ былъ въ инспекторы петербургской академіи. Казанскихъ воспитанниковъ Іоаннъ презиралъ, что было конечно обидой для академіи, и даже свѣтскихъ кандидатовъ на вакантныя каѳедры приглашалъ изъ другихъ академій. Число академическихъ вакансій оставалось все-таки очень велико, особенно въ 1859 г., когда самъ ректоръ отказался отъ преподаванія догматики; всѣ эти вакансіи замѣщались временно наличными наставниками, которые отъ этого всѣ были обременены тогда лишними предметами, конечно въ ущербъ дѣлу преподаванія, тѣмъ болѣе, что на вознагражденіе ихъ за эти лишніе труды ректоръ былъ крайне скупъ, нуждаясь въ остаточныхъ отъ жалованья деньгахъ для восполненія разныхъ нуждъ по разстроенной академической экономіи.

Такимъ образомъ вся реформа учебной части, предпринятая архим. Іоанномъ на основаніи чисто личныхъ и чисто теоретическихъ соображеній, потерпѣла всестороннее фіаско въ первый же учебный годъ, не принеся никакихъ плодовъ, кромѣ опустѣнія личнаго состава академіи и лишняго раздраженія наставниковъ, оставшихся на службѣ. Раздраженіе это усиливалось еще гордымъ, даже презрительнымъ обращеніемъ ректора съ наставниками. Онъ держался отъ нихъ очень далеко, принималъ ихъ у себя даже хуже, чѣмъ студентовъ, и не стѣснялся унижать ихъ въ присутствіи самихъ студентовъ. Выговоры дѣлались даже на классныхъ журналахъ, гдѣ при записяхъ содержанія лекцій встрѣчаемъ разные, постав-

(1) Д. внутр правл. 1858 г. № 24.

ленные ректоромъ знаки вопросовъ, замѣчанія касательно пропуска лекцій или занятій, не совсѣмъ относящихся къ предмету лекцій. Въ октябрѣ 1858 г. на одномъ классѣ еврейскаго языка въ журналѣ было записано, что наставникъ занимался разборомъ студенческихъ проповѣдей: на это послѣдовало замѣчаніе ректора: „Развѣ проповѣди студентовъ писаны на еврейскомъ языкѣ?“ — Словесныя объясненія его съ наставниками имѣли грубую форму даже въ тѣхъ случаяхъ, когда онъ нуждался въ человѣкѣ, напр. когда поручалъ представить ему сборъ фактическихъ свѣдѣній для какой нибудь затѣваемой имъ работы, или когда ему подавали статьи для Православнаго Собесѣдника, послѣ 1860 г. имѣвшаго очень ограниченное число сотрудниковъ. Сборъ фактовъ для своихъ статей онъ заказывалъ почти въ такомъ же тонѣ, какъ учителями задаются сочиненія ученикамъ, и принималъ ихъ безъ всякой благодарности, какъ совершенно должный знакъ повиновенія начальству. Когда кто представлялъ ему свою работу для Собесѣдника, онъ принималъ ее съ такимъ видомъ, какъ будто дѣлалъ этимъ великое снисхожденіе автору, кто бы онъ ни былъ, хотя бы изъ самыхъ лучшихъ силъ журнала, и, прочитавъ статью, объявлялъ съ гримасой, что, за неимѣніемъ пока лучшихъ статей, вѣроятно ее напечатаетъ. При опредѣленіи наставниковъ на какую нибудь должность по академіи или при поступленіи на каѳедру новаго наставника онъ любилъ читать имъ разныя сильныя наставленія, напр. хоть баккалавру Порфирьеву при опредѣленіи его библіотекаремъ: „Понимаете ли Вы, что такое библіотекарь? — Онъ долженъ стоять на современномъ уровнѣ образованія, слѣдить за движеніемъ науки“ и проч. проч.. Любопытно, что новыхъ наставниковъ онъ никогда не вводилъ въ должность самъ лично, какъ это дѣлали прежніе ректоры, сами сопровождая каждаго новичка въ аудиторію и рекомендуя его студентамъ. Іоаннъ поручалъ это дѣлать инспектору, а то, принявъ новаго баккалавра, явившагося къ нему предъ своимъ дебютомъ за благословеніемъ, просто говорилъ ему: „Ступайте на лекцію: если не знаете, куда идти, спросите швейцара,—онъ Вамъ укажетъ“. Множество подобныхъ мелочей дѣлали положеніе преподавателей невыносимо тягостнымъ и обиднымъ. Поощреній въ своей нелегкой службѣ они не видѣли отъ ректора никакихъ; разныя порученія и сверхштатные труды по занятію многочисленныхъ вакантныхъ каѳедръ должны были нести на себѣ

безъ всякаго вознагражденія, о которомъ мудрено было даже и просить ректора, не наталкиваясь на сарказмъ или грубость.

Послѣ общей перетасовки преподавателей въ 1858 г. отношенія ихъ къ ректору дѣлались все хуже и натянутѣе. Наконецъ въ святки $18^{60}/_{61}$ г. общее раздраженіе прорвалось коллективной жалобой ихъ на ректора на имя синодальнаго оберъ-прокурора, въ которой приняли участіе даже такіе незлобивые люди, какъ И. П. Гвоздевъ и Г. С. Саблуковъ. „Позвольте, Ваше Сіятельство, писалось въ этой жалобѣ, предложить на Ваше благоусмотрѣніе справедливую просьбу наставниковъ казанской духовной академіи.—Истощивши всякое человѣческое терпѣніе, мы наконецъ вынуждены прибѣгнуть подъ защиту и покровительство Вашего Сіятельства и доложить Вамъ, что мы не можемъ болѣе служить вмѣстѣ съ о. ректоромъ, архимандритомъ Іоанномъ. Совершенный произволъ о. Іоанна въ управленіи дѣлами академіи, выражающійся въ перемѣщеніи наставниковъ съ одной каѳедры на другую безъ вѣдома и желанія перемѣщаемыхъ, а также безъ дѣйствительной нужды и безъ разумной цѣли, въ оставленіи нѣсколькихъ каѳедръ праздными на продолжительное время и порученіи занятій по предметамъ праздныхъ каѳедръ большею частію безъ вознагражденія, что, при ограниченности средствъ нашего содержанія, очень обидно, въ непредставленіи къ повышенію наставниковъ по должности, т. е. изъ баккалавровъ въ экстра-ординарные и потомъ ординарные профессоры, а также въ непредставленіи ихъ и къ другимъ наградамъ, какія получаютъ наставники прочихъ академій; произволъ по правленію, канцеляріи и редакціи, хотя и частному учрежденію, но такому, которое требуетъ нашего общаго участія и должно удовлетворять нашимъ общимъ желаніямъ; полное пренебреженіе къ голосу наставниковъ, гдѣ бы онъ ни выразился,—въ составленіи ли списковъ на экзаменахъ, или въ разныхъ законныхъ представленіяхъ; наконецъ обращеніе съ нами рѣзкое, грубое, презрительное, доходящее до оскорбительныхъ ругательствъ на словахъ и на бумагѣ,—все это вынудило насъ просить Ваше Сіятельство употребить свое ходатайство предъ Св. Синодомъ о назначеніи въ казанскую академію новаго ректора, на мѣсто о. архим. Іоанна, такого, который имѣлъ бы въ виду не свои только интересы и преслѣдовалъ не свои только цѣли, но

главнымъ образомъ благо служащихъ въ оной и воспитывающихся. Прибѣгая подъ защиту Вашего Сіятельства, мы надѣемся, что Вы не заставите насъ обратиться съ просьбой прямо въ Св. Синодъ.“ Но эта жалоба наставниковъ произвела неожиданный разладъ между ними же самими. Нѣкоторые изъ нихъ испугались такого рѣшительнаго шага и тайно отъ другихъ воротили посланную бумагу чрезъ почтовое вѣдомство обратно. Долго это никому не было извѣстно и всѣ, подписавшіеся подъ жалобой, съ нетерпѣніемъ ждали ея результатовъ. О возвращеніи ея стало извѣстно уже въ маѣ 1861 г, когда въ Казань пріѣхала слѣдственная коммиссія по дѣлу объ участіи студентовъ академіи въ университетской панихидѣ по Бездинскимъ крестьянамъ. Слѣдователи, собирая тогда всякія свѣдѣнія о состояніи казанской академіи, добрались и до жалобы профессоровъ; жалоба эта, въ свое время не дошедшая по адресу, была ими возстановлена и пущена въ ходъ.

Насколько можно заключать изъ нѣсколькихъ извѣстій, помѣщенныхъ въ V томѣ Мнѣній и Отзывовъ митрополита Филарета (1), дѣло это стоило большихъ непріятностей ректору. Онъ думалъ отписаться на послѣдовавшіе ему запросы, завинивъ самихъ протестовавшихъ противъ него наставниковъ, и написалъ противъ жалобы ихъ сильныя объясненія, въ которыхъ характеризовалъ ихъ съ самой дурной стороны, но, увлекшись своимъ краснорѣчіемъ, сдѣлалъ эти объясненія черезчуръ уже сильными. Баккалавръ М. И. Красинъ напр. явился у него „либераломъ въ высшей степени, проникнутымъ до крайности современными идеями“, и главнымъ возмутителемъ всѣхъ противъ ректора; іером. Григорій, упомянутый въ объясненіи нѣсколько разъ,—лѣнивымъ преподавателемъ, гордымъ, раздражительнымъ, грубымъ ругателемъ, вооружившимъ противъ себя своимъ ругательнымъ обращеніемъ по должности помощника инспектора всѣхъ студентовъ; проф. Н. П. Соколовъ—плохимъ преподавателемъ, котораго и съ церковной исторіи слѣдовало бы перевести на другой предметъ; профессоръ Ильминскій—какимъ-то пропагандистомъ въ академіи ислама, бакк. Добротворскій—человѣкомъ „съ слабыми способностями и мертвеннымъ преподаваніемъ, наводящимъ тоску и унынie на слушателей, какъ ректоръ на себѣ это испыталъ во время

(1) Мнѣнія и отзывы, т. V, ч. I стр. 109—112.

его лекціи"; всѣ вообще баккалавры, пожелавшіе судить ректора,—зараженными „особеннымъ духомъ, духомъ самостоятельной свободы, не извѣстнымъ въ другихъ академіахъ, на который слѣдуетъ обратить вниманіе, надменными, не знающими благодушнаго послушанія начальству, малоспособными и малоблагонадежными въ службѣ, не уважающими даже самого преосвященнаго архіепископа и не обращающими ни малѣйшаго вниманія на его замѣчанія по службѣ". На всѣ эти аттестаціи преосв. Филаретъ сдѣлалъ однообразныя замѣчанія, почему же ректоръ до сихъ поръ терпѣлъ такихъ подчиненныхъ, не исправлялъ ихъ, не увольнялъ или самъ не отказался отъ службы, по писанію: *Не ищи, да будеши судія, аще не возможеши отъяти неправды.* Не оставилъ ректоръ въ покоѣ и проф. Гусева, уже вышедшаго тогда изъ академіи; онъ воспользовался этою личностью въ доказательство доброты своихъ отношеній къ наставникамъ академіи. „Гусевъ, извѣстный своимъ постояннымъ пьянствомъ, грубѣйшимъ вольномысліемъ, буйствомъ характера и сутяжничествомъ, уволенъ мною изъ академіи не только съ честію, даже съ полною пенсіею, которой онъ еще не выслужилъ, даже съ орденомъ (Анны 3 степ.)". Преосвященный Филаретъ замѣтилъ, что ректоръ въ оправданіе себя и тутъ написалъ обвиненіе на себя. Вотъ еще оправданіе его противъ обвиненія въ незаконномъ веденіи дѣла о выпускѣ студентовъ: „Въ 1860 г., когда дѣйствительное и полное собраніе конференціи (въ іюлѣ) было затруднительно, потому что профессоры академіи были въ разъѣздахъ по загороднымъ мѣстамъ и пріѣзжали въ городъ врозь, по одиночкѣ, еще было весьма важное затрудненіе для созванія конференціи: студенты, окончившіе курсъ, съ замѣтнымъ безпокойствомъ и волненіемъ ждали конференціи и въ ней рѣшенія своей участи. Зная по опыту, что напряженіе молодыхъ головъ въ подобныхъ случаяхъ не обходится безъ разныхъ безпорядковъ между ними и непріятныхъ столкновеній съ начальствомъ, я рѣшился повести дѣло, сколько можно, секретно, такъ чтобы студенты до времени не знали опредѣленій конференціи (1). Именно, вмѣсто открытаго собранія членовъ конференціи, я употребилъ такую мѣру: составивъ вчернѣ окончательный списокъ студентовъ съ при-

(1) Преосв. Филаретъ замѣтилъ на это: «Это доносъ ректора на студентовъ и на себя».

мѣрнымъ распредѣленіемъ ихъ по ученымъ степенямъ, на основаніи частныхъ списковъ баккалавровъ и испытаній, произведенныхъ въ присутствіи преосвященнаго Аѳанасія и потомъ преосв. Никодима, я поручилъ секретарю передать этотъ списокъ секретно по рукамъ членовъ конференціи, когда они будутъ являться въ городъ“.... О веденіи дѣлъ по правленію онъ писалъ: „Я даю мысль и направленіе дѣлу; затѣмъ журналъ, только еще вчернѣ составленный, передается сперва членамъ правленія, каждому порознь (ихъ всѣхъ 4 и со мною вмѣстѣ), начиная съ младшаго, какъ велитъ уставъ“. Послѣднія объясненія, какъ это замѣтилъ и преосвящ. Филаретъ, служатъ между прочимъ лучшимъ доказательствомъ того, что было сказано о незаконномъ веденіи имъ дѣлъ по правленію и конференціи. Понятно, что вся эта исторія еще болѣе обострила взаимныя отношенія между ректоромъ и наставниками. Послѣдніе постоянно держались въ отношеніи къ нему отрицательно, уклоняясь отъ всякихъ съ нимъ сношеній; съ своей стороны и онъ тоже замкнулся отъ нихъ въ своемъ кабинетѣ и при всякомъ случаѣ выказывалъ имъ свое гордое презрѣніе.

Со студентами сначала онъ держался очень строго, но потомъ смякъ, сдѣлался добродушнѣе и ласковѣе, доходилъ даже до нѣкотораго рода заискиванія между ними популярности. Мы уже видѣли, какого страха задалъ онъ всѣмъ по пріѣздѣ. При первомъ своемъ обозрѣніи академіи онъ явился даже весьма строгимъ ригористомъ. Увидавъ въ 6 № фортепьяно, онъ по своему обыкновенію ткнулъ въ него палкой и, оборотясь къ инспектору, спросилъ: „Это у васъ дозволяется?“— Отвѣтъ былъ утвердительный. „Да! продолжалъ ректоръ. Заведется фортепьяно, потомъ скрипка, а потомъ гитара, а тамъ барабанъ,—и пошло“. Озадачивъ своей грозой все академическое юношество, онъ нѣсколько времени продолжалъ держаться все въ такомъ же тонѣ. На такія преступленія, какъ куреніе табаку, питье чая до обѣдни и т. п., особеннаго вниманія онъ не обращалъ; все это при немъ допускалось довольно свободно. Но внѣшняя форма соблюдалась весьма строго. Съ самаго же начала онъ ввелъ строгую униформу въ одеждѣ студентовъ, точно расписавъ, когда они могли носить свои домашніе сюртуки и когда надѣвать суконныя праздничныя пары; въ этихъ праздничныхъ парахъ они должны были присутствовать по праздникамъ не только въ церкви, но и въ столовой. Въ церкви для красы они размѣщаемы были въ своихъ рядахъ

по росту,—маленькіе впереди. Велѣно строго наблюдать, чтобы въ 10 часовъ всѣ студенты были уже въ спальняхъ и чтобы занятныя комнаты были въ это время всѣ заперты старшимъ служителемъ и отпирались только въ 7 часовъ утра. Выходъ изъ академіи безъ записи въ журналъ былъ воспрещенъ. Въ постѣ 1858 г. вышло предписаніе ректора о порядкѣ разныхъ шествій студентовъ въ церковь или въ столовую и обратно по-парно, который успѣлъ уже совсѣмъ забыться со времени инспектора Серафима. Сейчасъ же по изданіи этого предписанія ректору попался въ одиночествѣ при шествіи въ столовую студентъ А. С. Павловъ, и ректоръ такъ на него грозно напалъ, что съ несчастнымъ преступникомъ сдѣлался было нервный припадокъ. Другихъ студентовъ ректоръ благодарилъ за послушаніе и выразилъ надежду на ихъ благородство и на то, что въ будущемъ, при послушливомъ исполненіи этого, хотя не важнаго самого по себѣ порядка шествія, но важнаго, какъ выраженіе послушанія дисциплинѣ, ему ректору не придется прибѣгать „къ инымъ мѣрамъ“. Гордый человѣкъ очевидно самъ стыдился крѣпко стоять за дисциплину и, не желая сдѣлаться изъ-за нея предметомъ насмѣшекъ или низкаго мнѣнія студентовъ, самъ парализовалъ силу своихъ распоряженій и маскировалъ ихъ выдуманными предлогами. Студенты все-таки страшно его боялись и даже избѣгали случаевъ съ нимъ встрѣчаться. Зимой и въ ненастное время онъ имѣлъ обыкновеніе каждый день ходить по нѣсколько часовъ вдоль нижняго корридора; корридоръ этотъ сдѣлался для всѣхъ опаснымъ мѣстомъ и по нему проходили только по необходимости въ столовую, избирая для прохода въ другія мѣста, напр. въ садъ или во дворъ, задній ходъ изъ корпуса. Но дальше этого корридора онъ рѣдко куда ходилъ; въ студенческихъ номерахъ и аудиторіяхъ появлялся только на первыхъ порахъ по пріѣздѣ въ академію. Лѣтомъ мѣстомъ его прогулки былъ сначала академическій садъ; но потомъ онъ выселился изъ него къ академической оградѣ на улицу и ходилъ вдоль академіи, нахлобучивъ клобукъ впередъ на самый лобъ и положивъ на плечо трость. При встрѣчѣ со студентомъ онъ поражалъ послѣдняго какимъ нибудь совершенно неожиданнымъ вопросомъ или замѣчаніемъ, отъ котораго тотъ непремѣнно сбивался съ толку; озадачивъ его такимъ образомъ, ректоръ потомъ скоро отпускалъ его въ крайнемъ недоумѣніи, что молъ это обозначаетъ, попался я въ чемъ или нѣтъ. Въ

VII курсѣ сложили про него даже стихи, начинавшіеся: „Ходитъ ректоръ, Иванъ Грозный, Палкою стучитъ“.

Чувство нѣкотораго страха предъ грознымъ ректоромъ не отпускало самыхъ храбрыхъ юношей даже тогда, когда отъ скуки онъ принимался по своему балагурить съ ними. По нѣскольку разъ въ недѣлю, по вечерамъ послѣ ужина, онъ имѣлъ обыкновеніе призывать къ себѣ то того, то другого изъ студентовъ въ кабинетъ для бесѣды и въ это время своими быстрыми, отрывистыми вопросами успѣвалъ разузнавать почти все, что дѣлалось у студентовъ и чѣмъ они особенно заняты были въ данное время, большею частію озадачивая при этомъ собесѣдника своимъ близкимъ знаніемъ всѣхъ студенческихъ продѣлокъ и привычекъ, такъ что оставалось невольно только подтверждать его слова. Аудіенція начиналась всегда чтеніемъ газеты или какой нибудь книги, при чемъ ректоръ устало ходилъ по комнатѣ или полулежалъ на кушеткѣ; потомъ начиналась бесѣда, въ родѣ напр. такой (при первой, кажется, такой аудіенціи по пріѣздѣ): „Ну, что? хороши-ли здѣсь студенты?—Хороши.—„Вамъ нравятся? Чѣмъ же напримѣръ?“—Между собой дружно живутъ.—„Т. е. одни другихъ не выдаютъ? Ну, да это не у Васъ спрашивать. А курятъ?—Курятъ.—„Что же, трубки, сигары?“—Папиросы.—„Да, это понѣжнѣе. Сами и дѣлаете?“—Сами.—„А гдѣ курите? Въ комнатахъ?“—Нѣтъ, какъ можно! - „Гдѣ-же? За стѣнкой, внизу??“.... „Ну, а другіе запрещенные товары?“—Еще никакихъ нѣтъ.—„Никакихъ?“—Никакихъ.—Потомъ такъ же точно—о чтеніи романовъ, о картахъ, о посѣщеніи театра, о знакомствахъ въ городѣ, съ студентами университета, съ профессорами, городскими земляками и т. д.. До кабинета доносился иногда шумъ изъ помѣщеній студентовъ, и ректоръ начиналъ разсказывать, гдѣ они теперь шумятъ, что дѣлаютъ, какую шалость придумали, сколько купили вина и гдѣ его распиваютъ, и большею частію угадывалъ необыкновенно мѣтко Аудіенціи эти бывали большею частію крайне тяжелы; студентъ около часу долженъ былъ напрягать все свое вниманіе, чтобы отвѣтить на неожиданные вопросы впопадъ и въ тоже время ничего неподходящаго не выдать. Іоаннъ особенно любилъ ловкихъ, находчивыхъ и энциклопедически образованныхъ студентовъ, допускалъ даже остроумныя шутки съ ихъ стороны и самъ разсказывалъ смѣшные анекдоты, представляя каррикатуры профессоровъ своего вре-

мени или синодскихъ чиновниковъ въ родѣ Сербиновича, Карасевскаго и проч.. Въ разговорахъ о студентахъ съ іером. Хрисанѳомъ (Ретивцевымъ), единственнымъ изъ баккалавровъ, съ которымъ онъ входилъ въ нѣкоторыя интимности, онъ въ видѣ похвалы и удовольствія называлъ этихъ студентовъ мошенниками, въ смыслѣ людей, которые не пропадутъ нигдѣ и лицемъ въ грязь не ударятъ. Другой классъ студентовъ, нравившихся ему, былъ классъ крѣпкоголовыхъ философовъ и діалектиковъ, которымъ ректоръ прощалъ даже нѣкоторую ихъ угловатость и непониманіе житейскихъ мелочей; съ ними онъ велъ больше серьезныя, научныя рѣчи, на которыя они только и были способны. Подобнаго рода сближеніе съ студентами нисколько не роняло его ректорскаго престижа, напротивъ какъ-то даже усиливало въ студентахъ и страхъ, и благоговѣніе предъ ректоромъ, потому что каждый студентъ, побывавъ у него, выходилъ отъ него, положительно ошеломленный силой его ума, діалектики, разнообразныхъ, и научныхъ, и житейскихъ знаній, и вмѣстѣ силой его характера и власти, которая постоянно чуялась и давила молодого собесѣдника среди самыхъ шутокъ начальника и при всей его снисходительности. Въ сознаніи своей силы ректоръ многое даже спускалъ студентамъ, въ которыхъ видѣлъ признаніе этой силы и покорность себѣ. Иногда въ праздникъ студентъ призывался къ нему, только лишь выпивши изрядную порцію предъ ужиномъ; ректоръ заставлялъ его читать газету и чтецъ, при всѣхъ усиліяхъ своей воли, не могъ иногда не выдать себя въ произношеніи нѣкоторыхъ мудреныхъ словъ. Напр. при передачѣ извѣстія о смерти какого нибудь покойника отъ апоплексическаго удара, ударъ этотъ у него выходилъ не столько апоплексическимъ, сколько апокалипсическимъ. Ректоръ искоса взглядывалъ на чтеца и переспрашивалъ: „Какой?“ но продолжалъ слушать, какъ ни въ чемъ не бывало; потомъ заводилъ разговоръ и велъ его по обыкновенію, будто не замѣчая, что собесѣдникъ старался не дышать и сидѣлъ, какъ на шилѣ;—этой пыткой наказаніе и ограничивалось. Всѣ были убѣждены въ подобныхъ случаяхъ, что ректоръ видитъ все, не хочетъ только этого показывать, и что какъ только ему необходимо будетъ показать это, онъ сейчасъ же безъ разговоровъ выгонитъ попавшагося ему изъ академіи. Его неприступный кабинетъ, гдѣ онъ сидѣлъ съ своими думами и крутой властью, рѣдко оттуда показываясь, для всей академиче-

ской жизни былъ чѣмъ-то въ родѣ смирной пока, но постоянно готовой разразиться громами и молніями тучи, на которую всѣ, занимаясь довольно безпрепятственно всякими своими добрыми и худыми дѣлами, постоянно оглядывались съ невольнымъ опасеніемъ. Онъ хорошо понималъ внушаемое имъ чувство и старался поддерживать его, держась отъ всѣхъ высоко и далеко,—не спускаясь съ этой высоты ни до кого и никого не поднимая до себя. Всѣ члены академической корпораціи, не исключая инспектора—ближайшаго къ ректору участника въ академической администраціи, были поставлены въ отношеніи къ нему совершенно такъ же, какъ и студенты. Но этимъ страхомъ онъ за то только и удовлетворялся, не заботясь больше ни о чемъ и предоставляя всѣмъ жить и за его глазами обдѣлывать свои дѣла, какъ знаютъ, только бы признавали его власть.

Студенты конечно скоро къ нему приспособились и нашли, что при немъ еще свободнѣе жить, чѣмъ подъ благодатной свободой о. Ѳеодора. И въ первой своей рѣчи къ студентамъ по пріѣздѣ, и въ разныхъ другихъ рѣчахъ съ студентами онъ требовалъ главнымъ образомъ повиновенія и совершеннаго во всемъ благоприличія и очень прозрачно давалъ понять, что въ существѣ дѣла онъ и самъ не придаетъ никакого самостоятельнаго значенія разнымъ мелочамъ заведенной имъ дисциплины и смотритъ на ихъ исполненіе, только какъ на знакъ желательныхъ для него отношеній студентовъ къ начальству. Молодежь быстро сообразила, что ректоръ прогрессистъ, человѣкъ передовой, либералъ, на сколько позволяло ему его положеніе, что по этому самому ему стыдно пускаться въ мелочи дисциплинарной формалистики, на которую передовые люди смотрѣли тогда очень низко. Этой слабой струной его можно было при случаѣ даже попользоваться. Всѣ его распоряженія были, очевидно, сдѣланы ради формы; высказавъ свои дисциплинарныя требованія, такъ сказать, по долгу своего званія, самый надзоръ за ихъ исполненіемъ студентами онъ затѣмъ цѣликомъ слалъ инспекціи, а самъ сталъ держаться въ сторонѣ, какъ человѣкъ, вовсе непричастный такимъ пустякамъ. Если что будетъ не ладно, за это отвѣчаетъ инспекторъ; на инспектора же кстати можно свалить и всю тяжесть недовольства формалистикой и неуваженія за нее студентовъ, а самому оставаться въ ихъ глазахъ по прежнему высокимъ и либеральнымъ умомъ.—Съ глазу на глазъ съ студентами, разспрашивая ихъ объ ихъ про-

казахъ, увеселеніяхъ, о томъ, что они курятъ, знакомятся-ли съ студентами университета, у которыхъ де можно поучиться бо̀льшей развязности, и съ свѣтскими людьми, имѣютъ ли они понятіе о театрѣ, онъ не высказывалъ противъ всего этого никакихъ съ своей стороны претензій и положительно отрицалъ только неповиновеніе начальству и пьянство. Кабинетныя рѣчи дѣлались, разумѣется, общимъ достояніемъ всей студенческой компаніи и принимались къ свѣдѣнію и руководству въ потребныхъ случаяхъ. Ясно было, что жить съ такимъ ректоромъ было еще можно, да онъ и держался такъ высоко и далеко, что студентамъ легко было поставить свою жизнь совершенно внѣ предѣловъ его зрѣнія. При такомъ отношеніи къ студентамъ ихъ высшей власти, связывались руки и у самой инспекціи; ея собственныя мѣропріятія безъ содѣйствія ректора не могли имѣть надлежащей силы и могли вести только къ лишнему противъ нея раздраженію студентовъ. Не удивительно, что архим. Іоанномъ были недовольны всѣ бывшіе при немъ инспекторы; своею собственною властью и значеніемъ онъ совсѣмъ парализировалъ ихъ инспекторское значеніе, а между тѣмъ, сваливая на нихъ все непріятное въ дисциплинѣ, выдавалъ ихъ студентамъ головою и ставилъ въ крайне фальшивое положеніе. Случалось, что въ своихъ quasi-откровенныхъ бесѣдахъ съ студентами онъ допускалъ даже довольно прямыя подсмѣиванья надъ разными представителями инспекціи, равно какъ и надъ профессорами. Студенты имѣли полное право заключать отсюда, что ректоръ стоитъ на ихъ сторонѣ.

Нельзя не обратить здѣсь вниманія на одну очень важную черту тогдашнихъ нравовъ во всѣхъ, особенно въ высшихъ и преимущественно свѣтскихъ учебныхъ заведеніяхъ,— это какой-то общій культъ предъ учащейся молодежью, отъ котораго самомнѣніе послѣдняго возрасло тогда до такихъ громадныхъ размѣровъ, что съ нимъ дѣйствительно трудно стало считаться всѣмъ школьнымъ начальствамъ. Студенты университета съ пресерьезною искренностью считали себя главными носителями всякихъ передовыхъ идей, вполнѣ компетентными судьями и искусствъ, и науки, и соціальныхъ явленій, и даже хода государственной жизни Россіи, и въ грошъ не ставили всякаго, кто не подпѣвалъ имъ, какъ отсталаго, хотя бы такой человѣкъ самъ только лишь сошелъ со школьной скамьи. Скоро обозначились и результаты такого самомнѣнія,

выражавшіеся, напр. въ казанскомъ университетѣ, не въ однихъ только ссорахъ студентовъ съ офицерами или будочниками, въ деспотическомъ клакерствѣ какой нибудь смазливой актрисѣ въ театрѣ и т. п. выходкахъ молодого увлеченія, но и въ болѣе серьезныхъ формахъ, въ освистываніи того или другого неугодившаго имъ профессора, въ шумномъ требованіи его увольненія, въ разнообразныхъ манифестаціяхъ противъ университетскаго начальства и даже въ манифестаціяхъ политическаго характера (¹). Въ академіи, не смотря на близкое знакомство ея съ университетомъ, такихъ проявленій студенческаго самомнѣнія не было ни разу, но извѣстное, специфическое для того времени уваженіе къ собственному студенческому достоинству было очень сильно развито между студентами и въ ней. Оно воспитывалось здѣсь съ давняго времени,—въ строго нравственныхъ границахъ, какъ лучшій стимулъ къ выполненію академическихъ правилъ благоповеденія, внушалось студентамъ и самимъ начальствомъ академіи, особенно въ ближайшее время ректорства Агаѳангела и инспекторства Серафима, когда всѣ внушенія, адресуемыя къ нимъ, обращались именно къ ихъ благородству и студенческому достоинству. За эту чувствительную струну студенческой психологіи любилъ задѣвать и ректоръ Іоаннъ; своимъ обращеніемъ съ ними, какъ оно ни было гордо, онъ даже еще болѣе возвышалъ ихъ, чѣмъ его предшественники. Его знали за человѣка, который всѣхъ презираетъ и ставитъ ни во что, и вдругъ въ его рѣчахъ съ тѣмъ или другимъ студентомъ, къ великому удовольствію для студенческаго сердца, неожиданно промелькнетъ иногда такая черта, которая ясно дастъ понять, что этотъ гордый человѣкъ не считаетъ для себя униженіемъ спуститься до несравненно большей интимности съ студентами, чѣмъ съ профессорами, и какъ будто глубоко вѣруетъ и въ достоинство, и въ благородство, и даже въ силу студенчества. Среди студентовъ VIII курса толковали напр., будто-бы когда-то кому-то самъ ректоръ высказался, что каждый студентъ самъ по себѣ существо слабое, которое сломить легко, но студенчество, какъ масса, какъ твердо сплоченная корпорація, есть такая сила, съ которой не спра-

(¹) См. Н. А. Ѳирсова: Студенческія исторіи въ казанскомъ университетѣ. Р. Старина 1889 г.

виться. Такое убѣжденіе въ силѣ студенчества очевидно было отголоскомъ тѣхъ общихъ толковъ, которые распространены были среди всѣхъ студенческихъ корпорацій того времени, на канунѣ длиннаго ряда повальныхъ студенческихъ волненій 1860-хъ годовъ.

Съ инспекторомъ Ѳеодоромъ у архим. Іоанна съ самаго начала возникли непріятныя отношенія. Характеръ и первые пріемы ректора до глубины души возмущали этого сердечнаго человѣка. Онъ былъ противъ высоты и недоступности ректора, противъ сокращеній въ богослуженіи, противъ новой системы управленія студентами, въ которой видѣлъ, по своему, іудейское фарисейство, работаніе только предъ очима, для соблюденія формы. Приходилось испытывать отъ ректора и личныя обиды. Своей діалектикой архим. Іоаннъ въ пухъ разбивалъ благочестивыя мечтанія и теоретическія построенія о. Ѳеодора, который между тѣмъ стоялъ за нихъ всѣми силами своей души, какъ за дѣло всей своей жизни; это дѣлалось даже публично, на экзаменахъ,—ректоръ глумился надъ нимъ, какъ надъ какимъ-то юродивымъ. Распоряженія о. Ѳеодора безцеремонно отмѣнялись; ректоръ прямо требовалъ, чтобъ безъ его дозволенія никто ничѣмъ не распоряжался въ академіи. Осенью 1857 г. онъ запретилъ давать о. Ѳеодору даже казенную лошадь, кромѣ тѣхъ случаевъ, когда ему нужно будетъ ѣхать на служеніе въ соборъ, — это была уже обида. Установившіяся отношенія между инспекторомъ и студентами съ пріѣздомъ ректора, отвлекшаго вниманіе всѣхъ исключительно къ своей личности, тоже стали портиться. Прежде студенты были довольны тѣмъ, что при о. Ѳеодорѣ не находятся уже подъ гнетомъ внѣшней формы, и не замѣчали, что требованія его были тяжелѣе всякихъ дисциплинарныхъ требованій, особенно при посредствѣ такого покладистаго помощника инспектора, какъ о. Діодоръ, многое не доводившій до инспектора и устранявшій всякое раздраженіе между студентами и инспекціей. Новый ректоръ требовалъ одного, чтобы только все было гладко и прилично; дисциплину, введенную имъ, исполнять или, точнѣе, казаться исполняющими было не трудно, и студенты снова обратились отъ благодати къ закону, тѣмъ болѣе, что новый законодатель неуклонно требовалъ, чтобы все преклонялось только предъ его волею, послабляя въ другихъ отношеніяхъ. О. Ѳеодоръ почуялъ, что пора его вліянія проходитъ, заскорбѣлъ, сталъ опять стре-

миться къ выходу изъ академіи, на этотъ разъ куда нибудь въ семинарію, гдѣ мечталъ найти еще неиспорченныя души для вкорененія въ нихъ истиннаго живота, и даже отвернулся отъ студентовъ. Когда являлись къ нему старшіе, онъ ужъ не говорилъ съ ними попрежнему, а сухо бралъ книгу журнала, подписывалъ и сейчасъ же ихъ отпускалъ. Къ этому присоединились разныя непріятности, напр. изъ-за студенческаго стола, который еще болѣе убѣдили его, что молодежь отъ духа обратилась къ плоти. Въ день академическаго праздника 1857 г. студенты даже очень шумно манифестировали противъ эконома изъ-за дурнаго масла за обѣдомъ. Можно представить, какъ это дѣйствовало на инспектора, который хворалъ дня по 2—3 отъ проступка даже одного студента, сраспинаясь за него Христу.

Къ несчастію его, около него не было уже и о. Діодора, который умѣлъ прежде все такъ удобно устроить, не доводя его до огорченій. Вскорѣ по пріѣздѣ ректора опредѣленіемъ Св. Синода отъ 11 мая 1857 г. онъ былъ переведенъ на каѳедру церковной исторіи въ с.-петербургскую академію и 25 іюня выѣхалъ изъ академіи, провожаемый общимъ сожалѣніемъ студентовъ. Вскорѣ онъ тамъ умеръ въ началѣ 1860 г. (1).

На мѣсто о. Діодора, по предложенію ректора отъ 2 іюля, назначенъ помощникомъ инспектора баккалавръ іером. *Григорій* (Полетаевъ) изъ воспитанниковъ казанской академіи. Онъ былъ родомъ нижегородецъ, сынъ сельскаго причетника Сергачскаго уѣзда с. Ляпни, родился въ 1826 г. и поступилъ въ V курсъ академіи изъ нижегородской семинаріи. Мірское имя его было Левъ Петровичъ. По окончаніи въ 1854 г. курса первымъ магистромъ онъ, по прошенію, былъ постриженъ (10 октября) въ монашество и назначенъ (отъ 27 октября) баккалавромъ по каѳедрѣ св. Писанія. Въ должность помощника инспектора вступилъ 4 октября. Должность эту было очень мудрено нести теперь послѣ и любимаго студентами о. Діодора, кому угодно; іеромонахъ же Григорій былъ для нея еще слишкомъ молодъ и не опытенъ въ житейскихъ дѣлахъ, не смогъ угадать ни общаго на-

(1) Некрологъ его былъ напечатанъ въ Странникѣ 1860 г. въ февр. книжкѣ.

правленія новаго времени, ни тогдашнихъ требованій своего собственнаго положенія въ частности и стоялъ на точкѣ зрѣнія еще прежней дисциплинарной системы инспекціи, даже безъ тѣхъ корректуръ, какія въ ней сдѣланы были ректоромъ Іоанномъ и еще раньше инспекторомъ Серафимомъ. Онъ не усвоилъ себѣ даже новой манеры обращенія съ студентами, къ которой они привыкли уже въ послѣднее время, по своему горячему характеру сталъ дѣлать имъ обидные для нихъ выговоры и ссориться съ ними. 4 октября онъ вступилъ въ должность, а 22 того же мѣсяца встрѣчаемъ уже крупное столкновеніе его съ студентомъ VIII курса И. Морошкинымъ, котораго онъ поздно засталъ утромъ въ спальнѣ и разбранилъ. М-нъ, какъ человѣкъ гордый и неоставлявшій никакого оскорбленія безъ сдачи, самъ наговорилъ ему дерзостей; объ этомъ сейчасъ же донесено было инспектору; но вслѣдъ за этимъ доносомъ студенты чрезъ старшихъ всѣ встали за М-на и донесли, что онъ высказалъ только то, что у всѣхъ на умѣ. Можно представить положеніе такого младенца о Христѣ, какимъ былъ о. Ѳеодоръ, когда онъ очутился между двухъ огней: онъ два дня плакалъ, во гробъ полагался, хотѣлъ уйти изъ академіи, сердился, толковалъ, что, кто не хочетъ повиноваться власти по Евангелію, того нужно принудить къ повиновенію закономъ, и забавно грозилъ студентамъ, изъ которыхъ каждый былъ вдвое выше его ростомъ, наступая на нихъ съ сердитымъ лицомъ: „Еда съ палицею пріиду къ вамъ?“ Дѣло кончилось наказаніемъ виновника „по закону“—голоднымъ столомъ. Долго послѣ этого о. Ѳеодоръ не могъ успокоиться, пока не нашелъ исхода изъ своей нервной борьбы въ уступкѣ студентамъ.

Въ одномъ изъ его сочиненій [1] находимъ любопытный автобіографическій эпизодъ, относящійся къ описываемому времени; здѣсь видимъ, какъ смотрѣлъ онъ на свое положеніе въ академіи и на тогдашнія отношенія академическихъ людей съ своей оригинальной точки зрѣнія. „Относясь къ студентамъ, пишетъ онъ, съ сочувственнымъ вниманіемъ къ личнымъ особенностямъ каждаго, внушая и имъ такое же ува-

---

[1] О современныхъ духовн. потребностяхъ мысли и жизни, стр. 481. М. 1865.

женіе къ индивидуальнымъ особенностямъ другъ друга, я имѣлъ рѣдкое счастіе видѣть въ обществѣ моей молодежи точно живой организмъ, въ которомъ каждый членъ знаетъ свое дѣло и всѣ члены свободно и самостоятельно слѣдуютъ одному началу. Случилось однако, что нѣсколько молодыхъ людей стали обнаруживать въ нашемъ общественномъ организмѣ нѣчто похожее на конвульсивныя движенія холеры, корчились, упрямились, выходя изъ общаго настроя. Это меня огорчало.... Но остановился я на счастливой мысли: не гну ли я, не ломаю ли въ чемъ эти молодыя вѣтви подъ свою мѣрку противъ моихъ собственныхъ правилъ? Можно вѣдь и утонченнымъ образомъ подавлять духовную самостоятельность, вмѣсто ея направленія и исправленія. Съ этою мыслію я сталъ присматриваться къ упрямцамъ, не подавляю ли я въ нихъ чего лучшаго, Христова, и этимъ не возмущаю ли ихъ духъ, такъ что отъ его глубины подымается всякая тина и грязь. Внутренно я сталъ болѣе себя, чѣмъ ихъ винить въ ихъ безпорядочности, хотя по наружности ничего особеннаго не вводилъ въ наши отношенія. Что же? Прежде всего въ жесткихъ и упрямыхъ ихъ взорахъ я сталъ примѣчать живительный огонекъ возникающаго въ нихъ сочувствія ко мнѣ; потомъ оказались въ нихъ дѣйствительно не примѣченныя прежде мной лучшія черты, нужныя и для всего нашего общества и особенно желанныя для меня". Примиреніе, въ которомъ нуждалась любящая душа, совершилось, по крайней мѣрѣ для него самого. Но онъ все таки оставался одинокъ въ академіи, какъ человѣкъ не отъ міра сего. Жизнь академическая ушла отъ него и никто уже его не понималъ, кромѣ только самыхъ близкихъ его почитателей, преклонявшихся предъ его идеями. Академическіе монахи толковали, что онъ не дойдетъ до добра, если не перемѣнитъ своихъ религіозныхъ убѣжденій. Ректоръ старался поскорѣе его выжить изъ академіи. Въ Петербургѣ тоже, кажется, считали его не подходящимъ для административныхъ должностей чудакомъ. Отъ 10 янв. 1858 г. онъ былъ перемѣщенъ въ члены петербургскаго комитета духовной цензуры и 28 января выѣхалъ изъ академіи.

Печальная судьба его болѣе или менѣе извѣстна. Съ одной стороны крѣпость убѣжденій въ своихъ богословскихъ идеяхъ, непреодолимая потребность распространять ихъ и устраивать по нимъ жизнь общества, съ другой раздраженіе отъ внѣшнихъ тормозовъ въ ихъ проповѣди, тормозовъ, ко-

торые представлялись ему отъ самого духовнаго начальства и которые были особенно тяжелы для него въ его монашескомъ положеніи, натолкнули его въ 1860 г. на роковой шагъ въ жизни; такъ какъ монашеское званіе мѣшало ему дѣйствовать на мірское общество и мірскую жизнь, то онъ рѣшился сложить съ себя это званіе и войти съ своей проповѣдью въ самую эту мірскую жизнь въ качествѣ простаго мірянина. Въ изложеніи его богословской системы мы послѣ еще увидимъ, какъ такое рѣшеніе его вытекало изъ самой сущности его міросозерцанія. Этого мало,—въ Переяславлѣ, гдѣ онъ жилъ послѣ этого, онъ даже женился на одной своей ученицѣ и благоговѣйной поклонницѣ, А. С. Родышевской, дочери помѣщика с. Вашки Переяславльскаго уѣзда. Жизнь его по разстриженіи была самая бѣдственная, потому что кормиться приходилось однимъ только неблагодарнымъ литературнымъ трудомъ, да отъ помощи близкихъ людей. Въ 1868 г. казанская академія узнала объ немъ, что онъ искалъ себѣ учительскаго мѣста въ юнкерскомъ училищѣ г. Варшавы. Начальникъ училища отъ 9 іюля прислалъ по этому поводу въ академію запросъ „о нравственныхъ качествахъ и способности къ педагогической дѣятельности бывшаго профессора академіи Ѳеодора, а въ данное время Александра Михайловича Бухарева за время бытности его въ академіи“; изъ правленія академіи отвѣчали на это выпиской архіерейскихъ аттестацій архим. Ѳеодора на его формулярныхъ спискахъ за 1855—57 гг. (1). Но ему не удалось попасть ни на искомое мѣсто, ни на какую-иную службу. Онъ скончался въ крайней бѣдности 2 апр. 1871 г. на 47 г. своей жизни (2).

Исправленіе должности инспектора послѣ отъѣзда о. Ѳеодора поручено было архим. Веніамину, который слылъ у студентовъ грозой формализма. Такимъ образомъ инспекція вся теперь очутилась въ рукахъ представителей прежней инспекціонной системы. Но возстановить послѣднюю въ прежнемъ видѣ не было теперь уже никакой возможности, и всѣ усилія ея ревнителей обращались только во вредъ ихъ же собствен-

---

(1) Д. внутр. правл. 1863 г. № 41.

(2) См. объ немъ въ Ист. моск. акад. Смирнова. Еще: Голосъ 1871 г. № 121; Дом. Бесѣда: Тяжелое объясненіе, 1871 г., № 19; Воспомин. Погодина. въ Моск. Вѣдом. 1874 г. № 48 и Церк.-Общ. Вѣстн. 1874 г. № 43; Бѣдственное положеніе бывшаго архим. Ѳеодора, Петерб. Газ. 1863 г. № 74.

ному вліянію на студентовъ. Студенты очень хорошо знали, что на дисциплинарныя правила самъ ректоръ смотритъ какъ на мелочи, важныя только для выраженія студенческаго послушанія и для внѣшняго порядка, что, по его требованію, было-бы только все въ академіи прилично, а остальное можно предоставить благоразумію и благородству самихъ студентовъ. Послѣ столкновенія помощника инспектора съ студентами въ октябрѣ 1857 г. въ началѣ февраля слѣдующаго 1858 г. произошло новое, болѣе крупное столкновеніе, на которое должны были обратить вниманіе, и ректоръ, и самъ преосвященный. Это было 2 февр., въ прощальное воскресенье; студенты вечеромъ, заговѣвшись, собрались послѣ ужина въ крайній 6 № и стали провожать здѣсь масляницу. Всѣ эти проводы кончились бы тѣмъ, что молодежь пропѣла бы нѣсколько пѣсенъ, можетъ быть, немного потанцовала и затѣмъ спокойно разошлась бы спать; но помощникъ инспектора вздумалъ самъ лично явиться на веселое собраніе, чтобы поразить преступленіе страхомъ при самомъ процессѣ его совершенія, какъ это, бывало, дѣлалъ ректоръ Григорій. Но оказалось, что студенты не испугались, напротивъ, нанесли ему какое-то „личное оскорбленіе“, какъ онъ писалъ въ донесеніи. На другой день двое изъ студентовъ, по опредѣленію правленія, были подвергнуты наказанію одиночнымъ заключеніемъ въ карцерѣ на двое сутокъ, со внесеніемъ ихъ поступка въ книгу поведенія, и отданы подъ особое наблюденіе инспекціи до исправленія. Нѣсколько времени эти февралисты, какъ ихъ назвалъ ректоръ, дѣйствительно писались въ кондуитныхъ донесеніяхъ инспектора особо, но потомъ, во вниманіе „къ ихъ христіанскому раскаянію“, были прощены и освобождены отъ надзора (1). Отношенія студентовъ къ инспекціи обострились еще болѣе. Замѣчательно, что это происходило совершенно независимо отъ личныхъ характеровъ ея представителей, особенно главнаго изъ нихъ архим. Веніамина, который самъ по себѣ былъ человѣкъ очень добрый, съ характеромъ вовсе не тяжелымъ, любившій студентовъ отъ души и искренно желавшій имъ всякаго добра. Онъ былъ именно только жертвой новаго времени и новыхъ нравовъ. Въ томъ же февралѣ на первой недѣлѣ поста былъ такой

(1) Д. внутр. правл. 1858 г. № 76.

фактъ, характеризующій и его добрую личность, и тогдашнія отношенія къ нему студентовъ. Во время говѣнья студентовъ онъ вспомнилъ, что при ректорѣ Григоріи у начальниковъ академіи былъ обычай выдавать студентамъ чай въ имянины ректора и инспектора и послѣ причастія, и ему очень захотѣлось сдѣлать такую же раздачу отъ себя, но въ тоже время это казалось ему и опаснымъ;—кто знаетъ, какъ еще примутъ его даръ сами студенты?—Онъ посовѣтовался объ этомъ предметѣ конфиденціально съ старшимъ дежурнымъ; тотъ тоже не поручился за студентовъ, и на общемъ совѣтѣ ихъ порѣшено было замаскировать дѣло тѣмъ, будто раздача чая идетъ отъ казны. О. Веніаминъ позаботился даже о самомъ порядкѣ раздачи, раздѣливъ чай и сахаръ на порціи такъ, чтобы каждая порція шла на пару студентовъ, и чтобы въ каждой парѣ былъ одинъ бѣдный, другой богатый студентъ, который бы не взялъ своей части себѣ, а отдалъ ее первому. Такъ и было сдѣлано; студенты такъ и не узнали, кто ихъ угощалъ, а для многихъ бѣдняковъ, никогда не имѣвшихъ своего чаю, это было дѣйствительно дорогое угощеніе въ торжественный день причащенія св. таинъ. Въ послѣднее время о. Веніаминъ и самъ даже ослабилъ свой строгій надзоръ за студентами, понявъ, что это только раздражаетъ ихъ, но не могъ уже ослабить ихъ злопамятности.

Вскорѣ по пріѣздѣ новаго инспектора опредѣленіемъ Св. Синода отъ 22 апр. 1858 г. архим. Веніаминъ былъ назначенъ ректоромъ вновь открывшейся въ 1858 году томской семинаріи и 31 мая выѣхалъ изъ академіи. Послѣ онъ числился не долгое время (съ 1861 до 5 февр. 1862 г.) ректоромъ костромской семинаріи, затѣмъ съ 5 февр. 1862 г. былъ назначенъ епископомъ селенгинскимъ, первымъ викаріемъ Иркутской епархіи и первымъ начальникомъ Забайкальской миссіи, и 20 мая былъ рукоположенъ въ святительскій санъ въ Иркутскѣ преосвящ. Парѳеніемъ, архіепископомъ иркутскимъ. Съ этого времени началась его благотворная миссіонерская дѣятельность въ восточной Сибири, доставившая ему высокое историческое значеніе. 18 марта 1868 г. онъ былъ назначенъ на самостоятельную каѳедру епископа камчатскаго, курильскаго и алеутскаго; наконецъ въ мартѣ 1873 г. перемѣщенъ на каѳедру иркутскую; въ 1878 г. возведенъ въ архіепископа. Имѣетъ ордена: св. Александра Невскаго, св. Вла-

диміра 2 степ., Анны 1 степ. и брилліантовый крестъ на клобукѣ. О дѣятельности этого добрѣйшаго, сердечнаго и неутомимо-ревностнѣйшаго къ благу своей паствы святителя можно получить довольно подробныя свѣдѣнія изъ брошюры: Двадцатипятилѣтіе епископскаго служенія Высокопреосвященнаго Веніамина архіепископа иркутскаго и нерчинскаго. Ирк. 1888 г..

Новый инспекторъ архим. *Филаретъ Филаретовъ* (въ мірѣ Михаилъ Прокофьевичъ) пріѣхалъ въ академію на 6-й недѣлѣ великаго поста 12 марта. Онъ былъ сынъ священника Воронежской епархіи, родился въ 1824 году, образованіе получилъ въ воронежской семинаріи и въ кіевской академіи, въ которой кончилъ курсъ въ 1851 г. первымъ магистромъ. По окончаніи курса въ томъ же году 18 ноября былъ постриженъ въ монашество и опредѣленъ въ своей академіи бакалавромъ по св. Писанію, которое и преподавалъ до 1858 г.; съ сентября 1853 г. онъ проходилъ въ академіи еще должность помощника инспектора: въ 1857 г. получилъ санъ архимандрита. Въ инспекторы казанской академіи назначенъ отъ 16 января 1858 г. Съ виду это былъ радушный, улыбающійся и словоохотливый человѣкъ, державъ себя просто, безъ напускной важности и скоро сошелся съ новыми сослуживцами; съ студентами любилъ поболтать и каждый день велѣлъ являться къ себѣ всѣмъ старшимъ, вмѣсто одного дежурнаго. Поудобнѣе усѣвшись на диванѣ и разсадивъ всѣхъ ихъ около себя, онъ подолгу толковалъ съ ними о разныхъ разностяхъ, и всего рѣже о студенческихъ дѣлахъ, но говорилъ довольно тягуче, слово за словомъ, и наводилъ на всѣхъ порядочную скуку. Съ самаго же начала за нимъ упрочилась репутація очень умнаго, дѣловитаго и проницательнаго человѣка, но скучнаго и лѣниваго. Уже долго спустя по его пріѣздѣ, обозначилось, что подъ этой видимой лѣнью у него скрывалась упорная энергія и сила воли, способная къ неутомимой борьбѣ съ препятствіями, и что онъ способенъ былъ иногда разгорячаться такъ, что становилось страшно. Какъ только онъ пріѣхалъ, такъ и долженъ былъ вступиться въ разбирательство новаго столкновенія студентовъ VIII к. съ помощникомъ инспектора, которое случилось послѣ вечерней молитвы въ Пасху и было почти повтореніемъ прежняго дѣла февралистовъ. Всѣ старшіе отозвались, конечно, что виновниковъ безпорядка они не знаютъ; послѣ этого къ инспектору были позваны всѣ студенты VIII курса и были допрашиваемы порознь до 12 часовъ ночи, но

допросы эти тоже ничего не выяснили, кромѣ того, что человѣка 4 оказались немного выпившими. Инспекторъ обошелся съ ними довольно мягко, наказалъ ихъ голоднымъ столомъ, не доводя дѣла до ректора изъ опасенія, чтобы ихъ не исключили изъ академіи. Вскорѣ послѣ этого онъ долженъ былъ разслѣдовать еще одно дѣло, доставшееся ему отъ прежней инспекціи, объ одномъ отличномъ студентѣ VIII к. К. Мысовскомъ, о которомъ его предупредили, какъ о какомъ-то вольнодумцѣ и демагогѣ. Студентъ этотъ былъ великій философъ, увлекался Гегелемъ и, по своей неотесанности, держался довольно грубо съ высшими, чѣмъ, по всей вѣроятности, и заслужилъ свою невыгодную репутацію, хотя былъ на прекрасномъ счету у самого ректора Іоанна. Инспекторъ Филаретъ почему-то заинтересовался этимъ quasi-либераломъ, вздумалъ разузнать объ немъ у его старшаго, П. Залѣсскаго, одного изъ самыхъ скрытныхъ, упрямыхъ и съ студенческой точки зрѣнія благородныхъ людей, нѣсколько разъ приставалъ къ нему, подъ конецъ даже измѣнилъ своему хладнокровію и разгорячился, но ничего не доспѣлъ Вѣроятно, онъ вполнѣ убѣдился въ рѣдкомъ единодушіи студентовъ,—по крайней мѣрѣ послѣ ни разу не дѣлалъ такихъ розысковъ и постоянно относился къ студентамъ благодушно. По вечерамъ онъ иногда посѣщалъ ихъ занятныя комнаты, но всегда въ одно и тоже время, около 8 часовъ, такъ что къ посѣщеніямъ этимъ легко было приноровиться и приготовиться. На проступки студентовъ смотрѣлъ сквозь пальцы, не стараясь объ нихъ разузнавать; скажетъ только иногда дежурному, я де знаю, что студенты въ городъ безъ записи ходятъ или на молитвѣ не бываютъ,—и только

Такъ шло дѣло до конца $18^{57}/_{58}$ учебнаго года, когда студенты VII курса, бывшіе послѣдними свидѣтелями прежней академической дисциплины, вышли изъ академіи, унося съ собой и послѣдніе остатки той дисциплинированности, въ которой были воспитаны. Во главѣ студенчества остался VIII курсъ, воспитанный уже во времена не подзаконныя, и разстройство прежнихъ порядковъ пошло впередъ быстрыми шагами. Еще въ августѣ и сентябрѣ, при съѣздѣ студентовъ этого курса съ ваката, между ними обнаружилось нѣсколько случаевъ нетрезвости, которые невольно обратили на себя вниманіе ректора, не смотря на всѣ его старанія держаться въ сторонѣ отъ подобныхъ явленій, и побудили его дать студентамъ острастку. Для этого онъ составилъ оригинальный

проектъ о мѣрахъ къ устраненію нетрезвости между воспитанниками академіи. Проектъ этотъ былъ представленъ имъ правленію для донесенія прямо оберъ-прокурору Св. Синода 24 ноября 1858 г..

„Нравственное поведеніе студентовъ академическихъ, писалъ онъ, при всемъ достоинствѣ его въ общемъ направленіи, омрачается отдѣльными непріятными случаями, къ сожалѣнію не очень рѣдкими, именно случаями пьянства... Это пьянство до такой степени безобразитъ наши учебныя заведенія. что наконецъ они стали публично, въ печати, во всеуслышаніе оглашаться посторонними людьми, какъ безнравственныя“ и пр.. Самую главную причину этого несчастія ректоръ Іоаннъ усматривалъ въ студенческомъ „общежитіи, въ которомъ нетрезвость гораздо легче распространяется, прививается и поддерживается взаимными примѣрами и увлеченіемъ“, по этому, кромѣ самой крайней мѣры—исключенія изъ академіи, которая не всегда пригодна, такъ какъ въ увлеченія по молодости впадаютъ и хорошіе студенты, могущіе впослѣдствіи исправиться и быть полезными церкви, онъ предлагалъ въ видѣ опыта принять слѣдующія мѣры: 1) „Воспитанниковъ, впадающихъ въ нетрезвость, удалять отъ общежитія студентовъ и изъ академическаго корпуса на жительство внѣ академіи; 2) такъ какъ помѣщеніе ихъ внѣ академіи на вольныхъ квартирахъ соединялось бы со многими важными неудобствами и даже могло бы способствовать, вмѣсто исправленія, усиленію пьянства, то помѣщать такихъ студентовъ въ монастыри, ближайшіе къ академіи, гдѣ они могутъ имѣть и удобства въ помѣщеніи, и удобства въ занятіи науками, и не оставаться безъ хорошаго надзора. Такими мѣстами для здѣшнихъ студентовъ могутъ быть монастыри Ивановскій и Спасскій, находящіеся подъ управленіемъ, первый—ректора семинаріи, послѣдній—преосвящ. викарія; 3) такое удаленіе изъ академическаго корпуса можетъ быть временное, на извѣстный срокъ, смотря по поведенію виновныхъ; 4) такіе отдѣленные студенты не должны имѣть никакого общенія съ прочими, кромѣ посѣщенія классовъ и церкви, но надзоръ за ними инспектора и его помощника не прекращается; 5) содержаніе имъ на первый разъ можетъ быть сохранено полное казенное; въ другой разъ они могутъ быть оставляемы на собственномъ содержаніи, если же не имѣютъ способовъ къ сему, то на монастырскомъ, на общихъ основаніяхъ съ людьми, призрѣваемыми въ монастыряхъ;

6) если бы студентъ не захотѣлъ перейти на содержаніе монастырское или монастырь сталъ обременяться его пропитаніемъ, то увольнять нетрезваго по прошенію изъ академіи, но съ прописаніемъ въ свидѣтельствѣ причинъ увольненія; 7) въ случаѣ неисправленія и безнадежности къ исправленію, исключать изъ академіи, уже не принимая прошенія. Въ видахъ утвержденія нравственности духовныхъ воспитанниковъ на прочныхъ основаніяхъ, я, заключалъ ректоръ свой проектъ, предлагаю правленію убѣдительнѣйше просить высшее начальство о разрѣшеніи такихъ мѣръ, дабы по крайней мѣрѣ испытать дѣйствіе ихъ при дознанной опытами слабости другихъ средствъ".

На журналѣ 24 ноября профессоръ Гусевъ заявилъ, что онъ подастъ объ этомъ предметѣ особое разсужденіе. Разсужденія этого не сохранилось въ дѣлахъ правленія; вѣроятно, оно было изъято отсюда вслѣдствіе той рѣзкости, съ какой всегда писалъ проф. Гусевъ. Кромѣ Гусева, противъ проекта ректора поднялись еще студенты. Какъ ни секретно велось это дѣло, они всетаки подробно узнали содержаніе проекта, страшно разобидѣлись и рѣшились написать противъ ректора коллективное заявленіе со своей стороны преосвященному; съ этой цѣлью составилось студенческое собраніе и на немъ общими силами написано было сильное прошеніе къ преосвященному о защитѣ студентовъ отъ крайне постыдной для нихъ ссылки на исправленіе въ монастыри на-равнѣ съ пьяными и штрафованными причетниками. Сколько извѣстно, о томъ же было писано отъ студентовъ частно къ нѣкоторымъ членамъ Св Синода. Преосвященный держалъ журналъ правленія у себя больше недѣли, наконецъ 4 дек. сдалъ его съ распоряженіемъ: правленію представить 1) подробную вѣдомость о студентахъ, замѣченныхъ въ нетрезвости, 2) выписку изъ существующихъ законовъ о мѣрахъ, которыя должны быть употребляемы въ исправленіи студентовъ академіи и 3) особое разсужденіе, о которомъ упоминается въ подписи членовъ; въ вѣдомости онъ велѣлъ указать всѣ случаи нетрезвости за каждымъ замѣченнымъ студентомъ и то, какія мѣры употреблялись для его исправленія. Вѣдомость эту правленіе поручило составить инспектору; она была представлена владыкѣ уже 9 марта, но вышла бѣдна фактами, потому что въ ней только и записано было два случая (23 августа и 8 ноября 1858 г.) (1).

(1) Д. внутр. правл. 1858 г. № 61.

Такъ это дѣло и заглохло, и жизнь студентовъ пошла тѣмъ же порядкомъ.

Къ вящшему разстройству дисциплины, между ректоромъ и инспекторомъ скоро начались разныя несогласія. Изъ-за чего они вышли, про то знали только они сами. Главною виною этихъ несогласій, по всей вѣроятности, было почти неизбѣжное столкновеніе между собою ихъ личныхъ, одинаково властныхъ и упорныхъ характеровъ. Внѣшнимъ поводомъ къ размолвкѣ легко могли послужить извѣстныя отношенія ректора къ студентамъ, противъ которыхъ возмущался даже и такой инспекторъ, какъ о Ѳеодоръ. Отлично понимая систему ректора, архим. Филаретъ не сталъ съ нимъ чиниться и съ самаго начала своего инспекторства постоянно выдавалъ его студентамъ головой, разоблачая всѣ его дѣйствія. Потомъ, особенно съ того времени, какъ поднялось дѣло объ экономѣ Филаретѣ, между ними начались столкновенія по правленію. Архим. Филаретъ не желалъ быть только номинальнымъ членомъ правленія и безмолвно подписывать одиночныя распоряженія ректора. Борьба на этомъ поприщѣ велась между ними сначала только словесно, чрезъ посредство секретаря. Несчастный И. П. Гвоздевъ долженъ былъ сильно страдать, попавъ между двухъ огней и очутившись въ необходимости переносить отъ одного къ другому,—отъ ректора къ инспектору властныя распоряженія, а отъ инспектора къ ректору твердыя возраженія противъ этихъ распоряженій. Въ дѣлѣ экономa, который попалъ въ бѣду главнымъ образомъ по винѣ самого же ректора, инспекторъ часто открыто бралъ сторону экономa, дѣлалъ на обвиненія противъ него дѣловитыя замѣчанія, требовалъ справокъ и заставлялъ ректора оправдываться (1). Въ канцеляріи разсказывали, что ему удалось захватить въ свои руки какое-то письменное распоряженіе ректора экономy, чтобы этотъ покрылъ какой-то негласный расходъ разными урѣзками по экономіи и что этотъ документъ былъ у него очень непріятнымъ для ректора камнемъ за пазухой. Осенью 1859 г. они вступили между собою уже въ письменную борьбу.

Еще въ февралѣ 1859 г. ректоръ представилъ къ наградѣ за годичную безмездную службу при академіи доктора

(1) См. д. 1859 г. № 31.

Скандовскаго; но это представленіе въ текущемъ году запоздало къ сроку и назначено было къ отсылкѣ, куда слѣдовало, на будущій годъ. Между тѣмъ въ сентябрѣ Скандовскій, недовольный ректоромъ, по прошенію, уволился отъ академической службы. Журналъ объ увольненіи былъ написанъ, конечно, безъ собранія правленія и вдругъ воротился къ ректору съ мнѣніемъ инспектора, что, по случаю увольненія доктора, благовременно было бы представить его снова къ наградѣ за его безмездныя заслуги, о которыхъ прежде 24 февраля свидѣтельствовалъ и самъ о. ректоръ. Ректоръ разсердился и написалъ на томъ же журналѣ рѣзкое опроверженіе этого мнѣнія: „Въ порядкѣ службы награды даются чиновникамъ во время прохожденія службы, а не по оставленіи ея,.. собственно же за безмездіе г. Скандовскій уже получилъ благодарность высшаго духовно-училищнаго начальства; притомъ въ настоящее время уже обнародываютъ (въ газетахъ) новыя Высочайше утвержденныя правила о наградахъ,... но они еще не вполнѣ публикованы. Во всякомъ же случаѣ предложенія о награжденіи лицъ, служащихъ при академіи, должны идти отъ ректора, какъ отъ начальника и надзирателя ихъ, а не отъ инспектора.“ Преосвященный распорядился обсудить это дѣло и войти въ соображенія о награжденіи Скандовскаго по полученіи распоряженія оберъ-прокурора объ его увольненіи (1).—Въ октябрѣ на одномъ журналѣ 5 окт. о производствѣ торговъ на ремонтъ академическихъ ледниковъ на сумму до 375 руб., произведенный уже давно раньше по единоличному распоряженію самого ректора, архим. Филаретъ написалъ еще болѣе сильное мнѣніе, имѣвшее форму уже прямого протеста: „Ремонтныя исправленія ледниковъ уже произведены, кѣмъ и съ чьего разрѣшенія, мнѣ не извѣстно. Какой смыслъ послѣ этого имѣетъ постановленіе правленія о назначеніи торговъ, не понимаю. Въ продолженіе моей службы въ званіи члена правленія при казанской академіи многократно уже приходилось встрѣчать подобные обороты въ экономическомъ дѣлопроизводствѣ, закрытые отъ меня. Вынужденнымъ себя нахожу донести о семъ высокопреосвященному и просить его о побужденіи правленія къ исполненію правилъ академическаго устава (§§ 233, 234, 276), для экономическаго управленія постановленныхъ. Журналъ, означенный 5 числомъ

(1) Журн. 24 сент. 1859 г. и дѣло 1859 г. № 20.

октября, принесенъ ко мнѣ для подписи 13 октября". Ректоръ почелъ нужнымъ тутъ же на журналѣ написать и свое объясненіе, замѣчательное по своей софистикѣ, затемненію факта подборомъ разныхъ побочныхъ обстоятельствъ и сваливаніемъ своей вины на другихъ: „По поводу этого мнѣнія должно замѣтить слѣдующее: 1) на запискѣ эконома 24 сентября о исправленіи ледниковъ мною того же числа сдѣлано замѣчаніе о необходимости торговъ и тогда же записка слана въ правленіе; слѣдовательно, нельзя сказать, что торги назначены послѣ исправленія ледниковъ; если же журналъ, составленный 5 октября, и представленъ къ подписи уже 13 числа, то это произошло отъ канцеляріи, но еще не доказываетъ какого-то закрытаго дѣлопроизводства; 2) что ледники уже исправлены, этого я до сего времени не зналъ (!) и лично видѣть не могъ по той причинѣ, что въ болѣзненномъ состояніи не выхожу на дворъ; экономъ не доносилъ мнѣ объ этомъ, слѣдовательно, дѣла этого нельзя относить къ дѣламъ правленія, яко бы оно дѣйствуетъ не по правиламъ,—это есть дѣло одного эконома. 3) Если инспекторъ зналъ о томъ, что ледники уже исправлены, онъ долженъ былъ тотчасъ донести мнѣ, но это не сдѣлано. А выше изложенное мнѣніе инспектора не есть донесеніе правленію; это уже обвиненіе правленія въ такомъ дѣлѣ, которое самъ инспекторъ, зная о немъ и не препятствуя ему своевременно, допустилъ до окончанія. 4) О назначеніи торговъ инспекторъ не могъ не знать заранѣе, потому что даже подписывалъ отношеніе объ этомъ въ градскую думу, и опять не сообщилъ ни мнѣ, ни правленію (которое, замѣтимъ отъ себя, и не собиралось, и торги явились сюрпризомъ въ одномъ только журналѣ, на которомъ сдѣлано самое замѣчаніе) о безполезности торговъ, если исправленіе ледниковъ уже сдѣлано; такой образъ дѣйствій слишкомъ страненъ. 5) По общему порядку дѣлъ прежде, чѣмъ доносить высшему начальству, надобно чрезъ ближайшее начальство истребовать объясненій отъ того лица, котораго дѣло касается. Мнѣніе инспектора и въ этомъ отношеніи нарушаетъ порядокъ". Такимъ образомъ виноватыми оказались всѣ, кромѣ ректора,—и секретарь, и экономъ, за чѣмъ-то дѣйствовавшіе какъ будто совсѣмъ за глазами ректора, и самъ инспекторъ. Отъ эконома ректоръ въ заключеніе распорядился потребовать объясненія „здѣсь же", т. е. на томъ же журналѣ. Экономскую должность исправлялъ тогда учитель семи-

наріи Фальковъ; поставленный между двумя ссорившимися панами, онъ написалъ что-то о своей неопытности въ дѣлопроизводствѣ, по новости своего положенія, о крайней необходимости ремонта ледниковъ, грозившихъ опасностію обваловъ, о томъ, что подрядчикъ Тихоновъ взялъ за работу крайне дешево, и о томъ, что инспекторъ дѣйствительно съ нимъ предварительно не объяснялся. Инспекторъ все-таки остановилъ эту комедію съ несвоевременными торгами, да кромѣ того правленіе должно было остановиться и съ уплатой подрядчику денегъ. Преосвященный Аѳанасій все это дѣло забралъ къ себѣ для разсмотрѣнія. Оно кончилось уже по отъѣздѣ инспектора. Въ февралѣ 1860 г. Фальковъ подалъ записку объ уплатѣ денегъ, а правленіе, не дѣлая никакихъ справокъ о прежнемъ ходѣ дѣла, распорядилось уплатить, что̀ слѣдуетъ (1).

Въ послѣднее время, вѣроятно зная, что ему не придется долго оставаться въ казанской академіи, архим. Филаретъ не обращалъ никакого вниманія на то, что̀ подѣлываютъ студенты у себя на верху академическаго корпуса, держался съ ними почти по-товарищески, забросилъ самыя рекомендаціи ихъ въ своихъ донесеніяхъ, отдѣлываясь однѣми общими фразами, что всѣ вели себя хорошо. При отъѣздѣ его изъ академіи (31 декабря 1858 г.) студенты искренно объ немъ жалѣли Отъ 4 декабря 1859 г. онъ былъ перемѣщенъ снова въ Кіевъ на должность ректора и профессора богословскихъ наукъ кіевской семинаріи, а спустя годъ, отъ 6 октября 1860 г., былъ опредѣленъ на должность ректора и профессора кіевской академіи. Съ 22 марта 1866 г. до 6 февраля 1867 онъ состоялъ членомъ Высочайше утвержденнаго комитета по преобразованію духовно-учебныхъ заведеній. Ему же пришлось вводить въ кіевской академіи и новый уставъ. Въ 1874 г. 26 марта, оставаясь ректоромъ академіи, онъ былъ назначенъ епископомъ уманьскимъ, вторымъ викаріемъ кіевской епархіи. 31 дек. 1877 г., послѣ 17-лѣтняго управленія кіевской академіей, онъ былъ назначенъ наконецъ самостоятельнымъ епископомъ въ Ригу. Это было мѣсто его послѣдняго служенія. Черезъ 4 года 23 февр. 1882 г. онъ скончался (2).

---

(1) Д. внутр. правл. 1859 г. № 103 и журн. правл. 1859 г. 24 сент. и др. указанныхъ чиселъ.

(2) Кромѣ краткихъ некрологовъ его въ разныхъ изданіяхъ за 1882 г., какъ-то: Руков. для сельскихъ пастырей № 11, Ворон. епарх. Вѣдом. № 6,

Послѣ кратковременнаго исправленія инспекторской должности о. Григоріемъ, 11 февр. 1860 года въ академію явился новый инспекторъ архимандритъ *Веніаминъ Платоновъ*. Онъ былъ родомъ изъ Курской губерніи, сынъ священника, родился въ 1819 г., былъ, стало быть, человѣкъ уже пожилой сравнительно съ прежнимъ инспекторомъ. Образованіе получилъ въ курской семинаріи и кіевской академіи, въ которой кончилъ курсъ магистромъ въ 1845 г.; потомъ онъ былъ опредѣленъ на богословскую каѳедру помощникомъ ректора въ родную курскую семинарію. Черезъ три года 29 іюля 1848 г. постригся здѣсь въ монашество и вскорѣ за тѣмъ опредѣленъ помощникомъ инспектора семинаріи. 20 декабря 1851 г. перемѣщенъ инспекторомъ и профессоромъ логики и психологіи въ литовскую семинарію. Въ 1853 г награжденъ наперснымъ крестомъ, а въ 1856 г. возведенъ въ санъ архимандрита. Въ іюнѣ 1859 г. получилъ орденъ св. Анны 3 степени. Наконецъ отъ 4 декабря 1859 былъ назначенъ на мѣсто Филарета инспекторомъ и профессоромъ въ казанскую академію. Онъ былъ человѣкъ весьма добрый и уступчивый, жилъ уединенно, занимаясь своими кабинетными дѣлами, и не любилъ вступаться въ тревожныя дѣла академической администраціи даже по своей инспекторской должности, ректора побаивался и ни въ чемъ ему не противорѣчилъ. Студенты видѣли его очень рѣдко, и то лишь въ классѣ, да когда должны были являться къ нему по своимъ надобностямъ. Воспрепятствовать все болѣе и болѣе усиливавшемуся разстройству академической жизни онъ не могъ ни по своему характеру, ни по своему положенію въ академіи, придавленному властью ректора. Оффиціальные отчеты лицъ, ревизовавшихъ казанскую академію въ 1861 г., представляютъ особенно печальную картину разстройства ея за это время по всѣмъ частямъ управленія; прежней дисциплины въ строѣ студенческой жизни не

Волынскихъ № 8, Калужск. № 7, Полтавск. № 6, Труд. кіевск. акад. № 5, Кіевск. епарх. Вѣд. № 7, Моск. Вѣд. № 61. Прав. Обозр. № 3 и др.; см. объ немъ: Некрологъ, вышедшій въ Ригѣ съ рѣчами при погребеніи; Поминки по преосв Филаретѣ въ кишиневской семинаріи, въ епарх Вѣд. № 8 и отдѣльно съ портретомъ; Истор. Вѣст. 1883 г. кн. II, стр. 260—269; особенно рѣчь г. Королькова на актѣ кіевской акад. 1882 г: Преосв. Филаретъ, какъ ректоръ кіевской академіи, въ Трудахъ к. акад. и отдѣльно съ портретомъ К 1882 г..

оставалось уже никакихъ слѣдовъ, особенно съ началомъ $18^{60}/_{61}$ учебнаго года (1). Между тѣмъ время было очень опасное, вслѣдствіе распространенія тогда либеральнаго духа по всѣмъ учебнымъ заведеніямъ и вслѣдствіе тревожныхъ движеній въ самомъ обществѣ по случаю освобожденія крестьянъ. Въ университетахъ начинались студенческіе безпорядки, которые, вслѣдствіе близкихъ сношеній академіи съ казанскимъ университетомъ, начавшихся тоже преимущественно въ ректорство Іоанна, могли отразиться печальными явленіями и въ жизни академическаго студенчества. Бытовую сторону тогдашняго состоянія студентовъ мы еще будемъ разсматривать особо, чтобы не выходить здѣсь изъ спеціально-административной сферы академической жизни, въ которой теперь пока вращаемся.

Преосвященный Аѳанасій отвернулся отъ академіи, крайне недовольный и ею, и особенно ея начальствомъ. Въ 1861 г. онъ говорилъ: „Нынче духъ вездѣ не хорошъ.... Въ академіи не лишнее было бы припугнуть, кого слѣдуетъ, а пожалуй дать ей другаго начальника“ (2). Студенты попрежнему боялись ректора, но до него было высоко, а кромѣ него, еще никакого страха не было; отъ того они не имѣли никакихъ внѣшнихъ побужденій къ необходимой внимательности къ себѣ и привыкали жить совсѣмъ безъ оглядки. Гроза со стороны ректора разражалась лишь въ особыхъ чрезвычайныхъ случаяхъ, когда дѣло близко касалось чести самой академической администраціи. Чтобы спасти репутацію послѣдней, онъ прибѣгалъ даже къ незаконному способу увольненія студентовъ,— увольненію заднимъ числомъ. Лѣтомъ 1860 г. былъ такой случай. Двое студентовъ пермяковъ, Я. Поповъ и А. Лавровъ, позднимъ вечеромъ 22 іюня гуляли на озерѣ Кабанѣ съ пріѣзжимъ родственникомъ перваго колежскимъ регистраторомъ изъ Перми, тоже Поповымъ. Во время купанья ихъ въ озерѣ гость утонулъ, и поднялось уголовное дѣло. 24 іюня судебный слѣдователь прислалъ въ правленіе требованіе выслать студента Лаврова къ слѣдствію вмѣстѣ съ депутатомъ отъ академіи. Но 25 іюня ректоръ велѣлъ объявить на это, что Лавровъ еще 22 іюня уволенъ изъ академіи по прошенію

(1) См. Собраніе мнѣній и отзывовъ м. Филарета т. V, ч. I, стр. 105—104. М. 1887 г.

(2) Тамъ же стр. 106.

для поступленія въ одно изъ свѣтскихъ учебныхъ заведеній, а 23 іюня, получивъ билетъ, уже и выѣхалъ изъ академіи въ Пермскую губернію; такъ же и тогда же уволенъ будто бы и студентъ Поповъ. Увольненіе это, для чести администраціи и избѣжанія лишнихъ хлопотъ, было сдѣлано очевидно заднимъ числомъ, потому что въ дѣлахъ правленія значится, что инспекторъ отъ 23 іюня, узнавъ о событіи (вѣроятно и того позднѣе, когда уже пришла бумага отъ судебнаго слѣдователя), подалъ въ правленіе донесеніе о неявкѣ означенныхъ студентовъ въ академію изъ отпуска въ городъ, даннаго имъ 22 іюня; слѣдовательно, 23 іюня онъ мыслилъ ихъ, какъ студентовъ, еще не уволенныхъ изъ академіи; а 24 іюня правленіе постановило сдѣлать имъ выговоръ въ присутствіи всѣхъ студентовъ и имѣть ихъ поступокъ въ виду при дачѣ имъ увольнительнаго свидѣтельства изъ академіи; слѣдовательно, они еще не были уволены и 24 числа и даже находились въ самой академіи (1).

1861-й г. особенно тяжело достался и ректору Іоанну, и самой академіи. Въ святки $18^{60}/_{61}$ г. послѣдовала на него извѣстная коллективная жалоба преподавателей, а въ апрѣлѣ разразилось надъ академіей пресловутое дѣло о панихидѣ по убитыхъ Бездинскихъ крестьянахъ. Панихида эта долго лежала чернымъ пятномъ на репутаціи казанской академіи и была поводомъ къ самымъ тяжелымъ на нее нареканіямъ, которыя были тѣмъ для нея несноснѣе, что она не могла въ нихъ и оправдываться, потому что о подобныхъ вещахъ говорить было не принято, да и самый ходъ дѣла о панихидѣ оставался въ секретѣ. Только въ недавнее время Св. Синодъ соблаговолилъ публиковать важнѣйшія свѣдѣнія по этому дѣлу въ Собраніи мнѣній и отзывовъ Филарета, митрополита московскаго (2). Документы академическаго архива говорятъ тоже самое, что извѣстно и изъ мнѣній покойнаго святителя, подробно разбиравшаго эти документы, по просьбѣ оберъ-прокурора Св. Синода (3). Считаемъ необходимымъ остановиться

---

(1) Д. 1860 г. №№ 21 и 24.

(2) Изд. по опредѣленію Св. Синода. М. 1887 г. см. т. V, ч. 1, стр. 54. 60. 64. 83. 95—106.

(3) Въ академ. архивѣ документы эти см. при дѣлѣ внутр. правл. 1861 г. № 20.

на этомъ эпизодѣ, какъ на одномъ изъ самыхъ крупныхъ въ исторіи академіи.

Нигдѣ такъ не выразилась та безоглядная жизнь тогдашняго студенчества и вмѣстѣ участіе ректора къ судьбѣ молодежи, по его впрочемъ винѣ и страдавшей этой безоглядностью, какъ именно въ этомъ эпизодѣ, когда студенты, не имѣвшіе тогда никакой склонности къ политическимъ движеніямъ, вдругъ попали въ очень крупное политическое дѣло и едва спаслись изъ бѣды, благодаря главнымъ образомъ стараніямъ о томъ архим. Іоанна. Поводъ къ этому дѣлу состоялъ въ томъ, что въ с. Бездне Спасскаго уѣзда, по случаю безпорядковъ при введеніи уставной грамоты послѣ эмансипаціи бывшихъ помѣщичьихъ крестьянъ, по распоряженію присланнаго изъ Петербурга флигель-адъютанта, употреблена была для усмиренія возставшихъ крестьянъ военная сила и нѣсколько крестьянъ было убито. Университетская молодежь была сильно возмущена этимъ фактомъ, особенно послѣ того, какъ нѣкоторые казанскіе дворяне задали виновнику такого печальнаго усмиренія крестьянъ торжественный обѣдъ. Противъ этого крайне безтактнаго обѣда высказалось тогда много весьма солидныхъ и уважаемыхъ людей изъ среды самого же казанскаго дворянства. Въ студенческихъ университетскихъ кружкахъ много объ этомъ шумѣли и порѣшили сдѣлать контр-дворянскую манифестацію, отслуживъ по убитыхъ крестьянахъ торжественную панихиду на кладбищѣ. 16 апрѣля, въ вербное воскресенье, послѣ обѣда, когда студенты академіи гуляли около академіи и на академическомъ дворѣ, по Арскому полю мимо академіи къ кладбищу проходили на панихиду многолюдныя толпы университетскихъ студентовъ. Вслѣдъ за ними туда же направились и студенты академіи, нѣкоторые зная, другіе вовсе ничего не зная о предполагавшейся манифестаціи; въ числѣ ихъ было два духовныхъ лица, принявшія потомъ участіе въ самомъ служеніи манифестаціонной панихиды, — священникъ Іоаннъ Яхонтовъ, бывшій инспекторъ томскаго училища, съ начала 1861 г приватно слушавшій академическія лекціи, человѣкъ, кажется, уже изрядно тронутый современнымъ либерализмомъ, и іеродіаконъ Мелетій Якимовъ, бывшій дѣйствительнымъ студентомъ IX курса, человѣкъ еще очень молодой, мягкій характеромъ, совершенно неопытный въ жизни и едва ли даже понимавшій важность того шага, который дѣлалъ. Мѣстный причтъ принялъ участіе въ панихидѣ, будучи сбитъ съ толку студентами

университета и священникомъ Яхонтовымъ. При эктеніяхъ мѣстный священникъ и іеродіаконъ Мелетій съ мѣстнымъ дьякономъ поминали просто „убіенныхъ рабовъ Божіихъ“, а священникъ Яхонтовъ съ прибавленіемъ: „убіенныхъ за свободу и любовь къ отечеству“. По окончаніи службы на амвонъ проворно вскочилъ экзальтированный баккалавръ русской исторіи А. П. Щаповъ, преподававшій тогда русскую исторію и въ университетѣ и совсѣмъ запутавшійся тамъ въ тогдашнемъ либеральномъ движеніи, и своей обычной быстрой скороговоркой, захлебываясь отъ волненія, произнесъ либеральную рѣчь, которую большинство богомольцевъ хорошенько даже не разобрало; она потомъ ходила по всему городу, записанная почему-то въ двухъ редакціяхъ, хотя и довольно близкихъ одна къ другой. Рѣчь эта, представлявшая Христа демократомъ, однимъ изъ пророковъ свободы, погибшимъ отъ военнаго Пилатовскаго суда, приравнивавшая къ числу такихъ пророковъ и безднинскаго возмутителя крестьянъ Антона Петрова затѣмъ прославлявшая убитыхъ крестьянъ, какъ мучениковъ за политическую свободу, и въ заключеніе провозглашавшая vivat народно-демократической конституціи, придала всей этой студенческой манифестаціи окончательно политическій характеръ. Всѣхъ участниковъ на панихидѣ было свыше 400 человѣкъ. Часамъ къ 5 вечера она кончилась; студенты академіи вернулись домой, и дѣло это тотчасъ же сдѣлалось извѣстно ихъ начальству. На вечернемъ донесеніи дежурнаго, что въ академіи все благополучно, ректоръ написалъ: „Хотя внутри академіи не было безпорядковъ, но день нельзя назвать благополучнымъ“

Архим. Іоаннъ понялъ, чѣмъ грозитъ это дѣло, и 3 дня производилъ студентамъ допросы, каждому порознь, стараясь выяснить имъ всю затруднительность того положенія, въ какое они поставили себя своимъ необдуманнымъ поступкомъ, и въ тоже время доставить имъ возможно лучшій изъ него выходъ. 19 апрѣля онъ донесъ правленію, что изъ произведенныхъ допросовъ онъ убѣдился, „что присутствіе студентовъ на панихидѣ было дозволено ими себѣ безъ всякаго предварительно обдуманнаго намѣренія и безъ точныхъ свѣдѣній о сущности сего дѣла“; вмѣстѣ съ этимъ онъ представилъ правленію письменное объясненіе событія самихъ студентовъ, числомъ 37, участвовавшихъ въ панихидѣ, „написанное ими и врученное ему, ректору, какъ онъ писалъ, по собственному

ихъ побужденію". Объясненіе это, адресованное на имя ректора, составляло краткій сводъ того самаго, что говорили они ректору на допросахъ. Разсказавъ ходъ всего дѣла, они тоже главнымъ образомъ настаивали на томъ, что присутствовали на панихидѣ „безъ всякаго предварительнаго плана, не зная въ точности и самой цѣли панихиды, единственно побуждаемые при этомъ состраданіемъ къ крестьянамъ, падшимъ жертвами неяснаго пониманія дѣла и обманчивыхъ увлеченій". Правленіе отъ 19 апрѣля постановило: „Объясненіе ихъ принять къ свѣдѣнію и надлежащему въ потребныхъ случаяхъ соображенію, но при семъ строжайшимъ образомъ обязать студентовъ, чтобы впредь, во избѣжаніе подобныхъ непріятныхъ случаевъ, они съ величайшею осмотрительностію обдумывали свои поступки и ни подъ какимъ видомъ не позволяли себѣ присоединяться къ постороннимъ дѣламъ, совершающимся внѣ академіи и ихъ, какъ и вообще академіи, не касающимся; дѣло сіе представить въ журналѣ семъ на архипастырское усмотрѣніе Его Высокопреосвященства".

Относительно студентовъ на этомъ рѣшеніи правленіе пока и остановилось. Что касается до баккалавра Щапова, то ректоръ поспѣшилъ поскорѣе уволить его отъ академической службы заднимъ числомъ. На другой же день послѣ панихиды онъ заставилъ Щапова подать прошеніе объ увольненіи отъ должности и изъ духовнаго званія по болѣзни съ прощеніемъ полученнаго имъ класснаго оклада за все время его службы. Прошеніе было помѣчено Щаповымъ 17 числомъ, но ректоръ велѣлъ переправить эту помѣту на 8 число апрѣля, а журналъ правленія о самомъ увольненіи написалъ 15 числомъ. По требованію преосвященнаго, отъ 18 числа къ прошенію было приложено медицинское свидѣтельство отъ того же 18 числа. 19 преосвященный утвердилъ журналъ съ нѣкоторымъ измѣненіемъ: „Съ мнѣніемъ объ увольненіи Щапова отъ должности баккалавра и изъ духовнаго званія я вполнѣ согласенъ. Что же касается до прощенія ему полученнаго имъ оклада, то академическому правленію войти въ особое разсужденіе, взявъ въ разсмотрѣніе имѣющееся въ виду правленія произнесеніе Щаповымъ въ кладбищенской церкви рѣчи послѣ панихиды объ убитыхъ крестьянахъ с. Бездны". Представленіе объ увольненіи его къ оберъ-прокурору было помѣчено тоже 18 числомъ (1). Изъ мнѣній объ этомъ дѣлѣ

(1) Д. внутр. правл. 1861 г. № 17.

митрополита Филарета видно, что такое увольненіе баккалавра заднимъ числомъ было совсѣмъ излишне; фикція ректора была вполнѣ разгадана и къ оправданію академіи не послужила (¹). Преосвященный Аѳанасій въ свою очередь надѣялся, что что нибудь можетъ сказать въ свое оправданіе самъ Щаповъ, и еще отъ 17 апрѣля секретно потребовалъ отъ него объясненія; объясненіе это было подано Щаповымъ 19 апрѣля, но тоже ни къ чему не послужило.—„По требованію Вашего Высокопреосвященства, писалъ онъ, объясняю, что я сказалъ рѣчь въ кладбищенской церкви послѣ панихиды по убитыхъ крестьянахъ Спасскаго уѣзда с. Бездны, по невольному состраданію къ несчастнымъ, согласно съ общехристіанскимъ человѣколюбивымъ сочувствіемъ къ нимъ. Когда на кладбищѣ толпами собирались студенты, я пошелъ вслѣдъ за ними и узналъ, что они хотятъ отправить панихиду по убіенныхъ въ смятеніи. Это стеченіе съ христіанско-человѣколюбивою цѣлью возбудило во мнѣ слезы и я тутъ же на кладбищѣ набросалъ на бумагѣ краткую рѣчь, предполагая сказать ее на какой нибудь могилѣ, гдѣ сначала думали служить панихиду. Когда панихиду рѣшились служить въ церкви, то, какъ ни удерживался я, но вмѣстѣ съ слезой рѣчь моя невольно излилась изъ глубины души, когда человѣкъ 400 въ одинъ голосъ, многіе со слезами, пѣли: вѣчная память. Это церковное собраніе напомянуло мнѣ извѣстныя въ древне-христіанской церкви агапы, когда всѣ пѣли и всякій, кто вдохновлялся, говорилъ какое нибудь назиданіе. Я говорилъ не возмутительныя слова, почему и не было и не могло быть на кладбищѣ никакого смятенія. Я говорилъ: „Христосъ Богъ нашъ, возвѣщая истинную свободу и братство, отъ Пилатова суда умеръ на крестѣ, искупивъ Своею кровію всѣхъ насъ. Вы, други, увлеклись ложною свободою, возвѣщенною вамъ ложнымъ пророкомъ“. Тутъ я вкратцѣ говорилъ объ историческомъ происхожденіи ложныхъ пророковъ въ Россіи, которые въ первой половинѣ XVIII в. являлись въ Россіи и называли себя христами. Потомъ изъ этого я вывелъ, что убитые увлеклись ложной свободой, потому что мы не уяснили имъ истинной свободы, не заботясь почти нисколько объ ихъ просвѣщеніи. Я заключилъ: „Вы пали по невинному невѣдѣнію жертвой за то, что мы, служа просвѣщенію, не просвѣтили васъ,

(¹) Собр. мнѣній и отзыв. V, ч. I, стр. 60.

заблудшихъ сыновъ отечества. Простите насъ. Миръ праху вашему и вѣчная память". Когда я только что кончилъ рѣчь и весь былъ въ волненіи, кто-то изъ студентовъ университета взялъ у меня рѣчь. Я даже не обратилъ на это никакого вниманія, потому что въ рѣчи ничего возмутительнаго не было. Рѣчь эта, говорятъ, изорвана, какъ ненужная болѣе никому" (1).

Объясненіе это найдено было не удовлетворительнымъ и не искреннимъ, и панихидная рѣчь фигурировала потомъ на слѣдствіи по этому дѣлу, какъ самое главное доказательство политическаго значенія студенческой демонстраціи 29 апрѣля Щаповъ былъ увезенъ въ Петербургъ съ жандармами. Болѣе его собственнаго оправданія помогла ему рекомендація, данная объ немъ попечителемъ округа княземъ Вяземскимъ. Еще 22 апр. въ донесеніи о происшествіи министру кн. Вяземскій писалъ: „Профессоры университета осуждаютъ его (Щапова) выходку, но многіе полагаютъ, что онъ преподаватель весьма полезный и долженъ исправиться при большемъ столкновеніи съ людьми практическими. Условія его затворническаго воспитанія и вообще всей его жизни объясняютъ отчасти его промахи и увлеченія; но трудолюбіе его, ученость, талантъ— несомнѣнны, и въ отсутствіи всякаго вѣроломства я тоже вполнѣ убѣжденъ. По моему убѣжденію, надобно дѣйствовать примирительно;—и лица, и сословія дѣйствуютъ неосторожно и не имѣютъ политическаго такта; раздражительность и выходки однихъ вызываютъ раздраженіе и выходки другихъ. Можетъ быть, карать иногда необходимо и за ошибки, и за проступки, но опасно увеличивать раздраженіе". Потомъ вслѣдъ за Щаповымъ либеральный попечитель послалъ объ немъ новую рекомендацію министру, какъ о человѣкѣ „трудолюбивомъ, ученомъ и съ особеннымъ навыкомъ", и просилъ обратить на него особенное вниманіе (2). Благодаря подобнымъ рекомендаціямъ, Щаповъ, можно сказать, даже много бы выигралъ отъ своего ухода въ Петербургъ, если бы самъ же не испортилъ своей судьбы своею безшабашностью. Дальнѣйшая его судьба подробно описана въ монографіи объ немъ профессора Аристова.

---

(1) **Н. А. Ѳирсова:** Студ исторіи въ казанск. университетѣ. Р. Стар. 1889 г. іюнь, 624—627.

(2) Н. А. Ѳирсовъ: тамъ же стр. 625. 628.

Благодаря заступничеству своего начальства, студентамъ университета удалось отдѣлаться отъ всѣхъ непріятностей этой исторіи тоже очень легко сравнительно съ студентами академіи. Не смотря на все стараніе ректора Іоанна представить все участіе послѣднихъ въ панихидѣ въ видѣ только необдуманнаго и легкомысленнаго вмѣшательства въ чужое, для нихъ постороннее дѣло, по первымъ телеграфнымъ извѣстіямъ отъ казанскаго губернатора, они представлены были почти главными виновниками происшедшей демонстраціи и именно политическаго, противоправительственнаго характера. По основанному на этихъ телеграфныхъ извѣстіяхъ донесенію министра внутреннихъ дѣлъ, Государь Императоръ изволилъ собственноручно написать: „Щапова необходимо арестовать, а двоихъ монаховъ (такъ названы были въ телеграммѣ губернатора священникъ Яхонтовъ и іеродіак. Мелетій) заключить въ Соловецкій монастырь“ (1). Оберъ-прокуроръ Св. Синода графъ А. П. Толстой призналъ послѣ этого нужнымъ командировать въ Казань особую слѣдственную коммиссію для дознанія о происшествіи и вообще о состояніи казанской академіи на мѣстѣ, а означенныхъ духовныхъ лицъ задержать подъ арестомъ пока при академіи. Послѣднее распоряженіе было исполнено правленіемъ 30 апрѣля. Того же 30 апрѣля оба арестованные подали правленію академіи особое подробное объясненіе, въ которомъ старались подвести себя подъ силу прежняго общаго объясненія студентовъ академіи отъ 19 апрѣля. Они писали, что приняли участіе въ панихидѣ, какъ и другіе студенты академіи, тоже безъ всякаго предварительно обдуманнаго намѣренія, сначала даже вовсе и не думали служить ее сами, но потомъ, видя, что мѣстный священникъ съ дьякономъ согласились на убѣжденія студентовъ университета, и притомъ недоразумѣвая о сущности панихиды и предполагая, что она отправляется не безъ вѣдома университетскаго начальства, и сами приняли участіе въ ея служеніи, занимая впрочемъ только вторыя послѣ мѣстнаго причта мѣста. Но это объясненіе въ нѣкоторыхъ пунктахъ не сошлось съ другимъ объясненіемъ по тому же дѣлу, именно съ объясненіемъ, какое на особомъ дознаніи по епархіальному вѣдомству было дано членами кладбищенскаго причта. Члены

(1) **Мнѣн. и отзывы** стр. 54—55.

причта показали съ своей стороны, что священникъ Яхонтовъ еще во время вечерни объяснялъ мѣстному священнику, будто студенты намѣрены отправить панихиду по убіенныхъ своихъ родственникахъ, и просилъ дать ему дозволеніе на эту панихиду въ кладбищенской церкви, а потомъ два студента университета упросили принять участіе въ этой панихидѣ и самого мѣстнаго священника съ причтомъ; такимъ образомъ священникъ Яхонтовъ являлся не только сознательнымъ участникомъ въ панихидѣ, но даже ея зачинщикомъ, введшимъ причтъ кладбищенской церкви въ обманъ. Это заставило его написать новое, болѣе длинное объясненіе, на которомъ подписался и іеродіаконъ Мелетій. Въ этомъ второмъ объясненіи они опровергали свидѣтельство кладбищенскаго причта шагъ за шагомъ, напирая особенно на то, что у студентовъ и не могло быть никакихъ родственниковъ между убіенными крестьянами, да и сами члены причта, начавши панихиду, прямо стали поминать огуломъ избіенныхъ православныхъ христіанъ, а не какихъ либо родственниковъ по именамъ. Слова свои, сказанныя мѣстному священнику предъ панихидой, о. Яхонтовъ передавалъ иначе, чѣмъ сказано было въ показаніи причта: „когда-де онъ здоровался съ священникомъ и тотъ выражалъ удивленіе такому собранію студентовъ и спрашивалъ, зачѣмъ они собрались, то онъ, Яхонтовъ, отвѣчалъ: не знаю, можетъ быть, собрались они по христіанскому сожалѣнію къ падшимъ жертвамъ невѣжества, а быть можетъ, они думаютъ, что нѣкоторыхъ убіенныхъ, за неимѣніемъ у нихъ родственниковъ, некому и помянуть“. Правленіе съ своей стороны сдѣлало по этому поводу совсѣмъ лишніе для дѣла допросы нѣсколькимъ казанскимъ своимъ студентамъ о томъ, не имѣли ли они родственниковъ между убитыми крестьянами; оно очевидно тоже хотѣло этимъ опровергнуть показаніе кладбищенскаго причта и, получивъ отъ допрошенныхъ, конечно, отрицательные отвѣты, 5 мая рѣшило: сообщить духовной консисторіи, что объясненіе священнослужителей кладбищенской церкви „нравленіе находитъ не сообразнымъ 1) ни съ сущностію самаго дѣла, такъ какъ, при необычайномъ собраніи въ церкви со стороны университета, мѣстный причтъ съ самаго начала уже не могъ считать панихиду частнымъ поминовеніемъ только нѣсколькихъ лицъ, родственниковъ убитыхъ крестьянъ, и, какъ оказывается по дѣлу, и самъ поминалъ при отправленіи панихиды не нѣкоторыя только имена

усопшихъ, а безлично и вообще убіенныхъ; 2) ни съ понятіемъ о студентахъ духовной академіи, такъ какъ сіи студенты всѣ, происходя изъ духовнаго званія, имѣютъ родственниковъ обыкновенно между священно-церковнослужителями, а не имѣютъ и не могутъ имѣть родства между крестьянами"; приглашеніе съ ихъ стороны причта къ совершенію панихиды объ убитыхъ родственникахъ крестьянахъ „ни какъ не могло бы и не должно бы убѣдить причтъ къ отправленію панихиды, при такой особенно обстановкѣ, при какой она совершена имъ".

Эти лишнія и вредныя пререканія были прерваны наконецъ 8 мая извѣщеніемъ отъ преосвященнаго Аѳанасія, что для разслѣдованія дѣла о панихидѣ назначена особая слѣдственная коммиссія, состоящая изъ даниловскаго архимандрита Іакова и оберъ-секретаря Святѣйшаго Синода Н. И. Олферьева. Коммиссія эта была снабжена секретной инструкціей отъ митрополита Филарета (1), который принималъ весьма близкое участіе въ разслѣдованіи дѣла. Медлить болѣе было нечего. Того же 8 мая ректоръ подалъ въ правленіе записку, что студенты, независимо отъ объясненій 19 апр., рѣшились обратиться къ Его Сіятельству оберъ-прокурору Святѣйшаго Синода съ изъясненіемъ своего образа мыслей и общихъ чувствованій своихъ въ формѣ адреса и представили такое изъясненіе ему, ректору, сего 8 мая,—что находя выражаемыя ими мысли и чувства вполнѣ одобрительными и нисколько не сомнѣваясь въ искренности самаго выраженія ихъ, съ другой стороны находя его не излишнимъ и не безполезнымъ при дѣлѣ о панихидѣ, онъ, ректоръ, сего числа препроводилъ ихъ адресъ къ Его Сіятельству, что вмѣстѣ съ тѣмъ студенты представили ему еще новое подробнѣйшее изложеніе всего, что касается совершенія панихиды, съ цѣлію показать степень дѣйствительнаго отношенія ихъ къ панихидѣ и доказать, что все это дѣло отъ начала до конца есть дѣло университета. Изъясненіе это было послѣдней редакціей всѣхъ прежнихъ студенческихъ изъясненій и составляетъ полный ихъ сводъ, а потому мы приводимъ его въ болѣе подробномъ видѣ.

1) „Когда мы около 4 часовъ по полудни замѣтили толпы студентовъ университета, отправлявшихся на кладбище, и, пользуясь свободнымъ отъ занятій временемъ, пошли туда же,

---

(1) Издана въ Мнѣніяхъ и Отзыв. стр. 55—58.

тогда узнали отъ нихъ, что они для служенія панихиды по убіенныхъ крестьянахъ пригласили изъ града Казани Іоанновскаго монастыря находящагося въ немъ въ числѣ братства священника Василія Роева, за коимъ, какъ говорили студенты университета, одинъ изъ нихъ уже отправился. 2) Войдя въ кладбищенскую церковь во время вечерней службы, мы нашли въ ней уже болѣе 50 человѣкъ студентовъ университета; во все время вечерней службы толпы студентовъ университета постоянно прибывали, такъ что подъ конецъ ея церковь совсѣмъ была полна народа до тѣсноты. 3) Соскучившись ждать приглашеннаго для своей цѣли священника, студенты университета (два или три изъ среды ихъ) обратились съ просьбою о совершеніи панихиды къ мѣстному священнику, который, согласившись на ихъ просьбу и нашедши придѣльный храмъ тѣснымъ по множеству собравшагося народа, отворилъ холодную церковь, которая вся наполнилась народомъ, не вмѣстившимся въ ней и въ довольномъ количествѣ оставшимся въ придѣльномъ храмѣ. При этомъ вообще однихъ только студентовъ университета было болѣе 300 человѣкъ, между коими они замѣтили между прочимъ двоихъ профессоровъ университета. 4) Нѣсколько человѣкъ студентовъ университета, видя такое множество народа и тѣсноту въ церкви, начали просить священника о совершеніи панихиды на улицѣ или на могилахъ. На послѣднее предложеніе студентовъ университета священникъ согласился было, вызвавшись пріискать удобное для сего мѣсто. 5) Спустя минутъ около 10, прошедшихъ въ совершенномъ безмолвіи и тишинѣ, мѣстный священникъ и дьяконъ объявили присутствовавшимъ, что они будутъ совершать панихиду въ холодномъ храмѣ, которую тотчасъ и начали, при чемъ явились въ священномъ облаченіи и двое студентовъ академіи священнослужителей и заняли второстепенныя послѣ мѣстнаго причта мѣста. Панихида какъ началась, такъ и продолжалась до конца съ полнымъ благоговѣніемъ и умиленіемъ. 6) Покупку и раздачу свѣчъ церковныхъ, употребляемыхъ при совершеніи панихиды, производили студенты университета. 7) Тотчасъ по совершеніи панихиды косвенно участвовавшіе въ служеніи ея двое изъ насъ, священнослужители,—вышли изъ храма; г. Щаповъ произнесъ краткую рѣчь, изъ коей, по нераздѣльности его дикціи, по множеству народа и потому, что онъ говорилъ прерывающимся голосомъ, мы слышали едва только нѣсколько отрывочныхъ

словъ. О произнесеніи рѣчи предварительно совсѣмъ не было намъ извѣстно. 8) По окончаніи рѣчи Щапова студенты университета за совершеніе мѣстнымъ священникомъ и дьякономъ панихиды дали имъ плату. 9) Выходя изъ церковной ограды мы встрѣтили подъѣзжавшаго къ ней, прежде упомянутаго, священника Василія Роева съ однимъ студентомъ университета и двумя неизвѣстными намъ лицами, показавшимися намъ причетниками. 10) Наконецъ мы въ совершенной тишинѣ и спокойствіи возвратились въ академію и тотчасъ отецъ ректоръ академіи, узнавъ объ нашемъ присутствіи при панихидѣ въ такомъ многочисленномъ собраніи, потребовалъ отъ насъ объясненія по этому дѣлу. Съ сыновнею искренностію излагая предъ о. ректоромъ академіи факты, свидѣтельствующіе о начинаніи университетомъ панихиды,... и томимые душевнымъ безпокойствомъ съ тѣхъ самыхъ поръ, какъ отеческія внушенія о. ректора показали неизвѣстную намъ дотолѣ политическую точку зрѣнія на эту панихиду, мы наконецъ въ составленномъ нами адресѣ на имя нашего попечителя и покровителя Его Сіятельства, г. оберъ-прокурора Св. Синода, графа Александра Петровича, рѣшились изложить образъ своихъ мыслей и убѣжденій, всегда присущихъ намъ, каковой адресъ при семъ и просимъ Ваше Высокопреподобіе подвергнуть на милостивое благовниманіе Его Сіятельства". Подписалось 37 студентовъ.

Въ адресѣ, кратко разсказавъ о дѣлѣ, о показанной ректоромъ новой точкѣ зрѣнія на происшествіе и о своемъ смущеніи, студенты писали: „Прежде всего никакой противной видамъ правительства и благу отечества мысли у насъ не было, ни прежде панихиды, ни во время совершенія ея, ни послѣ. И невозможно выработаться у насъ мыслямъ и убѣжденіямъ, не согласнымъ съ видами правительства. Все направленіе воспитанія нашего съ самаго дѣтства укореняетъ въ насъ духъ смиренія и благопокорливости. Отечески же заботливыя дѣйствія настоящаго нашего начальства приготовляютъ насъ къ священнослуженію церкви, во благо отечества и въ строгомъ подчиненіи законамъ и правительственному и общественному порядку. Съ другой стороны мы и сами слишкомъ ясно понимаемъ, что Всемилостивѣйшій Государь нашъ даровалъ, даруетъ и стремится даровать новыя вполнѣ благодѣтельныя постановленія для всѣхъ сословій нашего отечества, и что теперь, при совершающихся преобразованіяхъ во всѣхъ

вѣдомствахъ, всякое неумѣстное вмѣшательство въ распоряженія правительства было бы препятствіемъ ему въ осуществленіи благихъ его намѣреній. Мы сознаемъ, что, при такомъ положеніи дѣлъ, спокойствіе умовъ необходимо для нашего отечества и что это спокойствіе нераздѣльно съ спокойствіемъ нашего общаго Отца отечества, столько благодѣющаго ему. Поэтому всякая, какого бы то ни было рода, демонстрація среди насъ не возможна и не мыслима для насъ самихъ. Случайно сдѣлавшись участниками въ молитвѣ за убіенныхъ крестьянъ, мы при этомъ имѣли въ душѣ не другое что, какъ только христіанское соболѣзнованіе о гибели людей, вслѣдствіе своего непониманія дѣла и невольныхъ увлеченій неумѣвшихъ воспользоваться новыми милостями Государя. Мы поражены душевною скорбію при мысли, что присутствіе наше при панихидѣ и случайное участіе двоихъ изъ насъ въ служеніи ея съ однимъ только молитвеннымъ выраженіемъ христіанскихъ чувствъ могли повести къ недоразумѣніямъ о цѣли нашего поступка и никакъ не можемъ успокоиться, еслибы по этому поводу намъ могли приписать какія либо политическія мысли, еще разъ увѣряемъ Ваше Сіятельство, совершенно чуждыя нашему духу". Въ заключеніе они просили оберъ-прокурора, если возможно, засвидѣтельствовать ихъ вѣрноподданническія чувства и предъ лицемъ самого Государя Императора. Подъ адресомъ подписались 44 человѣка, т. е. 7 человѣкъ лишнихъ противъ прежняго числа 37, участвовавшихъ въ панихидѣ Это обстоятельство послѣ тоже обратило на себя вниманіе высшаго начальства.

По пріѣздѣ въ Казань слѣдователи немедленно приступили къ своему дѣлу. Они облечены были весьма широкими порученіями произвести дознанія не только по одному дѣлу о панихидѣ, но и по вопросу объ общемъ состояніи казанской академіи. Архим. Іаковъ, человѣкъ извѣстный уже по своей опытности въ слѣдственныхъ дѣлахъ по духовному вѣдомству, принялъ на себя обязанность сдѣлать дознанія, и явныя, и секретныя, между духовными лицами Казани; оберъ-секретарь Олферьевъ, прежде жившій въ Казани и имѣвшій въ ней много близкихъ знакомыхъ, взялся за собираніе нужныхъ свѣдѣній въ средѣ свѣтскихъ лицъ казанскаго общества, съ которымъ сейчасъ же и возобновилъ свои связи; во все пребываніе свое въ Казани, насколько позволяло ему время, онъ ѣздилъ по разнымъ домамъ, въ дворянскій клубъ, въ уни-

верситетъ и проч. Допросы производились всѣмъ студентамъ порознь. Мы не имѣли подъ руками актовъ этого слѣдственнаго дѣла, но, на сколько знаемъ изъ личныхъ разсказовъ многихъ изъ самихъ допрошенныхъ, показанія ихъ не заключали въ себѣ ничего новаго, отличнаго отъ тѣхъ объясненій, какія были поданы студентами еще прежде академическому правленію. При личномъ знакомствѣ съ попавшимися въ этомъ дѣлѣ студентами духовнаго сана слѣдователи вынесли убѣжденіе, что виновнѣе изъ нихъ былъ священникъ Яхонтовъ, пытавшійся при слѣдствіи прибѣгать къ изворотливымъ оправданіямъ и обнаруживший „лукавство и недобросовѣстность“, іеродіаконъ же Мелетій, по своему характеру, заслужившему общія добрыя рекомендаціи, заслуживалъ полнаго снисхожденія (1). Прочіе студенты, при всѣхъ усиліяхъ слѣдователей вырвать у нихъ какъ нибудь особенныя показанія, утверждали то, что намъ извѣстно уже изъ прежнихъ показаній;—видно лишь было, что нѣкоторые изъ нихъ участвовали въ панихидѣ не безъ предварительнаго объ ней свѣдѣнія и соглашенія съ студентами университета и что въ этомъ участіи выразилось не одно только состраданіе къ убитымъ крестьянамъ, но и манифестація противъ дворянства; политическій же, противогосударственный характеръ этой манифестаціи отрицали всѣ единодушно, настаивая на томъ, что о самой возможности приписать ей такой характеръ они догадались уже только послѣ разъясненій своего начальства. Впрочемъ нѣкоторые студенты, грубые, нетерпѣливые и дѣйствительно нѣсколько тронутые современнымъ либерализмомъ, успѣли обнаружить во время слѣдствія разныя дурныя черты своего характера, отвѣчали слѣдователямъ грубо, горячились за то, что имъ не вѣрятъ на слово и продолжаютъ подвергать ихъ болѣе точнымъ и безпокойнымъ для нихъ допросамъ, и держали себя неприлично; одинъ изъ нихъ, выходя изъ комнаты, гдѣ производился допросъ, въ сердцахъ такъ хлопнулъ дверью, что ударъ раздался чуть не по всему академическому зданію.

22 мая къ студентамъ академіи пришло на помощь одно совсѣмъ неожиданное обстоятельство. 20 мая къ ректору явились 9 человѣкъ студентовъ университета и заявили горячую претензію на то, что академики совершенно незаконно отби-

(1) Мнѣнія и Отзывы, стр. 99.

ваютъ у нихъ честь иниціативы въ дѣлѣ панихиды. Ректоръ ухватился за это заявленіе, нарочно поддержалъ его и выразилъ сомнѣніе въ томъ, что едва ли онъ можетъ возстановить истину однимъ только своимъ авторитетомъ и на основаніи одного только словеснаго заявленія такого при томъ же небольшаго числа неизвѣстныхъ ему студентовъ. Горячія головы вспыхнули и сейчасъ же выразили готовность повторить свое заявленіе письменно. Ректоръ тутъ же далъ имъ первый, попавшійся подъ руку, клочекъ сѣрой бумаги и на ней въ нѣсколько рукъ написанъ былъ слѣдующій актъ: „До насъ дошли слухи, что иниціатива панихиды, совершенной 16 апрѣля, приписана преимущественно студентамъ духовной академіи. Мы же, нижеподписавшіеся, утверждаемъ, что она принадлежитъ студентамъ университета, равно какъ и переговоры съ куртинскимъ (кладбище носитъ въ Казани названіе куртинъ) священникомъ и всѣ распоряженія и расходы по этому случаю; вслѣдствіе чего мы считаемъ долгомъ заявить это правленію академіи".—„Вообще студенты академіи были посторонними и случайными посѣтителями при панихидѣ, и мы даже не знаемъ, какъ они тутъ случились" (послѣднія слова: „Вообще" и проч. приписаны довольно разгульной рукой послѣ и оговорены студентомъ Н. Протопоповымъ, что имъ слѣдуетъ вѣрить). Подписали: М. Кулаевскій, П. Протопоповъ, Н. Беневитскій, В. Умновъ, К. Федяй, И. Ягодинскій, Н. Песковъ, А. Пребстингъ, П. Тутолминъ. „P. S. Подписалось подъ этимъ объясненіемъ такъ мало, потому что большая часть студентовъ, бывшихъ на панихидѣ, разъѣхались на каникулы, а нѣкоторые считаютъ излишнимъ подписываться теперь, думая, что ихъ спросятъ послѣ". Ректоръ сейчасъ же распорядился: Принять это объясненіе къ свѣдѣнію, представить въ журналѣ къ Его Высокопреосвященству, а слѣдователямъ сообщить въ копіи. Актъ этотъ сообщенъ слѣдователямъ уже по окончаніи ими допросовъ студентамъ

Отъ 14 іюля отчетъ слѣдователей о произведенныхъ дознаніяхъ, по Высочайшей волѣ, былъ препровожденъ отъ оберъ-прокурора графа Толстаго къ московскому митрополиту для разсмотрѣнія и заключенія. Московскій святитель слѣдилъ за этимъ дѣломъ во все его продолженіе и еще раньше далъ по нему уже нѣсколько отзывовъ. Первые его отзывы отъ 21 мая, по донесенію о происшествіи ректора Іоанна и по двумъ первымъ объясненіямъ студентовъ, и 16 іюня, вѣроятно по поводу первыхъ извѣстій о результатахъ слѣдствія, были весь-

ма тяжки. Мудрый и осмотрительный святитель никакъ не могъ спуститься до степени студенческихъ понятій, не могъ и представить себѣ той горячей непосредственности, какая господствуетъ обыкновенно во всѣхъ молодыхъ волненіяхъ и увлеченіяхъ студентовъ и которая всецѣло бываетъ занята именно только ближайшими своими раздраженіями и цѣлями, не глядя ни по сторонамъ, ни впередъ. Дворяне задали обѣдъ въ честь стрѣлявшаго въ крестьянъ, нужно манифестировать противъ дворянъ за крестьянъ, служить панихиду,—этого было совершенно довольно для того, чтобы молодежь толпой повалила на кладбище, и не думая о томъ, что изъ этого выйдетъ дальше, и занятая только тѣмъ, чтобы выразить свой протестъ противъ возмутившаго ее факта. „Что панихида есть демонстрація противъ дворянъ, писалъ митрополитъ Филаретъ, это есть неловкое прикрытіе цѣли, а не цѣль". Напротивъ, для массы горячаго студенчества это именно и было самою настоящею цѣлью Ректоръ Іоаннъ писалъ въ своей запискѣ, что ему не малаго труда стоило объяснить студентамъ политическую точку зрѣнія на панихиду, что политическій смыслъ ея ими былъ не мыслимъ и не понимаемъ;—такъ оно и должно было быть, хотя преосвященный Филаретъ и на это рѣзко замѣтилъ: „Безсовѣстно говоритъ ректоръ, что понятій о политикѣ у студентовъ не было" (1). Потомъ, когда митрополиту былъ присланъ весь отчетъ слѣдователей, онъ и самъ долженъ былъ смягчить свой первоначальный взглядъ на дѣло, и въ мнѣніи своемъ отъ 25 іюля 1861 г., которое было представлено оберъ-прокурору, склонился ближе къ настоящей точкѣ зрѣнія, той самой, какую высказало прежде и правленіе академіи Изъ всѣхъ участниковъ панихиды несомнѣнно политическую вину онъ призналъ только за Щаповымъ и за священникомъ Яхонтовымъ, какъ болѣе другихъ сознательными участниками поминовенія погибшихъ „за свободу", объ остальныхъ же студентахъ писалъ, что нѣкоторые только изъ нихъ „подлежатъ подозрѣнію въ принятіи участія въ незаконной панихидѣ не безъ предварительнаго свѣдѣнія и соглашенія съ студентами университета, всѣ же виновны въ необдуманномъ и опрометчивомъ участіи въ дѣлѣ, котораго незаконность, по крайней мѣрѣ отчасти, была для нихъ видима,

(1) Мнѣнія и Отзывы, стр. 83 и 84.

и въ томъ, что свое неправое дѣло защищали неправильными средствами“ (1).

Мнѣніе, представленное митрополитомъ, имѣло рѣшающее вліяніе на конецъ дѣла. По разсмотрѣніи всѣхъ обстоятельствъ и по соображенію съ заключеніемъ преосвященнаго митрополита московскаго, Св. Синодъ 16 сент. 1861 г. постановилъ: 1) священника Яхонтова, какъ наиболѣе прикосновеннаго по дѣлу панихиды, согласно Высочайшему повелѣнію, заключить въ Соловецкій монастырь съ тѣмъ, чтобы онъ тамъ былъ вразумляемъ къ исправленію образа мыслей его и нравственныхъ расположеній, и чтобы объ успѣхахъ въ семъ были доставляемы срочныя донесенія Св. Синоду; 2) что же касается до іеродіакона Мелетія, котораго также Высочайше повелѣно послать въ Соловецкій монастырь, то, по вниманію къ высказанному начальниками и наставниками духовной академіи о немъ одобренію и удостовѣренію объ участіи его въ панихидѣ только по уступчивости характера, а также имѣя въ виду изъ особаго дѣла отзывъ ревизовавшаго академію преосвященнаго Никодима, епископа чебоксарскаго, о хорошихъ способностяхъ сего студента, слѣдуетъ іеродіакона Мелетія послать въ посольскій Спасопреображенскій монастырь Иркутской епархіи, гдѣ онъ подъ надзоромъ епархіальнаго начальства можетъ быть полезенъ въ миссіонерскихъ занятіяхъ, о чемъ и представить Высочайшему милосердію; 3) баккалавра Щапова отрѣшить отъ занимаемой имъ въ академіи должности и исключить изъ духовнаго званія; 4) при настоящемъ окончаніи академическаго года въ спискѣ поведенія 37 студентовъ духовной академіи, изъ коихъ нѣкоторые подозрѣваются въ принятіи участія въ незаконной панихидѣ не безъ предварительнаго свѣдѣнія и согласія съ студентами университета, а всѣ виновны въ необдуманномъ и опрометчивомъ участіи въ дѣлѣ, котораго незаконность, по крайней мѣрѣ отчасти, была для нихъ видима, и въ томъ, что свое неправое дѣло защищали неправильными средствами,—поставить во 2 разрядѣ, но чтобы сіе не было преградою для полученія степеней магистра и кандидата тѣмъ изъ нихъ, которые въ слѣдующемъ году окажутся достойными по успѣхамъ въ наукахъ и по поведенію; 5) относительно тѣхъ 7 студентовъ, которые вмѣша-

(1) Мнѣнія и Отзывы, стр. 96—103.

лись въ чужое дѣло и подписали адресъ, до нихъ не принадлежащій, представить начальству взять отъ нихъ по сему объясненіе и поступить сообразно съ тѣмъ, что окажется; 6) поступки кладбищенскаго причта предоставить разсмотрѣнію епархіальнаго начальства. Затѣмъ, имѣя въ виду объясненіе слѣдователей, что во время допроса студентовъ академіи по дѣлу о совершеніи на кладбищѣ панихиды, студенты Порфирьевъ, Кочкинъ, Шашковъ, Лебединскій, Боголюбовъ и Новицкій выказали непочтительность и нѣкоторые изъ нихъ даже неприличія въ поступкахъ, Св. Синодъ постановилъ: Порфирьеву замѣтить, что, если онъ впослѣдствіи не заслужитъ своимъ поведеніемъ полнаго одобренія начальства, то будетъ удаленъ изъ академіи; Кочкина и Лебединскаго предоставить въ распоряженіе епархіальнаго начальства съ степенью студента семинаріи, а остальныхъ, т. е. Шашкова, Боголюбова и Новицкаго, исключить изъ духовнаго званія и академіи. Постановленіе это, по Высочайшей волѣ, было доложено главному комитету объ устройствѣ сельскаго состоянія. Затѣмъ Государь Императоръ, по разсмотрѣніи бывшихъ по сему дѣлу въ главномъ комитетѣ сужденій, Высочайше соизволилъ повелѣть: а) утвердить постановленіе Св. Синода относительно лицъ духовнаго званія, прикосновенныхъ къ сему дѣлу, какъ-то: священника Яхонтова, іеродіакона Мелетія, церковнаго причта и студентовъ казанской академіи; б) баккалавра Щапова, вмѣнивъ ему въ наказаніе содержаніе подъ арестомъ, удаленіе отъ должности преподавателя казанскаго университета и взысканіе съ него начальствомъ казанской духовной академіи 450 руб., подвергнуть сверхъ того вразумленію и увѣщанію въ монастырѣ, по распоряженію Св. Синода. Отъ 9 декабря на имя преосвященнаго Аѳанасія пришелъ указъ Св. Синода о приведеніи этого Высочайшаго рѣшенія въ исполненіе. Въ январѣ, февралѣ и мартѣ 1862 г. послѣдовало и самое исполненіе по всѣмъ пунктамъ синодальнаго и Высочайшаго указовъ. Послѣднимъ актомъ правленія по этому дѣлу была высылка священника Яхонтова и іеродіакона Мелетія отъ 31 марта къ мѣстамъ ихъ назначенія.

Въ мнѣніи митрополита Филарета между прочимъ обращено было вниманіе на то, что подъ адресомъ студентовъ на имя оберъ-прокурора подписались не только 37 студентовъ—участниковъ панихиды, но еще 7 человѣкъ, не участвовавшихъ въ ней. Св. Синодъ, по его предложенію, распорядился по-

требовать отъ каждаго изъ нихъ отдѣльное объясненіе по сему предмету въ томъ отношеніи, по какому побужденію и съ какимъ намѣреніемъ они подписывали этотъ адресъ наравнѣ съ принимавшими участіе въ панихидѣ, и о послѣдующемъ постановить особое заключеніе. Въ мартѣ они дали требуемыя объясненія письменно въ присутствіи правленія. Всѣ эти объясненія были почти дословно одинаковы, что, подписываясь подъ адресомъ, имѣвшимъ цѣлью возстановить поколебленную репутацію академіи и высказать настоящія общія чувства студентовъ, они вовсе не думали заявлять тѣмъ какого либо сочувствія къ дѣлу панихиды, напротивъ считали эту подпись дѣломъ общимъ для всѣхъ студентовъ, независимо отъ того, участвовали они въ панихидѣ или нѣтъ, и нисколько для себя не предосудительнымъ и не опаснымъ Послѣ этихъ объясненій объ этомъ предметѣ не было больше никакой рѣчи

Такъ наконецъ кончилось это тревожное дѣло, разстроившее тогда много нервовъ, и кончилось для многихъ членовъ академической корпораціи очень не легко. Изъ студентовъ 7 человѣкъ было исключено; остальные долго числились во второмъ разрядѣ, и еще въ теченіе 1862 г. состояли подъ особымъ надзоромъ инспекціи и писались ею въ особыхъ отчетахъ по поведенію; изъ двоихъ духовныхъ лицъ, сосланныхъ въ отдаленные монастыри, только одинъ іеродіаконъ Мелетій снова успѣлъ возстановить свою служебную репутацію и выбиться изъ своего опальнаго положенія, и то послѣ долгихъ тяжкихъ испытаній и по особенному вниманію къ нему высокопреосвященнаго Веніамина иркутскаго. Прошло много лѣтъ послѣ злосчастной панихиды, а разныя начальства все еще попрекали ею казанскихъ студентовъ, пріѣзжавшихъ на службу въ разныя мѣста Россіи. Легче всѣхъ поплатился Щаповъ, котораго разныя рекомендаціи и ходатайства успѣли избавить даже отъ посылки въ монастырь. Несчастные члены причта кладбищенской церкви потерпѣли жестокое похмѣлье въ чужомъ пиру, — были отрѣшены епархіальнымъ начальствомъ отъ мѣстъ и долго находились въ самомъ печальномъ положеніи, особенно діаконъ, только лѣтъ чрезъ 15 успѣвшій добиться порядочнаго дьяконскаго мѣста въ Казани въ Воскресенскомъ приходѣ. Для университета вся эта исторія кончилась сравнительно благополучно Самъ московскій первосвятитель замѣтилъ въ своемъ мнѣніи по отчету слѣдователей: „Невольно рождается вопросъ, какъ согласить то, что по дѣлу,

за которое студенты академіи подвергнуты отвѣтственности, виновниками открыто объявляютъ себя студенты университета и остаются безъ всякой отвѣтственности? По сему вопросу духовному вѣдомству принадлежитъ не сужденіе, а только удивленіе“ (1).

Тяжко отозвалось это дѣло и на репутаціи начальниковъ академіи. Въ отчетѣ слѣдователей по второму ихъ порученію —обозрѣть общее состояніе академіи—состояніе это изображено было въ самыхъ мрачныхъ чертахъ по всѣмъ частямъ управленія, и по учебной, и по нравственной; по свѣдѣніямъ отъ разныхъ лицъ, знакомыхъ съ академическою жизнью, было дознано, что при ректорѣ Іоаннѣ академія замѣтно стала становиться на ложный путь. Приведя отзывъ преосвященнаго Аѳанасія, что „не лишнее было бы принудить, кого слѣдуетъ, а пожалуй дать академіи другаго начальника“ митрополитъ Филаретъ замѣтилъ: „Должно согласиться съ сею послѣднею мыслію преосвященнаго Аѳанасія“, и прибавилъ, что надобно дать ей и другаго инспектора (2). Тоже самое мнѣніе онъ повторилъ въ своей запискѣ отъ 31 іюля при обсужденіи присланныхъ ему объясненій ректора Іоанна по жалобѣ на него преподавателей академіи (3). Въ 1862 г. въ письмѣ оберъ-прокурору Толстому онъ предлагалъ назначить архимандрита Іоанна настоятелемъ Воскресенскаго монастыря въ Москвѣ и членомъ синодальной конторы на мѣсто преосвященнаго Антонія Радонежскаго (4). Въ Св. Синодѣ была мысль даже о закрытіи академіи; но митрополитъ Филаретъ въ письмѣ къ Толстому 21 мая 1862 г. высказался противъ этой мысли: „Моя мысль была не открывать, по крайней мѣрѣ до времени, казанскую академію. Не раскаиваюсь въ ней и теперь. Но закрыть казанскую академію иное дѣло. Это не обойдется безъ ропота своихъ и чужихъ. Мы уже и такъ пресыщены порицаніями“ (5).

Прошло болѣе двухъ лѣтъ послѣ непріятной ревизіи академіи чрезъ слѣдственную коммиссію, а репутація начальниковъ академіи все еще не поправилась въ глазахъ Св. Си-

---

(1) Мнѣнія и Отзывы, стр. 103.
(2) См. тамъ же стр. 103—105.
(3) Тамъ же стр. 107—112.
(4) Письма м. Филарета, т. II, стр. 107. 122—123.
(5) Тамъ же стр. 126.

нода. Въ концѣ 1863 г., при представленіи преосвященному Аѳанасію отъ правленія академіи формулярныхъ списковъ лицъ, служащихъ при академіи, онъ велѣлъ изготовить отъ своего лица представленіе о наградѣ инспектора архим. Веніамина орденомъ Анны 2 степ., такъ какъ онъ, по выраженію преосвященнаго, долго служилъ безъ награды. Представленіе было послано, но отъ 28 апрѣля 1864 г. на него полученъ отвѣтъ: „Отложить ходатайство о наградѣ архим. Веніамина впредь до оказанія имъ дальнѣйшихъ заслугъ".— Ректоръ успѣлъ поправить свои дѣла нѣсколько скорѣе. Онъ нисколько не измѣнилъ характера своего ректорства, по прежнему, даже болѣе прежняго держался системы невмѣшательства въ дѣла академической жизни, замкнулся въ своемъ кабинетѣ и съ какимъ-то упорствомъ ни на что не хотѣлъ обращать вниманія. Всѣ, кто его видалъ въ это время ближе, замѣчали, что онъ былъ въ какомъ-то озлобленно-разочарованномъ состояніи и бросалъ жестокіе сарказмы на-право и на-лѣво. Такое состояніе продолжалось у него приблизительно до зимы 1862 г., когда онъ, вѣроятно, соскучившись своимъ опальнымъ положеніемъ, рѣшился попробовать поправить свою служебную репутацію. Въ этомъ помогли ему его умъ и перо Въ 1862 г. въ газетѣ День (№№ 25 и 30) былъ возбужденъ вопросъ о томъ, составляетъ ли монашество необходимое условіе для поставленія въ епископы. По порученію оберъ-прокурора Св. Синода А. П. Ахматова, объ этомъ предметѣ написалъ статью въ Прибавленіяхъ къ твореніямъ св. отцевъ (ч. XXI) профессоръ московской академіи А. В. Горскій. За разработку того же вопроса принялся и архим. Іоаннъ. Фактическій матеріалъ былъ собранъ для него, по его порученію, молодымъ баккалавромъ А. С. Павловымъ; Іоаннъ обработалъ этотъ матеріалъ, далъ ему извѣстное расположеніе и обстановку, и вышла знаменитая его статья „О монашествѣ епископовъ". 2 декабря 1862 г. онъ отправилъ ее при письмѣ къ оберъ-прокурору Ахматову, а послѣдній отдалъ на разсмотрѣніе митрополиту Филарету. Отзывъ митрополита помѣщенъ въ I ч. V т. Собранія его мнѣній и отзывовъ (стр. 414 — 417). „Утѣшительно видѣть, писалъ преосвященный Филаретъ въ заключеніе, сочинителя, какъ онъ понимаетъ епископство и монашество и съ какимъ сочувствіемъ защищаетъ оныя. Изданіе сего сочиненія въ скорости соотвѣтствовало бы потребности". Тоже желаніе выра-

жено было и въ письмѣ оберъ-прокурора къ самому архим. Іоанну при возвращеніи рукописи отъ 24 марта 1863 г.. Въ частномъ письмѣ къ оберъ-прокурору отъ 17 марта 1863 г митрополитъ Филаретъ писалъ: „Ободрить ректора казанской академіи желательно, чтобы онъ благодушествовалъ для пользы службы. Но, если вспомнить, что̀ открыто по бывшему дѣлу, каково его отношеніе къ кругу его службы, что̀ изрекъ преосвященный казанскій, то отличіе, которое его утѣшитъ, вѣроятно многихъ удивитъ. Послѣ бывшаго дѣла не видно, чтобы онъ чѣмъ либо показалъ себя въ лучшемъ свѣтѣ. Почему не напечатана его записка о монашествѣ епископовъ? Она могла бы имѣть видъ заслуги, и представится основаніе благоволенія къ нему... Не можетъ-ли случиться, что значительное отличіе придастъ ему болѣе самостоятельности и рѣшительности? А какова она будетъ, трудно угадать. Впрочемъ все сіе пишу для Вашего разсужденія. Вывести отрицательное заключеніе не желаю, а положительное боюсь“ (1). Сочиненіе было немедленно напечатано въ Православномъ Собесѣдникѣ (2) и по напечатаніи осенью представлено оберъ-прокуроромъ Св. Синода на милостивое воззрѣніе самому Государю Императору. 26 ноября авторъ былъ Всемилостивѣйше награжденъ кабинетнымъ наперснымъ крестомъ, украшеннымъ драгоцѣнными камнями, въ знакъ благосклоннаго вниманія Его Императорскаго Величества къ его ученой дѣятельности. Это была первая его награда въ теченіе 7-лѣтняго ректорства въ казанской академіи. Служебная карьера его очевидно пошла на повышеніе. Еще 24 іюня митрополитъ Филаретъ писалъ объ немъ оберъ-прокурору Св. Синода, что было бы полезно архим. Іоанна поставить викаріемъ при такомъ архіереѣ, котораго сужденія и дѣйствія могли бы производить полезныя на него впечатлѣнія. Зная очень хорошо, отъ кого зависитъ его карьера, архим. Іоаннъ наконецъ смирился предъ вліятельнымъ святителемъ и написалъ ему покорное письмо. Отъ 4 февраля 1864 г. митрополитъ извѣщалъ оберъ-прокурора: „О. ректоръ казанской академіи по полученіи креста писалъ ко мнѣ и по сему случаю я написалъ къ нему слово мира“ (3).

---

(1) Письма т. II, стр. 168.

(2) За 1863 г. т. I, стр. 442; II, 99. 193.

(3) Письма, II, 199. 227—228.

Опредѣленіемъ Св. Синода отъ 31 марта 1864 г. оба начальника казанской академіи разомъ были переведены,— ректоръ Іоаннъ въ ректоры с.-петербургской академіи, а инспекторъ Веніаминъ въ ректоры харьковской семинаріи. 16 апрѣля архим. Іоаннъ былъ уволенъ отъ всѣхъ занимаемыхъ имъ въ академіи должностей, а 24 выѣхалъ изъ Казани. Въ день отъѣзда при прощаніи съ студентами онъ говорилъ имъ замѣчательную для характеристики его управленія академіей рѣчь, которая записана въ письмѣ на родину одного изъ лучшихъ студентовъ XI курса (1). „Въ пятницу на Пасху, пишетъ онъ, мы простились съ бывшимъ нашимъ ректоромъ о. Іоанномъ. На прощаніи онъ сказалъ намъ такую рѣчь: „Поняли-ли вы меня, господа? Я руководился вотъ какими правилами: если имѣешь дѣло съ людьми развитыми, учеными, образованными, то ихъ нужно предоставить собственному разсудку и сознанію. Изъ этого ничего дурного не выйдетъ. Если же выходили крайности, то противъ крайнихъ поступковъ оставалось и средство крайнее. Промежудочныхъ мѣръ я не считалъ нужными. Если поняли, хорошо; если не поняли, такъ вотъ я вамъ сказалъ. Когда я буду въ Петербургѣ, то буду имѣть сношенія съ высшимъ начальствомъ. Можете обращаться ко мнѣ съ просьбами, само собою разумѣется, разумными и основательными. Это я къ тому говорю, что во время здѣшняго моего ректорства многіе обращались ко мнѣ съ серьезными просьбами. И что можно было сдѣлать, — сдѣлано. Что касается до моихъ личныхъ къ вамъ отношеній, то я доволенъ и вами, и прежними курсами; поэтому передайте мою благодарность и вашимъ предшественникамъ. Прощайте. Желаю счастливо вамъ окончить курсъ; жаль, что мнѣ не удалось окончить вмѣстѣ съ вами курса. Ну, безъ меня, можетъ быть, будетъ лучше". Прощаніе его съ преподавателями вышло сухо и оффиціально. Изъ отзывовъ о составѣ преподавательской корпораціи казанской академіи, какіе онъ дѣлалъ при проводахъ изъ петербургской академіи вновь назначавшимся изъ воспитанниковъ послѣдней баккалаврами въ Казань, было видно, что онъ сохранилъ довольно непріязненное чувство къ своимъ бывшимъ казанскимъ сослуживцамъ, за исключеніемъ только нѣкоторыхъ, начавшихъ службу уже послѣ извѣстнаго его столкновенія

(1) Не имѣемъ права упоминать его имени.

съ преподавателями. Дальнѣйшая его служба не принадлежитъ къ исторіи академіи. 4 января 1865 г. онъ былъ назначенъ и 17 посвященъ въ епископа выборгскаго, викарія петербургскаго митрополита, съ оставленіемъ и въ должности ректора академіи. 9 ноября 1866 г. переведенъ на самостоятельную каѳедру въ Смоленскъ, гдѣ и служилъ до смерти. Умеръ скоропостижно 17 марта 1869 г.. Объ его ученыхъ трудахъ и проповѣдничествѣ намъ придется говорить еще послѣ, при обозрѣніи его профессорской и вообще ученой дѣятельности.

Архимандритъ Веніаминъ выѣхалъ изъ Казани 4 мая. Ректоромъ харьковской семинаріи онъ пробылъ до 1872 г., когда былъ посвященъ въ епископа сумскаго, викарія Харьковской епархіи. Въ 1883 г. онъ былъ переведенъ въ викаріи костромской епархіи въ званіи епископа кинешемскаго, въ каковомъ состоитъ и доселѣ. Имѣетъ ордена св. Анны 1 степ. и св. Владиміра 3 степени. Составъ главныхъ лицъ академическаго управленія такимъ образомъ весь измѣнился въ одинъ годъ; на мѣсто ректора Іоанна отъ 31 марта назначенъ и 30 апрѣля вступилъ въ должность архимандритъ Иннокентій.

Архимандритъ *Иннокентій Новогородовъ* былъ сынъ священника Воронежской епархіи, родился въ 1823 г., учился въ воронежской семинаріи и въ кіевской академіи, въ которой кончилъ курсъ въ 1851 г. съ степенью магистра богословія. Въ этомъ же году 24 іюня онъ былъ постриженъ въ монашество и опредѣленъ на каѳедру помощника ректора по преподаванію богословскихъ предметовъ въ екатеринославскую семинарію. Въ ноябрѣ 1854 г. въ той же должности перемѣщенъ въ казанскую семинарію, въ которой затѣмъ и служилъ до академической службы сначала инспекторомъ, потомъ съ 23 сентября 1855 г. ректоромъ. Съ 1857 г. онъ былъ членомъ академической конференціи. Въ 1861 г. пожалованъ орденомъ св. Анны 2 степени. Во время семинарскаго ректорства съ 1860 г. онъ былъ членомъ строительныхъ комитетовъ, сначала по пристройкѣ зданій казанской семинаріи, потомъ въ 1861 г. по постройкѣ духовной консисторіи, съ 1862 г. по постройкѣ сгорѣвшихъ зданій казанской семинаріи, и считался весьма опытнымъ человѣкомъ по веденію этого рода дѣлъ.

На мѣсто инспектора академіи, послѣ довольно продолжительнаго исправленія этой должности помощникомъ инспектора баккалавромъ Григоріемъ, отъ 18 іюля 1864 г. былъ опредѣленъ и 25 сентября вступилъ въ должность архимандритъ *Веніаминъ Быковскій*, родомъ изъ Полтавской губерніи, сынъ священника (род. въ 1819 г.). По окончаніи курса въ полтавской семинаріи въ 1844 г. онъ 5 лѣтъ былъ сельскимъ священникомъ, потомъ, овдовѣвъ, въ 1849 г. поступилъ для высшаго образованія въ кіевскую академію и здѣсь въ 1851 г. (въ маѣ) постригся въ монашество. Въ 1853 г., по окончаніи академическаго курса со степенью кандидата, онъ былъ назначенъ смотрителемъ орловскаго духовнаго училища. Въ 1856 г. ему дали степень магистра богословія. Въ 1858 г. въ сентябрѣ онъ былъ перемѣщенъ на каѳедру помощника ректора и вмѣстѣ въ должность инспектора въ херсонскую семинарію. 24 апр. 1861 г. возведенъ въ санъ архимандрита, а черезъ 3 года опредѣленъ инспекторомъ казанской академіи. Оба главныхъ начальника академіи такимъ образомъ прежде вовсе не служили на академической службѣ, что было само по себѣ уже крайне не выгодно для казанской академіи, особенно при томъ состояніи, въ какомъ она осталась послѣ долгаго бездѣйствія архим Іоанна. Архим. Веніаминъ былъ кроткій и смиренный человѣкъ и, по своей скромности, вовсе почти не вступался въ академическія дѣла. По инспекторской службѣ онъ не только не раздражалъ студентовъ, но былъ даже любимъ ими. Рѣдко, и то только по особенно выдающимся случаямъ, онъ доносилъ объ ихъ проступкахъ правленію, главнымъ образомъ по настоянію ректора, даже какъ-то совѣстился слѣдить за ними, отъ того рѣдко и показывался въ ихъ жилыхъ помѣщеніяхъ. Помощникомъ его во все время его инспекторства былъ баккалавръ *А. И Гренковъ*, конечно еще менѣе имѣвшій вліянія на студентовъ.

Ректоръ Иннокентій представлялъ своею личностью совершенный контрастъ съ ректоромъ Іоанномъ во всемъ, начиная съ наружности. На сколько слабая и болѣзненная фигура послѣдняго была грозна и внушительна, вся проникнутая выраженіемъ властной силы воли и силы крѣпкаго, нѣсколько презрительнаго и озлобленнаго ума, на столько рослая, здоровая фигура архим. Иннокентія, съ длинной полусѣдой бородою, съ крутымъ упрямымъ лбомъ и прячущимися

въ глубокихъ впадинахъ, маленькими сѣрыми глазами, представлялась какою-то мелкой, подозрительной и темной, и возбуждала представленіе не столько объ умѣ и силѣ воли, сколько о практической житейской сметкѣ и упрямствѣ. Одинъ изъ студентовъ XI курса, поклонникъ Шекспира, сравнивая этихъ ректоровъ, примѣнялъ къ нимъ извѣстный монологъ Гамлета предъ портретами Гамлета отца и короля Клавдія. Ректоръ Иннокентій держался со всѣми почти запросто и былъ по-своему привѣтливъ; ни одинъ изъ прежнихъ ректоровъ не былъ такъ близокъ и къ студентамъ, и къ наставникамъ, какъ онъ. При немъ завелись въ первый разъ общія праздничныя собранія профессоровъ вмѣстѣ съ начальствомъ, устраивавшіяся большею частію по случаю служебныхъ промоцій и наградъ того или другаго наставника и сопровождавшіяся посильными угощеніями; ректоръ называлъ эти собранія—„пирогами“ и держался на нихъ потоварищески; ни при одномъ также ректорѣ не бывало столько производствъ въ высшія званія и наградъ орденами. Студенты также могли свободно бесѣдовать съ нимъ даже о совершенно партикулярныхъ матеріяхъ, спорить, подъ часъ дѣлать ему даже дерзости, ни сколько его не стѣсняясь, какъ начальника. И все-таки въ теченіе всего своего ректорства онъ ни у кого не заслужилъ ни уваженія, ни любви. Работалъ онъ и по правленію, и по редакціи, и по всѣмъ своимъ должностямъ съ необычайнымъ усердіемъ и неутомимостію; всѣ бумаги академическаго архива его времени, и важныя и пустыя, съ первой строки до послѣдней, испещрены его мелкимъ, бисернымъ почеркомъ, многія и совсѣмъ передѣланы; — не было дѣла, въ которое бы онъ не вникалъ самымъ внимательнымъ образомъ. Судя по тому, что онъ былъ вовсе не быстеръ въ письменной работѣ, надобно думать, что дѣятельность этого рода стоила ему много времени и усидчивости. По учебной части онъ прочитывалъ, кажется, всѣ семестровыя и курсовыя сочиненія студентовъ, потому что на нихъ постоянно встрѣчаемъ поправки и часто довольно длинныя замѣтки, писанныя тѣмъ же его бисернымъ почеркомъ. Ни одна статья въ Православномъ Собесѣдникѣ тоже не проходила безъ его поправокъ. И вся эта дѣятельность тратилась совсѣмъ даромъ, отличаясь въ высшей степени своеобразнымъ, страннымъ, часто забавнымъ, а иногда даже и вреднымъ направленіемъ. Онъ былъ администраторъ юристъ, но юристъ безъ юридическихъ и нрав-

ственныхъ принциповъ, приверженецъ исключительно формальной стороны закона, въ родѣ старинныхъ приказныхъ дѣльцовъ, работавшихъ не во имя самой законности, но во имя одной ея формы, и всю свою дѣятельность тратившихъ на изученіе многочисленныхъ указовъ, постановленій, опредѣленій, параграфовъ и пунктовъ законодательства и на составленіе изъ нихъ различныхъ комбинацій при помощи болѣе или менѣе замысловатыхъ крючковъ, даже безъ практической цѣли, по одной любви къ этому искусству.

Самымъ любимымъ занятіемъ его въ дѣлопроизводствѣ было прежде всего отыскиваніе справокъ,—и никогда еще въ бумагахъ правленія, и къ дѣлу и не къ дѣлу, не приводилось столько ссылокъ на разныя статьи устава и Свода Законовъ, сколько при немъ,—потомъ подлавливаніе ошибокъ за секретарями, когда они сами составляли бумаги, и въ бумагахъ, поступившихъ въ академическое правленіе со стороны, даже отъ постороннихъ вѣдомствъ, случайно приходившихъ въ соприкосновеніе съ академіей. Онъ какъ-то даже дѣтски радовался, когда, прочитывая представленную ему бумагу, что нибудь находилъ въ ней такое, къ чему можно было прицѣпиться, показывалъ свое открытіе другимъ и старался уколоть имъ тѣхъ, кто допустилъ ошибку. Бѣда, если ему возражали, не соглашаясь съ его мнѣніемъ; онъ немедленно завязывалъ цѣлое бумажное дѣло и готовъ былъ до положенія ризъ спорить съ противной стороной, роясь во всѣхъ томахъ Свода Законовъ, съ каждой бумагой все усиливая свою претензію и наклоняя дѣло къ тому, чтобы завинить противника, даже какъ нибудь по уголовному порядку; человѣкъ добрый въ обыкновенныхъ отношеніяхъ, онъ былъ безпощаденъ, когда дѣло касалось формальной законности. Такого рода юридическіе пріемы прилагались имъ и къ такимъ дѣламъ, гдѣ они были вовсе никому не нужны и вели только къ лишнимъ для него самого непріятностямъ. Пришлетъ, положимъ, какой нибудь книгопродавецъ изданную имъ книгу съ просьбой о ея покупкѣ въ академическую библіотеку и объ ея распространеніи по округу; ректоръ посылаетъ ему пикантный отвѣтъ, гдѣ на основаніи справокъ по библіотечнымъ документамъ, по уставу и проч. докажетъ, что книга эта не была выписываема, а потому не можетъ быть принята правленіемъ, что академія не лавочка для продажи книгъ, а ректоръ ея не книжный торговецъ и т. п. Въ маѣ 1865 года онъ завязалъ было длин-

ный споръ съ губернскимъ правленіемъ, которое требовало отъ правленія академіи уплаты денегъ за напечатаніе въ своей типографіи 2000 отдѣльныхъ экземпляровъ заказаннаго академіей объявленія о годичныхъ торгахъ на припасы. На это требованіе былъ посланъ грубый отзывъ, что правленіе академіи заказало это объявленіе напечатать въ губернскихъ вѣдомостяхъ, а отдѣльныхъ оттисковъ не заказывало и платить за нихъ не желаетъ. Губернское правленіе нашло этотъ отзывъ „исполненнымъ выраженій, не совмѣстныхъ съ достоинствомъ высшаго въ губерніи мѣста, не приличныхъ и академическому правленію“, и настаивало на уплатѣ, доказывая необходимость отдѣльныхъ оттисковъ объявленія для разсылки ихъ по закону въ сосѣднія губерніи. Ректоръ не отставалъ отъ спора и приготовилъ еще болѣе сильный отвѣтъ. Въ дѣло, грозившее сдѣлаться серьезнымъ, вступился наконецъ преосвященный Аѳанасій и приказалъ уплатить требуемыя деньги. Количество этихъ денегъ было всего 1 р. 25 к. (1). Секретарямъ правленія не мало доставалось отъ ректора за неполноту справокъ и несоблюденіе разныхъ формъ. Въ ноябрѣ 1864 г. отъ него ушелъ съ должности секретарь внѣшняго правленія М. М. Митропольскій, а 6 февраля секретарь внутренняго правленія К. В. Мысовскій; на мѣсто послѣдняго опредѣлился новый баккалавръ *В. В. Миротворцевъ*.

Въ отношеніи къ преосвященному архим. Иннокентій держался по правиламъ строгаго монашескаго послушанія, такъ что чрезъ преосвященнаго на него всего лучше можно было дѣйствовать и для укрощенія его слишкомъ рьяныхъ порывовъ къ бумажному дѣлопроизводству. Преосвященный Аѳанасій любилъ его за это послушаніе, а равно и за то, что онъ выступилъ на академическую дѣятельность возстановителемъ академическихъ порядковъ. Престарѣлый и больной святитель, тогда уже сильно ослабѣвшій, особенно послѣ постигшей его въ августѣ 1865 г. апоплексіи мозга, видѣлъ въ немъ единственную надежду въ дѣлѣ возстановленія академіи отъ упадка и былъ къ нему очень ласковъ; въ 1867 г., по своемъ удаленіи въ Кизическій монастырь, онъ отдалъ ректору огромную часть своей богатой библіотеки, которую тогда раздаривалъ разнымъ духовнымъ лицамъ и въ пользу академіи. Преем-

(1) Д. 1865 г. № 113.

никъ преосвященнаго Аѳанасія (съ ноября 1866 г.) преосвящ. Антоній Амфитеатровъ, особенно серьезно занимавшійся учебными заведеніями какъ въ прежней своей Смоленской, такъ и въ новой Казанской епархіи, сначала тоже возлагалъ большія надежды на ректора Иннокентія, особенно потому, что послѣдній былъ изъ питомцевъ кіевской академіи, къ которымъ преосвященный особенно благоволилъ. По пріѣздѣ въ Казань онъ былъ горько разочарованъ положеніемъ епархіальныхъ и учебныхъ дѣлъ и въ одномъ письмѣ къ бывшему нижегородскому архіерею Іереміи отъ 6 мая 1867 г. изобразилъ самую безотрадную каргину тогдашняго состоянія Казанской епархіи, встревоженной отпаденіемъ болѣе 9000 крещеныхъ татаръ, кишевшей расколомъ и скудной духовенствомъ; въ частности объ академіи и ея ректорѣ онъ писалъ: „Академія что-то обездушена. Теперешній ректоръ хорошій человѣкъ, но онъ засталъ ее послѣ предмѣстника своего, теперешняго смоленскаго, въ крайне разстроенномъ видѣ. Она ославила себя паче университета въ дурномъ современномъ направленіи“ (1). Но, по своей дѣловитости и проницательности, онъ скоро долженъ былъ разубѣдиться въ достоинствахъ архим. Иннокентія, потому что ему скоро пришлось распутывать по академическому правленію такія дѣла, которыя вели только къ еще большему разстройству академіи, а начаты были уже не при ректорѣ Іоаннѣ, а самимъ Иннокентіемъ. Особенно бросались въ глаза нѣкоторыя, весьма темныя дѣла по экономическому управленію академіи.

Перейдя изъ одного учебнаго заведенія въ другое въ одномъ и томъ же городѣ, архим. Иннокентій явился въ академію съ прежними семинарскими связями и обстановкой по части экономическаго управленія. У него былъ свой довѣренный подрядчикъ и поставщикъ, съ которымъ онъ долго велъ разнообразныя денежныя дѣла въ семинаріи и имѣлъ близкое знакомство, купецъ Д... Съ 1862 г. они вмѣстѣ строили обгорѣлыя зданія казанской семинаріи на сумму, отпущенную изъ духовно-учебныхъ капиталовъ заимообразно, въ 118,895 руб.; потомъ предъ переходомъ въ академію архим. Иннокентій успѣлъ завести въ семинарскомъ правленіи дѣло объ отдачѣ этихъ, уже оканчивавшихся перестройкой зданій въ аренду

(1) Письма къ преосв. Іереміи въ Чт. общ. любителей дух. просвѣщ. за 1887 г. февр. 57—58.

самому же подрядчику Д... на чрезвычайно выгодныхъ для послѣдняго условіяхъ: аренда назначалась на 12 лѣтъ съ платою семинаріи, въ возвратъ отпущенныхъ на постройки 118,895 руб., въ первый годъ 3000 р., въ послѣдующія 5 лѣтъ по 6000 р., въ остальныя 6 л. по 7000 р., слѣдовательно каждогодно по 6250 р., а во всѣ 12 лѣтъ только 75,000 руб., съ очевидной невыгодой для казны. Сколько казна могла бы получить отъ зданій безъ этой отдачи ихъ аренды въ однѣ руки, видно изъ того, что до утвержденія контракта съ Д... семинаріей получалось всего лишь съ 8 магазиновъ и 1 лавки, отданныхъ въ наймы даже еще въ не вполнѣ отстроенномъ видѣ, 3,380 р. въ годъ, а всего въ зданіи устроялось 20 магазиновъ, 5 лавокъ и 5 подваловъ въ нижнемъ этажѣ, да большіе магазины и квартиры въ верхнемъ этажѣ и въ боковыхъ зданіяхъ; со всѣхъ этихъ помѣщеній можно было предполагать по крайней мѣрѣ 20,000 руб. годоваго дохода (1).— Вмѣстѣ съ новымъ ректоромъ перешелъ на службу академіи и купецъ Д... Въ августѣ 1864 г. въ академическомъ правленіи начато было дѣло объ опредѣленіи его уже въ почетные попечители академіи; опредѣленіе это не состоялось, потому что на него не согласилось городское общество (2); но за то съ того же года Д... сдѣлался неизмѣннымъ поставщикомъ для академіи дровъ и подрядчикомъ по всѣмъ ея ремонтамъ и постройкамъ.

На должности ректора академіи архим. Иннокентію пришлось оказать Д.. еще большія услуги. Въ декабрѣ 1865 года оберъ-прокуроръ Св. Синода увѣдомилъ преосвященнаго казанскаго, что, по всеподданнѣйшему докладу его отъ 6 октября, Государь Императоръ повелѣть соизволилъ для увеличенія окладовъ наставниковъ казанской академіи обратить на этотъ предметъ доходы съ перестроеннаго дома казанской семинаріи; вслѣдствіе этого духовно-учебное управленіе распорядилось сдать семинарскія зданія изъ вѣденія семинарскаго правленія въ вѣденіе академическаго, а послѣднему самому уже озаботиться объ отдачѣ ихъ въ аренду или одному лицу, или по частямъ, какъ найдетъ для себя выгоднѣе, донося о своихъ распоряженіяхъ и о послѣдствіяхъ оныхъ свое-

(1) См. Истор. казанск. дух. семинаріи А. Благовѣщенскаго, стр. 203—204. К. 1881.

(2) Д. 1864 г. № 33.

временно оберъ-прокурору (1). Духовно-учебное управленіе выслало въ академическое правленіе для обсужденія и примѣненія къ потребностямъ академіи и составленный въ семинаріи контрактъ по отдачѣ Д... семинарскихъ зданій въ аренду вмѣстѣ съ условіями, предложенными самимъ арендаторомъ касательно желательныхъ для него измѣненій въ этомъ контрактѣ, тоже очень для него выгодныхъ. Особенно настаивалъ онъ на измѣненіи наиболѣе для него важнаго IV п. контракта,—на уничтоженіи прописаннаго здѣсь условія доставлять въ правленіе семинаріи копіи съ контрактовъ частныхъ нанимателей, которымъ онъ будетъ сдавать разныя помѣщенія отъ себя, т. е. желалъ сдавать эти помѣщенія безъ всякаго вѣдома правленія; изъ другихъ условій замѣчательно условіе, которымъ онъ выговаривалъ себѣ право отказа отъ аренды и ранѣе 12 лѣтъ, но правленіе семинаріи лишалъ права отказывать ему ранѣе этого срока; по желанію семинарскаго правленія, онъ великодушно уступалъ для наставниковъ семинаріи 2 квартиры въ зданіяхъ, а въ случаѣ открытія для него надобности въ этихъ квартирахъ обѣщался вознаградить жильцовъ деньгами. Въ засѣданіи своемъ 29 дек. академическое правленіе нашло, что какъ въ этихъ, такъ и въ другихъ измѣненіяхъ контракта нѣтъ ни одного пункта, который бы клонился къ ущербу казны, что сумма въ 75,000 р. за 12 лѣтъ вполнѣ достаточна для добавочнаго жалованья наставникамъ академіи, которое по разсчету равно за этотъ срокъ только 74,712 руб., наконецъ что сумма аренды на первый разъ удовлетворительна и сама по себѣ, такъ какъ арендатору требуется еще много сдѣлать затратъ, чтобы зданія приносили ему нужный доходъ, въ настоящее же время они остаются большею частію пустыми. Обезпечивъ такимъ образомъ интересы арендатора, правленіе замѣтило только, что для увеличенія окладовъ наставникамъ невыгодно контрактовое распредѣленіе суммъ аренды по годамъ, такъ какъ 3,000 руб. за первый годъ мало для всего прибавочнаго жалованья, и рѣшило отнестись къ Д... съ предложеніемъ, не найдетъ ли онъ удобнымъ назначить плату аренды за каждый годъ поровну, по 6500 руб., „взявъ для этого во вниманіе, что доходъ отъ зданій тѣхъ имѣетъ употребляться на доброе дѣло, именно на содержаніе воспитателей казанской академіи, обра-

(1) Журн. правл. 21 дек. 1865 г.

зующихъ наставниковъ для семинарій, изъ коихъ выходятъ пастыри церкви". Арендаторъ, конечно, растрогался этимъ послѣднимъ резономъ и согласился платить въ первыя 6 лѣтъ по 6000 руб, а въ прочія по 7000 руб., уплачивая эти суммы каждогодно въ три срока (въ январѣ, маѣ и декабрѣ) (1).

На другой же день 30 декабря правленіе семинаріи выслало въ академическое правленіе, по требованію послѣдняго, всѣ относящіеся къ семинарскимъ зданіямъ документы, сдаточную опись и проектъ аренды, прося въ своей препроводительной бумагѣ, чтобы правленіе академіи благоволило утвердить частные контракты семинаріи съ другими лицами, кромѣ Д..., и вызовы къ торгамъ на частный наемъ помѣщеній, уже назначенныхъ семинарскимъ правленіемъ на 1866 г., а также чтобы не отказало въ обѣщанныхъ квартирахъ двумъ наставникамъ семинаріи; упомянуто было здѣсь и то, что семинарія еще не успѣла принять отъ Д... зданій законнымъ порядкомъ, а потому и законная передача ихъ академіи еще не можетъ пока состояться. Но правленіе академіи на послѣдній пунктъ не обратило вниманія и сейчасъ же вступило въ права хозяина зданій, при чемъ бывшій ректоръ семинаріи, предсѣдатель семинарскаго строительнаго комитета и главное отвѣтственное лице за постройки, сдѣлавшись ректоромъ академіи, вмѣстѣ съ тѣмъ сталъ и главнымъ пріемщикомъ отстроенныхъ зданій. Отложивъ всякія формальности пока въ сторону, онъ поспѣшилъ кончить поскорѣе главное для него дѣло объ арендѣ зданій. 30 декабря пришли изъ семинаріи документы, а 31 составленъ былъ уже журналъ правленія съ необходимыми распоряженіями по арендѣ: (1) объявленные семинаріей торги на 1866 г. были отмѣнены и семинарскому правленію рѣшено дать знать, чтобы оно напечатало объ этой отмѣнѣ торговъ контръ-объявленія; 2) съ семинаріей сведены счеты по домовой суммѣ, при чемъ 603 руб., уже полученные семинарскимъ правленіемъ съ нѣкоторыхъ арендаторовъ впередъ на 1866 г. и уже зачтенные на содержаніе семинаріи за 1865 г., были зачтены теперь въ счетъ арендной суммы на 1866 г., слѣдующей съ новаго арендатора; въ пользу академіи зачтены даже 72 р. повинностей, внесенныхъ въ думу; 3) въ квартирѣ учителямъ было немедленно отказано, потому что „зданія тѣ поступили въ вѣденіе академическаго правленія съ

(1) Д. 1865 г. № 106.

Высочайшаго соизволенія не для отвода квартиръ наставникамъ семинаріи, но для увеличенія жалованья наставникамъ академіи, такъ что объ отводѣ квартиры той нужно утруждать просьбой Государя Императора, а самая дача этой квартиры можетъ повлечь за собой уменьшеніе аренднаго съ семинарскихъ зданій дохода". Арендатору было рѣшено дать знать повѣсткой, что правленіе рѣшило утвердить его аренду съ 1 января 1866 г. и чтобы онъ немедленно готовилъ гербовую бумагу. Того же 31 декабря журналъ былъ поднесенъ на утвержденіе преосвященному Аѳанасію и былъ утвержденъ (1). 8 января Д... внесъ уже и надлежащій залогъ, какъ значится въ черновомъ журналѣ; въ бѣловомъ 8-е января переправлено на 3-е. Того же 8 января заключенъ съ нимъ и самый контрактъ. Огромный журналъ о заключеніи контракта съ длиннымъ изложеніемъ всего дѣла о передачѣ зданій и съ разными справками и самый актъ контракта писались секретно и наспѣхъ чуть не цѣлую ночь на 8 января въ кабинетѣ ректора и при личномъ его участіи (въ составленіи черновыхъ бумагъ) письмоводителемъ изъ студентовъ, который и получилъ за эту тяжелую работу отъ арендатора 40 руб. При этомъ не былъ приглашенъ даже секретарь правленія баккалавръ Миротворцевъ; секретарскую скрѣпу на журналѣ ему дали подписать уже послѣ, передъ самымъ представленіемъ журнала къ преосвященному. 11 января арендатору была вручена копія съ контракта. Отъ 11 февраля обо всемъ ходѣ дѣла послано длинное донесеніе оберъ-прокурору (2).

Торопиться съ этимъ дѣломъ было въ самомъ дѣлѣ необходимо, потому что каждый день можно было ждать перемѣны обстоятельствъ. Въ Петербургѣ что-то такое узнали..... Только лишь донесеніе оберъ-прокурору было отправлено, какъ 20 февраля на имя ректора пришла телеграмма отъ чиновника за оберъ-прокурорскимъ столомъ Сухотина, которая гласила: „Пришлите мнѣ копію съ контракта, увѣдомьте, утвержденъ ли онъ преосвященнымъ, доставьте распредѣленіе между наставниками добавочнаго содержанія". Ректоръ отвѣчалъ, что журналъ о контрактѣ утвержденъ преосвященнымъ еще 31 декабря 1865 г., а 8 января заключенъ и самый

(1) Д. внутр. правл. 1865 г. № 106. См. также Ист. каз. семинаріи Благовѣщенскаго, стр. 205.

(2) Д. 1866 г. № 100.

контрактъ, оклады же добавочнаго жалованья выдаются съ 6 декабря 1865 г., со времени Высочайшаго о томъ повелѣнія; къ отвѣту прибавлена даже справка изъ Свода законовъ о томъ, чему подвергаются нарушители контрактовъ. Все это дѣло кончилось опредѣленіемъ Св. Синода отъ 15 іюня, въ которомъ было сказано: Св. Синодъ по выслушаніи дѣла объ отдачѣ семинарскихъ зданій въ 12-лѣтнюю аренду купцу Д... и о назначеніи изъ арендной платы добавочнаго жалованья академическимъ наставникамъ, нашелъ, что, на основаніи состоявшагося въ 6 день декабря 1865 г. Высочайшаго повелѣнія, распоряженіе объ отдачѣ означенныхъ зданій въ наемъ предоставлено было правленію казанской академіи съ тѣмъ, чтобы о количествѣ доходовъ, которые будутъ получаемы съ тѣхъ зданій, доведено было до свѣденія Св. Синода для увеличенія изъ этой суммы содержанія наставникамъ академіи; между тѣмъ изъ донесенія академическаго правленія отъ 11 февраля за № 59 видно, что имъ не только заключенъ контрактъ на отдачу зданій, но и назначено уже и прибавочное жалованье съ 6 декабря, каковое уже и выдается изъ внесенной части арендной платы за первую треть текущаго года. Хотя правленіе академіи поступило бы болѣе согласно съ существующими постановленіями, еслибы предварительно заключенія контракта съ Д... представило проектъ контракта на утвержденіе Св. Синода, но такъ какъ контрактъ сей уже заключенъ и какъ въ ономъ не усматривается значительныхъ измѣненій противъ проекта контракта, утвержденнаго Св. Синодомъ $^{8}/_{16}$ іюля 1864 г., то Св. Синодъ опредѣленіемъ отъ $\frac{\text{12 мая}}{\text{15 іюня}}$ текущаго года постановилъ: сдѣланное академическимъ правленіемъ, съ утвержденія епархіальнаго преосвященнаго, распоряженіе объ отдачѣ зданій и т. д. утвердить; что касается до распредѣленія и выдачи добавочнаго жалованья наставникамъ академіи, то, хотя правленіе и не имѣло права дѣлать о томъ распоряженій безъ предварительнаго утвержденія Св. Синодомъ, но какъ распоряженія его согласны съ Высочайшимъ повелѣніемъ, то утвердить и ихъ; за отступленіе же отъ порядка, каковымъ должно было послѣдовать назначеніе добавочныхъ окладовъ, сдѣлать академическому правленію замѣчаніе (1). Формально

(1) Д. 1865 г. № 106 и 1866 г. № 100.

дѣло этимъ указомъ и кончилось; но оно имѣло крайне непріятныя не формальныя слѣдствія для доброй репутаціи академіи. Посѣтившій ее въ сентябрѣ 1866 г. оберъ-прокуроръ Св. Синода графъ Д. А. Толстой очень тяжко отзывался объ отдачѣ семинарскихъ зданій въ аренду, виня въ этомъ дѣлѣ вообще академію; очень много толковали объ этомъ дѣлѣ и въ обществѣ, тоже кивая на академію вообще. Семинарія была положительно обижена произведенной на ея счетъ операціей; зданія ея были отобраны отъ нея, повидимому, безъ возврата, а между тѣмъ, не получая отъ нихъ ничего, она крайне бѣдствовала въ тѣсныхъ помѣщеніяхъ духовнаго училища, куда была поселена еще послѣ пожара 1842 г..

Въ концѣ того же 1866 года въ правленіи началось дѣло о пріемѣ семинарскихъ зданій отъ строительнаго комитета; при этомъ оказалось, что комитетъ, который велъ свои дѣла подъ предсѣдательствомъ того же архим. Иннокентія (въ бытность его ректоромъ семинаріи), не имѣлъ у себя никакихъ документовъ, по которымъ могла бы производиться сдача отстроенныхъ имъ зданій. 21 декабря правленіе академіи назначило для пріема этихъ зданій проф. Гвоздева, экономa іером. Григорія и баккалавра Гренкова и дало имъ для этого только двѣ сдаточныя описи зданій за подписью архитектора Бечко-Друзина. 21 янв. 1867 г. они донесли, что по даннымъ имъ описямъ, составляющимъ выдержку изъ строительныхъ смѣтъ, употребляемыхъ только особыми техниками при свидѣтельствѣ работъ, они не могутъ производить порученнаго имъ пріема, что для этого имъ нужна подробная опись (примѣнительно къ ст. 1180, 1181, 1895 X т. 2 ч. Свода закон.) съ показаніемъ всѣхъ помѣщеній, печей, дверей, оконъ, замковъ и т. д. и съ обозначеніемъ качества всѣхъ принадлежностей зданій. На требованіе такой описи отъ строительнаго комитета членъ комитета архитекторъ Бечко-Друзинъ прислалъ въ правленіе грубый отвѣтъ (написанный, судя по стилю, самимъ ректоромъ Иннокентіемъ): если де пріемщики правленія хотятъ принимать зданія, какъ слѣдуетъ (?), не ограничиваясь одной подписью, то никто не препятствуетъ имъ взять полную опись работъ архитектора, планы и смѣты, ходить съ ними по зданіямъ и провѣрять, отмѣчая, что̀ увидятъ на документахъ тѣхъ, а за тѣмъ отмѣтки тѣ, переписавъ, предоставить правленію, что и будетъ составлять именно ту опись, которую они требуютъ, не указывая основаній въ Сводѣ

законовъ, такъ какъ указанныя относятся къ имуществамъ, назначеннымъ къ продажѣ, что сюда нейдетъ.—7 апрѣля на этотъ отвѣтъ далъ отзывъ профессоръ Гвоздевъ: что 1) съ своей стороны онъ желаетъ принять зданія, устроенныя на суммы Св. Синода и сданныя въ аренду постороннему лицу, какъ слѣдуетъ, не ограничиваясь только подписью къ описи, которую представилъ одинъ членъ комитета Бечко-Друзинъ; 2) опись эта техническая, имѣетъ особое назначеніе и принимать съ ней зданія нельзя; 3) на замѣчаніе, что „никто не препятствуетъ вамъ взять“ и проч., нужно сказать, что такой пріемъ не удобенъ, такъ какъ пріемщикамъ нужно будетъ ходить по помѣщеніямъ, занятымъ уже жильцами, магазинами и т. д., и очень длиненъ, да пріемщики и не обязаны сами составлять пріемную опись,—составленная ими опись не будетъ имѣть даже и формальнаго значенія; 4) опись должна быть подробная на основаніи документовъ строительнаго комитета и по надлежащему скрѣпленная подписями членовъ послѣдняго,—по такой только описи и можно принимать зданія, по ней же, давъ съ нея копію арендатору, можно будетъ и требовать съ послѣдняго, чтобы онъ въ свое время сдалъ зданіе обратно въ томъ видѣ, въ какомъ принялъ ихъ въ аренду; что же касается до неточности въ ссылкѣ на статьи Свода законовъ, то эти статьи все-таки близко идутъ къ дѣлу,—по нимъ же имѣнія сдаются въ опеку, что близко къ сдачѣ арендатору, а комитетъ съ своей стороны и вовсе не выставилъ основаній, давъ для пріема упомянутыя описи. Послѣднее замѣчаніе было невыносимымъ уколомъ такому юристу, какъ ректоръ. Гвоздевъ былъ отстраненъ отъ пріема зданій. Пріемъ ихъ произведенъ былъ 31 мая только двумя остальными членами вмѣстѣ съ архитекторомъ Бечко-Друзинымъ. По словамъ ихъ донесенія правленію, они принимали зданія по сдаточной описи комитета и по относящимся къ ней документамъ, составивъ при этомъ съ Бечко-Друзинымъ еще особую, домашнюю опись, которую и представили правленію (1).

Дѣло это оформлено было очень кстати и во время, потому что въ томъ же 1867 году академическому правленію пришлось снова возвратить семинарскія зданія семинаріи. Новый казанскій преосвященный еще съ марта 1867 г. началъ усердно устраивать дѣло объ этомъ возвращеніи, ходатайство-

(1) Д. внутр. правл. 1866 г. № 58.

валъ о немъ предъ Св. Синодомъ, заручившись предварительно согласіемъ самого арендатора на уступку для семинаріи части арендуемыхъ имъ зданій съ соотвѣтствующимъ при томъ измѣненіемъ контракта аренды. Св. Синодъ, признавъ необходимость вывести семинарію изъ занимаемыхъ ею тѣсныхъ и неудобныхъ училищныхъ зданій, особенно въ виду скораго ея преобразованія по новому уставу, и принявъ во вниманіе то, что постройка для нея новаго зданія потребуетъ до 200,000 руб. изъ духовно-училищнаго капитала, тогда какъ на затраченную изъ того же капитала по возобновленію семинарскихъ зданій сумму всего свыше 125,000 р. получалось менѣе 5% въ годъ, а приспособленіе зданій къ помѣщенію семинаріи потребуетъ только до 2000 руб. и что въ устрояемыя помѣщенія семинарія можетъ быть переведена съ 1868 г., въ іюлѣ 1867 г. опредѣлилъ: 1) помѣстить семинарію въ ея собственныхъ зданіяхъ; 2) казанскому преосвященному сдѣлать распоряженіе, чтобы уступаемыя для нея Д-мъ помѣщенія, одни были приняты въ вѣденіе семинарскаго правленія немедленно, другія по мѣрѣ ихъ освобожденія отъ постоевъ и приспособленія къ потребностямъ семинаріи, а въ контрактѣ, заключенномъ съ Д-мъ академическимъ правленіемъ, было сдѣлано соотвѣтствующее условіямъ уступки измѣненіе и проектъ этого измѣненія былъ представленъ на утвержденіе Св. Синода, съ присовокупленіемъ свѣдѣнія, сколько за симъ потребуется отпустить въ казанскую академію суммы на пополненіе уменьшеннаго дохода по контракту съ Д-мъ; 3) училищный домъ, по выводѣ изъ него семинаріи, передать духовному училищу. 15 августа 1867 г., послѣ разныхъ переговоровъ съ Д-мъ, члены семинарскаго правленія приняли отъ него верхній этажъ семинарскаго корпуса, а лѣтомъ 1868 г. въ немъ кончены были нужныя для семинаріи передѣлки, и 1 сентября того же года семинарія водворилась на своемъ старомъ мѣстѣ. Отношенія академическаго правленія къ ея зданіямъ и къ ихъ арендатору прекратились еще съ августа 1867 года (1).

Въ дѣлахъ внутренней академической экономіи ректоръ Иннокентій держался самой скрупулезной формальной законности и мучилъ и секретарей, и эконома разными хозяйствен-

(1) Ист. каз. сем. Благовѣщенскаго стр. 214 — 217. Д. внутр. правл. 1868 г. № 56.

ными справками и придирками, а для уменьшенія расходовъ прибѣгалъ къ разнымъ урѣзкамъ отъ содержанія студентовъ и отъ жалованья личнаго состава, стараясь, какъ можно, менѣе платить за преподаваніе наставниками посторонникъ предметовъ по вакантнымъ каѳедрамъ. Онъ зорко слѣдилъ за всѣми, кто только имѣлъ соприкосновеніе съ дѣлами экономіи, чтобы чего нибудь за кѣмъ нибудь не пропало. Довольно полную характеристику его дѣятельности по экономической части можно составить по его отношеніямъ къ эконому Рудольфову, который, какъ мы уже видѣли, далеко не отличался исправностью въ отношеніи къ формальной сторонѣ своей должности Иннокентій не взлюбилъ его съ самаго начала своего ректорства, и еще въ маѣ 1864 г. напалъ на него съ разными щекотливыми допросами изъ-за одного его представленія къ исключенію изъ описи академическаго имущества разныхъ казенныхъ вещей, изъ которыхъ нѣкоторыя, по справкамъ, съ документами оказались однакоже или уже исключенными въ прежніе годы, или передѣланными и обмѣненными на новыя, а изъ описи имущества почему-то не были вычеркнуты. Дѣломъ этимъ ректоръ успѣлъ встревожить самого преосв. Аѳанасія, который былъ очень мнителенъ, особенно въ послѣднее время. Изъ длинныхъ справокъ оказалось, что неисправности въ веденіи описи имущества постоянно допускались и при прежнихъ экономахъ. Дѣло это пришлось кончить простымъ распоряженіемъ, чтобы вещи, исключенныя изъ имущества академіи, были вычеркнуты изъ описи, а не записанныя записаны; но до этого простаго результата правленіе и преосвященный дошли уже въ ноябрѣ, черезъ 7 мѣсяцевъ послѣ начала дѣла (1). Обиженный Рудольфовъ еще съ 21 іюля подалъ прошеніе объ увольненіи отъ экономства, но ректоръ не увольнялъ его до 22 сентября, все продолжая преслѣдовать его запросами о незаписанныхъ въ опись вещахъ; потомъ, когда это дѣло кончилось, началъ противъ него другое, длинное и криминальное дѣло о растратѣ казенныхъ дровъ. Не мудрено, что, при такихъ обстоятельствахъ, правленіе нигдѣ не могло найти преемника Рудольфову и держало прошеніе послѣдняго безъ движенія цѣлыхъ два мѣсяца. Баккалавры отказались отъ принятія экономской должности всѣ на отрѣзъ;

(1) Д. 1864 г. №№ 70 и 101.

посторонніе же кандидаты боялись репутаціи ректора, какъ человѣка не совсѣмъ удобнаго въ экономическихъ дѣлахъ. По убѣжденію знакомыхъ наставниковъ академіи, кандидатомъ на эту должность явился было одинъ прекрасный и честный человѣкъ, вполнѣ извѣстный въ академическомъ кружкѣ,—дьяконъ Воскресенской церкви А. М. Черняевъ, и подалъ даже прошеніе, но потомъ, справившись о состояніи академической экономіи и принявъ во вниманіе личность главнаго хозяина академіи, взялъ это прошеніе обратно. Правленіе пришло было даже въ немалое затрудненіе, не находя себѣ экономa. Наконецъ 21 сентября, по уговору самого ректора, принять эту должность согласился баккалавръ и помощникъ инспектора іером. *Григорій* (1). При немъ и начато было упомянутое дѣло о дровахъ.

28 ноября онъ донесъ правленію, что, при пріемѣ отъ Рудольфова экономіи, онъ принялъ всего 85 саженъ дровъ и ихъ достало только до 28 октября, а затѣмъ отопленіе зданій пришлось производить дровами, заготовленными на слѣдующій 1865 годъ, каковыхъ до 1 января потребуется 180 саженъ. Такая передержка въ дровахъ и расходованіе ихъ въ счетъ будущаго года допускались и раньше и были самымъ обычнымъ явленіемъ, особенно въ послѣднее время, вслѣдствіе постоянныхъ дефицитовъ по домовой статьѣ экономіи; поэтому правленіе сначала не обратило на заявленіе іером. Григорія никакого вниманія. Но потомъ, почти уже черезъ годъ, въ октябрѣ 1865 г. по его запискѣ вдругъ состоялся правленскій журналъ о томъ, что правленіе, по наведеніи нужныхъ справокъ, нашло совершенно справедливымъ закупить недоставшія 180 саженъ дровъ на счетъ бывшаго экономa Рудольфова и, кромѣ того, потребовать отъ него объясненія о томъ, куда эти 180 саженъ онъ дѣвалъ. Къ концу декабря требуемое объясненіе было представлено; сущность его заключалась въ указаніи на упомянутую практику передержекъ въ дровахъ, тянувшуюся уже нѣсколько лѣтъ и хорошо извѣстную прежнему правленію академіи, далѣе на то, что донесеніе экономa Григорія опровергается его же собственнымъ отчетомъ за 1864 г., въ которомъ 180 саженъ, израсходованныхъ въ этомъ году въ счетъ 1865 г., вовсе не значатся, что вообще въ теченіе всего

(1) Д. 1864 г. № 70.

своего экономства онъ, Рудольфовъ, соблюдалъ даже значительную экономію въ дровахъ сравнительно какъ съ урочнымъ положеніемъ объ отопленіи зданій, такъ и съ смѣтами на покупку дровъ правленія академіи, наконецъ—что въ послѣднее время его экономства дрова были не совсѣмъ доброкачественны и потому расходовались нѣсколько въ большемъ количествѣ. Но это объясненіе только подзадорило ректора къ продолженію начатаго дѣла, тѣмъ болѣе, что Рудольфовъ задѣвалъ здѣсь лично его самого, отвергая справедливость его распоряженія объ отнесеніи 180 саженъ дровъ на счетъ бывшаго экономa;—8 января 1866 г правленіе уже начало даже и самый взыскъ денегъ за эти дрова съ Рудольфова посредствомъ вычета одной трети изъ его жалованья впредь до разсмотрѣнія его объясненія, а потомъ по разсмотрѣніи, съ 1 іюля вычетъ этотъ былъ еще увеличенъ до $^2/_3$. Уступить Рудольфову въ объясненіяхъ значило теперь сознаться въ опрометчивомъ рѣшеніи, что было позорнѣе всего для такого любителя бумажной дѣловитости, какъ архим. Иннокентій. И началась длинная кляузная полемика, въ продолженіи которой Рудольфовъ подавалъ отъ себя объяснительныя записки, а ректоръ всячески старался опровергать эти записки и завинять Рудольфова во всякихъ криминальностяхъ. Правленіе (или точнѣе самъ ректоръ) противъ каждой объяснительной записки дѣлало длинныя справки и вычисленія о приходѣ и расходѣ дровъ по экономическимъ документамъ, начиная съ 1855 г., за 5 лѣтъ до экономства Рудольфова, и за все время его экономства, свѣряя съ этими документами каждое его показаніе, и, стоя на чисто формальной точкѣ зрѣнія, не признавало ни одного его оправданія. Трудно даже психологически понять, какимъ образомъ ректоръ могъ такъ усердно, даже напряженно заниматься подобными, чисто формальными крючками, едва ли не лучше самого Рудольфова зная дѣйствительное, а не бумажное веденіе экономическаго дѣла при тогдашнихъ хроническихъ дефицитахъ экономіи. По всемъ этомъ длинномъ спорѣ, тянувшемся до 1868 г., Рудольфову сдѣлана была одна только уступка $7^1/_2$ саженъ дровъ, такъ какъ ему удалось доказать, что въ 1864 г. въ академіи прибавилось двѣ новыя голландскія печи, на которыя эти $7^1/_2$ саженъ дровъ и были вычтены изъ 180 саженъ всего взысканія. До чего доходила правленская критика объясненій Рудольфова, можно видѣть изъ такихъ наприм. образчиковъ. Прочитавъ

уже помянутое его объясненіе, что въ послѣднее время дрова были нѣсколько хуже дровъ прежнихъ годовъ, правленіе обратилось за справками къ контрактамъ съ поставщиками за прежніе годы и къ актамъ свидѣтельства дровъ и, найдя, разумѣется, что въ нихъ вездѣ говорилось только объ удовлетворительныхъ дровахъ и нигдѣ не было сказано о дровахъ худыхъ, признало объясненіе бывшаго эконома ложнымъ. При разсмотрѣніи другаго объясненія, гдѣ указывалось на то, что въ концѣ года дефицитъ въ дровахъ постоянно и прежде покрывался изъ дровяной закупки будущаго года, ректоръ, притворяясь не понимающимъ этого указанія, выражалъ крайнее удивленіе, какимъ это образомъ можно отапливать печи въ настоящее время какими-то будущими, слѣдовательно еще не существующими дровами, хотя самое дѣло Рудольфова изъ-за того и началось, что съ Рудольфова назначили взыскъ именно за такія будущія дрова, изведенныя въ 1864 г. за 1865 годъ. Въ третьемъ объясненіи Рудольфовъ между прочимъ замѣтилъ, что еще раньше, въ 1863 г., у него не достало 150 саженъ дровъ и правленіе разрѣшило ему купить это количество въ счетъ будущаго 1864 года, и что покрытіе этого дефицита за прошлый годъ не могло не отозваться на экономіи дровъ 1864 г. и дѣйствительно отозвалось въ новомъ дефицитѣ уже въ 180 или, за вычетомъ $7^1/_2$ саженъ, въ $172^1/_2$ саженяхъ. Объясненіе это надѣлало ему только новыхъ непріятностей; указанныя имъ 150 саженъ по отчету за 1864 г. дѣйствительно оказались въ расходѣ, но въ приходѣ нигдѣ не были обозначены, поэтому правленіе поспѣшило поставить и ихъ въ излишекъ расхода, на счетъ самого Рудольфова и, приводя ихъ въ общую мѣру изъ 10-вершковыхъ, какими они были, въ 12-вершковыя, т. е. въ количество 120 саженъ, стало взыскивать съ него деньги уже не за $172^1/_2$ саж., а за $292^1/_2$ т. е. второй разъ за одни и тѣже дрова.

Новый экономъ іером. Григорій почему-то былъ тоже противъ Рудольфова и усердно помогалъ ректору, такъ что послѣ, при разъясненіи всего дѣла, далъ ректору полную возможность свалить на него даже всю вину этой длинной кляузы. Въ концѣ мая 1867 г. іером. Григорій, по случаю новыхъ объясненій Рудольфова, подалъ въ правленіе очень рѣзкую записку, въ которой винилъ Рудольфова въ глупости и недобросовѣстности объясненій, въ утайкахъ, даже подлогахъ, колко отзывался о прежнихъ членахъ правленія, осо-

бенно объ инспекторѣ Веніаминѣ, который будто-бы подписывалъ всѣ акты свидѣтельства, не читая, вспомнилъ давно уже уплаченный (частнымъ образомъ) Рудольфовымъ недочетъ при сдачѣ экономіи за 9 п. 20 ф. сальныхъ свѣчъ и за не оказавшуюся на лице часть постельнаго бѣлья для студентовъ, — всего на сумму до 200 руб. и т. п. Между тѣмъ вычетъ изъ жалованья Рудольфова производился своимъ чередомъ. До ноября 1867 г. было взыскано съ него уже 557 руб. 67 коп., тогда какъ по первому начету слѣдовало взыскать за 180 саженъ дровъ всего 486 руб.. Находясь въ постоянной тревогѣ и дойдя до сильно угнетеннаго состоянія духа, несчастный баккалавръ просилъ правленіе подвести его даже подъ милостивый манифестъ 28 октября 1866 г.; но эта просьба въ глазахъ ректора послужила только лишнимъ доказательствомъ его виновности. Въ разныхъ счетахъ и учетахъ правленіе наконецъ и само запуталось, такъ что не замѣтило за собой крайне грубой ошибки; мы уже видѣли, что оно допустило двойной взыскъ съ Рудольфова за одни и тѣже дрова; этого мало,—въ 1864 г., закупивъ въ счетъ Рудольфова 180 саженъ дровъ, оно почислило ихъ израсходованными за этотъ самый годъ, что значилось и въ годовомъ отчетѣ 1864 г., но потомъ 22 декабря 1865 г. экономъ іером. Григорій, принявши новую поставку дровъ на 1866 г. въ количествѣ 195 саженъ, донесъ, что въ этомъ числѣ принято имъ и 180 саженъ дровъ Рудольфова, а правленіе отъ 3 янв. 1866 г. распорядилось выдать за нихъ деньги поставщику; такимъ образомъ одинъ и тотъ же недостатокъ дровъ былъ восполненъ и покрытъ платежемъ два раза.

Богъ знаетъ, до чего бы дошла вся эта сложная кляуза, еслибы за Рудольфова не вступился наконецъ новый преосвященный Антоній, къ которому въ февралѣ 1867 г. Рудольфовъ обратился съ слезнымъ прошеніемъ войти въ его положеніе и распутать это тяжелое дѣло. По требованію преосвященнаго, правленіе представило ему обширную записку съ изложеніемъ всего хода дѣла, въ которомъ крѣпко настаивало на законности своихъ дѣйствій и уступало только въ томъ, что отказывалось отъ взыска съ Рудольфова денегъ за 120 саженъ дровъ, начтенныхъ на него во второй разъ; но за то намекало при этомъ, что, кромѣ настоящаго дѣла, намѣрено вскорѣ поднять еще другое объ оказавшейся при пріемѣ отъ Рудольфова экономіи недостачѣ спальнаго студенческаго бѣлья.

Ректоръ до того втянулся въ этотъ кляузный споръ, что, лежа уже на смертномъ одрѣ, все еще заставлялъ секретаря отыскивать противъ Рудольфова разныя статьи въ XV т. Свода законовъ, стараясь подвести своего подсудимаго подъ уголовную отвѣтственность. 5 февраля 1868 г. преосвященный поручилъ заняться разъясненіемъ этого дѣла ревизіонному комитету изъ двоихъ священниковъ о. С. Адоратскаго и о. Андрея Ясницкаго и профессора академіи Порфирьева. Къ 24 апрѣля 1868 г. комитетъ наконецъ распуталъ это запутанное дѣло и представилъ объ немъ обстоятельный докладъ. Оставивъ въ сторонѣ всѣ кляузы и крючки, которыми доселѣ пробавлялось правленіе, какъ только запутывающіе дѣло и не заслуживающіе вниманія, онъ всталъ въ рѣшеніи спорнаго вопроса прямо на практическую почву. Для этого онъ собралъ справки о дѣйствительномъ расходѣ дровъ на отопленіе академическихъ зданій за 5 лѣтъ до экономства Рудольфова, въ 5 лѣтъ его экономства и за 4 года послѣ него, до 1868 г., и сравнилъ этотъ дѣйствительный расходъ съ смѣтными, на основаніи законовъ, исчисленіями количества дровъ на каждый годъ, съ урочнымъ положеніемъ о топкѣ печей въ IV т. Свода законовъ и даже съ брошюрою: „Краткое понятіе объ Аммосовскомъ отопленіи“. Послѣ этого сравненія по вычисленіямъ его оказалось, что въ первое пятилѣтіе до Рудольфова дровъ расходовалось на годъ среднимъ числомъ 584 сажени, во второе при Рудольфовѣ—602 сажени, послѣ же Рудольфова при экономѣ Григоріи—693 сажени; слѣдовательно противъ прежняго Рудольфовъ расходовалъ дровъ болѣе на 18 саженъ въ годъ, а такъ какъ при немъ были устроены 2 лишнія голландскія печи, требовавшія 15 саженъ въ годъ, то, за вычетомъ этихъ 15 саженъ, всего на 3 сажени въ годъ; за то противъ послѣдующихъ годовъ менѣе на 91 сажень, а такъ какъ въ это время явились еще 2 новыя печи, то на 76 саженъ; далѣе, противъ смѣтнаго исчисленія въ первое пятилѣтіе экономіи въ дровахъ соблюдалось по 107 саженъ, во второе по 92 сажени, на 15 саженъ менѣе, при о. Григоріи только по 14 саженъ,—слѣдовательно Рудольфовъ дѣлалъ экономіи сравнительно съ нимъ гораздо болѣе. При этомъ комитетъ распуталъ и ошибку правленія въ двойномъ восполненіи одного и того же недостатка дровъ. На основаніи всѣхъ своихъ вычисленій и соображеній члены комитета пришли къ заключенію, что 1) недостатокъ дровъ въ 1864 г. могъ дѣйствительно образоваться

изъ дефицитовъ прежнихъ лѣтъ, какъ утверждалъ Рудольфовъ, или отъ недостаточной заготовки дровъ, какъ это бывало не разъ и прежде, какъ это видно и изъ самыхъ отчетовъ; правленіе поправляло эти дефициты, дѣлая отъ времени до времени бо́льшія заготовки дровъ, какихъ при Рудольфовѣ ни разу не было, въ 1852 г. въ 659 саженъ, въ 1858 г.— въ 653; экономъ же іером.. Григорій дѣлалъ еще бо́льшія заготовки дровъ каждый годъ; 2) Рудольфовъ за недостачу дровъ въ 1864 г. не могъ поэтому считаться виновнымъ ни въ передержкѣ дровъ противъ урочнаго положенія, ни въ злоупотребленіи, ни въ растратѣ, ни даже въ небрежности, какъ человѣкъ, дѣлавшій каждый годъ даже экономію сравнительно съ урочнымъ положеніемъ и съ расходами послѣдующихъ лѣтъ; 3) стало быть, и взыскъ съ него былъ неправильный и вся взысканная сумма должна быть ему возвращена. О непроизводительномъ двойномъ расходѣ дровъ правленіемъ комитетъ предоставилъ на благоусмотрѣніе самого преосвященнаго. Вся эта многолѣтняя паутина, въ которой путали Рудольфова, была разрушена сразу, и ректоръ Иннокентій поспѣшилъ свалить всю вину на о. Григорія, котораго кстати давно уже не было на лице; 3 апрѣля 1867 г. онъ выбылъ въ ректоры уфимской семинаріи. 29 апр. 1868 г. на докладѣ комитета послѣдовала такая резолюція преосвященнаго Антонія: „Признавая разбирательство сего дѣла и заключеніе по нему ревизіоннаго комитета вполнѣ основательнымъ и соглашаясь съ нимъ во всемъ, предлагаю академическому правленію: 1) Рудольфову, признавъ его невиновнымъ ни въ чемъ по сему дѣлу, возвратить удержанныя изъ его жалованья деньги; 2) расходъ дровъ на пополненіе недостаточнаго запаса оныхъ въ 1864 г. принять на счетъ экономическихъ суммъ академіи; 3) какъ дѣло сіе довелъ до крайней запутанности бывшій экономъ академіи архим. Григорій, то ему слѣдовало бы учинить за сіе замѣчаніе, но поелику онъ вышелъ на другое мѣсто службы, оставить сіе безъ исполненія; 4) академическому правленію впредь не допускать ни по экономіи подобныхъ недоразумѣній и замѣшательствъ, ни по производству дѣлъ правленскихъ такой запутанности, по которой человѣкъ невинный подвергся напрасно отвѣтственности и взысканію; 5) тѣмъ дѣло и кончить, если не видится основательныхъ причинъ представить его на усмотрѣніе высшаго

начальства“ (1). Рудольфовъ, какъ дитя, радовался своему оправданію; но оно явилось слишкомъ уже поздно; онъ былъ въ это время въ сильной чахоткѣ, какъ и самъ ректоръ; оба въ томъ же году и умерли одинъ за другимъ, ректоръ Иннокентій въ маѣ, Рудольфовъ въ декабрѣ.

Баккалавръ Григорій былъ экономъ особенный, дѣлавшій своей экономской службой одолженіе правленію, а потому особенно энергичной дѣятельности по этой должности отъ него ожидать было нечего; съ ректоромъ онъ состоялъ все время экономства въ добрыхъ отношеніяхъ. Послѣ его отъѣзда въ Уфу выборъ въ экономы палъ на стараго сослуживца ректора по казанской семинаріи, бывшаго съ нимъ въ близкихъ отношеніяхъ, священника Никололяпуновской церкви *Константина Павловича Полетаева*. Онъ былъ изъ студентовъ казанской семинаріи выпуска 1840 г.; съ 1843 г. служилъ священникомъ сначала въ городѣ Арскѣ, потомъ въ Казани при указанной церкви; съ 1859 г. несъ на себѣ экономскую должность при семинаріи, участвовалъ и въ перестройкѣ ея зданій въ должности смотрителя работъ. 10 мая 1867 г. состоялось опредѣленіе его въ экономы академіи, послѣ чего въ іюлѣ экономскую должность при семинаріи онъ оставилъ. Сначала ректоръ къ нему благоволилъ и они жили между собою даже въ дружескомъ согласіи, но это продолжалось только до ваката того же года. Потомъ доброе согласіе между ними было нарушено изъ-за нѣкоторыхъ денежныхъ между ними счетовъ. Ректоръ сталъ постоянно подлавливать его на разныхъ экономическихъ операціяхъ; напримѣръ, посылалъ комиссара, дьякона Виноградова, послѣ разныхъ закупокъ эконома въ тѣ лавки, въ которыхъ были произведены послѣднія, освѣдомляться о цѣнахъ, чтобы сличить ихъ съ цѣнами, какія выставитъ экономъ и т. п.; кромѣ того жаловался на неисправности его преосвященному Антонію. Полетаевъ все-таки пережилъ его въ академіи. Увольненіе его состоялось уже при слѣдующемъ ректорѣ, по желанію преосвященнаго, который нашелъ, что для академіи неудобно имѣть экономомъ священника, занятаго приходскими дѣлами, даже и живущаго не при академіи, а при своей церкви. 26 августа 1868 г. Полетаевъ подалъ прошеніе объ увольненіи и 3 сентября былъ уволенъ (2).

---

(1) Д. внутр. правл. 1865 г. № 107.

(2) Д. 1868 г. № 21.

Учебная часть менѣе интересовала ректора Иннокентія. Главное вниманіе свое въ управленіи ею онъ обращалъ тоже больше на юридическую, уставную сторону дѣла. Первымъ актомъ его по учебной части передъ самымъ экзаменомъ въ 1864 г. было уничтоженіе на экзаменахъ билетовъ и конспектовъ, составлявшихся самими студентами, чѣмъ были озадачены тогда всѣ студенты; они долго упрашивали его отложить эту мѣру до другаго экзамена, волновались, дѣлали ему грубости, но онъ упрямо устоялъ на своемъ. Ему почему-то еще не понравилась 5-балльная система экзаменскихъ отмѣтокъ и онъ ввелъ свою новую 8-балльную систему. Потомъ съ новаго учебнаго года онъ обязалъ всѣхъ наставниковъ дѣлать репетиціи послѣ каждой лекціи или, какъ онъ писалъ, повтореніе уроковъ (1); никто впрочемъ и не думалъ исполнять этого обременительнаго для студентовъ обязательства, какъ ректоръ ни настаивалъ на своемъ распоряженіи и какъ ни опасно было ему перечить, потому что онъ всегда былъ готовъ завести письменное дѣло о манкировкѣ такого-то наставника своими обязанностями. Въ 1865 г. въ маѣ передъ лѣтними экзаменами пропустилъ классъ репетиціи экстра-ординарный профессоръ К. В. Мысовскій, читавшій философію, но въ классномъ журналѣ расписался, какъ бывшій въ классѣ. Ректоръ немедленно подалъ о томъ записку въ правленіе; инспекторъ съ своей стороны замѣтилъ, что профессоръ Мысовскій поступилъ такъ же и еще разъ прежде Пропуски репетиціонныхъ классовъ водились за всѣми преподавателями и это допускалось прежде самимъ начальствомъ академіи съ той цѣлью, чтобы студенты имѣли болѣе времени для самостоятельнаго приготовленія къ экзаменамъ. Ректоръ Иннокентій возсталъ противъ этого обычая, какъ противнаго уставу, и подалъ въ правленіе такую записку: „Принимая во вниманіе, что ни въ проектѣ устава духовной академіи, ни въ другихъ постановленіяхъ по духовно-учебному вѣдомству нѣтъ даже и намека на то, что наставникъ академіи долженъ обучать студентовъ ея тому, какъ имъ обманывать свое послѣдующее начальство даже открыто, на письмѣ, нахожу нужнымъ для положенія конца такому обученію и предотвращенію его впередъ, вопреки самочинію, учинить слѣдующее: 1) всѣмъ наставникамъ объявить, чтобы каждый изъ нихъ, когда по какой нибудь

(1) Д. 1864 г. № 69.

причинѣ не можетъ быть на классѣ своемъ, сообщалъ мнѣ о томъ надлежащимъ образомъ благовременно, чтобы я могъ распорядиться о занятіи его класса другимъ какимъ либо наставникомъ; 2) при представленіи Его Высокопреосвященству послужныхъ списковъ представлять ему вѣдомость о томъ, кто именно изъ гг. наставниковъ не былъ въ то или другое число года въ классѣ, по какой именно причинѣ, чѣмъ подтверждена причина та, какъ объявилъ онъ о причинѣ этой мнѣ." Правленіе, конечно, сдѣлало такое постановленіе (3 мая). 16 мая Мысовскій подалъ прошеніе объ увольненіи отъ службы (1).

Въ первое время, подобно архим. Іоанну, ректоръ Иннокентій выступилъ было даже съ реформаторскими тенденціями по учебной части. Вотъ одна его записка въ этомъ родѣ правленію, показывающая характеръ и широту его взглядовъ на академическія науки. 31 іюля 1864 г., найдя въ дѣлахъ извѣстное распоряженіе ректора Іоанна 1858 г. о распредѣленіи наукъ, онъ провелъ чрезъ правленіе такое съ своей стороны распоряженіе: „Въ расписаніи классовъ значится, что общая словесность преподается теперь дѣйствительно студентамъ низшаго отдѣленія подъ именемъ исторіи литературы, но проповѣдей студенты этого отдѣленія не составляютъ, а о церковномъ краснорѣчіи въ расписаніи классовъ по академіи даже не упоминается, глаголемая же въ расписаніи этомъ исторія литературы продолжаетъ свою преданность и къ пустымъ и безплоднымъ произведеніямъ свѣтской письменности". Далѣе приведены на справку 1 и 2 пункты введенія къ уставу академіи и §§ 143—144 устава о преподаваніи словесности. Рѣшено: „Такъ какъ не преподавать церковное краснорѣчіе вмѣстѣ съ общею словесностью и не составлять проповѣдей младшимъ студентамъ не согласно съ постановленіемъ Св. Синода 3 ноября 1858 г. (т. е. по поводу записки Іоанна), а изученіе студентами множества пустыхъ и безплодныхъ видовъ и произведеній свѣтской литературы во всей ихъ обширности противно цѣли духовнаго ученія—образовать благочестивыхъ и просвѣщенныхъ служителей слова Божія; то а) преподавателю общей словесности дать знать, чтобы вмѣстѣ съ нею онъ преподавалъ студентамъ низшаго отдѣленія и церковное краснорѣчіе, руководствуясь при этомъ тою

(1) Д. 1865 г. № 25.

мыслію, что въ области духовнаго ученія свѣтская литература въ ея пустыхъ и безплодныхъ видахъ и произведеніяхъ должна почитаться дровами, сѣномъ, тростіемъ, духовная же письменность—златомъ и сребромъ, каменіемъ честнымъ, почему, вмѣсто предложеній для сочиненій по классу свѣтской литературы, назначать студентамъ преимущественно разборы словесныхъ произведеній св. отцевъ и учителей церкви, не переведенныхъ еще на русскій языкъ; б) чтеніе и надлежащее разсмотрѣніе таковыхъ разборовъ въ классѣ вмѣстѣ съ студентами,—которое, какъ вышедшее почти изъ употребленія въ академіи, ввести по всѣмъ предметамъ академическаго ученія, давъ знать объ этомъ всѣмъ наставникамъ,—возложить на преподавателя греческаго и латинскаго языковъ, въ облегченіе преподавателя словесности, которому поручить только провѣрку разборовъ тѣхъ и надлежащую отмѣтку ихъ въ подлежащихъ спискахъ, и в) въ канцеляріи составлять на каждый годъ расписаніе студенческихъ проповѣдей для обоихъ курсовъ студентовъ и представлять ректору на утвержденіе (1). Уже въ 1867 г. преосвященный Антоній возсталъ противъ этого *страннаго постановленія—словесность преподавать одному, а сочиненія читать другимъ лицамъ, подъ какимъ-то все-таки контролемъ перваго*, кромѣ того заступился за любимую свою науку гомилетику и отдѣлилъ ее отъ общей словесности (2). Въ томъ же 1864 г. архим Иннокентій завелъ длинное дѣло о возстановленіи миссіонерскихъ отдѣленій въ прежнемъ видѣ, какой они имѣли до ректора Іоанна (3). Они были сдѣланы опять не обязательными для студентовъ, и это было выгодно для изученія миссіонерскихъ наукъ; но, увлекшись чувствомъ симметріи ректоръ испортилъ все это, въ сущности благое дѣло, постановивъ сравнять противомусульманское отдѣленіе съ другими по числу преподавателей и въ силу этого оставивъ на немъ только одного наставника съ практикантомъ татарскаго языка, тогда какъ отдѣленіе имѣло прежде троихъ преподавателей. Какъ и при ректорѣ Іоаннѣ, жертвой этой реформы опять сдѣлался Н. И. Ильминскій и снова былъ уволенъ изъ академіи; черезъ годъ онъ опять былъ возвращенъ въ нее по распоряженію уже высшаго начальства. Послѣ

(1) Д. 1864 г. № 71.
(2) Д. 1867 г. № 50.
(3) Д. 1864 г. № 3.

этихъ неудачъ архим. Иннокентій не проявлялъ больше реформаторскихъ стремленій и занялся менѣе рискованными дѣлами.

Онъ очень много работалъ, какъ мы уже замѣчали, и по учебной части, прочитывая съ разными исправленіями почти всѣ сочиненія студентовъ, всѣ статьи для Православнаго Собесѣдника, а также лекціи профессоровъ, которыя они сдавали для литографированія. Но едва ли не лучше было бы, если бы онъ вовсе не трудилъ себя такими занятіями; рѣдкая статья, побывавъ у него въ рукахъ, не бывала въ конецъ испорчена его поправками и его невозможнымъ приказнымъ стилемъ. Особенную ревность проявлялъ онъ въ преслѣдованіи иностранныхъ словъ, которыхъ не любилъ и преосвященный Аѳанасій. Вооружившись тогдашнимъ словаремъ 30,000 иностранныхъ словъ, вошедшихъ въ русскій языкъ, онъ переводилъ на русскій языкъ всѣ такія слова, сколько ихъ ни находилъ въ разсматриваемыхъ произведеніяхъ, не щадя при этомъ даже смысла рѣчи. Встрѣтивъ напр. слово „религія“, онъ сейчасъ же пріискивалъ это слово въ словарѣ 30,000 словъ и находилъ, что оно значитъ „жизнь по духу вѣры“,—затѣмъ такъ и поправлялъ его во всѣхъ мѣстахъ, въ какомъ бы смыслѣ оно тамъ ни употреблялось, и выходило напр.: вмѣсто— „исключительно-обрядовое направленіе религіи“ — исключительно-обрядовое направленіе жизни по духу вѣры или иначе— жизни о Христѣ. Слово „религіозный“ переводилось—относящійся къ жизни по духу вѣры; напр. „религіозныя церемоніи“ онъ переводилъ: относящіеся къ жизни по духу вѣры входы и выходы. Слово „коммиссія“ переводилось: нѣсколько человѣкъ вдругъ, напр. „въ раскольническіе скиты посылались по нѣскольку человѣкъ вдругъ“, т. е. коммиссіи и т. п.. Образцы такихъ поправокъ можно и теперь видѣть въ статьяхъ Православнаго Собесѣдника за 1864—67 гг. (1). Можно себѣ представить, что выходило послѣ подобныхъ поправокъ изъ статей философскихъ. Въ 1865 г. имъ было до невозможности изуродовано начало лекцій по психологіи, которыя вздумалъ литографировать для студентовъ проф. Митропольскій. Онъ преслѣдовалъ иностранныя слова вездѣ, даже

(1) Приведенные примѣры см. въ статьѣ: Законодательство Петра В. относительно чистоты вѣры и благочинія церковнаго. Пр. Соб. 1864 г. III, 97 и 290. На стр. 291 «религіозная свобода» переведена словомъ: безсовѣстность.

напр. въ журнальныхъ записяхъ, постоянно подчеркивая фразу: лекція читана о томъ-то, и переводя ее съ ироническимъ знакомъ восклицанія: „читано чтеніе“. Въ одной записи журнала по классу нравственнаго богословія, что лекція была о піэтистахъ, онъ сдѣлалъ исправленіе: о набожникахъ. Самъ лично онъ наблюдалъ чистоту русскаго языка самымъ скрупулезнымъ образомъ, напр., вмѣсто лекціи, всегда писалъ уроки, вмѣсто курса—ученіе, вмѣсто экзамена—испытаніе, папиросы—курюшки и т. п. (1).

По управленію нравственной частью на первыхъ порахъ онъ выступилъ было строгимъ ревнителемъ и возстановителемъ упавшей въ предшествовавшее ректорство дисциплины. Съ первыхъ же дней онъ заявилъ, что относительно жизни студентовъ хочетъ возстановить дѣйствіе всѣхъ §§ устава, отпускать студентовъ изъ академіи въ городъ не иначе, какъ по билетамъ, дѣлать имъ переклички передъ богослуженіемъ и на молитвахъ, обязать строго-на-строго посѣщать неопустительно лекціи и т. д.. Лѣтомъ 1864 г. онъ дѣлалъ очень частыя рекогносцировки по студенческимъ помѣщеніямъ и ловилъ студентовъ въ разныхъ безпорядкахъ, а послѣ лѣтнихъ экзаменовъ въ іюлѣ завелъ въ правленіи даже цѣлое дѣло: „О поставленіи студентовъ академіи въ прямое отношеніе къ преподаваемымъ имъ предметамъ“ (2). Согласно запискѣ, которой онъ вошелъ въ правленіе о мѣрахъ къ означенному поставленію студентовъ въ прямое отношеніе къ преподаваемымъ имъ предметамъ, правленіемъ 4 іюля было опредѣлено: 1) больницу студентовъ, въ которой ректоръ замѣтилъ нѣсколько студентовъ уклоняющимися отъ исполненія классныхъ обязанностей подъ предлогомъ болѣзни, изъ флигеля перевести въ главный корпусъ; еще раньше этого въ іюнѣ былъ уволенъ врачъ академіи Дмитревскій, рѣдко посѣщавшій больницу и предоставившій ее въ полное распоряженіе студентовъ, и съ 1 іюля опредѣленъ другой молодой и болѣе строгій врачъ А. А. Кремлевъ (3); 2) вмѣсто деревянныхъ во-

(1) Студенты XII курса, пародируя его, сдѣлали въ его духѣ переводъ своего титула: «старатели XII бѣга или теченія»; перевели, кстати по-русски и его собственный титулъ: «Его Высокопреподобіе—пещероначальникъ и разныхъ порядковъ всадникъ».

(2) Д. 1864 г. № 69.

(3) Д. 1864 г. № 26.

ротъ въ оградѣ академіи устроить желѣзныя; 3) отлучку студентовъ дозволять только въ опредѣленные дни и часы (до 9 часовъ вечера) и не иначе, какъ по билетамъ; 4) выстроить у воротъ каменную сторожку для жительства привратниковъ, которые и будутъ пропускать студентовъ по билетамъ тѣмъ; 5) ввести литографированіе лекцій; 6) каждый день преподавателямъ производить репетиціи; 7) испытанія производить безъ билетовъ и безъ составленныхъ самими студентами конспектовъ; 8) испросить академіи право принимать въ число студентовъ ея сверхъ штата и на своемъ содержаніи; 9) тѣхъ студентовъ, которые будутъ держать себя, не какъ слѣдуетъ, лишать на первый разъ казеннаго содержанія съ помѣщеніемъ на мѣсто таковыхъ тѣхъ изъ своекоштныхъ и сверхкомплектныхъ, которые будутъ держать себя, какъ слѣдуетъ. Въ заключеніе положено вообще „возстановить въ отношеніи къ студентамъ дѣйствіе всѣхъ §§ устава, не отмѣненныхъ высшею властію“.

Но дѣло это не такъ легко было устроить, какъ думалось новому начальнику; — случилось то, чего ректоръ вѣроятно и не предвидѣлъ, — студенты, привыкшіе къ прежней свободѣ, просто стали уходить изъ академіи. Оказалось, что при тогдашней тяжелой обстановкѣ духовно-учебной службы, къ которой ихъ готовила академія, они вовсе не дорожили своимъ академическимъ студенчествомъ. Движеніе къ выходу изъ академіи обнаружилось между ними еще лѣтомъ, а къ осени получило такіе угрожающіе размѣры, что надъ этимъ пришлось крѣпко призадуматься; въ теченіе 1864 г. изъ академіи вышло 18 человѣкъ студентовъ, въ числѣ которыхъ были очень даровитые юноши и даже первый студентъ старшаго курса П. П. Гвоздевъ, братъ профессора И. П Гвоздева. Самъ Св. Синодъ приходилъ тогда въ немалое затрудненіе отъ уклоненія множества молодыхъ людей духовнаго вѣдомства какъ отъ академическаго образованія, такъ и отъ духовно-учебной службы, и для удержанія ихъ долженъ былъ прибѣгнуть къ единственному средству, какое еще оставалось тогда въ его распоряженіи,—къ усиленію правилъ касательно обязательной службы воспитанниковъ академіи и ко взысканію съ нихъ, при уклоненіи отъ этой службы, денегъ, употребленныхъ на ихъ академическое образованіе. За это же средство ухватился и архим. Иннокентій. Онъ предлагалъ даже усилить такія взысканія, настаивая предъ высшимъ начальствомъ, чтобы съ увольнявшихся студентовъ деньги

взыскивались не только за одно ихъ содержаніе въ академіи, но, по разсчету, сколько придется на долю каждаго воспитанника за содержаніе всей академіи вообще, „во вниманіе къ тому, какъ писалъ онъ въ представленіяхъ Св. Синоду, что не студенты существуютъ для академіи, но академія для студентовъ, безмездно снабжающая каждаго изъ нихъ не однимъ голько столомъ и одеждою, но и квартирою, отопленіемъ, лекціями и проч.“. Но на такія представленія не изъявилъ согласія самъ Св. Синодъ (1). Такимъ образомъ потеряла силу самая страшная начальственная гроза какой только могла располагать власть ректора, а помимо своей власти другаго, нравственнаго вліянія ректоръ Иннокентій не могъ имѣть на студентовъ по разнымъ своимъ собственнымъ нравственнымъ недочетамъ.

Студенты смотрѣли на него какъ-то свысока и вовсе его не уважали, а онъ, какъ нарочно, еще больше содѣйствовалъ упадку своего авторитета слишкомъ частымъ обнаруженіемъ предъ ними своихъ слабостей, своей мелочной надоѣдливостью, странными распоряженіями и замѣчаніями, даже письменными, надъ которыми молодежь только потѣшалась, иногда прямо ему въ глаза. Нѣкоторыя замѣчанія его на журналѣ чередныхъ старшихъ, написанныя его своеобразнымъ стилемъ, дѣйствительно были курьезны. Одного студента онъ корилъ напр за то, что тотъ „дѣлалъ при ректорѣ курюшки (папиросы) и дѣлалъ очень исправно“, другому приточно замѣтилъ, что у него что-то (не сказано) „худо и въ началѣ, и въ срединѣ, и въ концѣ“, и многозначительно грозилъ: „какъ-то будетъ на краю (in extremis)“, и т. п.. Когда журналъ, отправленный къ ректору съ вечера, возвращался къ чередному старшему утромъ, студенты нарочно сбѣгались поглядѣть, что еще написалъ новаго ректоръ, и похохотать надъ этой журнальной литературой. Нѣкоторыя изъ замѣчаній оказывались неудобными въ глазахъ самого автора и уничтожались имъ. Иногда журналъ возвращался съ полями, вытертыми мокрымъ пальцемъ, т. е. вѣроятно съ вечера ректоръ что-то въ немъ написалъ, а потомъ утромъ стеръ написанное. Вотъ одно болѣе длинное и съ видимымъ чувствомъ написанное замѣчаніе отъ 10 марта 1865 г.: „Не слишкомъ

(1) См. напр. д. 1864 г. № 76: Объ увольненіи студентовъ Гвоздева, Голгоѳскаго и Парадизова.

давно и притомъ неоднократно студенты академіи общиною своею (т. е. корпоративно), вопреки порядку, заявляли мнѣ, что они обносились. Не говоря о томъ, что у иного изъ нихъ заложена одежда, припоминаю, что иные изъ студентовъ стоятъ и въ церкви, кто почти лежа на свѣчномъ ящикѣ, а кто припершись къ стѣнѣ, такъ что объ одномъ студентѣ (не скрываю—Снегиревѣ) я пришелъ было, до извѣстнаго времени, къ мысли, что онъ никогда не бываетъ въ церкви. Полагаю, соображая дальнѣйшее по сему, что студенты не могли не обноситься. Но съ другой стороны мною точно указано было, гдѣ именно становиться студентамъ во время богослуженія, а какъ именно стоять имъ во время его, это не извѣстно едва ли не имъ однимъ, ибо ни крестьяне, ни повара, ни кучера, ни служители двора не стоятъ въ церкви такъ, какъ стоятъ въ ней иные изъ студентовъ академіи, почитающіе себя мудрыми,—желательно и видѣть ихъ такими,—а на самомъ дѣлѣ являющими себя объюродѣвшими, видя невидящими, смысляще не разумѣющими. Между тѣмъ ларчикъ на этотъ разъ отпирается очень и очень просто. Богъ далъ намъ двѣ ноги и для того, чтобы тѣло наше было въ равновѣсіи. Поэтому, когда человѣкъ придетъ куда нибудь (не въ церковь только) стоять, никогда не позволитъ себѣ стоять косо, криво, припершись къ стѣнѣ, и вообще не какъ слѣдуетъ сообразно мѣсту стоянія его, если только установитъ стояніе ногъ своихъ, какъ слѣдуетъ: это дознано безчисленными опытами, которые показываютъ, что право (ὀρθῶς) ставшій человѣкъ въ состояніи простоять и всенощное (во всю ночь) бдѣніе. Такимъ образомъ, ... тяжело, весьма тяжело для меня высказывать прочее студентамъ академіи и притомъ духовной. Дежурному старшему поручаю предъявить написанное мною теперь каждому студенту академіи съ тѣмъ, чтобъ каждый изъ нихъ расписался,—каждый говорю, не исключая ни г. Снегирева, который позволилъ себѣ высказать мнѣ лично, что ему нечего молиться на часахъ предъ преждеосвященною литургіею, а между тѣмъ не уничтожилъ часы эти". Можно представить, какое впечатлѣніе произвело это внушеніе на студентовъ; при подпискахъ въ чтеніи нѣкоторые не утерпѣли, чтобы не поглумиться надъ нимъ тутъ же на журналѣ Одинъ написалъ, что приказаніе читалъ и исполнилъ; ректоръ замѣтилъ противъ этого: „Честь Вамъ и слава; за всѣмъ тѣмъ graviora post ponuntur". Другой приписалъ: „Читалъ, но не-

понялъ, въ чемъ именно дѣло"; ректоръ съ боку объяснилъ: „Очень жаль, ибо дѣло во всемъ томъ, о чемъ отчасти, сообразно съ обстоятельствами, написано мною примѣнительно къ проекту устава духовныхъ академій и составляемой на основаніи его извѣстной инструкціи".

Издѣвательство надъ ректоромъ, и притомъ письменное доходило иногда до невѣроятныхъ размѣровъ. Въ томъ же журналѣ дежурныхъ старшихъ отъ 13 марта 1864 г. встрѣчаемъ такія вещи. Одинъ студентъ Ал. Смирновъ былъ записанъ уволеннымъ къ богослуженію въ Казанскій дѣвичій монастырь. Ректоръ замѣтилъ на это: „На Руси нѣтъ дѣвичьихъ монастырей, а существуютъ ли они внѣ ея, мнѣ неизвѣстно", и поправилъ въ записи, вмѣсто дѣвичій,—женскій. Чередной старшій Е. Будринъ вступилъ съ нимъ въ полемику, приводя аргументы, что называется, ad hominem, такъ какъ ректоръ слылъ великимъ любителемъ статей изъ Свода законовъ: „На замѣчаніе Его Высокопреподобія о. ректора честь имѣю отвѣтить, что выраженіе дѣвичій монастырь мною употреблено на основаніи Свода законовъ, гдѣ часто упоминается о дѣвичьихъ монастыряхъ, напримѣръ"—рядъ цитатъ. „А что касается до Казанскаго монастыря, то въ указѣ Св. Синода № такой-то о номѣщеніи Казанскаго дѣвичьяго монастыря въ первый классъ прямо говорится: по уваженію знаменитости Казанскаго Богородице-дѣвичьяго монастыря Мы всемилостивѣйше повелѣваемъ и проч.. Основываясь на этомъ, я считалъ себя не въ правѣ измѣнять выраженія". Ректоръ съ своей стороны написалъ такую отповѣдь: „Означеннымъ замѣчаніемъ своимъ я отнюдь не имѣлъ въ виду укорять, или иначе какъ нибудь сказать,—дежурнаго старшаго г-на Будрина въ незнаніи законовъ о дѣвичьихъ монастыряхъ, а хотѣлъ остановить его и съ его соизволенія и прочихъ студентовъ казанской духовной академіи вниманіе на томъ, что русская церковь находится in statu quo". Что этимъ онъ хотѣлъ выразить, осталось не извѣстнымъ никому. Въ глаза съ нимъ обращались еще безцеремоннѣе, чѣмъ на бумагѣ. По вечерамъ онъ любилъ ходить по комнатамъ студентовъ, при чемъ или подлавливалъ ихъ за разными неисправностями, которыя и записывалъ въ журналъ, или просто бесѣдовалъ съ ними и спорилъ. Студенты принимали его, какъ гостя, сажали среди комнаты на табуретъ и, окруживъ его, вступали въ собесѣдованіе о разныхъ разностяхъ, временемъ и по наукѣ, напримѣръ о томъ, отъ чего

наше богословіе называется православнымъ, при чемъ студенты доказывали, что это названіе обозначаетъ правоту нашего исповѣданія и богословствованія, а ректоръ, имѣя въ виду пріохотить студентовъ къ этой наукѣ, утверждалъ, что слово „православный“ здѣсь имѣетъ то же значеніе, что напримѣръ въ выраженіи: „Право славный и хорошій человѣкъ“, и выражаетъ особенное достоинство нашего богословія сравнительно съ другими неправославными богословіями. Любопытно, что между студентами онъ былъ пропагаторомъ монашества, но принимался увѣщевать ихъ къ принятію монашескаго званія съ какого-то очень оригинальнаго конца, доказывая, что въ свѣтскомъ званіи людей только и можетъ удерживать честолюбіе, исканіе чиновъ и наградъ.

Не болѣе, какъ черезъ годъ по вступленіи своемъ въ должность ректора, онъ самъ увидалъ, что при такой потерѣ авторитета, какая чувствовалась во всѣхъ отношеніяхъ къ нему студентовъ, ничего ему съ ними не подѣлать, и махнулъ на нихъ рукой. Онъ не разъ потомъ самъ говаривалъ имъ, что для него нужно только, чтобы оффиціально въ академіи все было законно и въ порядкѣ, а что поэтому студенты могутъ дѣлать, что имъ угодно, только этого не должны знать ни ректоръ, ни инспекторъ. Свобода нарушенія дисциплинарныхъ правилъ сдѣлалась еще шире, чѣмъ въ предшествовавшее ректорство. Въ 1867 г. ректоръ началъ прихварывать, все рѣже и рѣже показывался въ студенческихъ помѣщеніяхъ и возложилъ весь надзоръ за студентами на одну инспекцію. Онъ распорядился даже, чтобы посѣщенія и инспекторомъ, и его помощникомъ студенческихъ комнатъ, столовой и собраній на утреннія и вечернія молитвы каждый разъ записывались въ журналѣ, что дѣйствительно исполнялось до конца его ректорства. По записямъ этимъ можно видѣть, что такія посѣщенія были очень рѣдки, разъ въ недѣлю и даже рѣже того. Любопытно, что дежурные на первыхъ порахъ дѣлали эти записи въ комически-торжественномъ родѣ: сего де числа во столько-то часовъ вечера №№ студентовъ или столовая, утромъ или вечеромъ, посѣщены были Его Высокопреподобіемъ о. инспекторомъ или Его Высокоблагородіемъ господиномъ помощникомъ инспектора; но потомъ инспекція вѣроятно осердилась на это и записи получили обыкновенный характеръ.

Инспекторъ Веніаминъ въ томъ же 1867 г., указомъ 3 апрѣля былъ назначенъ на должность ректора и профессора

богословскихъ наукъ въ воронежскую семинарію и 5 мая выѣхалъ изъ академіи на мѣсто назначенія. Въ 1871 г. онъ былъ посвященъ въ санъ епископа и былъ сначала епископомъ острогожскимъ, потомъ съ 1879 г. оренбургскимъ, а съ 1882 г. состоитъ епископомъ черниговской епархіи. По отъѣздѣ его инспекторскую должность до поступленія новаго инспектора нѣсколько недѣль исправлялъ профессоръ *М. Я. Красинъ*.

Новый инспекторъ архимандритъ *Владиміръ Никольскій* былъ назначенъ отъ 25 мая того же 1867 года изъ инспекторовъ казанской семинаріи. Онъ былъ урожденецъ Курской епархіи, сынъ священника, родился въ 1829 г. (въ мірѣ Василій Степановичъ), учился въ курской семинаріи и кончилъ въ ней курсъ въ 1851 г., послѣ чего рукоположенъ былъ во священники къ Бобринецкому собору Херсонской епархіи. Отсюда въ 1854 г. перешелъ на мѣсто священника къ Бердянскому собору. И въ томъ и въ другомъ мѣстѣ проходилъ должность законоучителя въ мѣстныхъ уѣздныхъ училищахъ. Послѣ вдовства въ 1857 г. постригся въ монашество и черезъ два года поступилъ въ с.-петербургскую духовную академію. По окончаніи въ ней курса въ 1863 г. со степенью магистра оставался нѣкоторое время при академіи для приведенія въ порядокъ ея библіотеки. Въ 1864 г. назначенъ въ казанскую семинарію инспекторомъ и помощникомъ ректора по профессорской должности; съ 1866 г. преподавалъ педагогику. При опредѣленіи въ инспекторы академіи 25 мая 1867 г. былъ возведенъ въ санъ архимандрита Въ академіи онъ съ самаго же начала прекрасно поставилъ себя и въ отношеніи къ сослуживцамъ-преподавателямъ, и въ отношеніи къ студентамъ. Ректоръ вполнѣ ему довѣрялъ и полагался на него во всемъ, что касалось нравственныхъ порядковъ академической жизни. Особенно полезенъ былъ ему новый инспекторъ въ послѣднее время, когда ректоръ сталъ быстро слабѣть отъ своей предсмертной болѣзни и не могъ уже непосредственно вникать во всѣ дѣла, какъ было это прежде. Въ отношеніи къ студентамъ архимандритъ Владиміръ держалъ себя просто, съ невозмутимымъ спокойствіемъ, всегда солидно, всегда на легальной почвѣ, хотя и снисходительно, и скоро заслужилъ между ними общее уваженіе и довѣріе. Серьезныя, но спокойныя замѣчанія его останавливали всякіе дисциплинарные безпорядки, никого не раздражая. Было большой заслугой съ

его стороны то, что онъ умѣлъ повѣять на раздраженную противъ начальства молодежь духомъ мира и спокойствія. Съ нѣкоторыми студентами онъ сошелся довольно близко, по-долгу съ ними разговаривалъ, ходя по корридору, и чрезъ нихъ имѣлъ не малое вліяніе на жизнь и остальныхъ студентовъ.

Съ ректоромъ Иннокентіемъ ему пришлось прослужить менѣе года. Все это время ректоръ постоянно хворалъ; у него развилась сильная чахотка; зимой 1867 г. врачи предсказывали, что дни его уже сочтены; онъ впрочемъ все еще продолжалъ заниматься дѣлами и оставилъ эти занятія всего недѣли за двѣ до смерти. 16 мая 1868 г. онъ написалъ духовное завѣщаніе, распредѣливъ свое имущество разнымъ роднымъ и знакомымъ; душеприкащиками своими онъ назначилъ свою сестру дьяконицу А. Проскурякову и казанскаго помѣщика Г. И. Горталова, которымъ и вручилъ для передачи по своему желанію большую часть своихъ денежныхъ суммъ; обширная библіотека его, состоявшая изъ 618 названій въ 1167 томахъ, завѣщана была симбирской семинаріи; право изданія его сочиненій предоставлено братствамъ св. Владиміра въ Кіевѣ и св. Гурія въ Казани. Казанская академія получила послѣ него только нѣсколько иконъ, архимандритскій крестъ и мантію для своей церкви (1). 20 мая онъ скончался. Замѣчательно, что не нашлось въ академіи ни одного человѣка, который бы пожалѣлъ этого ректора. Когда вся академическая корпорація собралась въ его залѣ на первую панихиду, это было выразительно холодное собраніе,—видно было, что умеръ никому не нужный, лишній и даже для всѣхъ тягостный человѣкъ; жалость выражали только его сестра и его душеприкащикъ, человѣкъ очень близкій къ нему при жизни, да шумно заявлялъ свои чувствованія явившійся тутъ же купецъ Д..., обращаясь къ наставникамъ съ трогательными словами: „Плачьте, всѣ плачьте,—друга моего не стало“.

Смертью архимандрита Иннокентія кончился тяжелый періодъ въ жизни академіи, начавшійся еще при ректорѣ Іоаннѣ, періодъ 60-хъ годовъ, въ продолженіе котораго она годъ отъ году все болѣе и болѣе склонялась къ разстройству и поддерживала свою жизнь, благодаря только своей внутренней силѣ, силѣ своихъ прежнихъ преданій и своего научнаго направле-

(1) Д. 1868 г. № 13.

нія, благодаря талантамъ и энергіи своихъ преподавателей и лучшихъ питомцевъ, и менѣе всего благодаря своей администраціи, въ отношеніи къ которой всѣ ея жизненныя силы стояли даже прямо въ отрицательномъ положеніи, доходившемъ иногда до серьезнаго раздраженія; и это отрицательное къ ней отношеніе продолжалось не годъ, не два, а нѣсколько курсовъ, входило въ самую жизнь академіи, дѣлалось ея тяжкою хроническою болѣзнью, обратившей на себя безпокойное вниманіе даже высшаго начальства. Въ высшихъ слояхъ духовно-учебной администраціи казанская академія постоянно была въ какой-то опалѣ, которая, разумѣется, тоже тяжело чувствовалась всѣми членами академической корпораціи. Облегченіе отъ такого ненормальнаго, болѣзненнаго состоянія почувствовалось въ академіи вскорѣ же послѣ смерти ректора Иннокентія, еще при исправленіи ректорской должности инспекторомъ Владиміромъ, который вмѣстѣ съ добрѣйшимъ профессоромъ И. П. Гвоздевымъ, исправлявшимъ тогда должность инспектора, успѣлъ въ короткое время самымъ благотворнымъ образомъ повліять на общее настроеніе и преподавателей, и студентовъ. Преосвященный Антоній съ своей стороны такъ же очень много содѣйствовалъ внутреннему благоустройству академіи и, что особенно было важно, даже исправленію ея внѣшней репутаціи. По смерти архимандрита Иннокентія, часто возстановлявшаго его противъ академіи и своими собственными дѣйствіями, и частыми донесеніями на другихъ, преосвященный вдругъ сдѣлался какъ-то и ближе, и благосклоннѣе къ академической корпораціи, и только съ этого времени она почувствовала, что это былъ за добрый и радѣльный до нея архипастырь и какъ близко принималъ онъ къ своему сердцу всѣ ея успѣхи и благополучіе.

Лѣтомъ 1868 г. онъ былъ назначенъ ревизоромъ академіи и, познакомившись съ нею ближе, въ первый разъ увидалъ, какъ много можно найти въ ней добраго, какъ глубоко она несчастна и какъ сильно нуждалась въ ободреніи и хоть въ какой нибудь доброй поддержкѣ, въ тоже время далъ ближе узнать и себя самого. Академія выпускала тогда свой XII курсъ студентовъ, значительно урѣзанный при Иннокентіи, состоявшій всего только изъ 17 человѣкъ. Выпускные экзамены были внимательные и продолжительные, такъ что преосвященный могъ, какъ нельзя лучше, узнать каждаго изъ этихъ 17 воспитанниковъ. 17 іюня былъ послѣдній экзаменъ, имѣвшій

очень симпатичный и трогательный характеръ. Студенты собрались на него уже въ новыхъ мундирахъ, въ которыхъ академія выпускала ихъ на службу. Аудиторія была празднично убрана цвѣтами и зеленью изъ академическаго сада. По стѣнамъ развѣшаны были портреты бывшихъ ректоровъ академіи. Экзаменовавшіеся относились къ своему ревизору съ полнымъ довѣріемъ. Послѣ экзамена, собравъ ихъ около себя, владыка сказалъ имъ прочувствованное напутствіе въ предстоящую имъ служебную жизнь и выразилъ свое полное удовольствіе за ихъ успѣхи и доброе направленіе. „Я какъ-то сроднился съ вами, говорилъ онъ, привыкъ къ вамъ въ продолженіе экзаменовъ и разстаюсь съ вами, какъ съ своими“. Одинъ изъ студентовъ отвѣчалъ ему не менѣе прочувствованной импровизованной рѣчью. Какъ событіе выдающееся, имѣвшее особенный, внутренній смыслъ, этотъ прощальный экзаменъ тогда же описанъ былъ въ Православномъ Собесѣдникѣ (ч. II, 343—352). Онъ былъ давно желаннымъ въ академіи торжествомъ первыхъ начатковъ вновь водворявшагося въ ней внутренняго мира и благоволенія къ ней ея администраціи. Въ своемъ отчетѣ по ревизіи Св. Синоду (1) преосвященный Антоній отозвался объ академіи съ самой лучшей стороны и первый постарался поднять ея такъ уже давно и такъ низко упавшую репутацію, о которой какъ мы видѣли, раньше и самъ отзывался неодобрительно (въ письмѣ къ преосвященному Іереміи нижегородскому). Ревизіонный отзывъ его вполнѣ стоитъ того, чтобы привести его здѣсь въ качествѣ весьма важнаго факта въ исторіи академіи. Преосвященный писалъ, что нравственное состояніе академіи находится, по его замѣчаніямъ, въ весьма удовлетворительномъ состояніи; надзоръ за студентами вполнѣ достоинъ одобренія; онъ чуждъ отвлеченной морали и внѣшнихъ мѣръ, а состоитъ въ обращеніи къ самосознанію студентовъ, какъ людей развитыхъ; во все обозрѣваемое время не было въ академіи случая неблагонравія и неблагоповеденія. Поэтому онъ, преосвященный, считаетъ долгомъ справедливости засвидѣтельствовать предъ Св. Синодомъ, что и по разсмотрѣнію документовъ, относящихся къ нравственной части въ состояніи академіи, и по личному его

(1) Дѣло духовно-учебн. Комитета при Св. Синодѣ 1868 г. о ревизіи казанской и московской академій № 161/871.

неоднократному и непосредственному наблюденію, и по отзывамъ людей сторонних, но самымъ положеніемъ вещей близко поставленныхъ къ академіи и весьма вліятельныхъ и достойныхъ довѣрія, нравственная часть въ казанской духовной академіи находится въ весьма удовлетворительномъ состояніи; объ этомъ въ настоящій разъ онъ долгомъ считаетъ засвидѣтельствовать потому особенно, что нѣсколько лѣтъ тому назадъ, какъ извѣстно, казанская академія имѣла несчастіе подвергнуться нѣкоторому нареканію за бывшій тамъ случай неблагоповеденія воспитанниковъ. Если и были основанія къ такому нареканію, что зависѣло отъ пагубнаго духа того времени, заражавшаго тогда болѣе или менѣе почти всѣ свѣтскія учебныя заведенія и проникавшаго волей неволей и въ духовныя, а такъ же отъ близкаго сосѣдства здѣшней академіи съ университетомъ, гдѣ въ ту пору обнаружились значительные безпорядки и демонстраціи; то нынѣ,—по чистой совѣсти можно сказать,—нѣтъ ничего подобнаго въ казанской духовной академіи, такъ что павшее въ ту пору на нее пятно можно считать совсѣмъ изглаженнымъ.

Доброе начало обновленія академіи затѣмъ энергично поддержано было пріѣхавшимъ въ августѣ того же года новымъ ректоромъ, которому суждено было черезъ два года сдѣлаться счастливымъ дѣятелемъ и полнаго преобразованія ея въ 1870 г.. Этимъ ректоромъ былъ архимандритъ *Никаноръ* (въ мірѣ Александръ Бровковичъ). Онъ былъ уроженецъ Могилевской губерніи, сынъ священника (родился въ 1827 г.), воспитанникъ могилевской (1841—1842 гг.) и петербургской (1843—1847 гг.) семинарій и петербургской академіи (1847—1851 гг.). Въ монашество постриженъ 16 сентября 1850 г. на третьемъ году академическаго курса. По окончаніи курса магистромъ онъ былъ оставленъ при академіи баккалавромъ по каѳедрѣ обличительнаго богословія. Въ 1853 г., съ введеніемъ въ академіи курса изученія раскола, ему было поручено преподавать обозрѣніе и обличеніе раскола. За свою академическую службу въ апрѣлѣ 1855 г. онъ былъ награжденъ отъ Св. Синода золотымъ наперснымъ крестомъ, потомъ въ слѣдующемъ году возведенъ въ санъ архимандрита. Съ 25 августа 1856 г. былъ переведенъ изъ академіи на должность ректора и профессора богословія въ рижскую семинарію. Тамъ на него были возлагаемы разныя епархіальныя порученія и между прочимъ обязанность быть редакторомъ издававшагося при семинаріи „Учи-

лища благочестія". Изъ рижской семинаріи 1 декабря 1857 г. онъ былъ переведенъ ректоромъ и профессоромъ богословія въ семинарію саратовскую. Здѣсь за свою ректорскую службу онъ былъ награжденъ въ 1859 г. орденомъ св. Анны 2 степ., а въ 1863 г. тѣмъ же орденомъ съ короною. Въ 1864 г. былъ вызываемъ на чреду служенія въ С.-Петербургъ и послѣ этого 5 ноября 1865 г. переведенъ въ ректоры полоцкой семинаріи. Наконецъ 29 іюля 1868 г. былъ опредѣленъ ректоромъ казанской духовной академіи. Въ Казань онъ пріѣхалъ 25 августа.

Для казанской академіи было большимъ счастіемъ, что въ это время она получила именно такого ректора, какъ архимандритъ Никаноръ. Личность этого, недавно только почившаго, знаменитаго херсонскаго и одесскаго святителя и всероссійскаго церковнаго витіи достаточно извѣстна всей Россіи. Въ казанскую академію онъ поступилъ въ полномъ мужествѣ своихъ силъ и въ лучшую пору жизни для приложенія этихъ силъ къ научной и административной дѣятельности и сразу твердою ногою всталъ на полной высотѣ своего положенія. Академія не имѣла еще ни одного ректора, такъ универсально образованнаго, въ полномъ смыслѣ человѣка науки, высокаго богослова и философа и вмѣстѣ съ тѣмъ знатока нѣсколькихъ спеціальностей изъ области свѣтскихъ наукъ, сильнаго мыслителя и вмѣстѣ эстетика, съ замѣчательно развитымъ вкусомъ, особенно въ музыкѣ и общей литературѣ. На первыхъ же порахъ, знакомясь съ состояніемъ учебной части въ академіи и входя въ близкія ученыя сношенія съ преподавателями во время бесѣдъ съ ними и посѣщенія ихъ аудиторій, онъ ясно показалъ, что будетъ не начальственно только завѣдующимъ учебною частью академической жизни, но вмѣстѣ личнымъ и живымъ участникомъ въ ея теченіи, даже главнымъ работникомъ въ достиженіи ея цѣлей, стоящимъ во главѣ прочихъ ея работниковъ. Непосредственно по пріѣздѣ онъ занялъ каѳедру основнаго богословія и съ первыхъ же мѣсяцевъ своей службы сталъ усиленно работать для академическаго журнала. Рядомъ ученыхъ статей, помѣщенныхъ имъ въ этомъ журналѣ въ 1868 и 1869 гг., онъ значительно восполнилъ прежнее изданіе своего извѣстнаго богословскаго труда противъ католичества „О видимомъ главенствѣ къ церкви" и въ 1869 г. получилъ за него степень доктора богословія. Это былъ первый и единственный докторъ богословія, получившій эту степень въ казанской академіи при дѣйствіи прежняго академическаго устава.

Состояніе учебной части въ академіи онъ зналъ во всѣхъ подробностяхъ. Не было науки въ академическомъ курсѣ, за преподаваніемъ которой онъ не слѣдилъ бы изо дня въ день, то по журнальнымъ записямъ, то по отчетамъ студентовъ, то по частымъ личнымъ посѣщеніямъ аудиторій. Ежедневно по одному изъ студентовъ младшаго и старшаго курсовъ должны были утромъ являться къ нему съ отчетами и передавать содержаніе прослушанныхъ наканунѣ лекцій по всѣмъ предметамъ. Это было нужно ему, какъ онъ самъ высказалъ одному изъ студентовъ, для того, чтобы оріентироваться въ своемъ положеніи и видѣть, въ какомъ состояніи находится академическая наука; въ тоже время такая передача лекцій давала ему возможность знакомиться и съ самими студентами. Не разъ онъ вступалъ съ наставниками въ личныя бесѣды объ ихъ преподаваніи, откровенно высказывалъ при этомъ свои собственные взгляды на научные вопросы и свои желанія относительно постановки той или другой науки въ академическомъ курсѣ, дѣлалъ откровенныя замѣчанія касательно того, что въ лекціяхъ ихъ ему не нравилось, никого впрочемъ не обижая и отдавая трудамъ каждаго должную честь по достоинству. Собесѣдованія эти имѣли какой-то почти дружескій характеръ и дѣлались тономъ не начальственнаго вмѣшательства въ наставническія дѣла, а глубокой личной заинтересованности въ научной жизни академіи. Многосторонне развитый, много испытавшій и много потерпѣвшій на своемъ вѣку, хорошій психологъ и вмѣстѣ человѣкъ вполнѣ сердечный и искренній, умѣвшій и понимать другихъ, и сочувствовать имъ, онъ невольно вызывалъ на откровенность и искренность и самъ до экспансивности былъ открытъ душой для всѣхъ. По самому своему характеру, онъ не любилъ дѣлать что нибудь въ одиночку, единоличною своею властью, какъ прежніе ректоры, а всегда въ каждомъ дѣлѣ стремился заинтересовать и другихъ, поставить это дѣло непремѣнно въ значеніе дѣла общаго и вершить его общими единодушными усиліями. Эта почтенная и крайне еще рѣдкая въ тогдашнее время черта его административной дѣятельности, какъ нельзя лучше, сходилась съ новыми потребностями его времени, наканунѣ академической реформы и установленія совѣтскаго самоуправленія, и особенно дорогой оказалась во время самой реформы, которую потомъ въ 1870 г. пришлось ему же и осуществлять.

Своимъ живымъ участіемъ въ общемъ дѣлѣ служенія академіи, своимъ симпатичнымъ обращеніемъ со всѣми наставниками и почти товарищескою къ нимъ близостію онъ въ самое непродолжительное время успѣлъ сдѣлаться живымъ центромъ всей академической корпораціи и соединить ее около себя въ одну дружную и одушевленную семью. Во время разныхъ академическихъ торжествъ она вся собиралась въ его гостепріимной кельѣ на общіе обѣды или полусемейные, полуученые вечера, на которыхъ господствовала полная искренность добрыхъ отношеній между хозяиномъ и гостями и въ живой бесѣдѣ еще болѣе скрѣплялась общая ихъ связь; это былъ пріятный и вмѣстѣ полезный отдыхъ послѣ обычной будничной работы, съ котораго, кромѣ освѣженія силъ, всегда выносилось еще что нибудь плодотворное и для послѣдующаго будничнаго дѣланія, а главное—выносилось сознаніе единства общихъ интересовъ и общаго служенія. Въ этихъ академическихъ торжествахъ охотно принималъ участіе и владыка Антоній, любившій академическую компанію. Онъ часто откровенно высказывалъ среди нея всѣ свои огорченія отъ ненравившихся ему новыхъ порядковъ въ церковныхъ и учебныхъ дѣлахъ и видимо отводилъ здѣсь свою душу. Ректоръ относился къ нему всегда съ сыновнею любовію и почтеніемъ. Рѣдкое академическое собраніе проходило безъ того, чтобы онъ не выразилъ предъ добрымъ владыкою своихъ общихъ со всей академической корпораціей чувствъ сыновней къ нему любви и сердечной благодарности за ободряющія всѣхъ отеческія отношенія къ академіи краснорѣчивой и задушевной рѣчью, произносимой всегда прерывающимся отъ волненія голосомъ и даже со слезами. Особенно симпатичнымъ характеромъ отличались чисто семейныя торжества академической корпораціи въ радостныя минуты послѣ утрени и обѣдни въ Свѣтлое Христово Воскресенье, когда она вся, даже съ своими семействами, прямо изъ церкви собиралась въ квартирѣ ректора разговляться пасхальными яствами, которыя онъ приготовлялъ въ это время въ невиданномъ разнообразіи и обиліи. Въ торжествахъ этихъ участвовали и студенты. Пѣвчіе академическаго хора и старшіе приглашались разговляться вмѣстѣ съ наставниками въ залъ ректора; прочимъ студентамъ онъ давалъ на праздникъ 25 рублей. „Ректоръ былъ великій хлѣбосолъ“, разсказывается въ бывшихъ у насъ подъ руками рукописныхъ воспоминаніяхъ одного учившагося при немъ студента А. Л. Крылова, хорошо его знавшаго и впослѣдствіи, по окончаніи кур-

са. „Онъ любилъ соединять у себя людей даже враждебно настроенныхъ другъ къ другу. Такъ дѣлалъ онъ въ Саратовѣ, въ Полоцкѣ и впослѣдствіи въ Новочеркасскѣ. Самъ онъ не охотникъ былъ ни пить, ни ѣсть, но любилъ, чтобы собравшимся у него гостямъ было весело. Нужно сказать, что у него никогда не было запасныхъ денегъ, это былъ въ собственномъ смыслѣ безсребренникъ, онъ жилъ отъ жалованья до жалованья; ежемѣсячно онъ разсылалъ множество денегъ различнымъ лицамъ, нуждавшимся въ пособіи". „Я считаю его лучшимъ человѣкомъ, какого только я могъ знать въ жизни", говорится въ другомъ мѣстѣ этихъ воспоминаній.

Подчиненные сослуживцы видѣли въ немъ не только умнаго начальника, но и дѣйствительно лучшаго человѣка, который входилъ въ ихъ интересы, умѣлъ ихъ понимать и сочувствовалъ имъ. Такимъ глубоко человѣчнымъ характеромъ отличались его отношенія ко всѣмъ лицамъ академической корпораціи; съ рѣдкимъ изъ наставниковъ онъ не былъ связанъ какими нибудь частными, личными связями, кромѣ служебныхъ, какъ человѣкъ, сердечно входившій именно въ личные интересы и частное положеніе того или другаго изъ нихъ, или по крайней мѣрѣ знавшій каждаго изъ нихъ частнымъ, неслужебнымъ образомъ. Въ декабрѣ 1868 г., въ первый же годъ по пріѣздѣ, всѣ замѣтили, съ какимъ добрымъ участіемъ онъ отнесся къ кончинѣ несчастнаго баккалавра Рудольфова, какъ самъ лично распорядился при себѣ омыть и убрать одинокаго покойника, о которомъ некому было позаботиться родственнымъ образомъ. Въ 1870 г. онъ принялъ горячее участіе въ кончинѣ жены профессора Ивановскаго, молодой женщины, отличавшейся рѣдкимъ образованіемъ и прекрасными душевными качествами, и въ утѣшеніи упадавшаго духомъ вдовца, почтилъ усопшую надгробнымъ словомъ и самъ написалъ ея некрологъ и описалъ ея погребеніе (1). Осенью того же года добрая, человѣчная душа ректора Никанора трогательно проявилась при погребеніи одного изъ меньшихъ академическихъ братій, — стараго служителя академіи, Осипа Самохвалова, прослужившаго при ней свыше 25 лѣтъ съ необыкновенною честностью; знаменитый витія самъ почтилъ погребеніемъ этого маленькаго, но заслуженнаго человѣка и сказалъ надъ его гробомъ глубоко симпатичное

(1) Извѣстія по Казанск. епархіи 1870 г. стр. 304.

слово (1). Принималъ архимандритъ Никаноръ сердечное участіе и въ радостныхъ событіяхъ жизни своихъ подчиненныхъ сослуживцевъ. По выходѣ его изъ академіи на другіе высшіе посты духовнаго служенія проходили годы, всѣ служившіе при немъ въ академіи годъ отъ году старѣли и забывали многое, что пережили на своей старой академической службѣ, но не забывали того живительнаго вліянія, какое онъ внесъ въ академическую жизнь, не забывали и его симпатичной личности. Каждый годъ 8 ноября или въ Свѣтлый Христовъ Праздникъ, собравшись на братское торжество, они невольно вспоминали свои прежнія семейныя собранія въ его кельяхъ и посылали ему общую поздравительную телеграмму, выражая въ ней свою нравственную потребность духовнаго общенія съ нимъ во время своего торжества. Изъ отвѣтовъ его видно было, что и онъ помнилъ минувшее время своей академической службы и все еще чувствовалъ свою связь съ академіей, не смотря на множество нажитыхъ послѣ того новыхъ служебныхъ впечатлѣній и симпатій. Нѣкоторые изъ бывшихъ его сослуживцевъ по академіи поддерживали свою связь съ нимъ посредствомъ откровенной переписки.

Съ такою же сердечностію относился онъ и къ студентамъ академіи, которыхъ зналъ всѣхъ до одного лично и весьма близко, вступая съ ними въ постоянное общеніе и въ аудиторіи, и въ ихъ помѣщеніяхъ, и на прогулкахъ въ часы отдыха отъ занятій. Слѣды прежняго упадка дисциплины и угловатая неотесанность нѣкоторыхъ молодыхъ людей на первыхъ порахъ сильно его поражали и стоили ему даже не малыхъ огорченій. Приводилось чуть не вновь вводить самыя главныя правила общежительной дисциплины. Вотъ напр. какіе вопросы предложены были имъ конференціи академіи, которую онъ нарочно созвалъ 21 декабря 1868 г. для введенія дисциплицы въ учебной жизни студентовъ: а) „Должно ли и полезно ли признать за гг. студентами право посѣщать аудиторіи по личному ихъ, гг. студентовъ, усмотрѣнію? б) въ частности при репетиціяхъ должно ли и полезно ли предоставить гг. студентамъ право являться въ аудиторіи на репетиціи не всякій разъ, когда гг. наставники желаютъ ихъ, гг. студентовъ, спросить, но только тогда, когда гг. студенты сами сочтутъ себя готовыми къ сдачѣ репетицій? в) Необходимо ли оста-

(1) Тамъ же стр. 698.

вить въ журналахъ существующій доселѣ порядокъ записей, подъ которыми гг. наставники всякій разъ удостовѣряютъ своимъ подписомъ бытіе всѣхъ студентовъ въ классѣ, когда изъ нихъ были только нѣкоторые? г) Справедливо ли возлагать отвѣтственность за исправное посѣщеніе студентами аудиторій на одного только инспектора, при чемъ гг. наставники имѣли бы право считать этотъ предметъ не относящимся къ ихъ обязанности (1)"?—Разсужденія этого рода въ конференціи были вызваны частыми уклоненіями студентовъ отъ посѣщенія лекцій; такъ въ томъ же декабрѣ на классахъ св. Писанія, обличительнаго богословія и еврейскаго языка нѣсколько разъ было записано, что въ аудиторіи было только двое или трое студентовъ. Въ $18^{69}/_{70}$ учебномъ году онъ вооружился также противъ опущеній студентовъ въ подачѣ сочиненій и завелъ о томъ даже формальное дѣло въ правленіи. Журналомъ 31 января по запискѣ ректора, что за прошедшее полугодіе студенты низшаго отдѣленія почти вовсе не подавали сочиненій, не смотря на всѣ съ его стороны внушенія, правленіе собрало справки чрезъ наставниковъ, кто изъ студентовъ и сколько не подалъ сочиненій. Оказалось, что на каждое полугодіе студентамъ было назначаемо по 3 сочиненія или по 6 въ годъ, что за послѣднее полугодіе 1868 г. не подано только два сочиненія, за первое полугодіе 1869 г. по миссіонерскимъ предметамъ не подали сочиненій всѣ студенты, по другимъ предметамъ не подали трое, за второе полугодіе по миссіонерскимъ предметамъ—15, одинъ по исторіи философіи и ни одинъ не подалъ сочиненія по гражданской исторіи. Правленіе постановило: имѣть эти свѣдѣнія въ виду при составленіи списковъ послѣ экзаменовъ 1870 г.. Преосвященный Антоній въ своей резолюціи написалъ: „Объяснить студентамъ, что неисправная подача ими сочиненій есть съ ихъ стороны весьма неблаговидное опущеніе своего долга, очень затрудняющее наставниковъ и вредное для нихъ самихъ, и что при составленіи списковъ это можетъ отозваться для многихъ очень неблагопріятнымъ образомъ. Рекомендовать также и гг. наставникамъ, чтобы они всегда самымъ настоятельнымъ образомъ требовали отъ студентовъ подачи сочиненій въ надлежащіе сроки и о неисправныхъ тогда же доводили до свѣдѣнія о. ректора и инспектора для надлежащаго съ ихъ стороны распоряженія. Мнѣ каза-

(1) Д. внутр. правл. 1868 г. № 83.

лось бы, что простое чувство чести должно бы не допускать студентовъ до какихъ либо съ ними разсчетовъ".

Нарушеніе разныхъ дисциплинарныхъ правилъ успѣло до того вкорениться въ жизни студентовъ, что послѣднимъ не легко было растолковать иногда самыя требованія этихъ правилъ; дѣло доходило, можно сказать, даже до забавныхъ недоразумѣній между ректоромъ и студентами. Замѣчаетъ напримѣръ ректоръ позднимъ вечеромъ, гуляя по саду, огонь въ аудиторіи, котораго не должно было бы въ это время быть даже и въ занятныхъ комнатахъ студентовъ, приходитъ на этотъ огонь и видитъ, что въ аудиторіи сидитъ предъ огаркомъ, прилѣпленнымъ къ партѣ, одинъ изъ лучшихъ студентовъ, усердно занимаясь книгами. Ректоръ дѣлаетъ ему вразумленіе за нарушеніе порядка, горячится, доказываетъ, а студентъ не можетъ и понять, за что ректоръ къ нему привязался, когда его напротивъ слѣдовало бы даже похвалить за его прилежаніе къ наукѣ. Дѣло оканчивается тѣмъ, что оба расходятся, не понявъ другъ друга и крайне другъ другомъ недовольные. Еще обычнѣе подобныя недоразумѣнія были, когда дѣло касалось требованія отъ студентовъ внѣшнихъ приличій. Какъ уроженецъ западнаго края, учившійся и служившій тамъ и въ Петербургѣ, привыкшій къ тамошнимъ, большею частію хорошо выдержаннымъ воспитанникамъ духовныхъ школъ, близко знакомый и съ свѣтскимъ обществомъ, архимандритъ Никаноръ очень часто долженъ былъ возмущаться невоздѣланностію нѣкоторыхъ молодыхъ людей, которые приносили съ собой въ академію привычки и манеры разныхъ семинарскихъ бурсъ и даже, случалось, преувеличенныя подъ вліяніемъ извѣстныхъ идей 60-хъ годовъ, пустившихъ въ моду разныхъ Базаровыхъ и Рахметовыхъ. Онъ преслѣдовалъ небрежность въ одеждѣ, грубыя манеры, неумѣнье прилично стоять, сидѣть, говорить предъ высшими лицами и т. п.. Встрѣтитъ напримѣръ студента, идущаго въ аудиторію безъ галстука съ поднятымъ воротникомъ сюртука, или возмутится тѣмъ, какъ студентъ стоитъ передъ нимъ въ небрежной и неуклюжей позѣ, и сдѣлаетъ ему замѣчаніе, по живости своего характера даже передразнитъ его, а тотъ не можетъ и понять, въ чемъ собственно тутъ дѣло, и послѣ самого же ректора обвинитъ въ мелочности.

Были и болѣе крупныя нарушенія дисциплины, унаслѣдованныя отъ прежней распущенности студенческаго общежитія.

Нѣкоторые студенты слишкомъ часто и во всякое время отлучались изъ академіи, даже во время классовъ и даже на нѣсколько сутокъ. Объ одномъ такомъ студентѣ А. Цвѣтковѣ, казанцѣ, который часто уклонялся отъ молитвы, классовъ и богослуженія и пропадалъ изъ академіи по нѣскольку дней у своихъ родныхъ и знакомыхъ, въ началѣ 1870 г. было заведено правленское дѣло (1). Другой студентъ въ октябрѣ 1869 г. былъ замѣченъ въ каждодневномъ самовольномъ уходѣ изъ академіи по вечерамъ; оказалось, что онъ ходилъ на уроки. Ректоръ сдѣлалъ по этому поводу строгое замѣчаніе на журналѣ, что „находитъ такое хожденіе студентовъ на заработки не соотвѣтствующимъ прямымъ ихъ обязанностямъ по части какъ занятій, такъ и поведенія и отношеній къ установленной въ академіи власти". Въ январѣ (12-го) 1870 г. ректоръ услыхалъ въ студенческихъ помѣщеніяхъ ночью шумъ, отправился узнать, что такое тамъ дѣлается, и, заставъ нѣсколькихъ студентовъ за картами, сдѣлалъ имъ внушеніе „за такое непочтенное, невременное и пустое занятіе"; послѣ этого, по его предположенію, они должны бы были по крайней мѣрѣ сконфузиться; но этого не случилось, напротивъ, по его удаленіи, они продолжали свои непочтенныя занятія, какъ ни въ чемъ не бывало. Это крайне его возмутило и вызвало рѣзкое и строгое замѣчаніе на журналѣ съ угрозой, если подобныя ночныя сборища не прекратятся, усиленія надзора. Этимъ онъ грозилъ неоднократно, но къ особенно усиленному и привязчивому надзору за студентами на самомъ дѣлѣ не любилъ прибѣгать, разсчитывая на ихъ собственную порядочность, и даже намѣренно старался не слишкомъ часто вмѣшиваться въ ихъ дѣла. Его менѣе всего можно было обвинять въ узкой формалистикѣ и мелочности требованій. Во всѣхъ требованіяхъ его проявлялся замѣчательно широкій взглядъ на жизнь и ревность преимущественно о духѣ дисциплины, возведеніе послѣдней къ высокимъ идеямъ общечеловѣческаго развитія и преимущественно къ идеѣ религіозности и церковности во всемъ поведеніи духовнаго воспитанника. Церковность была, можно сказать, чѣмъ-то въ родѣ знамени или девиза въ его административной дѣятельности. Идею церковности онъ внушалъ студентамъ и въ своихъ частныхъ наставленіяхъ имъ съ глазу

(1) Журн. внутр. правл. 31 января 1870 г.

на глазъ, и въ своихъ поученіяхъ, съ которыми не разъ выступалъ въ академическомъ храмѣ. Его витійство дѣлалось особенно одушевленнымъ, когда онъ касался этого любимаго своего предмета.

Не можемъ не привести здѣсь выдержки изъ одной такой его бесѣды, сказанной студентамъ на благодарственномъ молебствіи при окончаніи XIII курса въ 1870 г. (16 іюня) и представляющей собою одинъ изъ самыхъ дорогихъ перловъ его церковнаго витійства (1). Коснувшись призванія воспитанниковъ академіи къ служенію церкви, онъ говорилъ между прочимъ: „Ни одного атома въ вашемъ организмѣ нѣтъ, который не былъ бы церковнымъ и не принадлежалъ бы церкви, какъ собственность, купленная цѣною. Сообразите. Цѣлыя поколѣнія вашихъ отцовъ ѣли хлѣбъ церковный. Въ домахъ родителей вы выросли на хлѣбѣ церковномъ. За тѣмъ воспитаніе въ учебныхъ заведеніяхъ. Сообразите, на чей это счетъ цѣлую четверть человѣческаго вѣка вы жили и получали ваше высшее блистательное образованіе? На счетъ пота и крови, черноты и бѣдности, нравственной скудости и невѣжества чернаго русскаго человѣка—стародавняго крестьянина, всегдашняго неизмѣннаго христіанина. Отъ скуднаго прибытка чернаго труда своего онъ сегодня, завтра и послѣзавтра несетъ на свѣчку въ жертву Богу свой грошъ. Изъ этихъ жертвенныхъ грошей ежегодно составляются сотни тысячъ жертвъ, посвященныхъ Богу и принадлежащихъ церкви. И вотъ въ счетъ этихъ жертвъ съ минуты зарожденія вашего вы росли и выросли и стали носителями умственнаго свѣта, маяками, зажженными во мракѣ ночи... Можно ли послѣ этого кому-либо изъ васъ отрицать то, что вы—народная жертва Богу, что вы собственность церкви до мозга вашихъ костей, что вы куплены потомъ и кровью темнаго русскаго православнаго люда для извѣстной церковной жертвенной цѣли, что вы свѣчка, которую русскій человѣкъ зажегъ святымъ свѣтомъ, и молится на нее, и кланяется, и во время священнослуженія глядитъ на нее и глядя радуется, или плачетъ и умиляется!... Вы—носители народной религіи, свѣточи божественнаго свѣта, который и передъ Богомъ поставленъ горѣть жертвеннымъ пламенемъ чистоты и вѣры, и на людей жертвоприносящихъ отра-

(1) Изд. въ Извѣстіяхъ по Каз. епархіи 1870 г. № 17, стр. 535.

жаться отблескомъ божественной истины и теплотою земной любви и назиданія"... Но легче списать всю эту бесѣду, чѣмъ выбирать изъ нея болѣе выразительныя выдержки.

Съ самаго начала своего ректорства онъ завелъ особенную чинность въ богослуженіи; много содѣйствовалъ къ украшенію академической церкви, къ улучшенію ея бѣдной утвари; заботился объ академическомъ хорѣ и довелъ его до замѣчательнаго совершенства; чтеніе церковное заставилъ вести всѣхъ студентовъ по очереди, для чего предъ каждымъ праздникомъ дѣлалъ письменныя распоряженія въ журналѣ чередныхъ старшихъ, кому изъ студентовъ читать за всенощной, кому за обѣдней, и какія именно чтенія. За опущеніе церковной службы, а также за поздній приходъ въ церковь и ранній выходъ изъ нея и за неблагочинное чтеніе онъ дѣлалъ внушительныя замѣчанія, иногда тоже письменныя на томъ же журналѣ. Одному студенту, который особенно часто огорчалъ ректора своимъ небреженіемъ къ церковному уставу и молитвѣ, за слишкомъ сокращенное чтеніе каѳизмъ на всенощной, какъ за поступокъ, отзывающійся кощунствомъ, былъ объявленъ строжайшій выговоръ съ предостереженіемъ, что, если онъ еще проявитъ что нибудь такое, обнаруживающее его неприличное, отзывающееся нечестіемъ поведеніе, то объ этомъ будетъ сообщено по формѣ правленію академіи. Требованіе благоговѣйнаго отношенія къ богослуженію ректоръ простиралъ и на совершеніе студентами общихъ утреннихъ и вечернихъ молитвъ. Онъ стыдилъ тѣхъ студентовъ, которые не могли выдержать съ должнымъ вниманіемъ даже этихъ 5-минутныхъ молитвъ. Исполненіе молитвенныхъ обязанностей въ одномъ изъ такихъ его замѣчаній называется „обязательнѣйшимъ изъ нравственныхъ долговъ". Въ другомъ такомъ же замѣчаніи въ февралѣ 1869 г., заставъ во время совершенія молитвы двоихъ студентовъ читавшими въ гардеробной комнатѣ газеты, а двоихъ только лишь проснувшимися, онъ высказался, что „возможность проспать молитву ему еще понятна, но что онъ никакъ не ожидалъ встрѣтить и не понимаетъ въ студентѣ способности заниматься чтеніемъ газетъ, когда за стѣной поютъ и читаютъ утреннюю молитву, продолжающуюся не болѣе 5 минутъ". Фактъ такого невниманія къ молитвенному долгу поражалъ его, очевидно, не съ формальной только своей стороны, а какъ выраженіе слабости въ студентѣ чувства религіозности и церковности, и съ этой точки зрѣнія

онъ нѣсколько разъ потомъ указывалъ на этотъ случай, который, при прежнемъ, исключительно дисциплинарномъ взглядѣ на дѣло, обратилъ бы на себя вниманіе преимущественно, какъ проявленіе одной только лѣности и неисправности студента.

Случаи подобнаго рода возмущали его до того, что, не любя заводить формальныхъ дѣлъ о проступкахъ студентовъ и больше только угрожая имъ этой мѣрой, какъ крайней, онъ раза три писалъ о такихъ случаяхъ весьма суровыя записки въ правленіе, рѣшительно выставляя въ нихъ такихъ неблагоговѣйныхъ и нецерковныхъ студентовъ, какъ людей, не достойныхъ учиться въ академіи. Въ запискахъ этихъ припоминались и всѣ прежніе случаи, въ которыхъ проявлялась въ виновномъ таже дурная черта, и давалась полная его характеристика. Тутъ же возмущеннымъ начальникомъ припоминались иногда замѣченные имъ случаи и другаго рода студенческихъ проступковъ, отъ оглашенія которыхъ онъ до поры до времени сдерживался. Въ 1870 г. былъ одинъ случай, исключительный въ лѣтописяхъ студенческой жизни. Одинъ студентъ XIII курса, отличавшійся слабостью къ вину, изъ-за которой нерѣдко стыдились его сами товарищи, не удержался отъ этой слабости даже во время говѣнья студентовъ на страстной недѣлѣ, отъ котораго онъ уклонился, и во время самой причастной литургіи оказался въ больницѣ совсѣмъ въ изнеможеніи. Узнавъ объ этомъ, ректоръ до того былъ пораженъ, что взволнованный, въ слезахъ, немедленно отправился съ докладомъ къ самому владыкѣ и едва могъ успокоиться. Дѣло пошло чрезъ правленіе. Ректоръ представилъ при этомъ правленію на разсужденіе проступки еще четверыхъ студентовъ, о которыхъ раньше этого не хотѣлъ было докладывать, какъ о людяхъ еще довольно терпимыхъ. Главнаго виновника правленіе нашло совершенно нетерпимымъ въ академіи и оставило при ней пока только въ виду близкаго окончанія въ томъ же году курса, при которомъ поведеніе его опредѣлено было представить вниманію конференціи академіи; другимъ 4-мъ студентамъ положено было сдѣлать строжайшее внушеніе (1). Въ своей резолюціи на журналѣ правленія отъ 13 мая преосвященный Антоній написалъ: „Крайне прискорбно, что не было прежде упо-

(1) Журн. правл. 28 апр. 1870 г.

треблено мѣръ къ предупрежденію самой возможности проступковъ, подобныхъ прописаннымъ въ запискѣ о. ректора, и такъ какъ мѣры исправительныя въ отношеніи къ воспитанникамъ, оканчивающимъ уже курсъ, теперь, по краткости времени, имѣть мѣста уже не могутъ, то и понадобились мѣры карательныя. Подвергнуть поименованныхъ студентовъ самому внимательному наблюденію, дабы они въ настоящее краткое время, остающееся до вакаціи, не могли дозволить себѣ повторенія чего либо похожаго на учиненное ими безчиніе, а тѣмъ паче своимъ примѣромъ оказать вредное вліяніе на другихъ,—дать имъ возможность держать предстоящіе экзамены, но по окончаніи оныхъ немедленно велѣть имъ удалиться изъ академіи и изъ города въ тѣ епархіи, откуда они родомъ, и затѣмъ сужденіе о дальнѣйшей ихъ участи предоставить конференціи, которая имѣетъ, по надлежащемъ соображеніи ихъ способностей, успѣховъ, и особенно поведенія и нравственнаго ихъ характера за весь курсъ академическаго ученія, опредѣлить со всею справедливостью и предусмотрительностію, какъ должно поступить съ ними, наипаче же съ О... На будущее время можно рекомендовать правленію академіи принять рѣшительныя мѣры, чтобы личности, могущія доводить себя до такой крайней степени ненравственности, не были терпимы долго въ академіи, а заблаговременно были удаляемы изъ оной для ея собственной чести".

Но мы уже сказали, что фактъ этотъ былъ исключительный въ исторіи казанской академіи. Въ общемъ теченіи студенческой жизни при архимандритѣ Никанорѣ, сравнительно съ печальными для всѣхъ учебныхъ заведеній 1860-ми годами, виденъ былъ уже значительный поворотъ къ лучшему, что замѣтилъ въ своемъ отчетѣ по ревизіи 1868 г. и преосвященный Антоній. Общія обычныя отношенія ректора къ студентамъ носили весьма благодушный и гуманный характеръ. Онъ держался къ нимъ очень близко и былъ лично знакомъ съ характеромъ каждаго изъ нихъ. Близкое знаніе ихъ талантовъ дало ему возможность выдвигать достойныхъ изъ нихъ впередъ. Изъ XIII курса онъ сдѣлалъ прекрасный выборъ пятерыхъ новыхъ доцентовъ для академіи, которые скоро выдвинулись изъ среды многихъ, даже послужившихъ уже наставниковъ академіи;—это были: Ѳ. А. Кургановъ, Н. Ѳ. Красносельцевъ, Д. В. Гусевъ, А. В. Вадковскій и Н. И.

Остроумовъ; слѣдующій XIV курсъ далъ еще прекрасныхъ доцентовъ П. А. Милославскаго и В. В. Зефирова. Въ жизни студентовъ все эстетическое, благородное находило со стороны ректора добрую оцѣнку и поощреніе. Его содержательныя бесѣды съ ними на-долго запечатлѣвались въ памяти. „Онъ завелъ обычай, разсказываетъ авторъ упомянутыхъ воспоминаній, чтобы послѣ всенощной по субботамъ у него собирались нѣсколько студентовъ, которые особенно нравились ему по благовоспитанности. Предметомъ ревности это отличіе отнюдь впрочемъ не было. Все-таки дѣловитость цѣнилась наиболѣе всего". Ректоръ, какъ мы уже видѣли, привлекалъ студентовъ и къ участію въ общихъ праздникахъ академической корпораціи. Разсказывая о выдачѣ студентамъ на Пасху 25 руб., тотъ же авторъ говоритъ: „Спасибо сказали ректору отъ души. Не подачка нравилась, а это человѣческое, доброе отношеніе къ своимъ подчиненнымъ". Не съ одними наставниками, но и со студентами онъ раздѣлилъ свою радость и по случаю полученія докторскаго креста. При поздравленіи студентовъ въ своей откровенной бесѣдѣ съ ними онъ говорилъ съ ними о своей прежней жизни, о томъ, что выстрадала его открытая, впечатлительная душа во время службы отъ различныхъ лицъ. Было время, что онъ опасался за свое положеніе. Человѣкъ устоялъ, Богъ его подкрѣпилъ, да и люди поддержали. „Все это въ высшей степени памятно теперь, прибавляетъ авторъ: такъ памятно, что я какъ будто только вчера все это слышалъ. Странное дѣло, содержаніе лекцій почти не помнишь, но какъ скоро человѣкъ обращается ко мнѣ съ живымъ словомъ, припоминаешь, спустя долгое время, всѣ мельчайшія обстоятельства подобныхъ рѣчей. Къ больнымъ, несчастнымъ студентамъ онъ относился участливо и сердобольно, какъ добрый и сердечный человѣкъ. На его рукахъ (буквально) умеръ не одинъ воспитанникъ въ теченіе его долгой служебной жизни по учебнымъ заведеніямъ". Не удивительно, что между студентами о немъ сохранилась такая же добрая память, какъ и между наставниками. Нѣкоторые изъ нихъ, особенно изъ оставшихся послѣ него доцентовъ, до послѣдняго времени сохранили личныя съ нимъ связи, поддерживая ихъ перепиской. Нѣкоторымъ изъ нихъ онъ явился настоящимъ благодѣтелемъ, а дѣтямъ, сиротамъ одного умершаго изъ нихъ, до послѣдняго времени помогалъ денежными посылками.

Представители инспекціи при ректорѣ Никанорѣ съ своей стороны держались тѣхъ же началъ гуманности, семейной близости къ студентамъ и довѣрія къ ихъ благородству и благоразумію. Архимандритъ Владиміръ служилъ при немъ не долго. Репутація этого инспектора, какъ прекраснаго начальника, благодаря любившимъ и уважавшимъ его студентамъ, скоро разнеслась и за предѣлы казанской академіи. 10 мая 1869 г. самарская семинарія выбаллотировала его къ себѣ на должность ректора. Въ академіи очень жалѣли такого инспектора. Вѣсть объ его скоромъ переходѣ въ Самару съ неудовольствіемъ принялъ и преосвященный Антоній, цѣнившій его службу при академіи, и 20 мая послалъ отъ себя довольно сильный протестъ противъ его перехода на имя Св. Синода; это былъ первый изъ его нерѣдкихъ послѣ протестовъ противъ новыхъ порядковъ въ преобразованныхъ духовно-учебныхъ заведеніяхъ. Преосвященный высказалъ здѣсь рѣзкое неудовольствіе противъ нѣкоторыхъ сторонъ новаго выборнаго порядка опредѣленія на мѣста начальниковъ и наставниковъ духовно-учебныхъ заведеній, прося Св. Синодъ измѣнить ихъ. О переходѣ архим. Владиміра въ самарскую семинарію, писалъ онъ, не были спрошены ни мѣстный архіерей, ни академія, а между тѣмъ теперь, въ половинѣ академическаго курса, онъ крайне нуженъ на прежней должности, и какъ профессоръ, и какъ инспекторъ; при томъ же онъ недавно только (въ февралѣ 1869 г.) сдѣланъ ординарнымъ профессоромъ и долженъ былъ бы за это нѣсколько времени прослужить академіи; недавно, тоже безъ всякаго спроса мѣстнаго начальства, выбыли два наставника и изъ семинаріи, приславъ только извѣстіе о себѣ, что болѣе не будутъ служить при казанской семинаріи. Такой порядокъ, по словамъ преосвященнаго, противенъ всѣмъ принципамъ правильной администраціи: высшее начальство можетъ для пользы службы переводить людей даже изъ одного вѣдомства въ другое, но оно при этомъ блюдетъ интересы и того и другаго мѣста ихъ службы; педагогическія же собранія—начальства низшія, а между тѣмъ переманиваютъ людей безъ согласія мѣстныхъ начальствъ послѣднихъ; нужно прежде всякихъ баллотировокъ испрашивать у мѣстныхъ начальствъ согласіе на переводъ отъ нихъ подвѣдомственныхъ имъ служащихъ, и на тѣхъ же условіяхъ принимать и всѣ прошенія объ опредѣленіи на мѣста. Преосвященный находилъ новый порядокъ противнымъ

даже церковнымъ канонамъ, запрещающимъ принимать въ чужія епархіи клирика безъ сношенія съ его епископомъ. Но протестъ этотъ оставленъ былъ безъ вниманія; отъ 10 сентября преосвященному Антонію присланъ былъ указъ Св. Синода, по журналу учебнаго комитета 31 іюля, гдѣ было сказано, что архим. Владиміръ уже утвержденъ Св. Синодомъ на новой должности, и при этомъ разъяснялось, что самарское педагогическое собраніе поступило совершенно правильно, согласно § 24 Высочайше утвержденнаго новаго устава духовныхъ семинарій, что приведенныя преосвященнымъ каноническія правила къ настоящему дѣлу не относятся, потому что говорятъ о клирикахъ приходскихъ церквей, что главные предстоятели церквей по канонамъ всегда могли переводить и клириковъ съ мѣста на мѣсто, даже противъ воли мѣстныхъ епископовъ, а настоящій переводъ архим. Владиміра утвержденъ самимъ Св. Синодомъ; да кромѣ того духовно-учебное вѣдомство, не существовавшее во времена соборовъ, устроено на особыхъ законныхъ же основаніяхъ, и что наконецъ педагогическія собранія семинарій не нарушаютъ полномочій высшей церковной власти, потому что дѣйствуютъ по усмотрѣнію и съ утвержденія своего мѣстнаго архіерея, а въ важнѣйшихъ случаяхъ, при избраніи ректоровъ и инспекторовъ, съ утвержденія самого Св. Синода (1). Ректоромъ самарской семинаріи архим. Владиміръ служилъ до 1875 г., въ которомъ 16 марта рукоположенъ въ епископа,—викарія литовской епархіи (сначала былъ епископомъ брестскимъ, а съ 1881 г. ковенскимъ). Въ 1881 г. 14 мая онъ получилъ самостоятельную каѳедру въ Калугѣ, послѣ кончины приснопамятнаго для казанской академіи преосвященнаго Григорія Митькевича. 21 мая 1888 г. переведенъ оттуда въ Пермь.

Инспекторское мѣсто послѣ него съ 21 іюня занялъ профессоръ *И. П. Гвоздевъ*, исправлявшій инспекторскую должность еще раньше, по смерти Иннокентія до пріѣзда ректора Никанора. Это былъ первый инспекторъ казанской академіи свѣтскаго званія и поступившій на должность по новому уставному порядку, по баллотировкѣ. Св. Синодъ отъ 2 октября утвердилъ его, но замѣтилъ въ своемъ указѣ, что, хотя новый уставъ академій уже и обнародованъ, а въ двухъ академіяхъ даже и введенъ, но въ казанской академіи вмѣстѣ съ москов-

(1) Д. внутр. правл. 1869 г. № 30.

ской его предположено ввести только съ слѣдующаго 1870 г., а потому выборы инспектора произведены преждевременно и неправильно (1). Инспекторскую должность онъ правилъ все время ректорства архим. Никанора и при новомъ академическомъ уставѣ. Онъ оставался на инспекторствѣ все тѣмъ же кроткимъ и незлобивымъ человѣкомъ, застѣнчиво стѣснявшимся предъ каждымъ студентомъ, какимъ былъ прежде на должности помощника инспектора. Когда ему нужно было сдѣлать студентамъ какое нибудь замѣчаніе, онъ долго передъ этимъ переминался съ ноги на ногу, прикашливалъ, тяжко и глубоко вздыхалъ; это была для него чистѣйшая пытка. Онъ скорѣе пройдется бывало лишній разъ по корридору или, глубоко вздыхая и придерживая лѣвой рукой бортъ сюртука, простоитъ съ полчаса гдѣ нибудь, въ углу, при входѣ въ студенческій корридоръ, чѣмъ скажетъ прямо, чтобы студенты напр. не шумѣли; но, замѣтивъ одно его появленіе въ верхнемъ корридорѣ, они сами сейчасъ же притихали и прекращали всякіе безпорядки, потому что всѣ чувствовали, что, если онъ уже пришелъ, такъ значитъ не даромъ, что, должно быть, уже сильно его обезпокоили. Они очень его любили и, на сколько могли, всячески старались спасать его отъ лишнихъ тревогъ и непріятностей, какія могли причинять ему своими проступками; тѣмъ не менѣе онъ постоянно тяготился своей инспекторской должностью, совершенно не сродной его думчивому и смиренному характеру, да не совсѣмъ подходившей и къ его разстроенному здоровью, и въ началѣ $187^{2}/_{3}$ учебнаго года подалъ просьбу объ увольненіи отъ нея, не дослуживъ даже 4-хъ лѣтъ, на которыя былъ избранъ. Въ послѣднее время онъ началъ сильно слабѣть въ своемъ здоровьѣ, отказывался отъ всѣхъ административныхъ должностей, предоставляя ихъ младшимъ своимъ сослуживцамъ, и менѣе, чѣмъ черезъ годъ послѣ отказа отъ инспекторства, скончался (6 августа 1873 г.). Помощникомъ инспектора до введенія новаго устава былъ профессоръ *Н. И. Ивановскій*.

По правленской части ректоръ Никаноръ былъ строгимъ блюстителемъ законности и старался избѣгать всякихъ проявленій произвола. Засѣданія правленія собирались при немъ неопустительно и дѣла дѣлались непремѣнно съ общаго со-

(1) Д. 1869 г. № 39.

гласія членовъ, ректора, инспектора, экономa и изъ профессоровъ П. Знаменскаго, поступившаго въ члены правленія еще при ректорѣ Иннокентіи. Секретаремъ правленія все время до новаго устава былъ баккалавръ *В. В. Миротворцевъ*. По внѣшнему правленію и конференціи съ марта 1867 г. служилъ секретаремъ баккалавръ А. И. Гренковъ, но въ концѣ іюня 1868 г. послѣ закрытія внѣшняго правленія, оставшись секретаремъ только конференціи, отказался отъ должности. Послѣ этого правленіе 3 іюля рѣшило присоединить дѣлопроизводство конференціи къ обязанностямъ секретаря правленія и такимъ образомъ баккалавръ Миротворцевъ остался единственнымъ секретаремъ въ академіи. Вскорѣ ему предоставлено было исправленіе и должности экономa.

По увольненіи отъ экономской должности священника Полетаева (3 сентября 1868 г.) преосвященный Антоній отъ 17 ноября самъ предложилъ въ экономы вдоваго священника пригорода Арска *Павла Петровича Соколова* (1) изъ кончившихъ курсъ казанской семинаріи. Священникомъ въ Арскѣ онъ былъ съ 1853 г.; въ 1855 г. былъ учителемъ въ тамошнемъ приходскомъ училищѣ. Онъ былъ человѣкъ умный, вполнѣ честный, но мало расторопный для экономской должности. Между тѣмъ экономія академіи, кромѣ того, что въ послѣднее время была значительно запущена, и сама по себѣ находилась въ опасномъ положеніи вслѣдствіе накопившихся въ ней съ теченіемъ времени громадныхъ дефицитовъ и вслѣдствіе крайней недостаточности ея скудныхъ средствъ при возросшей на все дороговизнѣ. Ректоръ Никаноръ засталъ ее уже въ полномъ экономическомъ кризисѣ, особенно по статьямъ содержанія дома и студентовъ, такъ что въ первый же годъ вынужденъ былъ просить Св. Синодъ о сверхсмѣтной добавочной ассигновкѣ, представляя, что другихъ средствъ привести экономію академіи въ нормальное состояніе и спасти отъ настоящаго банкротства нѣтъ никакихъ, и Св. Синодъ долженъ былъ согласиться на эту ассигновку, назначивъ для приведенія экономіи въ порядокъ сверхъ смѣты 2700 р. (2). Но дефецитъ былъ гораздо больше этой ассигновки, да единовременное пособіе оказывалось и вообще не достаточнымъ безъ увеличенія самой штатной суммы. Въ обозрѣніи

(1) Д. 1868 г. № 21.
(2) Д. 1868 г. № 82.

экономической части мы еще должны будемъ говорить объ этомъ предметѣ особо. Между тѣмъ впереди предстояли новые большіе расходы по ремонту академическихъ зданій, дошедшихъ до крайней запущенности вслѣдствіе того, что академія давно уже не въ состояніи была производить надлежащаго имъ исправленія. Въ 1869 г. ректоръ подалъ объ этомъ въ правленіе особую, очень сильно написанную записку, съ указаніями которой вполнѣ согласился и преосвященный Антоній. Не говоримъ уже о томъ, что въ скоромъ времени предстояло дорого стоющее приспособленіе академическихъ зданій къ требованіямъ новаго устава: правленіе разсчитывало въ этомъ дѣлѣ уже на особое воспособленіе изъ суммъ духовно-учебнаго капитала. При множествѣ настоятельныхъ потребностей и при крайней недостаточности штатныхъ суммъ, въ экономіи академіи дорога была каждая копѣйка и со стороны эконома требовалась особенная опытность и распорядительность. Новый экономъ и самъ скоро увидалъ, что веденіе сложнаго хозяйства академіи и особенно письменной части по экономіи, требующей и навыка и особеннаго такта, дѣло трудное и превышающее его силы. Въ августѣ 1869 г. канцелярія сдѣлала нѣсколько замѣчаній на составленный имъ экономическій отчетъ, касавшихся главнымъ образомъ нѣкоторыхъ формальныхъ опущеній и неточностей (1);—21 августа правленіе потребовало отъ него слѣдовавшихъ по этимъ замѣчаніямъ исправленій; но онъ предпочелъ вмѣсто того подать прошеніе объ отставкѣ. Это сдѣлано было такъ неожиданно, что правленіе, за недостаткомъ нужнаго на его мѣсто кандидата, очутилось даже въ затрудненіи и должно было возложить экономскія обязанности временно на своего секретаря Миротворцева, придавъ ему въ помощь при другихъ его обязанностяхъ, какъ секретаря правленія и конференціи, одного изъ письмоводителей, студента А. Метаніева (2). Студентъ этотъ послѣ окончанія курса намѣчался ректоромъ на экономскую должность, которая по новому уставу должна была сдѣлаться самостоятельною, съ особымъ штатнымъ окладомъ. Съ $18^{70}/_{71}$ учебнаго года онъ дѣйствительно на нее и поступилъ.

---

(1) Д. 1869 г. № 85.
(2) Д. 1869 г. № 40.

Однимъ изъ самыхъ непріятныхъ эпизодовъ въ управленіи экономической частью были непріятности съ поставщикомъ дровъ и подрядчикомъ по строительной части, купцомъ Д.., который остался при академіи тяжелымъ наслѣдствомъ послѣ ректора Иннокентія. Въ декабрѣ 1868 г. въ правленіи возникло безпокойное дѣло о поставкѣ имъ дровъ на 1869 г.. По запискѣ экономa о дурномъ качествѣ этихъ дровъ, правленіе сдѣлало Д... выговоръ, но онъ ограничился только грубымъ заявленіемъ: „Покупайте сами, лучше во всей Казани не найдете“, и продолжалъ поставлять дрова такого же качества. 14 декабря правленіе собралось для обсужденія этого дѣла во второй разъ въ усиленномъ составѣ, пригласивъ въ засѣданіе профессоровъ Гвоздева и Соколова и самого поставщика. Засѣданіе было горячее; Д... принесъ въ правленіе два здоровенныхъ полѣна и, положивъ ихъ предъ зерцаломъ, божился, что это не дрова, а сахаръ. Послѣ долгихъ споровъ и указаній правленія, кромѣ дурнаго качества дровъ, еще на грубость ихъ возчиковъ и на дурную кладку, онъ долженъ былъ наконецъ дать обѣщаніе исправить недостатки своей поставки, но, разумѣется, не исполнилъ этого обѣщанія Когда дурныя дрова стали останавливать у воротъ, возчики насильно врывались на дворъ, даже вечеромъ, когда ничего не было видно и дрова принимать было не возможно, поднимали шумъ и перебранки съ экономомъ и комиссаромъ, кричали не разъ на самого ректора, выходившаго на гвалтъ, и самовольно складывали дрова, гдѣ имъ было угодно, даже просто сбрасывали, какъ попало. Самъ поставщикъ не показывалъ глазъ, не смотря на всѣ приглашенія, не посылалъ даже довѣреннаго. Между тѣмъ къ началу января старыя дрова были уже на исходѣ и нужно было приступать къ расходованію новыхъ. Въ виду такой крайности правленіе 2 января наняло въ счетъ поставщика особаго сортировальщика вновь поставленныхъ дровъ съ тѣмъ, чтобы нѣкоторую часть годныхъ изъ нихъ онъ переложилъ, какъ слѣдуетъ, для употребленія. Переложено было 395 саженъ за 57 руб. 65 коп.. Д... пока молчалъ, хотя чрезъ своихъ людей самъ наблюдалъ за всѣмъ ходомъ перекладки. Вдругъ, уже по окончаніи ея и при свидѣтельствованіи переложенныхъ дровъ правленіемъ на академическомъ дворѣ, заявилъ, что за эту перекладку дровъ платить онъ не намѣренъ, потому что правленіе не спросило на нее его согласія,

да и произведена она неправильно,—каждая сажень сложена на вершокъ выше и на четверть шире, просилъ выдать ему за 395 саженъ деньги и залогъ и освободить его отъ всѣхъ дальнѣйшихъ обязательствъ по контракту. Правленіе, конечно, не могло на это согласиться въ виду явнаго ущерба для казны, о чемъ тутъ же и заявило ему, указавъ между прочимъ и на то, что залогъ и безъ того взятъ съ него въ крайне маломъ количествѣ, всего 200 р. вмѣсто 600 р., такъ что его нужно бы даже еще увеличить. „А вы чего смотрѣли? Надо было брать тогда," азартно возразилъ онъ и началъ горячую перебранку. Правленіе, писалось послѣ въ журналѣ, сочло „неприличнымъ заактовывать рѣчи Д.., здѣсь (на дворѣ) громко при всѣхъ сказанныя, рѣчи раздраженныя, неумѣстныя, законченныя наконецъ послѣднѣйшимъ изъ площадныхъ ругательствъ. Въ половинѣ этой выходки, опасаясь дальнѣйшихъ и большихъ крайностей, ректоръ поспѣшилъ уйти. Тогда Д...., изругавшись на дворѣ, пошелъ въ квартиру ректора и, не допущенный келейникомъ, тѣмъ не менѣе ворвался къ ректору и кричалъ: „научите же меня, что мнѣ надо дѣлать", вслѣдствіе чего ректоръ вынужденъ былъ затвориться въ кабинетѣ, сказавъ, чтобъ Д.., если угодно, обратился къ секретарю правленія". Послѣ этого 17 янв. правленіе постановило произвести въ счетъ Данилова перекладку всѣхъ поставленныхъ дровъ, не обращая вниманія на его протестъ, на основаніи 2 и 5 пунктовъ самаго контракта, заключеннаго имъ съ правленіемъ, разрѣшить ему свезти неудовлетворительныя дрова со двора и извѣстить его, что правленіе не находитъ возможнымъ ни уволить его отъ контракта, ни выдать залога и платы за поставленныя дрова, пока онъ не обезпечитъ академію поставкой назначеннаго въ контрактѣ количества совершенно доброкачественныхъ дровъ, тѣмъ болѣе что и принятыя 375 саж. оказываются при тонкѣ неудовлетворительными. Письменный протестъ Д... отъ 26 янв. тоже остался безъ удовлетворенія. 15 февраля Д... наконецъ подалъ прошеніе принять у него поставленныя къ этому времени 412 саж. дровъ по контрактовой цѣнѣ (сажень сосновыхъ дровъ 3 рубля, березовыхъ 4 р. 30 коп.), а остальныя, сколько окажется ихъ въ перекладкѣ, по 2 руб. и освободить его отъ контракта. Послѣднихъ дровъ оказалось 177 саженъ. Правленіе уплатило и уволило его отъ контракта (1). Но

(1) Д. 1868 г. № 80.

отдѣлаться отъ него совсѣмъ не удалось и послѣ этого. При послѣдовавшихъ вскорѣ въ академіи перестройкахъ, по случаю введенія новаго устава возникли новыя съ нимъ непріятности, потому что подрядъ на эти постройки по торгамъ весь остался за нимъ же, не смотря на все нежеланіе правленія и ректора.

Не смотря на подобныя явленія и на крайній недостатокъ средствъ, экономія академическая, при распорядительности ректора Никанора, шла все-таки весьма удовлетворительно; для ея улучшенія было сдѣлано все, что было возможно. Академія замѣтно пообчистилась и принарядилась, такъ что могла достойно принять Высокихъ Царственныхъ Гостей, которые удостоили ее тогда своимъ посѣщеніемъ. Эти Высочайшія посѣщенія составляютъ самую радостную страницу въ исторіи казанской академіи въ ректорство архим. Никанора. Въ 1868 г. 19 мая въ 4 часа пополудни академія осчастливлена была посѣщеніемъ Великаго Князя Алексѣя Александровича, который соблаговолилъ при этомъ вписать въ особой памятной книгѣ академіи Свое августѣйшее имя(¹). 17 іюля 1869 г. ей выпало на долю необычайное счастіе принять разомъ трехъ Высочайшихъ Особъ,—Государя Наслѣдника, нынѣ благополучно царствующаго Государя Императора Александра Александровича, супругу Его Государыню Цесаревну Марію Ѳеодоровну и вторично Великаго Князя Алексѣя Александровича. Царственные Посѣтители пріѣхали въ академію вечеромъ около 8 часовъ и восторженно приняты были вмѣстѣ съ академической корпораціей преосвященнымъ Антоніемъ, пожелавшимъ участвовать въ общей радости любимой имъ академіи. Въ академической церкви, куда были направлены первые шаги благовѣрныхъ членовъ благовѣрнаго царственнаго семейства, Государь Наслѣдникъ благоволилъ изрѣчь дорогія для академіи слова, тогда же записанныя ректоромъ Никаномъ въ память всѣмъ будущимъ поколѣніямъ академіи: „Это первая духовная академія, которую Я посѣщаю“. Одинъ изъ студентовъ, кавказецъ, по своей южной восторженности, не утерпѣлъ и радостнымъ восклицаніемъ: „мы счастливы, мы счастливы“, выразилъ то, что въ это время было у всѣхъ на душѣ. Царственные Гости были въ библіотекѣ академіи, въ библіотекѣ руко-

(¹) Д 1868 г. № 39.

писей, въ аудиторіяхъ, въ физическомъ кабинетѣ, гдѣ удостоили вниманіемъ разные замѣчательные предметы и между прочимъ милостиво приняли скромныя произведенія академической фотографіи; въ библіотекѣ они начертали свои августѣйшія имена въ памятной книгѣ; при отшествіи изъ академіи Государь Наслѣдникъ благосклонно принялъ отъ академіи преподнесенныя Его Высочеству нѣкоторыя важнѣйшія изданія академіи (Дѣянія вселенскихъ соборовъ 4 тома, Сочиненіе Максима Грека и Стоглавъ) „на память“, какъ Онъ изволилъ выразиться. По отъѣздѣ Высочайшихъ посѣтителей преосвященный Антоній и всѣ служащіе въ академіи собрались въ квартирѣ ректора для обмѣна радостныхъ впечатлѣній. Перо, которымъ Ихъ Высочества вписывали Свои имена въ памятной книгѣ академіи, и стулъ, на которомъ изволила сидѣть въ академической библіотекѣ Государыня Цесаревна, рѣшено сохранить въ той же библіотекѣ на всегдашнюю память съ приличными надписями. Они и хранятся въ ней доселѣ. Ректоръ Никаноръ написалъ объ этомъ посѣщеніи восторженную статью въ Православномъ Собесѣдникѣ (1).

Этимъ можемъ закончить обозрѣніе дѣятельности внутренняго правленія академіи при дѣйствіи стараго устава. Въ 1870 г. архим. Никанору пришлось вводить въ академію новый уставъ и впервые заводить механизмъ новой академической администраціи.

Обратимся къ обозрѣнію и другихъ административныхъ учрежденій при прежней академіи,—академической конференціи и внѣшняго или окружнаго правленія.

II. АКАДЕМИЧЕСКАЯ КОНФЕРЕНЦІЯ.

Учрежденіе конференцій при духовныхъ академіяхъ составляло существеннѣйшую часть прежней системы духовно-учебнаго управленія, выработанной комитетомъ 1808 г.. Оно состояло въ тѣсной связи съ созданіемъ духовно-учебныхъ округовъ, подчиненныхъ академіямъ, и въ ближайшемъ соотвѣтствіи съ учрежденіемъ бывшей коммиссіи духовныхъ училищъ, этой ученой коллегіи при Св. Синодѣ, которой ввѣрено было высшее завѣдываніе всѣми духовными школами имперіи и духовнымъ просвѣщеніемъ вообще. Создавъ духовно-

(1) Д. 1869 г. № 52. Прав. Собесѣдн. 1869 г. ч. III, 380—389.

учебные округи, комитетъ 1808 г. подчинилъ ихъ по управленію не непосредственно самимъ академіямъ, которыя, какъ школы, хотя и высшія, были чужды административной дѣятельности по самому своему назначенію, при томъ же не могли обладать и достаточною для этой дѣятельности компетентностію, а особымъ, только состоявшимъ при академіяхъ, ученымъ коллегіямъ изъ ученыхъ особъ, какъ духовныхъ, такъ и свѣтскихъ, находящихся въ академическомъ городѣ, въ томъ числѣ и ученыхъ членовъ самой академической корпораціи;— эти коллегіи и были названы академическими конференціями. Такимъ образомъ конференціи эти были выраженіемъ того же учено-коллегіальнаго начала администраціи въ области духовнаго просвѣщенія, по которому была устроена и сама коммиссія духовныхъ училищъ, только перенесеннаго изъ центра учебнаго управленія въ управленіе окружное. Онѣ подчинены были самой коммиссіи духовныхъ училищъ и получали отъ нея наибольшую долю своей административной компетентности.

Казанская академія явилась на свѣтъ уже послѣ того, какъ при оберъ-прокурорѣ Св. Синода графѣ Протасовѣ все это устройство духовно-учебной администраціи было искажено новыми скороспѣлыми реформами и, вмѣсто ученой коммиссіи духовныхъ училищъ, состоявшей изъ высшихъ ученыхъ іерарховъ и нѣкоторыхъ ученыхъ свѣтскихъ лицъ и пользовавшейся полнымъ уваженіемъ со стороны какъ представителей церковной іерархіи, такъ и представителей духовной учености, во главѣ учебной администраціи поставлено было духовно-учебное управленіе, имѣвшее не ученый, а канцелярскій характеръ и вносившее въ самую эту администрацію чуждые ей, чиновничьи элементы. Не имѣя ученаго и вообще духовнаго характера, новое управленіе духовно-учебнымъ вѣдомствомъ по разнымъ спеціальнымъ, ученымъ и учебнымъ дѣламъ этого вѣдомства само должно было постоянно обращаться къ помощи подчиненныхъ ему лицъ и учрежденій, особенно при разсмотрѣніи разныхъ сочиненій и при удостоеніи разныхъ лицъ ученыхъ степеней, а для поддержанія своей компетентности въ административныхъ отношеніяхъ, касавшихся не одной мизерной школьной братіи, но и самихъ іерарховъ русской церкви, старалось подкрѣплять свои полномочія чисто фиктивной связью ихъ съ властію Св. Синода, связью, которая въ сущности только и держалась на томъ, что духовно-учебное управленіе числилось состоящимъ при

Св. Синодѣ. — Конференціи академій остались очевидно безъ главы и стали быстро терять свое прежнее значеніе, потеряли со временемъ даже самое сознаніе этого значенія и обратились въ чисто школьныя учрежденія, въ которыхъ, какъ въ школьныхъ правленіяхъ, всѣ дѣла дѣлались однимъ ректоромъ. Такъ называемые послѣ, посторонніе члены ихъ изъ мѣстныхъ ученыхъ, присутствіе которыхъ въ ихъ составѣ составляло такую существенную черту ихъ устройства по первоначальной идеѣ, стали имъ даже помѣхой при чисто школьномъ веденіи дѣлъ и начали изъ нихъ вытѣсняться. Въ 1860-хъ годахъ, когда поднялся вопросъ о преобразованіи духовныхъ школъ, въ казанской академической конференціи большинство голосовъ было именно за полное вытѣсненіе этихъ постороннихъ членовъ и за образованіе всего состава конференціи изъ однихъ академическихъ членовъ.

Общей обязанностью конференціи было распространять и поощрять ученость въ духовенствѣ ввѣреннаго ей округа; въ частности ея вѣденію подлежали: цензура духовныхъ сочиненій въ округѣ, производство экзаменовъ въ академіи и производство въ ученыя академическія степени; кромѣ того, ея сужденію предлагались разные ученые и учебные вопросы по предписаніямъ высшаго начальства, по предложеніямъ мѣстнаго архіерея, какъ ея предсѣдателя, и по представленіямъ правленія самой академіи Собранія ея были: а) общія изъ всѣхъ членовъ — для публичныхъ экзаменовъ и производства въ ученыя степени, б) частныя изъ однихъ академическихъ членовъ — для производства внутреннихъ экзаменовъ и обсужденія разнаго рода дѣлъ по порученіямъ начальства и в) одно торжественное въ день академическаго публичнаго акта.

Конференція казанской академіи образовалась немедленно по прибытіи въ академію лицъ, назначенныхъ на профессорскія должности и ставшихъ ея членами по самымъ этимъ должностямъ. Ихъ было очень мало,— всего ректоръ, инспекторъ и три профессора, изъ которыхъ проф. Гусевъ былъ секретаремъ конференціи. Въ такомъ составѣ конференція имѣла свое первое торжественное засѣданіе 8 ноября 1842 г. при актѣ открытія академіи. Въ томъ же составѣ собралась она и на первое общее собраніе 26 марта 1843 г. для восполненія своего состава дѣйствительными членами изъ мѣстнаго ученаго духовенства и членами почетными изъ высшихъ

духовныхъ и свѣтскихъ особъ, извѣстныхъ любовію къ наукѣ и ученостію. Согласно ея избранію и ходатайству, Св. Синодъ отъ $\frac{16 \text{ іюня}}{19 \text{ іюля}}$ 1843 г. въ число первыхъ дѣйствительныхъ ея членовъ изъ мѣстнаго духовенства опредѣлилъ:

1) Ректора казанской семинаріи архим. *Климента* (Можарова), магистра петербургской академіи 1831 г., служившаго при этой академіи 8 лѣтъ баккалавромъ и экстраорд. профессоромъ, потомъ бывшаго ректоромъ орловской семинаріи, а съ 1843 г. опредѣленнаго въ казанскую семинарію (1); 2) архимандрита Свіяжскаго монастыря *Мартирія* (Горбачевича), магистра кіевской академіи 1829 г., до своего опредѣленія въ 1842 г. въ Свіяжскій монастырь служившаго въ наставническихъ должностяхъ при кіевской семинаріи и петербургской академіи, потомъ (съ 1831 г.) ректоромъ пермской семинаріи, наконецъ (съ 1840 г.) настоятелемъ Задонскаго монастыря, большаго знатока еврейскаго и классическихъ языковъ (2); 3) архимандрита казанскаго Іоанновскаго монастыря *Даніила* (Сивиллова), съ 1819 по 1821 г. бывшаго членомъ пекинской миссіи, человѣка не полнаго семинарскаго образованія, но замѣчательнаго ученаго, знатока китайскаго и монгольскаго языковъ и китайскихъ вѣроученій, съ 1837 г. служившаго при казанскомъ университетѣ ордин. профессоромъ китайскаго языка (3), и 4) протоіерея каѳедр. собора *Флегонта Тихон. Талантова*, кандидата II к. московской академіи (1820 г.), преподававшаго въ казанской семинаріи сначала гражданскую, потомъ церковную исторію (до 1847 г.) и состоявшаго около 14 лѣтъ (1823—1837 гг.) преподавателемъ церковной исторіи въ казанскомъ университетѣ (4). Конференція представила тогда же въ число своихъ членовъ еще пятаго мѣстнаго уче-

---

(1) Въ 1850 г. выбылъ изъ Казани въ ректоры тверской семинаріи и пересталъ быть членомъ конференціи. Въ 1856 г. возвратился по болѣзни на покой въ Спасскій монастырь и здѣсь скончался въ 1863 г..

(2) Скончался 19 ноября 1873 г. Некрологъ см. въ Прав. Соб. 1874 г. I, 117.

(3) Отъ него остались рукописные переводы съ китайскаго языка, китайская христоматія и лексиконъ и одинъ печатный переводъ: Драгоцѣнное зеркало для просвѣщенія ума. См. Обзоръ дух. литературы преосв. Филарета. Для академіи онъ былъ полезенъ при покупкѣ монгольскихъ и китайскихъ книгъ.

(4) Скончался въ 1869 г. протоіереемъ Казанскаго дѣвичьяго монастыря. Некрологъ см. въ Пр. Соб. 1869, II, 89.

наго, архим. Зилантова монастыря *Гавріила* (Воскресенскаго), магистра II к. московской академіи, бывшаго баккалавромъ московской и петербургской академій, ректоромъ въ нѣсколькихъ семинаріяхъ, законоучителемъ 2 казанской гимназіи и профессоромъ богословія и каноническаго права въ казанскомъ университетѣ, извѣстнаго проповѣдника и автора нѣсколькихъ извѣстныхъ сочиненій: обширной Исторіи философіи (ч. I—VI. Каз. 1839—1849), Философіи права (К. 1843), Описанія опытной психологіи (К 1858), Понятія о церковномъ правѣ (1844), Описанія Зилантова монастыря (1840); но при утвержденіи вновь избранныхъ членовъ конференціи Св. Синодъ его пропустилъ, какъ человѣка, бывшаго тогда на дурномъ счету у духовнаго начальства.

Выборъ первыхъ почетныхъ членовъ конференціи, согласно § 289 проекта академическаго устава, Св. Синодъ опредѣленіемъ $\frac{24\ \text{янв.}}{24\ \text{февр.}}$ 1844 г. произвелъ самъ. Были избраны—изъ духовныхъ особъ: члены и присутствующіе Св. Синода *Антоній* митр. новгородскій, *Филаретъ* митроп. кіевскій, *Филаретъ* митроп. московскій, митрополитъ *Іона*, *Никаноръ* архіепископъ варшавскій, *Венедиктъ* архіеписк. олонецкій, *Иліодоръ* епископъ курскій, *Гедеонъ* полтавскій, оберъ-священники *Н. В. Музовскій* и *В. И. Кутневичъ*, епархіальные преосвященные *Іосифъ* литовскій, *Нилъ* иркутскій, *Иннокентій* харьковскій и *Аванасій* винницкій; изъ особъ свѣтскихъ: оберъ-прокуроръ Св. Синода генералъ-адъютантъ графъ *Н. А. Протасовъ*, министръ просвѣщенія д. т. с. *С. С. Уваровъ*, д. т. с. графъ *Д. Н. Блудовъ*, генералъ отъ инфантеріи *С. П. Шиповъ*, т. с. *А. С. Стурдза*, директоръ духовно-учебнаго управленія д. с. с. *А. И. Карасевскій*, управляющій канцеляріей Св. Синода камергеръ д. с. с. *А. И. Войцеховичъ*, директоръ канцеляріи синодальнаго оберъ-прокурора *К. С. Сербиновичъ* и директоръ хозяйств. управленія при Св. Синодѣ д. с. с. *П. М. Новосильскій*.

Кромѣ членовъ, конференція, по уставу, могла имѣть у себя еще корреспондентовъ, которые тоже назывались ея членами. Такихъ членовъ-корреспондентовъ у нея не было до конца 1844 г. Въ этомъ году одинъ изъ дѣйствительныхъ ея членовъ, архим. Даніилъ, былъ перемѣщенъ Св. Синодомъ въ настоятели Посольскаго монастыря Иркутской епархіи и выбылъ изъ конференціи; но послѣдняя, желая воспользоваться его знаніями по монгольской части и получать чрезъ него

нужныя для миссіонерскаго образованія въ академіи книги и свѣдѣнія объ инородческомъ забайкальскомъ народонаселеніи, избрала его своимъ членомъ-корреспондентомъ, въ каковомъ званіи онъ и былъ утвержденъ Св. Синодомъ отъ 12 янв. 1845 г.—Въ началѣ 1849 г. избранъ былъ еще другой членъ-корреспондентъ, священникъ Астраханской епархіи *Василій Матв. Дилигентскій*, состоявшій до 1859 г. при походной церкви для калмыцкихъ улусовъ, ревностный миссіонеръ и хорошій знатокъ калмыцкаго языка, на который онъ перевелъ краткій катихизисъ и нѣсколько молитвъ и пѣснопѣній церковныхъ; онъ снабжалъ академическую библіотеку разными калмыцкими рукописями, какія пріобрѣталъ и заставлялъ списывать во время своихъ разъѣздовъ по калмыцкимъ улусамъ; рѣдкій годъ не присылалось отъ него новыхъ, болѣе или менѣе цѣнныхъ для науки рукописей, стоившихъ ему вѣроятно не малыхъ хлопотъ и издержекъ (1).—Кромѣ этихъ двоихъ членовъ-корреспондентовъ, другихъ академическая конференція не имѣла до самаго своего закрытія.

Восполненіе числа дѣйствительныхъ членовъ конференціи изъ академическихъ профессоровъ началось со времени открытія въ академіи II курса и съ прибытія новыхъ профессоровъ. Составъ этихъ членовъ потомъ измѣнялся сообразно съ измѣненіями въ числѣ профессоровъ ординарныхъ и экстраординарныхъ. Перечислять этихъ членовъ особо нѣтъ никакой надобности. Можно указать здѣсь развѣ одинъ особенный случай назначенія въ члены конференціи одного изъ бакалавровъ, раньше возведенія его въ профессорское званіе. Случай этотъ относится къ 1854 г.; — членомъ въ конференцію назначенъ былъ бакк. іером. *Веніаминъ* Благонравовъ въ уваженіе къ его учености, которую онъ показалъ составленіемъ по своему предмету — церковной исторіи — обширныхъ и отличавшихся богатствомъ свѣдѣній записокъ для студентовъ; Св. Синодъ отъ 29 сент. того же года утвердилъ его въ этомъ званіи (2).

Изъ постороннихъ ученыхъ лицъ, послѣ перваго избранія такихъ лицъ въ члены конференціи въ 1843 г., новое избраніе было произведено въ 1850 г.; отъ 11 сентября, по

(1) См. объ немъ въ брошюрѣ: Краткая исторія Астрах. епархіи, стр. 133—134. Астрах. 1886 г. Въ 1859 г. онъ былъ переведенъ въ г. Красный Яръ. Кончилъ печально, низведенный за свою слабость, развившуюся къ концу его миссіонерской дѣятельности, въ причетники.

(2) Д. конференціи 1854 г. № 9.

избранію конференціи, Св. Синодомъ утвержденъ членомъ ея протоіерей Петропавловскаго (потомъ каѳедральнаго) собора *Викт. Петр. Вишневскій*, магистръ V к. московской академіи, съ 1826 г. служившій при казанской семинаріи профессоромъ философіи, потомъ (1836—1842 гг.) инспекторомъ, съ 1828 г. священствовавшій въ Казани. Съ 1843 г., по увольненіи отъ духовно-училищной службы онъ проходилъ разныя епархіальныя должности,—члена консисторіи, градскаго благочиннаго и, какъ знатокъ чувашскаго и черемисскаго языка, члена учрежденной при казанской епархіи миссіи среди инородцевъ, вообще постоянно былъ самымъ виднымъ епархіальнымъ дѣятелемъ. Онъ былъ извѣстенъ тогда и печатными своими трудами, каковы были: Разсужденіе о дѣйствительной нуждѣ и важности званія и избранія пастырей по извѣстному чину и порядку (противъ квакеровъ) въ Трудахъ воспитанниковъ московской академіи 1826 г., Начертаніе правилъ чувашскаго языка съ словаремъ и статьей о религіозныхъ повѣрьяхъ чувашъ. Академіи онъ всегда оказывалъ большое сочувствіе, много жертвовалъ книгъ для ея библіотеки и вещей для ея кабинетовъ. Конференція надѣялась имѣть въ немъ полезнаго для себя дѣятеля особенно по миссіонерской части и, какъ потомъ оказалось на дѣлѣ, не ошиблась въ въ своихъ надеждахъ (1).

Затѣмъ 13 августа 1854 г. были избраны (27 сентября утверждены) дѣйствительными членами конференціи: преосв. *Никодимъ* епископъ чебоксарскій и протоіерей Воскресенской церкви *Андрей Никит. Іорданскій*, оба магистры московской академіи, первый VII курса, второй X. Протоіерей Іорданскій преподавалъ прежде (1836—1840 гг.) философію въ казанской семинаріи и былъ извѣстенъ въ печати сочиненіемъ о важности положительныхъ средствъ, предлагаемыхъ церковію для спасенія (въ Труд. воспитанниковъ моск. академіи X к. 1836 г.); членомъ конференціи онъ былъ до 1866 г., когда былъ уволенъ отъ этого званія по прошенію (2). Къ 1856 г. былъ избранъ (въ янв. 1857 г. утвержденъ) членомъ ректоръ казанской семинаріи архим. *Иннокентій*, а по переходѣ его въ 1864 г. въ ректоры академіи — преемникъ его по семинарскому ректорству архим.

(1) Д. конфер. 1850 г. № 6. Объ немъ будетъ говорено еще ниже, въ исторіи миссіонерскихъ отдѣленій академіи.

(2) Д. конф. 1854 г. № 9 и 1866 г. № 8. А. Н. Іорданскій скончался протоіереемъ Казанскаго дѣвичьяго монастыря въ 1880 г.

Варсонофій Охотинъ, магистръ V курса казанской академіи. Въ томъ же 1864 г., въ одно время съ архим. Варсонофіемъ, по предложенію ректора Иннокентія, избраны: профессоръ университета священникъ *Александръ Поликарповичъ Владимірскій*, магистръ I к. казанской академіи, служившій въ ней до 1850 г. баккалавромъ, и священникъ клинической при университетѣ церкви *Василій Андреевичъ Ложкинъ*, магистръ V к. казанской академіи, нѣкоторое время тоже состоявшій при ней баккалавромъ (1). Въ 1866 г., послѣ отказа отъ званія члена конференціи протоіерея Іорданскаго, былъ избранъ на его мѣсто (утвержд. 3 авг.) архимандритъ Зилантова монастыря *Іона* (2), наконецъ въ 1867 г. 5 іюля—священникъ Грузинской церкви въ Казани *Андрей Дмитріевичъ Ясницкій*, кандидатъ III курса академіи, извѣстный по своему знанію татарскаго языка (3).

Восполненіе числа почетныхъ членовъ послѣ перваго ихъ избранія въ Св. Синодѣ началось въ 1848 году, когда въ число ихъ вступилъ уволившійся отъ своей каѳедры казанскій преосвященный *Владиміръ*. Затѣмъ, по избранію конференціи, Св. Синодъ опредѣленіемъ отъ 27 сент. 1854 г. утвердилъ въ званіи ея почетныхъ членовъ: преосв. *Евгенія* астраханскаго, *Смарагда* орловскаго и протопресвитера *Василія Борисовича Бажанова*; а опредѣленіемъ отъ 25 окт. 1855 г.—попечителя казанскаго университета генералъ-лейтенанта *Владиміра Порфир. Молоствова* (4). Преемникъ преосв. Владиміра преосв. *Григорій* послѣ своего перевода въ Петербургъ „за неисчислимыя услуги для академіи“, какъ гласило опредѣленіе конференціи, за устроеніе при ней миссіонерскихъ отдѣленій и основаніе академическаго журнала, въ 1857 г. тоже былъ объявленъ почетнымъ членомъ конференціи (5). Послѣднимъ избраніемъ въ почетные члены было въ 1864 г. избраніе высокопреосвященнаго *Исидора*, митрополита новгородскаго, оберъ-прокурора Св. Синода *Алексѣя Петровича Ахматова* и товарища его кн. *Сергѣя Николаевича Урусова*. Послѣдніе двое отказались отъ предложенной имъ чести, объяснивъ въ

(1) Въ 1864 г. при назначеніи архим. Иннокентія ректоромъ академіи въ конференціи было всего 4 члена изъ постороннихъ ученыхъ: архим. Мартирій и протоіереи: Талантовъ, Вишневскій и Іорданскій; теперь стало 7 членовъ.

(2) Д. конф. 1866 г. № 9.

(3) Д. конф. 1867 г. № 9.

(4) Д. конф. 1854 г. № 9 и 1855 г. № 7.

(5) Д. конф. 1857 г. № 6.

своихъ письмахъ на имя ректора, что не чувствуютъ себя оказавшими особыя услуги для духовнаго просвѣщенія и что, кромѣ того, желаютъ служить ему безкорыстно.

Изъ этого перечня членовъ академической конференціи видно, что число дѣйствительныхъ членовъ изъ лицъ, не принадлежавшихъ къ академической корпораціи, ни разу не достигало до 10,—цифры, указанной въ проектѣ устава дух. академій, что было совершенно естественно въ Казани, гдѣ, особенно на первыхъ порахъ существованія академіи, въ ученомъ духовенствѣ ощущался большой недостатокъ. Даже тѣ лица, какія находились для работъ по академической конференціи, не могли быть постоянными и до желательной степени дѣятельными участниками въ этихъ работахъ, потому что были завалены дѣлами по другимъ своимъ должностямъ и епархіальнымъ порученіямъ, которыя во множествѣ возлагались на ихъ же плечи. Поэтому главная тяжесть конференціонныхъ работъ цѣликомъ падала на однихъ членовъ самой академической корпораціи.

Дѣятельность конференціи въ первые годы существованія академіи была, можно сказать, ничтожная. Болѣе трехъ лѣтъ конференція рѣшительно не находила себѣ дѣла и занималась почти однимъ только избраніемъ разныхъ своихъ членовъ, писала объ нихъ представленія, выслушивала опредѣленія объ ихъ утвержденіи, составляла для нихъ латинскіе дипломы ob splendidissima exquisitae eruditionis nec non sincerrimi orthodoxiam sustinendi atque promovendi ardentis studii specimina, honoris gratia, и разсылала по адресамъ, потомъ слушала ихъ благодарственные отвѣты. Въ мартѣ 1843 г. московская конференція сдала было ей одно ученое дѣло — разсмотрѣть написанный ректоромъ пензенскихъ училищъ протоіереемъ Овсовымъ учебникъ по церковному уставу; но дѣло это, хотя и относившееся къ казанскому округу, не было ею принято за неполнымъ еще образованіемъ конференціи (1). Въ слѣдующемъ 1844 г. по той же причинѣ она отстранила отъ себя предложеніе духовно-учебнаго управленія объ изданіи при ней по 2—3 книжки въ годъ учебныхъ записокъ разныхъ преподавателей округа для составленія со временемъ изъ этихъ записокъ крайне нужныхъ для духовныхъ школъ учебниковъ по разнымъ наукамъ (2). До лѣта 1846 г. важнѣйшими ея дѣла-

(1) Д. конф. 1843 г. № 7.
(2) Д. конф. 1844 г. № 4.

ми были: два академическихъ акта 1844 и 1845 годовъ, разсмотрѣніе въ 1844 г. однихъ семинарскихъ записокъ по словесности (тамбовской семинаріи), открытіе въ 1845 г. цензурнаго комитета при академіи, разсмотрѣніе сочиненія о посланіи къ Филиппійцамъ, поданнаго учителемъ вятской семинаріи Стеф. Кашменскимъ на степень магистра, тянувшееся съ іюля 1845 до ноября 1846 г. и кончившееся возведеніемъ автора въ означенную степень уже 18 апрѣля 1847 г., наконецъ разсмотрѣніе въ 1846 г. плана катихизическихъ бесѣдъ, представленнаго протоіереемъ Вишневскимъ, — и только. При окончаніи учебнаго года, лѣтомъ 1846 г., дѣятельность конференціи нѣсколько оживилась по случаю перваго выпуска студентовъ изъ академіи и пріѣзда на ревизію академіи преосв. Аѳанасія винницкаго; и то и другое обстоятельство доставило для ея энергіи небывалую до сихъ поръ массу работы.

Любопытно слѣдить за канцелярской стороной конференціоннаго дѣлопроизводства всего этого времени, представляющей выразительный образчикъ пустобумажной канцелярской фиктивности. Велись, какъ слѣдовало, реэстры входящихъ и исходящихъ бумагъ (до 2 десятковъ въ годъ) и журналы засѣданій (въ 1843 г. всѣхъ 6, въ 1844 и 1845 по 9, въ 1846 цѣлыхъ 16) съ обозначеніемъ, въ какомъ часу засѣданіе началось и кончилось, хотя изъ самаго содержанія журналовъ видно, что на самомъ дѣлѣ никакихъ такихъ засѣданій вовсе не было. Напр. въ 1844 г. конференція собиралась будто бы на 3 засѣданія изъ-за выдачи магистерскаго креста профессору нижегородской семинаріи Конст. Миловидову: въ первомъ изъ этихъ засѣданій 23 сентября выслушала, что К. Миловидовъ посвященъ въ іерея и положила ходатайствовать о высылкѣ ему креста, во второмъ 14 ноября, получивъ присланный изъ Св. Синода крестъ, опредѣлила передать его во внѣшнее правленіе для отсылки въ Нижній Новгородъ, въ третьемъ 30 дек., выслушавъ увѣдомленіе внѣшняго правленія, что крестъ въ Нижнемъ полученъ и на означеннаго профессора возложенъ, опредѣлила донести о томъ оберъ-прокурору и за симъ дѣло сіе почислить конченнымъ. По особому засѣданію конференція имѣла: для назначенія архим. Даніила своимъ членомъ-корреспондентомъ, для выслушанія отвѣта митрополита Филарета по случаю назначенія его почетнымъ членомъ ея (21 мая 1845 г.), для выслушанія такого же отвѣта Стурдзы, для принятія къ свѣдѣнію, что въ академію пріі-

ѣхали новые профессоры — Фотій и Беневоленскій и т. д. На одномъ журналѣ 31 января 1846 г. о разсмотрѣніи плана катихизическихъ поученій протоіерея Вишневскаго членъ конференціи, ректоръ семинаріи Климентъ, которому этотъ журналъ принесли по обычаю для подписи, написалъ при своемъ имени: „Плана не видалъ; доклада о немъ не слушалъ; въ сужденіи не участвовалъ". Онъ въ это время былъ не въ ладахъ съ ректоромъ Григоріемъ. Послѣ этого ему, какъ члену не удобному, перестали посылать журналы и для подписи.

Само высшее начальство какъ будто забывало о существованіи конференціи при казанской академіи, обращаясь съ своими предложеніями и предписаніями прямо къ академическому правленію даже въ такихъ дѣлахъ, которыя, по своему характеру, должны были непремѣнно подлежать конференціи. Такъ, въ 1844 г. чрезъ одно только правленіе прошло весьма важное дѣло объ уничтоженіи въ академическомъ курсѣ прежнихъ спеціальныхъ научныхъ группъ,—группы наукъ историческихъ и группы наукъ физико-математическихъ, на которыя студенты записывались по собственному выбору, и объявленіи обѣихъ этихъ группъ общеобязательными (1). Потомъ въ томъ же и въ слѣдующемъ 1845 году тоже чрезъ одно только правленіе было проведено дѣло о введеніи въ курсъ казанской академіи преподаванія восточныхъ языковъ и естественныхъ наукъ. Объ этихъ крупныхъ реформахъ академическаго курса конференцію даже не извѣстили.

Съ 1846 г. вѣдомство конференціи выясняется и расширяется болѣе и дѣятельность ея становится виднѣе. Дѣлъ у нея никогда впрочемъ не было особенно много за все время ея существованія. Входящихъ бумагъ по реэстрамъ за каждый годъ насчитывается всего до 20—30, исходящихъ до 30—50; только въ 1864 г. при ректорѣ Иннокентіи число тѣхъ и другихъ вмѣстѣ вдругъ поднимается до 200, но это зависѣло отъ особеннаго канцелярскаго рвенія этого ректора, распорядившагося, чтобы въ реэстры заносились, непремѣнно подъ особымъ номеромъ, каждая именная повѣстка членамъ конференціи съ приглашеніемъ, напр. на депутатство во время экзамена, или на засѣданіе, каждый конспектъ наставника къ экзамену, каждое курсовое сочиненіе студента и т. д.; на слѣдующій годъ такое рвеніе у ректора ослабѣло, и число №№ опять быстро уменьшилось. Число журналовъ засѣданій кон-

(1) Д. правл. 1844 г. № 47.

ференціи колебалось между 10 и 20; большинство ихъ по прежнему имѣло фиктивный характеръ: конференція будто бы нарочно собиралась, напр., чтобы распорядиться объ отсылкѣ диплома какому нибудь профессору семинаріи, или принять къ свѣдѣнію донесеніе цензурнаго комитета о томъ, что къ нему мѣсяца за три не поступало на разсмотрѣніе ни одной рукописи. Подписи подъ журналами состоятъ изъ 3—4 именъ членовъ, случайно подвернувшихся разсыльному. При ректѣ Іоаннѣ Соколовѣ конференція совсѣмъ не собиралась, за исключеніемъ 3—4 случаевъ; всѣ дѣла ея ректоръ рѣшалъ самъ у себя въ кабинетѣ, а секретарь, по его распоряженію, писалъ журналъ засѣданія и отсылалъ для подписи членамъ. Самъ преосвященный Аѳанасій однажды колко подшутилъ надъ ея фиктивнымъ журналомъ 23 іюля 1863 г. Въ журналѣ этого засѣданія было двѣ статьи: 1) по докладу предложенія оберъ-прокурора отъ 21 іюня о разсмотрѣніи для новаго изданія греческой христоматіи, употреблявшейся въ семинаріяхъ, и замѣчаній на нее совѣтника московской типографской конторы Кирьякова, — конференція постановила поручить это разсмотрѣніе баккалавру греческаго языка Михайловскому; 2) по запискѣ отъ 22 іюля Михайловскаго о выполненіи имъ означеннаго порученія. Преосвященный написалъ на этомъ журналѣ: „Журналъ весьма замѣчательный по необыкновенной скорости исполненія Михайловскимъ сдѣланнаго ему порученія. Порученіе сдѣлано ему по журналу 23 іюля сего 1863 г., а исполненіе сдѣлано имъ 22 того же іюля, т. е. исполненіе порученія сдѣлано за сутки до порученія“ (1). При ректѣ Иннокентіи дѣйствительныя засѣданія конференціи сдѣлались чаще, потому что на этомъ настаивалъ преосвященный Антоній, присутствовавшій на нихъ иногда и самъ (при окончаніи курсовъ).

Секретарями конференціи преемственно были: проф. Гусевъ до 16 дек. 1852 г., Н. П. Соколовъ — до 11 января 1856 г., И. П. Гвоздевъ — до 10 марта 1862 г., В. Я. Михайловскій — по 3 окт. 1863 г., М. И. Митропольскій — по 14 ноября 1864 г., В. Я. Рожанскій — по 30 марта 1867 г., А. И. Гренковъ — по 1 іюля 1868 г. и В. В. Миротворцевъ.

Обращаясь къ самой дѣятельности конференціи, мы находимъ удобнѣе разсмотрѣть сначала случаи временныхъ ея занятій по разнымъ порученіямъ и вопросамъ, потомъ

(1) Кромѣ журнала означеннаго числа см. еще Д. конф. 1863 г. № 10.

дѣйствія ея по разнымъ сторонамъ ея постояннаго уставнаго вѣдомства.

1) *Дѣятельность конференціи по разнымъ временнымъ порученіямъ и вопросамъ* была, вообще говоря, довольно слаба; высшая власть такого рода порученій на казанскую академію не возлагала, а въ собственномъ округѣ академіи ученые или учебные вопросы, требовавшіе обсужденія конференціи, возникали крайне рѣдко. Дѣла конференціи, относящіяся сюда, извѣстны всѣ наперечетъ.

Изъ общецерковныхъ порученій единственнымъ, какое выпало на долю казанской академіи, было порученіе 1858 г. принять вмѣстѣ съ другими академіями участіе въ предпринятомъ тогда Св. Синодомъ переводѣ св. Писанія на русскій языкъ. Еще раньше этого въ 1847 г., по Высочайшему повелѣнію, при ней предпринятъ былъ переводъ св. Писанія и богослужебныхъ книгъ на татарскій языкъ; но въ этой работѣ, какъ увидимъ послѣ, тогда же порученной особому комитету, конференція академіи не участвовала. Настоящій переводъ св. Писанія на русскій языкъ Св. Синодъ указалъ начать съ Новаго Завѣта; петербургской и казанской академіямъ поручено было перевести Евангеліе отъ Матѳея, московской и кіевской — отъ Марка. Журналомъ конференціи 25 іюля переводчиками назначены были баккалавры іером. Григорій и А. И. Лиловъ, а по выходѣ послѣдняго изъ академіи съ октября того же года іером. Хрисанѳъ; для разсмотрѣнія ихъ работы при конференціи составленъ былъ особый комитетъ изъ ректоровъ академіи и семинаріи, инспектора академіи и профессоровъ Саблукова и Ильминскаго. Къ началу 1859 г. въ Синодъ отослано было уже 10 главъ перевода, какъ постановленіемъ Св. Синода отъ 12 марта назначенъ былъ другой раздѣлъ этого труда между академіями: каждой поручено перевести по одному Евангелію, петербургской — Матѳея, московской — Марка, казанской — Луки, кіевской — Іоанна; затѣмъ дальше — первой Дѣянія апостольскія и посланія къ Солунянамъ, Тимоѳею, Титу и Филимону, второй — къ Римлянамъ, Галатамъ и Евреямъ, кіевской — соборныя посланія и посланія къ Ефесянамъ, Филиппійцамъ и Колоссаямъ, казанской — къ Коринѳянамъ и Апокалипсисъ. Переводы эти были закончены въ 1860 г. и тогда же вышелъ въ печати переводъ Четвероевангелія (1). — Въ 1860-хъ гг. Св. Синодъ

(1) Д. конф. 1858 г. № 11.

озаботился переводомъ на русскій языкъ книгъ Ветхаго Завѣта. Въ 1863 г. поручено было петербургской и казанской конференціямъ провѣрить 75 псалмовъ русскаго перевода Псалтири, изданнаго библейскимъ обществомъ, а московской и кіевской переводъ остальныхъ псалмовъ. 23 мая казанская конференція поручила это дѣло баккалавру св. Писанія іером. Григорію. На этотъ разъ работа послѣдняго довольно сильно затянулась и была отослана конференціей въ Св. Синодъ уже въ іюнѣ 1867 г. (1). Въ томъ же году, по предложенію оберъ-прокурора Св. Синода, конференція должна была принять участіе и въ провѣркѣ русскаго перевода Ветхаго Завѣта; для ускоренія его печатанія ей поручено было разсмотрѣть переводъ историческихъ книгъ и Екклезіаста, сдѣланный петербургскою академіей; изъ членовъ конференціи, съ участіемъ проф. Ильминскаго и бакк. Малова, для этого были составлены три коммиссіи, между которыми и раздѣлена вся работа (2).

Изрѣдка конференціи приходилось разсматривать по порученіямъ сочиненія, назначавшіяся для учебнаго употребленія и представлявшіяся на преміи.

Въ 1848 г. она разсматривала русско-греческій словарь учителя саратовской семинаріи Ив. Синайскаго и, одобривъ этотъ трудъ, ходатайствовала, по просьбѣ автора, о пособіи къ его изданію посредствомъ покупки этого словаря для духовно-учебныхъ заведеній въ количествѣ 600 экземпляровъ (3). Въ 1852 г., по распоряженію духовно-учебнаго управленія, разсматривались ею программы логики, психологіи и нравственнаго богословія, составленныя московской академіей для университетовъ, съ цѣлію опредѣлить, не могутъ ли онѣ служить пособіемъ и для наставниковъ семинарій; программы эти были признаны для того годными (4). Въ 1857 г., по порученію оберъ-прокурора, разсматривалась книга Ив. Бе-

---

(1) Д. конф. 1863 г. № 5.

(2) Д. конф. 1867г. № 8. Можно упомянуть здѣсь въ дополненіе еще объ одномъ порученіи конференціи отъ Св. Синода въ апрѣлѣ 1866 г.— разсмотрѣть, правильно ли употребленъ въ Кормчей переводъ греческаго слова ἐξαδέλφη въ 54 прав. VI вселенскаго собора и какъ лучше перевести его, племянница или двоюродная сестра. Конференція рѣшила, что перевести «двоюродная сестра» будетъ правильнѣе. Д. конф. 1866 г. № 6.

(3) Д. конфер. 1848 г. № 7.

(4) Д. конфер. 1852 г. № 6.

нескриптова: Историко-критическое обозрѣніе магометанской религіи, назначавшаяся авторомъ въ пособіе священникамъ при обращеніи мухаммеданъ, и признана слабою и не достигающею цѣли (1). Въ томъ же году изъ Симбирска присланы были Бесѣды о вѣрѣ симбирскаго епископа Ѳеодотія съ предложеніемъ ввести ихъ въ учебное руководство по семинаріямъ въ восполненіе Догматики преосв. Антонія и Очеркъ исторіи раскола протоіерея П. Охотина для введенія учебникомъ въ симбирской семинаріи и въ причетническомъ классѣ симбирскаго училища. Ректоръ Іоаннъ, усмотрѣвшій въ этомъ дѣлѣ желаніе мѣстныхъ духовныхъ властей навязать мѣстнымъ духовнымъ школамъ свои книжки, написалъ отъ имени конференціи очень суровое рѣшеніе, признавъ предложеніе о первой книгѣ совершенно излишнимъ, а мысль о введеніи книжки прот. Охотина, написанной для дѣвицъ духовнаго званія, разомъ и въ семинарію и въ причетническій классъ „странною и неразсудительною"; правленію симбирской семинаріи „за необдуманное и неосновательное" представленіе опредѣлено сдѣлать даже внушеніе, чтобы оно въ представленіяхъ своихъ было „осмотрительнѣе и безпристрастнѣе" (2).

Въ 1860 г. вышли правила касательно разсмотрѣнія сочиненій на преміи митрополита Григорія о православіи греко-россійской церкви а) вообще, б) противъ католичества и в) противъ протестантства. Преосвященный назначилъ особый капиталъ въ 2000 р. на преміи, по 600 р. на каждую, и 1500 р. на печатаніе самыхъ сочиненій; разсмотрѣніе сочиненій предоставлялось конференціямъ академій, а окончательное рѣшеніе о преміяхъ — конференціи петербургской академіи. Въ 1860—1862 г. казанская конференція должна была разсмотрѣть нѣсколько сочиненій на эти преміи, присылавшихся разными сельскими священниками, которые простодушно думали наповалъ убить и католичество, и протестантство своими семинарскими аргументами; конференція находила въ этихъ произведеніяхъ одно полное непониманіе дѣла и незнаніе ни исторіи, ни богословія.—Въ 1860-хъ годахъ, при большей свободѣ печати и научныхъ работъ, по духовному вѣдомству стало вообще больше являться разныхъ сочиненій

(1) Д. конфер. 1857 г. № 5.
(2) Д. конфер. 1857 г. № 12.

и присылаться на разсмотрѣніе академическихъ конференцій. Нѣкоторые наставники духовно-учебныхъ заведеній казанскаго округа по временамъ тоже присылали въ конференцію свои работы. Въ 1864 г. конференція разсматривала Священную Исторію учителя вятской семинаріи Н. Кувшинскаго, изложенную словами св. Писанія, но не могла ея одобрить, вслѣдствіе указа Св. Синода отъ 14 апрѣля 1864 г, запрещавшаго печатать такого рода выборки изъ св. Писанія безъ синодальнаго разрѣшенія. Въ томъ же году присланы на ея разсмотрѣніе для введенія въ духовныя училища составленныя учителемъ уфимской семинаріи И. Любимовымъ таблицы греческихъ склоненій и спряженій, но по долгомъ разсмотрѣніи тоже не были одобрены. Въ 1867 г. такъ же признанъ недостаточнымъ проектъ новой греческой христоматіи, составленный учителемъ рязанской семинаріи Поповымъ (1).

Какъ учрежденіе, заправлявшее всѣмъ духовнымъ образованіемъ въ своемъ округѣ, конференція имѣла нѣсколько случаевъ высказывать въ разныя времена общія свои воззрѣнія на устройство духовно-учебнаго образованія вообще и разныхъ его отраслей въ частности. Постоянное наблюденіе за ходомъ учебной части въ учебныхъ заведеніяхъ округа принадлежало непосредственно окружному правленію академіи; но были случаи, когда нѣкоторыя дѣла по этой части восходили и до суда самой конференціи. Почти на первыхъ же порахъ ея существованія, при составленіи перваго отчета по окружному управленію за 1842 — 1845 годы, секретарь конференціи Д. Ѳ. Гусевъ замѣтилъ въ присылаемыхъ изъ окружныхъ духовно-учебныхъ заведеній документахъ и вѣдомостяхъ разные недостатки по отчетности и по управленію этими заведеніями и составилъ для разсмотрѣнія конференціи обширный докладъ обо всѣхъ такихъ недостаткахъ, а равно и о мѣрахъ къ ихъ исправленію. На основаніи его доклада конференція составила потомъ краснорѣчивые циркуляры по всему своему округу и разослала ихъ въ руководство по всѣмъ окружнымъ духовно-учебнымъ заведеніямъ (2). Та часть доклада и составленныхъ изъ него циркуляровъ, гдѣ говорится о веденіи администраціей духовно-

(1) Д. конфер. 1863 г. №№ 9 и 10; 1864 г. № 8; 1867 г. № 6 и др.

(2) Д. конфер. 1846 г. № 7. Отчетъ по академіи на актѣ 1846 г. по внѣшнему правленію и д. внѣшн. правл. 1846 г. № 44.

учебныхъ заведеній разныхъ документовъ и составленіи правильныхъ и ясныхъ вѣдомостей, какъ часть чисто канцелярскаго содержанія, мало интересна; но другая часть, которую можно назвать административно-педагогическою, по своей характерности, стоитъ того, чтобы сдѣлать изъ нея небольшія извлеченія.

Прежде всего здѣсь обращено вниманіе на слишкомъ частую смѣну учителей въ семинаріяхъ и особенно въ низшихъ училищахъ, и на слабое вниманіе семинарскихъ начальствъ къ выбору достойныхъ кандидатовъ на учительскія мѣста. напр. даже изъ исключенныхъ семинарскихъ богослововъ. Между тѣмъ, писалось въ циркулярахъ, полезнымъ учителемъ дѣтей быть не легко; учителю „надобно. а) кромѣ основательнаго знанія предметовъ первоначальнаго обученія, умѣть передавать дѣтямъ свои свѣдѣнія въ формахъ самыхъ простыхъ и вмѣстѣ плѣнительныхъ, владѣть богатствомъ образовъ, посредствомъ которыхъ отвлеченная истина легко могла бы войти въ границы дѣтскаго разумѣнія, уловить тайну заинтересовывать дѣтей въ пользу науки,... а потому б) умѣть приспособляться къ разностепеннымъ и разнохарактернымъ способностямъ дѣтей и глубоко изучить дѣтскую натуру, в) имѣть нѣжное сердце, исполненное материнской любви къ дѣтямъ и г) владѣть обширною опытностію, озаренною тяжкими, но свѣтлыми размышленіями“. При частой же смѣнѣ учители конечно не могутъ пріобрѣсти такихъ качествъ, что̀ показываетъ и опытъ. „Въ уѣздныхъ училищахъ въ теченіе двухгодичнаго курса успѣшные ученики такъ относились къ безуспѣшнымъ, что число безуспѣшныхъ по высшему отдѣленію было больше трети общаго числа, а по низшему первые превосходили послѣднихъ только $^1/_{10}$ долею; въ приходскихъ же училищахъ число успѣшныхъ было выше числа безуспѣшныхъ только $^1/_5$ долею... Эти поразительно-слабые успѣхи учениковъ“ показывали, по объясненію циркуляровъ, недостатокъ методы обученія, состоявшей только въ одномъ задаваніи уроковъ по учебнику безъ объясненія. „Вслѣдствіе такой методы множество дѣтей, изъ которыхъ при другихъ условіяхъ образованія могли бы выйти хорошіе ученики и хорошіе люди, выбрасываются изъ училищъ, осуждаются на низкую долю, отдаются въ жертву нищетѣ, дѣлаются несчастными на всю жизнь“.

„Въ теченіе минувшаго трехлѣтія изъ 5848 учениковъ семинарій казанскаго округа исключено за безуспѣшность

отъ бездарности 485 человѣкъ и отъ лѣности 639, всего 1124 ученика Притомъ въ числѣ исключенныхъ находятся ученики какъ средняго, такъ и высшаго отдѣленія семинарій. Здѣсь встрѣчается вопросъ: какъ безталанный ученикъ могъ дойти до богословскаго класса, какъ могъ успѣвать онъ въ философіи, въ риторикѣ?.. Изъ документовъ семинарскихъ правленій видно, что нерѣдко тѣ изъ учениковъ всѣхъ отдѣленій семинаріи, которые, бывъ исключены за безуспѣшность даже отъ бездарности, были опять принимаемы въ семинаріи на правахъ приватныхъ слушателей, черезъ годъ оказывались успѣшными, снова включались въ число дѣйствительныхъ учениковъ, признавались учениками съ дарованіями. Равнымъ образомъ въ теченіе того же времени изъ училищъ исключено за безуспѣшность отъ бездарности 1210 человѣкъ, отъ лѣности 473, всего 1683 человѣка. Горько и подумать только о томъ, что въ теченіе трехъ только лѣтъ 1683 человѣка дѣтей 10—15-лѣтняго возраста лишено возможности получить приличное образованіе, осуждено на жалкую, низкую долю, брошено большею частію въ жертву нищетѣ и неразлучнымъ съ нею страданіямъ, а иногда и преступленіямъ. Вотъ плодъ отъ учителей, не понимающихъ своего званія и съ пренебреженіемъ исполняющихъ свои обязанности! Въ тоже время это обличаетъ въ училищныхъ начальствахъ недостатокъ вниманія къ участи дѣтей, къ пользамъ церкви, чести и выгодамъ государства и духовнаго сословія“.

Въ числѣ мѣръ противъ замѣченныхъ недостатковъ учебнаго дѣла въ округѣ начальствамъ семинарій и училищъ рекомендовалось: быть болѣе внимательными при выборѣ учителей, не часто смѣнять ихъ, для удержанія на службѣ лучшихъ учителей изыскивать всѣ возможныя мѣры, наблюдать за преподаваніемъ, „чтобы учители не назначали ученикамъ уроковъ безъ предварительнаго объясненія послѣднихъ, требовали отъ учениковъ знанія не буквы, а содержанія уроковъ, пріучали дѣтей къ пересказыванію преподаннаго имъ собственными словами, вообще дѣйствовали больше на развитіе смысла и дара слова у дѣтей, нежели памяти, а такъ же и обращались съ дѣтьми кротко, ласково и вѣжливо“, въ исключеніяхъ учениковъ быть осмотрительнѣе и руководиться чувствами состраданія и любви къ дѣтямъ, какъ того требуютъ польза, честь и слава церкви, государства и сословія духовнаго. — Циркуляры эти, въ пухъ и прахъ разбивавшіе

всю старую рутину духовныхъ школъ (да и духовныхъ ли, даже тогдашнихъ ли только?) и требовавшіе полнаго обновленія ихъ старыхъ учебныхъ и воспитательныхъ пріемовъ, были въ свое время настоящимъ революціоннымъ кличемъ и встревожили всѣ школьныя начальства округа. Нѣкоторыя изъ этихъ начальствъ, какъ увидимъ далѣе, даже прямо высказывали противъ нихъ свое негодованіе, и имя автора ихъ проф. Гусева пронеслось по округу, какъ имя опаснаго врага стараго школьнаго порядка и разныхъ школьныхъ начальствъ, получившихъ отъ него такой чувствительный ударъ.

Далѣе, чрезъ конференцію же проходили иногда дѣла о перемѣнахъ и усовершенствованіяхъ въ курсахъ духовно-учебныхъ заведеній. Такъ, въ 1849—1850 гг. конференція, по предложенію преосвященнаго Григорія, долго занималась вопросомъ объ устройствѣ какъ въ академіи, такъ и въ окружныхъ семинаріяхъ миссіонерскаго образованія: выполненіе ея предначертаній по этому дѣлу и предписаній высшаго начальства предоставлено было потомъ внѣшнему правленію академіи (1). Особенно часты и любопытны были рѣшенія конференціи по такимъ дѣламъ при ректорѣ Іоаннѣ; рѣшенія эти имъ же обыкновенно и писались, а прочими членами конференціи только подписывались.

Въ январѣ 1859 г. оберъ-прокуроръ Св. Синода прислалъ на обсужденіе конференціи представленіе кіевской академіи (по случаю ревизіи нѣкоторыхъ училищъ кіевскаго округа) объ усиленіи надзора за преподаваніемъ въ училищахъ, объ освобожденіи для этого смотрителей училищъ отъ личнаго участія въ преподаваніи и о выпискѣ въ училища въ руководство учителямъ нѣкоторыхъ педагогическихъ журналовъ. „Донести, писалъ ректоръ въ своемъ проектѣ постановленія конференціи, что смотрители училищъ могутъ быть освобождены отъ преподаванія уроковъ... Но такъ какъ и худое преподаваніе учителей, и малоуспѣшность учениковъ зависятъ не отъ того, что смотрители не имѣютъ достаточно времени для посѣщенія классовъ, а отъ несовершенства самой методы ученія, изстари доселѣ неизмѣнно остающейся въ нашихъ школахъ, отъ которой и смотрители не свободны, именно методы ученія только по книгамъ безъ живой дѣятельности собствен-

(1) Съ разработкой этого вопроса мы еще встрѣтимся въ исторіи миссіонерскихъ отдѣленій академіи.

наго разсудка учащихся, и такъ какъ въ настоящее время методы ученія въ свѣтскихъ школахъ значительно усовершены,... то полезно было бы заимствованіе отъ свѣтскихъ школъ ихъ усовершенствованныхъ методъ чрезъ непосредственное сношеніе семинарскихъ начальствъ съ гимназическими или чрезъ сношенія высшихъ начальствъ просвѣщенія духовнаго и гражданскаго"; педагогическія изданія, въ которыхъ много ненужнаго для духовныхъ училищъ, даже враждебнаго послѣднимъ „въ духѣ насмѣшки или укоризны", предположено пріобрѣтать не иначе, какъ съ разрѣшенія семинарскихъ начальствъ, которыя имѣютъ болѣе возможности слѣдить за направленіемъ свѣтской литературы, чѣмъ училищныя (1).

Въ 1862 г. въ Св. Синодѣ, по иниціативѣ кіевскаго митрополита Арсенія, возникъ вопросъ о средствахъ поднять въ духовно-учебныхъ заведеніяхъ знаніе классическихъ языковъ, къ обсужденію котораго были призваны и конференціи академій. Въ казанскую академію въ качествѣ матеріала къ такому обсужденію было прислано между прочимъ мнѣніе объ организаціи преподаванія классическихъ языковъ въ семинаріяхъ на манеръ западныхъ школъ, составленное профессоромъ петербургской академіи Осининымъ. Конференція поручила разработку даннаго вопроса ректору семинаріи архимандриту Иннокентію и баккалавру В. Я. Михайловскому. Первый изъ нихъ разбилъ проектъ Осинина, найдя въ немъ слишкомъ большое увлеченіе и самымъ классицизмомъ, и постановкой его въ европейскихъ школахъ, и призналъ всѣ разсужденія автора непрактичными и не соотвѣтствующими общему характеру образованія духовныхъ школъ. Принявъ во вниманіе высказанныя мнѣнія, ректоръ Іоаннъ отъ имени конференціи составилъ и послалъ въ Св. Синодъ свое собственное мнѣніе, въ которомъ, обобщая вопросъ, близко и довольно рѣшительно касался даже общей реформы духовно-учебныхъ курсовъ. Сущность этого мнѣнія состояла въ слѣдующемъ: Такъ какъ причина упадка классическихъ языковъ въ духовныхъ школахъ заключается 1) въ томъ, что языки эти, считаясь главными предметами въ училищахъ, гдѣ они менѣе нужны, перестаютъ быть таковыми въ семинаріяхъ и академіяхъ и забываются, 2) въ обширности духовно-учебныхъ курсовъ, 3) въ присо-

(1) Д. конф. 1859 г. № 8.

единеніи преподаванія языковъ къ каѳедрамъ другихъ предметовъ, 4) въ недостаткѣ самаго метода преподаванія, ограниченнаго изученіемъ однихъ языковъ, безъ классическаго образованія, 5) въ недостаткѣ хорошихъ преподавателей; то конференція полагала бы: 1) изъ курса низшихъ школъ преподаваніе означенныхъ языковъ исключить вовсе, оставивъ его только въ семинаріяхъ и академіяхъ; 2) дать для изученія ихъ больше времени, исключивъ изъ семинарскаго курса преподаваніе Православнаго Исповѣданія П. Могилы, медицины, сельскаго хозяйства и естественныхъ наукъ; 3) открыть для нихъ особыя каѳедры; 4) назначить лучшіе учебники, въ переводахъ не ограничиваться одними христоматическими отрывками и избирать лучшихъ наставниковъ; 5) въ академіяхъ преподавать исторію древнихъ классическихъ литературъ и изучать ихъ памятники по методамъ лучшихъ лингвистовъ: 6) предоставить лучшимъ наставникамъ классическихъ языковъ держать особые экзамены въ академіяхъ на степени именно по этимъ языкамъ, каковыя степени нарочно и учредить въ академіяхъ (1).

Съ начала 1860-хъ годовъ реформа духовно-учебныхъ заведеній сдѣлалась самымъ животрепещущимъ вопросомъ и въ высшихъ сферахъ духовной администраціи. Въ 1862 г. надъ ней трудился особый комитетъ при Св. Синодѣ. Въ 1863 г. результаты его работъ Св. Синодъ предоставилъ обсужденію академій и семинарій. Для своего обсужденія конференція казанской академіи получила цѣлый семинарскій уставъ, составленный комитетомъ, съ разными приложеніями и особыми мнѣніями нѣкоторыхъ членовъ комитета. Новый уставъ комитета былъ въ высшей степени страннымъ произведеніемъ весьма благочестиваго, но крайне не практичнаго ума или нѣсколькихъ умовъ, которые, вмѣсто ясныхъ и опредѣленныхъ параграфовъ законодательнаго характера, наполнили свою работу риторически-благочестивыми размышленіями и иноческими назиданіями, даже и написанными какимъ-то проповѣдническимъ языкомъ. Ректоръ Іоаннъ не сталъ и обсуждать этого устава, а прямо приступилъ къ составленію совершенно новаго проекта устройства духовно-учебныхъ заведеній по своимъ собственнымъ соображеніямъ. 11 апрѣля назначено было общее собраніе всѣхъ наставниковъ академіи съ цѣлію условиться

(1) Д. конфер. 1862 г. № 17.

предварительно касательно общихъ принциповъ для выработки такого проекта. Засѣданіе этого собранія не было заактовано и не имѣло журнала, но было замѣчательно по тѣмъ радикальнымъ взглядамъ на дѣло учебной реформы, какіе имѣлъ и высказалъ самъ ректоръ Іоаннъ, почти одинъ только и ораторствовавшій на немъ. По его мнѣнію, общее образованіе слѣдовало совсѣмъ выдѣлить изъ круга духовно-учебнаго вѣдомства, предоставивъ такое образованіе общимъ низшимъ и среднимъ заведеніямъ гражданскаго вѣдомства и ограничивъ духовныя школы однимъ спеціально-духовнымъ образованіемъ; на этомъ основаніи всѣ низшія духовныя училища и общеобразовательные классы семинаріи слѣдовало закрыть и оставить въ духовномъ вѣдомствѣ только спеціальныя семинаріи съ трехъ или четырехъ-годичными курсами для спеціальнаго приготовленія къ церковной службѣ молодыхъ людей, уже кончившихъ курсъ общаго образованія въ свѣтскихъ заведеніяхъ, и академіи съ высшими богословско-философскими курсами для приготовленія наставниковъ въ семинаріи и кандидатовъ на высшіе посты церковной службы. При такомъ устройствѣ духовнаго образованія, по мнѣнію ректора, легко уже могли бы рѣшиться вопросы и объ организаціи курсовъ духовно-учебныхъ заведеній, и о затрудненіяхъ по ихъ содержанію. Послѣ нѣсколькихъ возраженій на это мнѣніе, конечно побѣдоносно разбитыхъ діалектикой ректора, собраніе было распущено и уже ни разу послѣ того не собиралось, составивъ для дальнѣйшей работы только особый комитетъ.

Между тѣмъ одновременно съ академіей предложеніе касательно обсужденія проекта новаго устава получилъ и преосвященный Аѳанасій и въ томъ же апрѣлѣ мѣсяцѣ учредилъ для этого особый епархіальный комитетъ изъ ректоровъ и инспекторовъ академіи и семинаріи, изъ протоіереевъ Вишневскаго и Іорданскаго и священниковъ Зефирова и Хрусталева. Оба комитета—и академическій и епархіальный,—не получивъ никакихъ руководительныхъ инструкцій, стали дожидаться другъ друга и оба ничего не дѣлали цѣлыхъ два года, пока отъ 25 февр. 1865 г. не пришло новое предложеніе синодальнаго оберъ-прокурора ускорить дѣломъ. По полученіи этого предложенія ректоръ Иннокентій 20 апрѣля назначилъ новое общее собраніе изъ всѣхъ наставниковъ академіи и семинаріи. Послѣ этого и нѣсколькихъ другихъ собраній наставниками составлено было обширное мнѣніе о проектѣ коми-

тетскаго устава 1863 г., откровенно и рѣзко возставшее противъ его монашескихъ тенденцій и уличавшее его въ полномъ отсутствіи законодательнаго, уставнаго характера и въ наклонности къ неумѣстному въ подобномъ актѣ проповѣдническому нравоученію. Положительная сторона мнѣнія мало замѣчательна, — сдѣланы незначительныя замѣчанія о составѣ семинарскаго курса и нѣсколько болѣе значительныя о большемъ развитіи въ семинаріяхъ внутренняго самоуправленія чрезъ усиленіе педагогическихъ совѣтовъ. Болѣе всего замѣчательны здѣсь тѣ мѣста, гдѣ собраніе возстаетъ противъ полномочій духовно-учебнаго управленія, некомпетентность котораго въ завѣдываніи дѣлами духовнаго образованія сознавалась тогда очень ясно. „Въ педагогическомъ совѣтѣ, сказано здѣсь, сосредоточиваются всѣ духовно-нравственныя силы учебныхъ заведеній и слѣдовательно подъ его непосредственнымъ вліяніемъ и управленіемъ долженъ стоять весь духовно-воспитательный порядокъ въ учебныхъ заведеніяхъ.. Если съ экономической стороны семинаріи имѣютъ быть связаны главнымъ образомъ съ епархіей, то со стороны научно-воспитательной онѣ исключительно должны связываться съ академіей. Здѣсь, въ конференціи академіи сосредоточивается для педагогическихъ совѣтовъ высшая контролирующая и руководящая инстанція. Послѣ этого уже ненужнымъ становится учрежденное при Св. Синодѣ духовно-учебное управленіе, уничтоженіе котораго для духовно-учебныхъ заведеній принесетъ еще ту выгоду, что для нихъ сохранятся большія суммы, идущія нынѣ на содержаніе его. Академическія конференціи удобно могутъ замѣнить его во всѣхъ отношеніяхъ“. Мнѣніе это было отослано чрезъ конференцію академіи къ синодальному оберъ-прокурору отъ 3 іюля 1865 г.. Послѣ этого епархіальный комитетъ, собравшись вмѣстѣ съ наставниками семинаріи, порѣшилъ безъ дальнихъ хлопотъ согласиться во всемъ съ мнѣніемъ академическаго комитета или конференціи, о чемъ 7 ноября и отосланъ былъ къ оберъ-прокурору репортъ отъ имени преосвященнаго (1).

Въ 1867 г. конференція снова должна была заняться обсужденіемъ вопроса о духовно-учебной реформѣ; — на этотъ разъ вопросъ касался реформы и самой академіи. Въ

(1) Д. конфер. 1863 г. № 6.

1863 г. конференція имѣла дѣло съ мертворожденнымъ чадомъ благочестивой фантазіи, на которое не стоило и обращать серьезнаго вниманія; теперь вопросъ о реформѣ получилъ совершенно практическое направленіе и потребовалъ отъ академій особенно серьезнаго и обдуманнаго выраженія ихъ взглядовъ на свои задачи и на свою организацію. Въ казанской академіи начались частыя и горячія засѣданія конференціи, которыя повели даже къ разладу между ея членами. Значительное большинство профессоровъ (Соколовъ, Гвоздевъ, Порфирьевъ, Красинъ, Знаменскій) стояли за одинъ проектъ преобразованія академіи, а ректоръ и инспекторъ съ внѣшними членами конференціи и съ двоими профессорами за другой, который въ началѣ мая и послали, въ качествѣ одобреннаго большинствомъ голосовъ въ конференціи, къ оберъ-прокурору. Противная партія настаивала, чтобы ея проектъ былъ приложенъ къ отосланному, по крайней мѣрѣ хоть въ видѣ особаго мнѣнія, но ректоръ не согласился и на это, сославшись на то, что для представленія особаго мнѣнія пропущенъ уже былъ законный срокъ. Разобиженные профессоры должны были удовольствоваться только тѣмъ, что редакція Христіанскаго Чтенія, печатавшая тогда всѣ конференціонные проекты преобразованія академій, согласилась вмѣстѣ съ ними напечатать и этотъ отвергнутый ихъ проектъ (1). Нельзя впрочемъ не сказать, что ни тотъ, ни другой проектъ въ сущности вовсе не стоили того, чтобы изъ-за нихъ такъ горячиться, представляя собою образчики довольно мелкаго и узкаго пониманія дѣла и отсутствія въ ихъ составителяхъ всякихъ, сколько нибудь раціональныхъ, общихъ взглядовъ на дѣло академическаго образованія и на организацію самой академіи. При старомъ строѣ академической жизни разсуждать о такихъ вещахъ имъ не приходилось; очень естественно, что къ составленію своихъ реформаторскихъ проектовъ они должны были приступить не съ опредѣленными какими нибудь общими идеями, а лишь съ своими мелкими опытами и своими случайными, отчасти даже личными интересами.

Основныя начала академическаго устройства, — относительно назначенія академіи, двойственнаго (общеобразователь-

(1) Д. конф. 1867 г. № 3. Христ. Чт. 1867 г. ч. II.

наго и спеціально-богословскаго) характера академическихъ курсовъ и административнаго значенія академій для своихъ округовъ, заимствованы обоими проектами изъ стараго устава; но къ старымъ началамъ вездѣ были привнесены разныя современныя новшества и спутаны съ ними въ очень странную смѣсь. Конференція академіи въ обоихъ проектахъ представляется уже съ чисто школьнымъ характеромъ, какъ университетскій совѣтъ. Проектъ профессоровъ прямо настаивалъ на томъ, чтобы въ ней засѣдали одни только академическіе профессоры; проектъ ректора оставлялъ въ ней и прежнихъ членовъ изъ постороннихъ ученыхъ лицъ, но въ тоже время обнаруживалъ полное непониманіе ихъ прежняго въ ней значенія,—лица эти допускались въ конференцію для поддержанія только связи академіи съ духовенствомъ,—и такъ де много стали толковать о замкнутости академій, притомъ же академіи заведенія духовныя и желательно, чтобы не только въ конференціяхъ ихъ засѣдали члены отъ духовенства, но чтобы и сами профессоры ихъ были люди въ рясахъ, по крайней мѣрѣ священники, только не въ приходахъ, а при академической же церкви. Между тѣмъ административное значеніе конференціи въ отношеніи къ округу оставлялось проектами въ прежнемъ видѣ, даже еще расширялось чрезъ присоединеніе къ ея вѣдомству всего кругадѣлъ, подлежавшихъ доселѣ внѣшнему правленію; цѣлый округъ отдавался такимъ образомъ въ управленіе учрежденію чисто школьнаго характера. Для того, чтобы усилить административную компетентность этого учрежденія въ округѣ, ее положено подпереть властью мѣстнаго архіерея академическаго города, который поставлялся для этого въ положеніе попечителя академіи и ея округа; а чтобы усилить и его собственное значеніе среди другихъ архіереевъ округа, его положено было возвести въ санъ митрополита; замѣчательно, что въ этомъ добродушномъ пунктѣ единогласно сошлись оба враждебныхъ проекта. Для ревизій по округу проектъ ректора назначалъ при академіи одного профессора-ревизора, избираемаго въ эту должность конференціею изъ среды профессорской корпораціи безсрочно и съ освобожденіемъ его отъ всѣхъ профессорскихъ обязанностей для разъѣздовъ по округу во всякое время.

По внутреннему академическому управленію конференціи въ обоихъ проектахъ давались огромныя полномочія, которыя рѣшительно не приложимы къ такому многолюдному собранію, какимъ представлялась эта конференція, состоявшему изъ всѣхъ

профессоровъ, а въ нѣкоторыхъ случаяхъ, — по выборамъ и по учебнымъ вопросамъ, и изъ всѣхъ доцентовъ и лекторовъ, по ректорскому же проекту еще изъ многихъ постороннихъ членовъ отъ духовенства. Въ ней сосредоточены проектами всѣ дѣла бывшей конференціи съ разными еще новыми прибавленіями (о выборахъ и т. п.) и обоихъ прежнихъ правленій, за исключеніемъ только дѣлъ хозяйственно-исполнительныхъ, которыя великодушно уступались правленію; — можно представить, какъ скоро и согласно стали бы вершиться всѣ эти дѣла въ такой многолюдной толпѣ ея разнообразныхъ членовъ, тѣмъ болѣе, что для законности собранія предположено быть въ немъ по крайней мѣрѣ $^{2}/_{3}$ членовъ, даже въ вакаціальное (!) время, а на собраніяхъ для выборовъ всѣмъ членамъ. Любопытно и распредѣленіе дѣлъ по классамъ—а) рѣшаемыхъ одною конференціей и б) требующихъ утвержденія митрополита или в) самого Св. Синода: къ первому классу, кромѣ учебныхъ дѣлъ, отнесены между прочимъ всѣ дѣла по цензурѣ и по удостоенію степеней, даже степени доктора; на утвержденіе митрополита предположено представлять дѣла, относящіяся почти къ одному управленію округомъ, а на утвержденіе Синода— объ опредѣленіи въ должности разныхъ членовъ академической корпораціи, объ учрежденіи ученыхъ обществъ при академіи, основаніи и распространеніи изданій академіи (т. е. чтобы Св. Синодъ распоряжался объ обязательной выпискѣ ихъ по епархіямъ, потому что на однихъ архіереевъ надежда въ этихъ случаяхъ была плоха, что тогда и чувствовалъ на себѣ Прав. Собесѣдникъ) и т. п. Согласившись на такое распредѣленіе дѣлъ, ректоръ въ своемъ проектѣ къ числу послѣдняго рода дѣлъ вдругъ вздумалъ еще прибавить изъ перваго класса дѣла о распредѣленіи часовъ и лекцій между наставниками и даже пространно доказалъ, что безъ Св. Синода въ этихъ дѣлахъ нельзя и обойтись,—происходятъ де между наставниками споры и неурядицы, отъ которыхъ вѣроятно когда нибудь самъ испыталъ непріятности. Кромѣ того, онъ почему-то очень горячо возсталъ въ своемъ проектѣ противъ цензурнаго комитета при академіи, членамъ котораго проектъ профессоровъ назначалъ жалованье наравнѣ съ жалованьемъ членовъ петербургскаго и московскаго комитетовъ; ректоръ пространно доказалъ, что комитету этому не только не нужно назначать жалованья, но слѣдуетъ даже вовсе его упразднить:

кому хочется печатать свои труды, тотъ можетъ послать ихъ на цензуру и въ Москву, и въ Петербургъ.

Должности ректора и инспектора наравнѣ со всѣми академическими должностями оба проекта объявляли выборными, но проектъ профессоровъ — срочными на 4 года, проектъ же ректора безсрочными. Первоначально предположено было, чтобы ректоръ, если онъ лице монашествующее, былъ по избраніи рукополагаемъ въ епископа, потомъ въ бѣловыхъ проектахъ этотъ пунктъ былъ вычеркнутъ, но, вмѣсто него, въ проектѣ ректора вставленъ былъ новый и очень курьезный пунктъ, чтобы ректоръ, какъ начальникъ не только магистровъ, но и докторовъ богословія, былъ при опредѣленіи въ должность немедленно возводимъ въ степень доктора по самой своей должности. Инспекторомъ академіи, по проекту ректора, должно быть непремѣнно лице духовное, хотя бы даже и не изъ профессоровъ академіи, по ученой степени непремѣнно магистръ; въ этомъ случаѣ ректоръ, кажется, имѣлъ въ виду кандидатомъ на эту должность кого нибудь изъ своихъ знакомыхъ духовныхъ лицъ въ городѣ. Проектъ профессоровъ о духовномъ санѣ инспектора не упомянулъ ни слова.

Предположенія о составѣ академическаго курса менѣе замѣчательны. По обоимъ проектамъ курсъ этотъ представляется въ прежнихъ знакомыхъ чертахъ; оба проекта порознились между собою только въ опредѣленіи числа каѳедръ и во взглядѣ на постановку въ казанской академіи миссіонерскихъ наукъ. Ректоръ старался уменьшить число каѳедръ и для этого однѣ науки присоединялъ къ другимъ, а нѣкоторыя и вовсе изгонялъ изъ курса;—ему почему-то особенно не нравились патристика, пастырское богословіе и библейская исторія; не соглашался онъ еще ввести въ этотъ курсъ проектированную профессорами новую каѳедру, такъ называемой, космографіи, которая считалась тогда очень нужной для богословскаго образованія наукой въ видахъ противодѣйствія нападкамъ на религію со стороны современнаго естествознанія. Миссіонерскія науки проектъ профессоровъ предлагалъ совсѣмъ выдѣлить изъ академическаго курса въ особое, не смѣшивающееся съ этимъ курсомъ и не мѣшающее ему, спеціальное отдѣленіе для желающихъ, въ родѣ особаго миссіонерскаго института. Проектъ ректора возсталъ противъ такой ихъ постановки и требовалъ, чтобы онѣ остались въ казанской академіи на прежнемъ положеніи,

а для того, чтобы дать имъ больше простора въ академическомъ курсѣ, предлагалъ выдѣлить изъ этого курса лучше другія какія-либо науки, напр. математическія или историческія; по его мысли, казанская академія должна была сдѣлаться разсадникомъ спеціалистовъ по миссіонерскому образованію не для одного своего округа, но такъ же и для другихъ, а другія академіи, петербургская или московская, взявъ у нея историческія и математическія науки, стали бы съ своей стороны снабжать спеціалистами по этимъ наукамъ ея округъ. Предположенія эти были единственными въ проектахъ намеками на спеціализацію академическаго курса и на раздѣленіе его наукъ по спеціальнымъ группамъ.

Нечего конечно и говорить, что оба проекта были совершенно согласны въ томъ пунктѣ, который гласилъ о сравненіи академическихъ окладовъ съ университетскими. Проектъ ректора старался только посредствомъ разныхъ урѣзокъ (въ числѣ каоедръ и др.) сократить общую цифру требуемаго для академіи оклада, чтобы высотой денежныхъ запросовъ не напугать высшаго начальства. Высшее начальство произвело однако свою реформу академій независимо отъ этихъ проектовъ, совершенно по-своему и, надобно сказать, далеко лучше, чѣмъ ему подсказывали pia desideria разныхъ конференцій, въ томъ числѣ и конференціи казанской академіи. У него были опредѣленные взгляды на это дѣло, принципы, которыхъ члены конференціи не успѣли для себя выработать, потому что при старомъ строѣ духовно-учебной администраціи никогда не имѣли простора ни думать, ни даже вообще жить сколько нибудь сознательно.

2) Всѣ перечисленныя нами работы и распоряженія конференціи вызывались требованіями временныхъ обстоятельствъ и носили такой же временный и болѣе или менѣе случайный характеръ. *Постоянная дѣятельность конференціи*, согласно требованіямъ устава академій, выражалась а) въ цензурѣ духовныхъ сочиненій по округу, б) въ производствѣ экзаменовъ въ академіи и в) въ производствѣ въ академическія степени.

а) Цензура духовныхъ сочиненій въ академіи и въ ея округѣ была ввѣрена состоявшему при академіи *цензурному комитету*. При конференціи казанской академіи комитетъ этотъ учрежденъ въ 1845 г. по указу Св. Синода $\frac{7 \text{ февраля}}{22 \text{ марта}}$ (1) изъ трехъ членовъ конференціи, архим. Климента, архим.

(1) Д. конфер. 1844 г. № 7.

Серафима и іером. Фотія. Хотя въ проектѣ устава духовныхъ академій всѣмъ академическимъ цензурнымъ комитетамъ предоставлялись равныя права, но на самомъ дѣлѣ правами этими въ полной мѣрѣ воспользовались только два комитета—петербургскій и московскій, казанскому же и кіевскому, по уставу о дух. цензурѣ, изложенному въ XIV т: Свода законовъ, предоставлено было право разсматривать только мелкія сочиненія, какъ-то: небольшія разсужденія, слова и программы, которыя поступали къ нимъ отъ лицъ собственно ихъ окружнаго училищнаго вѣдомства. Въ виду такой немногосложной работы ихъ членамъ не положено было никакого вознагражденія. Должность ихъ была ограничена трехлѣтнимъ срокомъ, послѣ котораго на новое трехлѣтіе выбирались конференціею и представлялись на утвержденіе Св Синода другіе члены или вновь тѣже самые, если были на то согласны.

Членами казанскаго цензурнаго комитета послѣдовательно были слѣдующія лица: на мѣсто одного изъ первыхъ, перечисленныхъ нами, членовъ—архим. Серафима, выбывшаго изъ академіи въ 1846 г., назначенъ былъ проф. іеромонахъ Антоній Радонежскій; архим. Климентъ и проф. Фотій продолжали служить и второе трехлѣтіе до 1850 г., когда тоже выбыли изъ Казани, а въ 1851 г. вслѣдъ за ними выбылъ и проф. Антоній,—на мѣсто ихъ назначены: инспекторъ Макарій, служившій до 1853 г., проф. Паисій, служившій до 1854 г., и проф. Серафимъ Протопоповъ—до 1856 г.; затѣмъ слѣдовали: архим. Ѳеодоръ Бухаревъ (1854—1858 г.), протоіерей Андрей Іорданскій (1854—1866 гг.,—четыре трехлѣтія), архим. Веніаминъ Благоправовъ (1856—1858), преемникъ Ѳеодора по инспекторству архим. Филаретъ (1858—1859), проф. Н Соколовъ (съ 1858 г. четыре трехлѣтія), слѣдовавшіе за Филаретомъ инспекторы—два Веніамина и Владиміръ, проф. И. Гвоздевъ (съ 1864 г. два трехлѣтія), баккалавръ свящ. Е. Маловъ (съ 1869 г.). Кромѣ этихъ постоянныхъ цензоровъ, конференція, по требованію обстоятельствъ, съ разрѣшенія Св. Синода, назначала иногда еще временныхъ цензоровъ. Въ 1855 г., по случаю изданія проф. Ильминскимъ книги Мухаммеда Биркили на арабскомъ языкѣ, котораго наличные цензоры не знали, назначенъ былъ цензоромъ этого изданія проф. Г. С. Саблуковъ. Въ 1857 г. появились переводы книжки преосвященнаго Григорія День святой жизни на чувашскомъ и черемисскомъ языкахъ; временнымъ цензоромъ

для разсмотрѣнія ихъ назначенъ былъ протоіерей В. П. Вишневскій. Въ 1862 г. для изданія новыхъ переводовъ Н. И. Ильминскаго на народный татарскій языкъ цензура ихъ была поручаема временно опять проф. Саблукову, а въ 1864 и 1869 гг. баккалавру Е. А. Малову. Кромѣ того, такъ какъ эти изданія состояли изъ переводовъ священныхъ и богослужебныхъ книгъ, цензура которыхъ выходила изъ области цензурныхъ полномочій академическаго комитета, то конференція для облегченія и ускоренія ихъ изданія должна была нарочно ходатайствовать о дозволеніи разсматривать ихъ при академіи; опредѣленіемъ Св. Синода отъ 28 іюля 1865 г. ходатайство это было уважено въ виду особенной пользы отъ означенныхъ переводовъ для просвѣщенія инородцевъ.

Въ первое время послѣ открытія комитета у него цѣлыхъ 10 лѣтъ не было почти никакого дѣла. Въ своихъ ежемѣсячныхъ донесеніяхъ конференціи онъ только и доносилъ о томъ, что ему ничего не приходилось разсматривать; въ 1847 г. конференція, соскучившись читать эти донесенія, распорядилась даже, чтобы онъ дѣлалъ ихъ не ежемѣсячно, а по третямъ года. На разсмотрѣніе его поступали большею частію только кос-какія проповѣди (преосв. Григорія, архим. Климента и др.); самыми крупными вещами изъ бывшихъ на его разсмотрѣніи въ это время были: Жизнеописанія казанскихъ чудотворцевъ баккалавра Г З. Елисеева, І. Христосъ на Голгоѳѣ или семь словъ на крестѣ архим. Антонія Радонежскаго и Русско-калмыцкій словарь свящ. Смирнова. При всей скудости литературныхъ работъ, поступавшихъ къ нему, онъ и изъ нихъ добрую половину или браковалъ для печати, или боязливо отстранялъ отъ себя. Литературное дѣло было тогда дѣло необычное и весьма опасное; члены комитета да и начальство академіи боязливо переворачивали каждую рукопись и такъ и сякъ по цѣлымъ мѣсяцамъ, даже годамъ, не зная, что съ ней дѣлать, обраковать или пропустить въ печать, особенно опасаясь пропустить, и нарочно придумывали разные предлоги для того, чтобы какъ нибудь отсунуть ее отъ себя. Въ первый же годъ своего существованія комитетъ былъ обезпокоенъ присылкой отъ попечителя казанскаго округа для цензуры программъ испытанія учениковъ уѣздныхъ училищъ и лицъ, экзаменующихся для полученія перваго чина, по катихизису и св. исторіи; программы эти состояли изъ переписанныхъ въ отдѣльномъ видѣ оглавленій катихизиса митро-

полита Филарета и учебника свящ. исторіи для народныхъ школъ. И комитетъ и конференція, съ которой онъ снесся по этому дѣлу, нашли, что такое требованіе попечителя превышаетъ ихъ полномонія, и отослали ему присланныя программы обратно, отказываясь ихъ одобрить для печати „по неимѣнію въ виду правилъ касательно печатанія таковыхъ программъ отдѣльно отъ книгъ“ (1). Въ 1848 г. комитетъ пришелъ въ затрудненіе по случаю присланной ему на цензуру рукописи краткой алгебры учителя пермской семинаріи Щапкова; по уставу (§ 348) онъ имѣлъ полное право цензоровать это сочиненіе, какъ назначавшееся въ качествѣ учебника для семинаріи; но дѣло въ томъ, что въ семинаріяхъ былъ уже давно введенъ учебникъ алгебры Собржинскаго, одобренный Св. Синодомъ,—объ этомъ слѣдовало подумать да и подумать Подумали и рѣшили—отказать автору подъ предлогомъ величины его сочиненія (30 листовъ), такъ какъ комитетъ имѣетъ право цензоровать только небольшія сочиненія. Въ 1849 г., по причинѣ тоже величины рукописей, комитетъ отстранилъ отъ себя цензуру двухъ брошюръ профессора нижегородской семинаріи іером. Макарія Миролюбова, извѣстнаго изслѣдователя церковныхъ древностей: Сказаніе о жизни и чудесахъ преп. Макарія Желтоводскаго и Начертаніе жизни и дѣяній Питирима епископа нижегородскаго. Сочиненія эти напечатаны авторомъ послѣ (первое въ 1857, второе въ 1851 г.) помимо казанской цензуры.—Робость академической цензуры была особенно замѣчательна при разсматриваніи ею рѣчей, читавшихся на академическихъ актахъ 8 ноября и назначавшихся обыкновенно для напечатанія вмѣстѣ съ отчетомъ о состояніи академіи. Комитетъ рано или поздно все-таки еще пропускалъ эти рѣчи съ одобреніемъ, но потомъ ихъ задерживалъ у себя ректоръ Григорій. При отъѣздѣ послѣдняго изъ академіи конференція получила отъ него полностію и въ сохранности всѣ рѣчи и отчеты за все время его ректорства и начала было дѣло объ ихъ напечатаніи, но скоро бросила его за неблаговременностію уже такого печатанія. Изъ всѣхъ рѣчей, говоренныхъ на академическихъ актахъ, въ печати явились только двѣ рѣчи архим. Серафима Аретинскаго и рѣчь: Іисусъ Христосъ на Голгоѳѣ или семь словъ на крестѣ, архим. Антонія

(1) Д. конфер. 1845 г. № 13.

Радонежскаго, напечатанныя впрочемъ не академіей, а самими авторами

Съ 1855 г. послѣ основанія академическаго журнала дѣятельность комитета сразу оживилась, потому что всѣ статьи журнала проходили чрезъ его цензуру, и самыя книжки Собесѣдника выходили съ его цензурными билетами. Въ прежніе годы онъ разсматривалъ всего по 2—3 статьи въ годъ; въ 1855 г. имъ процензуровано было сразу 28 статей и выдано 3 билета на выпускъ книжекъ журнала. Въ 1858 г. при ректорѣ Іоаннѣ разсмотрѣно было 76 статей и выдано 16 выпускныхъ билетовъ,—это было самое большое количество работы комитета за всѣ, даже и послѣдующіе годы его существованія; послѣ ему приводилось иногда выдавать только бо́льшее количество выпускныхъ билетовъ (напр. въ 1867 г. до 37 билетовъ),—это происходило отъ того, что авторы статей въ Прав. Собесѣдникѣ чаще брали себѣ отдѣльные оттиски этихъ статей. Но только лишь дѣятельность его развернулась, какъ его и самый журналъ постигъ сильный ударъ. Указомъ Св. Синода отъ 5 марта 1859 г. цензура оригинальныхъ статей журнала была переведена изъ казанскаго въ московскій цензурный комитетъ. Опальное положеніе журнала и цензурнаго комитета продолжалось болѣе полутора лѣтъ (1). Уже во второй половинѣ 1860 г. дѣятельность комитета снова вошла въ свою обычную колею.

Между тѣмъ съ 1860-хъ годовъ, съ усиленіемъ литературной производительности и въ академіи, и вообще въ духовномъ вѣдомствѣ, цензурный комитетъ, служившій безъ всякаго вознагражденія за труды и постоянно стѣсняемый въ своей дѣятельности узкимъ кругомъ своихъ полномочій, нуждался не столько въ репрессаліяхъ, сколько въ нѣкоторомъ поощреніи и расширеніи своихъ правъ. Вотъ напр. къ какого рода фикціямъ приходилось прибѣгать и ему, и литературнымъ дѣятелямъ по милости ограниченія его полномочій только кругомъ лицъ его окружнаго учебнаго вѣдомства. Въ 1862 г. проф. Н. И. Ильминскій, состоявшій тогда на службѣ при университетѣ, а не въ академіи, предпринялъ изданіе татарскаго букваря, первой книги, съ которой онъ

(1) Красносельцева Краткая Исторія Пр. Собесѣдника, стр. 31—34.

началъ свою плодотворную издательскую дѣятельность для христіанскаго образованія крещеныхъ татаръ, и обратился за цензурой для этого изданія въ академическій комитетъ. Послѣдній отказалъ ему въ просьбѣ на томъ основаніи, что онъ, профессоръ, не принадлежитъ къ учебному академическому вѣдомству. Не желая втягиваться въ длинную процедуру, сопряженную съ отсылкой рукописи въ чужую иногородную цензуру, почтенный дѣятель казанскаго края для упрощенія и ускоренія дѣла рѣшился отказаться даже отъ своего авторскаго имени и издалъ свою книжку отъ имени своего бывшаго ученика, учителя казанской семинаріи Я. П. Фортунатова, труды котораго академическій цензурный комитетъ имѣлъ полное право разсматривать; такимъ образомъ первое изданіе букваря Н. П. Ильминскаго вышло подъ чужимъ именемъ. Съ 1863 г. онъ снова поступилъ на службу въ академію и продолжалъ свои изданія, проводя ихъ чрезъ академическій комитетъ, подъ своимъ собственнымъ именемъ, какъ лице уже подвѣдомственное академіи.

Въ 1863 г. въ академіи возникъ вопросъ о расширеніи правъ цензурнаго комитета и о вознагражденіи за службу его членовъ. Пока при академіи не былъ основанъ духовной журналъ, о такомъ вознагражденіи цензоровъ не было и рѣчи; потомъ до того времени, пока средства журнала не были подорваны указомъ о переводѣ его цензуры въ Москву, члены комитета получали за свои труды достаточное вознагражденіе изъ суммъ редакціи. Съ 1860 г. этотъ источникъ для нихъ изсякъ и они должны были работать совершенно безмездно. Въ сентябрѣ 1863 г. комитетъ обратился наконецъ къ конференціи съ просьбой ходатайствовать о сравненіи его по правамъ и жалованью съ другими комитетами—петербургскимъ и московскимъ, на томъ основаніи, что а) въ уставѣ между нимъ и этими комитетами не положено никакого различія, б) въ казанскій комитетъ поступаетъ на цензуру очень много статей отъ лицъ, не принадлежащихъ къ учебному вѣдомству академическаго округа, и онъ долженъ отказывать такимъ авторамъ, ставя и себя, и ихъ въ неловкое положеніе и подвергаясь съ ихъ стороны нареканію, в) ему много приходится работать надъ цензурой академическаго журнала,—каждому члену приходится просмотрѣть до 45—47 листовъ журнальныхъ статей, а вознагражденія за этотъ трудъ комитетъ не получаетъ. Конференція въ октябрѣ 1864 г. ходатайствовала,

но Св. Синодъ не принялъ этого ходатайства и комитетъ остался съ прежними своими правами и безъ жалованья (1).

О постоянной дѣятельности конференціи б) по производству экзаменовъ въ академіи и в) по удостоенію ученыхъ степеней мы намѣрены говорить послѣ, когда будемъ разсматривать жизнь и судьбу воспитанниковъ академіи, которыхъ эта дѣятельность почти однихъ только и касалась. Удостоеніе ученыхъ степеней въ конференціи производилось по окончаніи каждаго студенческаго курса. Былъ только одинъ случай удостоенія магистерской степени кандидата не изъ казанскихъ воспитанниковъ академіи: въ 1868 г. выдержалъ предъ конференціею магистерскій экзаменъ, получилъ одобреніе за свое магистерское сочиненіе и удостоенъ степени кандидатъ петербургской академіи В. В. Миротворцевъ, служившій въ казанской академіи преподавателемъ на противобуддійскомъ миссіонерскомъ отдѣленіи. Другихъ искателей академическихъ степеней кандидата и магистра не изъ своихъ студентовъ конференція казанской академіи не имѣла ни одного во все время своего существованія, если не считать такимъ искателемъ нѣкоего священника Пермской епархіи Іоанна Масалкина, приславшаго въ ноябрѣ 1858 г курьезное заявленіе въ академію: извѣстившись де, что „сія духовная академія или иная удостоиваетъ степеней духовнаго образованія высшихъ“, посылаетъ онъ два разсужденія — 1) о средствахъ избѣгать преступленій противъ вѣры, церкви и отечества на 153 страницахъ и 2) о томъ, что дѣлаетъ крестьянина умнымъ, добрымъ и славнымъ сельскимъ хозяиномъ — на 235 страницахъ, оба въ 57 проповѣдяхъ, съ приложеніемъ къ нимъ еще перечня всѣхъ своихъ семинарскихъ сочиненій, начиная съ періодовъ, за всѣ годы семинарскаго курса до 1846 г. съ „похвалками“ и помѣтами ректоровъ,—на тотъ конецъ, чтобы академія удостоила его „академической степени со всѣми ея правами“; въ заключеніе искатель степени жаловался на крайнюю свою бѣдность, которая не дала ему возможности добыть даже порядочной бумаги для прошенія и изъ которой онъ желаетъ непремѣнно выйти. Канцелярія конференціи деликатно отвѣтила ему, что академическія степени даются не за одни сочиненія, тѣмъ болѣе не за про-

(1) Д. конфер. 1864 г. № 18.

повѣди, а вообще за успѣхи въ наукахъ академическаго курса. Въ январѣ 1859 г., еще раньше полученія этого отвѣта, о. Масалкинъ прислалъ другое прошеніе, которымъ побуждалъ конференцію „для пользы отечеству и православной церкви“ рѣшить его дѣло поскорѣе, а въ концѣ февраля, уже получивши отъ канцеляріи отказъ въ первомъ прошеніи, вступилъ съ конференціей даже въ полемику, доказывая въ новомъ длинномъ письмѣ, что „въ проповѣдяхъ его хорошо видны всѣ науки, и богословіе, и обрядословіе, и медицина, и сельское хозяйство и проч.“, что уроки въ академіи тѣже, что въ семинаріи, что онъ „всѣ ихъ имѣетъ въ головѣ“ и, хоть не образовывался въ академіи, но „показалъ своими сочиненіями образованіе вполнѣ академическое“, что и академики многіе бываютъ очень слабымъ народомъ, наоборотъ же и между семинаристами есть очень умныя головы. Письмо это было подписано авторомъ съ новымъ титуломъ, который онъ вѣроятно сталъ постоянно употреблять съ этого времени: „священникъ студентъ, подавшій на ученую академическую степень со всѣми правами ея“. Не обращая вниманія на то, что канцелярія прекратила съ нимъ всѣ сношенія, онъ и послѣ не переставалъ осаждать ее письмами; въ одномъ письмѣ писалъ, что онъ непремѣнно долженъ получить „степень или доктора, или бакалавра, или магистра“ и остается „въ полномъ, скоромъ и нетерпѣливомъ ея ожиданіи“,—въ другомъ, что медлительность академіи убиваетъ его и, главное, лишаетъ тѣхъ денегъ, которыя онъ получилъ бы отъ ученой степени и отъ своего сочиненія по напечатаніи онаго на академическій счетъ (1).

Кромѣ общихъ удостоеній ученыхъ степеней при окончаніи каждаго академическаго курса, были и частные случаи такого удостоенія, но они касались тоже исключительно бывшихъ воспитанниковъ академіи, и именно тѣхъ, которые оканчивали курсъ кандидатами или студентами съ правами на слѣдующую высшую степень по прослуженіи на духовно-училищной службѣ извѣстнаго, большею частію двухгодичнаго срока; кончившіе курсъ безъ этихъ правъ или съ правами получить слѣдующую степень подъ условіемъ подачи новаго сочиненія и даже новаго экзамена являлись искателями высшихъ степеней крайне рѣдко,—примѣры такого исканія извѣстны всѣ наперечетъ. Такъ, кандидатъ V курса А. Стек-

(1) Д. конфер. 1858 г. № 14.

ловъ, кончившій въ 1854 г. съ правомъ на степень магистра подъ условіемъ подачи новаго сочиненія, подалъ такое сочиненіе (Жизнь и сочиненія св. Іоанна Дамаскина) и удостоенъ степени въ 1868 г.. Воспитанники VII курса Ѳ. Воиновъ, В. Терсинскій и А. Благодаровъ, кончившіе въ 1858 г. студентами съ правами на кандидатскую степень подъ такимъ же условіемъ подачи новыхъ сочиненій, получили искомыя степени,— первый въ 1859 г., двое остальныхъ въ 1860 г.. Еще одинъ студентъ того же курса М. Масловскій, кончившій студентомъ безъ всякихъ правъ, въ 1865 г. получилъ степень кандидата по выдержаніи вторичнаго кандидатскаго экзамена и послѣ подачи новаго сочиненія (1). Надобно замѣтить, что такое исканіе высшей степени послѣ выхода изъ академіи было не легко, отъ того вѣроятно бывшіе воспитанники академіи такъ рѣдко на него и рѣшались. Въ 1860-хъ годахъ кандидатъ VIII курса іером. Евсевій Лещинскій, кончившій кандидатомъ съ правомъ на магистерскую степень подъ условіемъ подачи новаго сочиненія, два раза представлялъ сочиненія на эту степень, но такъ и не могъ ее получить. Такая же неудача въ концѣ 1860-хъ годовъ постигла кандидата XI курса А. Можаровскаго, подававшаго на степень магистра тоже два сочиненія (2); но въ 1881 г. онъ подалъ въ совѣтъ академіи еще третье сочиненіе и таки достигъ своей цѣли,— въ это время онъ былъ уже извѣстнымъ писателемъ и членомъ-соревнователемъ Общества исторіи и древностей Конференція къ такимъ искателямъ степеней относилась вообще несравненно строже, чѣмъ къ только лишь оканчивавшимъ курсъ студентамъ, вѣроятно потому что, удаленные отъ своего просвѣтительнаго центра, на мѣстахъ своего служенія они съ трудомъ могли слѣдить за современнымъ движеніемъ науки, невольно отставали отъ него и не могли удовлетворять требованіямъ академической критики, да кромѣ того въ рѣдкихъ семинаріяхъ могли найти подъ руками и достаточное количество научнаго матеріала для своихъ ученыхъ работъ на соисканіе степеней.

Присужденіе высшей ученой степени—доктора богословія конференціи казанской академіи случилось произвести одинъ только разъ уже подъ конецъ своего существованія въ

(1) Д. конфер. 1868 г. № 9. 1859 г. №№ 10 и 14. 1864 г. № 25.
(2) Д. конфер. 1862 г. № 18. 1868 г. № 9.

1869 г. Въ началѣ мая преосвящ. Антоній, какъ докторъ богословія, предложилъ конференціи удостоить этой степени ректора академіи архим. Никанора за его сочиненіе: Разборъ римскаго ученія о видимомъ главенствѣ въ церкви на основаніи св. Писанія и преданія первыхъ вѣковъ христіанства, присовокупивъ къ этому предложенію и свой отзывъ о рекомендуемомъ сочиненіи, написанный въ соотвѣтствіе 294 и 413—426 §§ устава академій о присужденіи докторской степени. Въ отзывѣ было сказано, что означенное сочиненіе а) написано строго-точнымъ методомъ, б) раскрываетъ предметъ, въ русской богословской литературѣ мало разработанный, можетъ служить важнымъ пособіемъ къ опроверженію римскаго ученія и для духовно-учебныхъ заведеній, и для духовенства, особенно служащаго въ западномъ краѣ и за границей, напр. въ Вѣнѣ, гдѣ протоіереемъ Раевскимъ оно пріобрѣтено въ значительномъ количествѣ экземпляровъ для распространенія между славянами, в) изчерпываетъ предметъ свой со всѣхъ сторонъ и по всѣмъ источникамъ, даже такимъ, которые ко времени выхода книги только что открыты, г) написано языкомъ приличнымъ предмету и строго выдержаннымъ, въ тонѣ умѣренномъ и неоскорбительномъ, д) принадлежитъ, согласно 419 § устава, автору честнаго и неукоризненнаго образа жизни и отличающагося отлично ревностною службою, наконецъ е) многими почтенными судьями признано сочиненіемъ замѣчательнымъ и весьма полезнымъ, напр. покойнымъ митрополитомъ литовскимъ Іосифомъ, преосвященнымъ Иннокентіемъ херсонскимъ, президентомъ академіи наукъ И. И. Давыдовымъ, митрополитомъ Исидоромъ, бывшимъ экзархомъ Грузіи, преосвященными Василіемъ полоцкимъ, Филаретомъ нижегородскимъ и Макаріемъ литовскимъ, К. С. Сербиновичемъ, А. Н. Муравьевымъ. 5 мая конференція, согласившись съ этимъ предложеніемъ, послала свое рѣшеніе на утвержденіе Св. Синода, а отъ 17 октября пришло и самое утвержденіе автора въ степени „во вниманіе, какъ писалось въ бумагѣ, къ отзывамъ докторовъ богословія, духовника Ихъ Величествъ протопресвитера В. Б. Бажанова и главнаго священника арміи и флотовъ, протоіерея Богословскаго, о достоинствѣ сего сочиненія“ (1).

(1) Д. конфер. 1869 г. № 10.

3) *Академическіе акты.* Самыя торжественныя собранія конференціи были во время публичныхъ экзаменовъ, о которыхъ рѣчь впереди, и ежегодно въ день годовщины академіи 8 ноября или торжественнаго академическаго акта, на которомъ она, во главѣ всей академической корпораціи, выступала предъ публикой, предлагала ей ученую рѣчь устами своего оратора изъ членовъ академической корпораціи и чрезъ своего секретаря давала отчетъ о годичной дѣятельности академіи.

Въ первые годы до ректора Агаѳангела эти акты производились особенно торжественно; юная академія видимо желала блеснуть передъ казанской публикой, показать свое значеніе и завоевать у общества подобающее себѣ вниманіе и уваженіе. Она принимала, какъ можно, болѣе праздничный видъ и убирала свое актовое помѣщеніе лучшей своей мебелью, коврами, всѣмъ, чѣмъ могла; почетнымъ лицамъ города, университета и другихъ учебныхъ заведеній разсылались печатныя приглашенія на торжество съ его программой. Преосвященный 8 ноября большею частію служилъ въ академической церкви. Послѣ перваго акта 1842 г при открытіи академіи, который совершался въ залѣ ректора въ Спасскомъ монастырѣ, слѣдующій актъ происходилъ уже черезъ два года, когда академія перешла въ Мельниковскій домъ. Здѣсь была обширная зала, обращенная вскорѣ въ церковь; въ ней и производились актовыя собранія, при чемъ алтарь церкви завѣшивался по всему иконостасу большой бѣлой занавѣсью. Въ 1847 г. акта не было по случаю свирѣпствовавшей въ Казани холеры. Съ 1848 г., когда академія перешла въ собственныя помѣщенія, въ которыхъ особой залы не было, для актовъ назначались или большая аудиторія, или чаще академическая церковь; алтарь послѣдней и амвонъ на это время тоже закрывались занавѣсью, клиросы убирались прочь и церковь превращалась въ залу; каѳедра оратора, столъ и кресла членовъ конференціи разставлялись предъ закрытымъ иконостасомъ, остальную часть церкви занимала публика, обращенная лицами къ востоку и къ конференціонному столу. Засѣданіе открывалось обыкновенно въ 1 часу пополудни и продолжалось до 4 — 5 часовъ, состоя изъ чтенія рѣчи и отчета и сопровождаясь пѣніемъ студенческаго хора.

Составленіе рѣчей въ первыя 10 — 11 лѣтъ принимали на себя начальствовавшія или болѣе заслуженныя лица академической корпораціи и писали ихъ съ особеннымъ тщаніемъ

и краснорѣчіемъ. На второмъ актѣ 1844 г. рѣчь читалъ, какъ и на первомъ 1842 г., инспекторъ Серафимъ Аретинскій „О благотворныхъ дѣйствіяхъ христіанской религіи въ родѣ человѣческомъ“, или, какъ можно передать ея содержаніе точнѣе, о плодахъ искупленія и дарованной чрезъ него благодати Божіей въ жизни человѣка и человѣчества; въ 1845 г.—профессоръ церковнаго краснорѣчія іеромонахъ Фотій „О характерѣ св. Писанія“; въ 1846 г.—профессоръ св. Писанія іером. Антоній Радонежскій—извѣстное свое сочиненіе: „Іисусъ Христосъ на Голгоѳѣ или семь словъ Его на крестѣ“; въ 1848 г.—профессоръ нравственнаго богословія іером. Паисій Пылаевъ „объ истинномъ христіанскомъ образованіи“; въ 1849 г.—экстраординарный профессоръ философіи Н. П. Соколовъ „О предразсудкахъ“; въ 1850 г.—снова проф. Антоній Радонежскій—рѣчь подъ заглавіемъ: „І. Христосъ на пути изъ Сіона въ садъ Геѳсиманскій“; въ 1851 г.—профессоръ церковной исторіи А. И. Беневоленскій „О еврейскомъ государствѣ по начертанію боговдохновеннаго Моисея“; въ 1852 г.—инспекторъ и профессоръ богословія архим. Макарій „О недѣйствительности покаянія послѣ смерти“; въ 1853 г.—проф. св. Писанія архим. Серафимъ Протопоповъ—подъ заглавіемъ: „Исторія откровеній Божіихъ о Мессіи въ періодѣ допророческій“. Нѣкоторыя изъ этихъ рѣчей, особенно рѣчи Антонія Радонежскаго и проф. Беневоленскаго, обладали замѣчательными достоинствами, рѣчи перваго — въ религіозно-художественномъ и назидательномъ отношеніи, рѣчь втораго - съ научно-исторической и археологической стороны, и вѣроятно произвели хорошее впечатлѣніе на публику.

Но главнымъ украшеніемъ тогдашнихъ актовъ былъ краснорѣчивый секретарь конференціи, проф. Д. Ѳ. Гусевъ, придававшій имъ много торжественности и парадности своими эффектными отчетами. Въ теченіе 10 лѣтъ своего безмезднаго служенія по должности секретаря конференціи онъ изъ года въ годъ составлялъ эти отчеты, представляющіе теперь въ полномъ своемъ собраніи большой томъ in folio въ 270 слишкомъ писанныхъ листовъ самаго отборнаго ораторства; онъ какъ будто нарочно былъ созданъ для этого своего поста, чтобы служить, такъ сказать, казовымъ концомъ академіи для публики, очень чувствительной въ то (да и во всякое) время къ пышнымъ рекламамъ и фразѣ. Самая его внѣшность, когда онъ выступалъ на каѳедру съ тетрадью отчета,

оживленный, нарядный, самодовольный, показывала, что онъ любилъ дѣло публичнаго представительства академіи, увлекался и рисовался имъ. Въ 1845 г., по выходѣ своемъ изъ духовнаго званія въ свѣтское, онъ въ первый разъ явился на актѣ въ полномъ свѣтскомъ мундирѣ, въ чулкахъ и башмакахъ, рѣзко выдѣляясь изъ среды своей скромной братіи въ ея обычныхъ вицмундирныхъ фракахъ и обращая на себя общее вниманіе посѣтителей торжества. Такимъ же показнымъ характеромъ отличается и весь складъ его актовыхъ отчетовъ. Всѣ они написаны весьма обстоятельно, обнимая всѣ болѣе замѣчательныя черты годичной жизни академіи, и на основаніи не однихъ только оффиціальныхъ документовъ, но и живыхъ наблюденій самого автора, кромѣ того отличаются самой тщательной отдѣлкой, красивой прагматичностью изложенія на манеръ стройныхъ историческихъ очерковъ и вмѣстѣ умѣньемъ каждый, нѣсколько рекомендующій академію, фактъ выставить къ мѣсту, въ наиболѣе яркомъ свѣтѣ и, что называется, ребромъ. Слушаніе ихъ, по отзыву современниковъ, было несравненно занимательнѣе слушанья самыхъ рѣчей иныхъ профессоровъ богослововъ.

Каждый изъ его первыхъ отчетовъ начинался обыкновенно пышнымъ вступленіемъ, имѣвшимъ цѣлію возбудить любопытство слушателей. Такъ, въ отчетѣ 1844 г. онъ распространился о важности въ жизни новаго учебнаго заведенія первыхъ его шаговъ, которыми опредѣляется направленіе его послѣдующаго хода, и задался цѣлью уловить характеръ такого направленія въ фактахъ двухгодичной жизни новой казанской академіи (за 1843 и 1844 годы, потому что въ 1843 г. акта не было). Отчетъ слѣдующаго 1845 г. онъ началъ разъясненіемъ того, какъ важно и частнымъ лицамъ, и цѣлымъ ассоціаціямъ людей отъ времени до времени сознательно оглядываться на свое прошлое, чтобы, изучая и группируя пережитые факты, извлекать изъ нихъ уроки практической мудрости, возводить ихъ къ высшимъ соображеніямъ, открывать недостатки и т. д.. Въ 1848 г., когда въ новомъ помѣщеніи академіи актъ совершался особенно торжественно, проф. Гусевъ началъ свой отчетъ краснорѣчивымъ изображеніемъ губительныхъ дѣйствій холеры, которая заставила академическую жизнь отклониться нѣсколько отъ уставнаго теченія, но вмѣстѣ съ тѣмъ обнаружила въ членахъ академической корпораціи прекрасныя черты само-

отверженія, безкорыстнаго человѣколюбія и проч.. Особенно пышно начинался отчетъ 1851 г.: „Время идетъ непрерывно", говорилъ ораторъ-секретарь: „описывая періодически свою орбиту, которую мы представляемъ себѣ одинаковой съ орбитой земнаго шара. Кругообразность пути времени дѣлаетъ то, что каждая точка его орбиты можетъ быть принята за начало времясчисленія, за начало года: отъ того у каждаго изъ насъ можетъ быть свой собственный годъ, отличный отъ установленнаго гражданскаго года. Опредѣленная періодичность времени даетъ намъ возможность мысленно останавливаться на извѣстныхъ точкахъ его орбиты, чтобы дать себѣ отчетъ въ извѣстномъ пройденномъ пути времени, вникнуть въ явленія жизни, наполнившія пространство этого пути". Точки эти должны быть чаще у частныхъ лицъ, которыхъ дніе лукави суть, по неизвѣстности, которая изъ точекъ будетъ послѣднею; для цѣлыхъ обществъ человѣческихъ — рѣже. Затѣмъ доказывается, что для академіи удобнѣе производить пересмотръ протекшихъ событій ея жизни черезъ годъ, т. е. 8 ноября. „Пусть же время идетъ неудержимо; мы по силѣ могущества, принадлежащаго мысли, оторвемся отъ его движенія впередъ и остановимъ наше вниманіе на прошедшемъ нашей академіи за 9-й годъ ея дѣятельности" и т. д..

Въ изложеніи самыхъ отчетовъ дѣловой докладъ постоянно сопровождается разными ораторскими вставками, нерѣдко очень тенденціознаго характера, въ которыхъ секретарь старался провести свои любимыя идеи. Напр. въ 1844 г., характеризуя ученое направленіе академіи, будто бы успѣвшее уже обнаружиться къ этому времени, онъ видитъ въ немъ гармоническое сліяніе знаній апріорическихъ, надъ которыми онъ всегда любилъ подсмѣяться, съ положительными. „Съ любовію изучая божественныя откровенныя истины, испытуя философскимъ окомъ глубины духа человѣческаго въ построеніи разныхъ системъ философскихъ, гг. студенты съ равнымъ усердіемъ, со всѣмъ жаромъ обращали во внутреннее свое достояніе непреложныя и въ своемъ примѣненіи безграничныя истины математическія, изслѣдованія физическія и уроки исторіи, подкрѣпляя себя на широкомъ полѣ учености изученіемъ литературы древнихъ и новыхъ языковъ. Такое ученое направленіе безъ сомнѣнія должно быть признано наилучшимъ. Оно строго обуздываетъ мечтательность, раждаемую и питаемую наклонностію къ апріоризму, къ голымъ, отвлеченнымъ поня-

тіямъ, любители которыхъ, владѣя діалектическою ловкостію, будучи въ существѣ нищими по познаніямъ, считаютъ себя богачами (пусть де разумѣютъ, кому слѣдуетъ). Оно поддерживаетъ духъ неутомимаго трудолюбія въ своихъ приверженцахъ, заставляя ихъ погружаться въ безграничную бездну жизни, великолѣпно представляющей себя испытательному уму въ явленіяхъ, законахъ и силахъ природы и въ судьбахъ рода человѣческаго. Оно даетъ въ результатѣ твердыя, неопровержимо-вѣрныя знанія. Оно наконецъ производитъ ученое смиренномудріе, потому что природа и судьбы рода человѣческаго представляютъ намъ почти на каждомъ шагу множество тайнъ, предъ которыми изчезаетъ вся мудрость человѣческая,... тогда какъ въ области отвлеченія, гдѣ самъ разумъ человѣческій независимый владыка, нѣтъ такихъ трудностей, которыя бы онъ не могъ разрѣшить посредствомъ діалектической игры отвлеченными понятіями, а потому голый, пустой апріоризмъ есть родоначальникъ педантской гордости".

Изъ приведенныхъ отрывковъ достаточно видно общее направленіе отчетовъ профессора,—это направленіе панегирическое и ораторское. Онъ не пропускалъ случая, чтобы не вставить нѣсколько фразъ въ похвалу преподавателямъ, студентамъ, доктору академіи и проч., нерѣдко прибѣгая даже къ очень рискованнымъ гиперболамъ. Напр.: „Изъ ежемѣсячныхъ вѣдомостей инспектора о поведеніи студентовъ видно, что напрасенъ будетъ трудъ того, кто захочетъ отыскать въ жизни ихъ такіе поступки, которые могли бы изобличить ихъ въ какомъ либо уклоненіи отъ правилъ благоповеденія и чистой нравственности; напротивъ, онъ увидитъ здѣсь"..... и проч.. Желая выставить академію въ болѣе грандіозномъ видѣ, онъ вездѣ представляетъ ее въ университетскихъ формахъ, называя напр. группы ея наукъ историческихъ, богословскихъ, физико-математическихъ непремѣнно факультетами, баккалавровъ—адъюнктъ-профессорами и т. п..

Ректоръ Григорій долженъ былъ иногда значительно урѣзывать его широковѣщаніе, когда онъ заходилъ немного далѣе, чѣмъ слѣдовало, въ видахъ произведенія на слушателей болѣе сильнаго впечатлѣнія. Преосвященный Аѳанасій винницкій, ревизовавшій академію въ 1846 г., просматривая академическіе отчеты, остался видимо недоволенъ ихъ слишкомъ громкимъ тономъ и написалъ на поляхъ ихъ нѣсколько довольно колкихъ замѣтокъ; напр. по поводу отзыва отчета о тяж-

кихъ и ревностныхъ трудахъ наставниковъ, которые однако будто-бы не помѣшали имъ подготовлять матеріалы для будущаго академическаго журнала, замѣчено: „слишкомъ рано заговорили“; противъ похвалы студентамъ: „хороша дочка Аннушка, коли хвалитъ мать да бабушка“; противъ блестящей тирады о вліяніи на умственное развитіе народонаселенія большихъ рѣкъ и характеристики студентовъ, утверждавшей, что они, какъ урожденцы мѣстъ при большихъ рѣкахъ казанскаго округа, богаты душевными силами и рѣдкими талантами: „цвѣты-цвѣточки“. Добросовѣстный секретарь сохранилъ въ отчетахъ всѣ эти замѣтки, написанныя карандашомъ, и написалъ съ своей стороны карандашомъ же только объяснительную замѣтку объ ихъ происхожденіи, что онѣ „сдѣланы ректоромъ спб. академіи епископомъ винницкимъ Аѳанасіемъ, при силѣ, неблагопріятно смотрѣвшимъ на дѣло актовъ, введенныхъ казанскою академіей“.

Кромѣ отчетовъ о состояніи академіи, онъ составилъ еще три обширныхъ отчета о состояніи училищъ и семинарій казанскаго округа, первый за 1842—1845 годы, второй за $18^{45}/_{46}$, третій за $18^{46}/_{47}$ учебные годы. Отчеты эти представляютъ собою мастерское извлеченіе изъ документовъ окружнаго академическаго правленія и стоили составителю вѣроятно большаго труда, какъ по своей сложности, такъ и потому, что самые документы, послужившіе для нихъ источниками, отличались то неполнотою, то сбивчивостью въ показаніяхъ, то отрывочностью послѣднихъ и др. недостатками. Мы видѣли, что такіе недостатки присылавшихся изъ семинарій вѣдомостей и др. бумагъ по отчетности въ 1845 г. послужили поводомъ къ разсылкѣ по округу даже особыхъ циркуляровъ съ замѣчаніями семинарскимъ правленіямъ. Къ сожалѣнію, только тремя указанными отчетами дѣло ихъ составленія и кончилось. Самъ трудолюбивый Д. Ѳ. Гусевъ отступилъ предъ тяжестью этого рода работы. Сначала онъ только оттягивалъ составленіе такихъ отчетовъ; потомъ въ 1848 г. выпросилъ себѣ у конференціи дозволеніе составлять ихъ не за каждый годъ порознь, а за нѣсколько лѣтъ заразъ, а въ 1850-хъ годахъ сталъ уже вовсе отказываться отъ этой работы за множествомъ другихъ дѣлъ, не смотря на всѣ побужденія конференціи; при послѣдовавшихъ за нимъ секретаряхъ объ отчетахъ по округу забыла и сама конференція,—благо, не требовало ихъ и высшее начальство.

Преемникъ Д. Ѳ. Гусева по секретарству, проф. Н. П. Соколовъ дебютировалъ на актѣ 1853 г. огромнѣйшимъ, но скучнѣйшимъ отчетомъ чисто канцелярской конструкціи и по стилю, и по содержанію. Когда этотъ отчетъ представили преосвященному Григорію, онъ написалъ на представленіи (14 дек. 1853 г.): „Весьма сожалѣю, что отчетъ не былъ представленъ мнѣ предварительно“. Къ слѣдующему акту 1854 г. ректоръ Агаѳангелъ распорядился приготовить отчетъ самый краткій и не о состояніи академіи, а только о дѣйствіяхъ одной конференціи; въ составъ его входили: перечень членовъ конференціи, отчетъ по цензурному комитету и свѣденія о производствѣ окончательныхъ экзаменовъ студентамъ и о присужденіи студентамъ, кончившимъ курсъ, ученыхъ степеней. Такіе же отчеты при этомъ ректорѣ приготовлялись и къ слѣдующимъ актамъ.

Самые акты потеряли при немъ всю торжественность. Не извѣстно, почему, изъ желанія ли уклониться отъ безпокойныхъ пріемовъ актовыхъ посѣтителей, которымъ всегда предлагалось послѣ актовъ угощеніе въ квартирѣ ректора, или по внушенію преосвященнаго Григорія, только всѣ бывшіе при этомъ ректорѣ акты, кромѣ акта 1854 г., совершались въ кругу однихъ своихъ академическихъ членовъ конференціи, при томъ рано утромъ (въ 8 часовъ) до обѣдни. Въ 1854 г. рѣчь читалъ проф. Гусевъ на тему: Нѣкоторыя черты соотвѣтствія между неорганическимъ и органическимъ царствами, какъ свидѣтельство о премудрости и благости Божіей. Предметъ этотъ далъ ему поводъ широко воспользоваться фактами изъ любимыхъ имъ Бриджватерскихъ трактатовъ; рѣчь вышла очень интересная;— послѣ онъ нерѣдко читалъ выдержки изъ нея и изъ самыхъ трактатовъ на своихъ лекціяхъ, на которыхъ любилъ потолковать на тему о цѣлесообразности въ природѣ. На актѣ 1855 г. какую-то рѣчь говорилъ самъ ректоръ Агаѳангелъ, но она не извѣстна даже по содержанію; большая аудиторія, гдѣ происходилъ актъ, была совсѣмъ пуста за раннимъ временемъ акта. Тоже повторилось и на актѣ 1856 г., хотя ораторомъ на немъ выступилъ баккалавръ Н. И. Ильминскій съ замѣчательной рѣчью: „Опроверженіе исламизма, какъ необходимое условіе къ твердому принятію татарами христіанской вѣры, всего полезнѣе можетъ начаться разубѣжденіемъ ихъ въ пророческомъ достоинствѣ Мухаммеда“, гдѣ молодой оріенталистъ въ первый разъ развилъ свою мысль, сдѣлавшуюся потомъ основною мыслью

его ученой и практической дѣятельности, что въ дѣлѣ борьбы съ исламизмомъ, отличающимся большою твердостію убѣжденій, миссіонерская полемика сравнительно далеко не такое надежное средство, какъ распространеніе между мусульманами образованія, которое бы постепенно разрушало ихъ предразсудки, колебало самое ихъ коранническое міросозерцаніе и такимъ образомъ не замѣтно подготовляло ихъ къ сближенію съ христіанами и христіанствомъ.

Въ первые годы ректорства Іоанна академическіе акты снова оживились. Онъ съумѣлъ придать имъ особенную торжественность удачнымъ выборомъ рѣчей и даже внѣшней обстановкой. Актъ 1857 г. происходилъ въ залѣ библіотеки, гдѣ еще никогда не бывало актовъ. Для составленія отчета, вмѣсто тогдашняго скромнаго секретаря конференціи, И. П. Гвоздева, былъ призванъ снова блестящій Д. Ѳ. Гусевъ. Рѣчи были заказаны двоимъ молодымъ баккалаврамъ — А. И. Лилову и А. П. Щапову. Первый писалъ „О христіанскомъ характерѣ славянскихъ племенъ“, но рѣчь его не была читана на актѣ за недостаткомъ времени; она напечатана въ Собесѣдникѣ 1859 года (I, 359). Рѣчь Щапова была „О религіи и русской народности“; написана она была восторженно, съ свойственнымъ этому оратору поэтическимъ увлеченіемъ, на основаніи преимущественно русскихъ духовныхъ стиховъ, и произвела большое впечатлѣніе на публику. Рѣчь эта не была напечатана, не сохранилась и въ рукописи. По окончаніи акта пятерымъ лучшимъ студентамъ были розданы награды (изъ книгъ Прав. Собесѣдника), чего, кажется, ни разу еще не бывало въ академіи. Стеченіе публики на этомъ актѣ было впрочемъ не особенно велико; изъ университетскихъ профессоровъ былъ едвали не одинъ В. И. Григоровичъ, бывшій въ академіи своимъ человѣкомъ. Обычнымъ посѣтителямъ актовъ прежняго времени было заранѣе извѣстно, что по окончаніи акта суровый и гордый ректоръ сдѣлаетъ посѣтителямъ только свой обычный кивокъ головою и больше ничего не будетъ... Но молва о рѣчи Щапова пронеслась по городу и на слѣдующій актъ 1858 г. привлекла весьма значительное число любопытныхъ.

На этотъ разъ праздникъ удался на славу, хотя преосвященный Аѳанасій и не присутствовалъ на немъ. Еще за литургіей ректоръ выступилъ на каѳедру съ своимъ замѣчательнымъ словомъ О духовномъ просвѣщеніи Россіи (напечат. въ Со-

бесѣдникѣ 1858 г.). Самый актъ назначенъ былъ на другой день праздника, въ воскресенье 9 ноября послѣ обѣдни, въ большой аудиторіи. Для того, чтобы каѳедра и конференціонный столъ были больше освѣщены, ректоръ велѣлъ помѣстить ихъ не въ передней, а въ задней сторонѣ аудиторіи, въ углу налѣво отъ входа. Послѣ прочтенія краткаго отчета секретаря послѣдовалъ неожиданный сюрпризъ; изъ-за конференціоннаго стола, съ президентскаго мѣста раздалась тихая, но авторитетная рѣчь самого ректора, приковавшая къ себѣ общее вниманіе. Эта образцовая рѣчь, возбудившая въ свое время много толковъ, была потомъ напечатана въ Собесѣдникѣ 1859 г. подъ заглавіемъ: Нѣсколько словъ о вѣрѣ и народномъ просвѣщеніи въ Россіи. За ректоромъ говорилъ съ каѳедры А. П. Щаповъ, приготовившій къ акту свою энтузіастическую рѣчь: Голосъ древней русской церкви объ улучшеніи быта несвободныхъ людей. Журнальная критика послѣ горячо напала на эту рѣчь, когда она была напечатана въ Собесѣдникѣ 1859 г. (1); она дѣйствительно была наполнена парадоксами и преувеличеніями, но, затрогивая самый животрепещущій вопросъ тогдашней жизни, тѣмъ не менѣе произвела сильное впечатлѣніе на публику, которой быстрое, энтузіастическое, захватывающее духъ чтеніе оратора не давало ни минуты опомниться и разобраться въ его мысляхъ и картинахъ. Студенты долго оставались въ какомъ-то чаду послѣ этого акта, то спорили о содержаніи рѣчи Щапова, то, подражая голосу ректора, повторяли изъ его слова презрительныя замѣчанія о глубинѣ нравственно-религіознаго развитія современнаго общества: „Ну, не глубокое дно!... И по этому-то не глубокому дну религіозной жизни разсчитанно движутся не тяжелые грузы не крупныхъ добродѣтелей, которыми и довольствуются не высокія чувства и не широкія потребности души“,.. или слова авторитетнаго заключенія его актовой рѣчи: „Помни, Россія, что въ тотъ день, когда ты посягнешь на свою вѣру, ты посягнешь на свою жизнь“. Но этотъ блестящій актъ былъ за то и послѣднимъ въ жизни академіи при ея старомъ уставѣ.

Съ 1859 г. литературная дѣятельность академіи, заявившая себя, по мнѣнію начальства, слишкомъ уже жизненнымъ

(1) Современн. т. 84, отд. III, стр. 528 и Моск. Обозрѣніе № 2, отд. III, стр. 6.

направленіемъ, подверглась опалѣ. Самъ ректоръ бросилъ всѣ академическія дѣла и замкнулся въ своемъ кабинетѣ. Въ годовщины академіи совершались одни только обычныя религіозныя торжества: на канунѣ праздника 7 ноября утромъ, по издавна заведенному обычаю, въ академической церкви совершалось общее поминовеніе всѣхъ почившихъ благодѣтелей академіи, а такъ же служившихъ и учившихся въ ней отцовъ и братій, потомъ въ день самаго праздника служилась торжественная литургія и молебствіе съ участіемъ преосвященнаго и большей части священнослужителей г. Казани изъ бывшихъ воспитанниковъ и наставниковъ академіи. Такъ же праздновались годовщины академіи и при слѣдовавшихъ за Іоанномъ ректорахъ, съ тѣмъ только развѣ различіемъ отъ Іоанновскихъ праздниковъ, что послѣ него снова возстановились братскія собранія послѣ литургіи въ квартирѣ ректора, на которыя собиралось много и постороннихъ гостей изъ близкихъ къ академіи лицъ. Въ нихъ постоянно принималъ симпатичное участіе и преосвященный Антоній, любившій входить въ общеніе съ академической корпораціей.

Въ 1867 г. 8 ноября исполнилось 25 лѣтъ существованія казанской академіи, — думали праздновать ея юбилей. Проф. И. П Гвоздевъ составилъ къ этому дню краткую историческую записку о 25-лѣтней жизни академіи (напечатанную въ 1868 г. въ Собесѣдникѣ—ч. III, стр. 200 и 277). Но торжественный актъ, который предположено было произвести въ этотъ день, и теперь состоялся только на половину и вышелъ довольно блѣденъ, не смотря на то, что на него собралось весьма много посѣтителей изъ бывшихъ питомцевъ академіи и изъ постороннихъ лицъ. Утромъ, при участіи преосвященнаго Антонія, совершено было церковное торжество; при этомъ слово на литургіи произнесъ первый магистръ академіи I курса, протоіерей университетской церкви и профессоръ университета А. П. Владимірскій. Потомъ посѣтители собрались вмѣстѣ съ академической корпораціей въ большой аудиторіи. Академическій хоръ исполнилъ концертъ: Благословенъ Господь Богъ Израилевъ, и затѣмъ баккалавромъ А. И. Гренковымъ прочтена была, за болѣзнью самого автора, историческая записка проф Гвоздева. Рѣчи никакой не было, кромѣ назидательнаго поздравленія академіи съ юбилеемъ, сказаннаго преосвященнымъ Антоніемъ. Праздникъ заключился обѣдомъ въ квартирѣ ректора, въ которомъ, вмѣстѣ съ служащими при

академіи, приняли участіе преосвященные Антоній и Гурій (викарій казанской епархіи), большое общество почетныхъ гостей и бывшихъ воспитанниковъ академіи разныхъ ея курсовъ изъ жившихъ тогда въ Казани; отъ иногородныхъ было прислано нѣсколько телеграммъ. Отъ воспитанниковъ академіи, служившихъ при пермской семинаріи, присланъ былъ денежный даръ, 45 рублей, изъ которыхъ 13 руб. назначались въ пользу студенческой ссудной кассы, а 32 р. на крещено-татарскую школу Н. И. Ильминскаго и В. Тимоѳеева. Въ довершеніе торжества преосвященный Антоній за самымъ обѣдомъ подписалъ представленіе нѣкоторыхъ наставниковъ академіи къ заслуженнымъ ими наградамъ [1]).

III. ВНѢШНЕЕ ИЛИ ОКРУЖНОЕ ПРАВЛЕНІЕ АКАДЕМІИ.

Окружное правленіе академіи, по мысли стараго академическаго устава, представляло изъ себя нѣчто въ родѣ особаго административнаго отдѣленія конференціи, спеціально назначеннаго для ближайшаго управленія духовно-учебными заведеніями академическаго округа. Протасовская реформа духовно-учебнаго управленія, дурно отозвавшись на конференціяхъ, не могла не имѣть такого же дурнаго вліянія и на внѣшнія правленія академій. Послѣ упраздненія коммиссіи духовныхъ училищъ и устройства духовно-учебнаго управленія на канцелярскихъ началахъ и правленія эти вмѣстѣ съ конференціями стали развиваться въ бюрократическомъ направленіи, а между тѣмъ, вслѣдствіе уже выясненныхъ нами обстоятельствъ, сами по себѣ все болѣе и болѣе теряли свою административную компетентность, усвоивая себѣ чисто школьный характеръ и становясь только формальнымъ прикрытіемъ, ширмой единоличныхъ распоряженій ректора академіи или вообще начальства этой высшей школы. Неестественность и неудобства такого характера окружной учебной администраціи въ дѣлахъ внѣшняго правленія академіи обнаруживались еще рѣзче, чѣмъ въ дѣлахъ конференціи. Послѣдняя еще мало имѣла непосредственнаго соприкосновенія съ округомъ, тогда какъ первое имѣло, хотя и неособенно властныя, тѣмъ не

---

(1) Описаніе торжества см. въ Изв. по Казанск. епархіи 1867 г. № 23.

менѣе постоянныя административныя отношенія къ семинарскимъ начальствамъ и даже къ главнымъ начальникамъ епархіальныхъ учебныхъ заведеній, — епархіальнымъ архіереямъ. Отношенія эти были иногда крайне обидны и для семинарскихъ правленій, и для самихъ преосвященныхъ, когда напр. правленіе разсматривало ихъ распоряженія, дѣлало имъ замѣчанія о неправильностяхъ ихъ дѣйствій, посылало имъ, какъ это особенно часто дѣлалось при ректорѣ Іоаннѣ, довольно рѣзкіе выговоры или, по тогдашнему канцелярскому жаргону, носы.

Составъ внѣшняго правленія, по мысли стараго устава, долженъ былъ формироваться изъ членовъ не академической собственно администраціи, а конференціи, и состоять вмѣстѣ съ предсѣдателемъ — ректоромъ академіи — изъ 5 членовъ. Двое изъ этихъ членовъ должны были избираться самою конференціею изъ среды ея членовъ и опредѣлялись съ утвержденія высшаго начальства; двое другихъ принадлежали къ составу академическаго внутренняго правленія (§ 429). Но внѣшнее правленіе казанской академіи явилось уже тогда, когда старый уставъ былъ испорченъ, съ самаго же начала получило упомянутый чисто школьный характеръ и составъ. Первыми его членами были тѣже лица, которыя были членами внутренняго правленія,—ректоръ и инспекторъ съ секретаремъ,—и только вслѣдствіе очень уже неполнаго его состава и недостатка компетентныхъ лицъ въ составѣ самой академической корпораціи, къ нимъ присоединенъ одинъ изъ постороннихъ членовъ конференціи, архим. Климентъ, прослужившій въ немъ до 1850 г.; но по выходѣ его не видимъ больше ни одного такого члена въ правленіи во все время существованія послѣдняго. Въ 1845 г. сдѣланы членами внѣшняго правленія іеромонахъ Фотій и проф. Смирновъ-Платоновъ (служившій до 1847 г.). Въ слѣдующіе годы, кромѣ ректоровъ и инспекторовъ, какъ постоянныхъ членовъ, во внѣшнемъ правленіи состояли членами: проф. Антоній Радонежскій (съ окт. 1846 г. до марта 1851 г.), проф. Паисій Пылаевъ (янв. 1849—май 1854), проф. Серафимъ Протопоповъ (май 1851—1855), проф. А. И. Беневоленскій (1853—1857), проф. Г. С. Саблуковъ (1857—1862), проф. Д. Ѳ. Гусевъ (1858), архим. Ѳеодоръ (1854 — до конца инспекторства), проф. И. П. Гвоздевъ (1862—1867). Такимъ образомъ, за исключеніемъ архим. Климента, членами правленія были все лица, принадлежавшія къ составу академической профессорской

корпораціи. Только въ 1867 г. ректоръ Иннокентій вздумалъ было включить въ составъ внѣшняго правленія члена конференціи протоіерея В. П. Вишневскаго, но его представленіе не было утверждено Св. Синодомъ, такъ какъ внѣшнее правленіе тогда уже положено было упразднить и устроить духовно-учебную администрацію на другихъ началахъ; въ концѣ мая того же года пришелъ указъ и о самомъ его упраздненіи (1). Да и самое представленіе прот. Вишневскаго въ члены сдѣлано было, по всей вѣроятности, не потому, чтобы ректоръ Иннокентій дѣйствительно возревновалъ объ исполненіи 429—430 §§ академическаго устава, на которые онъ ссылался, а скорѣе потому, что, разладившись тогда съ профессорами академіи, въ послѣднее время вообще придерживался болѣе внѣшнихъ членовъ конференціи изъ градского духовенства, стараясь составить изъ нихъ особую, свою собственную партію въ управленіи въ противовѣсъ профессорской, которая дѣйствовала постоянно противъ него.—Секретарями внѣшняго правленія были разныя лица исключительно изъ наставниковъ же академіи: проф. Д. Ѳ. Гусевъ по 1845 г., потомъ временно проф. Н. П. Соколовъ, съ окт. 1845 по 1848 г. баккалавръ П. І. Палимпсестовъ, съ 1848 до 1854 г. Г. З. Елисеевъ, затѣмъ временно Н. П. Соколовъ и И. П. Гвоздевъ, съ 1857 по 1859 г. баккалавръ Я. В. Рудольфовъ, въ 1860 г. А. С. Павловъ, 1861—1862 г. М. Я. Красинъ, 1862—1864 г. М. И. Митропольскій, 1864—1867 гг. В. Я. Рожанскій, въ 1867 до упраздненія правленія А. И. Гренковъ Въ промежуткахъ между означенными лицами дѣла вели обыкновенно секретари внутренняго правленія.

Вѣдомство казанскаго окружнаго правленія, по числу духовно-учебныхъ заведеній, а особенно по пространству, на которомъ послѣднія были раскинуты, было огромное и превышало, какъ мы видѣли въ началѣ нашей исторіи, вѣдомство всѣхъ другихъ окружныхъ академическихъ правленій, кромѣ того, быстро возрастало съ открытіемъ новыхъ школъ Подъ вѣденіемъ московскаго окружнаго управленія въ казанскомъ округѣ считалось 12 семинарій, 38 уѣздныхъ и 42 приходскихъ училищъ; по отчету проф. Гусева 1844 г. семинарій осталось столько же (казанская, нижегородская, симбирская, пензенская, саратовская, тамбовская, астраханская, оренбург-

(1) Д. внутр. правл. 1867 г. № 11.

ская, вятская, пермская, тобольская и иркутская); уѣздныхъ училищъ было уже 40, приходскихъ 44 (именно училища обоихъ разрядовъ: а) казанскія, свіяжскія, чебоксарскія и чистопольскія, б) нижегородскія, печерскія и арзамасскія, в) симбирскія, сызранскія и алатырскія, г) пензенскія и нижегородскія, д) саратовскія, камышинскія и петровскія, е) тамбовскія, шацкія, липецкія и лебедянскія, ж) астраханскія, ставропольскія, моздокскія и приходское екатеринодарское, з) уфимскія, бугульминскія и челябинскія, и) вятскія, сарапульскія, яранскія и нолинскія, і) пермскія, екатеринбургскія, соликамскія, далматовскія и приходскія верхотурское и чердынское, к) тобольскія, томскія и омскія, л) иркутскія, енисейскія, нерчинскія, якутскія и приходское камчатское). Всѣхъ начальствующихъ и учащихъ лицъ въ нихъ было свыше 430, учащихся до 14700 человѣкъ.

Въ управленіе округомъ самой казанской академіей число семинарій въ немъ увеличилось открытіемъ новыхъ семинарій: въ 1846 г. ставропольской на Кавказѣ, въ 1858 г. томской и самарской; въ 1845 г. была еще открыта семинарія новоархангельская или ситхинская, стоявшая внѣ подчиненія академическому правленію,—въ 1858 г. она переведена была въ Якутскъ, а въ 1870 г. въ Благовѣщенскъ на Амурѣ. Еще болѣе было перемѣнъ въ училищахъ, которыя въ разное время переводились съ мѣста на мѣсто (въ 1842 г. казанскія въ Свіяжскъ, въ 1845 г. камчатское къ новоархангельской семинаріи, въ 1848 г. верхотурское въ Екатеринбургъ, въ 1850 г. печерскія нижегородскія въ г. Починки, въ 1854 г. свіяжскія въ Казань, въ 1858 г. енисейскія въ Красноярскъ, въ 1862 г. бугульминскія въ Бугурусланъ и проч.), открывались вновь (въ 1844 г. краснослободскія, въ 1845 ставропольскія симбирской епархіи и глазовскія, въ 1847 вольскія, балашовскія, въ 1848 бузулукскія, въ 1849 лысковскія, въ 1850 елабужскія, въ 1853 самарскія, въ 1859 николаевское, въ 1860 оренбургское, въ 1863 уральское и барнаульское) и закрывались (въ 1845 чердынское, въ 1851 лебедянскія). Въ 1852 г. правленіе было озабочено введеніемъ въ училища своего округа новыхъ положеній, изданныхъ Св. Синодомъ отъ 31 мая, въ силу которыхъ училища эти преобразовывались чрезъ соединеніе приходскихъ съ уѣздными вмѣстѣ въ одинъ составъ. Преобразованіе это вводилось постепенно и тянулось

нѣсколько лѣтъ (1). Послѣ него число училищъ уменьшилось конечно вдвое, но число учащихъ и учащихся осталось почти тоже. Число учащихся стало сокращаться къ концу 1850-хъ годовъ по причинѣ усиленія крайне рѣзкихъ, бранчивыхъ толковъ о системѣ обученія и воспитанія въ нашихъ духовно-учебныхъ заведеніяхъ, поднявшихся и въ литературѣ, и въ обществѣ, и среди самого духовенства, и вслѣдствіе распространенія между духовенствомъ обычая отдавать своихъ дѣтей для обученія въ свѣтскія учебныя заведенія. Въ 1867 г., когда внѣшнее правленіе было упразднено, въ казанскомъ округѣ, по отчету оберъ-прокурора, было: 15 семинарій и 16-я якутская, соединенныхъ по преобразованіи духовныхъ училищъ 49 и, кромѣ того, училища якутское и камчатское, начальствующихъ и учащихъ въ нихъ 446 и 12 въ якутской семинаріи и указанныхъ училищахъ, состоявшихъ на особомъ положеніи, всѣхъ учащихся 14112 и 81 якутскихъ и камчатскихъ.

Казанская академія приняла свой округъ отъ московской академіи въ очень разстроенномъ, а, можетъ быть, справедливѣе будетъ сказать — въ совершенно неустроенномъ еще состояніи. Не только на учительскихъ, но и на начальническихъ мѣстахъ по школамъ открывались такія личности, которыя, по своей дикости, теперь могутъ показаться совсѣмъ невозможными, и это не только гдѣ нибудь въ Сибири, но и гораздо ближе, въ самой даже Казани. Дѣятельность окружнаго правленія съ самаго начала направлена была къ смѣнѣ разныхъ самодурныхъ смотрителей училищъ, къ слѣдствіямъ по разнымъ неисправностямъ семинарскихъ правленій, по предложеніямъ архіереевъ о незаконныхъ поступкахъ ректоровъ семинарій, по жалобамъ учителей учебныхъ заведеній другъ на друга и на свои начальства, по ссорамъ ихъ съ посторонними лицами, по проступкамъ учениковъ, иногда весьма серьезнаго, даже уголовнаго характера. Въ 1846 г. правленіе долго разбирало одно любопытное по своему комическому характеру дѣло о ссорѣ смотрителя якутскихъ училищъ Мармарисова съ повытчикомъ мѣстнаго духовнаго правленія Слѣпцовымъ; эти двое самыхъ большихъ аристократовъ своего захолустнаго муравейника, державшіе себя чрезвычайно величественно, исписали большую тетрадь своими

(1) Д. внѣшн. правл. 1852 г. № 49.

жалобами другъ на друга, въ которыхъ подробно разсказывали, кто изъ нихъ кого чѣмъ изобидѣлъ. Дѣло это даже въ подлинномъ канцелярскомъ его видѣ, безъ всякой литературной обработки, можетъ съ успѣхомъ конкуррировать съ извѣстной ссорой Ивана Ивановича съ Иваномъ Никифоровичемъ Гоголя.

Академическое правленіе нѣсколько лѣтъ всячески билось изъ-за того, чтобы пріучить подвѣдомственныя ему семинарскія правленія къ надлежащей отчетности, къ присылкѣ въ извѣстные сроки и въ возможно исправномъ видѣ положенныхъ по уставу и по особымъ распоряженіямъ отчетовъ о состояніи духовныхъ училищъ, смѣтъ, перечневыхъ и разрядныхъ списковъ учениковъ, формуляровъ наставниковъ, конспектовъ по наукамъ, описей библіотекъ и т. п. необходимыхъ для него документовъ. Разсматривая дѣятельность конференціи, мы видѣли, что въ 1846 г. она обратила особенное вниманіе на эту отчетность семинарскихъ правленій и, по иниціативѣ своего секретаря проф. Гусева, сдѣлала въ ней даже нѣкоторыя особыя усовершенствованія въ видахъ большей ясности и осмысленности представлявшихся изъ семинарій свѣдѣній; внѣшнее правленіе разослало отъ себя подробные циркуляры съ изложеніемъ своихъ новыхъ требованій по этой части. Но все дѣло только этими циркулярами и кончилось. Нечего было и думать о какихъ нибудь статистическихъ и другихъ обобщеніяхъ, объясненіяхъ фактовъ и подобныхъ мудреныхъ новшествахъ въ представляемыхъ въ правленіе отчетныхъ документахъ, когда трудно было достигнуть даже и того, чтобы они писались по издавна принятымъ и обязательнымъ канцелярскимъ формамъ. Правленію каждый годъ приходилось посылать замѣчанія, выговоры, требованія объясненій то въ ту, то въ другую семинарію, или въ нѣсколько семинарій заразъ. Особенно часто посылались такія замѣчанія и требованія объясненій въ семинаріи кавказскую при архим. Серафимѣ, оренбургскую, гдѣ запущена была экономическая часть, и иркутскую.

Встрѣчаемъ случаи даже явнаго пренебреженія со стороны семинарскихъ начальствъ властію новаго академическаго правленія. Въ 1847 г. академія была сильно разобижена ректоромъ казанской семинаріи архим. Климентомъ, который былъ соперникомъ ректора академіи Григорія и еще раньше назначенія этого въ академію самъ мѣтилъ на его мѣсто, не любилъ и секретаря Д. Ѳ. Гусева, слишкомъ доѣзжавшаго

семинарскія начальства своей наблюдательностью и взыскательностью. Когда въ январѣ 1847 г. въ семинаріи былъ полученъ упомянутый циркуляръ внѣшняго правленія, составленный Гусевымъ, съ разными обидными замѣчаніями о веденіи отчетности семинарскими правленіями и особенно о недостаткахъ училищной и семинарской педагогіи, архим. Климентъ не сдалъ его въ семинарское правленіе, а задержалъ у себя и исписалъ по полямъ разными колкими замѣтками; противъ наиболѣе эффектныхъ мѣстъ этого ораторскаго произведенія имъ наставлены были разныя восклицанія, напр.: „Дивная ораторія! О, премудрость, премудрость! Какая нѣжность“ и пр.. Въ семинарскомъ правленіи циркуляръ этотъ явился отъ ректора уже черезъ 4 мѣсяца; инспекторъ семинаріи, Адіасевичъ, ссорившійся и судившійся съ деспотическимъ ректоромъ, завладѣлъ измараннымъ документомъ и въ маѣ подалъ въ академическое правленіе доносъ на ректора въ неуваженіи власти онаго правленія. Правленіе крѣпко вступилось за свою честь. Какъ ни оправдывался арх. Климентъ, объясняя, что замѣтки, написанныя имъ на циркулярѣ карандашомъ, имѣли чисто домашнее значеніе, сдѣланы имъ для себя лично, такъ какъ онъ, по званію члена конференціи и самого академическаго внѣшняго правленія, собирался писать отъ себя особое мнѣніе по поводу этого циркуляра, онъ былъ завиненъ въ неуваженіи высшей власти и въ нанесеніи академическому правленію публичнаго оскорбленія, потому что замѣчанія его написаны вовсе не въ тонѣ особаго мнѣнія, а въ тонѣ критики и насмѣхательства, да и самый циркуляръ задержанъ имъ на 4 мѣсяца своевольно и противозаконно; не считая себя въ правѣ входить въ сужденіе о такомъ его проступкѣ, правленіе порѣшило донести объ немъ Св. Синоду (1). Дѣло это составляетъ одинъ изъ эпизодовъ производившагося тогда длиннаго слѣдствія о поступкахъ арх. Климента и о состояніи казанской семинаріи, къ которому намъ придется еще возвратиться послѣ.

Въ 1850 г. встрѣчаемъ случай особенно рѣзкаго пренебреженія къ академической власти въ нижегородской семинаріи со стороны ея ректора архим. Аполлонія, чрезвычайно оригинальнаго и самодурнаго хохла, сдѣлавшаго впрочемъ много добраго для внѣшняго устройства этой бѣдной и крайне

(1) Д. внѣшн. правл. 1847 г. № 50.

грязной прежде семинаріи. Онъ вообще не выносилъ никакого подчиненія чужимъ распоряженіямъ, а тѣмъ болѣе распоряженіямъ такой молодой, вдругъ и неожиданно явившейся власти, какъ власть казанской академіи. Получивъ отъ нея нѣсколько разныхъ, не крупныхъ впрочемъ, замѣчаній, онъ сильно на нее озлобился, отплевывался при одномъ упоминаніи ея имени, звалъ ее не иначе, какъ „татарская академія“, и по всѣмъ дѣламъ старался сноситься, помимо ея правленія, прямо съ высшимъ начальствомъ. И вдругъ эта академія въ 1850 г. послала въ нижегородскую семинарію своего ревизора, да еще такого человѣка, который не очень давно самъ служилъ наставникомъ въ этой семинаріи, проф. архим. Антонія Радонежскаго. Ректоръ не только не встрѣтилъ его, но не далъ ему и помѣщенія въ семинаріи, такъ что ревизоръ долженъ былъ поселиться въ квартирѣ инспектора іером. Паисія, потомъ, когда ревизоръ сдѣлалъ ему, какъ ректору, визитъ, принялъ его съ ругательствами и отказался отъ всякаго участія въ его ревизіи. Ревизія вся происходила послѣ этого безъ ректора; послѣдній не былъ и на экзаменахъ учениковъ; разрядные списки учениковъ послѣ экзаменовъ были составлены, при участіи ревизора, одними членами правленія и остались безъ подписи ректора. Когда ревизоръ вздумалъ осмотрѣть семинарскую церковь, ректоръ не далъ ему ключей; затѣмъ, когда пожелалъ посѣтить комнаты казеннокоштныхъ учениковъ, ректоръ всѣхъ учениковъ уволилъ въ это время на прогулку въ городъ и ревизоръ засталъ всѣ комнаты пустыми. Правленіе академіи потребовало конечно объясненій отъ ректора, но на такія требованія онъ упорно молчалъ. Этого мало; когда кончившіе курсъ и исключенные ученики стали просить себѣ аттестатовъ и свидѣтельствъ, онъ не подписывалъ и этихъ документовъ, такъ какъ де не участвовалъ ни въ экзаменахъ, ни при составленіи списковъ, и привелъ семинарское правленіе въ безвыходное затрудненіе, тѣмъ болѣе что въ нижегородской епархіи не было тогда и архіерея. Правленіе академіи разрѣшило выдать требуемые документы безъ подписи ректора. Обо всѣхъ этихъ обстоятельствахъ было, разумѣется, донесено Св Синоду. Дѣло кончилось въ 1851 г. увольненіемъ ректора Аполлонія отъ службы, но съ замѣчательно почетнымъ выходомъ: онъ былъ назначенъ настоятелемъ московскаго Симонова монастыря (умеръ тамъ въ 1861 г.) (1).

(1) Д. внѣшн. правл. 1850 г. № 74.

Въ 1850—60-хъ годахъ административныя полномочія правленія укрѣпились достаточно и подобнаго рода случаевъ противленія его власти не встрѣчаемъ, за исключеніемъ развѣ только нѣкоторыхъ мелкихъ поползновеній со стороны семинарскихъ начальствъ отписаться отъ какого нибудь непріятнаго распоряженія правленія при помощи разныхъ пикантныхъ объясненій. Тѣмъ не менѣе административное значеніе его всегда оставалось весьма шаткимъ и въ большинствѣ случаевъ даже излишнимъ. Правленіе это не могло дѣлать никакихъ почти самостоятельныхъ распоряженій по своему вѣдомству и служило только лишней передаточной инстанціей для разнаго рода бумагъ снизу наверхъ и сверху низъ. Бюрократія духовно-учебнаго управленія была слишкомъ ревнива къ своей власти для того, чтобы уступить ему хотя частицу послѣдней. Вся дѣятельность его сводилась лишь къ тому, что оно должно было наблюдать за исправнымъ теченіемъ всѣхъ дѣлъ по своему округу, усматривать разныя отступленія отъ порядка и доносить объ нихъ, куда слѣдуетъ, дозволяя себѣ самому право только иногда поворчать на эти отступленія, сдѣлать относительно ихъ разные умные выговоры и замѣчанія, да еще въ случаѣ надобности производить объ нихъ законныя разслѣдованія (§ 433 устава). Власть его можно такимъ образомъ опредѣлить довольно точно, назвавъ ее контрольною и слѣдственною. Не мудрено, что въ округѣ мало его уважали. Да и само высшее начальство не берегло его значенія, хотя бы даже въ качествѣ передаточнаго этапа разныхъ дѣлъ, потому что постоянно допускало непосредственныя сношенія между собою и подчиненными ему учрежденіями, помимо его вѣдома. Частныя лица окружнаго духовно-учебнаго вѣдомства, особенно начальственныя, въ большинствѣ случаевъ посылали свои бумаги прямо оберъ-прокурору Св. Синода. Напр. съ конца 1850-хъ годовъ чрезъ такія непосредственныя сношенія съ оберъ-прокуроромъ наставники разныхъ семинарій и даже кончившіе курсъ студенты академіи очень часто испрашивали себѣ новыя наставническія мѣста въ духовно-учебныхъ заведеніяхъ, въ отмѣну распоряженій о назначеніи ихъ на должности, сдѣланныхъ академическимъ правленіемъ. Въ 1858 г., по поводу одного такого дѣла, ректоръ Іоаннъ чрезъ академическое правленіе провелъ даже особое довольно сильное представленіе оберъ-прокурору Св. Синода, въ которомъ указывалъ, что случаи „подобнаго непосредственнаго обращенія

воспитанниковъ и служащихъ по духовно-учебному вѣдомству къ высшему начальству помимо своихъ ближайшихъ начальствъ" стали являться въ послѣднее время „весьма не рѣдко, что это противно доброму порядку службы, и нельзя не пожелать, чтобы эти безпорядки были прекращены высшими начальственными распоряженіями" (1). Но прекращены они не были. Епархіальные преосвященные почти вовсе не обращались къ академическому правленію ни по своимъ собственнымъ надобностямъ, ни по дѣламъ духовныхъ школъ своихъ епархій. Даже въ тѣхъ случаяхъ, когда, по ходатайству правленія, имъ поручались ревизіи ихъ епархіальныхъ учебныхъ заведеній, по которымъ отчеты постоянно разсматривались въ академическомъ правленіи, они имѣли дѣло прямо съ оберъ-прокуроромъ Св. Синода; о результатахъ ихъ ревизій правленіе узнавало уже отъ духовно-учебнаго управленія и притомъ безъ сообщенія самыхъ отчетовъ по ревизіямъ, а только ихъ распоряженій, какія послѣдовали по замѣчаніямъ ревизоровъ со стороны уже высшей власти. Чѣмъ далѣе шло время, тѣмъ кругъ полномочій правленія становился все уже и уже, и высшая власть стягивала къ себѣ все большую массу дѣлъ въ округѣ, проходившихъ прежде чрезъ правленіе. Къ концу своего существованія оно и само, какъ увидимъ, стало съуживать свою дѣятельность, намѣренно отсовывая отъ себя множество поступавшихъ въ него дѣлъ на усмотрѣніе оберъ-прокурора и Св. Синода.

Между тѣмъ дѣлъ у него все-таки постоянно было многое множество; для высшаго начальства оно было умнымъ и даровымъ надзирателемъ по своему округу, которому можно было за сравнительно небольшіе расходы поручать и ревизіи по учебнымъ заведеніямъ, и слѣдствія о разныхъ въ нихъ безпорядкахъ, и всякаго рода черныя, подготовительныя работы; для подчиненной братіи, служащей по округу, оно казалось болѣе доступной, болѣе понимающей ея нужды, просвѣщенной и вообще болѣе удобной административной инстанціей, къ которой увѣреннѣе и безбоязненнѣе можно обратиться и съ своей нуждой, и съ жалобой на обиду отъ ближайшаго начальства, и просто съ какой нибудь кляузой, чѣмъ къ высшей власти. Отъ того оно и сверху и снизу было постоянно осаждаемо бумагами. Входящихъ бумагъ въ немъ насчитывалось отъ 700 до 1000 и болѣе №№ въ годъ и почти столько

(1) Д. внѣшн. правл. 1858 г. № 8.

же исходящихъ. Самыя дѣла, производившіяся въ немъ, не исключая даже текущихъ, оканчивавшихся обычнымъ рѣшеніемъ: „принять къ свѣдѣнію“, большею частію требовали много внимательности и времени для разсмотрѣнія бумагъ, входившихъ въ ихъ всегда почти сложный составъ. Кругъ этихъ дѣлъ касался всевозможныхъ предметовъ въ жизни духовно-учебныхъ заведеній округа. Разсматривать эти дѣла въ подробности мы не имѣемъ надобности, такъ какъ они относятся къ исторіи тѣхъ заведеній, которыхъ они касались, а не къ исторіи академіи, но привести хотя нѣсколько характерныхъ образчиковъ дѣятельности по нимъ академическаго правленія все-таки слѣдуетъ.

На основаніи уставовъ и позднѣйшихъ распоряженій начальства, изъ семинарскихъ правленій въ окружное правленіе поступали къ извѣстнымъ срокамъ слѣдующіе документы и донесенія, которые пересылались имъ высшему начальству и по которымъ оно само дѣлало разныя распоряженія: 1) Вѣдомости о предписаніяхъ изъ академическаго правленія, доставлявшіяся въ правленіе по 4 раза въ годъ; 2) Вѣдомости объ учительскихъ и начальническихъ вакансіяхъ предъ концомъ каждаго учебнаго года; 3) Вѣдомости со списками лицъ, служащихъ по духовно-учебнымъ заведеніямъ, къ октябрю, и 4) о перемѣнахъ между этими лицами по службѣ—къ апрѣлю; 5) формулярные списки изъ семинарій и училищъ—къ 15 августа; 6) объ ученыхъ трудахъ всѣхъ, служащихъ при семинаріяхъ и училищахъ, къ концу года; 7) объ освидѣтельствованіи всѣхъ библіотекъ по заведеніямъ и о вновь поступившихъ книгахъ—къ началу учебнаго года; 8) представленія къ чинамъ лицъ свѣтскаго званія — три раза въ годъ; 9) объ освидѣтельствованіи архивовъ, семинарскаго и училищнаго имущества и вѣдомости о рѣшеныхъ и нерѣшеныхъ дѣлахъ—къ 1 октября; 10) перечневыя и именныя вѣдомости учениковъ и объ ученикахъ, уволенныхъ по прошеніямъ, къ 15 сент.; 11) перечневые книжные отчеты къ 1 дек.; 12) о ревизіи экономическихъ отчетовъ семинарій и училищъ во временныхъ ревизіонныхъ комитетахъ; 13) разрядные списки учениковъ съ отмѣтками по поведенію, журналы испытаній, конспекты уроковъ, табели ученическихъ успѣховъ и вѣдомости объ ученикахъ, замѣченныхъ по поведенію,—къ 25 августа; 14) о ходѣ противораскольническаго миссіонерскаго образованія—по полугодіямъ; 15) вѣдомости о преподаваніи мѣстныхъ инородческихъ языковъ—къ 1 сентября.

Получая всѣ эти вѣдомости и документы, правленіе академіи должно было разсмотрѣть ихъ какъ со стороны исправности ихъ по формѣ, такъ и со стороны ихъ содержанія. На первыхъ порахъ разсмотрѣніе ихъ доставляло много хлопотъ и секретарю, и ректору, потому что въ нихъ постоянно усматривались разныя неисправности. По содержанію въ нихъ трудно было усмотрѣть что нибудь такое, что бы могло потребовать со стороны правленія особыхъ распоряженій, а потому они просто принимались къ свѣдѣнію, особенно документы по учебной части. Извѣстный циркуляръ конференція и правленія 1846 г. составлялъ въ этомъ отношеніи только счастливое исключеніе, явившееся единственно благодаря кропотливому и добросовѣстному изученію семинарскихъ и училищныхъ документовъ объ ученикахъ и учителяхъ проф. Гусева, къ какому едва ли не онъ одинъ только и былъ способенъ изъ всѣхъ академическихъ дѣльцовъ. Дѣла по учебной части, если и возникали въ правленіи, то возникали не на основаніи указанныхъ документовъ, а или по частнымъ жалобамъ (напр. исключенныхъ учениковъ), или по донесеніямъ академическихъ ревизоровъ, или по распоряженіямъ высшаго начальства о разныхъ перемѣнахъ и нововведеніяхъ въ учебныхъ курсахъ. Въ 1840-хъ годахъ правленіе было завалено перепиской съ семинаріями по поводу введенія въ ихъ курсъ естественныхъ наукъ и медицины. Въ половинѣ 1850-хъ годовъ еще болѣе сложная переписка пошла о введеніи въ нихъ преподаванія раскола и миссіонерскихъ предметовъ. Въ тоже время по округу шло длинное и сложное дѣло, начавшееся еще въ 1852 г., о введеніи новыхъ положеній въ устройствѣ духовныхъ училищъ. Окружное правленіе во всѣхъ этихъ дѣлахъ мыслилось въ качествѣ центральнаго ихъ распорядителя и устроителя, но на дѣлѣ роль его была очень не важная; не имѣя никакихъ самостоятельныхъ правъ, оно только и ограничивалось одной канцелярской перепиской, получая изъ семинарій разныя донесенія объ исполненіи предписаній и передавая ихъ по принадлежности выше или обратно передавая сверху внизъ самыя предписанія. Любопытно, что оно считало себя не въ правѣ утверждать своею властью даже такихъ распоряженій семинарскихъ начальствъ, какъ распоряженія о новыхъ расписаніяхъ классовъ со включеніемъ новыхъ предметовъ, которыя, по своему чисто мѣстному характеру, требовали развѣ только согласія мѣстнаго архіерея; расписанія

эти присылались въ правленіе въ подлинникѣ и, не смотря на утвержденіе ихъ архіереями, пересылались для пущаго утвержденія къ синодальному оберъ-прокурору, у него разсматривались снова и наконецъ, долго спустя, возвращались опять въ правленіе съ утвержденіемъ, а изъ него разсылались туда, гдѣ первоначально родились. Къ счастію, по округу, да вѣроятно и по всей Россіи, было принято за правило дѣлать дѣло, не дожидаясь конца подобной канцелярской канители; новыя науки вводились, преобразованные курсы входили въ практику школъ сами по себѣ, а канцелярское дѣлопроизводство объ нихъ шло своимъ чередомъ тоже само по себѣ.

Изъ другихъ документовъ правленіе особенно слѣдило за донесеніями о перемѣнахъ въ службѣ разныхъ лицъ своего вѣдомства (для адресъ-календаря), за представленіями къ чинамъ и наградамъ, чтобы передать ихъ во время, куда слѣдуетъ, во избѣжаніе претензій, и за формулярными списками. Въ послѣднихъ была интересная для него графа съ рекомендаціями мѣстнаго начальства о службѣ и поведеніи всѣхъ служащихъ по духовно-учебному вѣдомству. Замѣтивъ въ чьемъ нибудь послужномъ спискѣ неудовлетворительную рекомендацію, оно дѣлало запросъ, по какому поводу она явилась и можетъ ли это лице продолжать свою службу, потомъ, смотря по полученнымъ справкамъ, постановляло рѣшеніе: внушить, чтобы впредь и проч., или: представить высшему начальству объ увольненіи отъ службы. Объ особенно предосудительныхъ поступкахъ служащихъ при заведеніяхъ дѣлались экстренныя донесенія отъ мѣстнаго начальства, по которымъ отъ правленія назначались дознанія и слѣдствія большею частію чрезъ мѣстныя же начальства. Немедленно доносилось такъ же о разныхъ чрезвычайныхъ произшествіяхъ по семинаріямъ и училищамъ, напр. о появленіи повальныхъ болѣзней, о пожарахъ, о случаяхъ скоропостижной или насильственной смерти учениковъ, объ уголовныхъ преступленіяхъ, полицейскихъ обыскахъ, арестахъ и т. д.. Правленіе немедленно же доносило обо всѣхъ такихъ случаяхъ оберъ-прокурору; но часто семинарскія правленія доносили объ нихъ оберъ-прокурору сами, минуя правленіе, во избѣжаніе ненужной и нерѣдко даже вредной для возникавшаго дѣла переписки. О ходѣ разныхъ слѣдственныхъ дѣлъ въ округѣ правленію обязательно присылались подробныя извѣстія, хотя оно ничего по нимъ не дѣлало, кромѣ своихъ обычныхъ донесеній

высшей власти.—При окончаніи каждаго учебнаго года, особенно же при окончаніи академическаго курса, правленіе слѣдило за открытіемъ по округу вакансій и, составивъ объ нихъ вѣдомость, посылало ее оберъ-прокурору съ рекомендаціей разныхъ лицъ для ихъ замѣщенія, а при окончаніи академическаго курса—съ распредѣленіемъ на нихъ кончившихъ курсъ студентовъ. Оно представляло своихъ кандидатовъ и на начальственныя мѣста ректоровъ и инспекторовъ семинарій, назначеніе которыхъ зависѣло отъ самого Св. Синода.

Едва ли не болѣе всего доставляло правленію труда разсмотрѣніе экономическихъ отчетовъ по округу, потому что на экономическую часть при Св. Синодѣ обращали самое взыскательное вниманіе, а отчасти и потому, что ни въ какихъ другихъ отчетахъ не встрѣчалось столько неисправностей, какъ въ экономическихъ. Когда правленіе усматривало въ нихъ однѣ только формальныя неисправности, зависѣвшія отъ чисто канцелярскихъ и ариѳметическихъ ошибокъ, оно отсылало ихъ обратно для исправленія къ извѣстному сроку; но, если замѣчало въ нихъ слѣды неправильнаго веденія въ семинаріи самой экономіи, то для уясненія своихъ недоумѣній наводило подлежащія справки, требовало объясненій и начинало разслѣдованія. Въ 1840-хъ годахъ имъ производимо было нѣсколько такихъ дѣлъ по семинаріямъ казанской, кавказской, оренбургской и иркутской. Незаконные расходы, растраты денегъ и имущества и др. безпорядки по экономіи семинарій и училищъ зависѣли большею частію или отъ малой опытности и дѣловитости ихъ начальствъ, или отъ ихъ обычной привычки къ самовластію, которому особенно часто предавались ректоры семинарій, распоряжавшіеся суммами своихъ заведеній совершенно произвольно, безъ согласія и даже часто безъ вѣдома своихъ правленій. Въ 1846—47 гг. года полтора тянулось дѣло о ректорѣ оренбургской семинаріи архим. Никодимѣ. Онъ попался въ выдачѣ лишнихъ денегъ (до 246 р.) одному поставщику, который, воспользовавшись тѣмъ, что деньги были выданы ему не въ правленіи и безъ соблюденія необходимыхъ формальностей, не выполнилъ своей поставки. Правленіе академіи журналомъ 23 іюня 1847 г. рѣшило взыскать незаконно израсходованную сумму съ правленія семинаріи, но такъ какъ члены правленія, по ихъ объясненію, не участвовали въ этомъ расходѣ и подписали журналъ объ немъ лишь по довѣрію къ ректору, то взыскъ и возложить на одного ректора,—это было

рѣдкое, по своей конечно не формальной, а реальной справедливости, рѣшеніе; большею же частію за ректоровъ приходилось расплачиваться и членамъ, какъ они ни были безгласны при тогдашней постановкѣ ректорской власти. Ректоръ Никодимъ былъ еще раньше этого рѣшенія переведенъ въ пермскую семинарію, но взыскъ производился съ него и тамъ. Кромѣ того, по удаленіи его изъ оренбургской семинаріи, здѣсь открылось и еще нѣсколько растратъ, допущенныхъ имъ вслѣдствіе небрежнаго веденія экономическихъ дѣлъ и документовъ, и со стороны академическаго правленія отъ 27 октября послѣдовалъ новый на него начетъ. Къ счастію его, въ расплатѣ по этому новому начету не отказались принять участіе и члены оренбургскаго семинарскаго правленія,—инспекторъ и экономъ.

Кромѣ ежегодныхъ періодическихъ отчетовъ и другихъ документовъ, свидѣтельствовавшихъ о состояніи разныхъ частей духовно-училищной жизни по округу, внѣшнее правленіе пользовалось для своей административной практики и другими разнообразными источниками нужныхъ для того свѣдѣній. Напр. по учебной части, не ограничиваясь разсмотрѣніемъ однихъ списковъ учениковъ, журналовъ экзаменовъ по духовно-учебнымъ заведеніямъ и конспектовъ преподаваемыхъ тамъ наукъ, оно требовало иногда на разсмотрѣніе себѣ самыя записки преподавателей, если они преподавали свои предметы не по печатнымъ учебникамъ. Случаевъ этого рода было впрочемъ очень не много. Въ 1846 г. послѣ ревизій нижегородской, пензенской и оренбургской семинарій были вытребованы для разсмотрѣнія,—изъ первой семинаріи записки по логикѣ и психологіи проф. А. Востокова и по словесности А. Аѳинова, изъ второй—записки по литургикѣ и каноникѣ іером. Серафима, изъ третьей—по словесности священника В. Владиславлева. Записки эти разсматривались профессорами-спеціалистами означенныхъ наукъ. Получивъ отзывы рецензентовъ, правленіе отослало записки обратно, разрѣшивъ ихъ для преподаванія и обязавъ авторовъ сдѣлать въ нихъ указанныя рецензентами исправленія. Замѣчательна рецензія на записки свящ. Владиславлева по словесности; рецензентомъ баккалавромъ С. И. Протопоповымъ высказано въ ней нѣсколько сильныхъ замѣчаній противъ неизбѣжныхъ принадлежностей тогдашнихъ риторикъ,—хрій, троповъ, фигуръ и множества видовъ силлогизмовъ, указано между прочимъ на предосудительность употребленія, въ образецъ только хорошаго слога, мѣстъ изъ св. Писанія, особенно на

ряду съ примѣрами изъ какого нибудь Мерзлякова и под, и высказано желаніе, чтобы преподаватель знакомилъ своихъ учениковъ болѣе съ исторіей и произведеніями русской литературы. Рецензія эта послѣ дошла до рукъ ректора Агаѳангела, и онъ подписалъ подъ ней иронически: „Отзывъ не безапелляціонный". Въ 1850 г. послѣ ревизіи пензенской семинаріи оттуда на разсмотрѣніе правленія поступили записки по логикѣ и психологіи протоіерея А. Смирнова; проф. Соколовъ одобрилъ ихъ, указавъ для исправленія только разныя неточности въ изложеніи (1).

Много кое чего узнавало правленіе по учебной части въ семинаріяхъ во время пріемныхъ экзаменовъ студентовъ семинарій, пріѣзжавшихъ для поступленія въ академію. По отвѣтамъ ихъ на экзаменахъ составлялось сужденіе о достоинствѣ преподаванія въ ихъ семинаріяхъ. Поэтому послѣ пріемныхъ экзаменовъ въ семинаріи посылались разныя замѣчанія. Такъ, при пріемѣ II курса студентовъ въ 1844 г. оказалось, что 1) науки физико-математическія находятся въ семинаріяхъ въ крайнемъ пренебреженіи и упадкѣ, 2) исторія тоже остается безъ должнаго вниманія, 3) знаніе латинскаго языка необыкновенно ослаблено,—не было на экзаменѣ сочиненія, въ которомъ не оказалось бы грубыхъ грамматическихъ ошибокъ; по округу разосланы были циркуляры съ побужденіями поднять изученіе этихъ предметовъ (2). При пріемѣ IV курса въ 1848 г. найдено было, что студенты плохо писали по-латыни, да и въ русскихъ сочиненіяхъ обнаружили плохое знаніе риторики и русскаго языка, въ знаніи св. Писанія, философскихъ наукъ и исторіи оказались тоже не далекими (3). Особенно рѣзкими замѣчаніями семинаріямъ сопровождались пріемные экзамены при ректорѣ Іоаннѣ. Въ 1858 г. послѣ такихъ экзаменовъ онъ вошелъ въ правленіе длинной запиской о замѣченныхъ имъ недостаткахъ семинарскаго образованія. Образованіе это, по его словамъ, страдало отсутствіемъ развитія мыслительности и голословнымъ заучиваніемъ уроковъ; семинаристы много знали, но были не находчивы и не умѣли писать. Причину этого явленія онъ полагалъ въ излишнемъ умноженіи наукъ семинарскаго курса, не дающемъ

(1) Д. внѣшн. правл. 1846 г. № 43; 1850 г. № 74.
(2) Д. внутр. правл. 1844 г. № 43
(3) Д. внутр. правл. 1848 г. № 45.

времени къ углубленному ихъ изученію, и въ томъ, что семинарскія начальства обращали вниманіе болѣе на исправность учениковъ въ заучиваніи, чѣмъ на ихъ дарованія; методъ же заучиванія не развиваетъ, а подавляетъ дарованія. Въ частности записка ректора находила: а) въ сочиненіяхъ учениковъ неумѣнье писать, причина котораго заключалась, по его мнѣнію, въ недостаткѣ чтенія лучшихъ писателей, въ задаваніи темъ отвлеченнаго характера, въ занятіяхъ только разсужденіями, а не упражненіями литературными, которыя бы пріучали къ живости мыслей и изяществу языка;—недостатокъ этотъ, по его словамъ, общій и давній въ духовномъ образованіи,—публика вовсе не читаетъ тяжелыхъ твореній духовныхъ писателей; б) знанія по догматикѣ совершенно православны, но не твердо держатся противъ возраженій, кромѣ того, только холодно заучены и не проникаютъ въ сердце; в) по св. Писанію ученики изучаютъ только введенія въ св. книги, но мало упражняются въ толкованіи ихъ; г) такою же заученностію отличается философское образованіе ихъ,—они не могутъ разсуждать о мірѣ, о душѣ и другихъ философскихъ предметахъ; да относящіяся сюда части философіи почему-то и со всѣмъ выброшены изъ философскаго образованія семинарій; д) русскій расколъ, благодаря тому, что на этотъ предметъ обращено въ послѣднее время особенное вниманіе, изучается удовлетворительнѣе; е) математика и физика въ полномъ упадкѣ; ж) языки изучаются по старинному, но хуже прежняго; еврейскаго языка и новыхъ языковъ многіе ученики не изучали; надобно обязать семинарскія правленія, чтобы они посылали въ академію только знающихъ эти языки. Здѣсь любопытна одна замѣтка, выясняющая взглядъ ректора на изученіе въ семинаріяхъ латыни: еврейскій языкъ „гораздо важнѣе, чѣмъ латинскій, и польза отъ него существеннѣе, чѣмъ отъ латинскаго, изученію котораго посвящаютъ себя всѣ наши заведенія, начиная съ самыхъ низшихъ, гдѣ онъ, неизвѣстно почему и для чего, сохраняетъ еще всю свою важность, а уже если гдѣ этотъ языкъ лишній, такъ именно въ низшихъ училищахъ“. Вообще, заключала записка, вся учебная жизнь въ духовныхъ школахъ требуетъ пересмотра для облегченія и оживленія ея.—Это было уже не донесеніе только о результатахъ пріемныхъ экзаменовъ, а протестъ противъ всего современнаго строя духовнаго образованія, возбужденіе общаго вопроса объ его реформѣ и притомъ, кажется, еще въ первый

разъ съ такою рѣшительностію и оффиціальнымъ заявленіемъ. Когда правленіе сдѣлало по этой запискѣ донесеніе Св. Синоду, послѣдній распорядился, чтобы оно составило подробныя соображенія объ устройствѣ учебной части въ духовныхъ заведеніяхъ и представило ихъ на усмотрѣніе высшаго начальства (1).

Болѣе полныя, живыя и надежныя свѣдѣнія о состояніи духовно-учебныхъ заведеній своего округа правленіе получало отъ ихъ ревизоровъ, по крайней мѣрѣ нѣкоторыхъ изъ этихъ ревизоровъ, которые относились къ своему дѣлу не съ формальной только точки зрѣнія Въ штатѣ академіи на посылку ревизоровъ назначалась особая штатная сумма и сравнительно съ другими статьями академическаго содержанія довольно значительная—715 руб. въ годъ. Но, по величинѣ казанскаго округа и по количеству въ немъ духовно-учебныхъ заведеній, у правленія для всѣхъ нужныхъ ревизій не достало бы ни этой суммы, ни времени, ни даже людей, которыхъ бы можно было посылать на ревизіи, такъ какъ ревизорами назначались только члены конференціи. Поэтому ревизоры посылались изъ академіи не каждый годъ, а только въ курсовые годы, и не въ дальнія мѣстности. Вмѣсто посылки собственныхъ ревизоровъ, правленіе изыскивало средства добывать нужныя ревизорскія свѣдѣнія о школахъ своего округа чрезъ другихъ лицъ и имѣло такихъ средствъ достаточное число. Во-первыхъ въ низшія училища округа обязаны были посылать ревизоровъ тѣ семинаріи, къ вѣдомству которыхъ они принадлежали; академическіе ревизоры заглядывали въ нихъ только проѣздомъ при ревизіи семинарій. Во-вторыхъ каждый вновь поступавшій на должность начальникъ заведенія, смотритель училища или ректоръ семинаріи, долженъ былъ непремѣнно обревизовать его и дать правленію подробный отчетъ о томъ, въ какомъ состояніи нашелъ его; нужно при этомъ принять во вниманіе то, какъ часто смѣнялись тогда ректоры и смотрители. Наконецъ множество ревизій, а въ дальнихъ епархіяхъ и всѣ такія ревизіи семинарій производились, вслѣдствіе ходатайства правленія и по порученію Св. Синода, епархіальными архіереями; надобно впрочемъ замѣтить, что эти архіерейскія ревизіи менѣе всѣхъ другихъ были полезны для академическаго правленія, потому что отчеты по нимъ прямо посылались въ Св. Синодъ и свѣдѣнія, добытыя ими относительно состоянія

(1) Д. внутр. правл. 1853 г. № 50.

духовно-учебныхъ заведеній, доходили до правленія только отрывочно и, такъ сказать, рикошетомъ, въ тѣхъ распоряженіяхъ, какія высшее начальство, по указаніямъ преосвященныхъ ревизоровъ, считало нужнымъ осуществить въ этихъ заведеніяхъ чрезъ посредство академическаго начальства.

Съ помощію всѣхъ этихъ ревизоровъ семинаріи и училища по округу обозрѣвались довольно часто, примѣрно чрезъ 4 — 6 лѣтъ каждое заведеніе. Вотъ краткій реэстръ собственно академическихъ ревизій. Первая ревизія была произведена ректоромъ Іоанномъ I въ 1843 г. въ оренбургской семинаріи и нѣкоторыхъ училищахъ, по случаю поѣздки его въ этомъ году для леченія на Сергіевскія минеральныя воды. Въ первый 1844-ый курсовой годъ обревизована была проф. Смирновымъ-Платоновымъ саратовская семинарія съ училищами. Въ 1845 г., по поводу неблагопріятнаго отчета объ училищахъ, подвѣдомыхъ казанской семинаріи, поданнаго арх. Климентомъ при вступленіи въ должность ректора семинаріи, и вслѣдствіе особаго распоряженія оберъ-прокурора Св. Синода, ревизованы были архим. Фотіемъ училища свіяжскія и чебоксарскія и проф. Беневоленскимъ — училища чистопольскія (1). Въ 1846-ой курсовой годъ было произведено особенно много ревизій: казанскую семинарію ревизовалъ самъ ректоръ академіи Григорій, инспекторъ Серафимъ ревизовалъ нижегородскую и пензенскую съ училищами, проф. Фотій — оренбургскую съ училищами. Въ 1847 г. архим. Климентъ посланъ былъ снова на ревизію чистопольскихъ училищъ по поводу донесенія чистопольскаго городничаго, не подтвердившагося потомъ при слѣдствіи, о нанесеніи одному крестьянскому мальчику ножевой раны ученикомъ училища. Въ 1848 г. обревизованы семинаріи: симбирская проф. Фотіемъ и тамбовская Антоніемъ Радонежскимъ; послѣдній кромѣ того зимой снова ѣздилъ обозрѣвать арзамасскія училища по случаю ссоры смотрителя свящ. Тихомирова съ настоятелемъ Спасскаго монастыря, при которомъ находились училища: — настоятель монастыря Амфилохій, желавшій или самъ сдѣлаться смотрителемъ, или вытѣснить училища изъ монастыря, подалъ доносъ на свящ. Тихомирова во взяткахъ, въ дурномъ содержаніи заведенія, въ безчеловѣчныхъ наказаніяхъ учени-

(1) Д. внѣшн. правл. 1845 г. № 50.

ковъ и пр.; ревизоръ обѣлилъ смотрителя (1) Въ 1849 г. проф. Гусевъ производилъ нѣсколько слѣдственныхъ дѣлъ въ казанской семинаріи и при этомъ экстренно ревизовалъ ее по нравственной части, а въ слѣдующемъ 1850 г. былъ ревизоромъ и слѣдователемъ безпорядковъ въ чистопольскихъ училищахъ. Въ томъ же 1850 г. ректоръ Григорій, посланный Св. Синодомъ въ Пермь для дознаній по нѣкоторымъ безпорядкамъ епархіальнаго управленія, произвелъ грозную ревизію въ пермской семинаріи, въ которой тоже открылись большіе безпорядки. Кромѣ того, въ этомъ же году произведены были обыкновенныя чередныя ревизіи семинарій: въ Нижнемъ проф. Антоніемъ и въ Астрахани Серафимомъ Протопоповымъ. Въ 1852 г. были обревизованы семинаріи: вятская инспекторомъ Макаріемъ, ставропольская проф. Паисіемъ и тобольская проф Серафимомъ; въ 1854— казанская преосвященнымъ Никодимомъ, нижегородская и тамбовская проф. Серафимомъ и пермская Г. С. Саблуковымъ; въ 1856 — симбирская инспекторомъ Ѳеодоромъ и вятская съ уфимской проф. Веніаминомъ Благонравовымъ;. въ 1858 — пензенская инспекторомъ Филаретомъ и ставропольская проф. Гусевымъ. Въ 1859 г. въ уфимскую семинарію, по случаю открывшихся въ ней хозяйственныхъ упущеній, послана была ревизія самимъ Св. Синодомъ; ревизорами были ректоръ тульской семинаріи архим. Никандръ и помощникъ секретаря синодальной канцеляріи Кавелинъ (2). Въ 1860 г. посланъ туда ревизоръ и отъ академіи, — проф. Соколовъ. Кромѣ уфимской семинаріи, слѣдовало бы, по представленію внѣшняго правленія, въ томъ же году обревизовать семинаріи пермскую и саратовскую, но, за недостаткомъ членовъ конференціи, ревизіи эти поручены были мѣстнымъ преосвященнымъ (3). Въ 1861 и 1862 гг. отъ Св. Синода назначались двѣ чрезвычайныхъ ревизіи въ пермскую семинарію по поводу открывшихся тамъ безпорядковъ политическаго характера; ревизорами были въ 1861 г. профессоръ петербургской академіи В. Н. Карповъ, въ 1862 г. ректоръ рижской семинаріи арх. Ефремъ (4). Академическое правленіе въ 1862 г. обревизовало чрезъ инспектора Веніамина

(1) Д. внѣшн. правл. 1848 г. № 70.
(2) Д. внѣшн. правл. 1858 г. № 16.
(3) Д. 1860 г. № 34.
(4) Чистовича: Тридцатилѣтіе петербур. академіи, стр. 86—87.

одну только казанскую семинарію. Ректоръ Іоаннъ очень дорожилъ ревизіонной суммой для покрытія издержекъ по запущенной тогда академической экономіи. При ректорѣ Иннокентіи ревизіи стали чаще: въ 1865 г. протоіерей Вишневскій ревизовалъ семинаріи симбирскую и самарскую, въ 1866 — онъ же пермскую и тобольскую, ректоръ семинаріи архимандритъ Варсонофій — уфимскую, проф. Соколовъ—саратовскую и астраханскую.

Къ числу самыхъ важныхъ недостатковъ академическихъ ревизій нужно отнести то, что онѣ слишкомъ были связаны временемъ. Академическій ревизоръ ѣздилъ на свою ревизію обыкновенно подъ конецъ учебнаго года, потому что въ учебное время, какъ профессоръ, онъ былъ нуженъ для самой академіи, и имѣлъ очень мало времени для того, чтобы обстоятельно вникнуть во всѣ подробности жизни ревизуемаго заведенія, особенно когда долженъ былъ обревизовать не одну, а двѣ семинаріи съ училищами. Проэкзаменовавъ учениковъ, пройдясь по зданіямъ, просмотрѣвъ бѣгло главные документы по правленію, инспекціи и экономіи, которые всѣ уже заранѣе подготовлялись къ его пріѣзду и представлялись ему въ кучѣ, побесѣдовавъ немного съ начальствующими и учащими, онъ потомъ дѣлалъ кое-какія зависящія отъ него распоряженія объ устраненіи недостатковъ, наскоро имъ замѣченныхъ, и спѣшилъ выѣхать или въ слѣдующую семинарію, или обратно въ академію; многаго, даже очень важнаго въ заведеніи, онъ не могъ и видѣть, напр. всего хода преподаванія, о достоинствахъ котораго только и могъ судить по однимъ экзаменамъ. При такихъ неблагопріятныхъ условіяхъ для производства ревизіи ревизору нужно было имѣть очень много дѣловой опытности и проницательности для того, чтобы составить, хоть сколько нибудь, удовлетворительный отчетъ о ревизуемомъ заведеніи, не внося въ него опрометчивыхъ субъективныхъ взглядовъ. Большая часть отчетовъ писалась кратко и сухо; едвали не главное свое вниманіе ревизоры обращали въ нихъ на то, чтобы не обидѣть кого нибудь изъ служащихъ при заведеніи, особенно начальствующихъ лицъ, представленіями къ наградамъ.

Любопытно, что ректоры, привыкшіе практиковать свою власть во всѣхъ сферахъ академической жизни, переправляли иногда ревизорскіе отчеты властною рукою по своему вкусу. Такъ, въ 1852 г. ректоръ Парѳеній обраковалъ отчетъ по вят-

ской семинаріи инспектора Макарія, впрочемъ дѣйствительно мало дѣловитый (1). Въ 1856 г. ректоръ Агаѳангелъ заставилъ инспектора Ѳеодора передѣлать отчетъ по ревизіи симбирской семинаріи, въ которомъ благочестивый богословъ постарался провести свои основныя богословскія идеи и напр., характеризуя учебную часть въ семинаріи, записалъ, что она вся была организована по Христу и что преподаваніе даже свѣтскихъ наукъ производилось въ духѣ домостроительства заколеннаго отъ сложенія міра Агнца Божія. Добрый о. Ѳеодоръ былъ сильно огорченъ тѣмъ, что всѣ подобныя вещи ректоръ велѣлъ ему вычеркнуть изъ отчета, и все-таки не вполнѣ его послушался и кое-что таки оставилъ въ отчетѣ (2). Въ 1858 г. ректоръ Іоаннъ изчеркалъ отчетъ инспектора Филарета по ревизіи пензенской семинаріи; по полямъ отчета имъ наставлены были разныя замѣчанія то противъ излишней строгости ревизорскихъ требованій, то противъ лишнихъ похвалъ нѣкоторымъ преподавателямъ. Отчетъ впрочемъ дѣйствительно былъ не совсѣмъ дѣловой; ревизоръ, тогда еще человѣкъ довольно молодой, сдѣлалъ его орудіемъ для выраженія своихъ горячихъ, то идеалистическихъ и утопическихъ, то обличительныхъ и отрицательныхъ взглядовъ на тогдашнее духовное образованіе (3). Нѣсколько раньше въ дѣлахъ внѣшняго правленія встрѣчаемъ примѣръ рѣзкой критики ревизорскаго отчета и даже протеста противъ него со стороны самого обревизованнаго заведенія: это объяснительное донесеніе правленія уфимской семинаріи противъ отчета ревизовавшаго семинарію въ 1856 г. архимандрита Веніамина. Донесеніе это, присланное въ академическое правленіе отъ 5 ноября 1857 г., написано было въ сильно задирательномъ тонѣ и обидѣло само правленіе. Вытребовавъ отъ архимандрита Веніамина надлежащія по нему объясненія и разсмотрѣвъ ихъ, правленіе отъ 28 янв. 1858 г составило сердитое опредѣленіе (написанное ректоромъ Іоанномъ): „Принимая во вниманіе, что 1) семинарское правленіе прислало свои возраженія противъ замѣчаній ревизіи уже послѣ того, какъ отчетъ архимандрита Веніамина былъ разсмотрѣнъ и утвержденъ не только академическимъ правленіемъ, но и самимъ высшимъ

(1) Д. внѣшн. правл. 1852 г. № 34.
(2) Д. внѣшн. правл. 1856 г. № 35.
(3) Д 1858 г. № 37.

начальствомъ: 2) что семинарское правленіе, представляя о несоотвѣтствіи ревизіонныхъ замѣчаній съ документами его, составило свои возраженія на ложномъ основаніи, какъ будто ревизія должна была производиться только по документамъ семинарскаго правленія, а не по личнымъ вмѣстѣ съ тѣмъ наблюденіямъ ревизора, тогда какъ и самые документы правленія, наравнѣ съ прочими предметами семинаріи, подлежатъ ревизіи; 3) что возраженія правленія вообще сами въ себѣ не имѣютъ основательности, обличаютъ въ немъ недостатокъ надлежащихъ понятій о хорошемъ управленіи семинаріею, равно и недостатокъ готовности къ послушанію высшему начальству; 4) что новыми указаніями архимандрита Веніамина въ дополненіе къ отчету всѣ частные доводы семинарскаго правленія удовлетворительно опровергаются и прежнія замѣчанія по ревизіи снова вполнѣ подтверждаются, — сдѣлать семинарскому правленію и въ особенности ректору (архим. Григорію) строгій выговоръ и предписать, чтобы оно приняло всѣ зависящія мѣры къ безотлагательному исправленію замѣченныхъ при ревизорѣ недостатковъ, чтобы затѣмъ на будущее время показывало въ своихъ распоряженіяхъ болѣе готовности къ повиновенію указаніямъ высшей власти“ и проч.. Обо всемъ происшедшемъ положено донести оберъ-прокурору Св. Синода ([1]).

Изъ перечисленныхъ нами академическихъ ревизій по округу нѣкоторыя отмѣчены, какъ экстренныя, имѣвшія слѣдственный характеръ по разнымъ особеннымъ безпорядкамъ въ учебныхъ заведеніяхъ округа. Разслѣдованія подобныхъ безпорядковъ, а также разныхъ дѣлъ по жалобамъ, распрямъ между лицами духовно-учебнаго вѣдомства, всякаго рода важнымъ проступкамъ, злоупотребленіямъ и проч. составляли одну изъ самыхъ видныхъ сторонъ дѣятельности внѣшняго правленія; поэтому намъ нужно представить хоть нѣсколько болѣе характерныхъ образчиковъ этой ея дѣятельности. Въ первое время дѣла такого рода касались больше злоупотребленій властью разныхъ начальниковъ духовно-учебныхъ заведеній и ихъ ссоръ съ епархіальными архіереями, а также крупныхъ нравственныхъ проступковъ и преступленій учениковъ духовныхъ школъ, происходившихъ отъ старинной грубости школьныхъ нравовъ. Первыя по времени дѣла этого рода возникли въ казанской семинаріи и подвѣ-

([1]) Дѣло 1856 г. № 35.

домственныхъ ей училищахъ. Съ 1847 г. началось длинное дѣло объ архим. Климентѣ, въ которое эпизодически вошло нѣсколько другихъ дѣлъ о безпорядкахъ въ казанской семинаріи.

17 мая 1847 г. преосвященный Владиміръ сдалъ въ правленіе академіи предложеніе, въ которомъ писалъ, что инспекторъ семинаріи Аліасевичъ сдѣлалъ ему, между прочимъ и отъ имени наставниковъ семинаріи, извѣтъ на ректора Климента и что по этому извѣту надобно произвести слѣдствіе, присовокупивъ къ этому предложенію и свое личное мнѣніе, что извѣтъ такой „представляется ему правдоподобнымъ, потому что со времени опредѣленія въ здѣшнюю академію ректоромъ не его Климента, а другаго, и самъ онъ уже неоднократно замѣчалъ въ немъ, Климентѣ, какую-то необычайную строптивость характера и слѣды гордости и упрямства“ Съ 23 мая началось самое слѣдствіе, производившееся въ присутствіи самого академическаго правленія чрезъ допросы разныхъ членовъ семинарской корпораціи по составленнымъ ректоромъ Григоріемъ допроснымъ пунктамъ. Подняты были всѣ, накопившіяся годами, дрязги семинарской жизни и по нравственной, и по экономической ея части; обращено было вниманіе на грубое обращеніе ректора съ сослуживцами. его заносчивость, деспотизмъ, неуваженіе къ высшему начальству,—къ академіи, по поводу измараннаго имъ упомянутаго выше циркуляра внѣшняго правленія 1846 г., и къ самому преосвященному. Припертый со всѣхъ сторонъ обвиненіями, архим. Климентъ въ своихъ объясненіяхъ дошелъ до того, что „въ тугѣ сердца“ началъ жаловаться на самого преосвященнаго, на то, будто бы преосвященный его не любитъ и гонитъ, завинилъ всѣхъ своихъ слѣдователей въ пристрастіи и священнымъ именемъ Государя Императора просилъ въ семинарію ревизора отъ самого Св. Синода для безпристрастнаго разсмотрѣнія всѣхъ взводимыхъ на него обвиненій на мѣстѣ. Отъ 18 августа правленіе представило обо всемъ происшедшемъ синодальному оберъ-прокурору, прося для дальнѣйшаго дѣлопроизводства особаго разрѣшенія, такъ какъ подсудимый заподозрилъ въ пристрастіи не только академическое правленіе, но и особу Его Высокопреосвященства (1). Дѣло это вскорѣ на время остановилось за выбытіемъ преосвященнаго Владиміра на покой, но въ 1849 г. началось снова, усложненное новыми обстоятельствами.

(1) Д. внѣшн. правл. 1847 г. № 50.

Въ концѣ 1848-го и въ 1849 году въ казанской семинаріи произошли большіе безпорядки. Въ числѣ ея учениковъ было трое крещеныхъ евреевъ изъ кантонистовъ, причисленныхъ къ ней для приготовленія къ миссіонерскому служенію между евреями и находившихся подъ особеннымъ попеченіемъ ректора, руководившаго преподаваніемъ имъ богословскихъ наукъ. Одинъ изъ нихъ, Кузнецкій, учился и держалъ себя хорошо и поступилъ потомъ студентомъ въ казанскую академію; но другіе два отличались непозволительными гадостями, пьянствомъ, развратомъ, буйствомъ и воровствомъ. Одинъ, Н. Софроновъ, въ февралѣ 1849 г. даже былъ посаженъ семинарскимъ начальствомъ въ полицію, потомъ переведенъ въ острогъ. Въ 1850 г. оба замотавшихся выкреста были отданы въ солдаты. За этой исторіей послѣдовала другая. Въ февралѣ былъ отправленъ въ полицію Софроновъ, а въ мартѣ два ученика философіи близъ крѣпости вечеромъ напали на чиновника консисторіи Прозоровскаго съ цѣлію грабежа, потому что было извѣстно, что этотъ чиновникъ человѣкъ денежный и что всѣ свои деньги постоянно носитъ при себѣ; полиція, подоспѣвшая ему на помощь, схватила философовъ и они были преданы суду. Въ апрѣлѣ опять вышла уголовная исторія: одинъ ученикъ, тоже философъ, по подложной довѣренности получилъ на почтѣ деньги, присланныя другому ученику. Первоначальныя разслѣдованія по этимъ дѣламъ производились семинарскимъ правленіемъ при участіи одного члена отъ академическаго правленія (сначала проф. Антонія Радонежскаго, потомъ проф. Гусева). Наконецъ въ сентябрѣ назначена была экстренная общая ревизія семинаріи; произвесть ее поручено было проф. Гусеву при содѣйствіи ключаря каѳедральнаго собора, свящ. Іоанна Рапидова (1). Ревизія была строгая и продолжительная (до конца 1849 г.). По отчету объ ней оказалось, что нравственное состояніе воспитанниковъ семинаріи нуждалось въ сильныхъ мѣрахъ къ исправленію и что въ такомъ печальномъ состояніи ея много виновато было само семинарское начальство, въ дѣйствіяхъ котораго замѣчены невнимательность, уклоненіе отъ исполненія своихъ обязанностей, медлительность, несогласія, недостатокъ справедливости и отеческой заботливости о воспитанникахъ, грубость, стремленіе унижать воспитанниковъ и проч..

(1) Д. внѣшн. правл. 1849 г. №№ 14 и 23.

Ректоръ Климентъ, по дознаніямъ ревизоровъ, постоянно былъ не въ ладахъ съ инспекторами (сначала Адіасевичемъ, потомъ Танаевскимъ), что дѣйствовало на учениковъ деморализующимъ образомъ, не только не поддерживалъ распоряженій инспекціи, но даже унижалъ и ронялъ послѣднюю предъ учениками, чѣмъ не разъ вызывалъ письменныя замѣчанія преосвященнаго Владиміра, требовавшія отъ него бо̀льшаго согласія съ инспекторомъ. Дѣйствуя во всемъ по собственному произволу, онъ не уважалъ даже и замѣчаній самого преосвященнаго, касавшихся нравственной части въ семинаріи. Послѣ открытія дѣла о нападеніи двухъ философовъ на чиновника Прозоровскаго преосвященный Григорій предписалъ ему принять мѣры къ образованію нравственнаго характера воспитанниковъ семинаріи; очевидно глумясь надъ этимъ распоряженіемъ, ректоръ написалъ на бумагѣ: „завести особое дѣло объ образованіи нравственнаго характера воспитанниковъ семинаріи“, но потомъ въ журналѣ правленія нѣсколько измѣнилъ свое распоряженіе, сформулировавъ его въ видѣ правленскаго постановленія такъ: „дать знать выписками инспектору съ помощникомъ, чтобы они неопустительно заботились объ исполненіи своихъ обязанностей къ образованію нравственнаго характера воспитанниковъ, и всѣмъ наставникамъ, чтобы они при всякомъ удобномъ случаѣ внушали воспитанникамъ, что благоповеденіе выше изученія наукъ и что начало премудрости страхъ Божій“. Ревизоры въ своемъ отчетѣ вступили противъ этого послѣдняго распоряженія въ полемику, доказывая съ своей стороны, что благоповеденіе учениковъ вовсе не имѣетъ такой высокой цѣны, такъ какъ безъ благонравія и религіозности оно есть достоинство только внѣшнее, даже фарисейское, и что распоряженіе это наноситъ ударъ рвенію воспитанниковъ къ пріобрѣтенію познаній, тогда какъ время семинарскаго ученія есть преимущественно время усвоенія познаній. Инспекція семинаріи въ свою очередь тоже не одобрялась ревизорами за нерадѣніе и дурное, несовсѣмъ нѣжное и деликатное обращеніе съ учениками. Въ заключеніе отчетъ высказалъ мысль о перемѣнѣ начальника семинаріи. Правленіе академіи отъ 10 мая 1850 г. опредѣлило предписать семинарскому правленію, чтобы оно позаботилось объ исправленіи замѣченныхъ въ семинаріи недостатковъ, о переводѣ же на другое мѣсто архим. Климента представить высшему начальству. Ректоръ Климентъ былъ переведенъ въ тверскую семинарію.

Самъ преосвященный Григорій былъ радъ, что освободился отъ него, и въ 1851 г. писалъ преосвященному Іереміи нижегородскому, который тогда тоже избавился отъ ректора Аполлонія: „Ректоры дурятъ у насъ отъ того, что мы иногда сами поблажаемъ имъ. Ихъ непремѣнно надобно держать въ струнѣ и становить въ порядокъ закономъ. У меня, благодареніе Богу, только одинъ изъ бывшихъ у меня ректоровъ смѣлъ задурить, но я не потерпѣлъ и тотчасъ прогналъ его отъ себя“ (1).

Въ Казани семинарская корпорація возмутилась противъ деспотизма ректора Климента; въ чистопольскомъ духовномъ училищѣ такое же возмущеніе учителей было вызвано деспотизмомъ и грубымъ обращеніемъ съ учителями ректора училища протоіерея Д. Горскаго. Училище это давно было на дурномъ счету у начальства и еще въ 1846 г., какъ мы видѣли, вызвало чрезвычайную ревизію, произведенную архим. Климентомъ. Не отличалось оно и особенно удачнымъ составомъ учительской корпораціи. Ректоръ Горскій обращался съ учителями презрительно и слишкомъ свысока, напр. принималъ ихъ у себя съ задняго хода въ кухнѣ, дѣлалъ на нихъ окрики, ронялъ предъ учениками авторитетъ инспектора и всѣхъ вооружилъ противъ себя. На него пошли въ семинарское правленіе доносы въ злоупотребленіяхъ властью, въ своекорыстіи, самовольномъ распоряженіи суммами училища и хищеніяхъ казеннаго добра, въ томъ, что онъ заставлялъ учениковъ работать у себя на огородѣ, произвольно размѣщалъ ихъ на негодныхъ квартирахъ у негодныхъ людей, родственниковъ своей горничной, обижалъ учителей, преслѣдовалъ инспектора, задѣвалъ даже разными намеками честь жены послѣдняго и т. д. Въ 1849 г. правленіе семинаріи назначило въ Чистополь ревизора, одного изъ семинарскихъ наставниковъ Ростиславова, но его ревизія была произведена неумѣло и повела только къ большему разладу въ училищѣ. Передъ Рождественскимъ вакатомъ, при самомъ ревизорѣ, разладъ этотъ разразился шумнымъ скандаломъ на весь Чистополь. По требованію ревизора, отпускъ учениковъ на вакатъ былъ нѣсколько задержанъ, а между тѣмъ за ними уже пріѣхали въ городъ ихъ родные и проводники съ подводами. Враждебная ректору партія учителей съ инспекторомъ Дмитріевымъ

(1) Чт. въ Общ. любит. духовн. просв. 1889 г. февр. прилож. стр. 4—5.

во главѣ распустила молву, что отпускъ задержанъ произвольно самимъ ректоромъ, и безцеремонно ругала его чуть не каждому встрѣчному, соболѣзнуя въ тоже время объ ученикахъ. 23 декабря къ вечеру возбужденная всѣмъ этимъ толпа изъ учениковъ, ихъ родныхъ, проводниковъ и всякаго люда собралась къ дому ректора съ грубыми требованіями о выдачѣ отпускныхъ билетовъ, съ криками и гамомъ, стучала въ окна и оскорбляла ректора публичными ругательствами. Семинарскій ревизоръ такъ и не кончилъ своей ревизіи, сказался больнымъ и уѣхалъ въ Казань. Послѣ рождественскаго ваката съ начала 1850 г. послѣдовали новыя донесенія съ обѣихъ враждебныхъ сторонъ семинарскому правленію, которыя заставили преосвященнаго Григорія предоставить ревизію училища академическому правленію. Послѣднее назначило ревизоромъ проф. Гусева. Съ 3 апрѣля началось имъ слѣдствіе о безпорядкахъ въ училищѣ, продолжавшееся свыше 5 мѣсяцевъ, „сопряженное, какъ писалъ въ своемъ отчетѣ самъ Гусевъ. съ неимовѣрными трудами, огромными работами и унесшее слишкомъ много силъ и здоровья, которыя можно было бы употребить на что нибудь лучшее“. Слѣдствія подобнаго рода производились тогда по всѣмъ формамъ, съ допросами множества лицъ по допроснымъ пунктамъ, подъ присягой, съ очными ставками; къ нимъ вызывались всякаго рода лица, даже иногородныя чрезъ полицію или епархіальное начальство. Гусеву содѣйствовали при слѣдствіи депутаты, съ училищной стороны мѣстный священникъ П. Зефировъ и со стороны полиціи помощникъ городничаго Старцовъ.

Дѣло это настоящій монстръ на 733 листахъ убористаго письма. Въ немъ вскрыта вся темная сторона уѣздно-училищной жизни того времени со всѣмъ ея невѣжествомъ, грубостью нравовъ, пьянствомъ, сплетнями, клеветами, кляузами, наушничествомъ, казеннымъ воровствомъ, жестокостями съ подчиненными, невообразимою педагогіей, даже съ уголовными преступленіями, большею частію впрочемъ безсознательными, наивными, но тѣмъ не менѣе ужасными. Къ этимъ 733 лл. его главнаго содержанія присоединилось нѣсколько еще соприкосновенныхъ дѣлъ изъ незаконченныхъ дѣлъ семинарскаго правленія: 1) дѣло на 13 листахъ о неподписаніи инспекторомъ училища Дмитріевымъ нѣсколькихъ журналовъ и статей по экономическимъ книгамъ на 1850 годъ безъ всякой причины, по одной ссорѣ съ ректоромъ, такъ какъ въ

самомъ веденіи дѣла по этимъ журналамъ онъ участвовалъ въ свое время и самъ; 2) о выводѣ инспектора изъ казенной квартиры, понадобившейся для самого училища, — на 15 лл.; 3) о жестокомъ обращеніи инспектора съ однимъ ученикомъ на 13 лл.; 4) о неподписаніи имъ же журналовъ 30 окт. 1849 г. о выдачѣ денегъ за нѣкоторыя работы по училищу, — на 124 лл.; 5) слѣдствіе по извѣту объ употребленіи ректоромъ учениковъ на работы въ своемъ саду, — на 172 лл.; 6) уясненіе ревизіоннымъ порядкомъ дѣла о размѣщеніи ректоромъ учениковъ по квартирамъ разныхъ хозяевъ—на 91 л.: всего съ прежними вышло 1161 листъ. Допрошено было до 200 разныхъ лицъ, большею частію подъ присягой, по нѣскольку разъ и по нѣсколькимъ пунктамъ, напр. протоіерею Горскому было предложено до 100 вопросовъ, по которымъ онъ долженъ былъ исписать до 150 листовъ; разсмотрѣно было множество документовъ; самому слѣдователю пришлось исписать собственноручно до 280 лл. самаго убористаго письма. Во время самаго слѣдствія возникали новыя дѣла по обвиненіямъ противъ самого слѣдователя, при чемъ подсудимые учители высчитывали, сколько разъ онъ бывалъ у о. Горскаго въ гостяхъ и сколько разъ этотъ бывалъ у него, сколько разъ пользовался онъ экипажемъ о. Горскаго, какъ гулялъ по городу съ его дочерьми, былъ съ ними въ театрѣ и проч. Проф. Гусевъ, какъ видно, самъ былъ увлеченъ громаднымъ слѣдствіемъ и допускалъ въ немъ нѣкоторыя излишества. Сюда напр. относится весьма некрасивый эпизодъ слѣдствія, состоявшій въ допросѣ нѣсколькихъ (12) учениковъ высшаго отдѣленія училища отъ 13 до 17 лѣтъ о домашней жизни ихъ инспектора, — о томъ, какъ его жена „играла“ съ однимъ молодымъ учителемъ нахлѣбникомъ и какъ они ученики на это смотрятъ, не видятъ ли тутъ чего нибудь близкаго къ нарушенію 7 заповѣди; допросы эти велись на тотъ конецъ чтобы изъ-за соблазна лишить инспектора казенной квартиры при училищѣ. Раздраженіе партій доходило до того, что во время слѣдствія и ревизіи прот. Горскому, Гусеву и городничему подбрасывались подметныя письма самаго угрожающаго характера. — По окончаніи слѣдствія проф. Гусевымъ произведена была еще ревизія всего училища, дѣло о которой заняло еще 136 листовъ.

Наконецъ 24 сентября все это дѣло-монстръ было представлено академическому правленію. Ревизіонный отчетъ о со-

стояніи училища былъ ужасенъ. И инспекторъ и учители, за исключеніемъ одного, Екатерининскаго, стоявшаго на сторонѣ ректора, были представлены людьми невѣжественными, совсѣмъ незнающими своихъ предметовъ, небрежными въ преподаваніи, свирѣпыми съ учениками. неуважительными къ своему начальству, кляузниками, взяточниками, преступной шайкой, враждебной ректору и училищному порядку. Нѣсколько учениковъ училища исключено за дурное поведеніе; еще большее число оставлено безъ перевода въ слѣдующіе классы. 27 сентября правленіе академіи распорядилось немедленно устранить отъ должности 5 учителей, а ректору Горскому выразить одобреніе за хорошее управленіе училищемъ. Но преосвященный Григорій, разсмотрѣвъ отчетъ, въ резолюціи своей отъ 22 мая 1851 г. написалъ, что изъ самаго слѣдствія и изъ отчета видно, что протоіерей Горскій во многомъ самъ неисправенъ, такъ какъ распустилъ училище свое по всѣмъ частямъ, а потому ему слѣдуетъ сдѣлать надлежащее замѣчаніе, и распорядился относительно его снова разсмотрѣть все дѣло. Въ 1852 г. въ Чистополѣ открылись новые безпорядки по училищу и произошли новыя столкновенія ректора Горскаго съ учителями и о. Горскій былъ наконецъ уволенъ отъ ректорской должности (1).

Суровая пермская ревизія архим. Григорія была вызвана такимъ же разладомъ среди тамошней семинарской корпораціи. Ректоръ Никодимъ, переведенный сюда, какъ мы видѣли, изъ Уфы, по свидѣтельству ревизора, не обращалъ на семинарію никакого вниманія, сидѣлъ у себя запершись въ кельи и, кажется, пилъ, въ учебной части не понималъ значенія нѣкоторыхъ наукъ, инспекторовъ считалъ противниками своей власти, самъ держался на мѣстѣ только покорностію преосвященному Аркадію; инспекторъ іером. Стефанъ былъ человѣкъ горячій, безпокойный и безтактный, постоянно сцѣплялся то съ ректоромъ, то съ наставниками, а ученикамъ поблажалъ. Поводомъ къ ревизіи послужило его столкновеніе съ наставниками въ октябрѣ 1849 г., заставившее 8 человѣкъ наставниковъ подать на него жалобу во внѣшнее правленіе академіи, потому что мѣстное начальство не удовлетворило ихъ претензіи. Дѣло было въ томъ, что одинъ учитель былъ въ

(1) Чистопольское дѣло въ арх. внѣшн. правл. 1850 г. № 40 и 1851 г. № 84.

классѣ выпивши, побранился съ учениками за шумъ и назвалъ ихъ поросятами, а инспекторъ написалъ по этому поводу въ классномъ журналѣ замѣтку, въ нѣкоторомъ родѣ поблажавшую ученикамъ и крайне обидную наставникамъ: „Скромное поведеніе учениковъ въ классѣ въ присутствіи наставника зависитъ главнымъ образомъ отъ самого же наставника; признаю полезнымъ и даже необходимымъ для чести наставниковъ, чтобы они всегда являлись къ ученикамъ въ трезвомъ видѣ и чтобы обращались съ ними благородно, въ духѣ отеческой любви". Въ ноябрѣ правленіе академіи рѣшило, чтобы іером. Стефанъ просилъ у наставниковъ извиненія въ присутствіи правленія за превышеніе власти, а виновный наставникъ обращался съ учениками „благородно, не уподобляя ихъ поросятамъ", но, воспользовавшись поѣздкой ректора въ Пермь по епархіальному слѣдствію, назначило ему произвести уже кстати и ревизію семинаріи съ училищами. Ревизія эта пронеслась надъ семинаріей настоящей грозой и имѣла результатомъ значительное очищеніе ея отъ накопившихся въ ней безпорядковъ, а отчасти и людей, поддерживавшихъ эти безпорядки. Отчетъ по ней былъ очень строгій, но правдивый. Ревизоръ замѣтилъ между наставниками и учениками большое развитіе пьянства; дисциплинарные безпорядки успѣли обратиться въ семинаріи даже въ обычай, такъ что предосудительность ихъ перестала и сознаваться; ученики были мало развиты, грубы и дерзки; экономія велась небрежно, семинарія содержалась очень грязно. Не лучше были аттестованы и училища. Дѣло кончилось удаленіемъ ректора на покой въ арзамасскій Спасскій монастырь, инспектора въ другую семинарію (тамбовскую) въ должности только профессора и двоихъ наставниковъ въ отставку, а такъ же исключеніемъ нѣсколькихъ учениковъ; ревизоръ задѣлъ и мѣстнаго архіерея, донесши о допущенномъ имъ незаконномъ содержаніи архіерейскихъ пѣвчихъ на счетъ бурсацкихъ семинарскихъ суммъ. Послѣ ревизіи семинарія года три чистилась и прибиралась; но всѣмъ ея частямъ шли улучшенія, бывшія предметомъ длинной переписки ея правленія съ внѣшнимъ правленіемъ академіи и закончившіяся въ іюнѣ 1853 г. общимъ отчетомъ объ ея улучшенномъ состояніи новаго ректора ея архим. Антонія Радонежскаго (1).

(1) Д. внѣшн. правл. 1849 г. № 66.

Не перечисляемъ другихъ, менѣе крупныхъ слѣдственныхъ дѣлъ по жалобамъ на училищныя и семинарскія начальства разныхъ частныхъ лицъ, наставниковъ и учениковъ, хотя нѣкоторыя, изъ нихъ весьма характерны для изученія тогдашнихъ школьныхъ нравовъ по округу (1). Въ этихъ дѣлахъ правленіе академіи не особенно затруднялось и рѣшало ихъ безъ стѣсненія, такъ какъ они касались людей не важныхъ, для которыхъ оно было высокимъ начальствомъ. Важнѣе и затруднительнѣе были дѣла по ссорамъ семинарскихъ начальствъ съ архіереями, особенно такія, въ которыхъ не правы были не первыя, а послѣдніе. Правленію въ этихъ случаяхъ приходилось искусно лавировать между обѣими сторонами, чтобы не слишкомъ выдавать и семинарскихъ ректоровъ съ инспекторами и въ тоже время не обижать архіереевъ; единственный исходъ изъ подобныхъ затрудненій оно находило въ предоставленіи подобныхъ дѣлъ рѣшенію высшаго начальства.

Въ одно и тоже время, какъ въ Казани производилось дѣло объ архим. Климентѣ, въ Симбирскѣ правленіе семинаріи вошло въ столкновеніе съ архіереемъ Ѳеодотіемъ. Дѣло Климента было для правленія академіи подъ силу, потому что виновной стороной былъ самъ арх. Климентъ, съ которымъ еще можно было управиться; въ симбирскомъ дѣлѣ приходилось встать за семинарское правленіе противъ архіерея. Послѣдній завелъ противъ правленія формальное дѣло за то, что оно не исключило одного ученика, попавшагося въ нетрезвости

---

(1) Съ весны 1849 до осени 1851 г. тянулось судбище у каѳедральнаго протоіерея г. Уфы Д. Субботина съ правленіемъ уфимской семинаріи изъ-за исключенія изъ семинаріи за грубость и либерализмъ его сына философа, хорошаго ученика. Семинарское начальство винило прот. Субботина въ поблажкѣ сыну, во вмѣшательствѣ въ семинарскія дѣла, въ оскорбительныхъ отзывахъ о монахахъ, будто они всѣ безчувственны, іезуиты, что въ семинаріи второй уже ректоръ пьяница и т. п. Прот. Субботинъ съ своей стороны указывалъ на жестокости семинарскаго начальства и учителей, на то, что сынъ его мальчикъ нѣжный, жестокостей этихъ не могъ вынести и нагрубилъ, что исключенъ незаконно, за одну только первую вину, а былъ постоянно первымъ ученикомъ. Въ 1851 г. дѣло кончилось выговоромъ Св. Синода не Субботину, а семинарскому правленію; ученику Субботину дозволено опять поступить въ семинарію; но онъ уже успѣлъ выйти на гражд. службу (Д. 1849 г. № 14).

самому преосвященному. Правленіе стало оправдываться, представляя, что ученикъ этотъ одинъ изъ лучшихъ въ семинаріи, попался въ первый разъ, да и самая вина его случайная, не свидѣтельствующая о дурномъ его направленіи. Архіерей разгорячился, сталъ указывать на другіе подобные же примѣры потворства ученикамъ, но правленіе крѣпко вступилось за себя и разными справками по документамъ и прежними резолюціями самого преосвященнаго совсѣмъ запутало его, доказывая, что онъ преувеличиваетъ факты и что въ указанныхъ имъ случаяхъ потворства самъ же больше и виноватъ. „То ложь пишутъ на меня въ журналѣ, написалъ онъ на самомъ представленіи семинарскаго правленія о ходѣ дѣла академическому, то составляютъ и представляютъ мнѣ справки по документамъ. Опасно служить съ такими“. Правленіе академіи не знало, какъ отвязаться отъ этого дѣла; для этого оно воспользовалось однимъ пустымъ предлогомъ, запоздалымъ представленіемъ изъ Симбирска вѣдомости о поведеніи учениковъ, и сдѣлало замѣчаніе инспектору семинаріи. Преосв. Ѳеодотій, повидимому, удовлетворился этимъ замѣчаніемъ; — по всей вѣроятности, онъ и самъ желалъ хоть какого нибудь исхода изъ этого дѣла, въ которомъ по горячности зашелъ немного далеко ([1]). Въ Нижнемъ, какъ мы видѣли, преосвященный Іеремія насилу отдѣлался отъ ректора Аполлонія, такъ что преосвященный Григорій казанскій даже поздравилъ его съ этимъ. Но послѣ Аполлонія ректоромъ сдѣлался архим. Ѳеофилъ, съ которымъ преосвященному Іереміи тоже пришлось не разъ сталкиваться. Это была здоровая и крѣпкая голова съ прямымъ и реальнымъ взглядомъ на вещи, относившаяся къ разнымъ мистическимъ тенденціямъ, которыхъ не чуждъ былъ благочестивый владыка, съ глубокимъ презрѣніемъ, притомъ голова упрямая не менѣе прежняго ректора и властная. Первое сильное столкновеніе съ преосвященнымъ вышло у него изъ-за ранняго отпуска учениковъ семинаріи въ 1853 г., по случаю холеры, безъ согласія преосвященнаго, который не желалъ этого отпуска, возлагая сохраненіе учениковъ отъ холеры на волю Божію. Послѣ отпуска семинаристовъ преосвященный Іеремія, какъ онъ самъ писалъ въ правленіе академіи, сталъ дѣлать ректору выговоръ, но этотъ только „харкнулъ, плюнулъ и, сказавъ: не нужно смѣшивать холеры

([1]) Д. 1849 г. № 14.

съ волей Божіей, удалился". Другое неудовольствіе между ними вышло изъ-за поддержки, какую ректоръ Ѳеофилъ оказалъ смотрителю лысковскаго училища Тихонравову въ ссорѣ съ предводителемъ княгининскаго дворянства Моисеевымъ; смотритель этотъ съ своимъ братомъ поучили немного Моисеевскаго управляющаго, наглаго барскаго барина временъ крѣпостнаго права, который, встрѣтясь съ ними во время ихъ поѣздки на вакатъ на большой дорогѣ, вздумалъ было надъ ними важничать и ругаться, грозилъ даже побоями. Преосвященный Іеремія сталъ на сторону Моисеева, а ректоръ съ семинарскимъ правленіемъ за смотрителя. Правленіе академіи въ 1854 г. назначило по этимъ дѣламъ ревизію нижегородской семинаріи и училищъ; смотритель Тихонравовъ и инспекторъ лысковскаго училища были уволены отъ службы, послѣдній за жестокость съ учениками (1).

Особенно сильныя несогласія съ семинарскими начальствами въ 1860-хъ годахъ возникли у преосвященнаго Порфирія сначала въ Уфѣ, потомъ въ Томскѣ, гдѣ онъ послѣдовательно былъ епархіальнымъ архіереемъ. Отъ 31 мая 1860 г. въ академическое правленіе имъ прислано было изъ Уфы очень суровое отношеніе, въ которомъ онъ указывалъ на сильные безпорядки въ мѣстной семинаріи, зависѣвшіе будто бы отъ недобросовѣстности членовъ правленія, главнаго изъ этихъ членовъ, ректора Григорія, рекомендовалъ, какъ мало надежнаго и неспособнаго къ прохожденію административныхъ должностей, прочихъ—инспектора Сергія и экономa проф. Ильина, какъ пьяницъ. Правленіе академіи, по сношенію съ высшимъ начальствомъ, назначило въ семинарію ревизію. Ревизоръ, проф. Соколовъ, нашелъ, что экономическая и канцелярская часть дѣйствительно были запущены въ семинаріи, но постарался нѣсколько очистить членовъ правленія отъ тяжкихъ обвиненій преосвященнаго, засвидѣтельствовавъ, что запойнаго пьянства за инспекторомъ и экономомъ не замѣтилъ, что инспекторскую часть въ семинаріи нашелъ даже достаточно хорошей, что ректоръ человѣкъ безукоризненный, только мало опытенъ и не совсѣмъ склоненъ къ соблюденію законныхъ формъ и правилъ въ дѣлахъ. Отношенія между ними и преосвященнымъ онъ подвергъ тщательному разбору, при чемъ оказалось, что эти отношенія были самыя непріятныя, осо-

(1) Д. внѣшн. правл. 1854 г. №№ 33 и 48.

бенно съ марта 1860 г. Ни одинъ журналъ правленія не проходилъ безъ длинныхъ замѣчаній преосвященнаго, доходившихъ иногда до 120 строкъ. 17 марта преосвященный назначилъ для обревизованія экономическихъ отчетовъ за 1859 г. членовъ ревизіоннаго комитета, но въ апрѣлѣ смѣнилъ ихъ, и новымъ членамъ назначилъ собираться для разсмотрѣнія отчетовъ у себя въ архіерейскомъ домѣ подъ своимъ надзоромъ. Изъ новаго ревизіоннаго комитета въ правленіе семинаріи пошли запросъ за запросомъ въ самомъ обидномъ и рѣзкомъ тонѣ; самъ преосвященный писалъ резолюціи и распоряженія, полныя колкостей, насмѣшекъ и унизительныхъ для членовъ правленія подозрѣній и замѣчаній, и все это дѣлалось извѣстнымъ не только въ семинаріи, но и въ городѣ. Правленіе старалось держаться въ оборонительномъ положеніи и по возможности деликатно, но часто проговаривалось въ своей полемикѣ съ комитетомъ, косвенно задѣвая и преосвященнаго. Отчетъ заключался подробными соображеніями ревизора о мѣрахъ къ улучшеніямъ въ семинарской экономіи и канцеляріи и мнѣніемъ о смѣнѣ членовъ правленія. Согласившись съ его соображеніями, правленіе академіи весной 1861 г. дѣйствительно исходатайствовало смѣну и ректора, и инспектора; Ильинъ отъ экономства былъ уволенъ, но оставленъ на наставнической службѣ во вниманіе къ его научнымъ работамъ. Сдѣлавъ эти распоряженія, Св. Синодъ почелъ нужнымъ перевести изъ Уфы и преосвященнаго Порфирія и назначилъ его въ Томскую епархію. Академическое правленіе послало въ уфимскую семинарію надлежащія распоряженія объ устраненіи безпорядковъ, но, видимо соскучившись отъ хлопотъ по устройству разстроенной экономіи этой семинаріи, вызвавшему одну за другою уже 3 ревизіи (1856, 1859 и 1860 гг.), постаралось черезъ Св. Синодъ свалить всѣ эти хлопоты на отвѣтственность мѣстнаго архіерея (1).

Перейдя въ Томскъ, преосвященный Порфирій и здѣсь поднялъ длинное и горячее дѣло о безпорядкахъ по экономіи въ мѣстной семинаріи. Семинарская администрація, состоявшая тогда изъ рѣдкихъ по честности и доброй заботливости людей, ректора Веніамина Благонравова и инспектора іером. Владиміра, была занята двумя важными дѣлами по семинаріи,—постройкой церкви, на которую ректоръ и инспекторъ успѣли собрать

(1) Д. внѣшн. правл. 1860 г. № 80.

значительную сумму, и устройствомъ общежитія для квартирныхъ семинаристовъ, недавно открытаго при прежнемъ архіереѣ Парѳеніи, — учрежденія весьма благодѣтельнаго для цѣлой епархіи. Оба эти дѣла велись съ замѣчательною добросовѣстностію, которую высоко цѣнилъ бывшій преосвященный и которой вполнѣ довѣряли всѣ родители поступавшихъ въ общежитіе учениковъ; по расходованію суммъ въ общежитіи лучшимъ контролемъ было участіе въ его хозяйственныхъ операціяхъ самихъ учениковъ. При преосвященномъ Парѳеніи, не совсѣмъ склонномъ къ разнаго рода формалистикѣ, дѣла эти велись попросту, большею частію на вѣрѣ и безъ особеннаго наблюденія формъ; но это-то имъ и повредило, когда на архіерейскую каѳедру взошелъ такой рьяный ревнитель законности, какъ преосвященный Порфирій, для котораго законныя формы были дороже самаго дѣла. Къ несчастію, ни ректоръ, ни инспекторъ въ сознаніи своей правоты не позаботились о внѣшнемъ огражденіи этой правоты Не желая обременять усиленнымъ дѣлопроизводствомъ канцеляріи правленія, они взяли почти все веденіе дѣлъ и по церкви, и по общежитію на себя,— ректоръ велъ приходо-расходную книгу по церковнымъ суммамъ, а инспекторъ взялъ на себя дѣла по ученическому общежитію и велъ по приходу и расходу его свою запись чисто домашняго характера. Преосвященный Парѳеній хорошо все это зналъ и дозволялъ такое веденіе дѣлъ, особенно по ученическому общежитію, дѣла котораго считались совершенно частными и нисколько не относящимися къ дѣламъ семинарскаго правленія. Не такъ посмотрѣлъ на нихъ преосв. Порфирій и весной 1861 г. поднялъ сильную тревогу на всю Томскую епархію. При своемъ раздражительномъ и безпокойномъ характерѣ онъ имѣлъ еще несчастную слабость подпадать подъ вліяніе людей, желавшихъ для своихъ выгодъ пользоваться этими свойствами его характера. Въ настоящемъ дѣлѣ его всего болѣе возбуждалъ съумѣвшій приблизиться къ нему одинъ изъ учителей семинаріи іером. С., интриговавшій противъ семинарскаго начальства.

18 апрѣля, разсматривая семинарскіе отчеты, онъ потребовалъ отъ семинарскаго правленія надлежащихъ документовъ и по суммамъ церковной и общежительной. Ему представили обѣ книги, и ректорскую по церкви, и инспекторскую по общежитію, но безъ скрѣпъ, печатей и шнуровъ. Страшно разгорячённый, владыка черезъ день, 20 апрѣля, распорядился, чтобы

ректоръ и инспекторъ къ 12 часамъ слѣдующаго числа представили ему самыя суммы, и церковную, и общежительную, а секретарь съ экономомъ къ 5 часамъ вечера непремѣнно донесли объ исполненіи этого распоряженія, въ случаѣ же неисполненія послали донесеніе прямо въ академическое правленіе, какъ будто, по замѣчанію преосвященнаго Филарета московскаго, разсматривавшаго это дѣло, имѣлъ дѣло съ ворами, которыхъ нужно было ловить по горячимъ слѣдамъ, чтобы не ушли. Этого мало, — указанныя распоряженія были сдѣланы имъ на послѣднихъ дняхъ страстной недѣли среди длинныхъ страстныхъ службъ, а послѣ Пасхи 6 мая надъ ректоромъ и инспекторомъ назначено было слѣдствіе чрезъ особую слѣдственную коммиссію изъ двоихъ протоіереевъ и іером. С. Коммиссія повела это слѣдствіе громко и скандально, съ требованіями по всей епархіи чрезъ благочинныхъ отъ родителей жившихъ въ общежитіи учениковъ показаній объ ихъ взносахъ въ общежитіе, съ допросами о томъ же и о добросовѣстности начальства самихъ учениковъ, съ колкими и ругательными резолюціями и т. д. Всѣмъ этимъ дѣломъ руководилъ іером. С., писавшій и допросные пункты. Преосвященный грозилъ передать дѣло даже свѣтскому уголовному суду... Единственнымъ, хотя и малонадежнымъ прибѣжищемъ въ бѣдѣ для притѣсненныхъ начальниковъ семинаріи могло быть только академическое правленіе, къ которому они и прибѣгли за защитой; въ объясненіяхъ своихъ передъ нимъ они описывали весь ходъ слѣдствія, указывали на оскорбительный для нихъ характеръ этого слѣдствія, на его широкую огласку, на свои обиды отъ преосвященнаго, который ставилъ ихъ по дѣловитости ниже сельскихъ старостъ, ниже мальчика письмоводителя, на крайнюю придирчивость слѣдственной коммиссіи, которая стремилась только къ тому, чтобы собрать противъ нихъ болѣе обвинительныхъ пунктовъ, а главное — производила разстройство въ семинаріи, деморализовала учениковъ и марала доброе имя членовъ правленія; въ оправданіяхъ своихъ предъ академическимъ правленіемъ они нѣсколько разъ уличали самого владыку въ страстности и даже недобросовѣстности. Вмѣстѣ съ своей слѣдственной коммиссіей онъ только и держался на формахъ, по существу же дѣла не могъ уличить начальниковъ семинаріи ни въ какой недобросовѣстности или не надлежащемъ употребленіи какой нибудь даже копѣйки изъ довѣрявшихся имъ денегъ. Находившіеся подъ

слѣдствіемъ начальники со всею рѣшительностію утверждали, что коммиссія никогда ничего подобнаго за ними и не найдетъ, сколько бы ни продолжала искать и горячиться. Но правленіе академіи ничего съ своей стороны не могло сдѣлать по этому дѣлу, гдѣ такъ неловко былъ замѣшанъ архіерей, и ограничивалось только тѣмъ, что посылало получаемыя объясненія на разсмотрѣніе высшей власти, изрѣдка лишь вставляя въ донесенія свои мнѣнія въ пользу подсудимыхъ. Преосвященный Порфирій въ своихъ горячихъ вспышкахъ дошелъ наконецъ донельзя: 1 іюля вышло отъ него распоряженіе объ удерживаніи впредь у членовъ правленія двухъ третей жалованья по всѣмъ ихъ должностямъ на покрытіе какихъ-то и когда-то еще имѣющихъ открыться на нихъ начетовъ; ректоръ сталъ послѣ этого получать на свое содержаніе всего 17 р. 87 к. въ мѣсяцъ, инспекторъ и экономъ по 13 р. 70 к., а секретарь—12 р. 50 к.. Правленіе семинаріи немедленно донесло объ этомъ академическому правленію, выставивъ на видъ всю незаконность и безцѣльность этой странной мѣры, которой владыка очевидно только срывалъ свое сердце на членахъ правленія, потому что нельзя было и представить, куда должны были потомъ поступить эти взысканныя деньги, въ пользу ли плативщихъ ихъ, которые уже получили отъ правленія то, за что платили, или въ пользу неплатившихъ, которые, вслѣдствіе своего неплатежа, сами состоятъ въ долгу у правленія; семинарское правленіе просило академическое ходатайствовать предъ высшимъ начальствомъ о снисхожденіи къ его, правленія, промахамъ, о прекращеніи этого тяжелаго дѣла, грозящаго затянуться и еще на долгое время, и объ огражденіи семинарскаго начальства отъ подобныхъ же казусовъ, нарушающихъ благо и внутренній миръ всего заведенія, и на будущее время. Академическое правленіе ходатайствовало.

Высшее начальство послѣ того дѣйствительно вступилось въ дѣло и попросило преосвященнаго Филарета московскаго составить объ немъ мнѣніе. Мнѣніе мудраго святителя гласило, что ректора и инспектора семинаріи, какъ дѣйствительно не совсѣмъ исправныхъ и опытныхъ администраторовъ, нужно перевести въ другія заведенія, поставивъ подъ особое наблюденіе и руководство начальства, а равно и іером. С., который лежитъ главнымъ камнемъ претыканія между преосвященнымъ и семинарскимъ правленіемъ, самому же преосв Порфирію, показавшему безпокойный духъ и горячность, преподать „по-

лезные совѣты и, можетъ быть, не безъ подробностей и сильныхъ выраженій"... Св. Синодъ, принявъ во вниманіе, что вина членовъ семинарскаго правленія состояла главнымъ образомъ въ несоблюденіи законныхъ формъ отчетности и что, за непоступленіемъ ни откуда жалобъ на ихъ дѣйствія о неправильномъ употребленіи денегъ, не представлялось никакихъ поводовъ ни къ назначенію надъ ними слѣдствія и притомъ съ участіемъ полицейскаго чиновника, ни къ удержанію у нихъ жалованья, въ февралѣ 1862 г. опредѣлилъ: слѣдственную коммиссію немедленно распустить, удержанное у членовъ правленія жалованье имъ возвратить, новымъ членамъ во всемъ дѣйствовать законнымъ порядкомъ, затѣмъ членовъ, назначенныхъ въ другія мѣста службы, уволить къ этимъ мѣстамъ. Какія подробныя наставленія и въ какихъ сильныхъ выраженіяхъ были преподаны преосв. Порфирію, до насъ не касается. Ректоръ же Веніаминъ и инспекторъ Владиміръ еще осенью 1861 г. были переведены, первый въ ректоры костромской семинаріи, второй на инспекторство въ петербургской академіи; на мѣста ихъ назначены архим. Моисей и іером. Наркиссъ. Іером. С. назначенъ смотрителемъ училища въ Витебскъ; экономъ іером. Іаковъ — инспекторомъ въ иркутскую семинарію. Но, не смотря на эти назначенія, всѣ они до послѣдняго февральскаго рѣшенія Св. Синода 1862 г. были удержаны преосв. Порфиріемъ въ Томскѣ для продолженія дѣла. Получивъ указъ объ ихъ переводѣ, преосвященный немедленно составилъ новое семинарское правленіе изъ членовъ мѣстнаго городскаго духовенства, которому и поручилъ продолженіе слѣдствія; въ это время приглашенъ былъ имъ къ участію въ слѣдствіи и полицейскій чиновникъ, о которомъ сказано было въ февральскомъ опредѣленіи Св. Синода. Подсудимые не признали этого временнаго правленія и отказались отвѣчать на его запросы. Положеніе обѣихъ тяжущихся сторонъ грозило новымъ обостреніемъ и осложненіемъ отношеній, пока наконецъ февральское рѣшеніе Св. Синода не покончило всей этой путаницы. Но оно пришло въ Томскъ уже въ концѣ апрѣля 1862 г., такъ что архим. Веніаминъ успѣлъ, не побывавъ въ Костромѣ, получить уже новое назначеніе въ викаріи Иркутской епархіи. Семинарское правленіе въ Томскѣ обновилось; законныя формы веденія дѣлъ были возстановлены, но за то благодѣтельное семинарское общежитіе уничтожилось и ученики снова стали проживать на

частныхъ квартирахъ. Fiat justitia,—pereat mundus! Впрочемъ плохо, какъ увидимъ, удалось торжествовать и юстиціи (1).

При рѣшеніи этого дѣла Св. Синодъ между прочимъ распорядился, чтобы преосв. Порфирій перемѣнилъ дурныя аттестаціи, написанныя имъ на послужныхъ спискахъ ректора и инспектора. Распоряженіе это послужило въ 1863 г. поводомъ къ возбужденію даже общаго вопроса о правѣ архіереевъ давать аттестаціи служащимъ по духовно-учебному вѣдомству. Вопросъ этотъ первоначально поднятъ былъ ректоромъ казанской академіи Іоанномъ чрезъ внѣшнее академическое правленіе, по случаю производившагося здѣсь дѣла о смотрителѣ нерчинскаго дух. училища А. Дубровскомъ (изъ воспитанниковъ VI курса казанской академіи). Послѣдній имѣлъ неосторожность помѣняться съ иркутскимъ семинарскимъ правленіемъ нѣсколькими колкими бумагами изъ-за нѣкоторыхъ, сдѣланныхъ ему правленіемъ замѣчаній, навлекъ на себя за это гнѣвъ иркутскаго преосвященнаго Парѳенія и получилъ отъ него дурную аттестацію на формулярѣ. Правленіе академіи, разсматривая документы этого дѣла, нашло, что Дубровскій, по молодости своей, погорячился, допустилъ въ своихъ объясненіяхъ передъ правленіемъ неумѣстныя выраженія, но безпорядковъ по службѣ не производилъ и само семинарское правленіе находило его хорошимъ смотрителемъ; а потому рѣшено было: сдѣлать ему надлежащее внушеніе съ подпиской, но отъ службы его не увольнять; кромѣ того, такъ какъ дурная аттестація, данная ему преосвященнымъ, касается его служебной чести и можетъ вредить ему и по выходѣ изъ училищной службы, а между тѣмъ сдѣлана преосвященнымъ безъ суда и слѣдствія, даже безъ представленія высшему начальству, вопреки ст. 1434 III т. Свода законовъ, то просить высшее начальство, чтобы оно предложило архіерею перемѣнить такую аттестацію, какъ это было уже разъ предложено по извѣстному дѣлу томскому архіерею; наконецъ, такъ какъ право епархіальныхъ начальствъ аттестовать подчиненныхъ лицъ въ послужныхъ спискахъ по личному усмотрѣнію производитъ, какъ показываютъ дѣла послѣднихъ лѣтъ, непріятныя столкновенія между ними и подчиненными лицами и

(1) Документы томскаго дѣла во внѣшн. правл. подъ № 33-мъ 1861 г.. Мнѣніе преосвященнаго Филарета см. въ Собраніи его мнѣній и отзывовъ, т. V, ч. I, стр. 165—170.

мѣстами, то представить высшему начальству, дабы благоволено было дать объ этомъ предметѣ точныя и положительныя правила, чтобы неодобрительные отзывы о службѣ и поведеніи лицъ духовно-учебнаго вѣдомства вносились архіереями въ послужные списки не иначе, какъ по слѣдствію и суду и по рѣшенію высшей власти, какъ и общіе законы (т. XV Св. законовъ) требуютъ. Ректоръ Іоаннъ поднималъ такимъ образомъ цѣлую революцію противъ архіереевъ. Св. Синодъ на это представленіе смолчалъ, а Дубровскаго отъ 20 дек. 1863 г. рѣшилъ уволить отъ службы, какъ невозможнаго на ней по своей строптивости чиновника (1).

Ректоръ Іоаннъ однако неотступился отъ своей мысли ограничить власть архіереевъ. Дубровскій оказался плохимъ предлогомъ, а преосвященный Парѳеній слишкомъ хорошимъ архіереемъ для того, чтобы изъ-за нихъ поднимать такой важный вопросъ. Но очень подходящимъ для того архіереемъ оказывался Порфирій томскій, который не замедлилъ столкнуться и съ новымъ семинарскимъ правленіемъ. Въ декабрѣ 1863 г. онъ далъ длинныя и дурныя аттестаціи ректору Моисею, инспект. Наркиссу и двоимъ учителямъ семинаріи. Академическое правленіе потребовало объясненія этихъ аттестацій, а между тѣмъ снова представило оберъ-прокурору Св. Синода свое прежнее мнѣніе объ ихъ законности. Отвѣта на это послѣднее представленіе опять не было; на запросъ же въ томскую семинарію о причинахъ дурныхъ аттестацій отъ преосвященнаго ректоръ и инспекторъ семинаріи разсказали такія обстоятельства. Семинарія томская помѣщалась за 1000 р. въ годъ на квартирѣ въ зданіяхъ архіерейскаго дома, крайне неудобныхъ и плохо выстроенныхъ; въ 1862 г. одинъ флигель, занимаемый учениками, даже развалился, потому что, какъ оказалось, былъ выстроенъ безъ фундамента, а въ 1863 г. зданія пострадали еще отъ пожара. По отстройкѣ, на мѣсто развалившагося флигеля, новаго только еще вчернѣ преосвященный тотчасъ же велѣлъ помѣстить въ немъ учениковъ; но, по причинѣ сырости и прѣли, да и по тѣснотѣ, жить въ немъ оказалось не возможно. Семинарское правленіе представило объ этомъ преосвященному и вмѣстѣ съ тѣмъ предложило нанять для семинаріи въ одномъ сосѣднемъ купеческомъ домѣ новую квартиру, и удобнѣе по обширности и расположенію помѣще-

(1) Д. внѣшн. правл. 1862 г. № 87.

ній, и дешевле, чѣмъ въ архіерейскомъ домѣ, всего за 750 р. Но это оказалось противнымъ интересамъ архіерейскаго дома;—inde iгае. Отвергнувъ предложеніе правленія съ нескрываемымъ гнѣвомъ, преосвященный распорядился оставить семинарію при своемъ неудобномъ домѣ, а для доставленія бо́льшаго простора ученикамъ вывелъ изъ нихъ сначала ректора, потомъ на другой годъ, вмѣсто него, инспектора на жительство въ Алексѣевскій монастырь, отстоящій отъ архіерейскаго дома на значительное разстояніе, такъ что семинарія оставалась одно время безъ ректора, другое—безъ инспектора; кромѣ того, обидѣвшись на правленіе, сталъ къ нему постоянно привязываться, мѣшать его дѣйствіямъ задержкой у себя нужныхъ къ срокамъ бумагъ, отмѣной правленскихъ постановленій и проч., наконецъ приставилъ къ правленію секретаремъ, вмѣсто его прежняго секретаря—учителя Е. Шаврова, своего любимца — учителя училища свящ. Боркова, который, при его поддержкѣ, и завладѣлъ всѣмъ правленіемъ. Въ началѣ 1864 г. преосвященный сдалъ въ правленіе неисполнимое предложеніе закрыть въ семинаріи классы новыхъ языковъ, ибо де семинаристы не желаютъ имъ учиться. Правленіе усомнилось исполнить это предложеніе и снеслось о томъ съ академическимъ правленіемъ, представляя съ своей стороны, что, хотя однимъ распоряженіемъ духовно-учебнаго управленія 1852 г. и положено открывать классы этихъ языковъ при числѣ не менѣе 15 человѣкъ, записавшихся на нихъ, въ томской же семинаріи нѣмецкому языку обучается всего 13, а французскому 14 человѣкъ, но томская семинарія вообще очень малолюдна и означенное правило едва ли можетъ быть къ ней приложимо; въ академіи нашли, что закрывать этихъ классовъ не слѣдуетъ (1). Получая такія свѣдѣнія изъ семинаріи, правленіе академіи аккуратно доносило объ нихъ синодальному оберъ-прокурору и, считая себя не компетентнымъ къ рѣшенію возникшихъ въ семинаріи споровъ, такъ какъ въ нихъ замѣшана персона архіерея, предлагало назначить въ Томскъ чрезвычайную ревизію чрезъ кого либо изъ сибирскихъ архіереевъ, при чемъ доносило, что иначе несогласія эти не кончатся долго, такъ какъ томскій преосвященный не считаетъ конченнымъ даже и прежняго дѣла, напр. доселѣ удерживаетъ бывшаго прежде секретаремъ правленія

(1) Д. 1864 г. № 24.

учителя Кикина, уже переведеннаго въ тверскую семинарію, требуя съ него нѣкоторыхъ документовъ, которые самъ же и задержалъ у себя.

Св. Синодъ въ 1864 г. назначилъ ревизоромъ преосвященнаго Парѳенія иркутскаго съ тѣмъ, чтобы онъ обозрѣлъ повсѣмъ частямъ и томское епархіальное управленіе. Отъ 23 сентября Св. Синодъ, разсмотрѣвъ дѣло о помѣщеніи томской семинаріи, нашелъ во всемъ виновной контору архіерейскаго дома, такъ какъ она дала описанное тѣсное и неудобное помѣщеніе для семинаріи въ ущербъ и семинарской экономіи, и здоровью учениковъ, и тѣмъ не исполнила заключеннаго съ ней контракта при наймѣ ея зданій, и постановилъ подвергнуть ее взысканію за полученіе контрактной суммы съ мая 1862 г. въ томъ размѣрѣ, какой будетъ опредѣленъ для этого правленіемъ академіи по надлежащимъ справкамъ. Не знаемъ, какіе были результаты епархіальной ревизіи, произведенной преосв. Парѳеніемъ иркутскимъ, но извѣстно, что отъ 14 ноября 1864 г. преосв. Порфирій былъ уволенъ отъ епархіи на покой съ пенсіей въ 600 р. Дѣйствія его во многомъ объясняются его болѣзненнымъ состояніемъ. Послѣ своего увольненія отъ епархіи онъ прожилъ очень не долго. Скончался 3 іюня 1865 г. (1).

Въ 1860-хъ годахъ по семинаріямъ и училищамъ идетъ цѣлый рядъ дѣлъ о неуваженіи къ духовно-учебному и къ самому епархіальному начальству разныхъ учителей, особенно изъ молодыхъ людей не только академическаго, но и семинарскаго образованія. Дѣла эти служатъ выразительными показателями, какъ подъ вліяніемъ тогдашняго духа времени повсюду, и въ самихъ духовныхъ заведеніяхъ, прежде образцово дисциплинированныхъ, стали подламываться всѣ основы старой дисциплины. При малѣйшемъ неудовольствіи съ начальствомъ учители оставляли службу при духовно-учебныхъ заведеніяхъ, такъ что еще съ конца 1850-хъ годовъ въ духовно-учебномъ вѣдомствѣ возникаетъ безпокойный вопросъ объ удержаніи ихъ на службѣ по крайней мѣрѣ въ теченіе обязательнаго срока ихъ службы и назначаются для недослужившихъ такого срока взысканія денегъ за обученіе въ академіи. Отношенія начальствъ къ подчиненнымъ, въ ро-

(1) Документы этого втораго томскаго дѣла во внѣшн. правл. 1864 г. подъ № 44.

дѣ тѣхъ, какія проявлялъ преосв. Порфирій томскій, дѣлались все болѣе и болѣе неудобными. Рядомъ съ подобными дѣлами идутъ другія дѣла по жалобамъ изъ разныхъ духовно-учебныхъ заведеній на скудость жалованья за службу. Жалобы этого рода начались первоначально еще въ концѣ 50-хъ годовъ въ кавказскомъ краѣ. Учители моздокскаго училища чуть не каждый годъ, когда, по заведенному порядку, имъ нужно было давать заявленія о желаніи продолжать службу на будущій годъ, писали коллективные отзывы, что продолжать своей службы не желаютъ по скудости жалованья. Такія жалобы и заявленія указываютъ на другую важную причину упадка служебной дисциплины по духовно-учебному вѣдомству, кромѣ той, которая коренилась въ свободолюбивомъ и строптивомъ духѣ времени,—духовно-учебной службой перестали дорожить; выходившій изъ нея всегда могъ устроиться гораздо лучше, чѣмъ оставаясь на ней, и годы, проведенные на ней, считалъ послѣ даже потерянными для своей карьеры. Разсчеты этого рода высказывались учителями даже прямо и оффиціальнымъ образомъ. Въ 1861 г. въ саратовской семинаріи былъ такой случай. Преосв. Евѳимій распорядился, чтобы семинарское правленіе сдѣлало выговоръ нѣкоторымъ учителямъ за то, что они поздно ходятъ въ классы; одинъ изъ нихъ, учитель математики Ив. Морошкинъ (изъ воспитанниковъ академіи VIII к.), не снесъ такого выговора, написалъ въ правленіе горячее объясненіе, что онъ во-первыхъ назначенъ на незнакомый ему предметъ, отъ того и не можетъ вести дѣла преподаванія съ нужной легкостью и исправностью, а во-вторыхъ и жалованье, получаемое имъ по службѣ, такъ ничтожно, что онъ не можетъ посвящать за него всего своего времени семинарской службѣ, а долженъ еще искать себѣ заработка на сторонѣ, и просилъ или избавить его напредки отъ всякихъ придирчивыхъ требованій, каково требованіе преосвященнаго, или вовсе уволить отъ службы. Онъ былъ уволенъ и опредѣлился на службу по акцизному вѣдомству (1), которое было тогда самымъ гостепріимнымъ и любимымъ прибѣжищемъ для подобныхъ эмигрантовъ изъ духовно-учебнаго вѣдомства.

Въ тѣхъ же 1860-хъ годахъ по разнымъ учебнымъ заведеніямъ, въ томъ числѣ и по семинаріямъ нѣкоторыхъ епар-

(1) Д. внѣшн. правл. 1861 г. № 9.

хій, возникали особаго рода дѣла, имѣвшія политическій оттѣнокъ; но они производились особымъ порядкомъ и мало касались не только внѣшняго правленія академіи, но даже и мѣстныхъ непосредственныхъ духовныхъ начальствъ; все участіе въ нихъ этихъ начальствъ и академическаго правленія ограничивалось только тѣмъ, что они экстренно доносили о случившемся, что могли видѣть и узнать, своему высшему начальству. Самое крупное изъ дѣлъ этого рода по округу было дѣло, производившееся въ 1861—1862 гг. въ пермской семинаріи о чтеніи учениками и учителями семинаріи запрещенныхъ сочиненій, о собраніяхъ для этого въ одной открытой для публики библіотекѣ, о попыткѣ къ распространенію вредныхъ сочиненій чрезъ заведеніе тайной литографіи и вообще о сильномъ развитіи въ семинаріи либеральнаго направленія и деморализаціи учениковъ. Дѣло это вызвало чрезвычайную ревизію семинаріи чрезъ профессора петербургской академіи Карпова и кончилось исключеніемъ неблагонадежныхъ учениковъ, увольненіемъ отъ должности нѣсколькихъ наставниковъ и удаленіемъ нѣкоторыхъ изъ нихъ на жительство въ сибирскіе города подъ надзоръ полиціи. Нѣкоторыя подробности изъ этого дѣла изложены въ „Мнѣніяхъ и отзывахъ“ м. Филарета, у котораго оно было на предварительномъ разсмотрѣніи. Девять наставническихъ вакансій послѣ ревизіи и окончанія дѣла были предоставлены тоже м. Филарету для замѣщенія ихъ воспитанниками московской академіи. Казанская академія была сама тогда въ опалѣ у высшаго начальства вслѣдствіе только лишь кончившагося въ ней дѣла о панихидѣ по Бездонскихъ крестьянахъ; поэтому она не участвовала въ производствѣ пермскаго дѣла и въ архивѣ ея о послѣднемъ существуютъ только немногія отрывочныя донесенія о пермскихъ безпорядкахъ (1). Точно также она почти ничего не знала о нѣкоторыхъ, впрочемъ мелкихъ случаяхъ подобнаго же рода безпорядковъ въ другихъ городахъ своего учебнаго округа, въ Вяткѣ, Тобольскѣ, Томскѣ и др., въ которыхъ было много политическихъ ссыльныхъ, бывшихъ обыкновенно главными виновниками деморализаціи мѣстной молодежи. Нельзя впрочемъ не замѣтить, что духовные воспитан-

(1) Мнѣнія и Отзыв. Филарета, т. V, ч. I, 90 и 157 Д. внѣшн. правл. 1861 г. №№ 9 и 74; 1862 г. №№ 4, 59.

ники, при всѣхъ соблазнахъ мѣстной, такъ называемой, интеллигенціи, оказывались дисциплинированнѣе всѣхъ другихъ. Вопреки общему почти предубѣжденію, сваливавшему вину современныхъ движеній на семинаристовъ, послѣдніе въ тогдашнихъ политическихъ дѣлахъ попадались очень рѣдко и, судя по документамъ правленія, иногда совершенно даже напрасно, единственно по неумѣлой ревности мѣстныхъ властей, искавшихъ виноватыхъ не тамъ, гдѣ слѣдовало, и главное—по своей полной беззаступности. Въ дѣлахъ правленія находимъ одинъ только случай, когда духовно-училищное начальство вступилось за своихъ питомцевъ. Это было въ 1864 г. въ Тобольскѣ: 26 апрѣля на имянинахъ ученика средняго отдѣленія семинаріи В. Парышева одинъ гимназистъ запѣлъ революціонную пѣсню; какой-то бывшій тутъ же прапорщикъ донесъ объ этомъ, и вся имянинная компанія попала подъ судъ къ генералъ-губернатору; правленіе семинаріи выручило своихъ учениковъ изъ бѣды, представивъ о нихъ самые одобрительные отзывы, и дѣло кончилось только домашнимъ дисциплинарнымъ ихъ наказаніемъ, да еще неодобрительной аттестаціей преосвященнаго на формулярномъ спискѣ инспектора семинаріи за его нерадѣніе о своей должности (1). Большею же частію учениковъ, попадавшихся въ руки полицейскихъ властей, немедленно исключали изъ семинарій, нисколько не дожидаясь дальнѣйшаго хода дѣла, во избѣжаніе непріятностей, какія могли постигнуть за нихъ само семинарское начальство. Въ подобныхъ случаяхъ оно и само было почти такъ же беззаступно, какъ и его питомцы. Въ январѣ 1866 г. въ Томскѣ былъ такой случай. Полицейскія власти неожиданно оцѣпили семинарію и, не сказавшись ни архіерею, ни семинарскому начальству, безъ всякихъ объясненій и безъ депутатовъ, цѣлыхъ два дня производили въ ней обыскъ отъ чердака до подвала. Народъ толпами собирался около семинарскихъ зданій; одни толковали, что поповичи забунтовали, другіе, что въ семинаріи накрыли фабрикацію фальшивой монеты. Семинарское правленіе немедленно донесло о случившемся правленію академіи съ объясненіемъ, что обыскъ, по всей видимости, ни къ какимъ результатамъ не привелъ. Правленіе академіи донесло объ этомъ высшему начальству и распорядилось спросить у томскаго гражданскаго начальства о причинахъ такого необы-

(1) Д. внѣшн. правл. 1864 г. № 40.

чайнаго обыска. Отвѣта конечно не было; послѣдствій обыска, кромѣ скандала, кажется, тоже не было никакихъ (1).

Мы представили образчики разнаго рода дѣлъ, производившихся во внѣшнемъ правленіи; для характеристики его полномочій и самыхъ пріемовъ его дѣятельности этихъ образчиковъ, думается, совершенно достаточно. Дѣлъ было у него очень много, но нельзя сказать, чтобы дѣла эти не могли обойтись и безъ него. Въ 1860-хъ годахъ оно само стало тяготиться своимъ многодѣліемъ, видя, что большинство его работъ ни къ чему не служитъ, кромѣ лишнихъ хлопотъ и лишняго канцелярскаго многописанія, и само начало сокращать свое дѣлопроизводство, отсовывая отъ себя довольно значительный кругъ дѣлъ. Началось съ пересылки свѣдѣній изъ округа о личномъ составѣ духовно-учебныхъ заведеній въ академію наукъ для составленія адресъ-календарей. Съ 1864 г. свѣдѣнія эти, по распоряженію правленія, стали посылаться по принадлежности прямо изъ семинарій помимо окружнаго правленія. Въ 1864 г. пришли въ правленія обычныя донесенія о пожертвованіяхъ на духовно-учебныя заведенія (о пожертвованіи на церковь самарской семинаріи купца Лаптева и объ одномъ пожертвованіи на 300 р. арзамасскому училищу); о такихъ пожертвованіяхъ академическое правленіе доносило прежде Св. Синоду съ ходатайствомъ о выраженіи жертвователямъ разныхъ видовъ признательности начальства, но на этотъ разъ, воспользовавшись тѣмъ, что въ донесеніяхъ было обозначено, что мѣстные преосвященные уже сами донесли объ нихъ Св. Синоду, правленіе отъ 24 іюня рѣшило: „Такъ какъ въ свѣдѣніяхъ о пожертвованіяхъ отъ какихъ бы то ни было лицъ и обществъ академическое правленіе не имѣетъ пока никакой надобности, то по всему округу предписать циркуляромъ, чтобы о пожертвованіяхъ таковыхъ не полагалось, во избѣжаніе излишней переписки, доводить до свѣдѣнія академическаго правленія, а прямо сообщалось духовно-учебному управленію“. Академія, какъ мы уже видѣли, не представляла никакихъ общихъ отчетовъ по своему округу, а потому дѣйствительно не имѣла никакой непосредственной надобности въ свѣдѣніяхъ о подобнаго рода событіяхъ въ округѣ, объ административномъ же значеніи своемъ для округа имѣла теперь уже весьма смутныя понятія, подъ которыя многое, что дѣлалось въ

(1) Д. внѣш. правл. 1866 г. № 33.

округѣ, уже не подходило. Ректоръ Иннокентій, при которомъ сдѣлано послѣднее постановленіе правленія, не имѣлъ никакихъ общихъ взглядовъ на строй учебной администраціи по старымъ духовно-учебнымъ уставамъ и руководствовался только буквой академическаго устава, которую толковалъ на основаніи единственно своихъ узкихъ юридическихъ понятій и своего узкаго практицизма. Отъ 9 дек. 1864 же года онъ провелъ чрезъ правленіе новое распоряженіе, еще болѣе съуживавшее и даже совсѣмъ подрывавшее административное значеніе академіи; по поводу присылки изъ саратовской семинаріи отчетовъ о произведенныхъ ею ревизіяхъ училищъ правленіе постановило: отчеты эти семинаріямъ прямо посылать въ духовно-учебное управленіе, а въ правленіе академіи представлять одни только экстракты для свѣдѣнія, хотя тутъ же, въ противорѣчіе себѣ, сдѣлало отъ себя по этимъ отчетамъ нѣкоторыя довольно важныя распоряженія объ устраненіи разныхъ замѣченныхъ ревизорами неисправностей въ училищахъ. Въ 1865 г. отъ 9 марта послѣдовало новое распоряженіе правленія—не посылать ему изъ семинарій отчетовъ экономическихъ, ибо де они только занимаютъ лишнее мѣсто въ академическомъ архивѣ....

Такъ окружное правленіе само понемногу отказывалось отъ своего административнаго значенія въ округѣ. Значеніе это, слабое и плохо развитое въ самомъ началѣ, еще при самомъ изданіи уставовъ, потомъ подорванное еще больше протасовской реформой и начавшейся послѣ нея быстрой централизаціей всѣхъ дѣлъ по духовно-учебному вѣдомству въ рукахъ чиновниковъ духовно-учебнаго управленія, годъ отъ году замирало все болѣе и болѣе. Упраздненіе окружныхъ правленій въ 1867 г. съ учрежденіемъ духовно-учебнаго комитета было произведено, можно сказать, вполнѣ послѣдовательно и безъ особенно замѣтнаго историческаго прыжка. Полнаго смысла и значенія этихъ правленій уже не понимали тогда даже тѣ, которые объ нихъ по привычкѣ жалѣли.

Заканчивая обозрѣніе административной части въ дореформенной академіи, считаемъ не лишнимъ сказать нѣсколько словъ о низшей братіи, примыкавшей къ академической администраціи своей канцелярской работой. Канцелярія академическихъ правленій и конференціи состояла изъ нѣсколькихъ письмоводителей, опредѣлявшихся на должность и увольнявшихся самими правленіями и состоявшихъ подъ непосред-

ственнымъ вѣдомствомъ секретарей. Старый уставъ академіи давалъ мѣсто широкому развитію канцелярщины и требовалъ много рукъ для письма.

Самое обыкновенное текущее дѣло, для изложенія котораго достаточно полулиста бумаги, проходя чрезъ весь заведенный порядокъ канцелярскихъ столовъ, разросталось въ очень почтенный фоліантъ изъ разныхъ донесеній, докладовъ, справокъ, журналовъ, рѣшеній и увѣдомленій. Положимъ напр., что въ одной изъ семинарій округа наставникъ-магистръ постригся въ монахи или посвятился въ священники и послѣ этого долженъ былъ получить магистерскій крестъ. Изъ этого возникала такая процедура дѣлопроизводства. Семинарское правленіе писало объ исходатайствованіи такому магистру креста академическому правленію внѣшнему, которое завѣдывало дѣлами округа. Это, составивъ по полученному донесенію журналъ, сообщало объ немъ правленію внутреннему, въ которомъ, какъ мы знаемъ, сидѣли тѣ же лица, что и во внѣшнемъ, по крайней мѣрѣ тѣже ректоръ и инспекторъ. Внутреннее правленіе, по докладѣ сообщеннаго ему и по составленіи своего журнала, сообщало о потребности для означеннаго лица магистерскаго креста академической конференціи, такъ какъ удостоеніе степеней производила она, а не правленіе. Конференція наводила у себя по бумагамъ справки объ ищущемъ креста и, удостовѣрившись, что въ свое время онъ дѣйствительно получилъ магистерскую степень, опредѣляла о высылкѣ ему креста ходатайствовать предъ духовно-учебнымъ управленіемъ чрезъ преосвященнаго, послѣ чего канцелярія заготовляла и самый листъ этого ходатайства для подписи преосвященнаго. Въ духовно-учебномъ управленіи шла, разумѣется, своя такая же процедура дѣла и вѣроятно не короткая, потому что чиновниковъ и канцеляристовъ тамъ было еще больше; по крайней мѣрѣ отвѣты на такія и всякія другія ходатайства и бумаги приходили оттуда мѣсяца чрезъ 3 по меньшей мѣрѣ. Отвѣтъ получался на имя преосвященнаго же, который сдавалъ его съ надписью или резолюціей въ правленіе внутреннее. Это читало въ немъ, что крестъ скоро будетъ высланъ, и извѣщало объ этомъ интересномъ обѣщаніи конференцію. Эта по порядку должна была бы извѣстить о томъ же внѣшнее правленіе, а послѣднее — подлежащую семинарію; но тутъ обыкновенно получался въ правленіи самый крестъ и процедура дѣла значительно сокраща-

лась, сводясь дальше къ пересылкѣ креста изъ конференціи во внѣшнее правленіе, а изъ внѣшняго правленія въ семинарію, все-таки послѣ надлежащихъ докладовъ и журналовъ и съ препроводительными бумагами. Семинарское правленіе, получивъ крестъ, передавало его самому магистру и посылало во внѣшнее правленіе увѣдомленіе о полученіи; внѣшнее правленіе сообщало о томъ внутреннему и конференціи; конференція же чрезъ преосвященнаго увѣдомляла о томъ же духовно-учебное управленіе, и все это дѣло опредѣлялось считать поконченнымъ и сдать въ архивъ. Можно было бы подумать, что все это какая-то дѣтская игра или пародія на канцелярскую процедуру, но участники такого дѣлопроизводства относились къ нему чрезвычайно серьезно, какъ слѣдовало по долгу совѣсти и присяги, гордились своею въ немъ опытностью и судили тѣхъ, кто нарушалъ его заведенные порядки.

Вотъ еще примѣръ болѣе важнаго характера, свидѣтельствующій между прочимъ о томъ, какъ иногда само правленіе отступало отъ соблюденія всѣхъ канцелярскихъ формъ вслѣдствіе очевидной ихъ ненадобности, — дѣло о переводѣ перваго инспектора Серафима и назначеніи на его мѣсто іером. Фотія (1). Указъ объ этомъ полученъ былъ во внутреннемъ правленіи 5 сентября 1846 г. и разомъ породилъ 11 бумагъ: опредѣлено дать объ немъ особыя выписки — самому архим. Серафиму, іером. Фотію, затѣмъ эконому, чтобы отобралъ у архим. Серафима казенныя вещи, библіотекарю, чтобы отобралъ казенныя книги, въ консисторію и ключарю собора о посвященіи Фотія въ архимандрита, далѣе въ конференцію и цензурный комитетъ, членомъ которыхъ былъ Серафимъ, губернатору съ требованіемъ для него подорожной, въ духовно-учебное управленіе и оберъ-прокурору объ исполненіи указа, наконецъ въ ставропольскую семинарію, куда Серафимъ поступилъ въ ректоры, съ приложеніемъ его послужнаго списка. Между тѣмъ тотъ же указъ получило и внѣшнее правленіе и 9 сентября опредѣлило извѣстить о полученіи его внутреннее правленіе; но тутъ ректоръ словесно заявилъ, что внутреннее правленіе уже знаетъ объ немъ и сдѣлало съ своей стороны всѣ нужныя по нему распоряженія; этимъ онъ

(1) Д. внутр. правл. 1846 г. № 36.

могъ бы значительно сократить процедуру дѣла, но внѣшнее правленіе все-таки порѣшило сообщить внутреннему, что оно, внѣшнее правленіе, предоставляетъ внутреннему донести высшему начальству о вступленіи въ должность новаго инспектора, и сообщило отъ 16 сентября. Внутреннее правленіе 23 сент. навело справки, и по нимъ оказалось, что и это донесеніе уже сдѣлано 11 сентября, потому и рѣшило сообщеніе внѣшняго правленія принять только къ свѣдѣнію. Кромѣ того, въ томъ же засѣданіи внѣшняго правленія 9 сентября было разсуждаемо о томъ, какъ отправить инсп. Серафима къ мѣсту его назначенія (о разсчетѣ жалованьемъ, о прогонахъ и проч.). Ректоръ опять заявилъ словесно, что внутреннее правленіе все это тоже уже устроило еще 5 сентября. Но внѣшнее правленіе все-таки потребовало себѣ по крайней мѣрѣ свѣдѣній о времени отправленія Серафима; 8 октября внутреннее правленіе удовлетворило этому требованію и кромѣ того послало о томъ же бумагу къ оберъ-прокурору съ испрашиваніемъ возврата выданныхъ архим. Серафиму на прогоны денегъ. Къ этой дѣловой перепискѣ обоихъ правленій, т. е. однихъ и тѣхъ же лицъ самихъ съ собою, нужно присоединить еще рядъ письменныхъ донесеній и извѣщеній по адресу обоихъ правленій изъ тѣхъ мѣстъ, куда они писали, и донесеній о своихъ дѣйствіяхъ по распоряженіямъ внутренняго правленія отъ эконома, библіотекаря и т. д.

Архивъ академіи за первые 28 лѣтъ ея существованія можетъ представить, сколько угодно, даже еще болѣе выразительныхъ образчиковъ подобнаго канцелярскаго пустобумажія; онъ самъ представляетъ изъ себя огромное собраніе толстѣйшихъ фоліантовъ, томовъ по 6 и 7 на каждый годъ однихъ только дѣлъ, не считая реэстровъ входящихъ и исходящихъ бумагъ, журналовъ правленій, приходо-расходныхъ книгъ, описей, каталоговъ, классныхъ журналовъ, разносныхъ книгъ и тому подобной мелочи сравнительно съ дѣлами. Мы уже указывали число входящихъ и исходящихъ №№ бумагъ по внѣшнему правленію и конференціи; по внутреннему правленію ихъ было еще больше,—первыхъ до 1200, вторыхъ до 1000 на каждый годъ; по всѣмъ частямъ управленія общій итогъ первыхъ простирался за 2000, послѣднихъ доходилъ близко къ 2000 №№. Все это нужно было писать, а для этого нужно было держать усиленный составъ канцелярскихъ чернорабочихъ.

Кромѣ двоихъ секретарей, канцелярія академіи всегда держала у себя до 6 письмоводителей, а въ первые годы академіи, когда строились ея зданія и при ней состоялъ особый строительный комитетъ, даже до 8 человѣкъ. Изъ нихъ половина служила по внутреннему, половина по внѣшнему правленіямъ; съ 1855 г. къ нимъ присоединенъ былъ еще письмоводитель по редакціонному комитету академическаго журнала, получавшій часть жалованья отъ канцеляріи и часть изъ суммъ редакціи; въ 1860-хъ годахъ существовалъ еще особый письмоводитель для библіотеки, причислявшійся къ канцеляріи внутренняго правленія (1). Всей штатной суммы на канцелярію отпускалось 460 руб. Поэтому оклады письмоводителей были очень небольшіе, всего рублей по 5 въ мѣсяцъ и даже меньше. Болѣе усердные работники получали иногда по истеченіи года награды рублей по 10, 15 и 20 изъ остаточныхъ канцелярскихъ суммъ. Въ письмоводители нанимались большею частію бѣдные студенты самой академіи изъ желанія заработать въ канцеляріи кое-какія деньги на свои скромные расходы сверхъ казеннаго академическаго содержанія. Такихъ бѣдняковъ было довольно въ каждомъ академическомъ курсѣ, и канцелярія рѣдко нуждалась въ рабочихъ рукахъ. Назначая студентамъ письмоводителямъ небольшую плату, она даже могла въ нѣкоторомъ родѣ роскошествовать, увеличивая у себя число этихъ образованныхъ канцеляристовъ до значительной цифры. Въ 1862 г., когда письмоводителей считалось 8 человѣкъ, преосвященный Аѳанасій поднялъ даже вопросъ, согласно ли такое увеличеніе ихъ съ уставомъ, гдѣ сказано только (§ 22) о двоихъ письмоводителяхъ и о временныхъ переписчикахъ бумагъ, приглашаемыхъ въ правленіе только въ случаѣ особой надобности. Правленіе отвѣчало на этотъ вопросъ, что такое число письмоводителей при канцеляріи состоитъ съ 1861 г. и что расходъ на нихъ штатной суммы на канцелярію не превышаетъ. Послѣ этого преосвященный, по случаю представленія правленія о наградахъ письмоводителямъ къ концу года, поднялъ новый вопросъ объ этихъ наградахъ, такъ какъ къ выдачѣ наградныхъ денегъ правленіе не указало никакихъ другихъ основаній, кромѣ прежнихъ примѣровъ, и распорядился просить на этотъ предметъ особаго разрѣшенія у Св. Синода. Ректоръ Іоаннъ даже разсердился на такую мнительность преосвященнаго и въ

(1) Д. внутр. правл. 1860 г. № 76.

представленіи къ оберъ-прокурору Св. Синода просилъ разрѣшить предложенный вопросъ и на будущее время, чтобы уже не безпокоить больше высшее начальство такими пустяками. Разрѣшеніе пришло отъ 10 апр. 1861 г. съ указаніемъ на общее правило—производить мелочныя выдачи денегъ съ разрѣшенія одного мѣстнаго архіерея, о чемъ и предписано извѣстить преосв. Аѳанасія ([1]). Преосвященный впрочемъ и послѣ этого нѣсколько разъ возвращался къ тѣмъ же недоумѣніямъ, требуя отъ правленія разъясненій касательно употреблявшихся канцеляріей терминовъ: жалованье, вознагражденіе и награда ([2]).

При конкурренціи на письмоводительскія мѣста студентовъ, постороннихъ лицъ при канцеляріи служило мало. Это были разные бѣдняки и неудачники изъ исключенныхъ семинаристовъ, изрѣдка и изъ кончившихъ семинарскій курсъ, но не находившихъ себѣ долго мѣстъ. Въ первые годы академіи ихъ посылали на службу въ академическую канцелярію консисторія и самъ преосвященный Владиміръ ([3]). Они получали жалованья иногда даже меньше студентовъ; но болѣе образованные и опытные изъ нихъ люди, которые могли не только заниматься перепиской готовыхъ бумагъ, но вести и самыя дѣла, помогая секретарямъ въ составленіи бумагъ, удостоивались усиленныхъ окладовъ. Первый изъ такихъ постороннихъ письмоводителей былъ чиновникъ С. М. Солнышкинъ, родной племянникъ ректора Іоанна Оболенскаго, вмѣстѣ съ нимъ и пріѣхавшій въ Казань; ему назначенъ былъ окладъ въ 115 р. въ годъ. Вмѣстѣ съ письмоводствомъ онъ занимался приватно слушаніемъ академическихъ лекцій съ I курсомъ студентовъ, потомъ въ 1844 г. поступилъ въ число штатныхъ студентовъ II курса. Въ сентябрѣ 1847 г. онъ просилъ было высшее начальство, чтобы его служба при канцеляріи правленія за время его студенчества была почислена въ качествѣ дѣйствительной государственной службы, какъ прежняя до поступленія въ студенты, но отъ оберъ-прокурора Св. Синода пришелъ на это отказъ съ разъясненіемъ, что служба въ академической канцеляріи можетъ считаться дѣйствительною только для по-

---

([1]) Д. внутр. правл. 1862 г. №№ 63 и 69.

([2]) Напр. Д. 1865 г. № 84.

([3]) См. напр. Д. 1844 г. № 25, 1845 № 16.

сторонних лицъ, а не студентовъ академіи (1). Вмѣстѣ съ нимъ и послѣ него до половины 1850-хъ годовъ по документамъ правленія видимъ нѣсколько письмоводителей изъ кончившихъ курсъ въ семинаріи, даже перворазрядныхъ, но они служили обыкновенно недолго и уходили на епархіальныя мѣста, за исключеніемъ нѣкоего П. Цвѣткова, прослужившаго около 7 лѣтъ (1850—1857) (2); большинство же письмоводителей постоянно состояло изъ студентовъ академіи. Ректоръ Агаѳангелъ думалъ было всю канцелярію наполнить посторонними людьми, такъ какъ неблагопріятно смотрѣлъ на письмоводительскія занятія студентовъ. Въ іюнѣ 1855 г., по его желанію, академіей сдѣланъ былъ вызовъ желающихъ занять письмоводительскія мѣста изъ разныхъ семинарій, при чемъ объявлялось, что они будутъ получать 60—70 р. годоваго оклада, кромѣ того наградныя деньги 15—25 р. въ годъ, квартиру и столъ при академіи; но вызовъ этотъ имѣлъ мало успѣха. Постороннихъ письмоводителей поступило только двое,—кончившій курсъ костромской семинаріи А. Левашовъ и изъ некончившихъ курсъ казанскихъ семинаристовъ Десницкій, служившій потомъ при академіи довольно долго, но съ перерывами: кромѣ нихъ, въ качествѣ временнаго помощника письмоводителямъ состоялъ при канцеляріи одинъ причетникъ Пятницкой церкви Целерицкій за 5 р. въ мѣсяцъ (3). Ректоръ Агаѳангелъ все-таки неуклонно старался вытѣснять студентовъ изъ канцеляріи и успѣлъ было въ этомъ, но при ректорѣ Іоаннѣ они снова заняли въ ней почти всѣ мѣста. Изъ постороннихъ нѣкоторое время оставался въ ней (1856 – 1857) студентъ казанской семинаріи Рудинскій и вновь приняты были (въ 1859 г.) канцеляристъ А. Шамшуринъ и Прилуцкій (4). Въ 1862 г. всѣ письмоводители были студенты. При ректорѣ Иннокентіи число ихъ снова уменьшается. Ректоръ значительно возвысилъ оклады письмоводителямъ и старался имѣть при канцеляріи особыхъ служащихъ, не занятыхъ еще ничѣмъ, кромѣ своей должности, именно изъ постороннихъ людей. Въ 1864 г. поступилъ на службу въ канцелярію одинъ такой письмоводи-

---

(1) Д. 1842 г. № 9; 1843 г. № 25; 1847 г. № 10.

(2) Д. 1857 г. № 110.

(3) Д. 1855 г. № 88; 1856 г. № 92; 1857 г. № 110.

(4) Д. 1859 г. № 97.

тель, кончившій курсъ казанской семинаріи И. Виноградовъ, съ жалованьемъ въ 12 р. и съ казенною квартирой, но потомъ въ 1865 г. женился и долженъ былъ выйти съ казенной квартиры; въ вознагражденіе за это ему дозволено было работать въ канцеляріи только по вечерамъ, а утромъ заниматься заработками для своего содержанія на сторонѣ. Онъ служилъ до 1868 г. и въ 1867 г. получилъ по своей академической службѣ даже чинъ (коллежскаго регистратора). Въ послѣднее время онъ занимался дѣломъ весьма нерадиво и былъ подвергнутъ за это уменьшенію оклада, послѣ чего вышелъ въ свѣтскую службу (1). На мѣсто его поступилъ дьяконъ Ст. Померанцевъ на окладъ въ 20 р. съ обязательствомъ служить при академической церкви; онъ остался при академіи и послѣ ея преобразованія. При ректорѣ Никанорѣ въ 1869 г. поступилъ въ письмоводители за 15 р. въ мѣсяцъ кончившій курсъ въ полоцкой семинаріи, А. Е. Заблоцкій, вызванный ректоромъ изъ Полоцка, какъ большой дѣлецъ по правленской части; по преобразованіи академіи онъ избранъ былъ на должность помощника секретаря.

Въ заключеніе нашего обозрѣнія административной части академіи можно было бы сказать нѣсколько словъ объ отношеніи къ ней высшей духовно-училищной администраціи; но этотъ предметъ въ болѣе полномъ видѣ относится къ исторіи уже самой этой администраціи, для цѣлей же настоящаго нашего труда достаточно обозначился въ приведенныхъ выше фактахъ самой академической администраціи. Считаемъ нужнымъ сказать здѣсь лишь кое-что доступное для насъ объ академическихъ ревизіяхъ.

Ревизіи эти назначались Св. Синодомъ обыкновенно по окончаніи каждаго двухгодичнаго курса академіи и поручались постоянно, за исключеніемъ только немногихъ случаевъ, мѣстнымъ преосвященнымъ. Такъ, первая ревизія 1844 г. опредѣленіемъ Св. Синода отъ 17 мая была поручена преосвященному Владиміру. Благодушный владыка отнесся къ академіи, какъ своему собственному дѣтищу, и нашелъ ее доброю во всѣхъ отношеніяхъ, сдѣлавъ правленію ея только нѣкоторыя отеческія замѣчанія объ усиленіи письменныхъ ра-

---

(1) Д. 1864 г. № 80; 1867 № 93; 1868 № 43; 1869 № 13.

ботъ для студентовъ (1). Ревизія эта даже и не считалась въ академіи ревизіей. Извѣстная записка И. П. Гвоздева по случаю двадцатипятилѣтняго юбилея академіи считаетъ первою ревизіей вторую въ 1846 г., когда въ академіи оканчивался I курсъ студентовъ. „По особенной важности сего случая, сказано было въ бумагѣ оберъ-прокурора Св. Синода къ преосв. Владиміру, въ отношеніи къ новооткрытой академіи, какъ долженствующей показать первый опытъ главнаго своего предназначенія—быть разсадникомъ наставниковъ для среднихъ духовно-учебныхъ заведеній по цѣлому округу, равно и по вниманію къ тѣмъ неудобствамъ и затрудненіямъ, съ коими сопряжено было какъ самое учрежденіе академіи, такъ и первоначальное ея существованіе,.... представляется Св. Синоду необходимымъ имѣть ближайшее свѣдѣніе о настоящемъ состояніи академіи для заключенія о томъ, соотвѣтствуетъ ли она вполнѣ своему назначенію въ качествѣ высшаго духовно-учебнаго заведенія". Въ этихъ видахъ и по прежнимъ примѣрамъ ревизій другихъ академій при окончаніи первыхъ ихъ курсовъ, Св. Синодъ назначилъ ревизоромъ ея ректора петербургской академіи Аѳанасія епископа винницкаго (2).

Ревизоръ этотъ имѣлъ страшную для академіи репутацію человѣка очень ученаго, но горячаго и гордаго, любившаго порисоваться своею ученостью на счетъ другихъ и невоздержнаго въ порицаніи другихъ. Въ академіи немного даже пріуныли. Узнавъ объ этомъ, преосвященный Владиміръ почелъ нужнымъ утѣшить свою академію и обѣщался самъ бывать на всѣхъ ревизорскихъ экзаменахъ и не выдавать страшному ревизору никого. Ревизія была продолжительная и строгая. Преосвященный Аѳанасій пріѣхалъ въ Казань 9 іюня и на другой же день приступилъ къ осмотру академіи, а кончилъ всѣ свои дѣйствія уже 20 іюля. Экзамены шли каждый день отъ 9 утра до 2 и 3 часовъ пополудни, при чемъ въ день спрашивали всего до 12—15 человѣкъ. Преосвященный Владиміръ исполнилъ свое обѣщаніе, былъ чуть не на всѣхъ этихъ экзаменахъ, являясь на нихъ иногда раньше ревизора и постоянно заступаясь за студентовъ; для этого онъ даже нарочно переѣхалъ изъ своего загороднаго архіерейскаго дома въ городской на все время ревизіи.

---

(1) Д. внутр. правл. 1844 г. № 15.

(2) Д. конфер. 1846 г. № 6.

Его спокойная и мудрая сдержанность рѣзко оттѣняла въ глазахъ студентовъ сильную подвижность, порывистость и взыскательную болтливость молодаго и заносчиваго ревизора и во многомъ сдерживала послѣдняго. Разсказываютъ, что преосв. Аѳанасій самъ иногда попадалъ при этомъ впросакъ. На экзаменѣ по философіи преосвященный Владиміръ добивался у одного студента опредѣленія, что такое время. Нетерпѣливый ревизоръ сейчасъ же вспомнилъ изъ басни: А время вещь такая,... сталъ читать, потомъ вдругъ сконфузился и замолчалъ. Преосвященный Владиміръ, къ которому прямо должно было относиться продолженіе, показалъ видъ, что не замѣтилъ безтактной выходки. Благодаря участію добраго владыки, академія благополучно и даже съ честью вынесла эту серьезную ревизію. О послѣдствіяхъ своихъ наблюденій преосв. Аѳанасій непосредственно доносилъ Св. Синоду; изъ документовъ, находящихся въ академіи, и по отсутствію какихъ либо замѣчаній изъ Св. Синода, можно заключить, что академія найдена была въ удовлетворительномъ состояніи по всѣмъ частямъ (1).

Въ 1848 г., по опредѣленію Св. Синода, академію обозрѣвалъ новый казанскій преосвященный Григорій. Въ своемъ небольшомъ отчетѣ по ревизіи Св. Синоду онъ писалъ, что нашелъ академію благоустроенною по всѣмъ частямъ, указывалъ только на крайнюю скудость ея библіотеки, могущую весьма много вредить успѣхамъ въ наукахъ и студентовъ и наставниковъ, и просилъ у Св. Синода благословенія за усердное прохожденіе своихъ должностей всѣмъ начальникамъ и учащимъ академіи. Благословеніе было дано и у всѣхъ членовъ академической корпораціи порознь было записано въ послужные списки. Одинъ только ревностный строитель академіи, архим. Григорій былъ, какъ мы видѣли, подведенъ преосвященнымъ подъ выговоръ за самовольное ускореніе академическихъ построекъ (2). Послѣ этой ревизіи преосв. Григорій былъ ревизоромъ академіи въ 1850, 1852, 1854 и 1856 годахъ. Въ 1858 г. ревизоромъ былъ новый казанскій прео-

---

(1) Д. конфер. 1846 г. № 8. Внутр. правл. № 51 и 1847 г. № 15. Разсказы современниковъ.

(2) Д. внутр. правл. 1849 г. № 22. Д. духовно-уч. управл. при Св. Синодѣ I отд. I стол. № 125.

священный Аѳанасій. Объ этой ревизіи въ дѣлахъ правленія сохранилось довольно странное извѣстіе: въ январѣ 1866 г. казанская консисторія спрашивала правленіе, по указу Св. Синода отъ 14 окт. 1860 г., о послѣдствіяхъ ревизіи въ академіи, произведенной преосв. Аѳанасіемъ въ 1858 г.. Что это за справка 1866 г. по указу еще отъ 1860 г. и притомъ зачѣмъ-то чрезъ консисторію, въ добавокъ при жизни самого преосвященнаго, который въ томъ же 1866 г. самъ производилъ еще новую ревизію академіи,—ничего не понятно. Правленіе академіи отвѣтило, что о послѣдствіяхъ ревизіи оно ничего не знаетъ, только изъ дѣла объ экзаменахъ 1858 г. видно, что учебною частью преосвященный остался доволенъ (1). Вѣроятно, онъ не представилъ въ свое время отчета о ревизіи. Кромѣ ревизіи 1858 г., онъ производилъ еще ревизіи въ 1864 и 1866 годахъ. Послѣднюю ревизію онъ велъ уже больной; Св. Синодъ, еще при самомъ назначеніи его ревизоромъ, выразилъ сомнѣніе, способенъ ли онъ выполнить возлагаемое на него порученіе, и сдѣлалъ въ опредѣленіи оговорку, что въ случаѣ его болѣзни, вмѣсто него, ревизію произведетъ преосв. Евгеній симбирскій; но онъ бодро выдержалъ ее всю до конца и какъ будто даже долѣе обыкновеннаго сидѣлъ на экзаменахъ, которые и всегда велъ очень продолжительно (2).

Раньше послѣднихъ двухъ ревизій въ 1860 г. академія была обревизована епископомъ Никодимомъ чебоксарскимъ. Это была ревизія нѣсколько особенная, какъ и ревизія Аѳанасія винницкаго. Ректоръ Іоаннъ, не любившій ревизора, обращался съ нимъ довольно небрежно, на экзаменахъ велъ себя высокомѣрно, не далъ ревизору осмотрѣть дѣлъ редакціи, цензурнаго комитета и внѣшняго правленія, говоря, что эти дѣла къ состоянію академіи не относятся, и вызвалъ дурной о себѣ отзывъ, какъ о „человѣкѣ ученомъ и съ счастливыми талантами, но держащемся отдаленно, надменно и повелительно“ (3). Нблагопріятныхъ отзывовъ о членахъ академической корпораціи въ отчетѣ ревизора вѣроятно было довольно; отчета этого при дѣлѣ о ревизіи въ архивѣ дух.-учеб-

(1) Д. внутр. правл. 1866 г. № 4.

(2) Д. конф. 1866 г. № 7.

(3) Собр. мнѣній и отзывовъ м. Филарета. т. V, ч. I, стр. 105.

наго управленія при Св. Синодѣ нѣтъ, но сохранилась на одной бумагѣ дѣла (отд. 1, стол. 1 № 2647) надпись испр. долж. оберъ-прокурора кн. Урусова: „Частное мнѣніе о наставникахъ академіи не слѣдуетъ оглашать, а оставить секретно при дѣлахъ д.-учебнаго управленія и сообщить только ихъ митрополиту". Правленіе академіи имѣло потомъ въ 1862 г. нѣсколько дѣлъ по послѣдствіямъ этой ревизіи. Отъ 15 іюня 1862 г., когда отчетъ по ревизіи, вѣроятно, только лишь былъ разсмотрѣнъ, пришла оберъ-прокурорская бумага съ требованіемъ нужныхъ свѣдѣній по замѣчаніямъ ревизора, будто а) въ академіи вовсе не преподается нравственная философія, б) на миссіонерскіе предметы употребляется слишкомъ много времени, в) слѣдуетъ учредить двѣ новыя каѳедры новой гражданской и новой церковной исторіи, каѳедръ философіи сдѣлать три (вмѣсто двухъ), математику отдѣлить отъ физики для особой каѳедры, каѳедру св. Писанія тоже раздѣлить на двѣ. Ректоръ Іоаннъ въ донесеніи правленія опровергъ всѣ эти замѣчанія, какъ не состоятельныя, объяснивъ по справкамъ, что нравственная философія всегда читалась въ академіи, что на миссіонерскіе предметы употребляется столько же времени, какъ и на другіе, что число каѳедръ опредѣлено высшимъ начальствомъ и вполнѣ достаточно, для расширенія преподаванія новой гражданской и церковной исторіи будетъ довольно, если наставники не будутъ только излагать слишкомъ подробно древней исторіи. Св. Синодъ, черезъ довольно впрочемъ длинный промежутокъ времени, отъ 28 іюля 1865 г. согласился съ этимъ объясненіемъ во всемъ и положилъ новыхъ каѳедръ въ академіи не открывать, а древнюю исторію преподавать „сокращеннѣе, ограничиваясь болѣе общимъ обозрѣніемъ ея главнѣйшихъ событій и періодовъ" и такимъ образомъ сберегать время „для изложенія исторіи новѣйшей" (1). Вслѣдъ за предложеніемъ оберъ-прокурора отъ 15 іюня 1862 г. по тому же дѣлу о ревизіи преосв. Никодима пришла другая бумага оберъ-прокурора отъ 22 іюня, въ которой отъ правленія требовалось: а) прислать на разсмотрѣніе Св. Синода философскія лекціи бакк. М. Митропольскаго, признаннаго отъ ревизора „не вполнѣ благонадежнымъ къ преподаванію философіи"; б) для акаде-

(1) Д. конфер. 1862 г. №№ 6 и 10 и Д. внутр. правл. 1864 г. № 3; Указъ 865 г. п. 5.

мическихъ актовъ избирать какое нибудь другое помѣщеніе, а не церковь; в) на главные предметы академическаго курса опредѣлять преподавателей болѣе опытныхъ и испытанныхъ въ образѣ жизни; г) доставить свѣдѣнія, давно ли баккалавры помѣщены при академической больницѣ и почему это сдѣлано. Второй и третій пункты правленіе приняло къ свѣдѣнію и руководству; по первому послало въ Петербургъ записки бакк. Митропольскаго, настоявъ впрочемъ на томъ, что онъ преподаватель вполнѣ надежный; по четвертому объяснило, что не баккалавры поселены при больницѣ, а больница при баккалаврахъ, отнимая у нихъ двѣ хорошихъ квартиры, что это сдѣлано почему-то въ 1855 г. и оказывается очень неудобнымъ, такъ какъ больныхъ приходится переправлять въ больницу черезъ весь академическій дворъ, въ другомъ мѣстѣ помѣстить больницы впрочемъ негдѣ, потому что и прежнее ея мѣсто въ главномъ корпусѣ, среди главнаго жилья, тоже неудобно. Св. Синодъ позволилъ бакк. Митропольскому продолжать свою службу, оставилъ и больницу на старомъ мѣстѣ ([1]). Такимъ образомъ всѣ замѣчанія преосв. Никодима оказались или не состоятельными, или не приложимыми къ дѣлу.

Въ 1862 г. ревизіи не было, вѣроятно потому, что въ предшествовавшемъ 1861 г. академія была уже подробно осмотрѣна слѣдственной коммиссіей по дѣлу о панихидѣ по Бездонинскихъ крестьянахъ. Послѣдней ревизіей академіи была ревизія 1868 г., произведенная преосвященнымъ Антоніемъ ([2]). О важномъ значеніи этой ревизіи для репутаціи казанской академіи мы уже имѣли случай говорить выше. Преосвященный добрымъ окомъ посмотрѣлъ на академію, ободрилъ ее своимъ отеческимъ участіемъ и далъ объ ней прекрасный отзывъ высшему начальству. По учебной части онъ сдѣлалъ замѣчанія правленію касательно того, что въ поданныхъ ему программахъ не нашелъ общаго введенія въ богословскія науки съ ихъ энциклопедіей и методологіей и общимъ ученіемъ о религіи и откровеніи и общаго введенія въ науки философскія, по классу же св. Писанія—обстоятельнаго изложенія герменевтическихъ правилъ.

([1]) Д. внутр. правл. 1862 г. № 27.

([2]) Д. Учебнаго Комит. 1868 г. № $^{161}/_{871}$ и Д. конфер. казанск. акад. 1868 г. № 7.

Замѣчанія эти положено было принять къ руководству при распредѣленіи академическихъ курсовъ на будущее время; относительно введенія въ богословіе конференція академіи донесла преосвященному, что оно было читано студентамъ бывшимъ баккалавромъ Н. Рождественскимъ, въ послѣднее же время преподаваніе его взялъ на себя о. ректоръ архим. Никаноръ. Самыя важныя замѣчанія въ отчетѣ ревизора касались недостатковъ академическаго помѣщенія, тѣсноты библіотеки и профессорскихъ квартиръ, неудобствъ аммосовскаго отопленія зданій и проч. Въ виду новаго устава академія предпринимала тогда разныя перестройки въ зданіяхъ, о которыхъ рѣчь впереди. Преосвященный вошелъ въ это дѣло, самъ созналъ необходимость многихъ строительныхъ работъ и не замедлилъ выразить это въ своемъ отчетѣ.

ВАЖНѢЙШІЯ ОПЕЧАТКИ.

Стр.	Строк.	Напечатано:	Слѣдуетъ читать:
112	18	недовольствуясь	не довольствуясь
124	въ примѣч.	некрологи	некрологъ
126	13	Васнецова:	Кошелева:
151	2 съ конца	остановились.	остановилась.
161	14	VIII курса,	VII курса,
177	4 съ конца	и любимаго	снисходительнаго и любимаго
205	15	какъ нибудь	какія нибудь
215	25	мигистра	магистра
223	28	(1)	1)
229	17	по справкамъ, съ документами	по справкамъ съ документами,
246	20	а что поэтому	и что поэтому
266	26	съ 1881 г.	съ 1877 г.
321	18	явилось	явившись
323	5	пензенскія и нижегородскія,	пензенскія и нижнеломовскія,
329	16	ихъ распоряженій	изъ распоряженій
361	6	изъ нихъ	отъ нихъ
366	18	въ правленія	въ правленіе

Цѣна 2 руб. съ пересылкою.

Исторія Казанской духовной академіи за первый (дореформенный) періодъ ея существованія (1842 — 1870 гг.). П. Знаменскаго. Вып. I. 1891. Цѣна 2 руб. съ пересылкою.

Исторія Казанской духовной академіи за первый (дореформенный) періодъ ея существованія (1842 — 1870 гг.). П. Знаменскаго. Вып. II. 1892. Цѣна 2 руб. 50 коп. съ пересылкою.

Съ требованіями обращаться въ редакцію „Православнаго Собесѣдника“ при Казанской духовной академіи.